

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ответственный редактор
академик А. О. ЧУБАРЬЯН

А К В И Л О Н

2014

УДК 30
ББК 63. 3 (0)
Т 33

*Словарь подготовлен при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
Проект № 10-06-00264а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
Проект № 13-06-07009д*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. О. ЧУБАРЬЯН, академик РАН
(ответственный редактор),
Л. П. РЕПИНА, член-корреспондент РАН
(заместитель ответственного редактора),
О. В. ВОРОБЬЕВА, кандидат исторических наук,
А. В. ЛУБСКИЙ, доктор философских наук,
Л. Н. МАЗУР, доктор исторических наук,
Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ, доктор исторических наук,
И. Ю. НИКОЛАЕВА, доктор исторических наук,
М. Ф. РУМЯНЦЕВА, кандидат исторических наук

Т 33 ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.
Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. ЧУБАРЬЯН —
М.: Аквилон, 2014. — 576 с. — (Образы истории: изд. с 2004 г. /
Отв. ред. серии Л. П. РЕПИНА).

Научное издание

© А. О. Чубарьян, общая редакция, составление,
2014
© Коллектив авторов, 2014
© Аквилон, 2014

ISBN 978–5–906578–03–7

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издательством запрещается.*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

На рубеже XX и XXI столетий, в условиях набирающих силу процессов глобализации, связанных с модернизацией всех сфер общественной жизни, научно-образовательный комплекс сталкивается с вызовом динамично изменяющейся действительности, остро и совершенно по-новому ставящей вопросы выбора путей развития гуманитарного знания, способного давать адекватные ответы на эти вызовы. Действительность современного мира предъявляет новые требования к интеллектуальному сообществу, его ресурсам и возможностям познания сути происходящих социально-исторических процессов.

В профессиональном сообществе сложилось устойчивое представление о парадигмальном характере происходящих изменений в современной исторической науке, нередко описываемых как «революция в историографии». Особенно рельефно это отражает текущий процесс теоретико-методологического переоснащения научного знания, наиболее приметной чертой которого является выраженное стремление к преодолению дисциплинарных границ и барьеров, иными словами – к полидисциплинарному синтезу. Вместе с тем механистичность заимствования из других дисциплин и даже использование порой взаимоисключающих подходов оборачивается нередко теоретическим хаосом и методологической беспринципностью.

Неудивительно, что большая часть теоретических журналов и работ в этой области исполнена рефлексии и по поводу языка науки, являющегося отражением состояния исторического сознания профессионального сообщества. Трудно не встретить в работах, включающих теоретико-методологическую компоненту, тех или иных оценок трансформации категориального аппарата и связанных с этим проблем. Однако чаще всего эта рефлексия носит

постмодернистский характер, приводящий к тому, что, обозначая многообразие наличествующих базовых понятий и терминов, авторы оказываются не в состоянии занять сколько-нибудь определенную в методологическом смысле позицию.

Означенные процессы снижения статуса исторической науки, девальвации ремесла и соответственно профессионального языка историка, общие для мирового научного сообщества, для отечественной историографии оказались отягощены самими условиями ее бытования в последние три десятилетия. Как отмечается рядом исследователей, на характер протекания кризиса идентичности профессии в российском научном пространстве повлиял процесс утраты теоретико-эпистемологических ориентиров в виде марксистской методологии. При всех оговорках, которые делаются авторитетными экспертами в отношении квалификации кризиса российской исторической науки, признается, что в перестроечные годы значительная часть историков оказалась в состоянии философской и методологической растерянности. Резкая теоретическая ломка устоявшихся представлений в постперестроечный период наложила существенный отпечаток на характер заимствования российской историографией как концепций и методов, родившихся в лоне западной исторической науки, так и инодисциплинарного знания. Неудивительно, что в постсоветской познавательной ситуации «оказались сложены в общую “корзинку” как привычные, традиционные, так и наскоро освоенные, рефлексивно “непереваренные” элементы многолетнего интеллектуального социально-гуманитарного опыта, который формировался в других контекстах»¹. Все это не могло не сказаться на качестве научно-исследовательской работы, на развитии учебно-образовательных технологий и опосредующих все эти практики профессиональном языке и категориально-терминологическом аппарате. Вышеизложенное определило особую актуальность работы в направлении комплексной научной инвентаризации этого аппарата, важность и необходимость анализа теоретико-методологического арсенала исторической науки нового тысячелетия и упорядочения ее терминологии.

¹ См.: *Зверева Г. И.* Европейские параллели. Дискуссия // *Россия XXI века*. 2003. № 4. С. 89.

Изменение терминологии исторической науки – это следствие, прежде всего, ее развития, поскольку каждая новая точка зрения на тот или иной предмет научно-исторического исследования влечет за собой ввод новых исторических терминов или семантическую трансформацию старых. В условиях методологического плюрализма исторические термины носят полисемантический характер, поскольку те или иные значения, которыми наделяются эти термины, зависят от выбора методологической позиции. Поэтому полисеманτικότητα исторических терминов – это характерная черта современного исторического дискурса, с одной стороны, свидетельствующая о нормальном развитии исторической науки, с другой содержащая терминологические риски при составлении подобного рода словарей.

В сложившейся ситуации мультипарадигмальности исторического познания и релятивизации исторического знания представители разных течений и школ, отдающие предпочтение разным методологическим подходам, используют специфические научные тезаурусы и создают конкурирующие между собой исторические теории предметного содержания. Таким образом, историческая наука превращается в «ярмарку идей», когнитивное поле многообразных исторических дискурсов, теоретических конструктов и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений. При этом новые понятия вводятся без особой на то надобности, в силу захлестнувших историческую науку когнитивных мод, и без всякой предварительной культурной и эпистемологической экспертизы возможности использования понятий иноязычного происхождения в качестве объяснительных конструктов российской истории.

В современной научной литературе многие исторические термины соответствуют не одному, а многим, в том числе и семантически неправильно введенным, понятиям; иногда за одним и тем же понятием закрепляются разные термины, что ведет к неувязке терминов между собой; часто используются понятия, которые вообще не имеют определений или заменяются приблизительными разъяснениями; многие имеющиеся определения понятия уже явно устарели; некоторые определения понятий логически составлены неверно, большое число их не содержит достаточных и необходи-

мых признаков, подчеркивающих специфику определяемого понятия. Все это порождает негативное явление, которое в специальной литературе получило название «терминологического хаоса», затрудняющего профессиональную коммуникацию в исторической науке.

Создание предлагаемого читателю словаря «Теория и методология исторической науки» является первой попыткой провести теоретико-методологическую инвентаризацию профессионального языка и не имеет аналогов в современном научном пространстве исторического знания, как в России, так и за рубежом. Вместе с тем авторами настоящего словаря за два последние десятилетия был накоплен богатый и ценный опыт методолого-историографической рефлексии по поводу динамики современной науки и в вопросе конструирования принципиально новых исследовательских полидисциплинарных технологий, позволяющих анализировать и интерпретировать явления в режиме верификации. Это нашло отражение, в частности, в опубликованных материалах всероссийских и международных конференций по методологическому синтезу, проведенных под руководством профессора Б. Г. Могильницкого на базе Томского государственного университета, в целом комплексе научных конференций и семинаров Института всеобщей истории РАН по проблемам теории, методологии истории, в ряде коллективных и индивидуальных монографий, в периодических изданиях и многочисленных проблемно-тематических сборниках, а также в лекционных курсах и учебно-методических пособиях (в том числе – подготовленных авторами и редакторами настоящего словаря)².

² См., например: К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994; *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998 (2 изд., испр. и доп. – М.: УРСС, 2010); Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: Изд-во РГГУ, 1998; Историческая наука и историческое сознание / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000; *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. I. Кризис историзма. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001; Вып. II. Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003;

Основой словаря является система терминов и понятий, логически взаимосвязанных и непротиворечивых, хотя упорядоченная терминологическая система не исключает возможности различных определений исторических понятий, отражающих конкурирующие между собой методологические подходы к разрешению познавательных задач исторической науки. Авторами и составителями словаря были изучены и проработаны ключевые категории и концепты современной исторической науки, выявлены важные изменения в их номенклатуре и содержании отдельных понятий и терминов. Было учтено появление в научно-периодической и монографической литературе (как в историографии, так и в междисциплинарном пространстве смежных общественных и гуманитарных наук) новых понятий и терминов.

Таким образом, содержание словаря включает как классический субстрат исторического знания, так и признанные ведущими специалистами-историками концепты и широко применяемый инструментарий современного социально-гуманитарного знания. В этом плане словарь как бы подводит промежуточный итог развития исторической науки на рубеже XX–XXI вв., ее теоретическим достижениям, как предметного, так и методологического характера. Целевое же назначение словаря – способствовать раз-

Вып. III. Историографическая революция. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008; Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002; *Румянцева М. Ф.* Теория истории: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002; Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: Теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004; *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005; *Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005; *Николаева И. Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010; *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 2010; Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011.

витию профессионального мышления и профессиональных компетенций тех, кто изучает историю и профессионально ею занимается. Издание также в значительной степени рассчитано на студенческую аудиторию.

Содержание словаря составляют статьи четырех разделов: 1) базовые понятия и категории, 2) теории и концепции исторической науки; 3) подходы и методы исторического исследования; 4) структура исторического знания. В качестве вспомогательных включены некоторые термины, обозначающие кросс-культурные институты и явления всемирной истории (в тех случаях, когда на них есть отсылки в основных словарных статьях). Во всех случаях курсивом выделены понятия, раскрытию содержания которых посвящены специальные статьи.

Обновление понятийного аппарата исторической науки идет непрерывно и со значительным ускорением. Представляя настоящее издание, редколлегия и коллектив авторов осознают его несовершенство и надеются, что работа в этом направлении будет продолжена.

А

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ – *научное направление*, сформировавшееся в конце XIX в., в период кризиса классической и становления неклассической модели европейской исторической науки. Предмет **А. и.** – аграрные отношения в прошлом. Характерная черта **А. и.** – междисциплинарный характер исследований, ярко проявившийся в работах М. Вебера «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891), И. М. Гревса «Очерки из истории римского землевладения» (1899), М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (1931) и др. Во второй половине XX в. наиболее авторитетной научной организационной структурой по изучению вопросов аграрной истории становится «лестерская школа» аграрных историков. В Великобритании с 1953 г. издается журнал «Agricultural History Review». В 1967–2000 гг. был реализован крупный проект британских историков «Аграрная история Англии и Уэльса» (в 8 т., 12 ч.). В структуре отечественной исторической науки XX в. **А. и.** заняла одно из ведущих мест. По вопросам аграрной истории проводились широкие дискуссии. В 1920-х гг. проходил спор между приверженцами неонароднической концепции «некапиталистической эволюции» сельского хозяйства России и историками-«марксистами», которые придерживались концепции «капиталистической аграрной эволюции». Дискуссия об особенностях и формах буржуазной аграрной эволюции России, специфике «прусского» и «американского» путей развития российской деревни прошла в 1960-х гг. В 1986–1990 гг. издан подготовленный Институтом истории СССР труд «История крестьянства в СССР» (в 5 т.). Большое значение в изучении аграрной истории имеют работы В. П. Данилова, И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова; Н. Б. Селунской, Е. Н. Швейковской и др. Ковальченко разработал методологию системного подхода и структурно-количественного анализа аграрного строя России в целом и его отдельных компонентов. По его инициативе проводились советско-американские коллоквиумы и издавались научные сборники, в частности «Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX в.»

(1991), «Quantitative Studies in Agrarian History» (1993). По инициативе Х. Х. Крууса, С. Д. Сказкина, В. К. Яцунского с 1958 г. сначала в Таллине, а затем в разных городах СССР, позже РФ, проводятся сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–1972 – ежегодно, 1974–2012 – раз в два года, в 1992 и 1993 гг. не проводился). Среди рассматриваемых на сессиях Симпозиума вопросов не только темы аграрной истории с древнейших времен до настоящего времени, но и проблемы историографии и источниковедения аграрной истории (Вологда, 2008; Рязань, 2010).

Лит.: Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX в.: материалы советско-американских симпозиумов. М., 1991; Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: в 2 кн. Вологда, 2009; Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. XXXII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докладов и сообщ. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010; История крестьянства СССР: в 5 т. М., 1986–1990; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всесоюзный аграрный рынок: XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974; Селунская Н. Б. Концепция аграрного строя пореформенной России в трудах И. Д. Ковальченко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 3. С. 20–45; [Finberg H. P. R.] Editorial // Agricultural History Review. 1953. Vol. 1. P. 1–3; The Agrarian History of England and Wales: 8 vols, 12 parts. Cambridge Univ. Press, 1967–2000.

С. И. МАЛОВИЧКО

АКСИОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – ориентация такого познания на выбор существенных *фактов* прошлого с точки зрения их значимости для современных эстетических, этических, правовых, идеологических, политических ценностей, а также – на ценностную оценку этих *фактов* (см.: *ценностный подход в историческом исследовании*). Как особая отрасль философского знания аксиология (учение о ценностях) возникает в начале XX века. Авторами самого термина «аксиология» считаются французский философ П. Лапи и немецкий философ Э. Гартман.

Лит.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967; Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006.

С. П. РАМАЗАНОВ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – значимость, потребность, полезность изучения некоей научной исторической *проблемы* в интересах науки, устойчивый интерес к ней как в научном сообществе, так и в обществе в целом. В советской *историографии* и *теории* исторической науки **А.и.** трактовалась как связь прошлого с настоящим, способность удовлетворительно отвечать на поставленные современностью вопросы, откликаться на запросы самых разных её сфер. Отвечая на эти вопросы, история работает на современность. В настоящее время **А.и.** понимается как то, что выделяется самым исследователем, её необходимо обосновать, аргументировать. Именно доказательство актуальности темы исторического исследования имеет определяющее значение согласно требованиям научного сообщества и официальным документам. В процессе исторического познания изменяется и актуальность проблематики *научного исследования*, одна и та же тема освещается и трактуется по-разному в разные *исторические эпохи*. Это относится как к историческим явлениям и процессам (Французская революция, НЭП), так и к историческим деятелям (Наполеон, Бисмарк и т. п.). Актуальность определяется также и появлением новых *исторических источников*. Нередко общественный интерес совпадает или вызывается появлением этих новых источников. Так, в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. открылись многие закрытые фонды советских архивов. Это вызвало поток исследований, посвященных раскулачиванию, сталинским репрессиям, отдельным государственным и политическим деятелям СССР. Актуальность историческую не следует путать со злободневностью или конъюнктурой. Необходимо помнить, что наука не приемлет конъюнктурных подходов. *Исторические исследования*, вызванные к жизни политическими причинами или очередным юбилеем, разделяют судьбу события, их вызвавшего – быстро теряют всякую актуальность и забываются.

И. С. МЕНЩИКОВ

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ В ИСТОРИИ – существование различных, в том числе исключających друг друга возможностей развития общества, каждая из которых может превратиться в действительность, быть реализованной в исторической практике. Они обозначаются как *тенденции*. *Исторический процесс* является одновременно инвариантным и альтернативным. Инвариантность выражается в неотвратимо-

сти экономического и социального процесса развития человечества, оставляющего, однако, широкие рамки для существования различных альтернатив исторического развития, в противоборстве которых происходит реальное движение истории. А. является объективной категорией: история не конструирует произвольное число альтернатив, а обнаруживает их в реальной действительности с целью ее более глубокого познания. Ибо в ней существуют лишь такие альтернативы, какие вытекают из объективных условий жизни общества. Так альтернативой феодализму в раннее Средневековье не мог быть капиталистический строй, потому что отсутствовали такие социально-экономические структуры, которые могли породить буржуазные отношения. Зато существовали первобытнообщинный и рабовладельческий уклады, а также зарождавшиеся феодальные отношения. В их противоборстве формировался облик средневековой Европы. В разных ее регионах феодальные отношения характеризовались заметным своеобразием в соответствии с конкретно-историческими условиями их бытования. Еще более своеобразный характер они носили за пределами Европы. Не всегда побеждает оптимальная для данного места и времени альтернатива. С другой стороны, побежденная альтернатива нередко накладывает более-менее существенную печать на победившую *тенденцию* общественного развития.

А. обращена не только к изучению прошлого. В особенности она значима для понимания переломных *эпох*, когда общественные отношения еще не устоялись и существуют различные возможности тех или иных их поворотов. В такой *эпохе* живет постперестроечная Россия. В современной российской *действительности* присутствуют, по крайней мере, четыре возможности ее трансформации: 1) утверждение рыночной экономики в ее чистом варианте, без всякого вмешательства государства; 2) реставрация плановой экономики и присущих ей социально-политических ценностей; 3) т. н. консервативный путь, акцентирующий необходимость модернизации страны; 4) смешанная экономика, основывающаяся на социал-демократических ценностях. Каждая из этих альтернатив коренится в объективных и субъективных условиях жизни российского общества. Каждая имеет своих идеологов, организаторов, сторонников, партийно-политические объединения, и свои шансы на победу. В их противостоянии вершится новейшая история, чей переломный этап может продлиться несколько десятилетий. Так определяется научно-познавательное и практически-политическое значение категории «альтернативность».

Лит.: Бородкин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении? М., 2000; Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 21, особ. С. 91; Там же. Т. 25. Ч. II, особ. С. 354; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

АНАЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТОД (от др.-греч. ἀναλογία – соответствие) – 1) метод прогнозирования, основанный на сравнении известных *исторических событий* с аналогичными событиями и явлениями, которые могут произойти в будущем. Используется чаще всего в общественных и экономических науках для определения путей развития новых отраслей, экономических районов; воздействия новых товаров на рынок и пр.; 2) разновидность *историко-сравнительного метода*, применяемого для обоснования *теоретических концепций* и *исторических закономерностей* на основе несистемного сравнения теоретических построений с разновременными локальными историческими фактами и событиями всемирной истории; 3) разновидность *историко-типологического метода*, способ изучения исторических процессов и явлений путем перенесения представлений об известных событиях и явлениях на менее изученные с целью их типологизации.

Познавательная ценность аналогии заключается в том, что на основе установления сходства объектов и процессов по некоторым признакам появляется возможность сделать вывод о сходстве в других признаках, т. е. делать умозаклучения по аналогии. Умозаклучение по аналогии является одним из основных способов формирования *научных гипотез* и играет важную эвристическую роль в познании. На начальных этапах исследования новых, незнакомых явлений ученый ищет какие-то их аналоги и, таким образом, использует уже имеющиеся знания. В этом случае реализуется следующая логическая схема: если объект А имеет признаки а, b, с, d; объект В имеет признаки а, b, d, то, следовательно, объект В будет иметь признак с.

Аналогия может быть строгой и нестрогой. При строгой аналогии общие признаки должны быть полностью одинаковыми и связь их с экстраполируемыми признаками не должна зависеть от специфики сравниваемых объектов. Нестрогая аналогия допускает неполное сов-

падение признаков, в этом случае основной упор делается на существенные характеристики сравниваемых объектов, которые обеспечивают их сопоставимость. Строгая аналогия практически неприменима при изучении исторических явлений в силу их вариативности.

Основной проблемой использования метода **И. а.** является обоснование сопоставимости объектов сравнения. Особое внимание в этом случае уделяется изучению внутренних и внешних условий их функционирования, а также закономерностей развития. Они принципиально важны для оценки возможности перенесения «истории» одного, ранее случившегося события на другое, будущее которого еще неопределенно (в случае прогнозирования), либо менее известного события.

Метод **И. а.** нашел широкое применение при разработке *цивилизационных концепций*, так или иначе связанных с решением проблемы типологии цивилизаций / культур [концепция «конца истории» О. Шпенглера, «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, теории цивилизаций («вызов-ответ») А. Тойнби и др.]. Так, например, опираясь на примеры всемирной истории, О. Шпенглер аргументирует свой основной тезис о том, что европейская цивилизация вступает в заключительную стадию своего развития. Использование исторической аналогии для построения теоретических концептов ограничено ее индуктивной природой. Метод **И. а.** работает лишь будучи включенным в более широкую систему дедуктивных выводов. Аналогия, не подтвержденная дедуктивными выводами, остается на уровне вероятностного, гипотетического знания [Ю. В. Василенко].

Лит.: Бартон В. И. Сравнение как средство познания. Минск, 1978; Василенко Ю. В. Эвристический потенциал исторической аналогии. [Электронный ресурс]. URL: www.psu.ru/psu/files/1634/27_Vasilenko.doc [февраль, 2014]; Спенсер Г. Социальный организм // Сочинения Герберта Спенсера. Опыты научные, политические и философские. СПб., 1899. Т. 1.; Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1998; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

Л. Н. МАЗУР

АНТИКОВЕДЕНИЕ — комплексная научная дисциплина, предметом которой является изучение греко-римской культуры во всех ее проявлениях: языка и письменности, социальной и политической ис-

тории, экономики и права, религии и мифологии, литературы и искусства, философии и науки, техники и быта. Кроме собственно истории греко-римского мира (А. в узком смысле) А. включает в себя и другие дисциплины: классическую филологию, античную философию, *археологию, эпиграфику*, папирологию, *нумизматику, сфрагистику*, историю литературы и искусства, историю права, историографию античной истории. Хронологически А. охватывает период с конца III тыс. до н. э. (Минойская и Микенская цивилизации) до 476 г. н. э. (падение Западной Римской империи), т. е. около 3,5 тыс. лет. Начало антиковедения было заложено средневековыми хронистами: в сочинении Ксифилина (XI в.) «О генеалогиях божественных родов» дан пересказ античной истории. Наиболее крупным представителем хроникальной историографии был афонский монах Иоанн Зонара (XII в.). Эпоха Возрождения – время первоначального накопления сведений об античном мире. Пионерами гуманистической историографии античности в XIV–XV вв. были Фр. Петрарка, Дж. Боккаччо, Ф. Бьондо, Л. Валла, Н. Макиавелли. В изучении взглядов античных историков много сделал французский гуманист Ж. Боден. В распространении классического образования в странах Центральной и Северной Европы особенно велики заслуги Эразма Роттердамского. В эпоху Просвещения появляются специальные исследования по проблемам античной истории: Ш. Монтескье, Г.-Б. де Мабли, Ш. Роллен во Франции; Э. Гиббон, А. Диксон в Англии; И. Винкельман в Германии; Г. Байер в России. В первой половине XIX в. заложены основы А. как научной дисциплины, прежде всего в Германии, чему способствовала разработка историко-критического метода немецкими учеными Ф. Вольфом, Б.-Г. Нибуром и А. Шwegлером. Выдающимися антиковедами были А. Бек, К. Мюллер, И. Дройзен. В Англии развитие А. связано с именами У. Митфорда и Дж. Грота. Во Франции основы научного А. были заложены Ж. Мишле, Ж.-Б. Дюро де ла Маллем, Ф. Леба. Основоположником российского А. стал М. С. Куторга. Свой вклад в изучение римской истории внесли Д. Л. Крюков, Т. Н. Грановский, С. В. Ешевский, П. М. Леонтьев. Во второй половине XIX в. лидерами немецкого А. были Э. Курциус, М. Дункер, Т. Моммзен и К.-В. Нич. Господством позитивистской методологии отличалось французское А., наиболее яркими представителями которого были Н. Д. Фюстель де Куланж, А. Валлон и В. Дюрюи. В английском антиковедении наибольшую известность приобрели Ч. Мериваль, Э. Фриман и Дж. Магаффи. В России складываются следующие на-

правления антиковедения: 1) историко-филологическое – Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский, П. В. Никитин, И. В. Цветаев, В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, С. А. Жебелев; 2) культурно-историческое – В. Г. Васильевский, П. И. Аландский, Ф. Г. Мищенко, Н. М. Благовещенский, В. И. Модестов, Ф. Ф. Зелинский, Б. В. Варнеке, Ю. А. Кулаковский, И. В. Нетушил; 3) социально-политическое – В. П. Бузескул, В. А. Шеффер, Э. Д. Гримм; 4) социально-экономическое – И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, М. М. Хвостов, Р. Ю. Виппер. В XX в. успехи немецкой школы А. связаны с именами Э. Мейера, К. Белоха, Р. Пельмана, У. фон Виламовиц-Мёллендорфа, Г. Бузольта, Г. Дельбрюка, Г. Берве, Й. Фогта. Французское антиковедение представлено целым созвездием исследователей мирового уровня – П. Гиро, Г. Буассье, Ж. Тутен, Г. Глотц, П. Клоше, А. Пиганьоль, Л. Омо, Ж. Каркопино. В развитие итальянского антиковедения значительный вклад внесли Э. Пайс, Г. де Санктис, Г. Ферреро, А. Момильяно. Англо-американское антиковедение своими достижениями обязано Дж. Бьюри, С. Джонсу, Р. Холмсу, У. Тарну, Р. Сайму, М. Финли. В советском антиковедении получили признание труды В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, Н. А. Машкина, А. В. Мишулина, К. М. Колобовой, С. Я. Лурье, А. Г. Бокщанина, В. Н. Дьякова, А. И. Доватура, Е. М. Штаерман, М. Е. Сергеевко, В. И. Кузищина, Л. М. Глускиной, Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко, С. Л. Утченко, Ю. В. Андреева, А. С. Шофмана, А. И. Немировского, И. Л. Маяк, В. Д. Жигунина и др. В XXI в. ведущими центрами антиковедения являются: Международная федерация классических исследований (International Federation of the Societies of Classical Studies, FIEC), Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, Центр антиковедения ИВКА РГГУ, Кафедра истории древнего мира МГУ, Центр антиковедения СПбГУ, Санкт-Петербургский Античный кабинет, Кафедра истории древнего мира и средних веков ННГУ, НОЦ антиковедения ЯрГУ и др. Ведущими отечественными специалистами в области антиковедения являются С. Г. Карпюк, И. Е. Суриков, С. Ю. Сапрыкин, П. П. Шкаренков, Н. Н. Трухина, А. В. Короленков (Москва), Э. Д. Фролов, Н. С. Широкова, А. Б. Егоров, О. Ю. Климов, О. В. Кулишова, Л. А. Пальцева, Л. Г. Печатнова (Санкт-Петербург), Е. А. Чиглинцев, О. Л. Габелко, Э. В. Рунг (Казань), В. М. Строгнецкий, Е. А. Молев, А. В. Махлаюк (Нижний Новгород), В. И. Кашеев, В. Н. Парфенов (Саратов), Г. С. Самохина (Петрозаводск), А. В. Зайков (Екатеринбург), В. В. Дементьева (Ярославль), А. П. Беликов (Став-

рополь), С. С. Казаров (Ростов-на-Дону), Я. Ю. Межерицкий (Калуга), Ю. Г. Чернышов (Барнаул), Л. П. Кучеренко (Сыктывкар) и др. Объединены в Российскую ассоциацию антиковедов. Ведущим изданием российского антиковедения является журнал «Вестник древней истории» (основан в 1937 г.).

Лит.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915; Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980; Фролов Э. Д. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999; Древняя Греция и Древний Рим: библиограф. указатель / Сост. А. И. Воронков. М., 1961; Малеев А. И. Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. Изд. 3-е. СПб., 1910; Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России / Сост. П. Прозоров. СПб., 1898.

В. А. ФИЛИМОНОВ

АНТИСЦИЕНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – система представлений о специфике *исторического познания*. **А. в. и. п.** как система представлений, сложившаяся на волне критики позитивистской *историографии*, была направлена не против исторической науки как таковой, а против сциентистского варианта *исторического познания*, элиминирующего специфику исторической науки. **А. в. и. п.**, основываясь на принципах антисистематической *эпистемологии* и неклассической рациональности, в качестве идеала научности берет модели мышления гуманитарных наук, реализуя варианты экзистенциально-антропологических научно-исследовательских практик, ориентированных на реконструкцию *исторической действительности* в системе научного знания, в которой презентуется не только историческое прошлое, но и субъект *исторического познания*. **А. в. и. п.** стал основой неклассической исторической науки сформировавшейся в первой половине XX в., в рамках которой сложилось представление о том, что сциентистская рациональность разрушает живую *историческую реальность*, превращая ее в «объект» научного исследования. В связи с этим позитивистская историография была подвергнута критике как репрессивная инстанция, которая с помощью различных априорных теорий, «собирая» историю в единое целое и превращая исторические факты в «вещи», «умерщвляет» реальную жизнь людей прошлого. В рамках антисциентизма в историческом

познании были переосмыслены *предмет исторического исследования* и его когнитивная стратегия: строго детерминированная, структурированная надындивидуальная историческая реальность уступила место индивидуальной реальности, миру повседневной жизни и дорефлексивных форм обыденного сознания; *номотетическая* когнитивная стратегия была заменена *идиографической*, направленной на *понимание* и *описание* уникальных структур субъективной ориентации в мире *повседневности*, конституированных сознанием. **А. в. и. п.**, обретая человека в истории, превращал *историческое исследование* в «субъект-субъектное» отношение, в «диалог культур», а историческое знание в нарратив. В 50-х – начале 70-х гг. XX в., **а. в. и. п.** был подвергнут критике со стороны «*новой исторической науки*», представители которой, придерживаясь сциентистских ориентаций, стремились преодолеть идиографизм неклассической исторической науки на путях *социальной истории*, психоанализа, *структурализма*, *марксизма*, *клиометрии*. Однако в 70–80-х гг. XX в. под влиянием идей, связанных с «*лингвистическим поворотом*» и *постмодернизмом*, сциентистские устремления «*новой исторической науки*» были подвергнуты критике, начался новый ренессанс антисциентизма в историческом познании. Его основой стал субъективистский, ассоциативно-образный постмодернистский стиль *исторического мышления*. Исходя из представления о том, что *историческая действительность* начинает существовать только в интерпретациях и лишь благодаря им, постмодернисты главную роль в *историческом познании* стали отводить текстам. Постмодернисты рассматривают процесс *исторического познания* как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка текста, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий мир *исторического дискурса*, в котором конструируется *историческая реальность*. Поэтому *историческое знание* рассматривается постмодернистами не как «отражение» *исторической реальности*, а как субъективное выражение интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя, «вписанного» в гипертекст современности. Широкое распространение идей научного *конструктивизма* в современном **а. в. и. п.** сопровождается формированием такого типа методологического сознания, в рамках которого *историческое познание* приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает *историческую действительность* «саму по себе» в той мере, в какой эта действительность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в раз-

ные картины *исторической реальности*, из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. «Мир прошлого» начинает встречать историков в разных ипостасях, которые исследователи выбирают для конкретной научной «встречи». В таком методологическом сознании постепенно преодолевается «жажда объективности», свойственная сциентистским (см.: *сциентизм в историческом познании*) научно-исследовательским практикам, и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится *исторической реальностью* в соответствии с познавательным контекстом.

Лит.: Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; Могильницкий Б. Г. История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Л. П. Репиной, Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. М.: ИВИ РАН, 2004; Мучник В. М. Актуальность мифа. О тенденциях развития исторического сознания в канун третьего тысячелетия // Историческая наука и историческое сознание. Томск: Изд-во ТГУ, 2000; Риккерт Г. Границы естественного образования понятий. СПб.: Наука, 1997; Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2-х томах. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.

А. В. ЛУБСКИЙ

АНТРОПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – *направление* в исторической науке, изучающее общественные структуры прошлого. Некоторые специалисты (в частности, М. М. Кром) ставят знак равенства между исторической антропологией, *антропологическим подходом к истории* и историческим изучением отдельного человека или небольших групп (*микроисторией*). Представляется, однако, что радикальная трансформация *предметного поля*, характерная для историографии XX в., является не самостоятельным явлением, а только воплощением глубинных изменений в мировоззрении, сопровождавших переход от нового времени к новейшему. Зарождение исторической антропологии следует связывать с масштабным кризисом европейской культуры после Первой мировой войны. Традиционная историческая наука нового времени исходила из того, что люди всех эпох руководствуются сопоставимой логикой и действуют в рамках

одной и той же системы ценностей; различия между историческими периодами сводились к степени экспликации этой универсальной системы. В противовес этому взгляду историки первой половины – середины XX в. (О. Шпенглер, А. Тойнби, М. Блок, Л. Февр, Й. Хёйзинга и др.) сформулировали представление об *историческом процессе* как о процессе изменения ценностных структур, постижение динамики которых оказалось первоочередной задачей науки о прошлом. Теоретико-методологический инструментарий, необходимый для решения подобных задач, был сформирован в 1950–60-е гг. благодаря активному развитию *этнографии*, *этнологии*, социальной и культурной антропологии. Применение к историческому материалу *структуралистских подходов* дало основания для построения синтетической картины прошлого, основанной на представлении о «больших длительностях», на протяжении которых сохраняется преемственность ценностных структур (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич). В настоящее время наблюдается отход от идеи «больших длительностей» в сторону детализированного изучения отдельно взятого человека и его интеллектуального опыта, в связи с чем **И.а.** уступает место таким направлениям, как *микроистория*, *интеллектуальная история* и т. п.

Лит.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, доп. М., 1986; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. 2-е изд. М., 2006–2007. Т. 1–3; Гуревич А. Я. Избр. тр. СПб., 1999. Т. 1–2; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993; Хёйзинга И. Homo ludens: статьи по истории культуры. М., 1997.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

АРХЕОГРАФИЯ (от др.-греч. ἀρχαῖος – древний и γράφω – пишу) – (1) дисциплина, изучающая историю, методику и практику публикации *исторических источников*. Термин «археография» был заимствован из западноевропейской исследовательской литературы, в которой, однако, понимался в более узком смысле – как систематическое описание рукописей. Ныне соответствие «археографии» видится в западноевропейских понятиях «публикациеведения» (édition, publication, Editionskunde). С 1950-х гг. наблюдается выделение крупных разделов археографии на основе вида или групп видов письменных источников, являющихся объектом публикации (актовая **А.**, **А.** древнерусской литературы, летописная **А.**). Структурирование архео-

графии по принципу разновидности изданий, в которых публикуются источники (журнальная А. и т. п.), развития не получило. В последнее время в объект археографии включаются публикации источников не только письменных, но также вещественных и изобразительных (А. музейного предмета), электронные публикации. А. тесно связана с *источниковедением, дипломатикой, палеографией, филологией, текстологией, архивоведением*. (2) поиск, собирание и описание письменных источников. В этом смысле термин «археография» вошел в название Археографической экспедиции Академии Наук (1829–1834), Археографической комиссии (с 1834 при Министерстве народного просвещения, в дальнейшем в качестве самостоятельного научного учреждения, в 1922–1926 при РАН, с 1956 г. при Отделении истории АН СССР) и ряда аналогичных по уставным функциям структур в столицах и на периферии (Киевская, Виленская, Кавказская археографические комиссии). Выделяются полевая А. (практическая деятельность по поиску документов в «поле», т. е. у населения той или иной территории) и камеральная А. (поиск документов в архивохранилищах, их описание). Такое значение археографии сближает ее отчасти с *эвристикой*, отчасти с *архивоведением*, что ставит под сомнение правомерность обозначения данной деятельности как А., поскольку она не связана прямо с публикацией источников. Выделение из археографии полевой А. и камеральной А. потребовало введения непереводаемого на европейские языки понятия эдиционная А., под которой понимается собственно практика публикации *источников*. Изучение истории, методики и практики публикации *исторических источников* представлено в форме правил или методических рекомендаций, археографических предисловий к публикациям *источников*, специальных исследований того или иного аспекта археографии. Дореволюционный опыт археографии был обобщен в «Правилах издания Сборника грамот Коллегии экономии» (1922), разработанных А. С. Лаппо-Данилевским. В дальнейшем издавались правила и методические рекомендации, реализованные в наиболее масштабных публикациях исторических источников и имеющие самостоятельное научное значение: «Проект правил издания трудов В. И. Ленина (1926, сост. С. Н. Валк), «Правила издания исторических документов» (1955), «Правила издания исторических документов в СССР» (1969, 1990), «Методика издания древнерусских актов (1959, сост. А. А. Зимин) «Правила издания документов советского периода» (1960), «Проект инструкции для подготовки к изданию “Писем и бумаг Петра Велико-

го”» (1962, 1975, сост. Т. С. Майкова), «Принципы издания эпистолярных текстов» (1964), «Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики (1985, сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов), Методические рекомендации по изданию «Актов Русского государства» (1987, сост. С. М. Каштанов) и др. Масштабные публикации *исторических источников*, как правило, сопровождаются археографическими предисловиями, содержащими специально разработанные для них модифицированные, часто оригинальные археографические подходы: предисловия Л. В. Черепнина (Духовные и договорные великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1), А. Н. Насонова (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2), М. Н. Тихомирова (Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949, 1959. Т. 25, 26; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953), И. А. Голубцова (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1), А. А. Зими́на (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1956. Ч. 2), А. В. Арциховского (Новгородские грамоты на бересте [из раскопок 1953–1954 гг.]. М., 1958), И. А. Булыгина (Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975), Е. А. Мельниковой (Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. М., 2001), Л. А. Кириченко и С. В. Николаевой (Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М., 2008). Специально археографические практики анализировались в трудах Н. П. Лихачева, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Н. Валка, С. М. Каштанова, Б. Г. Литвака, Г. И. Королева. Вопросы предмета, задач, понятийного аппарата археографии разрабатывались в работах С. Н. Валка, М. С. Селезнева, С. О. Шмидта, А. Д. Степанского, В. П. Козлова, Е. В. Старостина, В. А. Черных, Е. М. Добрушкина и др.

Лит.: Валк С. Н. Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991; Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948; История советской археографии. М., 1966–1967. Вып. 1–6; Каштанов С. М. Актовая археография. М., 1998; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920; Лихачев Н. П. Из лекций по дипломатике, читанных в имп. Археологическом институте. СПб., 1906; Советская археография : аннотированный каталог научно-методической литературы. М., 1974–1987. Вып. 1–4; Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; Степанский А. Д. Археография отечественной истории XX века. М., 2004.

О. И. ХОРУЖЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – одно из фундаментальных понятий в *археологии*. Широко используется в отечественной и европейской науке, в меньшей степени востребовано в американской археологии, где замещается близкими понятиями индустрии, стиля, фазы. Наиболее эффективно работает в области исследования первобытной палеокультуры и почти не применяется в античной и средневековой (за исключением ряда регионов) *археологии*. При отсутствии общепринятого определения обычно понимается как совокупность археологических памятников (поселений, стоянок, городищ, могильников, святилищ, мастерских), существовавших в рамках одного *исторического времени* на единой территории (рассеянное или чересполосное расположение допускается как исключение), демонстрирующих определенную (в идеале – статистически определенную) степень культурного своеобразия. С учетом региональной и эпохальной специфики это своеобразие проявляется в особенностях домостроения, погребального обряда, каменной и костяной индустрий, украшений, формы и орнаментации керамики. Современные трактовки археологической культуры предполагают, что перечисленные элементы палеокультуры образуют единообразно эволюционирующую структуру со сложными функциональными связями, а не механическую сумму разнообразных признаков.

Сложившаяся исследовательская практика применения понятия «археологическая культура» противоречива, оно используется и как универсальный инструмент классификации археологических древностей и как основополагающая аналитическая категория – своеобразный археологический эквивалент древних обществ. Большинство исследователей не исключают соответствие археологических культур этническим общностям древности – племенам или более крупным этноязыковым объединениям, но полагают это соответствие не обязательным. Постулируется большая вероятность этнического содержания культур в древности (каменный век, отчасти эпоха бронзы) и более разнообразные и альтернативные интерпретации для более поздних эпох. Археологические культуры раннего железного века и средневековья наряду с этнической идентификацией могут соответствовать хозяйственно-культурным типам и историко-культурным общностям – древним аналогам историко-этнографических областей.

Лит.: Аникович М. В. О содержании понятия «археологическая культура» // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981; Арутюнов С. А. Народы и культу-

ры: развитие и взаимодействие. М., 1989; Каменецкий И. С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА, 1970. № 2; Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

АРХЕОЛОГИЯ (от др.-греч. ἀρχαῖος – древний и λόγος – учение) – (1) наука, изучающая историю общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей – вещественным (археологическим) памятникам (БСЭ); (2) отрасль исторической науки, изучающая прошлое человечества преимущественно на основе вещественных источников, или археологических памятников (Канторович А. Р., Кузьминых С. В.); (3) особая форма антропологии, изучающая исчезнувшие человеческие сообщества по материальным остаткам их деятельности с целью понимания и реконструкции истории культуры, изучения культурных процессов, сохранения археологических памятников и управления ими (Фаган Б., ДеКорс К.). Термин впервые употреблен Платоном в значении «история прошедших времён», в XVIII в. обозначал метод классической филологии. Существуют разные взгляды на объект А. Ряд археологов полагает, что это – вещественный источник и наука является разделом *источниковедения*. Другие считают, что это – древние общества, изучаемые по специфическому ископаемому *источнику* (А. В. Арциховский «археология – история, вооруженная лопатой»). К археологическим источникам относят древние предметы, конструкции, сооружения, следы и следствия антропогенной деятельности. Основные виды археологических памятников – места, связанные с жизнью и захоронением людей в прошлом: поселения, погребения, места производств, святилища. Археологические предметы залегают в местах длительного обитания людей в земле, именуемой культурным слоем. Изучая материализованные следы антропогенного воздействия на окружающую среду, археологи реконструируют историю обществ прошлого. Хронологически А. исследует объекты со времени появления первых человекообразных существ (ок. 3 млн. лет тому назад). Традиционно считалось, что верхняя граница археологии – средневековье. В последнее время пределы археологии могут быть подняты до XX в., когда исторические факты устлавливаются на основе ископаемых источников, свидетельствующих об истории современных бесписьменных обществ, событиях новой (индустриальная А.) и новейшей (чердачная А.) истории. Дифферен-

ция археологии связана со спецификой изучаемых археологических памятников. По соотношению с письменными источниками А. делится на первобытную (доисторическую), изучающую дописьменные общества, и протоисторическую (А. письменной эпохи). Внутри них выделяются разделы: древняя, античная, средневековая, индустриальная А. По объекту и методу изучения археологического источника выделяют археологию палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного века. Внутри этих периодов выделяются исследовательские направления: археологическая история, этнологическая археология, социологическая археология, дискриптивная археология, технологическая археология, экологическая археология, строгая археология, комплексное источниковедение. Направления детализируются в проблемных областях (напр., финно-угорская, славяно-русская А.). В изучении отдельных проблем в археологии сложились научные школы. Методы археологии связаны со спецификой археологических источников. Общими для изучения всех археологических памятников являются методы полевых исследований (разведки и раскопки), камеральных работ по описанию и изучению вещественных источников, их анализу. Для этого используются собственно археологические и привлекаемые из других наук методы: формально-типологический, стратиграфический, морфологический, картографический, естественнонаучные (дендрохронологический, радиоуглеродный, калий-аргоновый, термолюминисцентный анализ, металлографический и т. д.), статистические и др. На их основании осуществляется реконструкция исторических событий, явлений и процессов.

Лит.: Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990; Канторович А. Р., Кузьминых С. В. Введение // Археология: учебник / Под ред. В. Л. Янина. М., 2006; Фаган Б., ДеКорс К. Археология. В начале. М., 2007; Bahn G. P. Archaeology. Cambridge, 1996.

О. М. МЕЛЬНИКОВА

АРХИВОВЕДЕНИЕ – (1) вспомогательная историческая дисциплина (Вен. М. Хвостов, В. И. Пичета, А. М. Большаков); (2) комплексная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела (В. Н. Автократов). А. складывалось в XVIII–XIX вв., исходя из практической потребности обеспечения сохранности и поиска документов, в первую очередь, государ-

ственного делопроизводства. Понятие «архивная наука», на основании изучения практической работы архивистов в XVIII в., ввел в официальный оборот барон Г. А. Розенкампф (1764–1831). Н. В. Калачов (1819–1885) первым обосновал необходимость единого научного подхода к разработке правил, касающихся ведения дел в каждом правительственном учреждении и их размещения на вечное хранение; сформулировал необходимость теоретической разработки единых принципов комплектования и экспертизы ценности документов; обосновал государственное и общественное значение профессии архивиста. Термин «основания науки об архивах» Н. В. Калачов использовал для собирательного названия комплекса вспомогательных дисциплин, призванных обеспечить подготовку архивистов-профессионалов высокого уровня. Н. В. Калачов создал науку об архивах, которая начала выступать как самостоятельная отрасль *исторического знания*. Его идеи были развиты И. Е. Андреевским (1831–1891), Д. Я Самоквасовым (1843–1911), труд которого «Архивное дело в России» (1902) завершает период становления архивоведения. Идеи Самоквасова о проведении архивной реформы на основе жесткой централизации архивного дела и установления государственного статуса архивов получили воплощение в деятельности ученых-архивоведов, объединившихся в 1917 г. в Союз российских архивных деятелей под руководством А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919). В 1918 г. И. Л. Маяковский (1878–1954) сформулировал представление об архивоведении как о науке со своими задачами и методами, но преобладало отношение к архивоведению как к *вспомогательной исторической дисциплине*. Как самостоятельную *специальную дисциплину* рассматривал архивоведение А. А. Зимин (1920–1980). Аналогичное мнение в 1960-е годы высказывали архивисты. Задачи архивной деятельности стали рассматриваться значительно шире обслуживания исторической науки. В XX в. наибольший вклад в развитие архивоведения, структурирование дисциплины как комплексной внес В. Н. Автократов (1922–1992).

Лит.: Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001; Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П., Бурова Е. М. Архивоведение: учебник. М., 2005; Андреевский И. Е. Наука об архивах. СПб., 1887; Голиков А. Г. Архивоведение отечественной истории. М., 2008; Калачов Н. В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Сб. статей по архивоведению / Под ред. И. И. Зубарева. СПб., 1910. Т. I. Кн. 1; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982, 1988. Вып 1–2.

Е. М. БУРОВА, Т. И. ХОРХОДИНА

Б

БЕРЕСТОЛОГИЯ – *вспомогательная (специальная) историческая дисциплина*, посвященная исследованию берестяных грамот. В корпусе источников по истории древней Руси берестяные грамоты образуют обособленную группу, наделенную рядом уникальных особенностей. Так, по способу кодирования информации берестяные грамоты относятся к письменным *источникам*, однако выявляются они не путем архивного поиска или археографической работы (как прочие письменные *источники*), а в процессе археологических раскопок. Графика берестяной письменности имеет собственную логику развития, не совпадающую с логикой эволюции письма на пергамене или бумаге. Основные социальные функции берестяной письменности – коммуникация в деловой и личной сфере, учет – слабо представлены в современной берестяным грамотам письменности на иных носителях. Все это позволяет говорить о берестологии как о самостоятельной *научной дисциплине* с собственным, отличным от других *дисциплин* объектом. Вместе с тем, методы и проблематика берестологии полностью тождественны методам и проблематике традиционных гуманитарных *дисциплин* – *археологии, источниковедения, языкознания* и т. п.; уникальность науки о берестяной письменности состоит разве что в специфическом сочетании используемых *подходов*. В рамках тенденции к *междисциплинарности* и универсальности знания о человеке выделение столь специализированных *дисциплин* представляется нецелесообразным. Использование термина в современной научно-исследовательской литературе носит ограниченный характер.

Лит.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004; Древнерусские берестяные грамоты. Режим доступа: <http://gramoty.ru/>, свободный [февраль, 2014]; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок ... г.). М., 1953 – (продолж. изд.); Черепнин Л. В. Берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – (1) *вспомогательная историческая дисциплина*, формирующая и изучающая комплекс справочных и информационных пособий по социальным и гуманитарным наукам, который сложился в процессе выявления, учета, описания и систематизации публикаций *источников*, исследовательской литературы, а также различных библиографических пособий; (2) разновидность отраслевой библиографии, которая, являясь видом библиографии, выполняет функции информационного обслуживания отдельных отраслей знания или практической деятельности; **И. б.** как разновидность отраслевой библиографии выполняет функцию информационного обслуживания социальных и гуманитарных наук; (3) дисциплина преподавания в высшей школе, входящая, как правило, в комплекс *вспомогательных исторических дисциплин* или выступающая в качестве самостоятельного курса. Объектом исторической библиографии выступает система библиографических пособий (указателей, списков, обзоров, каталогов и пр.), энциклопедических и справочных изданий по социальным и гуманитарным наукам на различных носителях в ее эволюции. Предметом исторической библиографии является разработка приемов и методов выявления, отбора и систематизации изданий различных типов и видов по социальным и гуманитарным наукам. **И. б.** разрабатывает специальные приемы и методы представления библиографической информации по социальным и гуманитарным наукам в библиографических пособиях. Выявление, отбор и систематизация изданий различных типов и видов для последующего изучения является необходимым этапом исследовательской деятельности любой науки, таким образом, **И. б.** предоставляет возможности поиска необходимой информации в ходе исследований по социальным и гуманитарным наукам. **И. б.** тесно связана с другими *вспомогательными историческими дисциплинами, историей исторической науки, источниковедением*. Становление и развитие исторической библиографии в России проходило вместе со становлением исторической и смежных наук. За более чем 300 лет развития исторической библиографии сложился корпус библиографических пособий (в котором, однако, имеются существенные лакуны), сформированы основные институты, занимающиеся исторической библиографией (Государственная публичная историческая библиотека) и библиографией по социальным и гуманитарным наукам (Институт научной информации по общественным наукам РАН). Сложилась система учета в библиографических пособиях библиографических изданий по социальным и гуманитарным наукам (библиография библиографии). Ежегодные аналитические обзоры библиографических пособий по соци-

альным и гуманитарным наукам помещаются в издании Российской книжной палаты «Библиография российской библиографии».

Лит.: Бакун Д. Н. Развитие библиографии исторических источников в России (XVIII – начало XX в.). М., 2006; Парфенов И. Д. Основы исторической библиографии. М., 1990; Простоловцова Л. Н., Черемисина Н. М. Историческая библиография: история и современное состояние. М., 1990; Шапиро А. Л. Библиография истории СССР. М., 1968.

Р. Б. КАЗАКОВ

БИОГРАФИКА – *вспомогательная историческая дисциплина*, разрабатывающая теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий; тесно связана с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, *вспомогательными историческими дисциплинами*. Одна из основных задач биографии – изучение типов биографического письма и биографического сознания. И. Л. Беленький определяет биографику как «совокупность (позднее – систему) философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции». А. Л. Валевский определяет биографику как «дисциплину гуманитарного цикла, науку о биографии, изучающую теоретические и методологические особенности практики биографического письма», а также разрабатывающую «теорию и методологию биографического письма», рассматриваемого автором как тип гуманитарного знания – «текстуальную представленность на языке данной культуры феномена личностной индивидуальности». **Б.** включает в себя онтологию биографического знания (исследование феноменологической структуры знания об индивидуальном, указание возможностей и компетенции этого знания); исследование основных понятий и процедур биографической реконструкции (путей и средств получения достоверного знания); рассмотрение особенностей герменевтических ситуаций, составляющих биографический опыт. **Б.** начинает конституироваться в Европе в XVIII–XIX вв., в России – во второй половине XIX – начале XX в. Как дисциплинарное понятие **Б.** появилась в отечественной науке, очевидно, в 1920-е гг. Первое упоминание термина «биографика» в России точно не установлено, в науке использовались термины «биография», «антропография». Разработкой проблем био-

графики в 1920-е годы в России занимались Н. А. Рыбников, И. Т. Филиппов, Г. О. Винокур. Н. А. Рыбникову принадлежит идея создания Биографического института как научного центра изучения и сохранения «человеческих биографий». И. Т. Филиппов в статье «К вопросу о науке биографии» (Известия Северо-Кавказского гос. университета. Ростов-н / Д., 1926. Т. VIII. С. 89–92) формулирует: «Где-то на грани общественной науки о массе человеческих индивидов и естественной науки о человеческом организме должна быть создана наука биографии или антропографии». Важный опыт разработки теории биографики с феноменологических позиций – труд Г. О. Винокура «Биография и культура» (М., 1927.). В нем Г. О. Винокур сформулировал кредо литературной биографии: «Стилистические формы поэзии суть одновременно стилистические формы личной жизни» (С. 82–83). В современной литературе проблемы биографики как науки разработаны в трудах И. Л. Беленького, А. Л. Валевского, И. Ф. Петровской. А. Л. Валевский обосновывает понимание биографики как системы знаний о биографии, определяет суть и смысл биографии, рассматривает жанровую стратификацию биографического письма, формулирует задачу биографии как «реконструкцию истории человеческой индивидуальности». И. Л. Беленький рассуждает о смысле и возможностях биографии и биографики, анализирует отечественную и зарубежную историографию в области изучения и теоретического осмысления биографики. И. Ф. Петровская исследует теоретические основы биографики, историю бытования термина «биографика», «биографическое источниковедение», а также приводит подробный обзор «источников биографической информации о россиянах 1801–1917 гг.».

Лит.: *Беленький И. Л.* Проблемы биографического жанра в советской исторической науке: Научно-аналитический обзор. М., 1988; *Беленький И. Л.* Биографика // Отечественная история : энциклопедия: в 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 233–234.; *Валевский А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1995. № 6. С. 32–68; *Валевский А. Л.* Методологические основания биографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990; *Валевский А. Л.* Основания биографики. Киев, 1993; *Иванова Т. Н., Мязков Г. П.* Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012; История через личность: Историческая биография / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010; *Петровская И. Ф.* Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2010; *Ретина Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус.

Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999; Рыбников Н. А. Биографии и их изучение. М., 1920.

Н. В. НЕКРАСОВА

БИОГРАФИСТИКА – 1) совокупность кратких биографических сведений о представителях различных социальных и профессиональных групп; 2) термин, употреблявшийся в советской историографии с 70–80-х гг. XX в. в рамках рефлексии над *биографикой* как совокупностью научных и научно-популярных трудов, а также художественных произведений. Ключевой задачей биографистики виделось построение типологии историко-биографических исследований. С 1990-х гг. наблюдается тенденция (преимущественно в украинской историографии) к институционализации биографистики в качестве *вспомогательной исторической дисциплины*, изучающей методологические основы, источниковую базу, проблематику и видовую структуру историко-биографических исследований. Термин *биографика* предлагается использовать расширительно, как обозначение всякой «литературы биографического жанра», включая «художественные и научно-популярные биографии», тогда как слово *биографистика* станет обозначением научной дисциплины в строгом смысле слова (О. В. Ясь).

Лит.: Бельский И. Л. Проблемы биографического жанра в советской исторической науке: научно-аналитический обзор. М., 1988; Бельский И. Л. Биографика // Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. М., 1994. Т. 1; Вавельский А. Л. Основания биографики. Киев, 1993; Павлова Т. А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2; Попик В. Українська біографістика на зламі століть: зміна дослідницьких парадигм // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. Київ, 2011. Вип. 31; Українська біографістика: зб. наук. праць. Київ, 1996–2012. Вип. 1–9; Чижко В. С. Біографічна традиція та наукова біографія в історії і сучасності України. Київ, 1996; Ясь О. В. Біографістика // Енциклопедія історії України. Т. 1. Київ, 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.history.org.ua/?termin=Biohrafistyka> [февраль, 2014]).

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Р. Б. КАЗАКОВ, Н. В. НЕКРАСОВА

БОНИСТИКА (фр. bonistique, от фр. bon – талон, чек) – (1) *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая бумажные и иные неметаллические денежные знаки (кожаные, пластиковые и др.), а также различные ценные бумаги (займы, акции, талоны, продукто-

вые карточки и т.п.) как исторические документы, отражающие экономическое и политическое положение общества, историю бумажно-денежного обращения и искусство соответствующей эпохи; (2) коллекционирование бумажных денежных знаков и других памятников бумажно-денежного обращения, а также различных вышедших из употребления ценных бумаг. Как вид коллекционирования **Б.** появилась в начале XX в. и была тесно связана с нумизматикой. **Б.** стала особенно популярна в 1920-е гг. в СССР, где после Первой мировой и Гражданской войн имелось огромное количество вышедших из обращения разнообразных бумажных денег, выпущенных различными государственными образованиями, местными властями, предприятиями и частными лицами. Тогда же в русском языке утвердился сам термин «бонистика». С конца 1920-х гг. увлечение бонистикой пошло на спад. Систематическое коллекционирование бумажных денег в мире началось с 1940-х гг., а в 1970-е гг. **Б.** была признана самостоятельной ветвью коллекционирования. Наиболее видными представителями российской бонистики стали Л. М. Иольсон, Н. И. Кардаков, Р. И. Тхоржевский, П. Ф. Рябченко, А. Е. Денисов и др. За рубежом коллекционирование потерявших ценность акций, облигаций, лотерейных билетов, бумажных денег и талонов получило название скрипофилия (от др.-греч. σῆριπ – документ и φίλος – любить). В России, скрипофилией называют раздел бонистики, связанный с коллекционированием и изучением ценных бумаг. Научная бонистика пока ещё находится в тесной связи с коллекционированием. Разработку вопросов каталогизации бумажных денежных знаков и ценных бумаг, изучение бумажно-денежного обращения отдельных стран и регионов в основном ведут коллекционеры. В музейной практике памятники бонистики обычно причисляют к нумизматике.

Лит.: Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 гг. М., 2002–2005. Ч. 1–4; Денисов А. Е. Бумажные денежные знаки РСФСР, СССР и России 1917–2005 гг. М., 2004–2005. Ч. 1–3; Иольсон Л. М. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории б. Российской империи за время с 1769 по 1924 годы / Иольсон Л. М., Байер А. П., Белоусов В. П. и др. М., 1925; Кардаков Н. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769–1950. Берлин, 1953; Рябченко П. Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР и стран СНГ (1769–1994 гг.). 3-е изд. перераб. и доп. Киев, 1999. Т. 1–2; Тхоржевский Р. И. Отечественная бонистика. Киев, 1988.

С. В. ЗВЕРЕВ

БЮРОКРАТИЯ [фр. *bureaucratie* < фр. *bureau* бюро, канцелярия + гр. *kratos* власть, букв. господство канцелярии] – 1) специфическая форма политических, экономических, идеологических и др. социальных организаций, для которых характерными чертами являются произвол, подчинение правил и задач деятельности организации прежде всего целям ее сохранения и укрепления; своеобразный социальный организм; 2) система управления, осуществляемого с помощью аппарата *власти*, обладающего специфическими функциями и привилегиями; 3) слой людей (чиновников), служащих в различных звеньях государственного аппарата и неразрывно связанных с системой государственного управления. Бюрократии свойственны иерархичность, строгая регламентация, разделение труда и ответственности в осуществлении формализованных функций, произвол, авторитаризм и конформизм. 4) синоним бюрократизма – отчуждение государственного аппарата по отношению к обществу, превращение средств административной деятельности в самоцель; канцелярищина, бездушность, рутинность, служебная волокита.

В социологию в качестве особой категории **Б.** введена М. Вебером, который видел в ней специфическую форму организации, характерную для современного общества, один из главных «локомотивов модернизации». Вебер связывает становление бюрократии с процессом рационализации и рассматривает ее как наиболее рациональную и эффективную форму достижения управленческих целей, основанную на легально-рациональном типе легитимности (господства). Веберовский *идеальный тип* рациональной бюрократии отличается следующими основными особенностями: 1. строго иерархическая структура; 2. формальное статусное подчинение; 3. управление по формальным, безличным правилам; 4. эмоциональная нейтральность отношений. Рациональная бюрократия рассматривается Вебером как технически более совершенная и эффективная, чем все предшествующие формы администрации (патриархальная, патерналистская), поскольку она наиболее предсказуема, точна, беспристрастна и быстродействующа. Она пронизывает все основные учреждения общества, начиная от государственного управления, экономики и кончая образованием и церковью.

Возникновение бюрократии связано с генезисом государства и выделением из общественных слоев населения особой группы людей, которая осуществляет функцию управления общества в целом (чиновники). Своей деятельностью она связывает *элиты* и массы, являясь основным коллективным субъектом, способствующим реализации руководящих установлений *элиты* в массы. В этом ее необходимое, прогрессивное значение и роль в обществе и государстве. Но природа бюрократии двойственна. Кроме отмеченной стороны она обладает

и негативной, которая проявляется своеобразно в зависимости от политического режима. Так, развитие бюрократии в условиях тоталитарного режима приводит к возникновению отчужденной системы управления, оторванной от интересов народа. В таких условиях Б. характеризуется следующими основными признаками: 1) она выдает свои собственные, профессиональные интересы за всеобщие, выражающие, по ее мнению, потребности и интересы всех членов общества; 2) абсолютизируя собственные узкопрофессиональные интересы, она создает иллюзию (объективное заблуждение) своей независимости как от общества в целом, так и от политически господствующей силы, властвующей в обществе и государстве; 3) в силу того, что деятельность бюрократии связана с механизмом реализации исполнительной *власти* в обществе и государстве, она может практически оказывать существенное влияние на развитие политического процесса в стране, что и отмечается в России. С петровских времен влияние бюрократии постоянно росло, а после реформ М. М. Сперанского чиновничество фактически несло на своих плечах весь груз ответственности за судьбу России. Следует признать несомненные заслуги русского чиновника в устроении и упорядочении всех областей жизни страны, во всем том, что составило славу и доблесть России в XVIII–XIX вв. Столь же безусловна и несомненна огромная доля вины чиновной бюрократии в катастрофе, постигшей Россию в XX в.

Современная социология отмечает ограниченность и неэффективность бюрократии, недостаточную гибкость, связанную именно с ее основным достоинством – предсказуемостью и стандартностью действия. Она способна обеспечить лишь ограниченный социальный контроль, особенно в современной ситуации, отличающейся быстрыми социальными изменениями и требующей нестандартных решений. В современном мире, характеризующемся нарастанием непредсказуемости развития социальных процессов, бюрократия становится все менее эффективной и вытесняется иными системами организации и управления. Например, в Великобритании с конца 1980-х годов идет процесс передачи многих функций и задач от государственных органов полуавтономным негосударственным организациям («кванго»), которые, по сути, являются частными компаниями, но при этом находятся под контролем правительства.

Лит.: Масловский М. В. Теория бюрократии М. Вебера и современная политическая социология // [Электронный ресурс] URL: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Maslovskiy/Burocracy/burocracy.htm> [февраль, 2014]; Родионов К. В. *Бюрократия vs. модернизация* // [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/ideas/2010-01-29/5_reforms.html [февраль, 2014].

Г. Н. КРАЙНОВ

В

ВАРВАРСТВО – (от др.-греч. Βάρβαρος, чужеземец, варвар):

1) состояние общества, мыслящееся как антипод «цивилизации», синоним дикости и неприобщенности к высшей культуре (материальной и духовной). Понятие «варварство» возникло в *эпоху* античности, было заимствовано у греков и развито в сочинениях Тацита, который противопоставлял римской цивилизации варваров, не имеющих письменности, государства и торговли, однако нередко обладающих моральной чистотой и мужеством, возникающими от жизни в суровых условиях. Таким образом, вопрос о недостатках и достоинствах варваров относительно цивилизованных обществ никогда не решался полностью однозначно. Амбивалентное отношение к варварству было унаследовано средневековой культурой и может быть обнаружено в трудах эпохи гуманизма и Просвещения, напр., в сочинениях М. Монтеня. 2) как исторический термин, возникает в трудах ученых XIX столетия, в т. ч. Л. Моргана и Э. Тэйлора. Л. Морган выделял три стадии развития человечества: дикость, варварство, цивилизацию, причем варварство определял как период истории человечества, начинающийся с освоения гончарного дела и завершающийся появлением письменности и государства. Это деление было заимствовано Ф. Энгельсом и вошло в марксистскую *концепцию истории* в переработанном виде. В настоящее время термин не имеет однозначного определения, однако нередко возникает в научных трудах в тех случаях, когда идет речь о дихотомии «современного» и «традиционного» общества, где варварство и традиционность – синонимы.

Лит.: Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1935; Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989; Февр Л. Бои за историю. М., 1991; Уоллес-Хедрил Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье 400–1000 гг. СПб., 2002.

Н. В. КАРНАЧУК

ВЕКСИЛЛОЛОГИЯ (от лат. vexillum – флаг, знамя) – *вспомогательная историческая дисциплина*, ставящая своей задачей изучение флагов, знамен, штандартов, выпелов и т. д. Термин введен в 1958 г. американским политологом У. Смитом, основателем и издателем специального журнала Flag Bulletin. Он же был инициатором создания Flag Research Center в Винчестере (Массачусетс, США), Международной вексилологической организации (FIAV), Североамериканской вексилологической организации (NAVA), созыва международных вексилологических конгрессов. В настоящее время представления об объекте и особенно – о предмете дисциплины находятся в стадии формирования. На сегодня российская **В.** располагает каталогами знамен (Л. П. Яковлев, Д. П. Струков, К. И. Иванов, Л. П. Зайцева, М. П. Голованова), исследованиями истории создания отдельных знамен и их групп (П. И. Белавенец, Г. С. Габаев, Ю. В. Арсеньев; Н. А. Соболева); уточняется их типология и понятийный аппарат вексилологии (Е. В. Пчелов, В. А. Ломанцов). Актуальные исследовательские проблемы вексилологии, представленные в отечественной *историографии*, – функциональное назначение и семантика флага, символика цветов в их историческом развитии, *историография*.

Лит.: Арсеньев Ю. В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России. СПб., 1911; Белавинец П. И. Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911; Вилинбахов Г. В. Знамена как исторический источник и их место в системе геральдических памятников // Геральдика: мат-лы и исслед. Л., 1983. С. 95–107; Габаев Г. С. Русские знамена. 1796–1912 [СПб., 1912]; Пчелов Е. В. Вексилология: пути научного поиска // Гербовед. М., 2005. № 83. С. 4–9. Яковлев Л. П. Русские старинные знамена. М., 1965.

О. И. ХОРУЖЕНКО

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ (Эпоха Великих географических открытий) – период крупнейших географических открытий, в ходе которых европейцами были найдены многочисленные новые морские пути и земли, что привело к пересмотру представлений об облике Земли, а также к серьезным экономическим, политическим, социальным и идеологическим последствиям. Европейские исследователи датируют **В. г. о.** сер. XV – сер. XVI в. и преимущественно обращают внимание на морские путешествия через Атлантический и Тихий океаны, в отечественной науке утвердилась

другая датировка: сер. XV – сер. XVII в., она включает также ряд открытий русских первопроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке (И. П. Магидович).

В. г. о. напрямую связаны с процессами изменения Европы в эпоху позднего средневековья. Демографический подъем начала XV в., развитие торгово-денежных отношений и активизация европейского купечества, избыток в ряде стран (Испания, Португалия, Священная Римская Империя) мелкого служилого рыцарства, не находящего себе применения, формирование централизованных государств, заинтересованных в экспансии – основные причины волны морских и сухопутных путешествий XV – нач. XVI в.

Начало Великим географическим открытиям положили путешествия португальских мореплавателей, с 1430-х гг. исследовавших побережье Северной Африки и в 1499 г. нашедших морской путь вокруг Африки в Индию, а позднее – в Океанию. Крупнейшими достижениями эпохи **В. г. о.** были пересечение Атлантики Колумбом (1492) и завоевание испанцами крупнейших индейских цивилизаций Центральной и Южной Америки в 1520–1540 гг. В 1519–1522 г. первая кругосветная экспедиция Магеллана окончательно подтвердила гипотезу о шарообразности Земли.

В эпоху **В. г. о.** произошел первый колониальный раздел мира: в 1494 г. было подписано Тордесильяское, а в 1529 – Сарагосское соглашения между Португалией и Испанией, согласно которым весь мир был разделен на две сферы влияния. Прочие державы не признали этих соглашений и в XVI в. активно включились в процесс захвата и освоения колоний (см.: *колониализм*).

Важнейшими социально-экономическими последствиями **В. г. о.** стали: большой приток драгоценных металлов из новооткрытых земель и, как следствие, начало революции цен, которая катализировала социальное и имущественное расслоение общества и вывела на новый уровень товарно-денежные отношения в Европе; а также перенос прежних торговых путей, серьезно подорвавший прежние зоны Средиземноморской торговли и способствовавший расцвету Атлантической и Балтийской зоны.

Встреча с неизвестными прежде цивилизациями, а также с многочисленными новыми для европейцев климатическими и природными явлениями привела к стремительному расширению знаний о планете и постепенному изменению картины мира в европейском сознании. В то же время «открытые» европейцами народы оказались в положении зависимых, пережили резкий демографический спад и на-

чали вынужденно приобщаться к привнесённым извне административным, религиозным и хозяйственным моделям. **В. г. о.** стали началом эпохи *колониализма* и последующей *глобализации*.

Лит.: *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий. Т. 2., 3-е изд. М., 1983; *Ланге П. В.* Горизонты Южного моря. История морских открытий в Океании, М., 1987; *Престон Д.* Все возможные миры. История географических идей М., 1988; Путешествие Магеллана. Дневник. М., 2000; Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы. М., 1961; *Харт Г.* Морской путь в Индию. Рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а так же о жизни и времени дона Васко де Гамы. М., 1959.

Н. В. КАРНАЧУК

ВЕРОЯТНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – понятие, описывающее количественную меру появления при определённых условиях некоторого события. В современной науке доминирует статистическая интерпретация исторической вероятности, отражающая специфическую природу закономерностей, присущих массовым явлениям случайного характера, и раскрывающим благодаря этому *закономерность*, которая прокладывает себе дорогу через совокупное действие множества *случайностей*. В этом находит своё выражение диалектика превращения *случайности* в *необходимость*. **В.** того или иного *исторического события* не запрограммирована действием внеположных человеческого сознанию факторов. **В.** наступления всякого события исчисляется, исходя из признания его объективно-субъективной природы, что требует учитывать как объективные основания *исторического процесса*, так и субъективную деятельность человека, способного в ряде случаев существенно видоизменить его «нормальное» течение за счёт вторжения *случайностей*. Тем самым проблема вероятности в истории получает новое измерение. *Историческая случайность* – неотъемлемый спутник исторической необходимости, пронизанной случайностями разного рода и типа. Это придаёт исторической вероятности релятивистскую окраску. В каждом конкретном случае она может превратиться в *действительность*. Но этого может и не произойти, пусть даже первоначально она имела для этого более благоприятные условия, её место займёт другая возможность. Так **И. в.** сближается с *альтернативностью*, выступая её частным случаем, конкретизируя возможность того или иного исторического поворота, вследствие которого то, что могло состояться, не состоялось. «Несостоявшаяся ис-

тория» – так называется получившая широкую известность книга швейцарского историка А. Деманда. Нельзя, однако, согласиться со следующим отсюда постмодернистским умозаключением, что вся история может рассматриваться только в сослагательном наклонении, поскольку при этом отвергается объективная природа *исторического процесса* и познания. В современной науке **И. в.** рассматривается на поле *междисциплинарных исследований*, увеличивающих её доказательную силу. С этой целью привлекаются новейшие *исследовательские подходы*, разработанные, в частности, в *клиометрике* с её математическим моделированием *исторических процессов* и явлений. Полученное таким путём новое знание расщепляет исследование *исторического процесса* на отдельные элементы, вследствие чего утрачивается представление о *целостности истории*, следовательно, сама по себе никакой чудодейственной силой не обладает. Она может способствовать росту вероятностного знания, но его истолкование, включенное в общую социальную связь, принадлежит истории.

Лит.: Болховитинов В. В. США: Проблемы истории и современная историография. М., 1980; Дементьев И. П. Согрин В. В. Историческая наука в США во второй половине XX в. От теории «консенсуса» к новой исторической науке // Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000; Голубцова Е. С., Смирин В. М. О попытке применения «новых» методик статистического «анализа» к материалам древней истории // Вестник древней истории. 1982. № 1; История в сослагательном наклонении // Одиссей. Человек в истории. М., 2000; Ковальченко И. Д., Тишков В. А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 1980; Экиштут С. А. Контрактивное моделирование, развилки и случайности в русской истории и культуре // Одиссей. Человек в истории. М., 2000; Fogel R. W. The New Economic History: JTS Finding and Methods // Economic History Review. 1966. Vol. XIX; Fogel R. W. The limits of quantitative in history // American Historical Review. 1975. Vol. 80. № 2.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ВЕСТЕРНИЗАЦИИ ТЕОРИИ. Теории вестернизации сопутствовали первому поколению *теорий модернизации* и были связаны с давней традицией *европоцентризма* в гуманитарных науках. Эти представления развивались в рамках парадигмы *конвергенции* (от лат. *convergo* – сближаюсь). В соответствии с ней основная тенденция раз-

вития современного мира заключается в сближении и взаимопроникновении культур, ценностей, социальных систем. Футурологические прогнозы сторонников идеи вестернизации говорили о том, что международное разделение труда, глобальная экономическая интеграция, распространение либеральных ценностей, западных культурных стандартов и демократии являются всемирно-историческим процессом, который неизбежно приведет к унификации мирового сообщества по западному образцу, к появлению «универсальной цивилизации».

Один из теоретиков вестернизации Т. фон Лауэ писал, что техническое, военное и экономическое превосходство Европы над остальными регионами мира уходит корнями в английскую индустриальную и французскую социальную революции XVIII в. Это доминирование стало довлеющим фактором, вызвавшим эффект догоняющего развития в странах Востока. Заимствование западного оружия, технологий, элементов организации производства разрушало целостность традиционного общества, привнося в него элементы материальной и духовной культуры европейцев, т. е. приводило к *вестернизации*. В качестве примеров последовательной и успешной *вестернизации* приводились реформы Мэйдзи в Японии, политика Мустафы Кемали Ататюрка в Турции; принципиальные дискуссии вызывает вопрос о петровских реформах в России.

После появления плюралистических теорий модернизации в 1970-е годы возросла критика как самой теории вестернизации, так и представлений о ее позитивном, конструктивном характере. В работах С. Хантингтона была поставлена проблема об ограниченности самих возможностей глубоких культурных заимствований между цивилизациями. Ш. Айзенштадт говорил о существенном институциональном разнообразии современных и модернизирующихся обществ, поставив вопрос о важности сохранения национальных социокультурных традиций. М. Леви критиковал концепцию «догоняющего развития» и указывал на то, что идеологическая, технологическая, экономическая зависимость от Запада является фактором консервации отсталости. Ряд теоретиков (Р. Хейлборнер, Г. Маркузе) высказали идею о «негативной конвергенции», о том, что цивилизации и разные социальные системы усваивают друг у друга не столько положительные, сколько отрицательные элементы каждой, что в целом ведет к системному кризису. В настоящее время большинство исследователей отмечают, что модернизация в виде вестернизации без опоры на национальные традиции признается неполной, рискованной, фрагментированной, характеризуется как тормоз социокультурного развития. Усиливается акцент на изучение конкретных исторических условий, цивилизационного кон-

текста, на т.н. специфических «типах модерности», которые определяют интерьер и общий рисунок модернизационных процессов.

Лит.: *Laue Th. H.* The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y.; Oxford, 1987; *Huntington S.* The Clash of Civilization and the Remarking of World Order. N.Y., 1996.

О. В. КИМ

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ (от англ. western – западный) – процесс переориентации неевропейских сообществ на культурные, экономические, политические и социальные стандарты, сформировавшиеся в рамках западной цивилизации в Новое время; перенос западных структур в незападные общественные системы.

Как историческое явление вестернизация стала следствием сходящегося развития неевропейских стран и сообществ, столкнувшихся с цивилизационным превосходством и доминированием Запада в Новое время. Источниками вестернизации могли быть реформистские устремления правящих *элит*, культурный диффузионизм (в том числе конфликтные взаимодействия, войны, *колониализм* и т. д.), формирование капиталистической *мир-системы*.

Как социокультурный процесс **В.** является процессом трансляции западнохристианской культурной традиции, подразумевает формирование новой идентичности. Внедрение западных идей, стиля жизни, моделей поведения ведет к разрушению традиционного жизненного уклада и ментальности, они замещаются комплексом прозападных ценностей, стандартов, социальных практик.

В политической сфере вестернизация подразумевает полную или частичную ориентацию на западноевропейские методы рационального *бюрократического управления*, правовые нормы, технократию, политическую идеологию. В экономической сфере **В.** приводит к развитию расширенного коммерциализированного производства, ориентированного на рынок, на удовлетворение фискальных потребностей модернизирующегося государства, обеспечение новых элит и социальных групп и интегрированного в мировую экономику. При этом в основе производства может лежать как частная, так и государственная собственность.

Один из создателей *теории модернизации*, Т. Парсонс, в своей эволюционной доктрине выделяет три типа обществ: примитивные, промежуточные и современные. Модернизационный переход от про-

межучточных обществ к современным, он трактует в духе всеобщего повышения «обобщенной адаптивной функции», т. е. в духе *конвергенции и вестернизации*. По мнению Парсонса, «эволюционные универсалии» приводят к тому, что во всех обществах модерна последовательно происходят однотипные изменения. Правовая система отделяется от религиозной, формируется административная *бюрократия*, рыночная экономика и демократическая избирательная система. За «промышленной революцией», означающей у Парсонса дифференциацию экономической и политической подсистем, следует «демократическая революция», отделяющая «социальное общество» от политической системы, а затем «образовательная революция», призванная отделить от социального общества подсистему воспроизводства структуры и поддержания культурного образца. Таким образом, европейская линия социальной эволюции представляется Парсонсу генеральной.

Лит.: Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006; Современная западная социология: Словарь. М., Политиздат, 1990.

О. В. КИМ

ВИЗАНТИНИСТИКА – комплексная научная отрасль, направленная на всеобъемлющее изучение истории Византийской империи, ее общественно-политической структуры и эволюции, культуры и языка, цивилизационного развития и связей с другими народами и государствами Средневековья. **В.** включает в себя ряд самостоятельных дисциплин – *историческую географию* и *хронологию*, *этнологию* и *фольклористику*, *лингвистику* (прежде всего греческую и латинскую, а также средневековую сирийскую, арабскую, армянскую, грузинскую, палеославянскую и др.), *палеографию*, *эпиграфику* и *дипломатику*, *нумизматику* и *сфрагистику*, различные разделы византийской *археологии*, политическую и правовую, социальную и экономическую историю Византии, *историю религии* и Церкви (включая патрологию, литургику, теологию), историю ее литературы (*историографии*, поэзии, гимнографии, риторики, агиографии и др.) и *искусства* (архитектуры, живописи, прикладного искусства, музыки и пр.). Как научная отрасль **В.** тесно связана с *антиковедением*, классической филологией, *медиевистикой*, славяноведением, *востоковедением* (включая кавказоведение, сириологию, коптологию,

ближневосточные исследования, тюркологию), неоэллинистикой. Хронологически **В.** охватывает период, начиная с позднеримской / ранневизантийской эпохи IV – начала VI в. (от правления Константина I Великого – 324–337; конца царствования Феодосия I Великого – 379–395; или даже начала властвования Юстиниана I Великого – 527–565). Конец *политической истории* Византийской империи связан с завоеванием османской армией Константинополя в 1453 г., хотя различные сферы поствизантийской культуры (православная Церковь, литература, искусство) продолжали развитие византийских *традиций* в условиях туркокрации, что также является предметом византистики, которая, таким образом, является интегрирующей научной отраслью, включающей в себя достижения целого ряда гуманитарных дисциплин.

Структура византистики определяется органической связью отдельных областей научного знания, требующей от специалистов глубокой фундаментальной историко-источниковедческой и соответствующей языковой подготовки. Территориально Византия не оставалась в раз и навсегда установленных границах, но эволюционировала: от циркумсредиземноморской цивилизации позднеантичного / ранневизантийского периода, через интеграцию малоазийских, славянских и кавказских областей (при одновременной потере ближневосточных, североафриканских и итальянских) в средневизантийскую эпоху, оказавшись в конце так называемого «византийского тысячелетия» государством на черноморских проливах (плюс отдельные области на Пелопоннесе и небольшие анклавов на периферии). Однако такие сюжеты, как «Византийская Италия», «Византийская Палестина», «Византийская Африка» и т. п. не исключаются из сферы внимания византистики. Византийское политическое, правовое, культурное наследие в цивилизациях Нового и Новейшего времени также является предметом византистики.

Зарождение интереса к Византии как историко-культурному феномену относится к эпохе Ренессанса, концу XV в., когда итальянские гуманисты, изучавшие античную культуру, обратились к средневековым памятникам, развивавшим эллинистическо-римские традиции. Кристаллизации византистики способствовало увлечение в XV–XVI вв. коллекционированием греческих рукописей, что составило рукописные собрания крупнейших библиотек в Ватикане, Венеции, Флоренции, Париже, Мадриде, затем в Базеле, Оксфорде, германских городах и пр. После освобождения Греции от османской власти ее монастырские собрания стали существенным вкладом в развитие византистики. Становление византистики как современной научной

отрасли относится к концу XIX в., когда в Мюнхенском университете стал выходить основанный К. Крумбахером специальный научный журнал «Byzantinische Zeitschrift» (1892) и образовался самостоятельный институт (семинар) византийской и новогреческой филологии; в 1894 г. в Санкт-Петербурге стал выходить русский византиноведческий журнал «Византийский временник», основанный академиком В. Г. Васильевским – руководителем соответствующей кафедры в университете. В. сразу же заявила о себе как международная научная дисциплина: возникли научные центры (с изданием периодических журналов и других специальных публикаций) во Франции, Великобритании, Австрии, Греции, Бельгии, США, Нидерландах, Югославии, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польше, Австралии, Испании, скандинавских странах и др. С 1924 г. проводятся регулярные Международные конгрессы византийских исследований, организуемые Международной ассоциацией византинистов (XXII конгресс прошел в 2011 г. в Софии). В современной России византиноведческие центры находятся в Москве (Институт всеобщей истории РАН, исторический и филологический факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова, Свято-Тихоновский богословский институт, Институт искусствознания, а также Российский государственный гуманитарный университет, Московская духовная академия, Российский православный университет), С.-Петербурге (Институт истории РАН, исторический и филологический факультеты СПбГУ, Государственный Эрмитаж, СПб Духовная академия), Екатеринбурге (исторический факультет Уральского федерального университета), а также в Барнауле, Белгороде, Иваново. Византинисты работают в Нижнем Новгороде, Волгограде, Калуге, Владивостоке и др.

Лит.: Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975; *Mazal O.* Handbuch der Byzantinistik. Wiesbaden, 1995; *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / ed. E. Jeffreys, J. Haldon, R. McCormick. Oxford, 2009.

М. В. БИБИКОВ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ – см. *Византинистика*.

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – область культурной антропологии, которая занимается изучением визуальных репрезентаций, таких как ритуалы, церемонии, рисунки, фотографии, фильмы и др.

Первоначально **В. а.** была вспомогательной дисциплиной *этнографии* и сводилась к созданию фото- и видеоматериалов во время полевых исследований. В 1920-е гг. Р. Флаэрти делает этнографическое кино самостоятельным направлением в **В. а.** Антропологический анализ телевидения и других форм масс-медиа берет начало с исследований Г. Бэтсон, М. Мид, Р. Метро. Широкий интерес к **В. а.** возник после *визуального поворота*, который вытеснил логоцентрический подход к познанию культуры. В современной **В. а.** можно выделить несколько направлений: антропологическое изучение образов, этнографическая фотография, этнографическое кино.

Лит.: Визуальная антропология: настройка оптики. М., 2009; Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007; Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русско-го дано не каждому». М., 2011; Ruby J. Visual Anthropology // Encyclopedia of cultural anthropology. N. Y., 1996. P. 1345–1351.

В. Л. ГАЙДУК

ВЛАСТЬ – 1) способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо; форма социальных отношений, характеризующаяся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп посредством экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций, насилия. Сущностью власти являются отношения руководства и подчинения; 2) политическое господство над людьми, а также средство осуществления политики. **В.**– первооснова политики; 3) система государственных органов; 4) лица, властные органы, облеченные государственными, административными полномочиями.

В. – явление социальное, она присутствует везде, где есть устойчивые объединения людей: в семье, в производственных коллективах, в государстве, т. е. там, где имеются реальные возможности и способность оказывать воздействие на поведение людей с помощью каких-либо средств. Основные свойства власти: всеобщность (**В.** функционирует во всех сферах человеческого общения) и инклюзивность (**В.**, проникая во все виды человеческой деятельности, соединяет и противопоставляет социальные группы и отдельных индивидов). Существует несколько исторических форм власти: анонимная **В.**, «распыленная» среди членов примитивного общества; индивидуализированная

В., возникающая с усложнением процессов разделения труда и появления новых видов деятельности; институализированная **В.**, опирающаяся на деятельность специальных институтов, которые выполняют определенные функции. В современной политической науке выделяется еще одна форма власти – «надгосударственная» **В.**, представленная законодательными (Европарламент) и исполнительными (Комиссия Европейских Сообществ) институтами, властные полномочия которых распространяются на территорию и население более десятка европейских стран. Выделяют три аспекта власти: директивный – господство, обеспечивающее выполнение приказа, директивы; функциональный – способность и умение практически реализовать функцию общественного управления; коммуникативный – общение, определенный «язык», который понятен всем сторонам властного общественного отношения. В структуру власти входит ее источник, субъект – объект, функции, основания и ресурсы. Источник власти – властное первоначало. В качестве источников власти могут выступать авторитет, сила, закон, богатство, знание, престиж, социальный и политический статус, тайна, интерес, информация и т. д. Социальным источником власти является право, прежде всего право собственности. Субъект власти (руководители предприятий, фирм, политических партий и профсоюзов, видные церковные иерархи, функционеры государственной администрации и т. д.) воплощает в себе ее активное, направляющее начало. Субъект определяет содержание властного отношения через: 1) приказ (распоряжение) как властное повеление подчиниться воле субъекта власти; 2) подчинение как подведение частной воли под всеобщую волю власти; 3) наказание (санкции) как средство воздействия на отрицание господствующей воли; 4) нормирование поведения как совокупность правил в соответствии с всеобщим интересом. Объектом власти может быть отдельный индивид, социальная группа, класс и т. д. Функциями власти являются: коммуникативная, координационная, управленческая, контрольная, а формами проявления власти – господство, руководство, регуляция, контроль, управление, координация, организация, мобилизация и т. д. Под основаниями власти понимаются ее база, источники, на которые опирается властная воля субъекта. Ресурсы власти – это реальные и потенциальные средства, которые используются (или могут быть использованы) для укрепления самой власти и ее оснований. **В.** бывает экономической, политической, правовой, духовной, семейной и т. д. Специфической разновидностью является политическая **В.** – способность определённой социальной группы или класса осуществлять

свою волю, оказывать воздействие на деятельность других социальных групп или классов. В отличие от иных видов власти (семейной, общественной и др.), политическая власть оказывает своё влияние на большие группы людей, использует в этих целях специально созданный аппарат и специфические средства. Наиболее сильным элементом политической власти является государство и система государственных органов, реализующих государственную власть.

В современных условиях идет процесс развития власти, в котором можно выделить ряд тенденций: 1) усиление интенсивности процессов демократизации политической власти. Четко выраженным является процесс замены форм политической власти, основанных на прямом насилии и подчинении, формами общественного консенсуса и самоуправления; 2) возрастание фактора легитимности власти как обязательного признака цивилизованной власти. Властные структуры всех стран предпринимают максимум усилий для обеспечения легитимности политической власти, т. е. признания ее законного характера обществом; 3) разукрупнение политической власти, развитие системы разделения законодательной, исполнительной, судебной властей – одна из ключевых в становлении и функционировании власти.

Лит.: *Политологический словарь* // URL: <http://mirslovarei.com>.

Г. Н. КРАЙНОВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ – 1) процесс развития военного дела с древнейших времен до современности; 2) *дисциплина* классической исторической науки, изучающая такие практики существования человеческого общества как ведение войн, строительство и развитие вооруженных сил. **В. и.**, кроме изучения конкретных войн и военных событий, анализирует их цели и причины, итоги и значение, исследует историю строительства вооруженных сил и комплектования армий, их оснащение, принципы выделения видов и родов войск, полководческое искусство и историю военной мысли, форму и тактику военных действий. В военной истории выделяются разделы: *военная историография*, *военное источниковедение*, *военная археография*. Источниками военной истории являются законы, уставы, инструкции, приказы, реляции, летописи, сказания, мемуары, теоретические сочинения (Л. Г. Бескровный).

Об истории войн писали еще на Древнем Востоке, особенно историки Древней Греции (Геродот, Плутарх и др.) и Древнего Рима

(Тацит, Иосиф Флавий и др.). В XVIII в. в период становления европейской исторической науки предпринимались попытки сделать последовательные описания войн, отдельных походов, прошлого полков, военных кораблей и т. д. Военной истории уделялось большое внимание в исторических нарративах, так как прошлое и настоящее всех европейских государств было тесно связано с войнами. **В. и.** играла важную роль в обучении будущих офицеров, поэтому работы по истории войн имели практическое значение. Самостоятельной *дисциплиной* исторической науки **В. и.** становится во второй половине XIX в. Одним из первых историков, создавших научные труды по военной истории был генерал от инфантерии, преподаватель Императорской военной академии кн. Н. С. Голицын. Военный историк создал капитальный труд, известный как «Всеобщая военная история» в 15 ч., где определил понятие «военная история», ее предмет и цель, методы изучения, *источники* и *историографию*, а также значение военной истории. Немецкий военный историк Г. Дальбрюк в конце XIX – начале XX в. привнес в теорию военной истории новые правила проверки уже имеющихся представлений о событиях прошлых войн: соотношения таких сведений с теорией военной науки, с топографическими данными, физиологическими и техническими возможностями воевавших сторон. В России **В. и.** стала одной из наиболее развитых отраслей исторической науки. Она была представлена многочисленными военно-историческими *описаниями*, дополнявшими общеисторические труды по вопросам внешней политики и войн. Д. Ф. Масловский, А. З. Мышлаевский, Ф. Ф. Веселаго разрабатывали методы анализа источников по военной истории и занимались их публикацией. В СССР **В. и.** была идеологизирована и противопоставлена исследованиям так называемой «буржуазной военной историографии». Изучением военной истории занимались Военно-историческая комиссия (1918–1921), Военно-исторический отдел (1924–1946 и с 1953), Военно-историческое управление Генштаба (1946–1953). В 1966 г. была подписана директива начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР о создании Института военной истории МО СССР; сейчас он носит название Научно-исследовательский институт (военной истории) – НИИ (ВИ). Институтом было опубликовано около 1500 научных трудов, в том числе более 30-ти фундаментальных изданий, среди которых «История Второй мировой войны 1939–1945» (в 12 т.), «Военная энциклопедия» (в 8 т.) и др. Проблемы военной истории освещаются в периодических изданиях: «Военно-исторический журнал» (Россия), «Army History», «The Journal of Military History»

(США), «Military History Monthly» (Великобритания) и др. В 1938 г. был создан международный орган исследователей, занимающихся проблемами военной истории, – «Международная комиссия военной истории» (Commission internationale d'histoire militaire [СИМН]).

Лит.: Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957; *Он же*. Очерки военной историографии России. М., 1962; Голицын Н. С. Всеобщая военная история древних времен: в 4 ч. СПб., 1872–1875; *Он же*. Всеобщая военная история средних времен. СПб., 1876; *Он же*. Всеобщая военная история новых времен: в 3 ч. СПб., 1872–1874; *Он же*. Всеобщая военная история новейших времен: в 2 ч. СПб., 1872–1875; *Он же*. Русская военная история: в 5 ч. СПб., 1877–1878. Очерки советской военной историографии. М., 1974; *Black Jer*. Rethinking Military History. L.; N.Y, 2004; *Delbrück H*. Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Zwei kombinierte kriegsgeschichtliche Studien nebst einem Anhang über die römische Manipular-Taktik. Berlin, 1887.

С. И. МАЛОВИЧКО

ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – комплекс военных технологических, стратегических, тактических и организационных инноваций, приводящий к появлению новой системы организации военного дела, а вслед за этим к кардинальной перестройке социально-политической и экономической системы общества.

В узком смысле слова «военной революцией» называют преобразования в военном деле Европы в конце XV – начале XVIII в., в ходе которых на смену средневековой феодальной военно-политической организации пришла массовая регулярная армия, опиравшаяся на развитую военную индустрию, коммерческую экономику и фискально-административный потенциал централизованного национального государства. Историческими итогами военной революции принято считать развитие военно-бюрократического абсолютистского государства и военную гегемонию Европы над остальными регионами мира, достигнутую к середине XVIII в. Важным элементом военной революции является так называемая «пороховая революция» – изобретение и распространение пороха, артиллерии и ручного огнестрельного оружия в XIV–XVI вв.

Аспектами военной революции 1500–1800-х гг. являются: переход от феодальных сословных ополчений к профессиональному военному наемничеству, а затем к массовым регулярным армиям; развитие

и распространение артиллерии; развитие новых систем фортификации, способных противостоять артиллерийскому огню; упадок роли кавалерии на поле боя и преобладание плотных построений пехоты, вооруженной огнестрельным оружием; развитие линейной тактики; военно-морское строительство; значительное увеличение армий и военных расходов в структуре экономики; создание государственно-коммерческого сектора военной промышленности; распространение рекрутской повинности и других массовых форм военной мобилизации населения; создание системы военного образования и кадровой подготовки; централизация всей системы административного управления; превращение войны в современную индустрию; складывание государственных военных доктрин и национальных военных стратегий в контексте идей национального и государственного интереса.

Теория военной революции испытала значительное влияние идей культурного диффузионизма о том, что в основе международных взаимодействий народов лежат открытия прорывного значения в военной сфере. В качестве такой инновации может выступать вооружение, элементы военного снаряжения, существенно расширяющие боевые возможности, транспорт, тактический прием, а чаще взаимосвязанная комбинация таких средств и приемов. Эта новая технология расширяет экологическую среду обладающего ею этноса и становится причиной мощной волны миграций и культурных влияний. Как правило, военное новшество вызывает трансформацию общества, обладающего им, приводит к эрозии прежнего социального строя, связанного с предыдущей военно-социальной традицией (6).

Важным аспектом развития теории военной революции стала ее идейная близость и совместимость с парадигмой *модернизации*. Две теории пересекаются в том, что в условиях длительной внешнеполитической напряженности, характерной для всех районов Евразии между 1500 и 1650 гг., на первом месте стояла задача обеспечения военной безопасности и суверенитета. Комплекс военных мероприятий, как правило, стоил много дороже, чем могла себе позволить традиционно ориентированная экономика. Условием выживания и дальнейшего развития являлось удовлетворение всевозрастающей потребности государства в деньгах. На уровне внутренней политики экономическая реформа могла носить экстенсивный или интенсивный характер. Её конечной целью была этаквистская налоговая реформа, расширение доходной базы государства. Эти усилия требовали беспрецедентных мер, направленных на усиление центральной власти, преодоления сопротивления традиционалистских элит, бюрократизации – создания того, что

П. Шоню называл «регулярным нововременным государством», а Б. Даунинг – «военно-бюрократическим абсолютизмом».

Идея революционного переворота в военном деле Европы между 1550 и 1660 годами была впервые сформулирована в работах М. Робертса. По его мнению, распространение огнестрельного вооружения, введение регулярной армии, появление линейного морского флота сыграли первостепенное значение в новой истории Европы. В середине 1950-х гг. английский историк предпринял панорамный обзор военных реформ Густава-Адольфа. Перевооружение шведской армии, внедрение легкой полковой артиллерии, реформа кавалерии и дальнейшее тактическое совершенствование вооруженных сил стали мощным стимулом развития всей системы шведского абсолютизма – от сбора налогов и реформы крестьянских повинностей до организации мануфактурного производства и строительства океанского флота (1). В дальнейшем эта идея получила развитие и расширяющие уточнения в работах Дж. Паркера, Дж. Линна, Б. Даунинга. Дж. Паркер предположил расширить рамки военной революции на несколько десятилетий – с 1530 до 1710-х гг., с тем чтобы полнее включить в теорию военное предпринимательство эпохи Ренессанса, противоартиллерийскую фортификацию, военное новаторство испанских пехотных терций, а также ряд важных аспектов тактики пехоты и кавалерии времен Итальянских войн (2). Клиффорд Роджерс разработал идею успешных военных революций в разные периоды времени: первая, «пехотная» – в XIV в., вторая, «артиллерийская» – в XV в., третья, «фортификационная» – в XVI в., четвертая, «огнестрельная» – в 1580–1630-е гг., и, наконец, пятая, связанная с ростом европейских армий, – между 1650 и 1715 гг.

В 1970-е гг. на Западе **В. р.** стала предметом серьезных исторических исследований, она рассматривается в одном ряду с такими факторами развития, как Реформация, промышленная революция, демографический переход, генезис капитализма.

В дальнейшем сфера применения концепта военной революции значительно расширилась, вышла за рамки Европы и раннего Нового времени. В ряде исторических теорий **В. р.** стала рассматриваться как важный аспект внешнеполитического преобладания исторических сообществ на кульминационной фазе своего развития. У. Мак-Нил связал представление о движущей роли военных факторов с концепцией культурного диффузионизма и придал этому феномену универсальный характер. Характерно, что успехи военных революций в средневековом Китае, в долине реки По в эпоху Ренессанса, в Европе времен Тридцатилетней войны У. Мак-Нил объяснял наличием в об-

ществе высокоразвитого комплекса производственных, финансовых и административных возможностей («коммерческо-бюрократический способ управления вооруженными силами»). Мак-Нил считал, что большинство культурно-технологических импульсов распространялось по Евразии с Дальнего Востока, он отмечал китайское происхождение первых артиллерийских систем, успехи османской «пороховой революции» в XV–XVI вв. и т. д. В книге «В погоне за мощью» У. Мак-Нил развил идею о том, что в истории евразийского человечества было несколько последовательных эпох военно-технологической гегемонии (китайская, османская, период равновесия между Западом и Востоком, и с 1750 года – европейская военная гегемония) (4).

Среди отечественных историков близкие взгляды на роль военного фактора в истории цивилизаций высказывал И. М. Дьяконов. В частности, он считал, что исторические шансы Европы на фазе «стабильно-абсолютистского постсредневековья» развились в преобладание благодаря распространению «пиробалистического оружия» и успехам коммерческого производства. Концепцию всемирно-исторического характера военных революций разделяет В. В. Пенской. По его мнению, первой военной революцией можно считать возникновение армии как государственного института, пришедшего на смену племенным ополчениям. К значительным социокультурным последствиям привело появление боевых колесниц и конницы. Не меньшее значение для развития военного дела и искусства имела т. н. «гоплитская» революция, военная система римских легионов, распространение рыцарской конской упряжи и т. д. (5).

Изучение внутренних взаимосвязей между процессами *модернизации* и преобразованиями в военной сфере привело к постановке вопроса об исторических условиях и факторах успеха или не успеха военной революции. В неевропейских сценариях модерности, военный аспект (военная реформа под стимулом внешней угрозы) нередко является ведущим. Он обуславливает экзогенный характер *модернизации*. Исторические примеры допетровской России, Османской империи, Японии эпохи Токугава показывают, что военные новшества успешны только в благоприятном культурно-историческом контексте, при сопутствующем комплексе социальных и культурных трансформаций. Пример Османской империи показывает, что традиционалистски настроенное общество, в котором военное дело является национально-религиозной и сословной монополией, способно воспринимать военные новшества только в течение ограниченного времени и диапазоне практик, характерных для данного *культурно-исторического ти-*

на. В токугавской Японии XVII века власти отказались от применения и производства огнестрельного оружия, уже достигшего европейского уровня в XVI в., для сохранения традиционного социального уклада. Примеры Индии, Ирана, Китая показывают, что политика самоусиления, проведенная в отрыве от остальных задач *модернизации*, исторически обречена. Слом *модернизации*, проигрыш в военно-политическом противостоянии отбрасывают модернизирующееся общество далеко назад, повергают его в кризис или застой.

В настоящее время концепт «военная революция» активно используется некоторыми западными и отечественными историками для объяснения характера и специфики процессов *модернизации* в России XV–XVIII вв. (П. Браун, Дж. Кип, Д. Островский, Дж. Котилейн). Все они в той ли иной мере согласованы с концепцией «служилого государства» П. Брауна, в котором военные реформы стали основой преобразования административной, производственной и фискальной системы. Для характеристики этой взаимосвязи М. Поу использует концепцию трех «военных и финансовых форматов», эволюционно сменявшихся в России с XV до XVII века. Первый представлял из себя систему дворянского конного ополчения, на базе региональных единиц, возглавляемых удельными правителями, которое в значительной степени содержалось за свой счет. Второй, «гибридный» (дворянская кавалерия / стрельцы на жаловании) военно-финансовый формат возник в XVI в., когда при Иване IV принимались меры по переводу условных земельных кормлений в наличные оклады. Третий формат был построен в XVII в. и олицетворял собой вполне современную абсолютистскую армию с большим пехотным контингентом, артиллерией, системой гарнизонной и пограничной службы, в социально-экономическом смысле опирающуюся на помещную систему и крепостное право. Фрагментированная военная модернизация Московии стала, по мнению Дж. Котилейна, главной причиной расхождения социально-экономических путей развития России и Европы. Характерно, что некоторые историки отрицают прозападный характер военной модернизации в России до XVIII–XIX вв., отмечая при этом значительное китайское, монгольское, иранское, османское влияние в Средние века (Д. Островски, М. Поу, В. В. Алексеев, С. А. Нефедов, И. В. Побережников и др.)

В последнее время детерминистская теория военной революции, основанная на технологии, уступила дорогу моделям, в которых технологический прогресс играет меньшую роль в сравнении с организационными, управленческими, логистическими и социокультурными

улучшениями (Дж. Блэк [3], Дж. Линн, К. Роджерс и др.). В отечественных исследованиях исторических и теоретических аспектов военной революции Нового времени следует отметить работы В.В. Пенского. В настоящее время концепт военной революции и связанные с ним аспекты культурного диффузионизма, взаимодействий народов и государств легли в основу «трехфакторной модели истории», разработанной С. А. Нефедовым. Соотношение процессов военной революции и *модернизации* Нового времени рассматривается в ряде отечественных исследований.

Лит.: 1) *Roberts M.* The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L. 1967; 2) *Parker G.* The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge University Press, 1988; 3) *Black J.* A Military Revolution?: Military Change and European Society, 1550–1800. London, 1991; 4) *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008; 5) *Пенской В. В.* Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, 2010; 6) *Нефедов С. А.* Война и общество: Факторный анализ исторического процесса. М.: Территория будущего, 2008.

О. В. КИМ

ВООБРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – 1) способность представлять то, что было в *действительности* или не существовало вообще (1); 2) способность к созерцанию даже при отсутствии самого предмета созерцания, обладающая конструктивной функцией, в которой продуцируется целостность (4). **В. и.** стало предметом особого когнитивного интереса в работе Р. Дж. Коллингвуда, который, рассматривая историческое воображение в рамках идеи предпосылочности как фундаментального принципа *исторического познания*, считал, что необходимым средством для построения истории являются априорное и конструктивное воображение, обеспечивающее: а) выбор используемых *источников*, их проверку и критику; б) интерполяцию в разрозненные свидетельства *источников* интегрирующих высказываний, в них прямо не содержащихся; в) создание «картины прошлого», оправданной имеющимися свидетельствами, как *исторической конструкции*. Р. Дж. Коллингвуд подчеркивал, что существует разница между произведениями историка и произведениями романиста как продуктами воображения: задача романиста – построить связную картину, обладающую смыслом, задача историка – построить осмыслен-

ную картину, претендующую на истинность (3). Большую роль в концептуализации исторического воображения сыграл Хейден Уайт, который полагал, «что то, что историки производят, есть, прежде всего, воображаемые образы, которые функционируют более, чем воспоминание прошлых событий в чем-то отдельном воображении». Основная идея его концепции состоит в том, что в работе историка анализу и процедурам *объяснения* и повествования предшествуют образы и предположения, касающиеся содержания и смысла изучаемых и описываемых *исторических событий* в форме *исторического повествования*, получаемые посредством своего рода поэтического прозрения и глубинной структуры исторического воображения. Понятие «историческое воображение» в концепции Х. Уайта шире понятия литературного вымысла, или фикциональности, оно располагается в одном ряду с понятием «мимесис», означающим не отсылку к *реальности*, а дискурсивный акт, результатом которого становится эффект правдоподобия. При этом Х. Уайт считал, что воображение «в работе историка вступает в действие на последней стадии его труда, когда становится необходимым обозначить логику рассуждений или составить *нарратив*, в которых и репрезентировать свои изыскания» (5). **В. и.** можно рассматривать в двух значениях: воображение историков и повседневно-историческое воображение коллективных сообществ. **В. и.** историков – способность *исторического сознания* создавать образы *исторической реальности* на основе предпосылочного исторического знания и знания, полученного на основе информации, полученной из исторических источников. В этом плане **В. и.** историков тесно связано с их ментальными картинами прошлого. Различают репродуктивное **В. и.**, направленное на воспроизводство целостной *исторической реальности* такой, какой она была на самом деле, и продуктивное **В. и.**, направленное на производство целостной *исторической реальности* в виде ее синкретического образа как когерентной «картины истории», в которой презентуется как трансцендентальная *историческая реальность*, так и представления о ней историка. **В. и.** как атрибут познавательной деятельности историка играет большую роль на всех этапах его деятельности. На источниковедческой стадии *исторического исследования* **В. и.** формирует «вопросник», позволяющий получать эмпирическую информацию из источников и на ее основе создавать *исторические факты*. На стадии создания *исторического нарратива* **В. и.** задает модель систематизации *исторических фактов* и *исторического повествования*, преодолевая при этом и недостаток исторической информации, и «разрывы» в исторических знаниях (2). В классической мо-

дели исторического исследования **В. и.** как структура исторического познания позволяет заполнять источниковые лакуны, «достраивать» объективную картину исторической реальности воображаемыми структурами, реконструировать объективную надындивидуальную историческую реальность в виде ее исторического образа, включающего концептуально-понятийные схемы. В неклассической модели исторического исследования **В. и.** является структурой интерпретации, позволяющей создавать образ индивидуальной исторической реальности в виде целостной системы значений и смыслов. Кроме того, в рамках этой модели предметом интерпретаций становится повседневное историческое воображение. В неоклассической модели исторического исследования воображение – структура исторического познания, связанная с когнитивным конструированием исторической реальности в виде исторического образа как целостной «картины истории», в которой неразрывно слиты представления об исторической реальности с самой исторической действительностью. **В. и.** как повседневное историческое воображение коллективных сообществ связано с исторической памятью, в рамках которой историческая реальность виртуализируется, поскольку сопереживается через символы, которые всегда наделяют практику повседневности некоторыми значениями, отклоняющимися от ее строго семантического определения. Основой повседневного исторического воображения является «имажинер» как бессознательный конструктор исторической реальности. Продуктом «имажинера» выступает воображаемая историческая реальность как социокультурный «траект», т. е. образ исторической реальности, отчужденный в процессе коммуникативных практик от коллективных субъектов и автономный по отношению к внешнему социальному миру как миру индивидуальных и социальных отношений, который воспринимается через призму самого «траекта».

Лит.: 1) Carr D. History, Fiction and Human Time // History and the Limits of Interpretation. A Symposium. Режим доступа: http://www.cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=350 [февраль, 2014]; 2) Кобелева Л. С. Роль воображения в истории и историографии: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2000; 3) Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 231–236; 4) Солонин Ю. Н. Воображение и познание в исторических науках // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 90–93; 5) Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ – см. *Ориенталистика*.

ВРЕМЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ – важнейший «материал», с которым работает историк. «Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника», – писал Фернан Бродель. Однако историческое время, особенно «время историка» долго оставалось «немыслимым» компонентом историографической операции (Мишель де Серто). Лишь в XX веке, размышляя о философских апориях категории *время* (Аристотель, Платон, Августин, Декарт, Кант, Ницше, Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер), ученые стали задумываться о природе исторического времени и его роли в *историческом процессе* и *историческом исследовании*. Примерно с середины 1930-х годов историки различают календарное время и **И. в.** Календарное время – это время астрономическое, однородное, формальное, непрерывное, количественное, время календарей и часов. Хронологическое время, представленное в виде абсцисс и графиков или в составленных историками таблицах дат, – это лишь инструмент, позволяющий наблюдать / фиксировать / упорядочивать различные изменения и сравнивать их. Но это – не время истории. Это условное, конвенциональное, хронологическое время, поскольку любая хронология – порождение определенной культурной ситуации и воплощение конкретных эвристических задач.

История имеет собственное время, точнее времена, внутренне присущие изучаемым *процессам*; им свойственны особые ритмы, связанные не с астрономическими или физическими явлениями, но порожденные специфической природой изучаемых *исторических «объектов»*. **И. в.** – это темпоральное воплощение социального. Время, конституирующее опыт: содержательное, качественное, прерывающееся, относительное. Оно неоднородно, гетерогенно, многомерно. Каждая *историческая реальность* – процесс, отношение, связь, явление – функционирует в русле только ей присущего исторического времени. Такое понимание исторического времени было введено в науку Ф. Броделем. Изучение в *исторических исследованиях* множества исторических длительностей показало, что время отнюдь не является неким нейтральным полотном, на котором располагаются «факты» прошлого. Время не существует, хотя оно и вездесуще, это *конструкция*. «Переоткрыв» в прошлом веке время как специальный объект своей науки, историки в материале обосновали мысль, что **И. в.** – это время человеческое, социальное. В русле *истории мен-*

тальностей удалось выявить, как менялись представления о времени от века к веку, от одной культуры к другой. Исследование *повседневности* показало, что восприятие времени сильно различается в поколениях. *Микроистория* позволила понять, что даже внутри одного поколения темпоральные установки могут быть разными, более того, они неизбежно не совпадают у разных людей: сколько людей, столько индивидуальных *темпоральностей*.

Время – важнейшая составляющая *историописания* и на стадии *репрезентации* материала. «Пространство опыта» и «горизонт ожидания», о которых писал Р. Козеллек, сближаются при посредничестве историка в *нарративе*, текстуальном воплощении профессионального опыта историка. В этой связи П. Рикер говорил о том, что рассказ является «хранителем времени», поскольку мыслимое время возможно лишь в том случае, если оно рассказано. Освоение проблематики, порожденной *лингвистическим поворотом*, позволило представить по-новому многие аспекты нарратива. В частности, решая проблему связи субъективного и объективного времени, историки префигурируют время в различные соединительные устройства. Один из таких важных в ремесле историка посредников – это хронология и даты, второй – глагольные формы в *нарративе*, использование которых позволяет приблизить прошлое к настоящему, т. е. к читателю исторического труда. Наконец, таким медиатором может стать след, материальный или идеальный, оставленный прошлым и сохранившийся в настоящем. Такой след стал основой известного проекта Пьера Нора о «местах памяти».

Лит.: Ариес Ф. Время истории. М.: ОГИ, 2011; Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под ред. И. С. Кона. РИО БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115–142; Рикер П. Время и рассказ. Т. 1–3. М., 2000. (Le Seuil, 1983–1985); Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59); Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2010; Чеканцева З. А. «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / под. ред. Л. П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011.

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ – выделяемый в *историографии* комплекс *дисциплин исторической науки*, вычленение которого во многом обусловлено сложив-

шейся традицией использования результатов вспомогательных исторических дисциплин в практиках исследования письменных *исторических источников*. В. и. д. формируются в классической модели науки начиная с XVII в. преимущественно с целью *атрибуции* и *критики исторических источников* и установления *достоверных фактов* как материала исторической науки. Могут быть систематизированы по объекту: (1) изучающие отдельные характеристики исторических источников (*палеография* и др.), (2) изучающие отдельные виды письменных (*дипломатика, кодикология, летописеведение* и др.), вещественных (*нумизматика, фалеристика, и др.*) изобразительных источников (*иконография* и др.), (3) изучающие комплексы информации исторических источников, требующей специальных методов изучения, часто с привлечением данных других наук (*хронология историческая, метрология историческая, ономастика, генеалогия* и др.), изучающие функционирование источника в различных социальных и исследовательских практиках (*архивоведение, археография, историческая библиография, источниковедение, историография*). Дополнительным основанием систематизации вспомогательных исторических дисциплин является их функция и место в структуре источниковедческого исследования: (1) работающие преимущественно на этапе эвристики (*архивоведение, историческая библиография, историческая эвристика*); (2) преимущественно на этапах *атрибуции* и *интерпретации* (*историческая хронология, историческая метрология, сфрагистика, геральдика, дипломатика, палеография*), (3) преимущественно на этапе использования исторического источника в исследовательских и иных социальных практиках (*археография, источниковедение*). Теоретическое осмысление наиболее разработанных вспомогательных исторических дисциплин, входящих в профессиональный образовательный стандарт историка (*историческая хронология, историческая метрология, палеография* и др.) привело к пониманию их самостоятельного культурологического значения, объект вспомогательных исторических дисциплин в таком понимании – универсалии человеческого опыта (восприятие времени, пространства, знаковые системы). В это время наряду с традиционным термином «вспомогательные исторические дисциплины» начинает бытовать термин *специальные исторические дисциплины*, что в науке не получило адекватного обоснования.

Лит.: Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. М.: Л., 1937; Вспомогательные исторические дисциплины: [Сборник]. Л. (СПб.), 1968–2010. Вып. 1–31; Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / редкол.: Ю. Ю. Кондуфор (отв. ред.) и др. Киев, 1988; *Гусаро-*

ва Т. П. Введение в специальные исторические дисциплины / Т. П. Гусарова, О. В. Дмитриева, И. С. Филиппов и др. М., 1990; Специальные исторические дисциплины. Киев, 1992; Специальные исторические дисциплины: учеб. пособие. / С. В. Белецкий, И. В. Воронцова, З. В. Дмитриева и др.; сост. М. М. Кром. СПб., 2003.

Р. Б. КАЗАКОВ, М. Ф. РУМЯНЦЕВА, О. И. ХОРУЖЕНКО

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – *методы исторического исследования*, разработанные в рамках *вспомогательных исторических дисциплин*, которые выступают в качестве самостоятельных отраслей исторической науки, обладающих своим объектом и предметом исследования и ориентированных на изучение определенных видов *исторических источников* или их свойств. Кроме того, среди вспомогательных методов исторического исследования следует выделить *количественные методы*, которые используются для обработки количественных данных и часто интегрируются с *основными методами*, поскольку реализуют аналогичные логические схемы и позволяют разработать *типологию* или классификацию, изучить динамику, провести сравнение или факторный анализ, разработать математическую модель как основу для *системного анализа*. Интеграция *математических методов* с *основными методами исторического исследования* является отражением закономерностей *математизации науки*.

Категорию «вспомогательные методы исторической науки» в настоящее время активно пополняют *междисциплинарные методы*, в том числе анализа текстов (*дискурсивный анализ*, *семиотический анализ*), социологические методы сбора информации и проч.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособие. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991; Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. пособие. М., 1973; Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; Специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие. СПб, 2003.

Л. Н. МАЗУР

ВЫБОРОЧНЫЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ – метод исследования, при котором обобщающие показатели изучаемой совокупности определяются по некоторой ее части, сформированной на основе принципов случайного отбора. Статистическая совокупность, из которой производится отбор единиц, называется генеральной совокупностью. Отобранная из генеральной совокупности часть единиц, подвергающаяся обследованию, называется выборочной совокупностью или выборкой. Выборка должна быть: 1) пропорциональной, т. е. представлять генеральную совокупность в целом и все ее части; 2) случайной – каждая единица наблюдения (документ) должна иметь равный шанс попасть в выборку; 3) *репрезентативной*, то есть представительной по отношению к генеральной совокупности.

В исторических исследованиях **В. м.** используется при изучении *массовых источников*, а также при проведении устно-исторических исследований, реже – для изучения массовых исторических явлений. Обращение историка к выборочному методу актуально в следующих случаях: когда от прошлого осталось сравнительно мало или очень много документов, относящихся к категории массовых. В первом случае встает задача доказательства репрезентативности сохранившегося объема данных (*естественной выборки*), во втором – организация полноценного выборочного исследования.

В историческом исследовании в зависимости от изучаемого *объекта/источников* используются разные подходы к организации выборочного исследования: статистический и социологический. Статистическая теория выборки опирается на случайный отбор единиц наблюдения. Социологический подход помимо случайного отбора включает также приемы целевой выборки.

Выборочное исследование включает следующие этапы:

✓ характеристика объекта исследования (массовые исторические явления или *источники*). Если генеральная совокупность небольшая (200–300 единиц), то выборку проводить не рекомендуется, необходимо сплошное исследование;

✓ расчет объема выборки. Важно определить оптимальный объем, который позволит при наименьших затратах получить ошибку выборки в пределах допустимой;

✓ проведение отбора единиц наблюдения с учетом требований случайности, пропорциональности. Для случайного отбора используются следующие методы: собственно-случайный; механический; типический; гнездовой (серийный). К методам целевого отбора относятся: выборка типичных случаев; выборка доступных случаев; квотная выборка;

✓ доказательство *репрезентативности*, основанное на оценке ошибки выборки. Для случайной выборки ошибка рассчитывается с использованием формул. Для целевой выборки репрезентативность оценивается с помощью качественных методов (сравнения, эксперимента);

✓ анализ выборочной совокупности. Если сформированная выборка отвечает требованиям репрезентативности, то проводится ее анализ с использованием аналитических показателей (средних, относительных и проч.).

Применение выборочного метода в историческом исследовании осложняется рядом факторов: статистический аппарат выборки не вполне соответствует специфике *исторических источников*; историки часто не владеют необходимыми технологиями и нарушают принцип *случайности*, что отражается на результатах выборочного исследования и снижает уровень *достоверности* полученных данных.

Лит.: Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования: учеб. пособ. М., 2006; Дружинин Н. К. Выборочный метод и его применение в социально-экономических исследованиях. М., 1986; Кокрен У. Методы выборочного исследования. М., 1976; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991; Славко Т. И. Математические методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. Екатеринбург, 1995; Шендерюк М. Г. Количественные методы в источниковедении: учеб. пособ. Калининград, 1996; Федорова Н. А. Математические методы в историческом исследовании. Казань, 1996; Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. Самара, 1995.

Л. Н. МАЗУР

«ВЫЗОВ И ОТВЕТ» – категории, символизирующие процесс качественного развития через преодоление кризиса, при помощи которых А. Дж. Тойнби объяснял движущие силы истории. Концепция «вызов и ответ» сложилась как теоретический компонент и методологический инструмент теории цивилизаций. В дальнейшем термины получили расширительное толкование и стали использоваться в гуманитарных исследованиях для обозначения парадигмы конфликтного развития. В *марксизме* существует близкая по смыслу формула диалектического развития «тезис–антитезис–синтез». Сам Тойнби считал, что взаимосвязь вызова и ответа может быть описана в категориях китайской философии «инь» и «ян».

Согласно Тойнби, динамика цивилизаций (возникновение, рост, надлом, упадок и разложение) определяется законом «вызова и ответа». В своем развитии человеческие сообщества постоянно дают ответы на разнообразные вызовы, движение истории определяется полнотой и интенсивностью «ответа» на «вызов». Вызов является некой *исторической ситуацией, проблемой*, конфликтом, преодолевая который цивилизация обретает свою идентичность, расширяет экологическую нишу, создает условия для дальнейшего развития. Конкретные проявления и формы вызова могут быть разнообразны. Они подразделяются на вызовы природной среды (связанные, в основном с освоением или расширением экологической ниши существования исторического сообщества) и вызовы человеческой среды (демографическое давление, социально-экономические кризисы, экспансия, культурные влияния). Характерно, что на один и тот же вызов отдельные общности, принадлежащие к одной цивилизации, могут дать разные ответы. В качестве одного из примеров Тойнби приводит развитие древнегреческих сообществ в VII–VI вв. до н. э. Демографическое давление привело к реформам Ликурга на Пелопоннесе, к распространению греческой колонизации на островах и вдоль всего побережья Средиземного моря и появлению афинской демократии, ориентированной на торговлю. Близким по значению понятием у Тойнби являются так называемые «стимулы роста». Они делятся на природные (стимулы бесплодной земли или стимулы новой земли) и стимулы человеческого окружения (стимул ударов, стимул давления, стимул ущемления). Так европейская цивилизация в Северной Америке в XVII в. формировалась под воздействием стимула новых земель и стимула религиозной дискриминации пуритан-колонистов.

Адекватный ответ на вызов – заслуга творческого меньшинства и отдельных личностей, которые способны генерировать новые идеи, технологии, модели поведения. Историософия Тойнби исходит из того, что каждый индивид тождественен всей целостности общества, как ген. Творческая личность стремится преобразовать других и испытывает в этом жизненную необходимость. Творческое меньшинство отвечает на «вызовы», бросаемые данной культуре внешним миром, в результате чего обеспечивается поступательное развитие того или иного общества. При этом «творческое меньшинство» ведет за собой пассивное большинство, опираясь на его поддержку и пополняясь за счет его лучших представителей. Ключевые черты западной цивилизации, которые привели ее к господству, *демократия и индустриализм*, по мнению Тойнби, возникли из глубин творческого

меньшинства. Существует разрыв между массовым сознанием и сознанием меньшинства, на целую эпоху.

Описывая воздействие меньшинства на цивилизацию Тойнби использовал двухтактный ритм «ухода» и «возврата». Неспособность традиционалистски настроенного общества воспринять актуальные идеи и практики побуждает меньшинство к «уходу». Под ним понимается время осознания идеала, ухода от активной деятельности, время накопления энергии, изоляция в некой социальной, культурной или экологической нише. По истечении определенного времени у меньшинства есть комплекс новых средств для практического преодоления вызова, а осознавшее необходимость преобразований общество в состоянии их адекватно воспринять. Возврат – время практической реализации идеала. Ритм ухода и возврата описывается Тойнби на примерах как личностей Иисуса, Давида, Будды, Конфуция, Игнатия Лойолы, Мухаммеда, Макиавелли, Петра I, так и социальных групп, идеологий, философских и религиозных течений.

В период возврата творческое меньшинство превращается в новую элиту. Сначала она властвует в силу обретенного авторитета, но впоследствии перерождается. «Господствующее меньшинство» оказывается неспособным воплотить в жизнь свой мистический «жизненный порыв» и ответить на «вызовы» истории, оно озабочено только удержанием власти. Неспособность справиться с обстоятельствами и постоянно возникающими вызовами приводит к «надлому» цивилизации. Отчужденная масса населения становится конформистским «внутренним пролетариатом», бездействие которого, совместно с агрессией внешних врагов (внешний пролетариат), в конечном счете разрушает данную цивилизацию. Таким образом, концепция вызова и ответа соединяет приемы *позитивистской историографии* с философскими идеями «творческой эволюции» (А. Бергсон).

Лит.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

О. В. КИМ

Г

ГЕНДЕР – современная социальная наука различает понятия пол и гендер (gender). Традиционно первое из них использовалось для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Пол (т. е. биологические особенности) человека считался фундаментом и первопричиной психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами. По мере развития научных исследований стало ясно, что с биологической точки зрения между мужчинами и женщинами гораздо больше сходства, чем различий. Многие исследователи даже считают, что единственное четкое и значимое биологическое различие между женщинами и мужчинами заключается в их роли в воспроизводстве потомства.

Помимо биологических отличий между людьми существуют разделение социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Антропологи, этнографы и историки давно установили относительность представлений о «типично мужском» или «типично женском»: то, что в одном обществе считается мужским занятием (поведением, чертой характера), в другом может определяться как женское. Таким образом возникло понятие гендер, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные гендерные роли.

Лит.: Антология гендерных исследований. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Минск: Прополис, 2000; Словарь гендерных терминов. М., 2002; Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001; Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». М.: МЦГИ, 2000; Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред.

Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000; Юкина И. И. Введение в гендерные исследования. Учебно-метод. пособие. СПб., 2008.

Н. В. КАРНАЧУК

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ – направление в исторической науке, изучающее историю формирования и функционирования социальных отношений, основанных на воспринимаемых различиях между полами; историю представлений о «мужском» и «женском» как категориях социального иерархического порядка; историю гендерных отношений, преимущественно как историю отношений власти и социального контроля, выраженных в гендерных идеологиях и представленных в гендерных репрезентациях, а также способы конструирования «мужского» и «женского» через гендерное воспитание и образование и их закрепление в качестве гендерной идентичности личности. **Г. и.** характеризуется междисциплинарностью, использованием наряду с собственно историческими методами подходов различных дисциплин гендерных исследований: гендерной лингвистики, социологии, психологии и др. **Г. и.** возникла в 1980-х гг. в рамках истории женщин. Однако если последняя базировалась на феминистской идеологии и была укоренена в феминистском движении, **Г. и.** стремилась преодолеть крайности, которые политика вносила в науку, и представить целостную картину взаимоотношений полов. Принципиально важной для развития теоретических оснований гендерной истории стала статья американского историка Джоан Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1986), в которой были определены сущность и содержание понятия. Она выделила четыре базовые подсистемы, в рамках и на пересечении которых может исследоваться гендер: культурные символы, характеризующие мужчину и женщину; нормативные утверждения, закрепленные в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах, определяющие возможные смысловые значения культурных символов; социальные институты и организации, которые структурируются гендером; субъективная гендерная идентичность. Отправляясь от обозначенных Дж. Скотт проблем, современные гендерно-исторические исследования еще расширили свое предметное поле, в том числе и за счет переключения внимания с источника на самого исследователя, гендерной экспертизе подверглись не только тексты, но и работа их создателей.

Ключевая категория гендерной истории – понятие *гендер*, т. е. «пол-род», которое в отличие от понятия «пол-секс» отвергает биоло-

гический детерминизм и акцентирует социокультурный характер представлений о «мужском» и «женском». Исследования последних лет подчеркивают множественность и разнообразие этих моделей. Изучение стереотипных представлений о маскулинном и феминном, а точнее – феминностях и маскулинностях, – одна из наиболее развитых областей гендерной истории. Другими активно разрабатываемыми областями исследований являются анализ гендерных идеологий, история маскулинностей, которая призвана преодолеть унаследованный от истории женщин перекося, а также конфигурации гендерных отношений в рамках тех или иных обществ и культур, которые принято определять как гендерные системы или гендерные режимы.

Различные исследовательские подходы сложились на базе популярной в качестве методологической основы гендерной истории теории социального конструирования гендера. Макроисследования анализируют то, как общество через свои институты программирует гендерную идентичность индивида и готовит его к выполнению той или иной гендерной роли. На микроуровне изучается формирование гендерной идентичности самого индивида, его осознание себя мужчиной или женщиной с соответствующими поведенческими моделями и практиками. Существуют различные трактовки степени свободы индивида в этом процессе – от жесткого программирования до «разыгрывания пола», когда гендер рассматривается как результат коммуникации, взаимодействия между индивидами.

Лит.: Пушкирева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007; Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. М., 2002; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009; Скотт Дж. Гендер – полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования. 2000. № 2(5). С. 142–170; Словарь гендерных терминов. М., 2002.

А. Г. СУПРИЯНОВИЧ

ГЕНЕАЛОГИЯ (родословие, от др.-греч. γένεα – семья и λόγος – слово, знание) – 1) в переносном смысле – происхождение, становление и развитие во взаимосвязи с предшествующими этапами (Г. идеи, Г. науки и т. п.). 2) практическая деятельность по установлению происхождения и родства отдельных лиц и родов, итогом которой становятся, как правило, поколенные росписи, генеалогические таблицы и древа. Наиболее значимые результаты европейской практической

генеалогии представлены в генеалогическом ежегоднике «Готский альманах» (Almanach de Gotha, 1763–1944; в послевоенные годы предпринималось несколько попыток возобновить издание); в отечественной историографии имеются справочники П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, Г. А. Власьева, др. В настоящее время в России и за рубежом действуют многочисленные общества и ассоциации генеалогии, объединяющие как исследователей-профессионалов, так и любителей, которые издают разнообразную печатную продукцию, иногда представляющую собой ценные справочники по истории отдельных родов. Новый импульс развитию практической генеалогии придала генетическая Г., позволяющая устанавливать родственные связи путем анализа ДНК (Дж. Джиниоглу, Л. Л. Кавалли-Сфорца, Т. М. Карафет, Т. Кивисилд, А. А. Клёсов, Дж. Д. Макдональд, Б. Сайкс). 3) *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая практики генеалогии в их ретроспективе, разрабатывающая методики получения генеалогических сведений при анализе *исторических источников*, способы конструирования родовой памяти и презентации ее в социуме. Такое понимание Г. получила впервые в работах Н. П. Лихачева (1862–1936), источниковедческие подходы которого были развиты в послереволюционное время в работах С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, М. Е. Бычковой. Историографический аспект генеалогии как исторической дисциплины рассматривался О. М. Медушевской, М. Е. Бычковой, А. Б. Каменским.

Лит.: Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования московской буржуазии. М., 1988; Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII века. М., 1996; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; Бычкова М. Е., Смирнов М. И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Генеалогические исследования: сб. науч. тр. М., 1993; Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования: сб. науч. тр. М., 1989; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; История и генеалогия: сб. науч. тр. М., 1977; Лихачев Н. П. «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 180–190; Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI в.: источники, проблемы интерпретации. М., 2001; Известия Русского Генеалогического Общества. СПб., 1900–1911. Вып. 1–4; Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. М., 1905–1916. Вып. 1–4.

ГЕНЕРАЛИЗИРУЮЩИЙ ПОДХОД – понятие, используемое в Баденской школе неокантианства (преимущественно Г. Риккертом, 1863–1936) для характеристики основного способа доначного образования *понятий* – генерализирующего понимания действительности. **Г. п.** востребован логикой *номотетических* наук – наук о природе, отличной от логики *идиографических* наук – наук о культуре, базирующейся на *индивидуализирующем* способе образования понятий.

Лит. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997; Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 129–204.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) вспомогательная дисциплина географии, изучающая прошлое географического пространства в соответствии с установившейся структурой этой науки (т. е. физическая **И. г.**, политическая **И. г.** и т. д.); 2) *дисциплина исторической науки / вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая географическую составляющую *исторического процесса* («историческое пространство»); **И. г.** формирует представления об *исторических событиях* и явлениях, связывая их с конкретными территориями; 3) метод изучения социокультурных пространств в постнеклассической исторической науке. Предметом исторической географии в *метанарративе* государства-нации выступает процесс складывания государственной территории, изменения этнических и государственных границ. В этом контексте рассматривались вопросы переселения народов, колонизации, возникновения городов и т. д. (Е. А. Freeman, М. К. Любавский, С. М. Середонин, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. А. Кучкин). Источниками исторической географии выступают источники всех типов и видов, поскольку возникают они не только во времени, но и в пространстве. Другое дело, что комплексный характер проблем исторической географии требует полидисциплинарного подхода к их изучению, тесного взаимодействия со смежными дисциплинами, в первую очередь, – естественнонаучного цикла. Для исторической географии принципиальное значение имеют исследования геоморфологов, палеонтологов, почвоведов – специалистов, имеющих собственный исследовательский инструментарий для изучения объектов природного происхождения (т. е. не относимых к *историческим источникам*). Визуальным воплощением и, во многом, конечной це-

лью исследований, вписывающихся в это направление, становятся исторические карты и атласы, иллюстрирующие изучаемые процессы. Специфическим и достаточно разработанным в отечественной науке инструментом исследования **И. г.** стала методика локализации упоминаемых в *исторических источниках* географических реалий на современной карте, включающая изучение современной топонимии и полевые, в т. ч. археологические, наблюдения (В. Н. Дебольский). Разработка данной тематики сопровождалась, с середины XX в. – довольно заметно, изучением более мелких территориальных образований – отдельных княжеств, крупных светских и монастырских вотчин, в котором превалировали экономико-правовые аспекты (С. Б. Веселовский, А. И. Копанев, Б. Д. Греков, А. А. Зимин, М. С. Черкасова). В середине XX в. происходит актуализация проблем исторической географии, что было связано с исследовательскими практиками школы «Анналов». В последние десятилетия XX в. в связи с утратой интереса историков к национально-государственной истории и как ответ на кризис исторического *метанарратива И. г.*, как и дисциплинарная история в целом, отдала дань *микроистории*. Исследователи заинтересовались как микро-пространствами – кабаки, таверны, рынки, студенческие кампусы, церковные приходы и т. п., – так и воображаемыми пространствами, аллегорическим и сентиментальным пейзажем. В рамках **И. г.** получили развитие проблемы становления географических знаний, представлений человека прошлого о пространстве, ранее, как настаивал ряд исследователей (В. К. Яцунский, В. А. Муравьев), не входившие в предмет исторической географии. В современной ситуации, получившей название «пространственный поворот» в гуманитаристике, и под влиянием постпозитивистских предметных полей современной географии – культурной географии и новой культурной географии – актуализируются проблемы пейзажа, ландшафта, социокультурного пространства и т. д., а **И. г.** становится одним из *методов исторического исследования*. Ведущими периодическими изданиями по проблемам исторической географии являются «Journal of Historical Geography» и «Imago Mundi: the International Journal for the History of Cartography». В Институте истории АН СССР в 1962 г. была образована Группа исторической географии, ее первым руководителем был В. К. Яцунский (1893–1966). Затем Группа исторической географии существовала в Институте истории СССР АН СССР, сегодня в Институте российской истории РАН ее возглавляет К. А. Аверьянов.

Лит.: Казаков Р. Б., Маловичко С. И., Румянцев М. Ф. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной исторической дисциплины к методу // Историческая география: про-

странство человека vs человек в пространстве. М., 2011. С. 31–45; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984; Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией: курс, читанный в Московском университете в 1908–9 акад. г. М., 1909; [Середонин С. М.] Историческая география: лекции, читанные проф. С. М. Середониным в Императорском Петроградском Археологическом Институте. Пг., 1916; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960; Driver F. Cosgrove Denis: Historical Geography Unbound // Journal of Historical Geography. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 1–2; Freeman E. A. The Historical Geography of Europe. L., 1881–1882. Vol. 1–2.

С. И. МАЛОВИЧКО, О. И. ХОРУЖЕНКО

ГЕРАЛЬДИКА (от лат. heraldus — глашатай; иначе гербоведение) – 1) практическая деятельность по созданию гербов (составлению по особым правилам отличительных знаков для страны, города, корпорации, рода, отдельного лица) в специальных учреждениях (канцелярская Г.) или самими владельцами (самобытная Г.); правила для составления гербов разрабатывает так называемая «теоретическая» Г. 2) совокупность гербов, сгруппированных по тому или иному принципу (европейская Г., территориальная Г. и т. д.); 3) *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая практики составления гербов, их функционирование в социуме. Представлена *источниковедением* геральдики, *историографией* геральдики, историей государственных учреждений, специализирующихся на составлении гербов; библиографией геральдики. Прикладное значение геральдики как *вспомогательной исторической дисциплины* проявляется в атрибуции герба (гербовой экспертизе) – определении владельца герба, даты и места производства того или иного объекта материальной культуры, имеющего изображение герба. Объектами геральдики выступают любые материальные объекты – носители гербовых изображений, геральдические трактаты, разрабатывающие правила «теоретической» геральдики, делопроизводственные материалы об изготовлении гербов, акты источники (дипломы) и т. д. Традиционно узкое понимание герба как явления европейской *традиции* и как изображения, оформленного в соответствии с принятыми нормами, исключает из объекта геральдики иные знаки родовой, клановой, сословной и корпоративной принадлежности. Между тем, историографическая ситуация последних лет оправдывает расширительное понимание объекта гераль-

дики, включающее в него тамги, лично-родовые знаки Рюриковичей и иные изображения, функционально идентичные гербу в его европейском понимании, но формально с ним расходящиеся. Кодификация европейского гербового материала началась в развитом Средневековье в форме гербовников. «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» начал издаваться с 1797 г. Начало геральдике как *вспомогательной исторической дисциплины* в России положено А. Б. Лакиером (1855), в дальнейшем источниковедческие подходы к гербовому материалу развивались С. Н. Тройницким, В. К. Лукомским. В 1907–1908 гг. Ю. В. Арсеньев читал лекции по геральдике в Московском Археологическом институте. После революции возрождение геральдики как учебной дисциплины связано с именем Е. И. Каменцевой.

Лит.: *Арсеньев Ю. В.* Геральдика: лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. М., 1908; *Белецкий С. В.* Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X–XI вв.) // У источника. М., 1997. Вып. 1; *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика : учеб. пособ. М., 1963 (2-е изд., доп. : М., 1974); *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб, 1855; *Лукомский В. К.* Гербовая экспертиза (случай и способы применения) // Архивное дело. 1939. № 1 (49); *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16; *Наумов О. Н.* Геральдическая историография России : учеб. пособ. М., 2001; *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. Москва, 1981; *Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999; *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

О. И. ХОРУЖЕНКО

ГЕРМЕНЕВТИКА (др.-греч. ἑρμηνευτική) – 1) искусство толкования текстов; 2) *методологическая* парадигма гуманитарного / исторического знания (XIX в. В. Дильтей); 2) философская дисциплина, в которой выделяется Г. сознания (XIX в. Ф. Шлейермахер, В. Дильтей) и Г. бытия (XX в. М. Хайдеггер – онтологический аспект, Г.-Г. Гадамер – эпистемологический аспект). В общем понимании предмет герменевтики – «процесс чтения, понимания и анализа текстов, которые были написаны в совершенно ином историческом контексте» (Э. Тисельтон).

Истоки герменевтики следует искать в Древней Греции, где практиковалось толкование текстов оракулов и Гомера; Аристотелем был создан трактат *Peri hermeneias* («О выражении мыслей»). Наибольшее

влияние на становление герменевтики оказало толкование Библии в иудаизме (Филон) и христианстве (Ориген, Августин). Как дисциплина, не только практикующая экзегезу (толкование малопонятных текстов религиозного характера), но и разрабатывающая правила толкования, Г. сложилась в раннем протестантизме (Лютер, Меланхтон, Флаций). Понятие *hermeneutica* (лат.) впервые встречается у И. К. Даннхауэра (1629). Становление философской (филологической) герменевтики как учения о понимании как таковом связано с именами Хладениуса (1710–1759), Ф. Шлейермахера (1768–1834), А. Бёка (1785–1867).

Выделяют разновидности герменевтики: перевод (рус. – толмач, англ. – *interpreter*), *реконструкция* (применительно к *историческому познанию* – воспроизведение смысла *исторического источника*, воссоздание *исторической ситуации* / исторических обстоятельств) и диалог (концепция диалога культур, диалоговый подход в гуманитарном познании). Ряд авторов соотносит разновидности герменевтики с историческими этапами ее становления (Д. В. Майборода). Первый этап – толкование / перевод воли богов (античность) и библии (средние века). Второй этап – *реконструкция* – преобладает в Новое время и реализуется в филологической герменевтике. Техники реконструкции разработаны Ф. Шлейермахером, А. Бёком. Наибольшее развитие Г. как реконструкция получает в концепции В. Дильтея, рассматривающего в качестве основания герменевтики описательную психологию, которой придается характер универсального метода наук о духе, в первую очередь – *исторической науки*. Диалог культур / *традиций* как порождение новых смыслов преобладает в философии XX в. (Г.-Г. Гадамер, Ю. Хабермас, П. Рикёр). Становление исторической герменевтики происходит в XIX в. В. Дильтей (1833–1911), противопоставив *понимание* как *метод исторического знания* объяснению как методу естественных наук, придал герменевтике характер общей *методологии исторического познания*. В качестве практической герменевтики в историческом познании XIX и отчасти XX вв. следует рассматривать толкование содержания *исторических источников* с целью *конструирования исторических фактов* при их подчинении логике *исторического нарратива*. При этом соотношение *исторического факта* и *исторического нарратива* адекватно описывается понятием *герменевтического круга*. В современном гуманитарном познании существует тенденция отождествлять герменевтику с *интерпретацией*. В неклассической и постнеклассической моделях науки применительно к *историческому познанию* принципиально

важно различать Г. с *интерпретацией исторического источника*, поскольку герменевтические процедуры и преобладающая в XX в. диалоговая разновидность Г., в строгом смысле, не имеют целью научное познание, но истолкование *исторического источника* с позиции «читателя» и истолкование *исторических фактов* в контексте определенного *нарратива* – концепция «искажения нарратива» (Н. Н. Талеб). Различение *герменевтического подхода* и *интерпретации* как процедуры научного познания может быть обнаружено в семантическом различии толкования / *объяснения* и *понимания*. Следует признать, что необходимое методологическое различение этих понятий не всегда легко реализуемо в исследовательских практиках *исторической науки*.

Лит.: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991; Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988; Дильтей В. Герменевтика и теория литературы // Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. М., 2001. Т. IV; Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996; Майборода Д.В. Герменевтика // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 160; Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2002; Талеб Н. Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости. М., 2012. Гл. 6: Искривление нарратива. С. 117–152; Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011; Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997; Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ – 1) имманентное свойство *понимания*, фиксирующее его предпосылочный, пред-рассудочный характер, обусловленность, в т.ч. *традицией*; 2) базовое правило *герменевтики*: «целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное – на основании целого» (Г.-Г. Гадамер); 3) в философии науки – взаимообусловленность теории и факта, в основе которой изначальная теоретическая нагруженность фактов, из которых строится теория.

Истоки герменевтического круга обнаруживаются в античной риторике и патристике (Августин). Флаций (протестантский богослов, 1520–1575) развил учение о взаимосвязи смысла фрагментов текста и текста как целого. В новое время Г. к. становится базовым правилом *герменевтики* как искусства *понимания*. Сформулировал проблему герменевтического круга Ф. Аст (1778–1841) в работе «Основные черты грамматики, герменевтики и критики» (1805), где говорится о том,

что целое понимается исходя из смысла единичного, а единичное – исходя из смысла целого. Под конечным целым Ф. Аст понимал «дух истории». Проблему конкретизировал Ф. Шлейермахер (1768–1834): круговое движение *понимания* имеет объективную и субъективную составляющие. Объективная составляющая герменевтического круга – включенность отдельного текста в контекст творчества автора, творчества автора – в контекст литературного жанра и литературы вообще. Субъективная составляющая герменевтического круга – принадлежность текста душевной жизни автора. Этим составляющим герменевтического круга соответствуют «грамматическая» и «психологическая» *интерпретации*. Проекцию герменевтического круга на *историческое познание* содержит концепция В. Дильтея (1833–1911): *понимание* исторического индивидуума (индивидуума, обладающего «историческим разумом») возможно при понимании духовного мира соответствующей *эпохи*, что, в свою очередь, предполагает *понимание* «предметных остатков психической жизни». Оригинальную трактовку герменевтического круга применительно к *историческому познанию* дал И. Г. Дройзен (1808–1886): «мы понимаем то, что есть, целиком и полностью только тогда, когда познаем и уясняем его становление. Но его становление мы познаем, лишь следуя и постигая как можно точнее, каково оно есть...», «...становление и настоящее бытие мы проявляем из сущего, воспринимая его во времени и разлагая на части, чтобы понять его». В философии М. Хайдеггера (1889–1976) **Г. к.** приобретает онтологический характер как базовое определение условия существования человека. В *эпистемологическом* плане идеи М. Хайдеггера об «онтологически позитивном смысле» герменевтического круга развил Г.-Г. Гадамер (1900–2002), показавший продуктивность герменевтического круга в процессе познания. Применительно к *историческому познанию* Г.-Г. Гадамер «распознает во временной дистанции позитивную, продуктивную возможность понимания». Эту концепцию развивает далее П. Хаттон, который выявляет роль *традиции* в процессе *понимания* и анализирует новые условия существования герменевтического круга при *постмодернистском* разрушении *традиции*.

В *историческом познании* не следует смешивать **Г. к.** как способ *понимания*, основанный на пред-рассудке, на пробрасывании смысла, с осознанной экспликацией контекста в процессе *исторической интерпретации*.

Лит.: Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 72–82; Хаттон П. История как искусство памяти.

М., 2003. С. 368–397; Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002. Ч. 3: Философская герменевтика. Гл. 2: Принцип «герменевтического круга» и проблема понимания. С. 142–159.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД – 1) в философии подход к изучению действительности, в основании которого лежит онтологическая взаимообусловленность истолкования бытия человеком и человеческого самоистолкования (М. Хайдеггер); 2) в *историческом познании* – практика, часто методологически не отрефлексированная, истолкования смысла *исторического источника* с позиции читателя-историка. **Г. п.** в *историческом познании* предполагает диалогичность в отношениях субъекта-историка – субъекта истории / объекта *исторического познания*. Реализация герменевтического подхода к *историческому источнику* ведет к присвоению историком смысла *исторического источника* и расширению своего самопонимания через понимание Другого (П. Рикёр). В российской историографии **Г. п.** наиболее разработан применительно к древнерусским повествовательным источникам (серия сб.: «Герменевтика древнерусской литературы» и другие). Различение герменевтического подхода и *исторической интерпретации* как процедуры научного познания может быть обнаружено в семантическом различии толкования / объяснения и понимания.

Лит.: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991; Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989–2010. 15 т.; Герменевтика древнерусской литературы: антология. М., 2010; Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004; Рикёр П. История и истина. СПб., 2002; Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2002; Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ГИПОТЕЗА ИСТОРИЧЕСКАЯ (от др.-греч. ὑπόθεσις – основание, предположение) – научное предположение, призванное описать, объяснить или предсказать какие-либо *исторические факты, события* или *процессы*, пока неподтвержденные и непроверенные. Гипотезы играют организующую роль в научной работе и тесно свя-

заны с такими элементами исследования как *проблема*, цель и задачи. В зависимости от подходов к формулировке различают гипотезы научные (теоретические) и рабочие (экспериментальные). С учетом стадии научного исследования выделяют первичные (выдвигаются в начале исследования) и вторичные гипотезы (формулируются в ходе или после проведения исторических изысканий, изучения *источников*). Могут быть гипотезы–основания (ориентированные на *объяснение* причин) и гипотезы–следствия (*объяснение* результатов, последствий). В зависимости от содержания выделяются описательные гипотезы (предположения о *фактах*); объяснительные (предположения о причинно-следственных связях) и прогностические (предположения о возможном варианте развития *событий*). Описательные гипотезы о существовании явлений и предметов доказываются или опровергаются путем их обнаружения или установления отсутствия. Объяснительные гипотезы, характеризующие ненаблюдаемые связи между явлениями, требуют более сложных процедур, связанных с созданием логически непротиворечивых аргументов, обеспечивающих необходимый уровень доказательства.

Основные требования к формулировке гипотезы: ясность, непротиворечивость и проверяемость. Процесс и результат научного подтверждения Г. называют *верификацией*.

Лит.: Берков В. Ф. Научная проблема (логико-методологический аспект). Минск, 1979; Герасимов И. Г. Структура научного исследования (философский анализ познавательной деятельности в науке). М., 1985; Войшвилло Е. К. Логика с элементами эпистемологии и научной методологии. М., 1994; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Мининков Н. А. Введение в теорию исторического познания. Ростов н/Д, 2009.

Л. Н. МАЗУР

ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ – *направление исторической науки*, возникшее в конце XX в. как ответ на вызов процесса глобализации, из-за неудовлетворенности традиционной «всеобщей историей» и стремления преодолеть ограниченную практику национально-государственной истории. **Г. и.** предполагает универсальность по форме, глобальность по масштабу и научность по методам (D. Christian). Со второй половины XX в. европоцентристская модель «всеобщей истории» все чаще подвергалась критике историками, которые

искали ответы на вызовы времени, в том числе, связанные с процессом деколонизации, но не находили их ни в марксистской концепции истории, ни в теории модернизации, европоцентристской по своей сути. «Постколониальная история» стала антиевропоцентристской, что не позволяло изучать историю всего мира даже на том уровне, на котором это делала критикуемая традиционная «всеобщая история». Поэтому, с конца XX в. историки начали ставить вопросы о новой модели «универсальной истории», о «новой мировой истории», «новой межнациональной истории», «новой глобальной истории» и «транснациональной истории». С начала XXI в. исследователи ведут споры об определениях и о разграничении предметных областей новых историй, отвечающих принципам «универсальной истории» (С. А. Bayly, S. Beckert, M. Connolly, I. Hofmeyr, W. Kozol, P. Seed): если для «новой межнациональной истории» предлагается исследовательское поле истории миграционных процессов, для «транснациональной истории» выделяют проблематику широкомасштабных социокультурных процессов, в которые были втянуты не только многие народы мира, но и разные континенты и части света (например, европейская колонизация XV–XX вв.), то глобальную историю связывают с историей процессов глобализации, которые начинаются в позднее средневековье или раннее новое время. В ситуации постпостмодерна (начало XXI в.) начат поиск актуального коэкзистенциального целого человечества, предпринимаются попытки изучать исторические связи между изменяющимися пространствами, сообществами и локусами; мир осмысливается в единстве его многообразия на основе *компаративных подходов*, осознается необходимость *конструирования* как глобального, так и глокального субъектов исторического действия. Г. и. предполагает изучение локальных процессов с глобальной точки зрения, находя их общие черты, но одновременно выделяя то, что отличает их от других, – уникально-локальное. Ставится проблема изучения множества разноуровневых культурных контактов как составляющих процесса возникновения глобальной культурной сети (О. К. Fält). Г. и. видится как история большая, чем простая сумма частных историй, поэтому многие историки связывают надежды с предполагаемой способностью глобальной истории предложить эффективную альтернативу «героическим национальным нарративам» традиционной *историографии*. Следует подчеркнуть, что Г. и. направлена не на познание некоторых общих принципов или смысла истории, а на *описание событий и сравнительный анализ процессов*.

Представители глобальной истории, осознающие, что глобализация не тождественна процессу *конвергенции*, не говоря уже о гомогенизации, а включает многие варианты адаптации и ассимиляции к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым локальным обществам, признают первоочередной задачей глобальной истории *интерпретацию* взаимодействия между локальным и универсальным (Л. П. Репина). Таким образом, глобальную историю ассоциируют с движением к взаимосвязанному миру, к практике исследования мировой культуры, которая характеризуется активным взаимодействием между локальными и национальными культурами, непрерывным потоком культурных влияний во всех направлениях. Известным периодическим изданием по проблематике глобальной истории является «Journal of Global History» (издается с 2006 г.).

Лит.: Ионов И. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С. 33–60; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и исследовательская практика. М., 2011; AHR Conversation: On Transnational History: Participants: C. A. Bayly, S. Beckert, M. Connelly, I. Hofmeyr, W. Kozol, P. Seed // The American Historical Review. 2006. Vol. 111. No. 5. P. 1441–1464; Global History: Interactions between the Universal and Local. Basingstoke, 2006; Fält O. K. Global History, Cultural Encounters and Images // Between National Histories and Global History. Heisingfors, 1997; Mazlish B. The New Global History. NY., 2006.

О. В. КИМ, С. И. МАЛОВИЧКО

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ – 1) государство, находящееся в развитии (1); 2) качественное состояние государства, характеризующееся такими факторами, как духовное состояние общества, специфика исторического периода его развития, наличие определенных форм социального общежития и государственного управления (3); 3) государство в его отношении к социуму (5); 4) отношение между «верховой властью и союзом людей» (4). В *исторической науке* термин «государственность» часто некорректно используется в качестве синонима таких понятий, как государство, государственный строй, политическая организация общества. Под государственностью следует понимать, во-первых, особую форму организации общества, включающую в себя как государственно-правовые, так и идеократические явления, во-вторых, принципы взаимодействия государства с окружающей действительностью. В этом плане Г. можно рассматривать как государст-

венно-организованную форму общества, включающую государственно-правовые структуры и институты, национально-государственную идею и социальные практики ее реализации. Государственно-правовые структуры и институты, осуществляющие управление обществом, выполняют интеграционную, мобилизационную и регулятивную функции. Национально-государственная идея – это система санкционируемых государством представлений об идеалах и долговременных целях развития общества, а также принципах взаимодействия государства с обществом, человеком, социоприродной средой и внешним миром. Национально-государственная идея как санкционируемая государством система представлений об идеалах и долговременных целях развития общества, задает в нем «общее дело» и формирует единый символический универсум и нормативно-ценностный порядок. Символический универсум, генерируемый государственностью, придает ей легитимный характер, опирающийся на представления о необходимости сохранения политического единства и социального порядка в качестве антитезы социальному локализму и хаосу. Национально-государственная идея и социальные практики ее реализации, задавая «социальную литургию», формируют осознанные и неосознанные конативные установки, обуславливающие социальные действия и взаимодействия в обществе. Таким образом, Г., устанавливая единый нормативно-ценностный порядок, выступает формой административно-правовой, национально-этнической и социокультурной интеграции общества.

Лит.: 1) Венгеров А. Б. Будущее российской государственности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1997. № 1. С. 20; 2) Лубский Р. А. Государственность в России: проблемы изучения в контексте методологии системного исследования // Философия права. 2011. № 4. С. 23–26; 3) Лукьянова Е. А. К вопросу о специфике российской государственности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2002. № 3. С. 14; 4) Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 27; 5) Чешков М. А. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание или возрождение? // Международная экономика и международные отношения. 1993. № 1. С. 31.

Р. А. ЛУБСКИЙ

Д

ДЕДУКЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (от лат. *deductio* – выведение) – способ теоретического познания, который представляет собой логическое суждение, основанное на принципе «восхождения от общего к частному; от абстрактного к конкретному». Понятие «дедукция» как доказательство посредством силлогизма встречается у Аристотеля, широко использовалось в средневековой логике и философии. Р. Декарт считал, что Д. позволяет получить лишь опосредованное, основанное на суждениях, знание и предпочитал дедукции интуицию. Ф. Бэкон рассматривал дедукцию как «второстепенный» метод и полагал, что подлинное знание дает только *индукция*. Представители немецкой философии, напротив, видели в дедукции источник «истинного» аналитического знания.

Выделяют разные формы дедукции: классическая Д., где суждение строится по схеме от общего к частному; расщепляющая Д., когда познание движется от знания предмета в целом к пониманию его частей; консеквенциальная (закрывающая) Д., где умозаключение строится от знания следствия к пониманию причины.

Д. позволяет из имеющегося знания получать новое на основе суждения (силлогизма) без обращения к практике и опыту. Удельный вес дедуктивной аргументации в разных областях знания существенно различается. Она широко применяется в точных и естественных науках (математике и математической физике и пр.). В *исторических исследованиях* такой подход наиболее продуктивен при систематизации знаний, проведении *типологии*, разработке понятийного аппарата, уточнении теоретических представлений об изучаемом явлении. Важную роль Д. играет в *доказательстве*: она используется для обоснования одних утверждений путем ссылки на истинность других.

Лит.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика с элементами эпистемологии и научной методологии. М., 1994; Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М., 1984; Гончаров С. С., Еришов Ю. Л., Самохвалов К. Ф. Введение в логику и методологию науки: учеб. изд. Новосибирск, 1994; Горский Д. П. Обобщение и познание. М., 1985; Козин Н. Г. Познание и историческая наука.

Саратов, 1980; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Логические методы и формы научного познания. Киев, 1987; Лукашевич В. К. Научный метод: Структура, обоснование, развитие. Минск, 1991; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010.

Л. Н. МАЗУР

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – объективная историческая реальность, противостоящая субъекту исторического познания (1). В классической науке понятие «объективная историческая реальность» является синонимом понятия «историческая действительность». Определение исторической действительности через понятие «объективная реальность», с одной стороны, подчеркивает важный момент – существование прошлого до сознания субъекта исторического познания, с другой стороны, не позволяет различать в теоретическом сознании историческую действительность и историческую реальность. В неклассической исторической науке существует два «мира прошлого»: мир исторической действительности и мир исторической реальности. Мир исторической действительности – это прошлое, вовлеченное в процесс исторического познания; мир исторической реальности – это образ прошлого, сконструированный в сознании субъекта исторического познания. Не все то, что принадлежит миру исторической действительности, становится миром исторической реальности, но только то, что проходит своего рода методологическую «цензуру» в определенном культурно-эпистемологическом контексте, поскольку методология определяет, в конечном счете, предметное поле исторического познания. Д. и. как прошлое существует в настоящем в трех формах: 1) утилитарное прошлое – прошлое как дидактический сегмент настоящего; 2) зафиксированное прошлое – продукты прошлой человеческой деятельности, сохранившиеся в настоящем; 3) когнитивное прошлое – образ прошлого в историческом сознании (2). Д. и. как историческое бытие существовало до субъекта исторического познания, т. е. объективно, но как постигнутое историческое бытие является продуктом исторического познания и существует только в историческом сознании (3). Д. и. – это, с одной стороны трансцендентное прошлое, т. е. то прошлое, которое не оставило «считываемых следов» и растворилось во времени (темподесинентное прошлое), а с другой – трансцендентальное прошлое, т. е. то

прошлое, которое оставило «следы» и стало доступным, благодаря этим «следам-посредникам» как основы реконструкции исторической действительности. «Следы-посредники» как трансцендентальное, в котором существует **Д. и.** – это содержание, соединяющее разные *исторические реальности*. Реконструкция исторической действительности через «следы-посредники» в *историческом сознании* различных субъектов *исторического познания* сопровождается производством разных картин *исторической реальности* как репрезентаций «мира истории». Эти картины-репрезентации, представленные в виде различных когнитивных образов или систем когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений, будучи поставлены на место исторической действительности, посылают такие же личные «послания» субъектов познавательной деятельности, как и сама историческая действительность.

Лит.: 1) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987; 2) Оукшот М. Деятельность историка // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002; 3) Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е. В. Борисова. Томск: Водолей, 1997.

А. В. ЛУБСКИЙ

ДЕМОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – научная дисциплина, объектом исследования которой является историческая динамика народонаселения как фактор развития человечества. **И. д.** является разделом демографической науки и одновременно отраслью *исторических знаний*, изучающей численность, динамику, расселение, миграции, изменение состава населения, плотность, семейно-брачные отношения, половозрастной баланс, демографические кризисы, а также совокупное влияние демографических факторов на развитие общества в исторической ретроспективе. **И. д.** связана с *исторической географией* и другими научными направлениями, изучающими влияние природно-экологических факторов на общество, *социоестественную историю* (историю эволюции биосферы в системе взаимодействия общества, культуры и среды). **И. д.** рассматривает исторические типы воспроизводства населения в широком социокультурном контексте. В изучении демографического поведения людей в контексте конкретного *культурно-исторического типа* (брачные и репродуктивные отношения, воспитание и обучение детей, возрастные статусы и модели

поведения, миграции и т. д.) *И. д.* является одним из аспектов *культурно-исторической антропологии и гендерной истории*. По состоянию *источников И. д.* иногда подразделяют на три периода: «дописменный», «достатистический» и «статистический». Первый из них исследуется палеодемографией – разделом исторической демографии, использующим данные палеоантропологии, *археологии и этнографии*. Наличие и характер *источников* повлияли на то, что в настоящее время наиболее изучена *И. д.* китайского средневековья и западноевропейского позднего средневековья и раннего нового времени. Исследование проблемы влияния роста населения на жизнь общества в работах Т. Р. Мальтуса (1766–1834) привело к постановке вопроса о влиянии динамики народонаселения на ход и перспективы социально-экономического развития и общей зависимости процессов экономического развития общества и демографического роста от условий внешней среды. Идеи Мальтуса были дополнены разработками Д. Рикардо о взаимозависимости между численностью населения и колебаниями цен, ренты, заработной платы. Мальтузианско-рикардианская модель была первой демографической моделью *макроисторического процесса*. *И. д.* начала оформляться в самостоятельную *дисциплину* в последней трети XIX в. В 1890-е гг. был впервые употреблен термин «историческая демография», получивший, однако, широкое распространение только с 50-х гг. XX века. До середины XX в. исследования исторической демографии как *вспомогательной исторической дисциплины* развивались в основном в направлении изучения дописменных и достатистических *источников*. В работах К. Ю. Белоха, У. Уилкокса, Дж. Рассела, Дж. Дюрана и др. установлен в общих чертах процесс динамики численности населения в разные *исторические эпохи*. Начато изучение исторической эволюции демографических процессов (П. Левассер, Л. Кишвицкий и др.), истории демографической политики (Л. Эльстер). На основе накопления этих первичных данных А. Ландри сформулировал (1909 и 1934) гипотезу «демографического перехода», произошедшего после 1750 г. и связанную с ним концепцию «демографической революции» (чередование исторических типов воспроизводства населения). В работах В. Абея в 1930-е годы получила развитие теория демографических циклов в истории Европы. Во второй половине XX в. исследования по исторической демографии качественно изменились. Рост и расширение их тематики произошли в связи с формированием *новой исторической науки* с характерным для нее интересом к человеку и «тотальности», к *исто-*

рической антропологии. Большую роль в изучении демографических характеристик исторических обществ играла французская школа «Анналов». В исследованиях Ф. Арьеса, Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабруса и др. получили широкую теоретическую разработку демографические аспекты повседневности больших сообществ и маленьких коллективов, характерные модели демографического поведения, отношение к жизни и смерти, воздействие эпидемий, миграций или изоляции, формирование гендерной идентичности и проч. Значительное воздействие на развитие проблематики демографических циклов оказали Ф. Бродель, П. Шоню; они внесли большой вклад в создание общей теоретической демографической модели средневекового общества и процессов демографического перехода в раннее новое время. В 1963 г. в Париже создана группа по истории народонаселения и социальных структур. Проблемы исторической демографии обсуждаются на Международных конгрессах исторических наук (начиная с XI Конгресса – 1960), создана Международная комиссия по исторической демографии. В рамках современной демографическо-структурной теории **И. д.** связана с историей экономики – изучение взаимосвязи демографических, технологических и экономических циклов (В. Абель, Б. Сливхер ван Бат, В. Постан, К. Чиппол, Д. Гласс и другие). В настоящее время **И. д.** нередко рассматривается как отрасль клиодинамики – междисциплинарной области исследований, объединяющей подходы математического моделирования долговременных социально-исторических процессов, теоретической истории, исторической макросоциологии, создания и анализа исторических баз данных, исследований социальной эволюции. Одним из важных достижений клиодинамики можно считать разработку математических моделей «вековых» социально-демографических циклов. Демографическая динамика стала важной частью макроисторических концепций Д. Голдстоуна, П. Турчина, С. П. Капицы, Ю. Н. Павловского, Л. В. Гринина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, С. А. Нефёдова, А. В. Подлазова, С. В. Циреля и др.

Лит.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985; Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994; *Нефедов С. А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007; Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2007. Вып. 1; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. М., 1987; *Hollingsworth T. H.* Historical Demography, L., 1969.

ДЕТЕРМИНИЗМ ИСТОРИЧЕСКИЙ – учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром исторического детерминизма является признание *причинности*, т. е. такой связи явлений, когда одно из них (причина) с необходимостью при определенных условиях порождает другое – следствие. По определению Марка Блока, это «всеобщий закон мышления», из-под власти которого историкам едва ли удастся когда-либо уйти. В то же время он высмеивал «суеверное преклонение перед единственной причиной». В истории, писал французский ученый, существуют цепи каузальных волн, являющихся множественными. Поэтому детерминация в истории оказывается сложной, непрозрачной и зачастую запутанной. Но, выражая закономерный характер жизни общества, **И. д.** отвергает предопределенность хода истории, совершающегося с фатальной неизбежностью. В современной *исторической науке* расширяется само понятие «исторический детерминизм», чье содержание не сводится к экономической детерминации каузальных связей. Жизнь человека разворачивается на многих уровнях: экономическом, политическом, психологическом, биологическом. Каждый из них в определенное время может иметь приоритет в исторической детерминации, в каждом из них она получает некоторое выражение. В итоге складывается такое общественное состояние, какое полностью никто не мог предполагать. Исторический процесс амбивалентен, ибо в нем присутствуют как объективное, так и субъективное начало. Не сводимые друг к другу они образуют его «недобровольную» детерминацию. В такой форме **И. д.** противостоит индетерминизму, отвергающему объективность исторического знания. Вопреки ему познание прошлой *действительности возможно*, но оно осуществляется в форме ее *идеально-типического конструирования*. **Д. и.**, следовательно, не постулирует существование единственной непреложной *истины*, а релятивируя ее, раскрывает вместе с тем условия адекватного постижения прошлого. На такой детерминистской почве зиждется современное понимание *исторической объективности*.

Лит.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. II. Томск, 2003; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Carr E. H. What is history? Cambridge, 1962; Thompson E. P. The Poverty of Theory and Other Essays. New York, 1978.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД – способ научного познания, основанный на использовании принципов диалектики (др.-греч. *διαλεκτική (τέχνη)* – искусство вести беседу, спор) как учения о наиболее общих *закономерностях* становления и развития реальности, внутренний источник которого определяется как единство и борьба противоположностей. **Д. п.** опирается на представление об объектах и предметах окружающего мира как закономерно меняющихся.

Понятие «диалектика» встречается в «Диалогах» Платона, использовалось Аристотелем и другими философами древности. Но высшей ступени диалектика как наука достигает в философии Гегеля (1770–1831), который сформулировал три основных закона развития: принцип единства и борьбы противоположностей; закон перерастания количественных изменений в качественные; закон отрицания отрицания. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса принципы диалектики легли в основу теории диалектического и *исторического материализма*.

Реализация принципов диалектики в *историческом исследовании* предполагает постановку и решение следующих задач: 1) выявление и анализ внутренних источников и механизмов развития, связанных со структурно-функциональными особенностями объекта и определением внутренних оппозиций; 2) оценка количественных и качественных изменений и диагностика переходных состояний (скачков), приводящих к появлению нового качества; 3) изучение преемственности, связи нового со старым, повторяемости на новых стадиях развития некоторых свойств предшествующих состояний, которые оцениваются в контексте философского понимания изменений как отрицание (закон отрицания отрицания). В **Д. п.** отрицание означает превращение одного предмета в другой при одновременном уничтожении первого.

Лит.: Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика. М., 1991; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010; Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987; Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973; Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.

Л. Н. МАЗУР

ДИАХРОННОГО АНАЛИЗА ТЕХНОЛОГИЯ – совокупность методов и способов изучения *исторического процесса*, в основе которого лежит выделение и сравнение разновременных состояний изу-

чаемого объекта с целью оценки произошедших в его структуре и функциях изменений. Д. а. позволяет выявить определенные закономерности, тенденции в эволюции предмета исследования. Диахронный анализ, дополненный синхронным анализом, является основным инструментом исторического познания.

В исторической науке Д. а. имманентно применялся всегда, позволяя оценить произошедшие в изучаемом объекте или процессе изменения. Теоретическая разработка и обоснование принципов и технологий диахронного анализа связаны с развитием семантических исследований языковых систем, его автором считается Мишель Брель (1832–1915) – французский лингвист и филолог, основоположник семантики как науки. В XX в. Д. а. активно проникает в другие гуманитарные науки, в том числе в культурологию, языкознание, социологию и проч. Интерес к методу Д. а. существенно вырос в связи с развитием компаративных исследований. Так, например, в Британской школе социологии в 1950-е гг. изучение социокультурных систем опиралось на два основных подхода: 1) синхронный анализ – сравнение социокультурных систем, сосуществующих во времени, по горизонтали; 2) диахронный анализ – сравнение по вертикали и выявление определенных этапов в процессе развития.

Теоретическое осмысление и адаптация технологий диахронного анализа применительно к историческому исследованию связаны с именем И. Д. Ковальченко, который предложил три основных варианта использования историко-диахронного метода.

Д. а. можно охарактеризовать как разновидность системного анализа, ориентированного преимущественно на изучение качественных структурно-функциональных изменений исторических систем (явлений или процессов). Помимо оценки собственно динамики, технологии диахронного анализа используются в историко-сравнительных (компаративных) исследованиях, определяя логическую схему анализа. В том случае, если причиной различий изучаемых объектов являются стадийные несовпадения, это влияет на необходимость проведения диахронного анализа двух объектов, которые будут разделены не только в пространстве, но и во времени.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Принципы и методы семантических исследований: Сб. ст. /

Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1976; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990.

Л. Н. МАЗУР

ДИПЛОМАТИКА (от позднелат. *diplomatica*, относящееся к дипломам) – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая происхождение, форму, содержание, функционирование, в т. ч. воспроизведение и архивную судьбу, документов правового характера, актов. Латинское слово «диплом», под которым в античности понимались различные документы (полномочные, подорожные грамоты, грамоты о помиловании, «военные дипломы», дававшие право римского гражданства, и т. д.), восходит к греческому *δίπλωμα* (от «диплоо» – удваиваю), буквально означало «сложенное вдвое», поскольку состояли из двух бронзовых пластин, соединенных проволокой. В трудах ученых эпохи Возрождения термин *diploma* был распространен и на средневековые документы, происходящие от носителей высшей *власти*. В новое время под «дипломами» понимались документы, закрепляющие за частным лицом звание, титул, герб, затем – документы высших учебных заведений о получении высшего образования, о закреплении ученых званий и степеней. Предметом дипломатики выступают не «дипломы» в том или ином их значении, а акты – документы, устанавливающие определенные правоотношения между контрагентами или автором и адресатом. Как и ряд иных *вспомогательных исторических дисциплин*, Д. выросла из практической необходимости определения подлинных и подложных актов, главным образом – королевских и императорских грамот, закреплявших за духовными и светскими феодалами земли и иммунитет. Началом практической западноевропейской дипломатики принято считать 590 год, когда была установлена подложность одной из грамот короля Хильдеберта II. Первое свидетельство об изобличении актовой подделки на Руси относится к 1487/88 г. Расширительное понимание практической дипломатики относит к ней, кроме экспертизы подлинности, копирование актов, пересказ, составление сборников, формулярников, изготовление актов по старым образцам, фальсифицирование актов. Исследовательские приемы практической дипломатики были отточены в ходе так называемых «дипломатических войн» – борьбы за имущественные права между духовенством и городами во второй поровине XVII в. в Германии.

Научная Д. изучает акты с целью получения нового *исторического знания*, обращаясь к ним как к *историческим источникам*. Основателем дипломатики считается Жан Мабильон (1632–1707), чей труд «De re diplomatica libri sex» (1681) и дал название *дисциплине*. С середины XVIII в. Д. стала преподаваться в европейских университетах. В России акты в качестве *исторических источников* привлекались В. Н. Татищевым, Г. Ф. Миллером, после введения в научный оборот Н. И. Новиковым значительного массива средневековых актов («Древняя российская вивлиофика») историки (М. М. Щербатов, В. В. Крестнин) стали разрабатывать основы научной дипломатики. В XIX – начале XX в. внимание исследователей было сосредоточено на отдельных *актовых источниках* (договоры Руси с греками, княжеские договорные и духовные грамоты, Русская правда, ярлыки татарских ханов русским митрополитам и др.). Получила развитие Д. частных актов (купчие, закладные, духовные грамоты, порядные и кабальные записи). Значительный прорыв в дипломатике связан с трудами А. С. Лаппо-Данилевского, разработавшего клаузуально-статистический (формулярный) метод анализа актов. В советский период, наряду с направлением, заданным Лаппо-Данилевским и продолженным А. И. Андреевым и С. Н. Валком, развивалось юридически-экономическое направление дипломатики (С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков). Методы дипломатики совершенствовались в работах А. А. Введенского, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, С. М. Каштанова, В. Л. Янина. Импульс дипломатике в советский период дали высокопрофессиональные публикации «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (1949), «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» (1950), «Акты феодального землевладения и хозяйства» (1951–83), «Акты социально-экономической истории» (1952–64), «Акты Русского государства» (1975). В постсоветский период источниковую базу отечественной дипломатики обогатили публикации «Акты служилых землевладельцев» (1997–2008), продолжается публикация многотомного издания «Русский дипломатарий» (с 1997). Д. (иначе – *актовое источниковедение*) использует все приемы *источниковедения* для изучения *актовых источников*. Специальным методом собственно дипломатики является формулярный анализ. Под «формуляром» понимаются схемы, фиксирующие структуру и стилистику актов – документов в целом (условный формуляр), документов отдельной разновидности (абстрактный формуляр), отдельных групп документов одной разновидности (конкретный формуляр), отдельного документа (инди-

видуальный формуляр). Изучение развития формуляра – основной познавательный инструмент дипломатики, позволяющий решать вопросы социального и политического происхождения актов.

Лит.: Андреев А. И. Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922; Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963; Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926; Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937; Каиштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; Каиштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988; Каиштанов С. М. Актовая археография. М., 1998; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920; Лихачев Н. П. Дипломатика (Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте). СПб., 1901; Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999.

О. И. ХОРУЖЕНКО

ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКИЙ – 1) вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности (3); 2) сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений, навязываемых внешней по отношению к дискурсу предметности в форме «власть/знание», указывающей на то, каким образом люди оказываются в плену регулирующих рамок конкретных дискурсов (5); 3) воображаемая конструкция, которая не следует реальности, а всего лишь обозначает ее (1). Большое влияние на историческую науку в последней трети XX в. оказал постмодернизм, под влиянием которого широкое распространение в ней получило понятие исторического дискурса. В постмодернизме представление об историческом дискурсе как массиве языковых практик имеет тенденцию к «свободному плаванию» без всякой привязки к «реальному миру». Поэтому в историческом дискурсе предметная реальность не репрезентируется в ее целостности, а процессуально осуществляется как последовательная (темпорально артикулированная) и спекулятивная (семиотически артикулированная) актуализация последней. *Историческая действительность* выступает у постмодернистов не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как «языковая реальность», т. е. то, что конструируется языком и дис-

курсивной практикой, предполагающей использование в пространстве исторического дискурса различных риторических стратегий – метафорической, метонимической, синекдохической и иронической. В таком понимании исторического дискурса язык рассматривается как главный смыслообразующий фактор, определяющий и историческое мышление, и сам **И. д.** Современные представления об историческом дискурсе складываются в рамках *исторической эпистемологии* экзистенциально-антропологического характера, которая стремится не только сохранить субъект *исторического познания*, но и представить его как познавательную целостность, в единстве мышления, чувствования и деятельности. В рамках этой эпистемологии **И. д.** как рефлексивная форма научной коммуникации, связанная с актуализацией содержания *исторического сознания*, есть производная различных смысловых схем *исторической действительности* как результата производства *исторического знания*. В процессе этой коммуникации, которая регулируется доминирующим в той или иной культурно-эпистемологической *традиции* типом рациональности, происходит дискурсивное моделирование *исторической действительности*. Благодаря создаваемым в процессе научной коммуникации дискурсивным моделям, *историческая действительность* в дальнейшем начинает восприниматься как множество *исторических реальностей*. Поэтому **И. д.** представляет собой, с одной стороны, многообразие суждений об *исторической действительности*, ансамбль смысловых схем, образующих *историческую реальность*, с другой – когнитивное поле конкурентной борьбы в *исторической науке*, связанной с производством *исторического знания*. Специфической ставкой в этой борьбе является монополия на научную компетентность, понимаемую как социально и профессионально признанную за определенным ученым или научным сообществом способность легитимно высказывать «истинные или правдивые суждения» об *исторической действительности*. **И. д.** по своей природе является институциональным, поскольку он предполагает рефлексивную коммуникацию в рамках статусно-ролевых отношений как в *исторической науке*, так и в обществе в целом.

Лит.: 1) Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 438–440; 2) Лубский А. В. Исторический дискурс: интеллектуальная мода и модные понятия // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 5. К.: Інститут історії України НАН України, 2010 / 2011; 3) Можейко М.А., о. Ленин С. Дискурс // История философии:

Энциклопедия. URL: <http://www.velikanov.ru/philosophy/diskurs.asp> [февраль, 2014]; 4) Савельева И., Полетаев А. Историческая истина и историческое знание // Логос. 2001. № 2 (28); 5) Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Изд-во «Весь мир», 2000. С. 171.

А.В. ЛУБСКИЙ

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ – метод анализа текста, в основе которого лежит представление о дискурсе как сложном коммуникативном явлении, включающем акт создания определенного текста, а также зависимость речевого произведения от различных экстралингвистических факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего [М. В. Ильин]. Дискурс определяется как произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения и отражающий некоторый концепт [В. З. Демьянков]. Дискурс создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п.

Д. а. опирается на понятие «дискурсивные практики» М. Фуко и включает определение условий появления и функционирования высказывания, его границ, концептов и связей с другими высказываниями. В *историческом исследовании Д. а.* – это метод *интерпретации* текстов *исторических источников*, включающий выявление дискурсов внутри одного *источника* на основе выделения общей темы, *терминологии*, места в смысловом поле; *классификацию* групп высказываний (дискурсов) внутри одного текста и их описание; исследование взаимоотношений между этими группами внутри одного текста и их связей с дискурсами в других *исторических источниках*; *интерпретацию* взаимосвязей различных значений дискурса и конкретных символов в текстах, их эволюции в течение определенного *исторического периода*.

Лит.: Демьянков В. З. Словарь англо–русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М., 1982. Вып. 2; Ильин М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. Политический дискурс. М., 2002, № 3. С. 7–19; Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / сост. П. Серио. М., 1999; Керов В. В. Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002; Фуко М. Археология знаний. М., 2000.

О. С. ПОРШНЕВА

ДИСЦИПЛИНА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ – историографически сложившаяся область научного *исторического знания*, имеющая собственный *объект исследования*. Понятие «дисциплина исторической науки» следует отличать от понятия научной дисциплины / науки как таксона научного знания – в классификационной системе наук **Д. и. н.** по сути представляют собой субдисциплины, т. е. подчиненные / вспомогательные или дополняющие по отношению к *исторической науке* области знания. В качестве таковых **Д. и. н.** оформляются, по преимуществу, в рамках классической модели *исторического познания*, в которой в качестве единого *объекта исторического познания* выступает инвариантная *реальность* прошлого человечества, в качестве источниковой основы – письменные *исторические источники*, в качестве результата – линейная модель *исторического процесса*, в качестве формы презентации – *исторический нарратив*. Выделяют две группы дисциплин исторической науки, по двум взаимосвязанным признакам – времени возникновения и функциям. 1) *Вспомогательные исторические дисциплины*, формируются начиная с XVII в. преимущественно с целью *критики исторических источников* и установления достоверных *фактов* как материала *исторической науки*. Их специальный объект – отдельные характеристики *исторических источников* (*палеография* и др.), отдельные виды *неписменных исторических источников* (*нумизматика, фалеристика* и др.), комплексы информации *исторических источников*, требующие специального изучения, часто с привлечением данных других наук (*хронология историческая, метрология историческая, ономастика* и др.). (2) Дисциплины, имеющие своим объектом какую-либо специальную область человеческой деятельности и дополняющие линейную модель истории (напр., *аграрная история, военная история, история религии*), формируются, начиная с XIX в. во многом под влиянием *методологии позитивизма в исторической науке*, и фиксируют ограниченность линейной модели *исторического процесса*. Развитие *исторической науки* сопровождается переосмыслением функций ряда дисциплин и переходом их из разряда *вспомогательных исторических дисциплин* в разряд дисциплин исторической науки (напр., *историография, география историческая, источниковедение*).

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ДОЛГОГО ВРЕМЕНИ ТЕОРИЯ. Разработана выдающимся французским историком Фернаном Броделем (1902–1985), постулировавшим множественность скоростей социально-исторического *времени* (в статье «История и общественные науки. Историческая деятельность», 1958). Д. в. т. рассматривает диалектику различных временных модальностей, составляющих ядро социальной реальности: «живое, внутреннее, постоянно возобновляющееся противопоставление между настоящим моментом и медленным течением времени. Историк не может ни на минуту выйти за пределы *исторического времени*. Оно липнет к его мысли как земля к лопате садовника». Он должен уметь работать с каждым из его типов. Но это не означает, что все они для него равноценны. Подлинное время историка – это время длительной протяженности, знаменитая броделевская *la longue durée*. Короткое же время является событийным. Это время социолога «звонкой новости». Масштаб времени, задаваемый *событиями*, соизмерен с индивидом, с ритмом его повседневной жизни, с нашими иллюзиями и деятельностью нашего сознания. Это время традиционной *политической истории*, сконцентрированной в драме «великих событий», изучаемой в кратковременном масштабе, истории безнадежно устаревшей.

В противоположность этому «новая история» является преимущественно историей социальной и экономической. Поэтому она оперирует иными хронологическими масштабами, используя языки среднего и долгого времени. Поскольку экономические, социальные и другие устойчивые долговременные структуры могут быть познаны только в широкой социально-исторической перспективе, требуется союз историков с представителями других гуманитарных и общественных наук, исследующих эти структуры, но при условии овладения ими языком истории. Новая проблематика требует обращения к более длительным масштабам времени, таким, например, как «средние волны», измеряемые, в частности, кондратьевскими полувековыми циклами экономической конъюнктуры. Но для историков особенно важны «сверхциклы», охватывающие столетия и стоящие за ними «секулярные тренды». Все великие персоналии истории, экономические и социальные конъюнктуры, цивилизации обладают своим ритмом жизни и развития, и «новая история» (*новая историческая наука*), указывает Бродель, только тогда достигнет своей цели, когда она полностью их охватит. Для него ключевым является понятие структуры, то есть организации, системы достаточно устойчивых отношений,

являющейся и опорой, и препятствием исторического движения. «Человек пленник своего времени, климатического, растительного и животного мира, культурного равновесия между ним и средой, которого он не может нарушить, не рискуя многое потерять».

Современная наука преодолела разрыв между структурой и личностью и вытекающее отсюда отрицание значения событийной истории. Третирование *событий* неминуемо ведет к искажению истории. Тем не менее **Д. в. т.** стала крупнейшим завоеванием науки, обосновавшим значение в *историческом исследовании* времени длительной протяженности, понятием, прочно вошедшим в научный оборот. Ибо только на ее языке могут быть раскрыты долговременные *тенденции* в развитии человеческого общества, и, следовательно, познаны *глубинные закономерности* этого развития.

Лит.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая деятельность // Философия и методология истории М., 1977; Бродель Ф. Материальная цивилизация. Т. 1. Его же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1986, Т. 3. М., 1992; Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Данилов А. И. Историческое событие и историческая наука // Средние века. М., 1980; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в. Вып. 2. Томск, 2002; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ДОСТОВЕРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – свойство исторической информации / *исторического источника*, которое характеризует степень их соответствия *исторической реальности*. Изначально **И. д.** рассматривалась как философское понятие: по мнению Декарта, достоверность и *реальность* — тождественны. Позднее, в XVIII в. оно получило распространение в хозяйственно-правовой практике. В исторической науке категория «достоверность» как научное понятие вводится в первой половине XIX в. немецким историком Леопольдом фон Ранке, а позднее получает обоснование в работе Э. Фримана «Методы исторического исследования» и непосредственно связано с развитием методологии *позитивизма*. В отечественной науке проблема **И. д.** поднималась в трудах В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, который рассматривал достоверность как важнейший критерий научной ценности *исторического источника*. В XX в. **И. д.** утверди-

лась в качестве базового понятия такой дисциплины как *источниковедение*, хотя его использование имеет тенденцию к расширительному толкованию: не только применительно к *историческим источникам*, но и результатам *исторического исследования* в целом.

Можно определить **И. д.** как особую форму существования *истины*, научно обоснованной и доказанной. Достоверность *исторического источника* оценивается с помощью методов *источниковедческого анализа*, а также путем сравнения с другими *источниками*. Для оценки достоверности количественных сведений могут быть использованы *математические* (статистические) методы. Степень достоверности *исторического знания* зависит от полноты и надежности первичной исторической информации, строгости *методов исследования*, корректности и эффективности решения исследовательских задач. Его оценка входит в задачи *историографии*.

Понятие «достоверность» относительно – полностью достоверных источников / информации не бывает. По мнению Л. Витгенштейна, «осознание недостоверности есть наиболее краткий путь к достоверности». Причинами недостоверности могут быть: семантические и физические шумы; дезинформация. Семантические искажения связаны с процедурами кодирования и декодирования информации, т. е. с субъективными факторами создания и использования *исторического источника / знания*. Физические шумы возникают в связи с особенностями носителя и канала передачи информации. Наиболее достоверными считаются *источники* официального происхождения; наименее – *источники* личного происхождения. К наименее достоверным относятся такие виды информации как хронологическая, количественная, оперативная, а также частно-теоретические положения.

Лит.: Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Избранные философские работы. Ч. 1. М., 1994; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1911–1913; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010.

Л. Н. МАЗУР

Е – 3

ЕВРАЗИЙСТВА ТЕОРИЯ. Представляет собой комплекс идей, с помощью которых обосновываются основные *закономерности* складывания евразийского историко-культурного мира, «особой евразийской общности» (Л. Н. Гумилев 1912–1988). Основные положения ее изложены в книге «От Руси до России», раскрывающей роль русского народа как системообразующей нации в длительном процессе евразийского этногенеза, а также в «Этногенезе и биосфере Земли»: «Время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые». В качестве примера Гумилев приводит Великое переселение народов, которое продолжалось сравнительно недолго и в узкой полосе, но погубило Рим и изменило этническую карту всего европейского Средиземноморья». Так в результате мутации возникает этнический «толчок», ведущий к образованию новых этносов. Для его объяснения Гумилев вводит основополагающее в теории этногенеза понятие *пассионарности*, «признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию». Пассионарии, стремящиеся «изменить окружающий мир», организуют далекие походы, откуда возвращаются немногие, борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, что связано с затратами особого вида энергии, какую Гумилев вслед за Вернадским называет биохимической энергией живого вещества биосферы. По Л. Н. Гумилеву, раз возникнув, этнос проходит ряд закономерных фаз, которые можно уподобить различным его возрастам: фаза пассионарного подъема, вызванная пассионарным толчком; акматическая фаза, вызывающая стремление людей «быть самими собой», считаться с собственной природой (в истории обычно эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится); фаза надлома, когда пассионарный заряд этноса сокращается, люди физически истребляют друг друга, начинаются гражданские войны. Эта фаза со-

проводяется огромным рассеиванием энергии, кристаллизуясь в памятниках культуры и искусства, но она соответствует не подъему, а спаду пассионарности. Наступает инерционная фаза, когда происходит образование больших государств, создание и накопление материальных богатств; ее сменяет мемориальная фаза, когда постепенно иссякает пассионарность. Ведущее положение в обществе занимают люди с пониженной пассионарностью – субпассионарии, которые стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых, гармоничных людей; наступает фаза обскурации, когда процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми, везде господствуют вялые и эгоистичные люди, руководствующиеся потребительской психологией, а после того, как они проедают и пропивают все ценное, наступает мемориальная фаза этногенеза, когда этнос сохраняет лишь *память* о своей *исторической традиции*. Затем исчезает и память, приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с природным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, благодаря чему возникает новая пассионарная популяция. Но она не реконструирует старый этнос, давая начало очередному витку этногенеза – процессу, благодаря которому человечество не исчезает с лица Земли. Продолжительность цикла составляет примерно 1300–1500 лет.

Таковы в общих контурах основы теории, сфокусированные вокруг учения о естественно-природной пассионарности.

Лит.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1986; *Его же*. От Руси до России. М., 1995; Библиотека «Мир Л. Н. Гумилева». Серия I – II. М., 1994; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в. Вып. I. Томск, 2003.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ – идейное течение в гуманитарных науках, политической теории и общественном сознании, в явной или неявной форме сообщающее о культурно-историческом превосходстве и особом статусе европейской цивилизации в мировой истории. Суть европоцентризма заключается в признании эталонного, образцового значения западноевропейских структур, институтов, ценностей и этапов развития для остальных регионов мира. Европоцентризм стал характерным явлением западной философии, культуры и идеологии, а

также являлся мощным средством формирования и выражения европейской идентичности в период новой и новейшей истории. О европоцентризме можно говорить как об историческом явлении, как о политической идеологии и как о научной парадигме, отразившейся в ряде философских, социологических, исторических, культурологических теориях и концепциях.

В основе европоцентризма лежит осознание генетически разных путей развития, типологических отличий в антропологии и ментальности, несхожесть жизненных ориентаций, свойственных европейцам и обитателям других регионов мира. Они привели к кардинальным отличиям социально-политических систем, экономической организации и культуры. Европоцентризм подпитывался очевидным военно-технологическим отставанием, традиционализмом и подчиненным положением народов Азии, Африки и Америки в колониальный период, отсутствием в этих регионах эндогенного научно-технического прогресса, их периферийным положением в капиталистической мир-системе. Это привело к появлению устойчивых представлений о том, что неевропейские цивилизации остановились в развитии на архаических и средневековых стадиях, в то время как европейская культура и цивилизация достигла более высокой стадии развития, для которой характерен прогресс, индустриализм, политический либерализм и гуманитарные ценности. На этом основании делался вывод о том, что историческое и социальное прошлое Европы является ключом и образцом к пониманию исторических и современных реалий остального мира. Господство европейского дискурса долгое время опиралось на длительную культурную дезадаптацию Запада и Востока, так как к сознательной установке на взаимопонимание эти две цивилизации пришли только в XX в. В то же время история европоцентризма отражала последовательную смену мифологем, завышавших степень несходства и противостояния западной и восточной культур. Рубеж взаимного непонимания и неприятия ни в одну из *исторических эпох* не являлся непреодолимым.

Европоцентризм как историческое явление

Зарождение европоцентризма отразило длительный конфликт и бинарное, этноцентричное противостояние европейской цивилизации древнему и средневековому Востоку. В *романтической историографии* XIX века сложился миф о том, что Е. как историческое явление начал формироваться еще в период греко-персидских войн. В соответствии с этими представлениями, сочинения древнегреческих авторов (Аристотель, Платон) отразили формирование стереотипных представлений о «варварском», деспотическом, статичном Востоке,

для которого характерно поголовное рабство населения и метафизический характер культуры. В противовес этому греки, а затем римляне отождествлялись с такими качествами как рациональность, прямота, индивидуализм, стремление к свободе. Эта гипотеза в настоящее время оспаривается в ряде исследований (С. Амин, М. Бернал, С. Кара-Мурза) – в частности, отмечается, что древние греки не проводили радикального отделения от культурного ареала древнего Востока; что комплементарный потенциал и взаимопроникновение обеих цивилизаций ярко выразился в эллинизме, в раннем христианстве; что европейский Запад сам по себе не является единственным наследником и продолжателем античной цивилизации.

Острое противопоставление Востока и Запада продолжилось в средние века в форме военно-религиозного противостояния христианства и ислама. В эпоху арабских халифатов ислам сформировал альтернативную экуменическую перспективу. Мусульманская угроза способствовала трансформации раздробленной семьи романогерманских народов в христианскую Европу, в территориально-культурную целостность, противопоставляющую себя исламскому миру. Эпоха крестовых походов, а затем трехсотлетний период османской экспансии закрепили стереотипы военно-идеологического противостояния цивилизаций. При этом, на фоне преимущественно конфликтных взаимодействий, между Европой и азиатским миром шли существенные процессы культурной диффузии и обмена.

В эпоху *Великих географических открытий* представления европейцев об окружающем мире существенно расширились, начались прямые контакты с цивилизациями Африки, Центральной и Южной Америки, Ирана, Индии, Китая, Японии, тихоокеанского региона. Перейдя к широкой колониальной экспансии, активно модернизирующаяся Европа с ее ощущением цивилизационного превосходства соответственно квалифицировала весь неевропейский мир как отсталый, застойный и нецивилизованный. В общественном мнении эпохи Просвещения постепенно формировался европоцентристский взгляд на мир, в котором динамичная, творческая, свободная Европа выполняет по отношению к архаичному, стагнирующему и поработанному Востоку миссионерскую, цивилизаторскую миссию. В этот *исторический период Е.* окончательно формируется как политическая идеология, легитимирующая практику вмешательства западных стран в жизнь неевропейских сообществ.

В период колониализма *Е.* отразился в идеологии расового превосходства. В теоретических аспектах он лег в основу разнообразных теорий и концепций *вестернизации*. Идейная и практическая ориен-

тация на европейские эталоны развития представлялись коренными условиями успешной *модернизации*. В то же время в XIX в. благодаря фундаментальным прорывам в изучении истории и культуры стран и народов Азии, Африки, Америки в европоцентризме произошли существенные интеллектуальные изменения. Возникла идея исторической эстафеты и преемственности европейской цивилизации от восточных цивилизаций, за ними признавалась важная роль в развитии человечества, особая эволюционная ступень, выдающиеся достижения, отличный от западного, но значительный культурный потенциал. В научной и общественно-политической мысли на рубеже XIX–XX вв. развилась мысль о возможности будущей *конвергенции* разных регионов мира, о принципиальной близости и однородности культурных, экономических, классовых процессов в современном капиталистическом мире. При этом историческому и политическому опыту Европы по-прежнему отводилась ведущая роль. В конечном итоге, представления о необходимости преодоления европоцентризма сформировались внутри европейской научной, интеллектуальной *традиции* (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби).

В новейшее время Е. помогал обосновывать противодействие метрополий национально-освободительному движению в колониях, якобы из-за незрелости и неспособности к самоуправлению и независимости; В постколониальный период эта идеология препятствует духовной деколонизации развивающихся стран, становится идейной основой информационной экспансии, способствует навязыванию им западных культурных стандартов и моделей развития.

Как отмечает Ю. Л. Говоров, Е. в своей динамике отразил не только негативные тенденции, связанные с конфликтом цивилизаций и экспансионизмом, но также выполнил ряд полезных исторических и социокультурных функций. Он был закономерным этапом становления и развития европейской и – опосредованно – мировой культуры. Особенности европейского менталитета и образа действия привели к тому, что многие достижения материальной и духовной культуры мировых цивилизаций были объектно изучены и осмыслены в категориях и методах научного познания, рационализма. В рамках европоцентризма сформировалась идея о единстве всемирно-исторического процесса, взаимосвязанности всех процессов в глобальном масштабе. Европейцы в своем «центризме» проявили невиданный до них интерес к другим народам и культурам, открыли и воссоздали историю Востока и других регионов, создали специфические отрасли *исторического знания* (антропология, культурология, ориенталистика, африканистика, американистика).

Европоцентризм как научная парадигма.

Историзм зародился на Западе в эпоху Просвещения, и поэтому первые модели всемирной истории были объектно обращены к истории Европы. Само деление истории на античную, средневековую и новую (Ж. Боден, И. Кеплер) отражает европейское представление о ходе *исторического процесса*. Первые работы по всемирной истории рассматривали современное европейское общество как результат оптимального соотношения географических, политических и культурных условий; которые, в свою очередь привели к разнообразию форм, непрерывному прогрессу, развитию политической ответственности и рационализма (на смену эпохам дикости и варварства в Европе наступает стадия цивилизации). III. Монтескье прочно связал эпоху средневековья с этапом и представлениями о феодализме в его европейском варианте. Характерно, что французские просветители (Ф. Вольтер, Д. Дидро) выдвинули идею расширения географических рамок истории, воссоздания всемирной истории, выходу за рамки европоцентризма. Но в целом идея прогрессивности Европы перед лицом стагнирующего Востока прочно вошла в общественное сознание и закрепились в стадияльных линейных *исторических концепциях*. Общепринятые принципы стадияльного деления *исторического процесса* восходят к социологической схеме А. Сен-Симона и к концепции классических образцов О. Конта; согласно последней, образцы античной и средневековой Европы адекватно воплощали сущностно общее, свойственное вообще всем древним и средневековым обществам. В дальнейшем связь между европоцентризмом и *позитивизмом* в гуманитарных науках укрепились. На рубеже XVIII–XIX вв. в европейской *исторической науке* закрепились представления о рабовладении, феодализме и капитализме как о трех стадияльных универсальных этапах исторического развития, соответствовавшим эпохам античности, средневековья и нового времени. Отсутствие на современном Востоке эндогенного генезиса капитализма, индустриализма и капиталистических структур европейского типа в XIX веке было убедительным доказательством исторического отставания Азии и лидерства Европы. В течение XIX века под влиянием идей позитивизма О. Конта и эволюционизма Г. Спенсера в науке утверждается эволюционистская, прогрессивная схема всемирно-исторического процесса в европоцентристском варианте. К середине века оформился ряд универсальных теорий, охватывающих большие периоды. Особенности развития неевропейских цивилизаций объяснялись преимущественно влиянием религии и характером (протяженностью) пространства – в то время как развитие Европы объяснялось наличием внутри европейского

культурного и духовного субстрата императивов к движению, освоению и изучению окружающего мира, преодолению вызовов среды и человеческого окружения, бинарностью исторического наследия (синтез и взаимодействия традиций античности и варварства), дуализмом политической жизни (конкуренция светской власти и церкви) и т. д. Написанная в этом духе «История цивилизации в Европе» Ф. Гизо оказала большое влияние на историографическую ситуацию в целом. Изначальное противопоставление традиции и современности Э. Дюркгеймом и Г. Спенсером привело в ряде социологических учений к экстраполяции этой дихотомии на современный, индустриальный Запад и традиционный Восток. Если восточное общество характеризовала механическая солидарность (основанная на общих убеждениях и консенсусе в пределах коллективной совести), то европейский культурный контекст подразумевал органическую солидарность (взаимозависимость экономических связей, сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений). Научное и общественное мнение во второй половине XIX века находилось под влиянием представлений о том, что в основе различий между цивилизациями Запада и Востока лежат природно-экологические факторы и демографические факторы (Т. Мальтус, Э. Реклю, Л. И. Мечников).

Заметное влияние на развитие европоцентристских подходов оказали работы М. Вебера. Он характеризовал явления, связанные с генезисом капитализма и рациональной легитимации власти преимущественно как европейские. В его понимании рационализация была результатом воздействия нескольких феноменов, несших в себе рациональное начало – все эти факторы имели системно европейское происхождение и диапазон действия. Европейский менталитет, ориентированный на активное познание и освоение окружающего мира стал, согласно Веберу, следствием комплексного влияния специфических этических императивов, а также античной науки (особенно математики), дополненной в эпоху Возрождения экспериментом, экспериментальной наукой, техникой. Фактором, который позволил синтезировать все эти элементы, явился протестантизм.

Позитивистская теория *марксизма* вобрала в себя универалистские, линейные подходы к всемирно-историческому процессу. Марксизм как историческая парадигма отразил идеи европоцентризма, эволюционизма, экономического детерминизма, классовой борьбы. В основу их анализа были положены европейские модели античного рабовладения, феодализма, капитализма и соответствующие им социальные институты. Несоответствие региональных версий развития

европейским эталонам классифицировалась в рамках теории как отсталость, имело негативную характеристику. *Марксизм* сконцентрировал внимание на экономическом развитии, на генезисе капитализма в Западной Европе как на главном, коренном макроисторическом процессе. Отсюда наибольшее внимание к истории Англии, Голландии, Франции, Германии.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Е. сформировался и приобрел господствующее значение в европейских гуманитарных науках – в период активного развития индустриальной цивилизации Запада, активного экспансионизма западной культурной парадигмы, на волне распространения позитивистских, линейных, эволюционистских подходов к изучению общества, истории и культуры.

Развитие теории и методологии науки, качественный рост эмпирического материала, расширение междисциплинарных исследований в XX в. привели к тому, что Е. подвергся конструктивной критике с разных направлений. Освоение обширного неевропейского материала выявило скрытый Е. привычного представления об истории как едином всемирно-историческом процессе. Создатель культурно-морфологического метода О. Шпенглер назвал бытующую концепцию всемирной истории «птолемеевой системой истории», призывал к ее упразднению. В качестве альтернативы он предложил свою историческую схему чередования автономных культур и цивилизаций, каждая из которых развивается в своем витальном цикле, но в общем мировом алгоритме. Один из главных основоположников *цивилизационного подхода* А. Дж. Тойнби также не разделял представлений о дихотомии Запада и Востока, считая, что природно-географическая и историческая среда, в которой развивались неевропейские цивилизации не идентичны. Тойнби соглашался с тем, что коренным отличием западной христианской цивилизации от всех прочих является генезис и развитие «индустриализма», капиталистических отношений, одну из причин этого он видел в реализации «христианско-иудейской парадигмы». Но в теории Тойнби нет монолитного Востока, а есть постоянно эволюционирующие исламские, индуистские, дальневосточные и другие цивилизации. Характерно, что Тойнби исключительно редко использовал понятия «Восток» и «Запад» в обобщающем, расширительном смысле, и отметал шаблоны отсталости, изолированности всех неевропейских обществ. Касаясь представления о Востоке как об оплоте неограниченного деспотизма, Тойнби указывал, что эта иллюзия исчезает при переключении внимания на внутренний аспект социального существования. Согласно Тойнби, общества Запада и Востока образовались в результате отличающихся друг от друга, уникальных «*Вызовов-и-Ответов*»,

исходящих от окружающей среды и человеческого окружения, и потому должны изучаться только в конкретном историческом контексте.

Е. подвергся острой критике со стороны направления евразийства в 1920–1930-е годы. Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский и П. П. Сувчинский полагали необходимым и позитивным преодоление европоцентризма. Евразийцы исходили из представлений о равноправной культурно-исторической альтернативе континентального «монгольского» мироощущения и культурного пространства западноевропейскому, «морскому» ментальному дискурсу. В дальнейшем эти идеи получили развитие в неоевразийстве, в представлениях о суперэтнической целостности сосуществующих и взаимовлияющих на пространстве Евразии этносов и культур (Л. Н. Гумилёв). В философии первой половины XX века неоднократно поднимался вопрос об «увядании творческих сил западной культуры» (Н. Бердяев, П. Сорокин)

Вторая половина XX века стала временем активного противостояния европоцентристских и альтернативных подходов к истории. Историографическая ситуация в этом вопросе определялась двумя факторами. В соответствии с первой тенденцией политические идеологии, принятые в социалистическом лагере и в западных странах, опирались на стадильно-линейные представления о всемирно-историческом процессе и подчеркивали определяющую роль европейского исторического и политического опыта для развивающихся стран третьего мира. Коммунистическая перспектива, как и интеграция всех сообществ в капиталистический мир западной демократии, в равной степени предполагали, что развитие всех обществ проходит через стадию индустриализации и социально-политической модернизации, но в разных дискурсах. Унитарно-стадийные, европоцентристские по духу концепции всемирной истории на Западе и в СССР отражали, по сути, идеологию развитого индустриального общества, осознающего свою идентичность и превосходство над странами «третьего мира».

Е. стал важным элементом первых теорий *модернизации* и *вестернизации*, которые объективно были частью политической идеологии времен биполярного противостояния двух систем. Поэтому с 1950–1960-х гг. на Западе началось возрождение унитарно-стадийных концепций в *этнологии* (Л. Уайт, Дж. Стюард, Э. Сервис, М. Фрид, М. Салинз и др.) и социологии (Г. Ленски, О. Д. Дункан, Дж. Матрас, Т. Парсонс и др.). В общем виде они сообщали о том, что европейское общество объективно лидирует в современном мире благодаря особой социальной мобильности и психологической пластике, способности к адаптации и восприятию новых технологий. По-

этому только оно смогло преодолеть традиционализм, совершить отрыв и перейти к индустриальной стадии развития, полнее реализуя свои жизненные шансы. Унитарно-стадиальный характер носили почти все ранние *теории модернизации* (У. Ростоу, Ш. Айзенштадт, С. Блэк). К самым известным современным унитарно-стадиальным концепциям относятся *теория индустриального общества* (Ж. Фурастье, Р. Арон), а затем сменившая ее *теория постиндустриального общества* (сверхиндустриального, технотронного, информационного, сервисного – Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, И. Иллич, И. Масуда и др.). Все эти концепции представляют собой стадиальные типологии социо-исторических организмов и содержат европоцентристские коннотации. В радикальных формах Е. выразился в концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который оспаривал возможность прямой передачи инноваций между разными цивилизациями. Примером того же рода являются работы Ф. Фукуямы, считающего достижение западной модели либерального капитализма вершиной мировой эволюции. Современные сторонники европоцентризма видят в нем важный инструмент сохранения европейской культурной идентичности.

С другой стороны, со второй половины XX века расширяется убежденность в узости идей европоцентризма и предпринимаются попытки осмыслить многообразие культур, многолинейность развития. Кризис цивилизации, выраженный в мировых войнах, революциях, тоталитарных режимах в значительной степени подорвал позиции европоцентризма. В то же время динамичное развитие процессов деколонизации и модернизации стран третьего мира вызвал глубокий интерес к их цивилизационному потенциалу развития. Следует отметить, что востоковеды, африканисты последовательно противостояли идеям европоцентризма во всех странах. Они критиковали проявления европоцентризма в исторической науке за перенос на неевропейские регионы закономерностей, стадий и категорий развития Европы, за принижение вклада и роли неевропейских цивилизаций в истории человечества, за мифологизацию восточной специфики.

В 1960–70-е гг. волна критики линейных *теорий модернизации*, выполненных в духе *вестернизации*, привела к появлению представлений о национальных, региональных типах модерности. Важным этапом в преодолении европоцентризма в исторической науке стало появление *мир-системного подхода*. Создатели мир-системного анализа – И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Дж. Моделски, С. Амин считали, что привычные дихотомии Востока и Запада, традиционного и индустриального, как и представления о способах производства, о формационном делении истории – мифологемы, существующие только бла-

годаря *традиции*. С позиции мир-системного анализа историческое развитие и соотношение политических и экономических потенциалов Запада и Востока в рамках единой системы определялись изменчивой и циклической динамикой отношений центра и периферии. Если И. Валлерстайн отмечал, что гегемония Запада началась лишь после 1500 года, то его последователи (А. Г. Франк, Дж. Абу-Лугход и др.) более решительно заявляли, что в древнем и средневековом мире существовало несколько азиатских мир-экономик, которые определили основные векторы культурного, технологического и экономического развития человечества до наступления нового времени.

Для современной *исторической науки* характерно стремление к написанию *глобальной истории* и преодолению европоцентризма. В рамках новой парадигмы рассматривается становление человечества как целого, формируются представления о процессах и структурах глобальности, глобализации, исходя из идеи множественности картин мира и множественности моделей познания.

Лит.: 1) Тойнби А. Постигание истории. М., 1991; 2) Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993; 3) Семёнов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003; 4) Гуревич П. С. Философия культуры. М., 1994.

О. В. КИМ

ЕСТЕСТВЕННАЯ ВЫБОРКА – частично сохранившийся комплекс *массовых источников*. Понятие «естественная выборка» было введено в научный оборот И. Д. Ковальченко и получило развернутую характеристику в работах Т. И. Славко.

Е. в. представляет собой специфическое явление, актуальное для *исторических исследований*. Оно основано, как правило, на изучении документов, которые сохранились в архивах и, в силу объективных и субъективных причин, составляют только часть от первоначально созданного комплекса документов. Не каждый массовый источник образует естественную выборку, а лишь тот, который отражает генеральную совокупность. Изучение естественной выборки начинается с доказательства ее *репрезентативности*. Выделяются следующие этапы доказательства репрезентативности **Е. в.**:

Первый этап – необходимо оценить, насколько равномерно и полно отражена предполагаемая генеральная совокупность в естественной выборке; охватывает ли она все типы и явления, насколько ее пропорции соответствуют изучаемому *историческому явлению*. На этом этапе

обычно применяется логический анализ комплекса источников, который включает все элементы *источниковедческой критики*, а также характеристику процедур хранения и условий сохранности. Цель анализа – выявить, не было ли преднамеренного отбора документов. Оценка пропорциональности естественной выборки строится на основе сравнения ее характеристик с имеющимися в науке представлениями о структуре, свойствах, характеристиках изучаемого *исторического явления*.

Второй этап связан с доказательством того, насколько естественной выборке присущи свойства случайности, вариативности и соответствует ли она требованиям нормального распределения, т. е. можно ли рассматривать данный комплекс как статистическую совокупность (массовое явление). На этом этапе, помимо логического анализа, используются формальные приемы: показатели вариативности, методы оценки нормального распределения (метод критерия знаков; метод серий; метод последовательных разностей; критерий Уайта).

Третий этап – если доказаны свойства случайности естественной выборки, и она соответствует критериям статистической совокупности, то необходимо оценить ее *репрезентативность* с использованием *математических методов*. Однако в полной мере оценить репрезентативность естественной выборки только средствами математической статистики невозможно, качественный (логический) анализ остается основным и наиболее эффективным инструментом.

Следует отметить, что **Е. в.** часто имеет небольшой объем, а ошибка выборки выше допустимых значений. Это влияет на *интерпретацию*: все выводы, полученные при изучении естественной выборки, нуждаются в дополнительной верификации.

Литература: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967; Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. М., 1984; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991; Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; Славко Т. И. Математические методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. Екатеринбург, 1995; Федорова Н. А. Математические методы в историческом исследовании. Казань, 1996.

Л. Н. МАЗУР

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – объективно повторяющаяся связь *исторических явлений и процессов*, существенное явление общественной жизни, отражающее поступательное развитие

истории и являющееся *предметом исторической науки*. Она исследует конкретные, ограниченные определёнными пространственно-временными координатами закономерности общественного развития, связанные с деятельностью людей, а также объективные предпосылки и результаты этой деятельности. В жизни человек выступает как составная часть определённой общности – классовой, национальной, религиозной и иной. В её рамках он осуществляет или не осуществляет свои цели, вступая в известные системные отношения и совершая известную сумму поступков. Иначе история представляла бы собой хаотичное нагромождение более или менее случайных *фактов*, соединённых в *историческом повествовании* в некоторую связь на основании тех или иных субъективных соображений. **И. з.** конкретна. Нет «исторической закономерности вообще»: она продукт конкретных условий, складывающихся в определённом месте и времени. Человеческая деятельность не только накладывает на неё свой отпечаток, но в значительной степени решает саму её участь. Историческая деятельность человека обуславливает сложность истории, ее несводимость к схеме. Чем шире масса людей, вовлечённых в *историческое действие*, тем менее прогнозируемы результаты их действий. В особенности это верно для переломных, революционных эпох. Вместе с тем **И. з.** содержит объективную сторону, ограничивающую возможности свободной деятельности людей, которая коренится в материальных условиях жизни общества, в известной системе социально-экономических отношений, прямо или косвенно определяет их цели и задачи, равно как и средства и способы их осуществления. Но, в отличие от социологического закона, **И. з.** имеет дело с многообразными качественными, предотвращающими вытекающие отсюда опасности обесценивания истории. Важнейшей из них является *историческая случайность*. Без случайностей история, по выражению К. Маркса, носила бы мистический характер. Обращение к *исторической случайности* вносит в изучение истории некоторую неопределённость, усложняющую познавательный процесс, вносящую существенную коррективу в понимание природы *исторического знания* как относительного. Это, в свою очередь, означает, что **И. з.** в своей конкретности носит черты случайного, и её изучение может обогатить понимание истории. Существующая в рамках исторической закономерности коллизия необходимого и случайного ставит проблему *достоверности исторического знания*, современное понимание которой отвергает позитивистские иллюзии непреложности основывающегося на *источниках* фактического знания. Более того, при всей значимости источникового знания, оно не единственный и даже не главный способ получения достоверной информации о прошлом. Эта

задача решается с помощью теории «среднего уровня», конструирующей прошлое как *идеальный тип*.

Лит.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Блок М. Апология истории, или ремесло историка. 2-е изд. доп. М., 1986; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Его же. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и Новейшая история. 1995. № 1; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1988; Carr E. H. What is History? Cambridge, 1962.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ЗНАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – знание о развитии человеческого общества в режиме *исторического времени*. Условиями появления такого знания стали формирование в человеческом сознании стадийного представления о времени и появление письменности. Первым из дошедших до нас исторических произведений считается древнеегипетская летопись XXV в. до н. э. (Палермский камень). В Европе исторические знания зарождаются в VI–V вв. до н. э. (логографы, Геродот). На Руси **И. з.** в форме летописания зарождается в X–XI вв. Наряду с летописями, хрониками и историческими повестями формами *исторического знания* являются публицистические очерки, научные статьи, обзоры, рецензии, монографии, исторические стихотворения, поэмы, романы, кино- и телефильмы, полотна и скульптуры на исторические темы. В *историческом знании* можно выделить несколько разновидностей: научную – нацеленную на постижение объективной (общезначимой) *истины*; политическую и идеологическую – направленные на поиск в явлениях и процессах прошлого подтверждений современных политических ориентаций и постулатов идеологических доктрин; художественную – стремящуюся осмыслить на материале прошлого современные этические проблемы своими специфическими эстетическими средствами.

Лит.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Биск И. Я. Методология истории: курс лекций. Иваново, 2007; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980; Иванов Г. М., Коршунд А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1988; Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. 2-е изд. Киев, 1976; Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982; Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004.

С. П. РАМАЗАНОВ

И

ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП – понятие введено немецким социологом и философом Максом Вебером (1864–1920). В определении М. Вебера, эта исследовательская «утопия», не имеющая буквального аналога в конкретной социальной реальности, образуется благодаря взгляду на эмпирическую действительность с определенной исследовательской позиции; избранный ракурс рассмотрения связывает разрозненные единичные явления в «лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей». Таким образом, как теоретическая конструкция, полученная в результате логического связывания феноменов, встречающихся в различные эпохи в разных культурах, **И. т.** дает возможность упорядочить многообразие исторического материала и позволяет сравнивать аспекты социально-исторической реальности для выявления в ней существенного. Различие между идеальным ходом социально-исторического процесса и действительным позволяет открыть условия, которые определили это различие. Говоря словами самого М. Вебера идеальный тип «не является описанием реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено». К идеальным типам М. Вебер относил такие понятия как «западный город», «харизматическое господство», «гражданская экономика», «протестантская этика», «дух капитализма», «Ренессанс» и др. Критерием научности «идеального типа», по М. Веберу, является его исследовательская продуктивность: чем выше эвристический потенциал идеального типа, тем выше и его научное значение. Отсюда вытекают два важных следствия: 1) параллельно может существовать несколько конкурирующих идеальнотипических конструкций, относящихся к одной и той же совокупности эмпирических данных, и спор между ними решается в зависимости от того, какой идеальный тип обеспечивает прирост научного знания; 2) конкретный идеальный тип, сколь бы совершенным он ни казался, является проходящим, релятивным, и неизбежно сменяется новым.

Лит.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993; Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М., 1987 (или 2003); Современная западная философия: Словарь / Сост. В. С. Маляхов, В. П. Филатов. М., 1991.

И. С. МЕНЩИКОВ, Е. А. ПОПРАВКО

ИДЕНТИЧНОСТЬ. Согласно автору теории идентичности, последняя представляет собой «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру» (Э. Эриксон). Складывание идентичности происходит на протяжении всей жизни индивида, путем последовательных «я-синтезов» и перекристаллизаций. Основа психологической составляющей природы зрелой идентичности – ощущение тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и осознание того, что твое тождество и непрерывность признаются окружающими людьми. Э. Эриксон выделяет три основных вида идентичности: позитивную, негативную и смешанную. Позитивная идентичность представляет собой внутренне непротиворечивую интериоризацию социокультурных нормативов окружающего мира, предполагающую психологическую уверенность в себе. При смешанной идентичности идентификации человека приходят в противоречие друг с другом. В период наступления кризиса в том или ином социуме, группе автоматизмы сознания (установки) начинают давать сбой, а новые еще не сформированы. Негативная идентичность формируется тогда, когда прежние установки не воспринимаются в качестве «собственных», что порождает внутренний дискомфорт в силу несоответствия реалиям жизни. Негативная идентичность при определенных благоприятных социально-исторических условиях может служить своеобразным инструментом, чтобы отбросить прежнюю идентичность и сформировать новую, позитивную.

Э. Эриксон первым определил и историческую обусловленность формирования и эволюции идентичности. «Каждая человеческая жизнь начинается на конкретной эволюционной стадии и конкретном уровне традиции, неся в свое окружение определенный запас форм поведения и энергии, которые используются для роста и вставания в социальный процесс. Каждое новое существование принимается в лоно жизненного стиля, выработанного и интегрированного традици-

ей, и в то же время дезинтегрируемого, – и в этом также проявляется природа традиции...». Такова, по Эриксону, общая картина взаимосвязи идентичности человека и исторической динамики общества.

На ранних ступенях детства закладываются на бессознательном уровне первые установки доверия или недоверия к окружающему миру (базисное доверие), зависящие от отношения ближайшего окружения, и, в первую очередь, матери к ребенку. При этом идентичность каждого конкретного человека несет на себе печать «супер-эго» родителей, становится «проводником традиций и всех вечных ценностей, которые передавались этим путем от поколения к поколению». Принятие ценностей ближайшего окружения, группы зависит от возможности общества гарантировать относительную безболезненность этого процесса. Последний перестает быть таковым, когда в самом обществе наступает кризис «организованных ценностей» и «институциональных усилий» различных сообществ, направленных на то, чтобы «сохранить максимум свободной от конфликтов энергии во взаимно поддерживаемом равновесии». В другом месте Эриксон вносит методологически существенное уточнение в понимание кризиса идентичности: «Но каждый данный исторический период предлагает ограниченный набор социально значимых моделей, которые могут успешно сочетаться в процессе идентификации. Их приемлемость зависит от того, насколько они удовлетворяют одновременно потребностям созревающего организма, способу синтеза “эго” и требованиям данной культуры».

Теория установки в руках историка, владеющего необходимой информацией о «каждом данном историческом периоде», позволяет интерпретировать идентичность в более строгом формате. По сути, идентичность можно представить как систему интериоризованных и выработанных установок личности, которая призвана обеспечить бессознательное чувство целостности и адекватности «Я» обществу через принятие норм, ориентиров и табу тех микросоциальных групп, в которых личность социализируется в обществе. Принятие этих норм, протекающее относительно безболезненно в условиях «здорового» общества, свидетельствует об адекватности основных ценностных ориентаций (фиксированных установок) решению личностно значимых задач тех или иных членов социальной группы, задач, вытекающих из социальной роли агентов данной группы, обусловленных ее / их местом в системе общественного разделения труда. В обстоятельствах исторического кризиса для личности становится затрудни-

тельным принять существующие социальные и идеологические императивы как «свои» – не срабатывают автоматизмы сознания, или фиксированные установки.

Немаловажным моментом в теории Эриксона является то, что, как правило, на протяжении всей жизни индивид преодолевает ряд кризисов, связанных со становлением собственной идентичности. Однако кризис не обязательно несет за собой осознание. Полной рационализации быть не может, как и полного осознания идентичности. Личности, наиболее ранимые, переживают подобные кризисы идентичности наиболее остро. Именно из их среды, как правило, появляются харизматические фигуры, лидеры-новаторы, которые – в силу личной способности к наиболее адекватной интериоризации культурно-исторических конфликтов социума и их последующему «страдательно-творческому» решению «для себя» – могут сформулировать на базе собственного бессознательного опыта экспериментирования с новыми актуально-моментальными установками ту форс-идею, которая позволит будущим его последователям найти выход из социально-психологического тупика, связанного с данным кризисом, и которая явится структурообразующим ядром новой психосоциальной идентичности.

Анализ идентичности может приобрести формат большей строгости при использовании инструментария теории установки Д. М. Узнадзе там, где концепция Эриксона не может синтезировать разные виды идентичности (национальную, половую, религиозную, профессиональную, групповую и т. д.) в целостную конфигурацию Эго или конкретный вид психосоциальной идентичности – позитивную, негативную, спутанную эго-идентичность. Теория установки может помочь разобраться с тем, как в каждой из соответствующих ниш сознания личности (сознания в широком смысле слова) нарабатывался соответствующий багаж тех или иных установок, или, выражаясь языком теории П. Бурдье, политический, религиозный и прочий капитал. Наконец, теория полей П. Бурдье, как системы взаимосвязанных социальных ниш, позволяет точнее разобраться в том, как личность, социализируясь в тех или иных группах (будь то структуры частного, государственного, этнополитического или какого-либо иного характера), интериоризовала те автоматизмы, которые представлены фиксированными установками данных групп. Тем самым открывается путь к пониманию точек пересечения всех перечисленных видов идентичности как некоей системы психосоциальной идентичности

(или единой нефиксированной установки, как сказал бы Узнадзе). Таким образом, появляется возможность более точно соотнести персональную идентичность будущего новатора с психосоциальной (Э. Фромм интерпретирует этот механизм как соотнесение черт характера лидера с психосоциальным опытом его адептов), с габитусом общества.

Опять-таки с помощью теории установки именно историк может, пользуясь моделью Э. Эриксона, просчитать течение кризиса и, привлекая исторический материал, показать, как и какие фиксированные установки блокировали выход из кризиса. Однако самые тонкие моменты человеческого поведения в момент кризиса, который Э. Эриксон именует психосоциальным мораторием, историк не в состоянии объяснить самостоятельно. Э. Эриксон показал, что такие моменты, как правило, связаны с психосоматическим кризисом. Знаменитый «приступ» на хорах Лютера, психопатический срыв после провала пивного путча Гитлера, выпадение волос у Грозного во время ожидания в Александровой слободе – вот лишь малая часть возможных иллюстраций этой закономерности. И ее тоже можно объяснить в строгом научном контексте, только не теории Эриксона, а теории установок и психоанализа. Согласно им установка сама из себя черпает энергию. В том случае, если фиксированные установки не срабатывают, а новые актуально-моментальные еще не выработаны или же недостаточно сильны, чтобы позволить личности комфортно и свободно действовать в соответствии с ними, наступает стресс, порожденный конфликтом потребности и унитарной установки личности. Отсутствие положительных эмоций служит почвой для психосоматических расстройств самого разного характера.

В исторической литературе имеется немало ярких реконструкций подобного рода состояний тех или иных исторических персонажей или социальных слоев. Скажем, интерпретация М. А. Баргом состояния Кромвеля в период 1630–1636 гг., когда он, проиграв в борьбе с олигархией Гендингтона, долгое время находился в социально и финансово приниженном положении, не видел выхода из сложившегося тупика, содержит в себе, наряду с анализом его ценностных ориентаций и невозможности их реализовать в определенный момент времени, и психологическую компоненту. Исследователь обращает внимание на наблюдения современников и врачей будущего лидера Английской революции, диагностировавших его «ипохондрию» и «крайнюю меланхолию».

Или же реконструкция Э. Ю. Соловьевым тех препон, которые встречала потребность в честной наживе у немецкого бюргерства начала XVI в., потому и отвечает требованиям создания исторически пластичного и достоверного образа этого социального слоя, что органично включает в себя его психологический портрет. Она содержит описание настроений страха, тревоги и уныния, которые передает такой источник как искусство эпохи.

Лит.: Идентичность в норме и патологии / Под ред. Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко. Новосибирск, 2000; Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. М., 2005; Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; *Эриксон Э.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Пер. с англ. А. М. Каримского. М., 1996; *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

И. Ю. НИКОЛАЕВА

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД (от др.-греч. ἰδίος – своеобразный, γράφω – пишу) – 1) способ *исторического познания*, характерный для неклассической *исторической науки*, задачей которого является описание отдельных феноменов и *отнесение их к ценностям* [М. Ф. Румянцева]; 2) метод исследования, нацеленный на изучение и описание *исторических явлений* как уникальных и неповторимых [Л. П. Репина].

Методологическое обоснование **И. м.** получил в трудах В. Виндельбанда и Г. Риккерта («баденская школа»), которые рассматривали его как основной метод наук о культуре, направленный на описание индивидуальных особенностей «существенных» *исторических фактов*. «*Номотетическое мышление*», по В. Виндельбанду, ориентировано на отыскание общих законов, которым подчиняются естественные (природные) процессы и явления; «идиографическое мышление» ищет «отдельные *исторические факты*». В дальнейшем принципы идиографического подхода, как способа познания индивидуальности, получили развитие в работах В. Дильтея, В. Штерна, Г. Оллпорта и другие. В США **И. м.** стал основой одного из направлений кросскультурных исследований, задача которого – выявление особенных, специфических явлений, локализованных во времени и в пространстве.

И. м. задает такую стратегию *исторического познания*, которая нацелена на восстановление смысла чужой индивидуальности, ее ком-

муникативной и символической природы посредством «вживания», погружения историка в прошлое. В экстремальной форме **И. м.** получил развитие в *постмодернистской модели исторического познания*.

В настоящее время **И. м.** используется в неоклассической *исторической науке*, в которой он трактуется с позиций *принципов дополнительности и альтернативности*. Согласно этим принципам, относительно любого *предметного поля исторического исследования* можно поставить бесчисленное множество познавательных задач, а их решение возможно с помощью различных способов *исторического познания*, приоритетность которых определяется методологическими позициями исследователя.

И. м. применяет приемы сравнения изучаемого объекта с другими, главная цель которого выделение уникальных черт и характеристик, придающих ему своеобразие. Он относится к *индивидуализирующим методам* и опирается на описательные технологии. **И. м.** концептуально связан с *историко-генетическим, историко-биографическим методом, кейс-стади и т. п.*

Лит.: Виндельбанд В. Нормы и законы природы; Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995; Ланпо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken, 2010; Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: учеб. пособ. М., 2004; Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособ. М., 2002.

А. В. ЛУБСКИЙ, Л. Н. МАЗУР

ИКОНОГРАФИЯ (от др.-греч. εἶκων (eicon) – «эйкон» – образ и γράφω (grapho) – «графо» – пишу) – понятие, используемое в *исторической науке* и искусствоведении в различных значениях. 1) **И.** – совокупность изображений какого-либо лица (писателя, политического деятеля и т. п.) или сюжетов, характерных для каких-либо *эпох, направлений в искусстве и т. д.* (БСЭ). 2) В изобразительном искусстве **И.** – это каноническая система изображения каких-либо персонажей или сюжетов, характеризующаяся созданием художественных форм с устойчивым значением. Иконографию определяют два важнейших момента: повторяемость характерных черт архетипа, или первообраза, и сохранение того же смыслового содержания при повторениях (Православная энциклопедия). В обществах, отличающихся наличием жестких идеологических, религиозных, эстетических норм, следование иконографическому канону обязательно для художника. В прошлом

понятие «иконография» относилось в основном к христианскому искусству, потом было распространено на религиозное искусство вообще (**И.** Будды, **И.** индуистской мифологии и т. п.), сейчас оно охватывает всю изобразительную сферу – от пещерных рисунков первобытных людей до цифровых визуальных продуктов.

3) В исторической науке **И.** – это система приемов и методика определения достоверности изображения какого-либо исторического лица или события, их опознания и датировки (БСЭ). Основы иконографии как *вспомогательной исторической дисциплины* заложил в XVIII в. Бернар де Монфокон, исследовавший античные изобразительные *источники* (Mondfaucon B. de. L'antiquité expliquée et représentée en figures. P., 1719–1724. V. 1–15). 4) В искусствоведении **И.** – научное направление, предметом исследования которого являются типы и мотивы изобразительного искусства. **И.** занимается истолкованием сюжета, фигур и символов произведения искусства (БРЭ, Православная энциклопедия). Иконографический метод сложился на основе сочетания описательных принципов классификации изображений и церковно-исторического подхода в середине XIX в. в связи с задачами изучения средневекового искусства Европы (иконография Христа, Богородицы, святых и т. п.). У его истоков сочинение А.-Н. Дидрона об иконографии бога в христианстве (Didron A.-N. Iconographie Chrétienne: Histoire de Dieu. P., 1843). В России научная школа **И.** была создана Ф. И. Буслаевым, наиболее значительными ее представителями считаются Н. П. Кондаков и Н. В. Покровский. В настоящее время **И.** стала ведущим методом в исследованиях не только средневекового изобразительного искусства, но и архитектуры. Его особенностью является комплексный подход, соединяющий методические приемы филологии, истории и богословия.

Таким образом, в исторически ориентированных гуманитарных науках **И.** – это вспомогательная дисциплина, предметом которой является изучение и типологическая классификация изобразительных материалов, относящихся к определенной *эпохе* (живописных, графических, скульптурных, фото-, кино- и видео- портретов исторических личностей и обычных людей, изображений реальных событий, мифологических и религиозных персонажей и сюжетов). **И.** позволяет установить более или менее достоверный облик известных деятелей ушедших времен (**И.** А. С. Пушкина, **И.** Наполеона, российских императоров и т. п.), понять особенности восприятия и интерпретации человеком прошлого современной ему политической, социальной и

культурной действительности (например, изменения строго канонической иконографии религиозных изображений свидетельствуют о переживаемых обществом социокультурных трансформациях). Существуют различные взгляды на функции иконографии. На протяжении XX века она рассматривалась в качестве визуальной лингвистики (А. Грабар), способов определения текста, лежащего в основе изображения (Э. Гомбрих), систематизированной группировки отдельных тем (Я. Бялостоцкий), сбора и классификации фактов (Э. Пановски).

Лит.: Богемская Г. К. Иконография // БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 122; Ванян С. С. Иконография // БРЭ. М., 2008. Т. 11. С. 84-86; Ванян С. С. Символика, археология, иконография и архитектура. М., 2006; Келивидзе Н. В. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 44-47.

Л. Б. СУКИНА

ИМАГОЛОГИЯ (от лат. *imago* – образ и др.-греч. *λόγος* – слово, знание) – общегуманитарная научная дисциплина, занимающаяся изучением складывания, восприятия и преобразования образов чего-либо (страны, народа, культуры и т. д.), а также практическая деятельность по созданию имиджей. Основным предметом исследований имагологии является образное восприятие «чужого» представителями разных культур (стран, народов); предметом имагологии также являются: 1) устойчивые образы, объективированные в литературе (в литературоведении); 2) национальные образы и этнические стереотипы, их влияние на общество (в *этнологии*); 3) стереотипы в том или ином языке (**И.** лингвистическая); 4) представления участников культурного диалога друг о друге (в культурологии); 5) социальные функции представлений (в социологии). Впервые термин **И.** появился в 1920-е годы в социологии. Широкий интерес **И.** приобрела в 1950–1960-е гг. благодаря работам французских литературоведов (Ж.-М. Карре, М.-Ф. Гийяр), после которых была воспринята специалистами других гуманитарных дисциплин и стран. Единого представления о природе имагологии, ее целях, задачах и методах в науке не существует. Представители немецкой литературоведческой школы имагологии (Э. Менэрт) предложили рабочую терминологию для имагологии. **И.** историческая – *дисциплина исторической науки*; предмет исторической имагологии – представление о другом («чужом»), которое складывается в общественном сознании той или иной страны на опреде-

ленном историческом этапе. В рамках исторической имагологии сформировалась субдисциплина – изучение образа власти (**И.** потестарная). Исследование в рамках исторической имагологии предполагает широкое привлечение *исторических источников* разных типов, в том числе вещественных, изобразительных, аудиовизуальных. Наиболее известные исследователи имагологии – Х. Дизеринк, Д.А. Пажо, М. Фишер; отечественные исследователи – Н. А. Ерофеев, Л. З. Копелев, Е. Ю. Артемова. Существует множество семинаров по имагологии по всему миру, проводятся конференции по имагологии.

Лит.: Власть и образ: очерки протестарной имагологии : [сб. ст.] / Отв. ред. М. А. Бойцов. СПб., 2010; Имагологические аспекты русской и зарубежной литературы: [сб. ст.] / Отв. ред. О. Ю. Поляков. Киров, 2012; Миры образов – образы мира: справочник по имагологии / Пер. с нем. М. И. Логвинова, Н. В. Бутковой. Волгоград, 2003; *Ощепков А. Р.* Имагология // Знание. Понимание. Умение. М., 2010. № 1. С. 251–253; *Репина Л. П.* Диалог культур в контексте истории и в историческом познании // *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 251–286.

М. АЛЁШИН

ИМПЕРИАЛИЗМ – понятие, в широком смысле применяемое для обозначения агрессивной внешней политики, направленной на расширение ресурсной базы государства за счет других стран и народов, включаемых в состав государства-агрессора в качестве подчиненной территории либо зависимой автономии. В качестве научной категории понятие «империализм» введено в оборот Дж. А. Гобсоном и В. И. Лениным в начале XX в. и подразумевает высшую стадию развития капитализма, характеризующую формированием монополий и олигархий, господством финансового капитала, завершением территориального раздела мира.

В наиболее строгом смысле под империализмом стоит понимать высшую стадию промышленного *колониализма* (конец XIX – начало XX в.), при которой страны-колонизаторы стремятся подчинить все ранее не закабаленные территории Азии и Африки, что вызвано возросшим значением колоний как рынков сбыта, источников сырья (в том числе сельскохозяйственного) и сфер приложения капитала в связи с завершением в ведущих европейских державах промышленного переворота. Стремление к максимально возможной колониальной

экспансии приводит к конфликтам между великими державами – империалистическим войнам (как регионального, так и глобального масштаба – I-я мировая война). В связи с этим на данном этапе территориальные захваты часто происходят из соображений престижа или в рамках стратегических планов, невзирая на экономическую привлекательность того или иного региона.

Лит.: *Гобсон Дж. А.* Империализм / пер. с англ. Л., 1927; *Васильев Л. С.* История Востока: уч. пособие для вузов. М., 1993. Т. 2; *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 27. С. 299–426.

О. Н. МУХИН

ИМПЕРИЯ [от лат. *imperium* – верховная власть] – 1) первоначально высшая политическая власть в древнем Риме; государство, возглавляемое монархом, имеющим титул императора. Со временем понятие несколько изменилось. Империей называется крупное государственное образование, созданное путем присоединения (мирного или, чаще, военного) ранее независимых территорий (стран и народов) к первоначальному ядру, где сосредоточена центральная власть, и объединяющее их вокруг единого политического центра под эгидой универсальной идеи цивилизационного, религиозного, идеологического, иногда экономического характера. 2) крупные государства, имеющие обширные колониальные владения. Особенностью империи является различный статус включенных в нее образований. Колонии сохраняют некоторые признаки государственности, для провинций устанавливается статус приграничья или особого этнополитического территориального образования. **И.** имеет следующие признаки: наличие сильной армии и полиции; большое внешнеполитическое влияние; мощная национальная идея (религия, идеология); жесткая, как правило, единоличная, власть; высокая лояльность населения; активная внешняя политика, направленная на экспансию, стремление к региональному или мировому господству.

Классифицируя империи, можно выделить древние империи – Египетскую, Персидскую, Римскую и т. д., находившиеся под абсолютной, часто теократической властью одного государя-монарха. Среди империй Нового времени принято различать империи континентальные и морские, или же – по другому основанию – колониаль-

ные и идеократические империи. Колониальная империя предполагает наличие метрополии – государства, в котором ведущим является капиталистический уклад, и колоний, государств традиционалистского типа либо территорий с господствующим архаическим укладом, служащих для метрополии источником сырья, рынком сбыта промышленной продукции и сферой приложения капитала. Цель создания и смысл функционирования колониальной империи состоит в обеспечении путем внеэкономического и экономического принуждения (возможных благодаря техническому и военному превосходству государства-метрополии) неэквивалентного обмена товарами, выкачки промышленных и денежных ресурсов и использования дешевой рабочей силы. Британская, Испанская, Португальская, Голландская, Французская империи, явившиеся результатом военно-экономической экспансии стран Европы в различных регионах планеты, имели жёстко централизованное управление.

Идеократические, или традиционные империи – страны, находящиеся на стадии традиционности. Идеократическим, или традиционным империям имманентно присущи трансцендентные цели существования, подразумевающие воплощение на земле некоего высшего идеала (религиозного или светского идеологического характера). Отличительные черты: в сфере ментальности – господство имперского (но не империалистического) мышления, характеризуемого авторитарным социальным характером и мессианской идеологией; в политическом плане – стремление к перманентной территориальной экспансии и включению в орбиту влияния своей мессианской идеологии максимального числа подданных, различных по этнической и религиозной принадлежности, строгая политическая централизация, тесно связанная с идеологическим монизмом (не исключающим, впрочем, религиозного разнообразия, противного скорее национальному государству, нежели имперскому); в экономической сфере – преобладание экстенсивного пути развития и жесткий контроль государства в сфере производства при отсутствии или слабом распространении частной инициативы; в социальной – минимальное число социальных механизмов, как правило контролируемых властью, и подавление альтернативных государственным общественным групп и объединений. Традиционные империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская, Японская, Османская и т. д.) представляли собой многоуровневые государственные комплексы, скреплённые идеологическим центром, едиными вооружёнными силами и экономическим пространством.

Для обоих типов империй характерно наличие неравенства в распределении материальных благ между центром и периферией, однако в идеократических империях оно значительно меньше, так как здесь присутствует тенденция сглаживания статусных различий в рамках распространения идеологического монизма, тогда как в колониальных империях сохраняется четкое вертикальное деление между метрополией и колонией в политическом, экономическом и культурном аспектах (это связано с тем, что идеократическая империя – по сути целостное государственное образование, тогда как колониальная империя – конгломерат, состоящий из нескольких государств, одно из которых господствует над другими).

Кроме того, по структуре основных коммуникаций различаются «консолидированные» (континентальные, теллуократические) и «неконсолидированные» (морские, талассократические) империи. Первые имеют сухопутные коммуникации центра со всеми составными частями государства, вторые – только морские коммуникации.

Лит.: Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа // Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. СПб., 2001. С. 19–62; Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Политология. Словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/> [февраль, 2014]; Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: ИРИ РАН, 2011; Яковенко И. Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6. С. 117–128.

Г. Н. КРАЙНОВ, О. Н. МУХИН

ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩИЙ ПОДХОД – понятие, используемое в Баденской школе неокантианства (преимущественно Г. Риккертом, 1863–1936) для характеристики одного из способов донаучного образования *понятий* – индивидуализирующего понимание *действительности*. **И. п.** лежит в основании наук о культуре как *идиографических* в отличие от *номотетических* наук – наук о природе, логика которых опирается на *генерализирующий* способ образования понятий.

Лит.: Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997; Риккерт Г. Филосо-

фия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 129–204.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИНДУКЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (лат. *inductio* – наведение) – 1) логическое суждение, основанное на методе «восхождения от конкретного к абстрактному», от частных (отдельных) фактов к общему выводу; 2) общенаучный метод изучения явлений посредством сбора и описания эмпирических данных (признаков и проявлений) и вывода на их основе общих свойств и характеристик.

Термин «индукция» встречается у Сократа, Аристотеля, который рассматривал ее как способ умозаключения, противоположный силлогизму. Родоначальником современного учения об индукции как основном методе научного познания выступает Р. Бэкон. Дальнейшее развитие понятия «индукция» связано с именем Дж. Ст. Милля, который в своей книге «Система логики» (*A System of Logic*) сформулировал пять правил доказательства причинных законов и связей, основанных на определенных алгоритмах индуктивных умозаключений.

Особенностью индуктивного метода выступает то, что он связывает частные явления с выводом не строго через законы логики, а скорее через эмпирические представления. **И.** необходима не только для обобщения фактов, ее применяют при доказательствах, в выводах и заключениях. Индуктивный метод незаменим при проведении экспериментов, наблюдениях, опросах, а также при изучении исторических источников. Кроме того, **И.** используется как способ вывода абстрактных понятий из конкретных данных, тем самым способствуя формированию языка науки.

Различают полную **И.** – метод исследования, при котором результат получен на основе изучения всех частных случаев (сплошное наблюдение), и неполную **И.** – изучение отдельных частных случаев (несплошное наблюдение). Результатом неполной индукции выступает гипотеза, которая нуждается в доказательстве. Историческое знание часто выступает как результат неполной индукции.

Лит.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика с элементами эпистемологии и научной методологии. М., 1994; Голдстейн М., Голдстейн И. Ф. Как мы познаем. М., 1984; Гончаров С. С., Ершов Ю. Л., Самохвалов К. Ф. Введение в логику и методологию науки: учеб. изд. Новосибирск, 1994; Горский Д. П. Обобщение и познание. М., 1985; Индуктивная логика и формирование

научного знания. М., 1987; Логические методы и формы научного познания. Киев, 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010.

Л. Н. МАЗУР

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – стадия (и тип) экономического развития общества, для которой характерны преобладание развитого промышленного производства и техногенный характер развития.

Индустриальное общество в социологии – это категория, при помощи которой историки и социологи объясняют и анализируют происхождение и природу современных развитых обществ и обобщают характер преобразований, отделяющих их от *«традиционных обществ»*. Индустриальное общество характеризуется развитием разделения труда, массовым производством товаров, механизацией и автоматизацией производства, развитием средств массовой коммуникации, сферы услуг, высокой мобильностью и урбанизацией, возрастанием роли государства в регулировании социально-экономической сферы. В исторической науке считается, что эпоха индустриального общества наступила в результате *промышленного переворота* (индустриальной революции) и ряда связанных с ней социокультурных трансформаций, происходивших во второй половине XVIII – начале XIX в. Важным этапом в социально-политическом становлении индустриального общества в Европе была Французская революция XVIII века, которая способствовала демонтажу феодально-абсолютистской сословной системы, открыла дорогу буржуазным тенденциям развития. Характерно что в эпоху промышленного переворота и соответственно, в стадию индустриального развития общества вступают несинхронно и проходят с разной скоростью. По мнению У.Ростоу, Великобритания вступила в стадию промышленного переворота в 1783 г., а в стадию индустриализма вошла в 1802 г.; Франция – в 1830–1860 гг.; Бельгия – в 1833–1860 гг.; США – в 1843–1860 гг.; Германия – в 1850–1873 гг.; Швеция – в 1868–1890 гг.; Япония – в 1878–1900 гг.; Россия – в 1890–1914 гг. (1).

Индустриальное общество является исторически первой техногенной общественной системой. В основе развития данного общества, равно как и в основе жизни его отдельных членов, лежат факторы, связанные с производством и экономической занятостью, технико-

технологическими процессами. Позитивистский характер и экономический детерминизм теории индустриального общества проявляется в установке на то, что социальное является производным от технического; что жизнь общества подчиняется интересам постоянного и независимого от воли человека обновления технико-экономической сферы; технологический прогресс и научные достижения неизбежно влекут за собой модификацию и модернизацию общественной и культурной жизни. Качественные изменения в социальной, культурной или политической жизни общества, этические нормы и эстетические предпочтения связаны с развитием технико-технологической базы индустриального общества (6). Сторонники теории считали, что общий рост благосостояния на индустриальной стадии развития вел к снижению остроты социальных противостояний. Существенным элементом перехода от традиционного к индустриальному обществу являлось укрепление национального либерально-демократического государства (3).

Одним из центральных понятий в теории является *индустриализация*. В классическом смысле – процесс опережающего развития производства, создание крупной, технически развитой промышленности, значительное увеличение доли промышленного производства в экономике. В основе процесса индустриализации лежит сложное разделение труда при его высокой специализации; использование разных видов энергии; применение науки и техники в организации производства. В качестве экономического процесса индустриализация является логическим завершением промышленной революции. Одновременно индустриализация представляет из себя сложный процесс с кумулятивным социокультурным эффектом. Именно в период индустриализации характер общественного развития приобретает техногенный характер, что непосредственно отражается на общественной психологии, социальной структуре, политико-правовой сфере, интеллектуальной жизни и т. д. В этом отношении индустриализация завершает длительный процесс генезиса индустриального общества, а ее завершение открывает качественно новый этап трансформации самой индустриальной схемы.

В индустриальном обществе происходит научно-техническая революция, развиваются разветвленные системы транспорта, растет мобильность населения и урбанизация, происходят качественные сдвиги в структуре национального потребления. Переход от традиционного общества к индустриальному рассматривается в рамках теории как

прогрессивное движение истории, связывается с преодолением негативных последствий традиционализма, с устранением одиозных форм политического насилия, социального неравенства и эксплуатации, с ориентацией на интеллектуальное и духовное раскрепощение человека и культуры в целом. Первоначальные редакции теории предполагали, что общество на индустриальной фазе развития достигает нового горизонта не только экономических, но и социокультурных возможностей (равенство гражданских прав, демократизация общественной жизни, широкие возможности образования, рост социальной мобильности и т. д.). В более поздних версиях теории эти идеи подверглись ревизии, на фоне общей критики *капитализма*, тоталитарных моделей индустриализма и негативных тенденций массовой культуры.

Термин «новая индустриальная система» ввел А. Сен-Симон. Он противопоставлял ее «старому порядку», т. е. феодально-абсолютистскому строю и сословному обществу Франции. Теоретическую линию Сен-Симона продолжили О. Конт и Г. Спенсер. Они связали понятие индустриального общества с эволюционизмом и позитивизмом и сформировали дихотомию «традиционное общество – современное общество». Согласно Спенсеру, индустриальное общество являлось следующей после «военного общества» землевладельцев ступенью развития, для которой характерны социальное сотрудничество, разделение труда, рациональность и прагматизм, альтруизм. О. Конт считал, что в европейском обществе после Французской революции и промышленного переворота «позитивный дух» сменяет длительную стадию «метафизического духа». Э. Дюркгейм противопоставлял социальный порядок традиционного общества, основанный на «механической солидарности» (на общих убеждениях и консенсусе в пределах коллективной совести), системе современного общества, основанной на «органической солидарности» (взаимозависимость экономических связей, новая сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений). Концепции индустриального общества на рубеже XIX–XX вв. проявляли технологический детерминизм – веру в то, что созданная человеческим разумом и человеческими руками машинная цивилизация обладает независимостью от человека и общества, что технический прогресс независим от воли человека, объективен (5).

Широкое распространение теории индустриального общества началось в 1950–1960-е годы, после второй мировой войны, на основе

переосмысления ее политических, психологических, эмоциональных и интеллектуальных результатов. Важным идеологическим аспектом формирующейся теории индустриального общества было стремление западных теоретиков создать альтернативную марксистской диалектике общественного развития линейную концепцию всемирно-исторического процесса. На волне возрождения интереса к прогрессистским схемам были сформулированы основные положения *теории модернизации* как комплексного перехода от *традиционного общества* к индустриальному. Основные теоретические положения сложились в работах Р. Арона, У. Ростоу, Р. Дарендорфа, Д. Белла, А. Турена, Ж. Фурастье и др.

В прорывном по значению сочинении У. Ростоу «Стадии экономического роста» была представлена альтернативная «пятичленная схема» исторического развития. Стадии Ростоу характеризовали уровни технологического развития и связанные с ними социокультурные общественные формы: 1) Традиционное общество – аграрное общество, основанное на примитивном сельском производстве, с доньютоновским уровнем техники, религиозной культурой и иерархическим сословным строем; 2) Переходное общество – нестабильный социум, подвергшийся серьезному воздействию экономических обменов и получивший импульс к значительной социальной динамике. В этот период появляются буржуазные модели поведения, распространяется рационализм, растет капиталовооруженность производства. В переходном обществе происходит рост национализма и формируется регулярное абсолютистское государство; 3) Стадия сдвига (take-off), собственно, этап промышленной революции, индустриализации. В этот период классовая структура общества окончательно сменяет сословную, изменяется система общественного производства, характер элит и собственности, происходит демографический переход, растет роль капитала и технологий, возникают новые отрасли; 4) На стадии зрелости в развитом индустриальном обществе XIX–XX вв. происходит бурное развитие промышленности, новых отраслей, это эпоха машинного прогресса. Стремительно развивается наука, расширяется техносфера и инфраструктура индустриализации. На фоне урбанизации формируется средний класс, увеличивается доля квалифицированного труда, изменяется структура занятости. Формальные экономические отношения постепенно вытесняют другие типы социальной связи. 5) Эра высокого массового потребления материальных благ и формирования соответствующей системы ценностных ориентаций и установок (1).

С точки зрения сторонников теории индустриального общества *капитализм* – лишь один из вариантов раннего развития индустриальной системы в XIX – первой половине XX века. У истоков этих взглядов стоял Р. Арон, считавший, что законно сопоставлять капитализм и социализм в рамках *идеального типа* единого индустриального общества. Под индустриальным обществом Р. Арон понимал такую общественную организацию, в которой «типичную форму организации труда составляют крупные предприятия», основанные на высокотехнологичном производстве. Социализм и капитализм в системе координат индустриального общества отличаются друг от друга следующими чертами: собственностью на орудия производства и принципами регулирования экономической жизни (план, рынок). Р. Арон соглашался с тезисом о том, что в индустриальном обществе неизбежны социальные конфликты между наёмными работниками и работодателями за распределение национального продукта (прибавочной стоимости), но при этом он считал, что социальные конфликты присущи индустриальному обществу в целом, вне зависимости от господствующего общественно-экономического строя (2).

Таким образом, если первые версии теории индустриального общества подразумевали, что преобладающая форма его экономической организации находится в частных руках, то в последующих редакциях указывалось, что совпадение собственности, предпринимательства и управления временно. В широкомасштабных индустриальных системах значительная часть экономики контролируется государством, собственность на капитал не гарантирует властных полномочий. Как отмечал А. Берл, особо важную роль в управлении крупной индустрией играют менеджеры – администраторы, технократическая бюрократия. На децентрализацию капиталистического дискурса теории серьезно повлиял опыт развития стран третьего мира и социалистического лагеря. На рубеже 1970–1980-х гг. появились обновленные и расширенные, плюралистические определения индустриализма.

Понятие индустриального общества тесно связано с *модернизационной парадигмой*. Линеарные теории модернизации первого поколения предполагали, что существует определенная логика индустриализации, которая ведет к *конвергенции*, что чем выше модернизированы и индустриализованы общества, тем более они идентичны и интегрированы. На этой теоретической основе в рамках теории модернизации сложилось представление о *вестернизации* как существенной характеристике перехода от *традиционного к современному обществу*.

Недостатки концепции *традиционного и индустриального обществ* связаны с их экономическим и технологическим *детерминизмом*. Если концепция *традиционного общества* подразумевает антропологическое измерение, то теории индустриализации это свойственно в меньшей мере. Большинство современных историков считают, что «рост производительных сил» связан не только с эндогенным изменением технологий, техники и принципов организации производства, но и с системой внешних по отношению к системе производства факторов (культурный диффузионизм, демографические изменения, менталитет, экологическая среда и климат, идеология, политическая конъюнктура, смещение экономических коммуникаций и т. д.). Система идей об индустриальном обществе получила дальнейшее развитие в теории *постиндустриального общества*.

Лит.: 1) *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto Cambridge: Cambridge University Press, 1960; 2) *Aron R.* Democracy and Totalitarianism. London: Widenfeld and Nicolson, 1968; 3) *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959; 4) *Раков В. М.* Европейское чудо. Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.: Пермь, 1999; 5) *Семёнов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003; *Пономарев М. В., Смирнова С. Ю.* Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Часть 1. Предмет и периодизация курса. Европейская цивилизация в XVI–XVII вв. М.: Владос, 2000.

О. В. КИМ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД – форма и способ научного изучения *исторической реальности*. **И. п.** является одной из форм организации *мультидисциплинарных исследований в исторической науке*, направленных на решение научно-исследовательских задач в рамках ее *предметного поля* с помощью методологических конструкторов и методов других научных дисциплин. **И. п.** представляет собой систему познавательных принципов, ориентирующих историков на *интерпретацию исторической действительности* в русле институциональных теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания. В качестве «института» или *объекта исследования* могут выступать: 1) организации; 2) правила и нормы; 3) модели поведения и социальные практики; 4) когнитивные образы и представления.

Различают классический институционализм и неoinституционализм. Классическое направление связано с изучением в качестве институтов политических организаций и формально-юридических норм, регулирующих отношения между людьми в обществе, а также социальные нормы, формируемые социальными системами и задающие модели социального поведения. Методологической основой классического институционализма выступает теория однолинейного *прогрессизма*, согласно которой история развивается по пути преодоления многообразия общественного устройства к единому рационально устроенному будущему. Применительно к *историческому познанию* в рамках классического институционализма одни исследователи акцентируют внимание на институтах как политических организациях и формально-юридических нормах, регулирующих отношения между людьми в обществе, другие – на институтах как совокупности формируемых социальными системами социальных норм, задающих модели социального поведения с целью интеграции и стабилизации общества.

Неоинституционализм признает возможность различных вариантов исторического развития и нацелен на характеристику специфики институтов, обусловленную выбором траектории исторического развития. В рамках неоинституционализма институты рассматриваются как набор структурирующих человеческие взаимоотношения правил и ограничений, создаваемый самими людьми в процессе социальных коммуникаций или навязываемый социальными агентами, обладающими социальным капиталом, в том числе символическим [Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вейнгаст]. Институты организуют взаимоотношения между людьми, структурируют повседневную жизнь, уменьшают неопределенность, задавая набор социальных альтернатив, которые имеются у каждого человека. Внимание историков-неоинституционалистов акцентируется не столько на самих институтах, сколько на деятельности субъектов их поддерживающих или изменяющих, а также на институциональных изменениях. Историческое развитие рассматривается как процесс, детерминированный социальной памятью. Она влияет на выбор пути общественного развития с учетом предшествующей траектории («path dependence»): в обществе воспроизводится институциональная система прошлого с постепенным внесением в нее изменений. Быстрее всего изменяются институты, которые относятся к внешнему, поверхностному слою, тогда как глубинные институты проявляют устойчивость. В рамках неоинституционализма сложилось также представление о том, что история – это переход от гетероном-

ных обществ к автономным. Гетерономные общества инкорпорировали в свои институты идею о том, что они не являются результатом человеческих усилий, не были созданы людьми, по крайней мере, теми, кто жив сейчас. В автономном обществе, напротив, индивиды творят образцы, нормы и правила в процессе жизнедеятельности в форме воображаемой социальной реальности, которая затем превращается в реальность настоящую [К. Касториадис].

Лит.: Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер. с франц. Г. Волковой, С. Офертаса. М., 2003; Норт Д., Уоллис Дж., Вейнгаст Б. Концептуальный подход к объяснению истории человечества // Эковест. 2007. Т. 6. № 1; Торстендал Р. Возвращение историзма? Неоинституционализм и исторический поворот общественных наук // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2008.

А. В. ЛУБСКИЙ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ – предметное поле актуального исторического знания; предмет исследования **И. и.** – все виды творческой деятельности человека (включая ее условия, формы и результаты) в общем интеллектуальном пространстве и долгосрочной исторической ретроспективе. Долгое время (начиная с XIX в.) понятие «интеллектуальная история» было связано главным образом с историей философии. В первой половине XX в. утверждается представление, что **И. и.** изучает разные формы мысли («методическую» мысль – философскую и научную; а также «неметодическую» мысль – литература, поэзия, искусство и др.) в их историческом измерении (F. L. Baumer). В 60–70-е гг. XX в. **И. и.** оказалась на обочине *историографии*. Ее критиковали за сосредоточенность на «высоких» теориях и доктринах, за игнорирование социального контекста идей и социальных функций науки, за «буржуазную элитарность», исключительный интерес к великим мыслителям и каноническим традициям, за отсутствие внимания к локальным традициям и народной культуре. На рубеже 80–90-х гг. XX в. под влиянием *истории ментальностей* и социальной истории идей произошло обновление интеллектуальной истории, опиравшееся на критический анализ господствовавшей в западноевропейской и американской историографиях социальной истории. Основной отличительной чертой интеллектуальной истории был признан широкий контекстуализм, связь изучаемых ею идей с

культурным и социальным контекстами (взаимосвязь «внутреннего» и «внешнего» – L. Kramer), в которых они рождались, развивались, транслировались, видоизменялись или прерывались. Новой осознанной позицией интеллектуальной истории стал отказ от ограничения возможных теоретико-методологических перспектив какой-либо одной научной концепцией. В настоящее время принципиальным признается учет взаимодействия между движением идей и их исторической средой – теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Историки уже давно отмечают близость исследовательских полей интеллектуальной истории и *культурной истории* (H. E. Barnes), и особенно *новой культурной истории*. При выстраивании культурного контекста **И. и.** становится внутренней частью культурной истории, а *культурная история* служит внешней стороной интеллектуальной истории, поэтому историки должны обращать внимание на эти обе стороны – на внутреннюю и внешнюю (D. R. Kelley). В такой перспективе исследователи стали вести речь о реализации проекта «новой культурно-интеллектуальной истории», которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания в их социокультурном контексте. Неотъемлемой территорией интеллектуальной истории стали история знания, история науки и так называемая «дисциплинарная история» (Л. П. Репина). В 1994 г. было создано Международное общество интеллектуальной истории (ISIH), издаются журналы: «Modern Intellectual History» (с 2004 г.) и «Intellectual History Review» (с 2007 г.). Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ) было создано в ноябре 2001 г. и стало общественным объединением, содействующим развитию научных исследований по проблемам интеллектуальной истории. Общество действует в 36-ти регионах Российской Федерации. Центральное правление РОИИ издает информационно-аналитическое издание «Вестник РОИИ» (выходит 3 раза в год). Печатным органом РОИИ является научный журнал «Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории» (издается с 1999 г.). Общество осуществляет научную деятельность в тесном сотрудничестве с Институтом всеобщей истории РАН (Центр интеллектуальной истории, рук. – чл.-корр. РАН Л. П. Репина).

Лит.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и исследовательская практика. М., 2011; Репина Л. П. «Новая ис-

торическая наука» и социальная история. М., 2009; Barnes H. E. An Intellectual and Cultural History of the Western World. N. Y., 1937; Baumer F. L. Intellectual History and Its Problems // The Journal of Modern History. 1949. Vol. 21. No. 3. P. 191–203; Kelley D. R. Intellectual History and Cultural History: the Inside and the Outside // History of the Human Sciences. 2002. Vol. 15. No. 2. P. 1–19; Kramer L. Intellectual history and philosophy // Modern Intellectual History. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 81–95.

С. И. МАЛОВИЧКО

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

– 1) метод изучения истории, синтезирующий возможности разных дисциплин, изучающих различные аспекты социальной жизни человека и самого человека как социального существа (2); 2) интегральный подход к изучению прошлого на «перекрестке» социальных и гуманитарных наук, основанный на междисциплинарной кооперации (4); 3) изучение прошлого путем «стратегии присвоения», т. е. заимствования методов и концепций смежных дисциплин (5). В современной эпистемологии существуют различные представления об интердисциплинарности (междисциплинарности) в научном познании. В рамках одного из них интердисциплинарность рассматривается как взаимодействие научных дисциплин (3). В *исторической науке* интердисциплинарность иногда отождествляется с мультидисциплинарностью. При этом акцентируется внимание на том, что междисциплинарное взаимодействие заключается в применении исследовательского инструментария, заимствованного у смежных социальных наук.

И. п. в *историческом познании* – это форма и способ изучения *исторической реальности*. **И. п.** является одной из форм организации кросс-дисциплинарных научных исследований, направленных на преодоление дисциплинарной ограниченности в изучении истории. **И. п.** как способ, позволяя взглянуть на историю в различных дисциплинарных ракурсах, представляет собой тот вариант *холизма в историческом познании*, предметный аспект которого проявляется в рассмотрении прошлого как целостной *исторической реальности*. **И. п.** – это постановка научно-исследовательских задач на стыке истории и других научных дисциплин и использование их теоретического потенциала и научного языка в интерпретации научных фактов в целях целостного изображения истории. **И. п.**, направленный на решение

научных проблем, которые кажутся сложными или широкомасштабными для исследователей, принадлежащих к одной дисциплине, сопровождается интеграцией знаний предметного характера. В этом плане **И. п.** означает, прежде всего, кооперацию различных научных областей, циркуляцию общих понятий для *описания, понимания и объяснения* некоторого фрагмента исторической реальности. В результате *историческое познание* становится «средой гуманитарных наук» (М. Фуко). В *историческом познании И. п.*, как способ взаимодействия различных специализированных научных практик, проявляется не в том, что «территория историка» становится открытой для «эпистемической интервенции» со стороны других социальных и гуманитарных наук, а в том, что историк, работая на стыке разных дисциплин, старается сделать прошлое, выступающее предметом его исследования, более сложным и разноплановым с познавательной точки зрения. **И. п.**, связанный с формированием новых научных полей исследования, ведет к образованию гибридных дисциплин путем заключения «брака» истории с другими социальными, гуманитарными и естественными науками (таких как: историческая социология, историческая психология, историческая этнология, историческая география, историческая антропология, социоестественная история, историческая политология, историческая демография, историческая имагология, историческая информатика, клиометрия и т. п.). **И. п.**, когнитивная стратегия которого нацелена на получение нового синтетического знания об *исторической реальности*, раскрывает большие перспективы для проведения компаративных научных исследований.

Лит.: 1) Вахштайн В. Эпистемические интервенции: скромное обаяние «чужих» объяснительных моделей. Режим доступа: [http://www.hse.ru/news/ recent/49103686.html](http://www.hse.ru/news/recent/49103686.html) [февраль, 2014]; 2) Могильницкий Б. Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 11; 3) Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of Teaching and Research in Universities. P., 1972. P. 139; 4) Ретина Л. П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2005. Вып. 15. С. 5–14; 5) Тихонов В. В. Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М.: Изд-во «Совпадение», 2012. С. 251–258.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ (от лат. *interpretatio* – истолкование, разъяснение) – 1) базовая исследовательская процедура исторического познания, смысл которой в достижении *понимания* исторической / источниковой *реальности* на основании системы методологически выверенных исследовательских процедур; 2) «общезначимое научное понимание исторического источника» (А. С. Лаппо-Данилевский). Парадигмально различные подходы к *историческому познанию*, соотносимые с классической и неклассической моделями науки, делают объектом исторической интерпретации: а) *исторический факт*, устанавливаемый путем так называемой *критики исторических источников*, либо б) *исторический источник* как объективированный результат творческой активности индивидуума / продукт культуры, на понимание которых и нацелена **И. и.** Образцы методологической разработки исторической интерпретации *исторического факта* дают немецкие историки И. Г. Дройзен (1808–1886), Э. Бернгейм (1850–1942). И. Г. Дройзен определяет: «Сущность интерпретации – увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации в действительности». И. Г. Дройзен выделяет четыре аспекта исторической интерпретации: прагматическая интерпретация – реконструкция картины *исторических событий* на основе проверенного в процессе *критики исторического источника* материала, интерпретация условий – выяснение исторического контекста установленных в процессе исследования фактов, психологическая интерпретация – выявление волевых актов, породивших исследуемую ситуацию, интерпретация идей – объяснение нравственных оснований волевых актов.

Методологию исторической интерпретации *исторического источника* наиболее подробно разработал А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), который утверждал, что *исторический факт* устанавливается не в процессе *критики исторического источника*, а в процессе его интерпретации. Лаппо-Данилевский выделяет четыре взаимосвязанных метода интерпретации *исторического источника*: психологический, основанный на «принципе признания чужой одушевленности», – истолкование исследуемого объекта как реализованного продукта чужой психической жизни, т. е. собственно признание его *историческим источником*; технический – «истолкование тех технических средств, которыми автор воспользовался для обнаружения своих мыслей»; типизирующий, систематический и эволюционный – сопоставление исторического источника с состоянием культуры

(коэкзистенциальное измерение) и со стадией культуры (эволюционное / историческое измерение), в которой источник возник; индивидуализирующий – выявление индивидуальных особенностей личности автора и характеристик его творчества. На протяжении XX века проблематика исторической интерпретации разрабатывалась, главным образом, в контексте *герменевтики*. Но в строгом методологическом смысле историческую интерпретацию как процедуру научного *исторического познания* следует отличать от *герменевтического подхода* в истории. Это различие может быть обнаружено в семантическом различии *понимания и объяснения / толкования*.

Лит.: Бернгейм Э. Введение в историческую науку. М., 2011; Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 т. М., 2010; Медушевская О. М. Интерпретация источника // Источниковедение. История. Теория. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. М., 2004. С. 138–140.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИНФОРМАТИКА ИСТОРИЧЕСКАЯ – междисциплинарная область знаний, охватывающая вопросы использования электронно-вычислительной техники в исторических исследованиях. Предметное поле **И. и.** составляют, в частности, приемы автоматизированной обработки массовых источников, пути приведения исторически-значимой информации к машиночитаемой форме и моделирования исторических процессов, способы представления исторических источников в графических и текстовых цифровых форматах, возможности сохранения и презентации историко-культурного наследия с использованием компьютерных технологий.

Лит.: Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 1994 – (продолж. изд.); Добро пожаловать! Ассоциация «История и компьютер» // <http://aik-sng.ru/>; The Association for History and Computing // <http://odur.let.rug.nl/ahc/>, режим доступа – свободный [февраль, 2014].

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ИРРАЦИОНАЛИЗМ (от лат. *irrationalis* – неразумный) – историко-философская концепция, отрицающая возможность разумного познания действительности или существенным образом ограничивающая

такую возможность. Отрицая или принижая рациональное познание, **И.** выдвигает на первый план внерациональные аспекты духовной жизни человека: инстинкт, интуицию, чувство, волю, мистическое «озарение», воображение, любовь, бессознательное и т. п. Обычно **И.** утверждает алогичный и иррациональный характер самой действительности, исключаящий ее познание с помощью разума или делающий такое познание второстепенным.

И. с его принижением или отрицанием рационального познания следует отличать от агностицизма, утверждающего принципиальную невозможность объективного познания мира вообще. Если в самом общем смысле иррационалистические тенденции прослеживаются на протяжении всей историософии, то в более узком смысле термин «иррационализм» относят к тем течениям мысли, которые складывались в противопоставлении себя рационализму Нового времени. Таковы, например, «философия чувства и веры» Якоби, противостоящая просветительскому рационализму, «философия откровения» позднего Шеллинга, волюнтаристическая концепция Шопенгауэра и учение Кьеркегора, представляющие собой своеобразную реакцию на идеалистический рационализм немецкой классической историософии, в частности, панлогизм философии Гегеля. Крупнейшими представителями иррационализма в середине XIX в. были Ницше, родоначальник «философии жизни», и Э. Гартман с его «философией бессознательного». Иррационалистические умонастроения получают широкое распространение в конце XIX–XX в. **И.** особенно проявляется в таких течениях, как «философия жизни» (Дильтей, Бергсон и др.) и экзистенциализм (Хайдеггер и др.), но иррационалистические тенденции присущи и другим направлениям современной историософии (например, некоторым разновидностям неопозитивизма).

Современный иррационализм представлен крайне радикальными версиями психоистории и постмодернизмом, критикующим разум за то, что, создавая все новые социальные структуры и культурные формы, он «стандартизирует» человека, лишая его неповторимого своеобразия. Безусловно, истоки иррационализма лежат в бесконечности, неисчерпаемости и максимальной сложности основных объектов историософского познания – природы, сознания, бессознательного. Критикуя скудость рационализма, **И.** способствовал углублению понятий «сознание», «личность», «знание». Указывая на пределы рационализма и ограничивая чрезмерные притязания рационалистического подхода к истории, иррационализм способствовал развитию и совершенствованию познавательных способностей историка.

Лит.: Американская буржуазная «психоистория» (критический очерк) / Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985; *Коломийцев В. Ф.* Методология истории (От источника к исследованию). М.: РОССПЭН, 2001; Философский энциклопедический словарь. 2010.

И. Ю. НИКОЛАЕВА

ИСКУССТВА ИСТОРИЯ – составная часть искусствознания (комплекса научных дисциплин, изучающих художественную культуру общества); в узком и наиболее употребительном смысле под «историей искусства» подразумевают хронологическую систематизацию и описание произведений живописи, графики, скульптуры, архитектуры и декоративно-прикладного искусства, исследование развития пластических искусств в целом (всеобщая история искусств), в определенной стране (например, история русского искусства) или в отдельную эпоху (средневековье, Возрождение), эволюции художественного стиля (барокко, классицизма), вида (живописи, скульптуры), жанра (портрета, пейзажа). **И. и.** опирается на исторические знания, использует данные *археологии*, музеологии, реставрационного дела и технико-технологического исследования памятников, *вспомогательных исторических дисциплин*.

Элементы истории искусства начали формироваться в эпоху Возрождения внутри исторических хроник. Основоположником истории искусства как разновидности гуманитарной ученой деятельности считается итальянский художник и архитектор Джорджо Вазари (1511–1574), автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550). В эпоху Просвещения **И. и.** впервые отделяется от собственно истории в творчестве немецкого археолога и историка античного искусства И. И. Винкельмана (Winckelmann J. J. *Geschichte der Kunst der Altertums*. Dresden, 1764). В XIX в. развитие истории искусства в Европе сопровождается теоретическими изысканиями, направленными на выявление национальных и исторических особенностей художественных школ прошлого. В истории искусства выделяются специальные направления, такие как *иконография* (классифицирующая сюжетные схемы художественных произведений). В начале XX в. зарождается иконология, раскрывающая образно-символическое содержание памятников изобразительного искусства и архитектуры (А. Варбург, Э. Панофски). Большое значение для становления профессиональной истории искусства имели культурно-

исторические работы Я. Буркхардта и труды М. Дворжака, В. Вайсбаха, К. Тольнаи, в которых развивалась идея «истории духа».

Как самостоятельная и самоценная научная дисциплина **И. и.** окончательно утвердилась в творчестве Г. Вельфлина (1864–1945). Развитие метода стилистического анализа художественного произведения в сочетании с историческим подходом к осмыслению культурных процессов позволили в конце XIX – первой трети XX в. создать систематизированные «истории искусства» древности, средневековья, Возрождения и барокко, нового времени. В XX в. в историю искусства были включены истории художественной культуры Азии, Африки и доколумбовых цивилизаций Америки. Наибольшее влияние приобрели иконология, а также исследование структуры содержания памятников (П. Франкастель) с привлечением методов психологии (Э. Гомбрих) и психоанализа (Э. Крис). В историю искусства переносились методы археологии (Дж. Кублер), философии искусства и эссеистической критики (Г. Рид, К. Зервос, М. Рагон).

В России **И. и.** начала складываться во второй половине XIX – начале XX в. в исторических и историко-филологических исследованиях (Д. А. Ровинский, Ф. И. Буслаев, И. Е. Забелин и др.). Особенные успехи были достигнуты в изучении *иконографии* и в *византиноведении* (Н. П. Кондаков, Е. К. Редин, Д. В. Айналов). Большой научный и общественный резонанс имели «История искусств» П. П. Гнедича (1885), «История русского искусства» И. Э. Грабаря (в 6 т., 1910–1913), «История живописи всех времен и народов» А. Н. Бенуа (в 4 т., 1912–1917). В XX в. отечественная **И. и.** занималась, в основном, изучением классического наследия мировой и русской художественной культуры (М. В. Алпатов, Б. Р. Виппер, Ю. Д. Колпинский, В. Н. Лазарев и др.), древних и средневековых культур Причерноморья, Кавказа, Закавказья и Средней Азии (А. П. Окладников, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский, Б. В. Веймарн и др.), развития «советского искусства». В последней трети XX в. появились исследования по истории художественных течений нового и новейшего времени (А. Д. Чегадаев, В. М. Полевой, В. С. Турчин и др.), истории художественной критики (Р. С. Кауфман, Г. Ю. Стернин и др.). На рубеже XX–XXI вв. обозначился интерес к методологическим поискам.

Лит.: *Базен Ж.* История истории искусства: От Вазари до наших дней. М., 1995; *Соколов М. Н.* Искусствознание // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 161–163; *Kultermann U.* Geschichte der Kunstgeschichte. Wien; Düsseldorf, 1966.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – 1) система теоретических и эмпирических процедур, направленных на получение нового знания, необходимого для достижения поставленных целей (3); 2) особый тип познавательной деятельности, отличительная черта которого состоит в создании нового знания (4). **И. и.** как особый тип познавательной деятельности связан с когнитивным моделированием *исторической действительности*, целью которого является получение нового *исторического знания* с помощью определенных научных средств и научно-исследовательских действий. *Исторические знания* как результат *научных исследований* представляют собой различные модели *исторической действительности* как формально-структурированные ее образы или представления, выраженные в символической форме, в форме языка исторической науки. Поскольку эти модели являются формально-структурированными образами или представлениями, то они содержат определенные ошибки в отношении воспроизводимой ими *исторической действительности*. Это связано с тем, что никакая модель не может воспроизвести все ее стороны, и потому та или иная модель всегда что-то выпускает из рассмотрения, за счет чего какие-то стороны моделируемой *исторической действительности* описываются и объясняются неправильно. Поскольку любая формальная система либо неполна, либо противоречива, то *историческое знание* как модель *исторической действительности* всегда содержит ошибку, связанную либо с неполным описанием (простая модель), либо с противоречивым описанием (сложная модель) этой действительности. Заключение в модели ошибка обнаруживается по мере того, как она начинает мешать решению других задач, связанных с моделируемым объектом. Возникающие *научные проблемы* из-за таких модельных ошибок побуждают ученых к построению новых, более совершенных моделей; однако новые модели снова содержат в себе ошибки, но уже относительно других сторон изучаемой *исторической действительности*. **И. и.** как профессиональная деятельность осуществляется в определенном культурно-эпистемологическом контексте и для того, чтобы быть научной, должна соответствовать определенным атрибутивным признакам, таким как: рациональность; стремление к истине; проблемность; целеполагание; рефлексивность; предметность; эмпиризм; теоретизм; методологизм; диалогизм; новизна; контекстуальность. **И. и.** как когнитивная деятельность представляет собой культурно организованную и мотивированную активность, направленную на *предмет* (фрагмент *исторической*

действительности), поэтому структуру исторического исследования составляет взаимодействие-диалог субъекта исторического исследования с его *предметом* с помощью таких средств, как *методология*, которая определяет способ этого взаимодействия, и *исторические источники*, являющиеся основой получения эмпирической информации о предмете когнитивного интереса. **И. и.** представляет собой определенную последовательность взаимосвязанных познавательных действий, которая может быть выражена в виде следующей логической схемы: появление когнитивного интереса – определение *объекта* исторического исследования – критический анализ системы научного знания об *объекте* исторического исследования – постановка *научной проблемы* – определение цели исследования – системный анализ *объекта* исследования – постановка задач исследования – определение *предмета* исследования – выбор методологических оснований исследования – определение корпуса *источников* эмпирической информации – осуществление исследовательских действий на эмпирическом и теоретическом уровнях – получение нового концептуально завершеного научного знания. Когнитивный интерес к определенному фрагменту *исторической действительности*, называемому *объектом* исторического исследования, выступает мотивом научно-исследовательской деятельности. Критический анализ системы научного знания об *объекте* исторического исследования позволяет сформулировать *научную проблему*, а после его завершения – отразить научную новизну исторического исследования. Критический анализ системы научного знания, предполагающий установление ее аутентичности, позволяет сформулировать *научную проблему* исторического исследования в качестве вопроса, отвечая на который ученый предполагает получить принципиально новое научное знание. *Научная проблема*, без которой в принципе невозможно само *научное исследование*, задает его цель, позволяющую определить границы предметной области исторического исследования. Содержание *предмета* исторического исследования определяется его задачами, постановка которых осуществляется в рамках методологического сознания ученого на основе предварительного системного анализа предметной области исследования. Этот анализ предполагает построение когнитивной модели предметной области исторического исследования как целостности, дает возможность выразить ее в системе базовых понятий, поставить задачи и определить предмет исследования в виде списка вопросов, ответы на которые дают возможность реализовать ког-

нитивную стратегию исследования, направленную на получение нового *исторического знания* на основе репрезентативной базы *источников* эмпирической информации с помощью наиболее эффективных методологических установок, связанных с решением того или иного класса исследовательских задач. Такого рода методологические установки, или научные *парадигмы*, разработанные в рамках различных *моделей исторического исследования* определяют те или иные познавательные действия ученого в ходе его проведения. В их структуре можно выделить действия, связанные: а) с получением из *исторических источников* репрезентативной эмпирической информации (источниковедческий уровень); б) с получением на основе эмпирической информации научных *фактов*, их *систематизацией* и *описанием*; созданием эмпирического знания (эмпирический уровень); в) с *интерпретацией* и *объяснением* научных *фактов*, разработкой теоретического знания (теоретический уровень); г) концептуализацией научных эмпирических и теоретических знаний (концептуальный уровень); д) презентацией и трансляцией научных *исторических знаний* (презентационно-коммуникационный уровень).

Лит.: 1) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987; 2) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 3) Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 29; 4) Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 106; 5) Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2000.

А.В. ЛУБСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ НАУЧНОЕ – 1) информационный процесс преобразования с помощью научных методов исходных данных (первичной информации) в знания; 2) совокупность теоретических и эмпирических процедур, нацеленных на получение нового знания, необходимого для достижения поставленных целей; 3) вид деятельности, направленный на получение и применение новых знаний. Важнейшей чертой научного исследования выступает его организованный и целенаправленный характер, а также опора на научные принципы и методы.

Н. и. реализуется человеком – исследователем, обладающим необходимыми навыками и знаниями. Это придает исследовательской деятельности индивидуальный характер, так как личность ученого влияет на постановку и видение проблемы, формулировку гипотез, выбор исследовательских практик (методов и способов работы с информацией) и непосредственно на результаты исследования. Структура научного исследования включает следующие элементы: а) *научная проблема*; б) гипотезы; в) объект и предмет исследования; г) цель и задачи; д) методология и методы исследования; е) результаты и выводы.

Н. и. состоит из следующих этапов: 1 – постановка проблемы, определение объекта, предмета, цели и задач; 2 – разработка гипотез и стратегии исследования (методология и методика); 3 – сбор информации и формирование информационной базы исследования; 4 – преобразование (систематизация, обобщение, анализ и синтез) исходных данных в верифицированное знание, представленное результатами и выводами; 5 – оформление текста научного труда.

Выделяются виды научного исследования в зависимости:

- ✓ от общей направленности работы – фундаментальное, прикладное;
- ✓ от цели – теоретическое, практическое;
- ✓ от задач исследования – описательное, аналитическое;
- ✓ от объекта исследования – сплошное, несплошное (монографическое, изучение элитных групп, выборочное);
- ✓ от географических рамок – локальное, региональное; внутригосударственное; международное; глобальное;
- ✓ от хронологических рамок – статичное, динамическое;
- ✓ с учетом отрасли знания исследования могут быть естественно-научными, математическими, гуманитарными, социально-экономическими, географическими и т. д.

Лит.: Берков В. Ф. Научная проблема (логико-методологический аспект). Минск, 1979; Герасимов И. Г. Структура научного исследования (философский анализ познавательной деятельности в науке). М., 1985; Гончаров С. С., Еришов Ю. Л., Самохвалов К. Ф. Введение в логику и методологию науки. Новосибирск, 1994; Горский Д. П. Обобщение и познание. М., 1985; Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем: Исследование процесса научного познания. М., 1984; Лукашевич В. К. Научный метод: Структура, обоснование, развитие. Минск, 1991; Лутаенко В. С. Основы научного творчества (некоторые вопросы теории, методики и практики). Киев, 1976; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 29–68; Поннер К. Логика научного исследования: Пер. с англ. / Под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Республика, 2004.

Л. Н. МАЗУР

ИСТИНА В ИСТОРИИ – адекватное отражение познающим субъектом (историком) предметов и явлений действительности, воспроизводящим их так, как они существуют вне и независимо от его сознания. Различаются четыре взаимосвязанных типа истины. 1) Абсолютная **И.**, полностью исчерпывающая предмет познания, окончательное знание определенных аспектов действительности. Абсолютная **И.** складывается из суммы относительных истин и на каждом данном этапе развития науки является недостижимой. 2) Объективная **И.**, чье содержание независимо от человека и окружающего мира. Она объективна по содержанию, но как результат деятельности человеческого мышления субъективна по форме. 3) Конкретная **И.**, раскрывающая существенные стороны предмета с учетом конкретных условий его развития. В нашем сознании истинно, объективно то, что прямо или опосредованно может быть подтверждено исследовательской практикой. 4) Для историков особый интерес представляет относительная **И.**, воплощающая все временные состояния. Релятивируя *историческое познание*, она вместе с тем открывает возможность получения адекватного, т. е. суверенного знания о прошлой действительности. Объем относительного знания изменяется по мере увеличения познавательных возможностей науки, всего арсенала имеющихся в ней способов и методик, пригодных для объективной *реконструкции* действительности, по мере возрастания у историков возможностей работы со своими данными, да и самого их положения в обществе. Поэтому в различные эпохи степень социальной эффективности *исторического знания* и его *объективность* оказывается столь разной. Этот процесс, пока существует наука, бесконечен. Но это означает, что *историческое познание* всегда относительно, неполно в отношении своего *предмета*, изобилует пробелами. Нет оснований полагать, что со временем эти пробелы в нашем знании будут исчезать. Скорее вместо одних будут появляться другие. Ибо всегда остается область непознаваемого и/или непознанного. Принципу исторической истины принадлежит центральная роль в объяснении механизма поступательного движения научного знания, принимающего форму как медленных количественных накоплений, так и качественных скачков. В последнем случае постижение истины имеет особенно стимулирующее значение для развития *исторической науки*.

Лит.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3; Тойн Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Carr E. H. What is history? Cambridge, 1962.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ИСТОРИЗМА ПРИНЦИП – 1) один из принципов *исторического познания*, требующий любое *историческое событие* изучать в развитии и с учетом конкретной *ситуации* (3); 2) основание *исторического сознания*, предполагающее различие между прошлым и настоящим, соблюдение исторического контекста и восприятие истории как *процесса*, указывающее на конкретные пути извлечения полезных знаний в ходе *научного исторического исследования* (4).

Становление историзма как интеллектуального течения было связано с переходом от представлений о циклическом характере исторического развития и неизменности человеческой природы к пониманию необратимости процесса развития и качественного различия его этапов и *эпох* (1). Историзм как «правильный» метод изучения прошлого появился в Германии в рамках идеалистического мировоззрения в первой половине XIX в. Его представители, в противоположность контовско-спенсеровскому натурализму, стремившемуся превратить историю в придаток социологии с ее «объясняющими законами», акцентировали внимание на индивидуальности и неповторимости культурно-исторической реальности. При этом они призывали изучать историю в ее самобытности в связи с интересом к современности. Наряду с идеалистическим историзмом в XIX в. возник историзм материалистический, представители которого исходили из объективной *закономерности исторического процесса*. Они также считали, что существует тесная связь прошлого с настоящим. Однако для представителей материалистического историзма в рамках прогрессистского мировоззрения, с одной стороны, было характерно негативное отношение к *традициям*, с другой – позитивное отношение к предсказанию будущего на основе законов истории. В рамках материалистического историзма **И. п.** понимается как требование рассматривать каждое явление истории с точки зрения того, как оно возникло, какие главные этапы в своем развитии прошло и чем стало теперь, а также в связи с другими явлениями и конкретным опытом истории.

В настоящее время как идеалистический, так и материалистический историзм в качестве мировоззренческого принципа существует в различных национально-исторических модификациях. **И. п.** как установка *научного исторического познания* был подвергнут критике во второй половине XX века в рамках постмодернистской *исторической эпистемологии*. Постмодернисты считают, что *историческая реальность* – это то, что мы о ней думаем, т. е. прошлое выступает в качестве субъективной презентации настоящего. Поэтому они объявили,

что историзм мертв и его нельзя больше считать серьезным интеллектуальным течением. Установки постмодернистской эпистемологии были подвергнуты критике в рамках неоклассической *модели исторического исследования*, в которой при реализации его научной стратегии особое значение придается принципу историзма. Разработка принципа историзма в неоклассической науке связана также с критикой классического, или «строгого историзма». Согласно принципу «строгого историзма», историческая реальность – это то, что было в прошлом «на самом деле». Поэтому историк должен, с одной стороны, отказаться от любых стандартов и приоритетов, лежащих вне пределов изучаемой им *эпохи*, а с другой – проникнуться ее ценностями и попытаться увидеть *события* с точки зрения их участников. Задача историка – интерпретировать прошлое в его собственных критериях. Неоклассики также подразумевают под *исторической реальностью* то, что было в прошлом, которое можно реконструировать, соблюдая принцип историзма, фундаментальной предпосылкой которого является признание независимости и уважение прошлого. Но при этом они считают, что попытки «говорить голосом прошлого» не выдерживают проверки реальностью. В связи с этим они подчеркивают, что мы, в отличие от людей прошлого, знаем, что произошло потом, и значение, которое мы придаем тому или иному *историческому событию*, неизбежно обусловлено этим знанием. Хотим мы того или нет, историк глядит на прошлое «с высоты» – он уже знает, чем все это кончилось (5). Кроме того, положение историка во времени относительно *объекта исследования* позволяет, как отмечают неоклассики, осмысливая прошлое, выделять предпосылки, о которых современники и не подозревали, и увидеть подлинные, а не желательные с точки зрения участников событий последствия. Поэтому неоклассики считают, что соблюдение принципа «строгого историзма», или «истории ради истории» ведет к отказу от многого из того, что придает самой истории притягательность, без достижения при этом желаемой цели – полной отстраненности от современности.

В рамках неоклассической *модели исторического исследования* в принципе историзма выделяют три аспекта. Во-первых, это – признание того, что каждая эпоха представляет собой уникальное проявление человеческого духа с присущими ей культурой и ценностями, что между нашей эпохой и всеми предыдущими существуют серьезные различия. Поэтому **И. п.** требует учета различий между прошлым и настоящим, преодоления представлений о том, что люди прошлого

вели себя и мыслили так же, как мы. Во-вторых, это – понимание того, что задача историка состоит не просто в том, чтобы раскрыть подобные различия, но и объяснить их, погружая в исторический контекст. **И. п.** в этом аспекте предполагает, что *предмет исторического исследования* нельзя вырывать из окружающей обстановки. В-третьих, это – требование не рассматривать *исторические события* в изоляции, а представлять историю как *процесс* и связь между *событиями* во времени (5). Кроме того, в рамках неоклассической модели *исторического исследования* **И. п.** распространяется не только на познаваемый объект – *историческую реальность*, но и на познающего субъекта – историка.

Лит: 1) Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987; 2) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 3) Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997; 4) Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008; 5) Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: «Весь Мир», 2000; 6) Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47.

А. В. ЛУБСКИЙ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД – 1) *метод исторического исследования*, направленный на *описание, реконструкцию* и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности / социальной группы; 2) в психологии, социологии, культурологии метод «истории жизни», «жизнеописаний» (биографический метод) используется для познания социальных, культурных и психологических явлений на основе описания и анализа жизненных историй обычных людей. Он опирается на приемы *наблюдения*, анализ документов и ориентирован на описание уникальных ситуаций в жизни человека (карьеру, любви, семейных отношений и т. д.), его внутреннего мира; 3) метод изучения личных документов (автобиографий, писем, дневников, мемуаров) представителей определенной группы лиц для *реконструкции* их внутреннего мира; описания типичной структуры жизненного пути и создания коллективных биографий определенных социальных групп [Ф. Знанецкий].

И.-б. м. известен давно, с ним связано становление и развитие истории как науки, поскольку основным героем *политической истории* всегда выступала личность – правитель, герой, военачальник и пр. С позиций этого подхода *исторический процесс* долгое время рассматривался как результат деятельности великих людей. Научно-методологические принципы историко-биографического метода были сформулированы В. Дильтеем (1833–1911). Он ввел понятие «наук о духе», к которым относил историю, и отмечал, что их отличает особый метод познания, основанный на изучении психических аспектов деятельности человека. Приоритет биографическому методу в гуманитарном знании отдавал также М. Хайдеггер.

И.-б. м. характеризуется стремлением раскрыть изучаемую личность во всей полноте ее жизненной истории. В основе метода лежит *дедуктивный* подход, поскольку реконструкция жизнеописания опирается, прежде всего, на те результаты, «следы», которые исторический деятель оставил в истории. Метод предполагает привлечение особого корпуса *источников* – документов личного происхождения (свидетельств современников, дневников, мемуаров, воспоминаний). Особенностью историко-биографического метода является широкое применение литературно-художественных приемов изложения материала (сюжетность, образность), а также эмоциональность, наличие авторской позиции в оценке личности.

В XX в. **И.-б. м.** развивался под влиянием достижений социологии и психологии, где «биографический метод» («метод жизнеописаний») утвердился в качестве одного из основных методов исследования. В результате, наряду с изучением индивидуальных биографий, появились такие новые направления истории как «коллективные биографии», или *просопография*. Метод создания коллективных биографий направлен на выявление определенного круга лиц в качестве *объекта исследования* и изучение их демографических, социальных, культурных характеристик.

Лит.: Блок М. Ремесло историка, или Апология истории. 2-е изд., доп. М., 1986; Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под. ред. В. В. Семеновой, Е. Ю. Мещеркиной. М., 1993; Гиндиш Н. Л. Просопография в науковедении // Метафизика и идеология в истории естествознания. М., 1994; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Михайлов И. А. Переписка Дильтея и Гуссерля. Экзистенциальные истоки феноменологии // История философии. № 1. М., 1997; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД – один из *основных методов исторического исследования*, нацеленный на изучение генезиса (происхождения, этапов развития) конкретных *исторических явлений* и анализ *причинности* изменений. И. Д. Ковальченко определил содержание метода как «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта». Отличительными чертами метода И. Д. Ковальченко считал конкретность (фактографичность), описательность, *субъективизм*.

По своему содержанию **И.-г. м.** в наибольшей степени соответствует *принципу историзма*. В основе историко-генетического метода лежат преимущественно описательные технологии, однако результат историко-генетического исследования только внешне имеет форму *описания*. Основная цель историко-генетического метода состоит в *объяснении фактов*, выявлении причин их появления, особенностей развития и последствий, т. е. анализе *причинности*.

И.-г. м. применим для проведения исследований как на микро-, так и на макроуровне. Чем глобальнее изучаемое явление, тем выше уровень обобщений и, соответственно, задачи исследования смещаются в сторону выявления фундаментальных причинно-следственных *закономерностей*. При изучении событий *микроистории* упор делается на выделение обстоятельств и факторов, влияющих на специфику и уникальность рассматриваемого явления, т. е. на анализ *случайности*.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: Учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ИСТОРИКО-ДИАХРОННЫЙ МЕТОД – совокупность теоретических принципов, приемов и процедур, направленных на изучение «сущностно-временных изменений исторической реальности» [И. Д. Ковальченко].

Метод *диахронного анализа* был впервые предложен Мишелем Бреалем (1832–1915) французским лингвистом и филологом, осново-

положителем науки о значении слов – семантики. Он рассматривал семантику как историческую науку, для изучения которой разработал метод исторического (диахронного) анализа значений. В дальнейшем семантика развивалась преимущественно как наука, использующая методы *синхронного анализа*.

Применительно к *историческому исследованию* понятие и характеристика «историко-диахронного» метода были разработаны И. Д. Ковальченко. Однако данный метод не был им выделен в качестве самостоятельного метода, поскольку рассматривался как необходимый инструмент любого *исторического исследования*, объективно нацеленного на изучение временных трансформаций. И. Д. Ковальченко предложил два основных подхода к изучению изменений *исторических явлений* во времени: *диахронный* (разновременный, разномоментный), и *синхронный* (одновременный).

С учетом особенностей объекта анализа И. Д. Ковальченко выделил три варианта использования историко-диахронного метода: 1) измерение и оценка продолжительности, частоты разных *событий*, что позволяет судить о количественных и качественных характеристиках процесса развития единичных объектов; 2) понимание внутренних законов развития и выделение качественных стадий изменения сложных системных объектов и процессов, т. е. создание *периодизации*; 3) характеристика динамики исторических систем на фоне более сложной системы. Последний вариант позволяет оценить изменения в относительном режиме и направлен на выявление влияния внешних факторов на развитие изучаемого объекта, соотношение динамики одних систем с другими.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006.; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Принципы и методы семантических исследований: сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1976.

Л. Н. МАЗУР

ИСТОРИКО-ДИНАМИЧЕСКИЙ МЕТОД – один из *основных методов исторического исследования*, нацеленный на комплексный анализ изменений во времени *исторических объектов* или *процессов* (демографических, социально-экономических, политических), отве-

чающих требованиям массовости, однородности и вариативности. Теоретическую основу **И.-д.м.** составляет *диалектический подход*, технологии опираются на статистические методы анализа динамики. С помощью историко-динамического метода в *историческом исследовании* решаются следующие задачи:

- ✓ описание и оценка количественных и качественных изменений *объектов и процессов* в определенных временных границах. Эта задача предполагает использование статистических *методов систематизации* исторических данных: построение динамических рядов, а также расчет системы показателей динамики;

- ✓ изучение *закономерностей* изменений во времени (тренда), связанных с выявлением и анализом *случайных* и постоянно действующих факторов развития. Для выполнения этой задачи необходимо применение методов *системного анализа*, нацеленных на выявление внутренних и внешних факторов развития, оценки их факторной нагрузки. Логический анализ *закономерностей* можно дополнить использованием формальных методов (методы описания тренда и построения динамических моделей);

- ✓ характеристика периодичности (*цикличности*) изменений во времени, т. е. смены качественных состояний изучаемого явления и их повторяемости;

- ✓ прогноз и экстраполяция исторических данных.

Реализация историко-динамического метода включает следующие этапы: 1) определение объекта исследования и формулировка задач динамического анализа (описание динамики, выявление тренда или моделирование); 2) формирование информационной базы, соответствующей задачам исследования (построение динамических рядов показателей); 3) на основе анализа динамических рядов выдвижение и проверка *гипотез* об общем механизме (факторах, причинах, характере) развития изучаемого явления, его природе и особенностях.

И.-д. м. по решаемым задачам пересекается с *историко-диахронным методом* и включает основные алгоритмы *диахронного анализа*. Отличие его состоит в ориентации на изучение массовых процессов и явлений и широком использовании, помимо логических приемов, методов математико-статистического анализа динамики. **И.-д. м.** нацелен не просто на *описание*, а на *объяснение* изменений во времени с учетом оценки влияния всех факторов.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ.

Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ИСТОРИКО-СИСТЕМНЫЙ МЕТОД – один из *основных методов исторического исследования*, в котором реализуются принципы *системного подхода*. **И.-с. м.** направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезис).

Термин «историко-системный метод» ввел И. Д. Ковальченко, рассматривая его как метод, основу которого составляет *структурно-функциональный анализ*, дополненный характеристикой развития системы с учетом ее свойств. Гносеологический потенциал историко-системного метода не исчерпывается только *описанием* структурно-функциональных параметров исторических объектов или явлений, он позволяет перейти от конкретно-исторического знания к теоретическому, к пониманию законов функционирования социальных систем и их *моделированию*. Кроме того, в рамках историко-системного метода решается задача соотнесения модели с реальными проявлениями объекта и оценка способности модели «предсказывать» или «реконструировать» поведение системы. Особенностью историко-системного метода выступает широкое использование наряду с *общенаучными методами*, основанными на логическом суждении, методов *системного анализа и математического моделирования*.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД – один из *основных методов исторического исследования*, в котором реализуются

задачи *типологии*. В основе типологии (от др.-греч. τύπος – отпечаток, форма, образец и λόγος – слово, учение) лежит деление (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно однородные классы (типы) с учетом присущих им общих значимых признаков. Типология требует соблюдения ряда принципов, центральным из которых является выбор основания типологии, позволяющего отразить качественную природу как всей совокупности объектов, так и самих типов. Типология как аналитическая процедура тесно связана с абстрагированием и упрощением действительности. Это отражается в системе критериев и «границ» типов, которые приобретают абстрактные, условные черты.

В *исторической науке* **И.-т. м.** применяется для изучения массовых исторических объектов и явлений, его основная задача – выявление и анализ социально-экономических и социально-культурных *исторических типов*, т. е. создание *исторической типологии*. Гносеологические и методические возможности метода были раскрыты И. Д. Ковальченко.

Можно выделить следующие варианты применения историко-типологического метода: 1) на основе использования *дедуктивного* метода, т. е. путем теоретического осмысления рассматриваемого явления (теоретическая типология). Дедуктивный подход к построению типологии возможен при условии глубокого знания изучаемого объекта и соответствует понятию *идеальный тип*, введенному М. Вебером; 2) путем применения *индуктивного* метода: от частного к общему (эмпирическая типология). Индуктивный подход к типологии нашел отражение в работах Г. П. Беккера, обосновавшего понятие «конструированный» тип применительно к социологическому исследованию. Отличие «идеального» типа от «конструированного» состоит в методе его моделирования. Последний создается на основе конкретных сведений, характеризующих социальную реальность. Индуктивный подход к типологии часто опирается на формальные приемы (типологическая группировка, методы многомерной статистики) и позволяет учесть специфику изучаемой совокупности, но не может выходить за ее пределы, т. е. не обладает свойством всеобщности; 3) на основе смешанного дедуктивно-индуктивного подхода. В этом случае типы определяются на основе теоретического анализа, а их количественные характеристики уточняются эмпирическим путем.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск,

2006; Вебер М. Исследования по методологии наук. М., 1980; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982.; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – 1) перемены, происходящие в научном арсенале исторической науки; 2) революция в методологическом сознании, порождающая состояние неопределенности в исторической науке (3). Представления о революциях в исторической науке стали складываться в 60-х гг. XX в. под влиянием концепции Т. Куна о «структуре научных революций». Под этими революциями он понимал эпистемологическую смену парадигм как способов постановки и решения *научных проблем* (1). Рассматривая различные этапы историографической революции во второй половине XX в., Б. Г. Могильницкий обращает внимание на то, что первоначально ее доминантой была сциентизация истории, связанная с широкими историко-социологическими построениями и направленная на преодоление идиографических познавательных стратегий. Затем **И. р.** продолжалась уже под флагом борьбы с «односторонним сциентизмом» в русле постмодернистской версии *исторического познания*, ознаменованной «поворотом к субъективности» и «открытием» *микроистории* как ведущего жанра *исторического исследования*. В настоящее время разворачивается третий этап историографической революции, своеобразие которого заключается в критике постмодернизма; отсутствии устойчивых методологических доминант и вытекающем отсюда усилении неопределенности историографической ситуации; стремлении к целостному осмыслению истории в единстве ее объективных и субъективных начал на путях методологического синтеза (3). Уточняя содержание текущего этапа историографической революции, Л. П. Репина обращает, во-первых, внимание на то, что важным качественным сдвигом в *историографии* явился «культурный поворот», связанный с изучением культурно-исторической специфики того или иного времени, в контексте которой формируются коллективные представления о прошлом (4). Во-вторых, она подчеркивает, что многие историки-профессионалы сегодня пересматривают свою научно-исследовательскую практику с учетом «лингвистического по-

ворота», отвергая при этом его экстремальные постулаты. В-третьих, считает она, в настоящее время становится все более очевидным, что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий различных *методологических поворотов в исторической науке*, создания новых теоретических моделей и восстановления синтезирующего потенциала *исторического знания* на новом уровне (5).

И. р. – это кардинальное изменение эпистемологических представлений о *предмете исторической науки*, *стиле исторического мышления*, когнитивной стратегии научного *исторического познания* и роли в нем историка-исследователя.

В *историческом познании* можно выделить три историографические революции: первая была связана с возникновением в начале XIX века собственно *исторической науки* и классической модели *исторического исследования*; вторая – с формированием на рубеже XIX–XX веков неклассической модели; третья – с зарождением в конце XX века неоклассической модели *исторического исследования*. Особенностью третьей историографической революции является то, что она происходит в той интеллектуальной ситуации, которая признает возможность различных способов познавательной деятельности в *исторической науке* и, следовательно, не отрицает методологического потенциала и эвристических возможностей различных *парадигм* классической и неоклассической моделей *исторического исследования*. Поэтому характерными чертами этой историографической революции являются: 1) конструктивный реализм как основа нового методологического сознания; 2) мультипарадигмальность как императив научного *исторического познания*; 3) переход в *историческом познании* от *методологического монизма* к *методологическому плюрализму*; 4) *методологические повороты* в научном *историческом познании*; 5) стремление к *холизму* в *историческом познании* и синтезу фрагментарного *исторического знания*; 6) преодоление дисциплинарной ограниченности в изучении *исторической реальности* и переход к кросс-дисциплинарным научным исследованиям.

Лит.: 1) Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; 2) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 3) Могильницкий Б. Г. История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, исто-

риография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004; 4) *Репина Л. П.* Вместо введения. Представления о прошлом в историческом сознании // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад*. М., 2010. С. 9; 5) *Репина Л. П.* Теоретические новации в современной историографии // *Харківський історіографічний збірник*. Вип. 10. 2010. С. 15–17.

А. В. ЛУБСКИЙ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ – положение, сложившееся в мировой *исторической науке* или исторической науке какой-либо страны в определенный *исторический период*, выражающееся в уровне *исторических исследований*, обращении к той или иной проблематике исследований и т. п. Историографическая ситуация является непосредственным следствием *исторической ситуации*, но определяется также уровнем развития как мировой, так и национальной науки, организацией архивного дела, наличием кадров историков, наличием *исторических источников*.

Так, в одни эпохи отмечается больший интерес к историко-военным или революционным темам, в другие – к истории повседневной жизни, к темам древней истории и т. д. Примером зависимости историографической ситуации от наличия источников может быть эпизод с кумранскими рукописями. Из-за скудости источников история древнего Востока практически не разрабатывалась. Историографическая ситуация во всем мире резко меняется в связи с находками в Кумране в пустыне на берегу Мертвого моря древних рукописей. Разработка ряда тем по аграрной истории средневековья, по перемещению населения в период раннего Нового времени, по наличию свободной земельной собственности в Европе в этот период не могла бы быть осуществлена без наличия электронно-вычислительной техники. И долго документальные свидетельства, относящиеся к этим проблемам, пылились бы в архивах, не став *историческими фактами*.

При этом может быть внешнее совпадение историографических ситуаций при различии причин, их породивших, их сущности в разных странах. Так, в СССР практически с 1930-х до 1960-х гг. не разрабатывалась проблематика истории международной социал-демократии и международного рабочего движения, из-за жестких государственно-идеологических установок и закрытости архивов Социнтерна и Коминтерна. Как только эти установки были сняты и частично открылись

архивы, был опубликован архив Международного социалистического бюро, находившегося в Брюсселе, так появилась масса исследований у нас и одновременно на Западе по истории социал-демократии. Таким образом, частично историографическая ситуация в СССР и на Западе совпала, но лишь частично. В результате неоднородности и асинхронности исторических ситуаций, а также различия научных и культурных традиций **И. с.** в разных странах имеет свою специфику. У нас интерес к этой проблематике объяснялся ослаблением государственно-идеологического контроля, на Западе – научно-технической революцией и массовыми выступлениями студентов, рабочих, служащих, а не только открытием архива штаб-квартиры МСБ в Брюсселе. Именно массовые народные выступления заставили западную историографию повернуться лицом к массовому движению, создав целое новое направление «история снизу». Такое обращение было новым для западной историографии. Для советской историографии оно, в общем, было традиционным.

Однако все большее расширение информационного пространства, ощущение все большей взаимозависимости народов нашей планеты сближает историографические ситуации. Например, молодая историография Африки при безусловном интересе к своему доколониальному и колониальному прошлому развивается в рамках тех же направлений, использует тот же методологический инструментарий, что и историческая наука Европы и США.

Е. Г. БЛОСФЕЛЬД

ИСТОРИОГРАФИЯ – дисциплина исторической науки, возникла как практика критики работ историков, как рефлексия о процессе *конструирования* истории. **И.** (как история истории) появилась вместе со становлением неклассического типа рациональности, когда история «вступила в свой историографический возраст» (П. Нора). Слово «историография» первоначально означало «писание истории». Термин «историография» имеет несколько значений: 1) изучение исторической литературы по какому-либо вопросу, проблеме, периоду; 2) синоним исторических произведений, исторической литературы вообще; 3) история *исторических знаний, исторической мысли, исторической науки* в целом (или в одной стране, регионе, в определенный период). С раннего нового времени в Европе историографами стали

называть придворных историописателей. В России в XVIII – первой половине XIX в. это звание имели Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и др. Под названиями «историография», «история истории», «история исторической мысли», «история исторического письма», «история историографии», а затем «история исторической науки» этот вид исторической саморефлексии получил распространение среди профессиональных историков в национальных историографиях Европы и США. **И.** преподается в университетах, сначала как *вспомогательная историческая дисциплина*. В национальных историографических традициях, под историографией понималась не только *история исторической науки (мысли)*, но и *философия и методология истории*, история исторического образования, история историков или истории изучения отдельных вопросов, проблем и т. д. Долгое время работы по историографии были прочно зависимы от традиций политической истории, доминировавшей в XIX веке и предложившей структуру построения материала, состоящую из цепи последовательно сменяющих друг друга заметных историков, изучавших знаковые эпохи национального прошлого. В структуре советской исторической науки **И.** заняла существенное место (превращаясь из *вспомогательной исторической дисциплины* в самостоятельную *дисциплину исторической науки*), что было связано не только с чисто научными задачами, но и с выработкой «правильной» концепции критики дореволюционной и современной зарубежной исторической науки. В последней четверти XX века традиционный науковедческий взгляд на историографию стал сменяться более широким, предполагающим изучение историографии в связи с типом культуры, современной тому или иному периоду *историописания*, в связи с *историческим сознанием* (М. А. Барг, 1915–1991). С точки зрения современной *исторической науки*, **И.** – одна из базовых составляющих исторической культуры. Один из факторов актуализации историографии – поиск эпистемологических оснований истории как строгой науки в рамках неоклассического типа рациональности, протекающий в условиях размежевания научного *исторического знания* и социально ориентированного *историописания*. Плодотворной становится практика изучения историографии в *предметном поле интеллектуальной истории*, где появляется возможность формирования нового направления исторической критики, все дальше уходящего от описания и инвентаризации исторических концепций и позволяющего исследовать

не только историографические направления и школы, но профессиональную культуру в целом (Л. П. Репина).

Лит.: Багалей Д. И. Русская историография. Харьков, 1911; Барг М. А. Эпохи и идеи. М., 1987; Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Ключевский В. О. Сочинения: в IX т. М., 1989. Т. VII. С. 185–233; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884; Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 274–290; Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1; Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюекеж, М. Винок. СПб., 1999; Попова Т. Н. Историографическая наука: проблемы самосознания // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2000. Вип. 4. С. 20–33; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Репина Л. П. Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941 (Переизд.: СПб., 2008); Fueter E. Geschichte der Neueren Historiographie. München; Berlin, 1911; Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. L., 1913; Grever M. Fear of Plurality: Historical Culture and Historiographical Canonization in Western Europe // Gendering Historiography: Beyond National Canons. Frankfurt; N. Y., 2009; Jameson J. F. The History of Historical Writing in America. Boston; N. Y., 1891; Shotwell J. T. An Introduction to the History of History. N. Y., 1922.

С. И. МАЛОВИЧКО

ИСТОРИОЛОГИЯ – 1) теория исторического процесса, раскрывающая условия, в которых совершается историческое развитие, и силы, которые им двигают (1); 2) историческая эпистемология как теория исторического познания (2); 3) строгая наука об истории (5); 4) область социальной эпистемологии, занимающаяся теорией истории, имеющей непосредственное отношение к практической работе историка и дающей возможность системно понять, объяснить и изложить историю с точки зрения самой истории (3). Существуют различные представления о том, что такое И. Одни ученые историологией называют специальную науку об истории, выделяя в ней два раздела: повествовательную, или нарративную, историологию и теоретическую историологию, состоящую из двух уровней – общей теоретиче-

ской историологии и частной теоретической историологии. При этом подчеркивается тесная связь между общей теоретической историологией и историософией как общей теорией *исторического процесса* (5). Другие ученые рассматривают историологию как теорию *исторического процесса*. При этом они различают историологию и историософию как особые виды *исторического познания*, соответственно, номологического и деонтологического характера (1). Третьи ученые предлагают различать понятия историологии и *философии истории* и рассматривают историологию как область социальной эпистемологии – *историческую эпистемологию*, или теорию *исторического познания*. При этом они считают, что в отличие от *философии истории*, берущей начало в античности, **И.** началась в конце XIX в. с борьбы против позитивистского понимания единства науки.

В историологии XX века выделяют несколько направлений: аналитическое, герменевтическое, идеалистское, нарративно-лингвистическое (3). Аналитическая **И.** ориентируется на позитивистскую теорию *исторического познания*, базирующуюся на принципах нейтральности субъекта познавательной деятельности и *объективности исторического знания* и опирающуюся на *объяснение* как основное познавательное средство. Герменевтическая **И.**, носящая антипозитивистский характер, признает включенность субъекта познавательной деятельности в ее *предмет*, базируется на принципе «*отнесения к ценности*» и опирается на *понимание* как основное познавательное средство. Признавая интерпретационный характер *исторического познания*, герменевтическая **И.** не отказывается от возможности научной *реконструкции* прошлого. Идеалистская **И.**, возникшая как реакция на *позитивизм*, также абсолютизирует интерпретационный характер *исторического познания*. Однако, в отличие от герменевтической, идеалистская **И.** рассматривает историческое познание как *конструирование* прошлого. Специфика нарративно-лингвистической историологии заключается в ее стремлении рассматривать мир истории как лингвистическую конструкцию в рамках различных риторических стратегий.

В развитии современной историологии как теории *исторического познания* можно выделить две противоположных тенденции. Одна из них связана с разработкой теорий *исторического познания* в рамках систематической эпистемологии, которая в качестве идеала научности берет модели мышления «строгих» наук, реализуя варианты рассудочно-рациональных научно-исследовательских практик, связанных с *реконструкцией исторической реальности*. Когнитивными ее импе-

ративами выступают элиминация субъекта *исторического познания* из его результатов и вооружение познающего субъекта *научным методом*, т. е. правильным способом *описания и объяснения исторической реальности*, позволяющим получать объективные *исторические знания*. В рамках систематической эпистемологии разрабатываются различные теории *исторического познания* рассудочно-рационального характера, стремящиеся представить субъектно-объектные отношения в *историческом познании* во все более жестких абстракциях, в которых господствует анонимный гнет понятий, демонстративность научной мысли и технократизм. Другая тенденция связана с разработкой теорий *исторического познания* в рамках антисистематической эпистемологии, которая в качестве идеала научности берет модели мышления гуманитарных наук, реализуя варианты экзистенциально-антропологических научно-исследовательских практик, ориентированных на *конструирование исторической реальности*. Когнитивные императивы здесь рассматриваются как господство рассудочности и логический диктат, а следование научным методам и логической необходимости – как тотализация, т. е. избавление познающего субъекта от свободы творчества. В рамках антисистематической эпистемологии разрабатываются различные теории *исторического познания* экзистенциально-антропологического характера, стремящиеся не только сохранить субъект *исторического познания*, но и представить его как целостность, в единстве мышления, чувствования и деятельности, ориентированную на интеллектуальные игры и гуманизм.

Лит.: 1) Кареев Н. И. Историология: Теория исторического процесса. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011; 2) Кукарцева М. Предисловие переводчика // Мегилл А. Историческая эпистемология / перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009; 3) Кукарцева М. А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность. 2006. № 2; 4; Режабек Е. Я. Предмет и задачи историологии. Социосинергетическая концепция общественной жизни. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1994; 5) Семенов Ю. И. История (историология) как строгая наука // Научно-просветительский журнал «Скепсис». Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_155.html [февраль, 2014].

А.В. ЛУБСКИЙ

ИСТОРИОСОФИЯ – см. *Философия история.*

ИСТОРИЦИЗМ (англ). Распространённое, главным образом в англоязычной литературе, категорическое неприятие обозначаемого этим термином закономерного характера исторического развития, открывающего возможность научного предвидения будущего. Введён в научный оборот английским философом, социологом и экономистом Карлом Раймундом Поппером, обосновавшим его в книгах «Нищета историцизма» (1993, 1-е англ. изд. 1957) и двухтомнике «Открытое общество и его враги» (1966). Взгляды Поппера наиболее емко представлены в книге «Нищета историцизма», посвящённой «Памяти бесчисленных жертв фашистской и коммунистической Веры в Неумолимые Законы Исторической Судьбы». В число историцистов К. Поппер включает О. Конта, Д. С. Милля и всех других учёных, признававших закономерный и прогрессивный характер исторического развития. В их ряду он помещает и Л. Толстого. Главный грех историцизма, отождествляемого с научным знанием, К. Поппер усматривает в декларируемых им законах развития абсолютных тенденций, составляющих основу совершенно непроверяемых пророчеств. Ибо даже в физике невозможно предсказать результат конкретных ситуаций. Поппер утверждает существование физического и ментального миров и мира объективного знания, не сводимых друг к другу. Обращаясь непосредственно к *исторической науке*, Поппер вслед за неокантианцами постулирует, что историк интересуется единичными или специфическими *событиями*, а не законами или обобщениями. Историческими являются также интерпретации, причем существует множество равных друг другу интерпретаций, в которых историцисты видят концепции или теории, утверждающие, например, что «история есть история борьбы классов» и т. п.

Лит.: Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ – см. *Аналогии исторической метод.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – междисциплинарное исследовательское поле, в пространстве которого изучается человек как родовое существо, его история и культура. Это знание включает в

себя универсальные и частные аспекты историко-культурного разнообразия и тесно связано с современным состоянием социума, науки и философии. Различают **И. а.** в широком и узком смысле. В первом случае речь идет об исторической антропологии с заглавной буквы, как «попытке тематически и методически связать друг с другом различные антропологические перспективы, учитывая их историчность и культурность» (К. Вульф). Во втором говорят об исторической антропологии в *исторической науке*, той ее части, которая приобрела качественно иной образ в контексте *антропологического поворота* в философии и социальных науках, начавшегося в начале прошлого века и продолжающегося до наших дней. Участвующие в формировании этого образа историки стремятся «восстановить в исторических исследованиях изучение Человека во всем его единстве» (А. Бюргер). Эта цель вписывается в процесс трансформации классической науки в постнеклассическую, т. е. выходит за рамки истории и связана со стремлением познать новое с помощью неизвестных ранее подходов и исследовательских практик. Период расцвета исторической антропологии приходится на 1970–1990 гг., совпадая по времени с эпистемологической революцией в западной гуманитаристике. *Историческое познание* в XX столетии претерпело существенные трансформации, переформатировавшие базовые аксиомы ремесла историка. Переосмыслен культурный статус «прошлого», значение архива, *источника* и роль историка как познающего субъекта, обновились представления о возможностях «игры» с масштабом анализа в процессе исторического поиска, впервые историки задумались о текстуальном измерении (письме) *исторической науки*, яснее стала гипотетичность любого осмысления *исторических явлений*, потенциальный характер *целостности истории*.

И. а. стала лабораторией этих инноваций. Значительный вклад в обновление *историописания* внесли французские историки, в том числе, объединившиеся вокруг журнала «Анналы», однако различные варианты идей, которыми руководствовались эти историки, почти одновременно появлялись и в других странах: Англии, России, Германии, Италии, США. **И. а.**, по мнению специалистов, не имеет своей особой *предметной области*. Нет у нее и специфического исследовательского метода. И то, и другое всякий раз конституируется историком и зависит от познавательных задач конкретно-исторического поиска. В этой связи попытки определить содержание исторической антропологии по предмету и методу малопродуктивны. Скорее **И. а.** –

это «общая глобальная концепция истории» (Жак Ле Гофф), представляющая собой профессиональную культурную практику современного историка-исследователя. Важнейшая характеристика этой практики – ее междисциплинарный характер. *Междисциплинарность* позволяет историкам обогащать интеллектуальную культуру, расширять горизонты мысли, воображения, любопытства и, в конечном счете, совершенствовать профессиональное мышление, одновременно видоизменяя в ходе историографической операции дисциплинарные нормы и способы репрезентации / аргументации. **И. а.** предстает как другое видение истории, соответствующее современному «режиму рациональности» и манифестирующее *историческое мышление*, отличающееся от позитивизма / историзма XIX века: открытое, полифоничное, междисциплинарное, аналитическое, «изобретательное» в поисках средств *репрезентации* собранного материала, вместе с тем, академическое, т. е. предполагающее доскональное знание основ ремесла историка. Такое мышление является дисциплинарной матрицей новой («другой») *историографии*, которая задает параметры *исторической дисциплины*, во многом определяющие ее современный облик. При таком подходе тематическое поле исторической антропологии составляют: *история ментальностей*, *история повседневности*, *новая политическая история*, *новая социальная история*, *новая биография*, *гендерная история*, *новая интеллектуальная история*, *новая культурная история*. Все эти модификации антропологически ориентированных исследований, так или иначе, пересекаются с *микроисторией* как особой исследовательской практикой. (См. также: *Антропология историческая*).

Лит.: Бюргер А. Историческая антропология и школа «Анналов» // Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара. Часть II. Москва: РГТУ, 2000; Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007; История ментальностей. Историческая антропология. М.: РГТУ, 1996; Кром М. М. Историческая антропология. Учебное пособие. Изд-е 3. СПб., 2010; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009; Чеканцева З. А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации // Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005.

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ – см. *География историческая*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ – см. *Картография историческая*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ – см. *Категория историческая*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. **И. к.** – та часть культуры, которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ.

В теоретическом отношении становление концепта «историческая культура» было связано с изучением *исторического сознания*, повседневных механизмов производства и воспроизводства представлений о прошлом преимущественно в немецкой исторической науке, а также анализом феноменов «публичной истории» и наследия в англо-американской литературе. Важную роль в формировании проблематики исторической культуры сыграл также *лингвистический поворот в методологии истории*, предложивший обратить внимание на способы *репрезентации* представлений о прошлом. В отечественной науке становление данной проблематики в первую очередь связано с работами М. А. Барга, Л. П. Репиной, И. М. Савельевой и А. В. Полетаева.

Изучение исторической культуры предполагает отказ от понимания *историографии* как главной и единственной заслуживающей научного внимания практики обращения к прошлому. Наряду и наравне с профессиональным *историописанием* **И. к.** включает в себя всю совокупность восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, личностей и явлений прошлого, все формы их конструирования, фиксации, трансляции и функционирования и трансформации (Л. П. Репина). Исследователи исторической культу-

ры занимаются изучением исторических мифов, стереотипов, обыденного исторического сознания разных эпох и социальных групп, представленных в самых разных культурных формах. Одновременно и сама *историография* переосмысливается в контексте исторической культуры, будучи рассматриваемой уже не как отделенная от социально-культурного контекста сфера «чистой» научной мысли, а в качестве интегральной части интеллектуальной культуры данного общества. Именно поэтому изменение подхода к *историографии* в рамках «новой интеллектуальной истории» было необходимым шагом на пути к концептуализации исторической культуры.

И. к. – динамическое явление, она изменяется во времени, а также включает в себя разнообразные и противоречивые формы представления и использования прошлого разными сегментами одной и той же социальной общности.

Началу разработки проблем исторической культуры в 1980-х гг. предшествовало развитие в рамках истории и социологии изучения феномена *исторического сознания* как явления, связанного с присутствием прошлого в настоящем. *Историческое сознание* соединяет в одно целое интерпретацию прошлого с пониманием настоящего и определением перспективы на будущее.

Одновременно с началом изучения исторической культуры началось формирование *memory studies* («мемориальных исследований») как новой *трансдисциплинарной* области историко-культурологического анализа. В рамках *memory studies* были сформулированы концепты коллективной, социальной, культурной и исторической памяти. Эти понятия (*историческая память* в особенности) оказались важными для определения сущности исторической культуры. *Историческая память* – процесс осовременивания прошлого в сознании индивидуальных или коллективных субъектов. *Историческая память* выводит субъекта за рамки настоящего, позволяет ему соотнести свою жизнь с прошлым и выдвинуть проект будущего. Поэтому *историческая память* может рассматриваться как форма артикуляции *исторического сознания* в жизни общества, как «ментальная процедура исторического сознания» (Й. Рюзен), а **И. к.** – как *историческая память* в аспекте ее культурно ориентирующей функции.

В одной из наиболее влиятельных сегодня концепций исторической культуры, принадлежащей Й. Рюзену, предлагается аналитически выделять три аспекта исторической культуры – эстетический, политический и когнитивный. Анализ их соотношения, преобладания

того или другого аспекта позволяет выделять специфику исторической культуры того или иного сообщества.

Лит.: Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987; Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012; Гене Б. История и историческая культура Средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002; Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: ГУ ВШЭ, 2012; История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: «Кругъ», 2006; Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. М.: Изд-во «Русский остров», 2004; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011; Савельева И. М., Полетаев А. В. Социология знания о прошлом. М.: ГУ ВШЭ, 2005; Rüsen J. Geschichtskultur als Forschungsproblem // J. Rüsen. Historische Orientierung. Köln: Böhlau, 1992. S. 235–245; Rüsen J. History: Narration, Interpretation, Orientation. Oxford; N. Y.: Berghahn Books, 2004.

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ – см. *Метрология историческая*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА – сфера человеческой деятельности, чьей функцией является выработка и теоретическая система объективных знаний об исторической деятельности людей, явлений, процессов. **И. н.** является формой *исторического сознания* и одновременно активно влияет на его формирование. Она включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основании создаваемого историками образа мира. Ее непосредственными целями являются *описание* и *объяснение* процессов и явлений, составляющих предмет ее изучения.

История – древнейшая отрасль исторического знания, зародившаяся в глубокой древности. В переводе с древнегреческого это понятие означало развертывание, расспрашивание, узнавание и уже в VII–VI вв. до н. э. в ионийских городах появились так называемые «логографы», прозаики, авторы прозаических произведений. Они описывали происхождение отдельных местностей, городов, храмов и называли свою деятельность *историей*. Наконец «Историей» назвал свою

книгу Геродот. Однако еще долгое время понятие «*история*» охватывало все виды ученой деятельности в самых разных областях знания и практически лишь в Новое время за ней утвердилось ее современное значение. Впервые в античной *историографии* была сформулирована современная система научного знания. В ее обосновании выдающаяся роль принадлежала Фукидиду (ок. 460–400 гг. до н. э.), акцентировавшему необходимость достижения проверяемого достоверного знания о прошлом. Впрочем античная мысль знала также категорическое отрицание *достоверности* исторического, как и всякого иного, знания. Древнегреческий философ из Элиды Пиррон (VI–III вв.) утверждал, что человеческие суждения о вещах произвольны и вообще следует отказаться от каких-либо суждений вообще. Отсюда возникло понятие исторического пирронизма, получившее широкое распространение в Новое и Новейшее время, в особенности, в постмодернистском «уничтожении истории».

Каждая наука переживает в своем развитии рубежный, взрывной период – *научную революцию*. Она выражается в смене доминирующих в научном сообществе представлений о дисциплине, ее *парадигм* – признанных всеми научными достижениями, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу, включая как общепринятые теоретические построения, так и правила и стандарты научной практики, а также распространенные в ней исследовательские *методы и методики* (Т. Кун). Смена парадигмы не есть одномоментное событие, но является длительным процессом, состоящим из накопления данных, противоречащих господствующей *парадигме* и порождающих ее кризис, который является необходимым структурным элементом научной революции. Своеобразие исторической науки выражается в присутствии в ее *парадигме* сильного мировоззренческого элемента и, более широко, в большом влиянии на нее факторов вненаучного порядка. Это совокупность общенаучных и общемировоззренческих представлений, составляющих доминирующий в течение длительного времени образ истории. В настоящее время он переживает глубокий кризис. В историческом сообществе отсутствует единое представление о возможности создания общепринятой *парадигмы* истории (Г. Г. Иггерс). Идет острая борьба различных видений истории, в ходе которой вершится современный историографический процесс. Его итогом является приращение достоверного научнозначимого *исторического знания*, сумма которого возрастает с каждой научной революцией.

По своей значимости особо выделяется возникновение просветительской философии истории. Ее крупнейшие представители – Вольтер и Руссо, Кант и Гердер, энциклопедисты и английские просветители, во главе с Д. Юмом, теоретики и практики движения «Бури и натиска», русские просветители – все они с разных идейно-политических позиций обосновывали необходимость *генерализации* исторического материала на широком теоретико-методологическом основании, раскрывающем ведущие *закономерности* развития общества. В своей работе они уделяли значительное внимание поведению исторической личности, подчинению его общему ритму движения истории. В этом регистре решалась проблема *случайности* в истории. Она утратила присущее предшествующей *историографии* самостоятельное значение и стала рассматриваться как форма воплощения необходимости, «ее разменная монета».

Просветительская историческая мысль оказала заметное воздействие на последующее формирование теоретико-методологического арсенала исторической науки. Этапными явились гегелевская философия истории и материалистическое понимание истории. Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) рассматривал историю как «прогресс духа в сознании свободы, последовательно реализуемый через дух» отдельных народов. Это «исторические народы», воплощающие движение духа с Востока, где свободен один, через Античность, где свободны многие, к романо-германскому миру, где свободны все. Вершиной является Прусская конституционная монархия, где осуществлен компромисс с феодально-сословным строем. Движение истории – это не знающая *случайностей* «тяжелая недобровольная работа». Незавидна и участь доверенных лиц мирового духа, которую Гегель демонстрирует на примере своего любимого героя Наполеона – суровые жизненные обстоятельства, предательство близких людей, лишения, преждевременная смерть. Таков беспощадный исторический мир, которому Гегель противопоставляет пародийный образ гимназического учителя, кто сам живет хорошо и позволяет так жить другим. Так определяется *предмет* исторической науки, за пределами которого остается повседневная жизнь человека.

В противоположность этому труды основоположников материалистического понимания истории Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895) обильно насыщены персонажами, активно влияющими на непосредственный ход событий, в ту или иную сторону изменяющими его. Противоборствующие силы в Крестьянской

войне 1524–1525 гг. в Германии, активные участники революции 1848–1849 гг. во Франции, боровшиеся по разные стороны баррикад, герои и палачи Парижской Коммуны 1871 г. – в этих и многих других детально описываемых К. Марксом и Ф. Энгельсом *событиях* вершится *история*, в чей ход властно вторгается неразрывно связанная с человеческой деятельностью *случайность*, без чего, писал Маркс, *история* приняла бы чересчур мистический вид. Другое дело, что марксистская социология, выявляя общие законы исторического развития, оперирует большими величинами, например, такими как «способ производства», «общественная формация», «производительные силы» и «производственные отношения». В этой системе координат **И. н.** обрела опорные пункты для осмысления вех движения истории. Причем это относится не только к марксистской *историографии*. Многие ее положения стали общенаучным достоянием. Признается, что в области социального анализа не было никого сильнее Маркса (Марк Блок). Некоторые понятия марксистской социальной истории стали частью общего достояния «западной науки в целом» (Натали Земон Дэвис). Но при этом индивидуальное, единичное утратило свое самостоятельное значение. Поэтому в *историческом исследовании* нарушался необходимый баланс между общим и частным, *генерализацией* и *индивидуализацией*.

Этот дисбаланс был преодолен в «эмпирической социологии» Макса Вебера (1864–1920), выдающегося немецкого экономиста, социолога и историка, создателя теории *идеальных типов*, органически соединившей в своей природе элементы *генерализации* и *индивидуализации*. Свое обоснование эта теория получила в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905, впервые в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1905. Bd. 20–21). Книга продемонстрировала исторический подход автора к предмету. М. Вебер подчеркивал, что современный европейский капитализм – продукт конкретно-исторических обстоятельств, обусловивших в немецком обществе конца XV – начала XVI в. известный тип социально-экономических отношений. Эти отношения Вебер описывает с помощью особых категорий – *идеально-типических понятий*. Они являются идеальными понятиями, утопиями, не существующими в реальной действительности, являющимися продуктом фантазии их авторов. Но одновременно это отражающие живую жизнь типические понятия. Однако они не просто фотографируют действительность. Вебер раскрывает сложный процесс их формирования как субъективно-объективных по своей

природе, более широких, чем безальтернативно-однозначные дефиниции марксистской социологии. Характеризуя изучаемое явление как *идеально-типическое понятие*, Вебер допускает возможность его изображения с иных позиций. Так, несмотря на то, что «Протестантская этика и дух капитализма» и 24-я глава т. I «Капитала» отражают принципиально разные идейно-теоретические убеждения их авторов, в частности, в отношении *капитализма*, но рассматриваемые как *идеально-типические понятия*, они не исключают, а дополняют друг друга, создавая целостный образ генезиса новоевропейского *капитализма*.

Исследования Макса Вебера предварили наступление «антропологического поворота», возвестившего о пристальном внимании к внутреннему миру человеческой личности как главной ценности, что потребовало разработки для его изучения специальной исследовательской техники. В этом смысле в современной **И. н.** одной из наиболее перспективных является исследовательская стратегия *полидисциплинарного синтеза* (И. Н. Николаева). Эта стратегия конструируется в соответствии с принципами взаимодополняемости комплекствующих ее теорий и методов и их общей фокусируемости в сфере бессознательного, позволяющих работать в режиме верификации. В своих книгах «Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного» (Томск, 2005) и «Полидисциплинарный синтез и верификация в истории» (Томск, 2010) Николаева создала впечатляющую панораму возможностей обширного круга разнообразных явлений отечественной и мировой истории от исторических флуктуаций харизмы меровингских королей до специфики российской модернизации в Новое время. Ключевым в ее изысканиях является понятие «верификация». И. Н. Николаева обосновывает научную истинность и проверяемость своих умозаключений, предлагая самый убедительный сегодня метод верификации в *историческом исследовании*. Возможно, в будущем появятся иные пути решения этой проблемы. Но в этом и заключается родовая черта исторической науки – она находится в непрерывном движении.

Лит.: Блок М. Апология истории или Ремесло историка. 2-е изд., доп., М., 1986; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Г. В. Ф. Гегель. Соч. М.; Л., 1935. Т. VIII; Маркс К. Классовая борьба во Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 7; Его же. Капитал // Соч. Т. 23; Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск. 2005; Её же. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск. 2010; Репина Л.П. Вызов

постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории. Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX в. М., 1996; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; *Barraclough G.* Main Trends in History. N. Y.; L., 1979; *Jagers G. G.* Geschichtswissenschaft im 20 Jahrhundert. Ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen, 1993.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ – см. *Историческая культура, Память культурная, «Места памяти».*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ – совокупность и переплетение социально-экономических, социально-политических, социокультурных условий, международной обстановки, на фоне которых происходит то или иное *историческое событие*, рождается и развивается какое-либо *историческое явление*.

Данное явление и событие оказываются не только включены в конкретную историческую ситуацию, но в свою очередь могут значительно изменить эту ситуацию. Так, Великая Французская революция, развиваясь в условиях военной интервенции, способствовала изменению европейской ситуации как в военном плане, так и в плане революционного влияния на соседние страны. Ту же Французскую революцию невозможно характеризовать вне идей Просвещения. В этом смысле ни одно явление и событие не могут быть оценены без всестороннего анализа исторической ситуации, как внутренней, так и внешней, в которой оно родилось и развивалось.

Историческая ситуация в одну и ту же эпоху в каждой стране имеет свои особенности, она не бывает однородной, как в силу несинхронности исторического развития в разных странах, так и в силу национальной специфики, уникальности исторических явлений и событий. Но несмотря на многовариантность и уникальность исторических ситуаций, невозможно было бы говорить о каких-либо закономерностях в истории, если бы не было определенной повторяемости, схожести исторических ситуаций. Эта «схожесть», повторяемость, типичность проявляется в сущностном содержании исторических ситуаций, а не во внешних их проявлениях. Именно на этой основе В. И. Ленин сформулировал понятие «революционной ситуации», охарактеризовав

ее основные признаки (независимо от эпохи или пространства), зависящие от расстановки классовых сил в стране (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 69–70).

Это наличие сущностного сходства, возможность вычленения особых ситуаций-понятий позволило советскому историку Л. Е. Кертману говорить о законах исторических ситуаций (см.: Вопросы истории. 1971. № 1. С. 55–68), считая их конкретно-историческими законами и специфическими законами исторической науки, проявление которых зависит от второстепенных условий. Законы ситуаций устанавливают не неизбежность следствия при определенных исторических условиях, а его возможность. В каждой исторической ситуации есть альтернатива: события могут принять разное течение, в зависимости от множества обстоятельств, не входящих в типологические предпосылки исторических ситуаций. И это открывает большой простор для деятельности людей – субъектов истории. *Ход исторического процесса*, развитие общества выражается в исторически сложившейся ситуации, зависит от нее, но и сама историческая ситуация есть конкретный результат и конкретное выражение различных элементов *исторического процесса*.

Лит.: Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 55–68; Ясперс К. Духовная ситуация // Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 288–418.

Е. Г. БЛОСФЕЛЬД

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ – представления о сущности, содержании и смысле *истории*, принципах и *методах* ее изучения, которые могут обеспечить систематизацию полученных результатов. Картина истории, как и ее *концепции*, может строиться на знаниях, признанных достоверными и проверяемыми. В духе прагматической истории их принято называть *фактами*, а созданную картину считать точной и объективной. В исторических построениях могут содержаться гипотезы, предположения, допущения и образы. При их преобладании принято говорить о *конструировании* представлений об истории, об их *субъективном* характере и даже о принципиальной непознаваемости истории.

Термин «историческая теория» появился во второй трети XVIII в. в работах лорда Болингброка и Вольтера. Употребляется в ев-

ропейской исторической традиции Нового и Новейшего времени. Приемы и принципы исторического мышления Нового и Новейшего времени формировались на базе ренессансного *историзма* и *рационализма* времен раннего европейского Модерна. Пик интереса историков к исторической теории приходится на последнюю треть XIX – первую треть XX в. Во времена Г. Риккерта и Н. И. Кареева принято было разделять историческую теорию на *историософию* (философию истории) и собственно историческую теорию (*методологию истории*). В течение XX в. историки либо выводили историческую теорию за рамки конкретной *исторической науки*, либо рассматривали ее как набор стратегий и практик изучения и описания конкретных исторических проблем. На рубеже XX–XXI вв. историки стали подчеркивать возможную и допустимую множественность исторических теорий.

Пространственно-временные и парадигматические категории, в которых осмысливает себя **И. т.**, наметились еще в античной историографии. В творчестве древнегреческих и римских мыслителей (Гесиод, Геродот, Аристотель, Плутарх и др.) наметилось отношение ко времени, предмету и функциям истории, к мифу и событию, правде и вымыслу, роли человека в истории. Римская традиция, воспринятая средневековой христианской историей, – морализаторство и дидактичность истории – тоже вошла как составная часть в европейские представления об исторической теории.

Основой складывавшейся исторической теории Нового времени стали натурфилософия с ее преклонением перед гармонией природы и естественными законами. Классическая механика в той простоте, которую она обрела в интерпретации сэра И. Ньютона, стала исходной точкой для понимания строения как природы, так и общества. Социологические взгляды осмысливались с позиций натурфилософии и подавались как «социальная физика» (Т. Гоббс, например). Методологические основы *исторического знания* Нового времени рассматривались с точки зрения *рационализма* и *сенсуализма*.

Общезначимость и распространенность получили принципы *рационализма*, сформулированные в работах Ф. Бэкона. Вслед за ним большинство ученых признало продвижение от простого к сложному генеральным методом научного познания. Соотношение эмпирического (опытного) и теоретического знания представлялось восходящей иерархией (движением вверх по ступеням познания от простого к сложному, от эмпирического к теоретическому). Ученые считали, что у подножия лестницы познания лежит простейший чувственный

опыт, т. е. опыт, полученный при помощи органов чувств. Затем следует простое опытное знание, полученное при помощи *наблюдения*. Очередная ступень – научный эксперимент. А результаты экспериментальной науки позволяют подняться на самую высокую ступень лестницы познания и осуществить научный синтез. Он ложится в основу теоретического осмысления действительности и становится фундаментальным (в терминологии XVIII в. «генеральным») знанием.

Гносеологическая коллизия на заре Нового времени оформлялась противопоставлением представлений о принципиальной несовместимости религиозного и научного знания, самоценности не откровений, а опытного знания, универсальности принципов не только иерархичности, но и системности. По сути дела, вектором развития гносеологической парадигмы Нового времени, унаследованной и научным мышлением Новейшей эпохи, стало постепенное осознание системной организации природы, общественной жизни и человеческого мышления. Развитие методов исторического поиска шло от описания к моделированию, освоение понятия системности – от простейшей систематизации (упорядочивания объектов по одному или группе признаков) к осмыслению природы динамических систем и теории упорядоченных хаосов.

В развитии исторической теории Нового и Новейшего времени можно выделить несколько этапов. Каждый из них характеризуется напряженными научными поисками и открытиями, принципиальными для формирования и развития определенных форм профессионального и массового *исторического сознания*. Внутри каждого этапа выделяются повторяющиеся фазы:

- тяга к интеграции накопленных знаний и поиски новых объектов изучения и новых способов исторического синтеза;
- обращение к опыту естественных наук или смежных областей знания для расширения методологических возможностей исторического синтеза, создание на их основе набора алгоритмов для изучения типических исторических ситуаций, явлений, процессов и состояний;
- углубленное изучение конкретной проблематики и накопление новых опытных знаний на базе новых приемов исторического синтеза;
- дезинтеграция исследовательского поля и потеря целостности исторического сознания, не способного осмыслить массу накопленного знания в устоявшейся парадигматике формализованных приемов научного изучения;

• осознание необходимости искать новые приемы и методы обобщения исторического материала и исторического опыта; попытки найти более совершенные приемы методологического синтеза.

Представления об общественной значимости *исторического знания*, о его социальных функциях задают разные формы исторической *идентичности*, доступные как профессионалам, так и массовому сознанию. Историческая идентичность опирается на *историческое сознание*. Его ядро оформляется в массовом сознании как принятая обществом форма *историзма*.

Остановимся более подробно на каждом из этапов развития исторической теории Нового и Новейшего времени.

Конец XIV–XVI в. – эпоха Возрождения (включая ее поздние периоды, которые французский историк Ф. Бродель связал со становлением менталитета индустриального общества). Это начало становления современного категориального аппарата истории. Оформляется представление о линейности времени в земной истории, линейность *исторического времени* вводится в понятие мерности в истории. Гуманисты признают человека активным актором истории. Происходит антропологизация политической истории. Появляются представления об абсолютном и относительном в картине истории. *Ренессансный историзм* ввел понятие *исторической эпохи* и самоценности настоящего, по-новому осмыслил понятие преемственности, отдал приоритет земной истории по сравнению с историей божественной и поставил в центр земной истории человека. Главное завоевание эпохи, изменившее *историческое сознание* позднего средневековья – осознание творческих возможностей человека, приоритет деятельного начала личности.

XVII – первая треть XIX в. – становление и развитие просветительского *историзма*. Это время установления интеллектуального приоритета третьего сословия, облегчившего его выход на политическую арену. Просветительский *историзм* осмыслил развитие общества с позиций принципов натурфилософии, ввел в социогуманитаристику понятие естественного закона, создал «социальную физику», которая с позиций естественного права и общественного договора объясняла рождение государственной *власти*, разделил представления о социуме и государстве, ввел в научный оборот понятия «цивилизация», «просвещение» и «общественное мнение». В это время *историческое знание* стало оперировать понятиями *причинности*, *закономерности* и *случайности*, представлениями об *исторических*

источниках и методах работы с ними. Историки осваивали *сравнительно-исторический метод*, но история была не столько целью изучения, сколько средством осмысления реальности. Не случайно просветительская философия создала «философскую историю». Ее расцвет пришелся на 1730–1790-е гг., а последней философской системой, использовавшей историю для осмысления и описания картины мира, стала философия Г. В. Ф. Гегеля. Позднее, уже в XX в., те же принципы «философской истории» были использованы для придания статуса философской системы политэкономической теории К. Маркса.

Вторая треть – конец XIX в. (примерно до середины 1890-х гг.) – эпоха, когда социогуманитаристика попыталась выйти из кризиса просветительской философии при помощи философии утилитаризма и позитивизма. На смену просветительскому *историзму* пришел *позитивистский историзм*. Политическая история, господствовавшая в просветительской историографии, уступает ведущие позиции другим отраслям исторических знаний. Из них приоритетными постепенно становятся история хозяйства (она вскоре превращается в экономическую историю и социологию) и *история культуры*. Последняя достаточно быстро начинает чувствовать себя наукой о человеческом мышлении и реализуется как в специализированных областях *исторического знания* – *источниковедении, историографии и историософии* (теории истории), так и самостоятельно. Вектор развития *исторического знания* определяет культурно-историческая школа. Ее модификации возникают во всех европейских странах, достаточно заметно вовлеченных в процесс *модернизации*.

Позитивистский историзм попытался осуществить исторический поиск на основе методологии естественнонаучного познания и найти общий (генеральный) общественный закон. *Позитивизм* создал классификацию научного знания по степени его точности и *достоверности*. Он отвел психологии (науке о душе) роль связующего звена между естественнонаучным и социогуманитарным циклами человеческих знаний. Тем не менее, уже в 1840-х гг. появилась особая область социогуманитаристики – социология. Именно ей О. Конт отдал функцию связующего звена между естественнонаучным и гуманитарным циклами в своей классификации наук. Позитивистский историзм учится оперировать социологическими категориями и признает особый статус психологии в изучении культуры. Закладываются основы культурологии. *Методология исторического поиска*

еще не осознает своей самостоятельности. История ищет свои методы в изучении то общественных структур, то искусства и литературы. Поскольку в науке господствуют атомарные теории, методологические поиски в истории тоже ведутся для выявления «последнего основания», на котором должно держаться историческое равновесие. Рядом с органическими теориями исторического развития появляется все больше частных теорий, объясняющих историю изучаемого *объекта* через частные законы, присущие лишь ему. Складывается корпус *вспомогательных исторических дисциплин*, предназначенный для решения частных задач *исторического познания*. Через регионализацию науки *позитивистский историзм* учится оперировать понятиями общего и частного закона.

Позитивизм ставит проблему точности и доказательности *исторического знания* и пытается решить ее через осмысление познавательных возможностей *исторического источника*. В рамках *позитивистского историзма* *источниковедение* получило статус особой области исторических знаний, а *герменевтика* была признана областью, способной давать более точные знания об истории, чем описательная история (эпистемология). Область изучения законов общественного развития постепенно становится прерогативой социологии.

Все более генерализирующую форму приобретает теория, предложенная К. Марксом. В ней до предела оказались доведенными рационалистические и конструктивистские устремления эпохи Просвещения. История была представлена как естественнонаучная материалистическая область знаний, обладающая способностью выявлять общие и частные исторические законы и оперировать ими ради изменения мира. Доведя до крайности идеи целенаправленного изменения мира для построения государства всеобщей справедливости, *марксизм* вместе с тем стал первой системной теорией общественного развития, нашедшей применение в конкретных исторических работах. Историческая теория в *марксизме* оказалась сосредоточена в историческом материализме. С популяризацией марксизма взгляды на материалистическую или идеалистическую природу исторических теорий стали осознаваться многими не как *научная проблема*, а как политическое противостояние.

В 1870–1890-х гг. разгораются споры о сущности *исторического познания*. В столкновении сторонников естественнонаучной и особой, фактически вненаучной, природы *исторического знания* проявляются признаки надвигающегося методологического кризиса. В националь-

ных школах определяется противостояние объективных материалистических исторических теорий субъективно-идеалистическим. Методологическое разнообразие, необходимое для изучения многомерного *предметного поля* истории, упрощается до политической и идеологической конфронтации. Споры последней трети XIX века о сущности исторической теории были одним из признаков кризиса познания, носившего системный характер. С одной стороны, он был связан с углубляющимися процессами *модернизации*, которые постепенно меняли лицо европейского континента и все явственнее приобретали черты глобальных изменений, с другой, – отражал потребность изменения картины мира. В ней свое место должна была занять и изменяющаяся картина истории.

Необходимость новой картины мира становится заметнее по мере развития познавательных возможностей науки. Понятие системы наука Нового времени осваивала на таких объектах, как механизмы и общество (в его государственной, т. е. достаточно упорядоченной, институализированной ипостаси). Но приближалась революция в физике, поставившая под сомнение то, что классическая наука считала основой устойчивости мироздания, – представления о неделимости атома, всеобщности материи, неразрывности и неизменности времени и пространства. Наука Нового времени не придала парадигмального значения открытиям Н. И. Лобачевского. Наука Новейшего времени (Постмодерна) увидела в делимости атомного ядра выход в микромир и новую картину мира, основанную на пересечениях микро- и макро-процессов. Правда, далеко не сразу и не во всех областях человеческого знания.

Вторая половина 1890-х гг. – 1970-е гг. – время становления и господства *неопозитивистского историзма*. Открытия в физике ломали привычную картину мира. Историки оказываются в такой же растерянности, как и другие социогуманитарии. Они намечают несколько выходов из тупика. Г. Риккерт и его последователи настаивают на сужении *предметного поля* истории. Они делают акцент на конкретности и уникальности *исторического события*, выделении аксиологической составляющей как основы для исторических сопоставлений. Л. Февр и М. Блок, наоборот, говорят о расширении объектов *исторического исследования* за счет изучения массового сознания. Объясняя причины гуманитарных катастроф типа Великой французской революции или Первой мировой войны, за грань исторического знания выходит философская антропология (М. Шелер, С. Франк).

Реализация потребности науки в обобщении на историческом материале приводит к созданию системных исторических учений типа материалистического учения марксизма в его советской интерпретации или тринитарной *философии истории* Л. П. Карсавина. Быстрый *прогресс* психологических исследований позволяет переосмыслить и существенно изменить идеи позитивистской исторической теории. На базе дальнейшего осмысления теорий *исторического факта*, *исторического источника* и исторического текста рождается и развивается когнитивная история (А. С. Лаппо-Данилевский, Э. Гуссерль).

Потерпев фиаско в поисках общих исторических закономерностей, социогуманитаристика провела грань между естественнонаучным и социогуманитарным знанием. *Историческая наука* теряет свою целостность и дробится на умножающееся множество частных *дисциплин*. *Историческое знание* растворяется в областях социогуманитаристики, претендующих на большую научность и фундаментальность (в социальной и культурной антропологии, гендерных исследованиях, интеллектуальной истории), оно теряет характер всеобщности и приобретает статус частности, локальности. Поскольку за историей закрепляется функция описания конкретного, в методологии истории вновь завоевывает утраченные позиции *эпистемология*. Вместе с тем умножение числа *исторических дисциплин*, создание циклов социогуманитарных знаний усиливает потребность в методологическом синтезе. Основой методологического синтеза становится общая теория систем. Она помогает естественнонаучному знанию осознать целостность механизмов, управляющих природой и обществом, соединить учение о материи с теорией информации и создать искусственный интеллект. Историки, особенно советские, с энтузиазмом обращаются к общей теории систем, однако быстро убеждаются, что прямой перенос ее законов на общественные структуры и системы наталкивается на недостаточно устойчивую природу последних. **И. т.** дробится в соответствии с дроблением *предметного поля исторического знания*. Характерная черта *исторического знания XX в.* – своеобразная корпускулярность множества исторических теорий. Основой для их синтеза становятся так называемые макротеории (формационная, цивилизационная, модернизационная и глобализационная, а также теория альтернативной истории).

Сторонники формационной истории осмысливают исторические закономерности с позиций естественнонаучной природы *исторического знания*. Они социологизируют и идеологизируют историю. Сто-

ронники *цивилизационного подхода* и культурной антропологии вводят понятие деконструктивизма, чтобы подчеркнуть независимость *исторического знания* от идеологических схем. И те и другие ощущают неполноту получаемых *исторических знаний* и ищут пути к более продуктивным приемам исторического синтеза.

Роль научного аппарата многие историки отдают инструментарию, разработанному социологией. Поскольку вне поля зрения усредненных показателей и тенденций остаются сфера частной жизни, интеллектуальный поиск и творчество, историки вынуждены искать методы, способные более полно описать *историю повседневности* и психологию творчества. Происходит то, что историки науки стали называть «лингвистическим поворотом» в истории и «историческим поворотом» в социологии, психологии и филологии. Рождается эстетика постмодерна. На первых порах постмодерн не создает нового типа *историзма*, в нем подчеркивается энергия бунта и несогласия с просветительскими канонами осмысления мира. Историческое творчество возвращается в сферу литературы и искусства, что дает историкам простор для воображения и облегчает поиски выхода из методологического тупика.

В 1980-е – начале 2000-х гг. парадигматика исторического поиска определяется противопоставлением знания эпохи модерна знаниям эпохи постмодерна. Сциентисты относятся к истории как к полноценной науке и стараются понять специфику научности *исторического знания*, использовать опыт исторического изучения для реконструкции некогда существовавшей *исторической реальности*. Для этого они ищут более совершенные механизмы верификации *исторического знания*. Постмодернисты сближают историю с литературой, главным в истории считают анализ формы и подчеркивают символическое содержание и наименующую функцию исторического знания, которое способно творить современную реальность так же эффективно, как литературное творчество или СМИ. И, наконец, две теории, организуемые современное научное знание: теория динамических систем и информатика все более заявляют о своих приоритетах. *Историческая наука* уже очерчивает возможности когнитивной истории, созданной на базе междисциплинарного синтеза. В центре теории и методологии когнитивной истории – понятие *исторического источника* как овеществленного продукта психической деятельности людей и средства передачи информации по каналам временных и социокультурных коммуникаций (И. Д. Ковальченко, О. М. Медушевская).

Лит.: Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2004; Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007; Медушевская О. М. Теория и методология истории. М., 2008; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. I–III. Томск, 2007–2008. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998; Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002; Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1–2. СПб., 2003–2006; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991; Fulbrook M. Historical Theory. L.; N. Y., 2002.

С. С. МИНЦ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ – см. *Типология историческая.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ – см. *Детерминизм исторический.*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ – см. *Исследование историческое.*

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ – См.: *Мышление историческое.*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ – 1) специализированная подсистема *исторического сознания* (3); 2) рефлексия над исторической жизнью (2); 3) процесс поиска, установления и интерпретации существенных *исторических фактов* (1). **И. п.** представляет собой когнитивную деятельность субъекта, включающую: а) интериоризацию исторической информации о предмете познания; 2) превращение информации

в историческое знание; 3) экстериоризацию исторического знания в социокультурных коммуникациях.

Объектом исторического познания является *историческая действительность* как трансцендентное прошлое, которое не оставило «считываемых следов» и растворилось во времени (темподесинентное прошлое). Предметом исторического познания выступает *историческая реальность* как трансцендентальное прошлое, ставшее доступным, благодаря «следам-посредникам» (*историческим источникам*) как основы *исторической реконструкции*. Специфика исторического познания обусловлена, во-первых, его объектом: *историческая действительность* как единство объективного и субъективного есть отчужденный продукт деятельности людей, живших в прошлом. Во-вторых, между субъектом и объектом исторического познания отсутствует непосредственная связь, и историк имеет дело лишь с *историческими источниками* как носителями информации об *исторической действительности*. В-третьих, субъекты исторического познания воспринимают прошлое финалистически, то есть как процесс с известным результатом, в то время как для авторов *исторических источников* это прошлое было настоящим. В-четвертых, субъекты исторического познания «переживают» события прошлого в их настоящем, поэтому в любой *исторической интерпретации* присутствует, кроме интерпретируемого прошлого, также и интерпретируемое настоящее. При этом форма современной *интерпретации* прошлого определяется не самой *исторической действительностью*, а субъектами исторического познания в рамках определенных риторических стратегий. Поэтому одни и те же *события* прошлого могут быть изложены ими как нарративные истории героического, трагического, сатирического или оптимистического характера. В этом плане историк ищет в прошлом не только другого, но и самого себя, а **И. п.** есть продолжение самопознания и познания другого, элементом которого выступает *историческая память*. С одной стороны, **И. п.** выступает предпосылкой формирования *исторического сознания*, с другой – *историческое сознание* является контекстом исторического познания, поскольку без *исторического сознания* невозможно присутствие прошлого в настоящем. *Историческое сознание*, составной частью которого является *историческая память*, представляет собой не просто систему определенных *исторических знаний*, а способ осмысления социумом движения общества во времени. Если исходить из способа осмысления и особенностей фиксации представлений о движении

общества во времени, то *историческое сознание* может принимать форму мифа, хроники или науки.

Историческое сознание как контекст *исторического познания* задает способы его организации: а) донаучные; б) научные; в) ненаучные. Переход от донаучных способов организации исторического познания к научным был связан с переходом, с одной стороны, от провиденциалистской *интерпретации исторической действительности* к рационалистической, с другой – от спекулятивных философских *исторических концепций* к теоретическим, основанным на эмпирических данных. Возникновение и развитие научных способов организации исторического познания было обусловлено эпистемологическими революциями XIX–XX вв. Первая такая революция была связана со сциентизацией исторического познания в рамках *позитивистской эпистемологии*, с разработкой *номотетических* познавательных стратегий. Вторая революция – с антисциентизацией исторического познания в рамках неокантианской эпистемологии, с разработкой *идиографических* познавательных стратегий. Третья революция – со сциентизацией исторического познания в рамках социальной истории, направленной на преодоление *идиографических* познавательных стратегий. Четвертая эпистемологическая революция была связана с «лингвистическим поворотом» в историческом познании и последующим «вызовом» *постмодернизма*, поставившим под сомнение профессиональный статус научного исторического познания. Эта революция, направленная на критику экстремальных постулатов *постмодернизма* и восстановление профессионального статуса научного исторического познания, сопровождается, с одной стороны, «культурный поворотом», связанным с изучением культурно-исторической специфики того или иного времени, в контексте которой формируются коллективные представления об *исторической действительности*, с другой – с «прагматическим поворотом», для которого характерны интенсивные поиски интегральной, синтетической исследовательской модели, построенной на принципе взаимодополнительности социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания (4).

Современное **И. п.** выполняет различные социальные функции: познавательные, образовательные и преобразовательные. Познавательные функции заключаются в том, что **И. п.** в определенном смысле позволяет «жить в прошлом», понимать людей прошлого, объяснять их действия. Преобразовательные функции обусловлены тем,

что знания о прошлом как интеллектуальные продукты исторического познания являются эффективным инструментом влияния на настоящее, особенно в ситуации социальной неопределенности и социального выбора, когда в прошлом ищут обоснование или вдохновение социальным проектам современности. Образовательные функции исторического познания связаны, с одной стороны, с целенаправленной познавательной деятельностью людей по получению новых *исторических знаний* и их использованию в социальных коммуникациях, с другой – с формированием у людей личностных качеств, связанных с их мировоззрением, этическими представлениями, эстетическими взглядами, гражданскими позициями.

Лит.: 1) Кузеванов Л. И. *Академизм исторического познания*. М.: НЭИ «Академическая жизнь», 2010. С. 6; 2) Останина О. А. Проблема субъективного в историческом познании. М.: Прометей, 1997. С. 3; 3) Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 63; 4) Ретина Л. П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 8; 5) Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008.

А. В. ЛУБСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его сегментам в отдельности, о своём прошлом и прошлом всего человечества. **И. с.** находится в близкой связи с *историческим познанием*. Каждая социальная и экономическая общность обладает известным комплексом исторических представлений о своём происхождении, важнейших *событиях* и деятелях собственного прошлого, их соотношении с историей других общностей и всего человечества. Это те «исторические предания», какие составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, способ его самовыражения, и это придаёт историческому сознанию сильную эмоциональную окраску. История органически присутствует в сознании общества. Историчны все составляющие его элементы – взгляды, идеи, политические и иные теории и т. п.

В философской литературе сознание означает человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении, высший уровень психической активности человека как социального

существа. В отличие от этого, **И. с.** всегда конкретно. Оно существует как конкретная историческая *закономерность*, изучающая мир ментальных и духовных реальностей. **И. с.** не является неизменным. В IX в. оно было иным, чем в XVI-м или XX-м. Но оно не одинаково также в горизонтальном измерении, различаясь на разных ступенях социальной пирамиды. Представления о настоящем и прошлом обитателей её нижних этажей существенно отличаются от воззрений тех, кто населяет верхние этажи. Присущее им в различной степени протестное настроение, захватывающее их *историческую память* порождает собственный образ истории, выражающий конфронтационное историческое сознание. В нём выражается значение истории как важнейшего аргумента в идейно-политической борьбе различных классов и сословий, религиозных, этнических, профессиональных и иных социальных общностей. Поэтому во все времена изучение и – в особенности – преподавание истории государство стремилось поставить под свой контроль. Формирование массового исторического сознания являлось целью его политики в области образования. Однако его вмешательство в эту сферу ведёт к её деформации. Ещё великий «трагический гуманист» Йохан Хейзинга, отмечая, что потребность в *историческом знании* является абсолютной потребностью человека, способом радостного приобщения к миру, с тревогой писал, что XX век, как никогда прежде, сделал историю орудием лжи на уровне государственной политики: никакая восточная деспотия в своих фантастических «свидетельствах» не обращалась с историей так, как это делает современное государство. Поэтому он предупреждал, что историческое сознание должно быть бдительным, «дабы не были воздвигнуты от имени истории кровожадные идола, которые поглотят культуру». В кризисное время, писал он, *история* может стать средством достижения необходимого согласия людей.

Историческому сознанию присуще активное деятельное начало, направленное на преобразование *исторической действительности*. В этом его отличие от *исторического познания*, акцентирующего отнесенность *исторической истины*. Оно базируется на непреложных идейно-нравственных основаниях.

И. с. есть моральная категория, требующая в качестве обязательного условия профессионализма историка соблюдение им некоторых моральных стандартов, предполагающих следование идейным и нравственным нормам. Они охватывают всю сферу жизнедеятельности человека от его личностных и корпоративных связей до профессио-

нальной деятельности в области высшего и среднего образования и – опосредованно – суждений о высокой политике.

Лит.: Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989; *Его же.* Историческое сознание и историческая наука // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. 1. Саратов, 1995; *Тавризян Г. М.* Йохан Хейзинга: кредо историка // *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992; *Carr E. H.* What is History? Cambridge, 1962.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ – см. *Событие историческое.*

ИСТОРИЯ [др.-греч. ἱστορία – рассказ о прошлом] – 1) процесс развития природы и общества; 2) рассказ, происшествие, процесс развития чего-либо; 3) комплекс общественных наук (историческая наука), который изучает прошлое человечества во всей его конкретности и многогранности. Современная *историческая наука* состоит из отдельных разделов и отраслей. Она традиционно включает в себя историю общества в целом (всеобщая, или всемирная история), в рамках которой изучается происхождение человечества, этногенез, а также история отдельных стран, народов и цивилизаций. Всеобщая история делится прежде всего на историю первобытного общества, историю древнейших цивилизаций (Египет, Китай, Шумер и др.) и античную историю (Древняя Греция и Древний Рим), объединенных в историю древнего мира, а также историю средних веков (период распада Римской империи до эпохи Великих географических открытий), новую историю (XVII–XIX вв.) и, наконец, историю Новейшего времени, которая включает XX – начало XXI в.

Г. Н. КРАЙНОВ

ИСТОРИЯ ИДЕЙ – предметное поле современного исторического знания, связанное с изучением генезиса, становления, распространения и трансформации различных продуктов мыслительного труда в интеллектуальной культуре человечества. В современном научном обороте термин **И. и.** нередко используется как синоним тер-

мина *интеллектуальная история*. Однако подобное отождествление следует принимать с некоторыми оговорками, продиктованными историей становления данной сферы современного гуманитарного знания. **И. и.** возникла в США, где в 1920-х гг. в университете Джона Хопкинса появился «Клуб истории идей», главным фигурантом которого был Артур Онкен Лавджой, создавший оригинальный подход к исследованию форм человеческого знания. Отталкиваясь от традиционной истории философии, изучающей отдельных мыслителей, школы, направления и периоды развития мысли, Лавджой подверг радикальному пересмотру ее предмет исследования. С его точки зрения, «строительным материалом» любых теорий являются некоторые элементарные идеи (*unit-ideas*), которые по-разному сочетаются в рамках тех или иных доктрин. Эти идеи имеют собственную историю и число их конечно. Таким образом, **И. и.**, по Лавджою, – это не история интеллектуалов, их концепций и всевозможных связей между ними, а «биография» отдельных идей. Проект истории идей существенно трансформировал пространство гуманитарного знания, создав междисциплинарное поле исследований, так как историческая трансформация идей должна была изучаться вне зависимости от институциональных и дискурсивных границ, будь то философия, литература, искусство, религия или политика. Существенно, что, по мысли Лавджоя, интерес историка идей распространялся не только на логически выверенные учения, но и на «мыслительные привычки», дорефлексивные допущения, псевдо-логические и аффективные «ингридиенты» идей. С одной стороны, это позволяло истории идей выйти за пределы исследования «великих мыслителей» и «великих текстов» – к широкой проблематике исторических форм мышления больших групп людей (Л. П. Репина), предвосхищая, в частности, сближение с *историей ментальностей*, которого уже в наши дни будут требовать от традиционной истории идей «новые культурные историки» (Р. Шартье). С другой стороны, такой подход позволял рассматривать идеи – безотносительно к их истинности или ложности, т. е. в подлинно исторической перспективе, захватывающей не только высокие достижения духа, но и заблуждения, стереотипы, предрассудки, интеллектуальные мифы, идеологии, механизмы интеллектуальной моды и тому подобные явления, интересующие современную *интеллектуальную историю*. Однако этот потенциал, изначально заложенный в истории идей, не был реализован ни самим Лавджоем, ни его школой. Со временем **И. и.** стала ассоциироваться с далеким от

собственно *исторического исследования* конструированием абстракций, подчиняющихся лишь имманентным законам развития. Следует заметить, что эта перспектива также была задана создателем истории идей. Отказываясь от случайного в изложении развития идей, **И. и.** выносит за скобки их авторов, институции, в рамках которых они создаются, прагматику их производства и механизмы воспроизводства, заимствования, искажения и т. д. Лавджой специально подчеркивал, что **И. и.** не сводится к исследованию национальных традиций мысли, она, подобно сравнительному литературоведению, призвана выявлять общие тенденции в интеллектуальной культуре, отвлекаясь от языковых и региональных различий.

Именно интернализм истории идей, рассмотрение идей в отрыве от социально-культурных контекстов не давали ей развиваться в течение нескольких десятилетий и вызывали заслуженную критику. Начиная с 1980-х годов, когда арсенал гуманитарных наук пополнился за счет подходов, возникших в рамках *лингвистического поворота*, «археологии знания» М. Фуко, теории «социального пространства» П. Бурдьё, новейших исследований в области социологии знания и др., **И. и.** получила новый импульс для развития в лоне более обширного *предметного поля* – *интеллектуальной истории*.

Лит.: *Зенкин С. Н.* Исторические идеи и мыслительные схемы: к поэтике интеллектуального дискурса // *Ex Cathedra*. Современные методы изучения культуры. М., 2012; *История идей как методология гуманитарных исследований*. Философский век: альманах. СПб., 2001. Вып. 17–18; *Лавджой А. О.* Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. *Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.

А. В. КОРЧИНСКИЙ

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ – см. *Интеллектуальная история, Историография*.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ – см. *Историография*.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ – см. *Историография*.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ – 1) междисциплинарная область знания, направленная на изучение явлений и процессов исторического развития культуры от зарождения ее первых архаических форм до современного состояния; 2) специализация истории (Большая российская энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 132); 3) специализация культурологии (Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 252). **И. к.** граничит и сотрудничает с *археологией*, *историей искусства* и литературы, *историей религии*, историей философии, *историей науки и техники* и др., использует их методы. Изначально складывалась как междисциплинарная область знания, в формировании которой принимали участие представители разных гуманитарных дисциплин (истории, философии, филологии, искусствознания). Элементы истории культуры присутствуют еще в сочинениях Тацита в виде критического анализа римской цивилизации и в трактате Аврелия Августина (Августина Блаженного) «О граде Божьем», в котором впервые встречается *историческая периодизация* и типологизация культуры, выводимая из христианского учения о сотворении мира и провиденциалистских представлений о судьбе человечества. Современная **И. к.** начала формироваться в эпоху Возрождения, когда была открыта античность как тип культуры и обосновано ее отличие от культуры предыдущей эпохи, что привело к утверждению принципа историзма в понимании культуры (Ф. Петрарка и др.). В новое время на историю культуры большое влияние оказала идея прогресса, эволюционного развития человечества. Проблему происхождения культуры рассматривал Т. Гоббс. Дж. Вико обогатил историю культуры теоретическими представлениями о «круговороте» культур, единстве человека, истории и культуры. В эпоху Просвещения в истории культуры выделяется направление, связанное с философским осмыслением генезиса и развития культуры человечества (И. Г. Гердер), которое в современной культурологии определяет своей целью изучение макродинамики порождения и функционирования культуры как общественного явления (Ф. фон Хелльвальд, Г. Чайльд, Э. Кассирер, Й. Хейзинга, К. Леви-Стросс, Д. Бэлл, Э. Тоффлер и др.), а также историческую типологизацию культуры (Н. Я. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, П. А. Сорокин, К. Ясперс, А. Тойнби и др.). Во второй половине XIX в. немецкая историческая школа в русле поворота истории в сторону изучения жизни народа выдвинула идею истории культуры, за-

нимающейся исследованием быта, экономики, юридических норм (Л. фон Ранке, К. Лампрехт). Один из основоположников культурно-исторического направления в историографии Я. Буркхард отдавал предпочтение художественной культуре. Образцовыми трудами по истории культуры являются работы Я. Буркхарда, посвященные культуре Возрождения и барокко (1860-е), и «Осень Средневековья» Й. Хёйзинги (1919). В XX в. в творчестве представителей французской исторической антропологии **И. к.** выступает как важнейший инструмент всестороннего познания прошлого (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Л. Февр).

В России историко-культурные исследования появились в XIX в. (Ф.И. Буслаев, В.О. Ключевский и др.). Принцип признания «чужой одушевленности», обоснованный А. И. Введенским (1892) и развитый А. С. Лаппо-Данилевским и И. И. Лапшиным в начале XX в., открывал новые пути изучения истории культуры. Научная деятельность историков культуры, заявивших о себе в предреволюционные десятилетия, Л. П. Карсавина (культура европейского средневековья), Г. П. Федотова (древнерусская культура), П. Н. Милюкова (русская культура нового и новейшего времени) была продолжена в эмиграции. В XX в. развитие отечественной истории культуры было прервано на несколько десятилетий. Историко-культурные исследования возобновились в конце 1940-х гг. Отечественная **И. к.** достигла успехов в изучении культуры Античности (А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи), Средневековья (А. Я. Гуревич и др.), Возрождения (А. Ф. Лосев, В. И. Рутенбург, Л. М. Баткин и др.). Большое количество исследований было посвящено древнерусской культуре, культуре русского барокко, русской классической культуре XIX в., художественной жизни России на рубеже XIX–XX вв., советской культуре. В конце XX – начале XXI в. в истории культуры в России и за рубежом особую актуальность приобрел поиск и анализ методологических оснований исследования культуры прошлого.

Лит.: Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб., 2003. Кн. 1–2; Флиер А. Я. Культурология // Культурология. XX век. Словарь. М., 1997. С. 248–253.

Л. Б. СУКИНА

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ – предметное поле исторической науки, одна из областей изучения прошлого, которую называют составной частью *новой социальной истории*, утвердившейся во второй половине XX в., и одновременно – одним из новых методов научного поиска. К проблеме изучения *менталитета* обращается также социология, философия, антропология, культурология, социальная, культурная, этническая, *историческая психология* и пр., что придает истории ментальностей междисциплинарный характер. В литературе существует несколько десятков прямых и описательных определений базового понятия истории ментальностей – *менталитет*. В их основе у историков: *менталитет* – это исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство отрефлектированных и неосознанных ценностей, норм, установок в разных воплощениях – когнитивном, эмоциональном, поведенческом, творческом. В центре внимания специалистов по истории ментальностей находится изучение постоянных социально-психологических черт, типичного в поведении, того, что заложено в сознание как всего общества, так и его отдельных групп культурой, языком, религией, образованием, воспитанием, традициями; их интересуют подспудные изменения, растянутые во времени большой протяженности (Ф. Бродель). Ученые отмечают постоянное расширение поля истории ментальностей и «территории историка». Ныне в него входят способы поведения, выражения и умолчания (Р. Мандру), которые передают общественное миропонимание; представления и образы, мифы и ценности, признаваемые отдельными группами или обществом; восприятие географической среды, природы, пространства и времени; система верований, отношения мира земного и мира потустороннего, восприятие и переживание смерти, разграничение естественного и сверхъестественного, духовного и материального; восприятие и оценка общества и его социально-сословных и иных составляющих, понимание соотношения целого и отдельного, индивидуального и общественного, степени самостоятельности личности в социуме или включенности, зависимости от него, отношение к труду, собственности, бедности и богатству, власти, господству и подчинению, понимание свободы и несвободы.

Истоки направления обнаруживаются в трудах Я. Буркхардта, К. Лампрехта, В. Дильтея, А. Б. Варбурга, А. Берра, Э. Дюркгейма, Ф. Симиана, где начинает складываться особый тип постановки проблем и предлагаться новый набор методов их разрешения. Самостоятельной дисциплиной **И. м.** становится в связи с *антропологическим поворотом* в истории. Понятие было введено основателями школы «Анналов» М. Блоком и Л. Февром, которые заимствовали его у этно-

лога Л. Леви-Брюля (1910, 1922). Расцвет истории ментальностей приходится на 1960–1970-е гг., когда второе и третье поколения «анналистов» (Ф. Арьес, М. Вовель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Р. Мандру, Ж.-К. Шмитт) сделали ее одним из ведущих направлений во французской исторической науке. Затем **И. м.** получила развитие и в других странах: П. Берк и др. (Англия), П. Хаттон и др. (США), Р. Шпрандель, Х. Мейер, У. Раульф, П. Динцельбахер и др. (Германия).

Ныне имеет место установление определенной дистанции по отношению к «классической» истории ментальностей за счет включения методов качественного анализа, *междисциплинарных подходов*, расширения круга *источников*, что позволяет развернуть внимание к особенностям, пространственным и временным вариациям (Р. Шартье, Д. Калифа, А. Корбен, П. Лабори, А. Буро и др.). Цельной теории истории ментальностей пока не создано, в том числе – относительно способов функционирования и смены разных типов ментальностей.

В России главным центром по изучению истории ментальностей стал Институт всеобщей истории РАН в лице А. Я. Гуревича и его последователей (С.И. Лучицкая и др.), нашедших постоянные формы взаимодействия с европейскими учеными. Направление истории ментальностей притягивает интенсивное внимание исследователей в нестоличных научных центрах, в том числе – специалистов по разным периодам русской истории.

Лит.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005; Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989; История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996; Марков Б. В. Разум и сердце: История и теория менталитета. СПб., 1993; Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999; Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2003; Histoire et ses methods / Sous la dir. de Ch. Samaran. Paris, 1961; Одиссей. Человек в истории: исследования по социальной истории и истории культуры: [альманах]. М., 1989–2013.

Н. И. ДЕВЯТАЙКИНА

«ИСТОРИЯ ПАМЯТИ» – см. *Историческая культура, Память культурная.*

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ – направление в *исторической науке*, одна из областей изучения прошлого, получившая значительное развитие в последней четверти XX в., и одновременно один из новых методов научного поиска. В разных языках историю повседневности называют everyday life history (англ.), Alltagsgeschichte (нем.), histoire de la vie quotidienne (фран.). К проблеме изучения повседневности обращается также *история ментальностей*, социология, антропология, социальная, культурная, этническая, *историческая психология* и прочие; что обуславливает ее междисциплинарный характер. В центре внимания истории повседневности увиденный «изнутри» специфический опыт и поведение индивидов в повседневной жизни, «краткое», «нервное» время конкретных *событий*; сфера человеческой обыденности в разных политико-событийных, историко-культурных, этнических и конфессиональных контекстах. Индивиды предстают и действующими лицами, и творцами истории, активно производящими, воспроизводящими и изменяющими социально-политические реалии прошлого и настоящего, т. е. **И. п.** ориентирована на прояснение проблем конкретного и общего порядка. Начиналась **И. п.** в новейшее время как изучение жизненных историй безымянных и эксплуатируемых индивидов (рабочих, домашней прислуги и т. д.). При этом в оборот втягивались типы и виды *исторических источников*, прежде мало используемые: устные рассказы, изобразительные материалы. Для анализа повседневности важной оказалась тонкая *интерпретация исторического источника*, проникновение в его внутренние смыслы, учет недоговоренного и случайно прорвавшегося. **И. п.** ставит задачу выяснить мотивацию действий индивидов и приблизиться к их пониманию через «диалог» с источником, постановку вопросов, ставших возможными благодаря современным научным знаниям. Ученые отмечают постоянное расширение поля истории повседневности за счет включения в него всех эпох, цивилизационных ареалов и большего числа разных социальных слоев. Рост направления выражается в появлении серий популярных книг, написанных профессиональными историками разных стран на темы повседневной жизни, и их мгновенных переводах с одного языка на другие.

Среди научных предтеч истории повседневности (Alltagsgeschichte) социологи Н. Элиас, Г. Маркузе, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель и А. Сикурель, культурологи и антропологи К. Гирц и А. Лефевр, английский историк Э. Томпсон, исследования этнологов. **И. п.** оформилась в германской историографии 1980-х гг., когда страну охватил «исторический бум» – массовый интерес к изучению про-

шлого своего города или поселка, истории своей семьи. Создавались многочисленные «исторические мастерские»; активно развивалась *устная история*, особенно записи воспоминаний пожилых людей о своей жизни. Интерес к опыту и переживаниям «маленького человека» дал название направлению – **И. п.** (Alltagsgeschichte) или «История снизу» (Geschichte von unten). Одна из главных особенностей развития истории повседневности – слом барьера между академической наукой и «любительской» историей, создание совместных групп. Среди самых известных зачинателей истории повседневности – А. Людтке и Х. Медик. Затем она в разных вариантах получила развитие в других странах. Цельной теории истории повседневности пока не создано. В России центром по изучению истории повседневности, как и *истории ментальностей*, обозначил себя Институт всеобщей истории РАН, где Ю. Л. Бессмертный и А. Я. Гуревич во второй половине 1980-х гг. создали рабочую группу, начали выпуск альманаха «Одиссей» и – позднее – ежегодника «Казус». Направление притягивает интенсивное внимание исследователей в нестоличных научных центрах, в том числе специалистов по разным периодам русской истории.

Лит: Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004; Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус. 1999. М., 1999. С. 117–131; Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; Пушкарева Н. Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. М., 2005; Элиас Н. Понятие повседневного // Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. СПб., 2001.

Н. И. ДЕВЯТАЙКИНА

ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКИЙ – объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих. Такое понимание исторического источника восходит к разработанной в русской версии неокантианства (А. И. Введенский, 1856–1925; А. С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919) концепции *объекта исторического познания*, основанной на принципе «признания чужой одушевленности». Оно нацеливает на исследование жизненного мира Другого, познание исторической и культурной *реальности* через ее восприятие

человеком, зафиксированное в его произведениях – исторических источниках, путем их *интерпретации*, т. е. общезначимого, методологически осмысленного *понимания*.

Развитие этой концепции в XX – начале XXI в. привело к осмыслению объекта исторического познания в соотношении с системой видов исторических источников, присущей определенной культуре, – и далее как составляющей эмпирической реальности исторического мира (О. М. Медушевская). В научной литературе по-прежнему можно встретить определение «исторический источник – все, откуда можно почерпнуть информацию об историческом развитии человечества» или его модификации. Это определение имеет в своей основе фиксированное представление о *реальности*, свойственное классической философии нового времени, нацеливает исследователя на максимально точное «воспроизведение» этой реальности на основе достоверных *фактов*, установленных путем так называемой *критики исторических источников*, выделения в них пласта так называемой *достоверной* информации. Очевидно, что это определение, притягивая часть историков своей простотой, не соответствует эпистемологическому уровню XX и тем более XXI в. Кроме того, оно логически некорректно, поскольку определяет исторический источник через местоимение «все», что не позволяет отграничить определяемый класс объектов и не выявляет существенных характеристик определяемого объекта.

Лит.: Лапто-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Румянцева М. Ф. Источниковедение в системе актуального гуманитарного знания // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». № 4 /08. М., 2008. С. 31–46.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИСТОЧНИКИ МАССОВЫЕ – см. *Массовые источники*.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ (нем. *Quellenkunde*, современ. англ. *source study*) – гуманитарная *дисциплина*, объект которой – *исторические источники*, т. е. вся совокупность произведений человека / продуктов культуры (*эмпирическая реальность исторического мира*, О. М. Медушевская), а предмет – изучение *исторического источника*

как культурного феномена и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование информации о человеке и обществе в их исторической составляющей. **И.** появилось из практической потребности установления подлинности и *достоверности* документов. Научное историческое **И.** возникло в связи со становлением научного *исторического знания* в Европе в Новое время и необходимостью обеспечения достоверности *исторических фактов* в рамках европейского *рационализма*. **И.** как неотъемлемая составляющая исторического метода оформляется в 1830–1840-е гг. в Германии в связи с профессионализацией *исторической науки*, развитием практики публикации *исторических источников* и необходимостью обобщения и универсализации накопленного фактического материала *вспомогательных исторических дисциплин* (в частности, *дипломатики*), опыта конкретных источниковедческих разысканий. В 1841 году А. А. Куник впервые в российской *исторической науке* употребил термин «источниковедение», заимствованный из немецкой *историографии*. Значительное внимание вопросам эвристики, классификации, критики и *интерпретации исторических источников* уделяется в классических трудах XIX века, посвященных методу *исторической науки*: И. Г. Дройзен «Очерк истории» (1858), Э. Фриман «Методы изучения истории» (1886), Э. Бернгейм «Учебник исторического метода и философии истории» (1889), Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос «Введение в изучение истории» (1898). На рубеже XIX–XX вв. в России обособляется в самостоятельное направление теория источниковедения, что обусловлено методологическими поисками, связанными, с одной стороны, с кризисом *позитивизма* (сохранившего отчасти свои позиции в исследовательской практике), а с другой, – с осмыслением специфики наук о культуре в неокантианстве, в частности в его русской версии (А. И. Введенский, В. М. Хвостов, А. С. Лаппо-Данилевский, И. И. Лапшин). А. С. Лаппо-Данилевский в работе «Методология истории» (1910–1913) предложил целостную теоретико-познавательную концепцию гуманитарного познания, в основе которой лежало феноменологическое понимание *исторического источника* как результата человеческой деятельности.

В XX в. определились три направления источниковедения: 1) **И.** сохранило свою функцию *вспомогательной исторической дисциплины* при анализе материала в *историческом исследовании*, 2) **И.** заявило себя в качестве самостоятельного метода *исторического познания* (в частности, *компаративное источниковедение*), 3) **И.** приобрело статус *дисциплины исторической науки*. В России основными

центрами изучения и преподавания источниковедения в XX в. являлись созданный в 1930 г. Институт архивоведения (с 1932 – Московский государственный историко-архивный институт, с 1991 – в составе Российского государственного гуманитарного университета), что обусловлено выделением историко-архивоведения в отдельное направление на фоне идеологизации *исторического знания*, а также сохранением здесь на протяжении XX – первого десятилетия XXI в. научной школы А. С. Лаппо-Данилевского (А. И. Андреев, В. В. Кабанов, Е. А. Луцкий, О. М. Медушевская, В. А. Муравьев, А. Т. Николаева, Л. В. Черепнин, М. Н. Черноморский, В. К. Яцунский); Московский государственный университет, где в 1940-х гг. оформляется научно-педагогическая школа М. Н. Тихомирова, а в 1970–1980-х гг. сформировалась под руководством И. Д. Ковальченко научная школа *количественных методов* в исторических и источниковедческих исследованиях (Л. В. Милов, Л. И. Бородин); в 1960–1970-х гг. проблематика теории и истории источниковедения исследуется в Ростове-на-Дону (школа А. П. Пронштейна). Академическими центрами источниковедческих исследований в 1930-е гг. было Ленинградское отделение Института истории АН СССР (С. Н. Валк, Б. А. Романов), начиная с 1960-х гг. – Институт истории (Институт истории СССР) АН СССР (В. И. Буганов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, В. А. Кучкин, Б. Г. Литвак, А. Г. Тартаковский), Археографическая комиссия (М. Н. Тихомиров, С. О. Шмидт).

В настоящее время в методологии источниковедения присутствуют два парадигмально различных направления, отличающиеся разным определением понятия *исторический источник* и имеющие разные философско-мировоззренческие основания, приводящие к разным методологическим следствиям. Первое направление, по-прежнему ориентированное на классический тип рациональности, изживший себя уже к концу XIX в., видит задачу источниковедения в так называемой *критике исторических источников* с целью установления *исторических фактов*. Второе, начавшее формироваться в связи со становлением неоклассической науки и в настоящее время отвечающее потребности неоклассической модели науки в поиске оснований строгой научности, базируется на понимании *исторического источника* как культурного феномена, составляющего эмпирическую основу понимания человека и социума в исторической ретроспективе.

Лит.: Источниковедение истории СССР: учеб. / Под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981; Источниковедение: Теоретиче-

ские и методические проблемы: сб. ст. / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1969; Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004; *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М. : РГГУ, 2008.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ – предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. Объектом источниковедения историографии является система видов историографических источников – произведений историков, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного. Предмет источниковедения историографии – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках. Формирование предметного поля источниковедения историографии обусловлено двумя факторами: 1) социокультурный: размежевание – вплоть до полного отрыва – научного исторического знания и социально ориентированного историописания в актуальной социокультурной ситуации постпостмодерна; 2) теоретико-познавательный: поиск оснований строгой научности исторического знания в связи с актуализацией неоклассического типа рациональности в условиях преодоления постмодернистской эпистемологической анархии. В советской исторической науке проблема источниковедения историографии была поставлена С. О. Шмидтом (1922–2013) в 1965 г., понятие «источниковедение историографии» было сформулировано им же в 1976 г. Существующий в исторической науке подход к источниковедению историографии, базирующийся на понимании историографического источника как исторического источника, несущего информацию об историографическом процессе (Л. Н. Пушкарёв (1980), А. И. Зевелёв (1987) и др.), корреспондирует с подходом в источниковедении, ориентированным на определение «исторический источник – это все, откуда можно почерпнуть историческую информацию», что соответствует парадигмам классической науки, исчерпавшей эпистемологический потенциал в конце XIX в.

Лит.: Камынин В. Д. Теоретические проблемы историографии на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (78). С. 54–66; Корзун В. П. Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург ; Омск, 2000; Маловичко С. И. Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ: материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения В. И. Герье. М., 2012. С. 114–117; Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М. В. Нечкиной: сб. ст. М., 1976. С. 264–274. (Переизд. с примеч. автора: Шмидт С. О. Путь историка: избр. труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 119–129; Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1965. Т. 22. С. 3–49; Мир историка: историографический сборник. Омск, 2005–20011. Вып. 1–7.

С. И. МАЛОВИЧКО, М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ – система исследовательских процедур, нацеленных на установление информационного потенциала *исторического источника*, выявление и оценку его информации, а также возможностей его использования в *историческом (гуманитарном) исследовании*. Ни один из элементов источниковедческого анализа не может быть опущен без ущерба для конечного результата исследования.

В источниковедческом анализе выделяют два этапа: 1) анализ происхождения (исторический этап), 2) анализ содержания (логический этап). Анализ происхождения *исторического источника* включает следующие процедуры: изучение исторических условий создания источника, изучение автора (чему предшествует техническая процедура установления авторства), выявление конкретных обстоятельств создания *исторического источника*, целеполагания автора, обуславливающего видовую принадлежность *исторического источника*. Особое место на этом этапе занимает изучение истории текста, если текст складывался не одномоментно и подвергался правке и редактированию. Анализ происхождения имеет своим результатом установление: во-первых, авторского замысла; во-вторых, видовой принадлежности *исторического источника*, что обуславливает его функционирование в культуре. Анализ содержания предполагает *интерпретацию исто-*

рического источника (см.: *интерпретация историческая*), установление степени полноты и *достоверности* его информации. Анализ содержания имеет своим результатом вывод о возможностях и перспективах использования *исторического источника* в *историческом исследовании*. За процедурой источниковедческого анализа в структуре оригинального источниковедческого исследования следует процедура *источниковедческого синтеза*. Принципиальное значение имеет различение понятий **И. а.** и *критика исторического источника*. Последнее соответствует пониманию исторического источника в классической модели науки, когда в качестве цели анализа исторического источника выступало определение его *достоверности*, понимаемой как соответствие его информации так называемой *объективной реальности* прошлого.

Лит.: Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. М., 2004. Ч. 1. Раздел 3: *Медушевская О. М.* Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты. С. 122–168; *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории : в 2 т. М., 2010. Ч. II. Отдел первый: Методология источниковедения. Т. 2. С. 19–395.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ СИНТЕЗ – следующая за *источниковедческим анализом*, завершающая процедура самостоятельного *источниковедческого исследования*, цель которого конструирование *исторического источника* как феномена культуры. Результат источниковедческого синтеза самодостаточен, в отличие от результата *источниковедческого анализа*, подготавливающего материал *исторического источника* для использования в дальнейших исследованиях. Результат источниковедческого синтеза – представление *исторического источника* как социокультурного феномена, выявление его места в видовой структуре корпуса *исторических источников*, порожденных определенной культурой, что позволяет в дисциплинарных рамках *источниковедения* проводить культурологические компаративные исследования (см.: *Компаративное источниковедение*).

Лит.: Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. М., 2004. Ч. 1. Раздел 3: *Медушевская О. М.* Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты. С. 122–168.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

К – Л

КАРТОГРАФИРОВАНИЯ МЕТОД – совокупность приемов и способов *систематизации* информации и представления ее в форме пространственной модели (карты). Термин «карта» появился в Средние века (в переводе с латыни «лист», «бумага»). В современной науке карта рассматривается как модель и инструмент исследования и представляет собой математически определенное, уменьшенное, генерализированное изображение поверхности земли, другого небесного тела или космического пространства, на котором в принятой системе условных знаков отражены спроецированные на него объекты. Карта характеризуется рядом свойств: фактографичность; знаковость изображения, т. е. использование особого языка карты; генерализованность – свойство, включающее отбор и обобщение изображаемых объектов соответственно их назначению, масштабу, содержанию, особенностям территории; системность отображения данных, включающая не только передачу элементов, но и связей между ними. Картографическое изображение строится на математической основе, включающей координатную сетку, масштаб и геодезическую основу, а также язык карты (условные знаки, графические переменные, значки, надписи).

Первые опыты применения картографирования в *исторической науке* относятся к XVI в. Основатель *исторической географии* А. Ортелиус в атласе «Зрелище мира земного» («*Teatrum orbis terrarum*», 1570) рассматривал историко-географические карты как способ иллюстрации исторических сочинений.

Функции картографирования как способа познания (mapping) были обоснованы Ф. Ратцелем (1844–1904). Основным *объектом исследования* он считал «этнографические предметы», т. е. вещественные *источники*, оставленные носителями той или иной культуры. Совокупность «этнографических предметов» в пространстве и времени образует «культурный ареал» (первоначальное название метода – «метод культурных ареалов»). Исследуя географическое расположение и перемещение «этнографических предметов», можно установить особенности пространственного распространения культур, выявить их

происхождение и родство. Идеи Ф. Ратцеля получили развитие в трудах других представителей диффузионизма – Л. Фробениуса (1873–1928), Ф. Гребнера (1877–1934), К. Уисслера (1870–1947), Г. Элиота-Смита (1871–1937) и др.

В *историческом исследовании* преобладают тематические карты, изображающие разные географические и *исторические явления* (плотность заселения, этнический состав, пространственное *описание событий* и т. д.). Особое значение карта как *метод систематизации и визуализации* исторической информации имеет в *археологии, этнографии*.

Лит.: Берлянт А. М. Картографический словарь. М., 2005; Витов М. В. Этнография русского севера. М., 1997; Владимиров В. Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005; Дробизhev В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973; Картоведение. М., 2003; Лютый А. А. Язык карты: сущность, система, функции. М., 2002; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Салищев К. А. Картоведение. М., 1990; Старостин Е. С. Проблемное картографирование. М., 1990; Шведов В. Г. Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика / Отв. ред. П. Я. Бакланов. Владивосток, 2006.

Л. Н. МАЗУР, Е. А. ПОПРАВКО

КАРТОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – *вспомогательная историческая дисциплина, объектом исследования которой выступают исторические карты и методы их создания. Исторические карты предназначены для пространственного отображения исторических явлений, процессов и событий, характеристики географической обстановки. В задачи исторической картографии входит также источниковедческий анализ, связанный с разработкой классификации и методики изучения картографических материалов.*

Лит.: Берлянт А. М. Образ пространства: карта и информация. М., 1986; Багров Л. История картографии. М., 2004; Багров Л. История русской картографии. М., 2005; Браун Л. А. История географических карт. М., 2006; Гольденберг Л. А. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география в России. XII – начало XX в.: Сборник статей к 70-летию профессора Л. Г. Бескровного. М., 1975.

Л. Н. МАЗУР

КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – (др.-греч. *катηγορία*) логический термин, использованный Аристотелем для обозначения высших, родовых понятий. **К. и.** – это научное понятие, характеризующее высоким уровнем абстрагирования и отражающее наиболее существенные связи и отношения прошлого и процесса *исторического познания*. **К. и.** представляет собой язык *теории исторической науки*, используемый для обозначения базовых научных абстракций.

Выделяют разные типы и уровни научных категорий. Высший уровень образуют категории философские (например: развитие, движение, пространство, время, отражение, количество, качество, противоречие и т. д.). Наряду с философскими каждая наука использует свою систему категорий, которые в наиболее общем виде отражают свойства *действительности*, являющейся *объектом исследования* данной науки. Для истории – это исторические категории (напр.: *античность, средневековье, феодализм, промышленный переворот, революция* и проч.). Особую разновидность составляют общенаучные категории (например: система, структура, функция, информация, вероятность, модель и проч.), они необходимы для обозначения общеметодологических познавательных аспектов исследовательской деятельности.

Особенностью исторических категорий выступает их *междисциплинарный* характер. Значительная часть категорий была заимствована из смежных наук (экономики, культурологии, права, философии, психологии и проч.). В этом случае возникают проблемы корректного применения и использования их в *исторических исследованиях*.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982; Петров Ю. А. Методологические вопросы применения и развития научных понятий. М., 1980; Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2007; Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М, 1978.

Л. Н. МАЗУР

КВАНТИТАТИВНАЯ ИСТОРИЯ (от англ. *Quantitative history*) – *научное направление, связанное с применением количественных методов в исторических исследованиях*. Квантитативную историю определяют также как *методологию исторических исследований*,

основанную на использовании *статистических методов*, применяющихся в социальных науках, для обработки и анализа данных *исторических источников*; как подход, использующий *количественные, статистические методы* и компьютерные инструменты в *исторических исследованиях*. Квантификация начала играть важную роль в *исторической науке* с 1960-х, и особенно с 1970-х гг. Сторонники квантитативной истории исходили из концепции, что *исторические исследования* могут отвечать требованиям науки только в том случае, если их результаты формулируются на языке квантификации, с помощью количественных и формальных методов. Широкую известность получило высказывание Э. Ле Руа Ладюри: «история, которая не является квантифицируемой, не может претендовать на то, чтобы считаться научной» (1973).

В 1960-х гг. увлечение квантификацией захватило «Анналы». В эти годы, отмеченные подъемом «структуралистской волны», историки-«анналисты» хотят следовать ученым – представителям точных наук, они часто называют свои научные подразделения лабораториями и считают, что исследование должно использовать количественные подходы, если оно претендует на научность. Так, на базе массовых демографических источников проводились исследования, целью которых было представить «тотальную историю» (*histoire totale*) региона.

Возникшее в ФРГ в 1970-е гг. междисциплинарное направление «Historische Sozialforschung» («историко-социальные исследования») представляет немецкий вариант квантитативной истории, ориентированной на исследование социальных структур и процессов прошлого, изучаемых с помощью теорий социальных наук и с применением квантификации. Заметной вехой в развитии «немецкой модели» квантитативной истории было создание в 1975 г. (по инициативе В. Шрёдера и Г. Беста) ассоциации QUANTUM, объединившей сотни исследователей, применявших формальные и *количественные методы* в историко-социальных исследованиях.

Однако наибольший размах **К. и.** получила в США. В 1960–1970-х гг. здесь появляются междисциплинарные области – «новая экономическая история», «новая социальная история», «новая политическая история» и т. д. Наиболее заметные результаты были получены в области «новой экономической истории», получившей позже название *клиометрики*. Этот процесс происходил на фоне возросшего интереса к возможностям использования методов и теорий социальных наук и в условиях становления «компьютерной эры», открывав-

шей новые возможности анализа больших массивов исторической информации. В это же время в США создаются банки данных, концентрирующие огромные массивы информации баз данных, на основе которых стало возможным развивать масштабные проекты по исследованию долговременных процессов по социальной, экономической и политической истории США. Большую известность получил банк данных, созданный Межуниверситетским консорциумом политических и социальных исследований (ICPSR) при Мичиганском университете.

Развитие исследований в рамках количественной истории сопровождалось институционализацией нового направления. В 1960–1970-х годах были созданы специализированные научные журналы, в которых публиковались работы историков-квантификаторов («*Historical Methods*», «*Social Science History*», «*Historical Social Research / Historische Sozialforschung*»). В университетах многих стран появились образовательные программы и учебные курсы, учебные пособия данного профиля.

В СССР / России становление количественной истории происходило примерно в те же годы, что и в ведущих западных странах. Первые публикации советских историков в этой области появились в начале 1960-х гг. Одним из пионеров нового направления, получившего название «*Количественные методы в исторических исследованиях*» был акад. И. Д. Ковальченко (1923–1995). В 1970-е гг. спектр применений новых методов в *исторических исследованиях* существенно расширился. С их помощью были проведены крупные исследования по *аграрной истории* страны, истории социальных конфликтов, *истории культуры* и т. д. На рубеже 1970–1980-х гг. в методический арсенал отечественных историков-квантификаторов вошли эффективные методы многомерного статистического анализа, математические модели динамических процессов. Последующее десятилетие еще больше обогатило инструментарий историков – уже в связи с «микрокомпьютерной революцией».

По инициативе И. Д. Ковальченко в конце 1960-х гг. при Отделении истории АН СССР была создана Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, появились лаборатории и исследовательские группы количественной истории в академических институтах и университетах. В результате этой деятельности, направляемой И. Д. Ковальченко, в 1970–1980-х годах в СССР сформировалось сообщество ученых, применяющих математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях

(И. Д. Ковальченко, Ю. П. Бокарев, Л. И. Бородин, И. М. Гарскова, В. З. Дробижев, С. Г. Кащенко, Л. В. Милов, Б. Н. Миронов, Е. И. Пивовар, Н. Б. Селунская, Т. И. Славко, А. К. Соколов, К. В. Хвостова и др.). Под редакцией И. Д. Ковальченко был издан первый в СССР учебник по новой дисциплине «Количественные методы в исторических исследованиях» (1984), в 1970–1990-е гг. издательством «Наука» выпущены восемь сборников серии «Математические методы в исторических исследованиях». С середины 1990-х гг. **К. и.** в России развивается преимущественно в рамках деятельности ассоциации «История и компьютер», лидирующую роль здесь играет исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. К началу XXI в. квантификация прочно интегрируется в «методологическую оболочку» *исторической науки*.

Лит.: Бородин Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. / Под ред. Н. Б. Селунской. М., 2012; Хвостова К. В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. 2007. № 3; Feinstein Ch., Thomas M. Making History Count: A Primer in Quantitative Methods for Historians. Cambridge, 2002.

Л. И. БОРОДИН

КЕЙС-СТАДИ (англ. case study – анализ случая) – разновидность монографического *научного исследования*, объектом которого выступает один или несколько случаев. Задачи исследования ориентированы на их детальное *описание*, изучение и *интерпретацию* с целью *понимания* и анализа *исторических процессов*, протекающих в обществе.

Данный метод был разработан в рамках Чикагской школы социологии, создание которой было связано с научной деятельностью Роберта Эзра Парка, начавшего в 1916 году исследования *города* как социальной среды, где использовал методы кейс-стади, *биографический метод* («истории жизни») и непосредственные *наблюдения*. В методическом плане особенностью Чикагской школы было тяготение к *эмпиризму*. Ее представители [Н. Андерсен, Р. Маккензи, Э. Хьюз, У. Томас, Ф. Знанецкий и др.] определяли *case study* как неколичественные исследования, делающие акцент на истории и контексте происходящих

событий, избегающие обобщений и ориентированные на понимание социальной жизни через представления действующих лиц. Ключевым методологическим моментом *case study* стала опора на *качественные методы* сбора и анализа эмпирического материала. Один из основателей Чикагской школы Эрнст Берджесс причислял *case study* к основным стратегиям эмпирического исследования.

Выделяются три основных подхода к реализации метода *case study*: 1) *номогенетический*, когда единичное сводится к общему, и исследователь обосновывает возможность подобной *интерпретации* на основе сравнения конкретного случая с «нормой»; 2) *идиографический*, когда единичное оценивается как уникальность, исключение, которое нельзя отнести к общему; 3) интегрированный, основанный на анализе единичного случая в контексте выявления связи «явление–сущность». Суть последнего варианта состоит в том, что при анализе учитываются оба результата сравнения (уникальное и общее), что позволяет приблизиться к пониманию «универсального» как отражения внутренней сущности явления, приобретающей черты закономерного. Схематически модель познания в этом случае выглядит так: «уникальное – индивидуальное – универсальное».

Благодаря соединению *описательности* и *аналитики*, *case study* получил широкое распространение в *исторической науке*. Он нашел применение в исследованиях по *устной истории*, основанных на использовании «нетрадиционных» методов сбора исторической информации (*биографического метода*, опроса, наблюдения). Возможности метода актуальны для изучения *истории повседневности*, *интеллектуальной истории*, *биографики*, *гендерных исследований* и других направлений *новой социальной истории*.

Лит.: Добренёв В. И., Кравченко А. И. Социология: в 3-х т. М., 2004; Ионин Л. Г. Философия и методология эмпирической социологии. М., 2004; Киблицкая М. В., Масалков И. К. Методология и дизайн исследования в стиле кейс-стади. М., 2003; Козина И. П. *Case study*: некоторые методологические проблемы // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 177–189; Козина И. П. Особенности стратегии *case study* при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5–6. С. 65–90; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010.

КЛАССИФИКАЦИИ МЕТОД – 1) процесс отнесения (распределения) классифицируемого объекта к определенной группе (разделу) на основе нахождения у объекта заданного признака; 2) система классов, предназначенных для характеристики качественно однородной совокупности предметов (понятий).

В исторической науке **М. к.** используется для *систематизации* и анализа *исторических явлений (источников, массовых объектов)* и представляет собой последовательность логических процедур: определение объекта классификации; обоснование принципа (основания) деления; выделение разделов классификации. Классификация должна отвечать требованиям однозначности, всеобщности и единства основания.

И. Д. Ковальченко выделяет три типа классификаций: диагностический; предсказательный; предсказательно-диагностический. В зависимости от используемых методов различают также эмпирические и аналитические классификации. Эмпирические классификации основаны на логических процедурах оценки классификационных признаков исторических объектов с учетом знаний и интуиции исследователя. В аналитических классификациях применяются *количественные методы* изучения распределений реальных исторических объектов (группировочный метод, методы вариации, кластерный анализ и проч.). С учетом структуры деления на группы классификации бывают рядовые, иерархические, сетевые. Рядовые классификации имеют наиболее простую структуру, в рамках которой образуется ряд групп объектов, объединенных по одному критерию, часто количественному (отношения соподчинения). Иерархические классификации имеют древовидную многоуровневую структуру, в которой каждый из разделов классификации включает подразделы и т. д. Особенностью иерархических классификаций является допустимость использования на разных ее уровнях различных оснований. Иерархические классификации отражают структуру сложных исторических объектов, которым свойственны отношения иерархии (подчиненности). Сетевые классификации – это интегрированный вариант, предполагающий установление отношений (соподчинения и иерархии) между группами по разным основаниям и на разных уровнях классификации. Сетевые классификации в наибольшей степени обладают предсказательной способностью и связаны с реконструкцией сложных исторических явлений, например таких, как социальная структура общества.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Воронин Ю. А. Теория классифицирования и ее

приложения. Новосибирск, 1985; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

КЛИОМЕТРИКА (от англ. *cliometrics*) – одно из ключевых направлений исследований по *экономической истории*, основанное на систематическом использовании экономической теории и *количественных* (математико-статистических) методов и моделей. Клиометрику определяют также как «науку, изучающую экономическую историю с применением методов экономического анализа, статистического моделирования и расчета возможных альтернативных версий развития экономики в прошлом» (Словарь бизнес-терминов. 2001), как «применение эконометрики в экономической истории» (Словарь «The Chambers 20th Century Dictionary»). Впервые термин «клиометрика» появился в печати в декабре 1960 г. в журнале «*Journal of Economic History*». В течение 1960–1980-х гг. междисциплинарное направление, возникшее на стыке истории и экономики, называли также «новой экономической историей», но со временем утвердилось название «клиометрика».

К. ориентируется на исследование причинно-следственных связей, тогда как более традиционные направления *экономической истории* в большей степени ориентируются на описание экономических процессов и событий прошлых эпох. Становление клиометрики проходило под влиянием работ У. Ростоу, Р. Голдсмита, С. Кузнецца, Д. Норта, Р. Фогеля. Клиометрическое исследование включает несколько этапов: постановка содержательной задачи из области *экономической истории* (гипотеза); введение в рассмотрение определенного тезиса экономической теории, связанного с постановкой задачи, ее формализация; поиск репрезентативных *исторических источников*, содержащих сведения (как правило, статистические) об изучаемом процессе; обработка данных, статистическая проверка гипотезы с помощью эконометрических методов или моделей; содержательная *интерпретация* полученных результатов.

С 1970 г. основным руслом для публикации работ клиометристов стал журнал «*Explorations in Economic History*»; к этому времени «новая экономическая история» стала основным направлением и в жур-

нале «The Journal of Economic History» (наиболее авторитетном в сфере *экономической истории*). В начале XXI в. появляются два новых авторитетных европейских журнала клиометрического профиля – «The European Review of Economic History» и «Cliometrica». «Клиометрическая революция» отражала тенденции к смещению исследовательского акцента «с индивида в сторону масс», что приводило к повышению значения статистических источников. В течение 1970–1980-х гг. позиции клиометрики укреплялись. В 1983 г. в США создано Клиометрическое общество, в 1985 г. проведен первый Международный конгресс клиометрики. Новое направление стало доминировать на Международных конгрессах по экономической истории.

В СССР / России «новая экономическая история» начала развиваться в 1970-х гг. в исследованиях Школы акад. И. Д. Ковальченко. Наибольшее внимание российская **К.** в 1970–1990-х гг. уделяла *аграрной истории* (работы И. Д. Ковальченко, Л. В. Милова, Л. И. Бородкина, Н. Б. Селунской, Б. Н. Миронова, И. М. Гарсковой, С. Г. Кащенко, Ю. П. Бокарева, К. В. Хвостовой и др.). Постепенно в сферу интересов российских клиометристов включалась проблематика *индустриализации*, промышленного роста, рынка труда, финансовых рынков и институтов и др. Критика в адрес клиометрики включает аргумент, состоящий в том, что клиометрические модели имеют якобы тенденцию к искажению процесса отбора *источников*: будучи математическими моделями, они принимают во внимание только цифровые данные. Однако многие исследования клиометристов содержат наряду с количественными и неколичественные («качественные») переменные. Регрессионные модели (основной инструментарий клиометрики) обычно включают такие дихотомические переменные. Другой аргумент критиков касается увлечения клиометрики агрегированными статистическими данными, подчеркивания общих характеристик и тенденций массового поведения (при уменьшении роли индивидуальных факторов), что приводит к «дегуманизации» истории. Это, однако, кажущееся противопоставление: надо изучать и массовое поведение, и индивидуальное. **К.** больше ориентирована на массовое (измеряемое статистически), *антропологический подход* – на индивидуальное. Они дополняют друг друга, а не отменяют.

Пик признания достижений клиометрики приходится на 1993 год, когда Нобелевская премия по экономике была присуждена известным американским ученым Р. Фогелю и Д. Норту. Отмеченные премией работы Р. Фогеля связаны с анализом роли железных дорог в экономическом развитии США, значения рабства как института и его

роли в экономике США. Достижения Д. Норта касались нового *институционального подхода* к изучению *экономической истории*. В решении Нобелевского комитета отмечалось, что Фогель и Норт были пионерами клиометрики, т. е. «направления исследований, которое сочетает экономическую теорию, количественные методы, проверку гипотез, контрфактическое моделирование и традиционные методы экономической истории для объяснения процессов экономического роста и упадка... Фогель и Норт, двигаясь разными путями, развили новые подходы в экономической истории, придав ей больше строгости и теоретичности».

Лит.: Бородкин Л. И. Клиометрика: pro et contra (виртуальный диалог) // Экономическая история. Обзорение. М., 2001. Вып. 7. С. 114–132; Саломатина (Ломова) С. А. Экономическая история и клиометрика: самоопределение научных направлений у нас и за рубежом // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 3–20; Уильямсон С. История клиометрики в США // Экономическая история. Обзорение. М., 1996. Вып. 1. С. 75–107; Reflections on the Cliometrics Revolution: Conversations with Economic Historians / Ed. by J. S. Lyons, L. P. Cain, S. H. Williamson. Abingdon, Oxfordshire: Routledge, 2008.

Л. И. БОРОДКИН

КОДИКОЛОГИЯ (от лат. codex – книга и др.-греч. – λόγος – знание) – 1) дисциплина или наука о рукописных книгах как физических объектах, направленная на установление процесса их создания (Дж. Э. Глайстер); 2) дисциплина, «изучающая рукописные книги в плане многообразной проблематики (как памятники литературы, материальной культуры, искусства), выясняющая социальный и профессиональный состав писцов; общественный резонанс появления памятников письменности, ареал и степень распространения, функции, выполняемые в обществе, связь с определенными библиотеками, исторические судьбы и т. д.» (Л. В. Черепнин); 3) дисциплина, «теснейшим образом примыкающая к палеографии» и «детально изучающая всю материальную сторону рукописных книг и их судьбы» (А. Д. Люблинская); 4) *специальная историческая дисциплина*, занимающаяся выяснением происхождения рукописного сборника на основе изучения его общих внешних (место хранения, количество листов, формат, переплет, сохранность, водяные знаки, разлиновка и т. п.) и внутренних (состав, заголовки, нумерация тетрадей, нумерация листов, записи, пометы) признаков (С. М. Каштанов, Л. В. Столярова).

Необходимость введения специального термина для науки, изучающей рукописную книгу, была осознана в 1930–1940-х гг. французскими учеными. Авторство термина «кодикология» оспаривалось Шарлем Самараном и Альфонсом Дэном, однако Ш. Самаран в лекциях в Школе высших исследований использовал термин «кодикография». Термин «кодикология» был принят в науке после выхода в свет книги А. Дэна «Les manuscrits» (Р., 1949), в которой он определил взаимоотношения этой дисциплины с палеографией, разграничил их предметные области, сформулировав задачи кодикологии как науки о рукописной книге в противоположность *палеографии* как науки о письме. В дальнейшем цели и задачи науки были уточнены в работах Ф. Мазэ, Ж. Маллона и др.

К. – специальная историческая дисциплина, занимающаяся комплексным изучением рукописной книги во всей совокупности ее особенностей как памятника материальной культуры в социально-историческом контексте эпохи. В задачи кодикологии входит изучение процесса создания кодекса, его распространения и бытования, и, шире, его истории в связи с историей книгописных центров (скрипториев) и библиотек.

Лит.: Лебедева И. Н. Кодикология – наука о рукописных книгах // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Вып. IV. С. 66–77; Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974; Столярова Л. В., Кауштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010; Agati M. L. Il libro Manoscritto: introduzione alla codicologia. Roma, 2003; Dain A. Les Manuscrits. Paris, 1949; Glaister G. A. Encyclopedia of the Book. 2 ed. Oak Knoll Press, 1996.

Д. Н. РАМАЗАНОВА

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ – 1) *вспомогательные методы*, ориентированные на сбор, *систематизацию*, анализ исторической информации, представленной в количественной форме. **К. м.** включают методы статистики, формализованные методы анализа текстов (*контент-анализ*), методы *системного анализа*, а также другие *математические методы*, в основе которых лежит принцип измерения. **К. м.** используются в исторических исследованиях для решения следующих задач: описания и оценки изучаемых *исторических явлений и процессов*; выявления *структурно-функциональных* и динамических закономерностей

развития *исторических явлений и процессов*; построения описательных, имитационных, прогностических моделей исследуемых явлений; проведения *типологии*; изучения причинно-следственных закономерностей.

2) *научное направление в советской исторической науке*, возникшее в 1960-е гг. и связанное с применением измерений и подсчетов при изучении *исторических процессов и явлений*. Процессы *математизации исторической науки* получили развитие в конце XIX – первой половине XX в., но активное применение количественных методов связано с появлением ЭВМ и новых информационных технологий. Включение количественных методов в практику *исторического исследования* привело к формированию самостоятельного *направления в исторической науке*. В зарубежной *историографии* оно получило название «клиометрии» (*клиометрики*), «*количественной истории*» а в отечественной – «*применение количественных методов в исторических исследованиях*». Большую роль в развитии данного направления истории в СССР сыграли работы В. А. Устинова, И. Д. Ковальченко, Ю. Ю. Какха, К. В. Хвостовой, Л. В. Милова, Л. И. Бородинкина и др.

В настоящее время развитие клиометрических исследований тесно связано с деятельностью Ассоциации «История и компьютер» (президент – д. и. н., проф. Л. И. Бородинкин), образованной в 1992 г.

Лит.: Бородинкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. М., 1984; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Логинов С. Л. Историческая информатика: учеб. пособ. Глазов, 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991; Славко Т. И. Математические методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. Екатеринбург, 1995; Федорова Н. А. Математические методы в историческом исследовании. Казань, 1996.

Л. Н. МАЗУР

КОЛОНИАЛИЗМ – система эксплуатации незападных обществ европейскими государствами периода генезиса и господства капитализма, направленная на извлечение экономической выгоды с помощью внеэкономических форм контроля (военной угрозы либо установления административной системы на колонизируемой территории).

Предполагает наличие стран-колонизаторов, извлекающих выгоду из обладания колониями, и *колоний*, являющихся источником сырья, рынком сбыта и сферой приложения капиталов.

В зависимости от стадии колониализма (торговой или промышленной), странами-колонизаторами могут являться как государства, находящиеся в фазе позднего феодализма с незначительными элементами раннекапиталистических отношений (в первом случае), либо развитые капиталистические государства (во втором). В качестве колоний выступают *традиционные* незападные общества, находящиеся на различных стадиях политического, социального и экономического развития, общей чертой которых является отсутствие капиталистических форм экономики и относительная (в сравнении со странами-колонизаторами) слабость военной организации и технологий.

Торговый колониализм – первая стадия колониализма. Хронологические рамки: в XVI – начале XIX в. (от *Великих географических открытий*, до завершения первого периода *промышленного переворота* в странах Западной Европы) (период преобладания торговой формы; в дальнейшем сохраняется, однако уступает первенство промышленной). Степень колонизации на данной стадии широко варьируется, единая модель отсутствует. На первом этапе европейцами создаются отдельные фактории на побережье (Западная Африка, Индия, Китай, Индонезия), где ведется незначительная по объемам торговля. Со временем (ранее всего в Центральной и Южной Америке – с XVI в. и Индии с сер. XVIII в.) колонизаторы переходят к широкомасштабным захватам территорий, на которых устанавливается колониальная администрация (как правило, частично включающая элементы традиционного управления). На данной стадии колонии представляют собой, как правило, источник драгоценных металлов, экзотических редкостей или готовой продукции (продовольствия, тканей, медикаментов). Формы торгового обмена в этот период зависят от уровня развития незападных обществ (от сугубо колониального, неэквивалентного обмена в Африке до торговли, производимой на диктуемых местными властями условий, как в Китае). Специфической формой торгового капитализма является работорговля, объектом которой являлась преимущественно Африка, вызванная к жизни спросом на даровую рабочую силу в ходе первоначального накопления капитала. Большая часть рабов вывозилась в американские колонии, обеспечивавшие метрополии дешевым сельскохозяйственным сырьем.

Промышленный колониализм – вторая стадия колониализма. Хронологические рамки: сер. XIX – 60-е гг. XX в. На данной стадии

страны-колонизаторы приступают к систематическому подчинению незападных обществ, превращая их в *колонии* или *полукolonии*. Подконтрольные территории играют роль источника сырья и рынка сбыта для развитой капиталистической промышленности стран Запада, а также становятся сферой приложения капитала. Эксплуатация колонии в качестве источника сырья предполагает неэквивалентное либо безвозмездное изъятие минеральных или сельскохозяйственных ресурсов для обеспечения дешевым сырьем промышленности метрополии. Организация рынка сбыта на колониальных территориях обеспечивает распространение избыточной промышленной продукции стран-метрополий, основанное не на рыночных конкурентных принципах, но на внеэкономическом принуждении. Сферами приложения капитала колонизируемые страны становятся со второй половины XIX века, в связи с завершением в наиболее развитых странах Запада *промышленного переворота*, сопровождающегося формированием рабочего законодательства и профсоюзных организаций. Данные обстоятельства делают более привлекательными капиталовложения в инфраструктуру и производство в зависимых странах, где средства внеэкономического принуждения позволяют свести предпринимательские издержки к минимуму (благодаря неэквивалентному изъятию ресурсов, заниженной оплате и ненормированным условиям труда).

К., нанеся огромный урон производительным силам и культурному развитию государств и обществ (сопровождаясь огромными человеческими жертвами), подвергшихся колонизации, вместе с тем косвенно способствовал формированию здесь предпосылок модернизационных преобразований путем создания современной инфраструктуры, основ капиталистического промышленного производства и начатков европеизированного образования. Развитие означенных процессов, сопровождавшихся подъемом национального самосознания в колониях, привело к крушению колониальных режимов в большинстве регионов незападного мира в 40–60-е гг. XX в.

Существует также понятие «неоколониализм», обозначающее процессы экономического подчинения незападных стран ведущими капиталистическими державами с целью неэквивалентного обмена товарами и ресурсами, протекающие в современном мире.

Лит.: История Востока. В 6-ти томах. М., 2000–2004. Т. III–IV.

О. Н. МУХИН

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД – это способ *исторического исследования*, направленный на осмысление форм, содержания и развития общественной коммуникации, которая выступает в роли главного фактора социальной эволюции. Наиболее полно этот подход развивает в своих трудах Юрген Хабермас. Главной задачей учёного является исследование коммуникации в рамках всего общества на разных исторических этапах. Для реализации этой задачи Ю. Хабермас использует категорию «общественности», которая определяется как совокупность автономных объединений, связанных друг с другом узлами коммуникации, вырабатывающих ценностные суждения, оценки значимые для всего общества. Исследователь изучает формы, содержание коммуникации внутри этих объединений, а затем на уровне обобщения делает вывод о состоянии коммуникативного потока в масштабах всего социума. Таким образом, исследование общественной коммуникации осуществляется посредством осмысления более мелких дискурсов в рамках структур «общественности».

Поскольку в центре внимания Ю. Хабермаса находится общественная коммуникация, являющаяся главным фактором социальной эволюции, выделяемые им исторические этапы коррелируются с процессом изменения содержания и форм коммуникации в рамках структур «общественности». Ю. Хабермас выделил пять типов «общественности»: «эллинистической общественной сферы», соответствующей истории древнего мира, «репрезентативной общественности», охватывающей Средневековье, «литературной (читающей) общественности» включающей период XVII–XVIII вв., «политической общественности», возникшей на рубеже XVIII–XIX вв. в Великобритании, в 30-е годы XIX века – во Франции, а также частично в XIX в. в Германии; развивающейся на протяжении всего XIX и XX столетий и продолжающей своё существование в XXI в. В качестве проекта будущего у Ю. Хабермаса выступает «общеευропейская общественность», складывание отдельных элементов которой началось, по мнению учёного, в конце XX – начале XXI в.

К. п. дает широкие возможности для исследования особенностей современной культуры, основы которой в очень большой степени строятся на информации и, следовательно, на коммуникации, этот подход способствует объяснению *исторического процесса* с позиции понимания прошлого человека и культуры изучаемого сообщества и исследуемого времени; **К. п.** выступает в качестве прекрасного инструмента для исследования длительных *исторических периодов* (от античности – до современности), при помощи коммуникативного

подхода можно весьма глубоко проанализировать историю развития книгопечатания и прессы, становления и развития общественных организаций.

Лит.: *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1990; *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1–2. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1995; *Рядинская М. В.* Ю. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 159–165.

М. В. РЯДИНСКАЯ

КОМПАРАТИВНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ – метод *сравнительно-исторического исследования*, базирующийся на теоретическом осмыслении положения о том, что основная классификационная единица *источниковедения* – вид *исторических источников* – репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной активности человека, совокупность которых составляет историю общества.

К. и. позволяет выявить как общее в социокультурных ситуациях, зафиксировав схожесть видовой структуры порождаемых ими систем *исторических источников*, так и особенное – через экспликацию специфики становления отдельных видов *исторических источников*. Например, переход от Средних веков к Новому времени фиксируется возникновением источников личного происхождения (мемуары, дневники, частная переписка), общественного происхождения (периодическая печать, публицистика), а также статистики как нового элемента в системе управления и пр. При этом, различие европейской и российской социокультурных ситуаций проясняется при сопоставлении, например, периодической печати, которая в Европе возникает из потребности в коммерческой информации или выражения интересов различных социальных групп, а в России – под эгидой государства для выражения его интересов.

Лит.: *Румянцева М. Ф.* Теория истории: учеб. пособ. М., 2002. Раздел III. Гл. 2: Компаративное источниковедение: апробация метода. С. 220–317.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД – исследовательский подход, предполагающий всестороннее изучение *исторического явления* на основе сочетания сведений различных *источников* (письменных, археологических, этнографических, фольклорных, топонимических, лингвистических и т. п.) с целью его подробной всесторонней характеристики. **К. п.** подразумевает активное привлечение данных сопредельных наук в *историческое исследование*. Идея комплексного подхода в *исторических исследованиях* заключается в широком и методически верном использовании данных *исторической науки* в сочетании с материалами других социально-гуманитарных наук, а также и естественнонаучных дисциплин (ботаника, зоология, география и другие). **К. п.** реализуется на основе принципа всесторонности, предполагающего вычленение и изучение в чистом виде каждой из сторон *предмета исследования*. В противоположность частному подходу, основанному только на данных одной науки, **К. п.** предполагает привлечение всех видов доступных *источников*, позволяющих охарактеризовать все стороны изучаемого явления не в отрыве от других наук, а в тесном сотрудничестве с ними. В отличие от *междисциплинарного подхода*, где историк сам осваивает методологию другой науки, в рамках комплексного подхода историк использует уже готовые, полученные в рамках других наук научные знания, он оценивает их потенциал с точки зрения возможности решения *научной проблемы*, увязывает эти факты с материалами *исторической науки*. Наибольшее распространение подход получил в *этнологии* и *археологии*, где помимо использования данных других наук при решении социально-исторических задач, предполагает использование массовых категорий археологического и этнографического материала, в том числе перспективных для статистической обработки (при наличии большого числа памятников различных категорий). Результаты исследований методами разных наук обобщаются.

Лит.: Генинг В. Ф. Комплексный метод // Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов. Киев: Наукова думка. 1982. С. 170–174. Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36; Итс Р. Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л., 1991. С. 114–130.

О. М. МЕЛЬНИКОВА

«КОНЕЦ ИСТОРИИ» – теория, основанная на постулате, что исторический ход развития цивилизации с неизбежностью имеет финальный характер, апофеозом которого является победившая либеральная демократия. Была сформулирована американским философом и политологом из Стэнфордского университета Фрэнсисом Фукуямой и в развернутом виде изложена в вышедшей в 1992 г. книге «Конец истории и последний человек». Исходная идея автора – обрушившиеся на человечество бедствия XX века подорвали не только присущую XIX веку веру в научный *прогресс*, который идёт только во благо цивилизации, но и все представления о направленности и непрерывности универсальной истории. Главной движущей силой истории постулируется борьба «за признание человека» (стремление к самоутверждению, агон смешивается в этом понятии у Ф. Фукуямы со стремлением к равенству). Желание того, чтобы окружающие признали их человеческое достоинство, изначально помогло людям не только преодолеть в себе простое животное начало, но и позволило рисковать своей жизнью в сражениях. В свою очередь это привело к разделению на господ и рабов. Однако такое аристократическое правление, в конечном счете, не смогло удовлетворить стремление к признанию не только рабов, но и господ. Желание быть признанным, равным друг другу как фактор исторического развития увеличивается с ходом *прогресса и модернизации*: «По мере того, как люди становятся богаче, образованнее, космополитичнее, они требуют признания своего статуса». Отсюда логический финал человеческой эволюции – наступление всеобщей победы либеральной демократии. Хотя, как считает Фукуяма, «либеральная демократия есть наилучшее решение человеческой проблемы», он также приходит к выводу, что ей присущ ряд внутренних «противоречий», из-за которых она может подвергнуться разрушению. Это и трения между свободой и равенством, которые открывают возможности атаки на демократию со стороны левых; они не обеспечивают равного признания меньшинствам и бедным. Длительный путь либеральной демократии разрушает религиозные и другие долиберальные воззрения, важные в общественной жизни, от которой она, в конечном счете, зависит; и, наконец, неспособность общества, основанного на свободе и равенстве, обеспечить простор для стремления к превосходству. Фукуяма считает, что это последнее противоречие – самое серьезное из всех. В связи с этим он использует ницшеанское понятие «последнего человека», или пост-исторического человека толпы, который ни во что не верит и ничего не признает, кроме своего комфорта, и который утратил способность испытывать благоговение.

Главное опасение у Фукуямы вызывает не этот «последний человек», а то, что либеральная демократия будет разрушена из-за неспособности умерить стремление человека к борьбе. Если либеральная демократия одержит повсеместную победу, то тогда и человек «будет бороться против самой причины. Он будет бороться ради самой борьбы. Другими словами, люди будут бороться просто от скуки, они не представляют себе жизнь в мире без борьбы». В то же время автор теории «конца истории» парадоксальным образом считает, что удовлетворение может принести не только либеральная *демократия*, и поэтому «те, кто остался неудовлетворенными, всегда смогут возобновить ход *истории*».

Книга «Конец истории и последний человек» сразу же вызвала огромную волну рецензий и ответных публикаций, став одним из самых влиятельных текстов 90-х гг. XX века. Несмотря на созвучие пессимистически-философского лейтмотива теории умонастроениям широких слоев современного общества, она подверглась уничтожающей критике. Основной мишенью критиков стали идеалистические представления Фукуямы, в частности, его провозглашение победы *либерализма* «в умах», тогда как в реальности либеральная *демократия* или вовсе не существует, или существует в отнюдь не идеальной форме, или лишь декларируется. К примеру, в своей работе «Призраки Маркса» Ж. Деррида писал: «Поскольку Фукуяма оставил без внимания то, каким образом следует мыслить событие, он беспорядочно колеблется между двумя несовместимыми способами рассуждения. Хотя Ф. Фукуяма верит в то, что либеральная демократия уже безусловно осуществилась (это и есть “важная истина”), это ему нисколько не мешает противопоставлять идеальность такого либерально-политического идеала огромному количеству свидетельств, показывающих, что ни США, ни Европейское сообщество отнюдь не достигли стадии совершенного, универсального государства или либеральной демократии и, так сказать, даже близко к нему не приближались». Иными словами, по мнению французского мыслителя, Фукуяма одновременно провозглашает уже свершившийся «конец истории», который наступил с победой идеи либеральной демократии, которая не имеет, в его представлении, равнозначных альтернатив, но вместе с тем откровенно игнорирует факты, свидетельствующие о том, что либеральная демократия в своей идеальной предельной форме нигде в мире не существует, а значит, является достижением будущего или, что куда более вероятно, недостижимым идеалом. Можно поставить под сомнение не только столь узко сформулированный тезис о главной дви-

жущей силе истории, но и саму идею о параллелизме прогрессивно-взаимодействующих процессов капиталистической *модернизации* и *либеральной демократизации*. Процесс развертывания мировой истории, главным образом на современном этапе, демонстрирует необходимость поиска путей некапиталистического варианта *модернизации*, которой бы соответствовал вариант *модернизации*, гармонизирующей эгоистические устремления человека с общегуманистическими ценностями. Растущее осознание этой необходимости определяется рядом крупных ученых, как фактор не только не позволяющий констатировать конец истории, но говорить о наступлении ее принципиально новой фазы.

Лит.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010; Баткин Л. М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 64–77; Николаева И. Ю. Специфика российских процессов модернизации и менталитета в формате большого времени // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 53–72.

И. Ю. НИКОЛАЕВА

КОНСТРУКТИВИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – представления о том, что: 1) историки не имеют доступа к прошлому, и поэтому они «конструируют» его образы на основе имеющихся документальных материалов, а сами образы можно сравнивать только между собой, но не с *исторической реальностью* (2); 2) *историческая действительность* выступает не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной практикой (3); 3) реальность, с которой имеет дело познание, – это не что иное, как конструкция самого субъекта, поэтому никакой другой реальности, помимо конструируемой субъектом, быть не может (4).

К. в историческом познании – это направление в *исторической эпистемологии*, противостоящее *реализму* и *объективизму*. В нем можно выделить два течения: конструктивный реализм и радикальный конструктивизм. Конструктивный реализм, или феноменологический конструктивизм, преодолевая оппозицию реализма и конструктивизма, исходит из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует *историческую реальность* в рамках определенного культурно-эпистемологического контекста. Представители конструктивного реализма рассматривают *историческое по-*

знание как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие историков, с одной стороны, с трансцендентальной *исторической действительностью*, а с другой – друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются «жизненные миры» как картины исторического прошлого, которые в определенной мере соответствуют самой *исторической действительности*, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего.

Разновидностью конструктивного реализма выступает конструктивный альтернативизм, согласно которому прошлое может интерпретироваться субъектами *исторического познания* разными способами на основе «конструктивных альтернатив», или моделей *исторической реальности*, позволяющих рассматривать *исторические факты* с различных точек зрения. Под влиянием идей конструктивного альтернативизма в *исторической науке* происходит становление нового типа методологического сознания, в рамках которого *историческое познание* приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает *историческую действительность* «саму по себе» в той мере, в какой эта действительность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные картины *исторической реальности*, из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. «Мир прошлого» начинает встречать историков в разных ипостасях, которые исследователи выбирают для конкретной научной «встречи». В таком методологическом сознании постепенно преодолевается «жажда объективности», свойственная классическим когнитивным практикам, и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится *исторической реальностью* в соответствии с познавательным контекстом.

Представители радикального конструктивизма полагают, что мир прошлого вне различных социокультурных практик не играет никакой роли в производстве *исторических знаний*. *Историческое знание* есть всего лишь продукт когнитивного производства коммуникативной системы под названием общество. В радикальном конструктивизме преодолевается дуалистическая онтология «историческая действительность – историческое знание» путем абсолютизации *исторического познания*, вплетенного в социокультурную практику. *Историческое познание* противостоит *исторической действительности*, а историк как познающий субъект – это когнитивная система, замкнутая на себя. *Историческое познание* – это не просто диалог культур, а интеллектуальная игра, которая ведется в культуре с помощью средств самой культуры. В связи с этим *историческая наука*, как

считают конструктивисты, не обладает привилегированным доступом к *исторической действительности*, находящейся вне культуры, и поэтому не может претендовать на монопольное производство истинного знания. В радикальном конструктивизме центральными категориями являются культура, концептуальная схема, конвенция, *когерентная истина*. Историческое прошлое сводится к множеству случаев установления социокультурных конвенций относительно тех или иных *исторических ситуаций*, а *исторические знания* могут всегда быть «размонтированы» и преобразованы в другие *интерпретации*. Истинность или ложность *исторических знаний* определяется не их адекватностью *исторической действительности*, а социокультурными контекстами их производства. Истинными считаются *исторические знания*, полученные в соответствии с социально и культурно санкционированными понятийными схемами и прошедшие социокультурный селективный отбор, который осуществляют различные социальные группы, и прежде всего группы производителей *исторического знания*. При этом существенное влияние на производство знаний и отбор «истинных описаний» оказывают насилие, власть, деньги, авторитет, репутация ученых, их способность пойти на сделки с властью и собственной совестью, множество существующих конвенций, убеждение, уговоры, внушение, риторика (5). Высшим арбитром *истинности* (ложности) *исторических знаний* выступает общая система идей, образующих конкретную культуру («великий интертекст»). Для радикального конструктивизма *историческое познание* есть форма ориентации в современном мире, а *исторические знания* производятся для того, чтобы облегчить социокультурные коммуникации.

В современном историческом конструктивизме можно выделить две формы: риторическую и концептуальную. Представители риторического конструктивизма рассматривают язык как ключ к пониманию прошлого и в своих принципиальных положениях опираются на идеи *постмодернизма*, в рамках которого отношения знания к действительности потеряли всякий смысл и были заменены провозглашением субъекта как репрессивной инстанции, творящей мир. Концептуальный конструктивизм не отказывается от признания реальности прошлого, но в научно-исследовательской практике этому не придается никакого значения, поскольку *историческое знание* рассматривается всего лишь как проекция самой научной практики (5). В концептуальном конструктивизме истинными считаются *исторические знания*, полученные в соответствии с требованиями научности, принятыми в определенном сообществе историков (когерентная истина). Широкое

распространение идей концептуального конструктивизма в историческом познании привело к тому, что в научном мире осталось мало ученых, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к изучению *исторической действительности*, способного охватить весь спектр ее многообразия. В результате *историческое познание* начинает открывать множество *исторических реальностей* и движение в нем идет от одной-единственной *истины* и одного изначально данного мира прошлого к процессу порождения многообразия верных и при этом конфликтующих миров как самодостаточных и внутренне согласованных *исторических реальностей*.

Лит.: 1) Агафонова М. Ю. Проблема насилия в познании. Ростов н / Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 45–49; 2) Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 280; 3) Кузеванов Л. И. Академизм исторического познания. М.: НЭИ «Академическая жизнь», 2010. С. 49; 4) Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11; 5) Филошкин А. И. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI века // Россия XXI. 2002. № 4. С. 64–99.

А. В. ЛУБСКИЙ

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ (англ. content analysis – анализ содержания) – метод формализованного анализа текстов документов, суть которого состоит в измерении и преобразовании текстовой информации в количественную форму и ее последующей статистической обработке.

Первые опыты применения контент-анализа относятся к концу XIX в. и были связаны с изучением периодической печати. Теоретическое и методическое осмысление возможностей контент-анализа дано в работах Б. Берелсона, который в начале 1950-х гг. выделил и охарактеризовал основные виды контент-анализа, критерии и единицы измерения. Заметный вклад в развитие методики контент-анализа внесли Ч. Осгуд, Г. Лассуэл, Ж. Кайзер, Э. Морин. В отечественной социологии **К.-а.** получил распространение в 1970–1980-е гг.

Проведение контент-анализа включает ряд этапов: 1) определение объекта анализа, т. е. документа или массива однородных документов; 2) выделение единиц и категорий анализа, определение их значений и связей; 3) подсчет частоты употребления единиц анализа

или объема (пространства), которые они занимают в тексте; 4) *интерпретация* полученных результатов.

С учетом изучаемых единиц анализа можно выделить следующие разновидности контент-анализа: 1) символичный; 2) тематический; 3) структурный; 4) анализ модальности текстов. При проведении символического контент-анализа в качестве информационной единицы, а также единицы счета выступают определенные слова или словосочетания. Категорией анализа может выступать также идея, суждение, законченная мысль, культурные коды. Тематический **К.-а.** нацелен на изучение массива текстов, где в качестве предмета анализа исследуется тема документа. При проведении тематического контент-анализа обычно учитывается объем внимания. Анализ модальности текстов ориентирован на изучение отношения авторов документа к описываемым *событиям* или *процессам* (например, положительное или отрицательное), форма подачи информации, выразительность средств, аргументация, способы воздействия на читателя. Особой разновидностью контент-анализа выступает структурный анализ текста. В качестве объекта исследования выступает конкретный документ, а в качестве единиц анализа и счета – его структурные элементы, в т. ч. темы, аргументы, иллюстрации и проч. Структурный анализ используется для выявления соотношения тем внутри текста, особенностей их подачи, а также эффективности текста, т. е. соответствия структуры и оформления текста цели сообщения.

При проведении контент-анализа особое внимание следует уделить строгости и корректности процедур формализации, в том числе правильному выбору и интерпретации категорий и единиц анализа.

Лит.: Бородкин Л. И. Контент-анализ в исторических исследованиях. М., 1984; Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования: учеб. пособ. М., 2006; Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1–2. М., 1973; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Методы анализа документов в социологических исследованиях. М., 1985; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991; Парахонская Г. А. Контент-анализ документов: учеб. пособ. Тверь, 2004; Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, Ill.: Free Press, 1953.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) наука об исторических концептах, сложившихся в *историческом дискурсе*; 2) направление *исторической науки*, стремящееся к целостному изображению *исторической реальности* в виде эмоционально-образных коннотаций и метафорических значений. Формирование исторической концептологии как направления в *исторической науке* обусловлено, во-первых, усиливающейся потребностью в новой целостности истории; во-вторых, отсутствием научного языка, адекватного историческим реалиям; в-третьих, распространением конструктивистских идей в *историческом познании*; в-четвертых, стремлением в рамках неоклассической модели *исторического исследования* к синтезу *холизма* и *нарративизма*. В стремлении сохранить репрезентационный характер *исторического знания* современная *историческая наука*, уставшая от фрагментации *исторического знания*, «жаждет» холистского реванша. В рамках этого «реванша» потребность в новой целостности истории сопровождается активизацией концептуального *исторического мышления* как интеллектуальной работы научного сознания по «схватыванию» смыслов в наиболее сложных случаях постижения *исторической реальности*.

В отличие от теоретического мышления, оперирующего научными понятиями, концептуальное *историческое мышление* базируется на концептах как когнитивных моделях *исторической реальности* рационально-ценностного содержания. Концепты как формы *исторического мышления* являются, с одной стороны, результатом квантификации и категоризации исторического знания, с другой – определенным способом и формой абстрагирования, модели которого задаются самим *историческим мышлением*. Тем самым исторические концепты, формируемые речью в процессе дискурсивных практик, не только описывают, но и конструируют свои объекты. Являясь формами *исторического мышления*, концепты, направленные на «схватывание» смыслов в единстве речевых высказываний, действуют в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и поэтому всегда сохраняют открытые пространства для иных трансфлексивных обобщений. В исторических концептах безличные и объективистские понятия авторизуются в процессе производства личностно-ориентированного знания об *исторической реальности*. Как акты памяти исторические концепты ориентированы в прошлое, как акты воображения – в будущее, как акты суждения – в настоящее (2).

В структуре исторических концептов можно выделить следующие компоненты: 1) понятийные, отражающие его признаковые и дефиниционные структуры; 2) смысловые, употребляемые для обозначения предметов в их определенных содержаниях; 3) ассоциативные, выраженные в форме образно-метафорических коннотаций либо в прецедентных связях.

В исторической концептологии, основой которой является концептуальное *историческое мышление*, ведущим жанром производства исторических концептов стала *историософия*. В *историософии*, бросившей когнитивный вызов академической науке, историческому концепту придается идея метафизического смысла, рождающегося в коммуникативных практиках в рамках *исторического дискурса*. Особую актуальность, например, в российском *историческом дискурсе* приобрели такие вопросы, как «Россия и Мир», «Россия в Мире», «Мир России», от содержательных *интерпретаций* которых зависят ответы на сакраментальные проблемы беспокойной отечественной мысли: кто мы и куда идет Россия. В поисках ответов на эти вопросы история в историософских дискурсах часто превращается в «будущее, опрокинутое в прошлое»: поскольку российская интеллектуальная элита не пришла к согласию относительно желательного будущего страны, постольку она продолжает бескомпромиссно спорить и о ее прошлом, предлагая общественности разные и порой несовместимые образы российской истории (1). Основой этих образов выступают те или иные исторические концепты, как новые, так и старые, ресемантизированные в соответствии с новыми идейно-политическими и социально-культурными реалиями в России (3). Спецификой этих исторических концептов выступает их метафорическая нагруженность, претендующая на универсальность в постижении смысла российской истории. С помощью таких исторических концептов, выраженных в метафорических формах, как «русский путь», «русская колея», «русская система», «русская власть», «тень грозного царя», «кормить и править», «русский ген», «русская душа», «раздаточная экономика», «русская катастрофа», в современных дискурсивных практиках рождаются различные образы российской истории как картины-репрезентации российской истории, посылающие такие же личные «послания» субъектов познавательной деятельности, как и сама *историческая действительность*. Эти образы, представляющие собой «воображаемые исторические реальности» в процессе коммуникаций отчуждаются от их производителей и становятся социокультурными траектами – посредниками между субъектами и объектами *исторического*

познания, формируя собственно «мир истории». Функцией этих траектов становятся и объекты, и субъекты *исторического познания*, поскольку они конституируются этими траектами как ролевые идентичности.

Лит.: 1) Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. С. 11; 2) Верякина В. П. Концепт «образцового человека» // Человек. 2004. № 4. С. 49; 3) Зверева Г. И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 540–556; 4) Лубский А. В. Историческая концептология: проблемы жанра и метода // Лосевские чтения: труды Международной ежегодной науч.-теор. конф., г. Новочеркасск, май 2009 г. Новочеркасск: Изд-во ЮРГТУ (НПИ), 2009. С. 104–110; 5) Теслинов А. Г. Концептуальное мышление в решении сложных и запутанных проблем. СПб.: Питер, 2009.

А. В. ЛУБСКИЙ

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) главный замысел или ведущая идея *исторического исследования*, с помощью которой обосновывается выбор его объекта, формулируется проблема, осуществляется аргументация понятий, которые в совокупности образуют четкую объяснительную схему, своеобразный «каркас» гипотезы или *исторической теории* (2); 2) система взглядов на *исторические явления и процессы* с позиций определенной теории *исторического познания*, определяющей его предмет, понимание характера исторического развития, раскрывающей и объясняющей основной смысл *исторического процесса* (3).

К. и. является продуктом концептуального мышления, связанного с формированием сложных представлений об *исторической реальности* путем понятийного синтеза или производством смыслов в случаях постижения *исторической реальности* на основе «отнесения» к *ценностному основанию исторического познания*. В классической *исторической науке* понятие «историческая концепция» тесно связано с понятием *исторической теории* как целостной системой непротиворечивых умозаключений, идентифицирующих или объясняющих определенную совокупность *исторических фактов*. В классической науке концептуальное *историческое мышление* отождествлялось с теоретическим мышлением или его неполной (незавершенной) формой. В неклассической науке понятие «историческая концепция» стали редуцировать к ментальному образу *исторической реальности*

ценностно-нормативного характера. В постнеклассической *исторической науке* **К. и.** рассматривается как самостоятельная форма организации и структуризации *исторического знания* смыслообразующего характера. В отличие от «нейтрального» теоретического мышления классической исторической науки, оперирующего научными понятиями, концептуальное *историческое мышление* в постнеклассической науке, обусловленное социокультурными предпосылками, базируется на концептах как когнитивных моделях *исторической реальности* рационально-ценностного содержания. Являясь формами постнеклассического исторического мышления, концепты, направленные на «схватывание» смыслов в единстве речевых высказываний, действуют в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и поэтому всегда сохраняют открытые пространства для иных трансфлексивных обобщений. В этом плане концепты являются, с одной стороны, результатом квантификации исторических знаний, с другой – определенной формой абстрагирования, модели которого задаются самим *историческим мышлением* в процессе производства личностно-ориентированного знания об *исторической реальности*. В неоклассической исторической науке, допускающей различные интерпретации, **К. и.** рассматривается, с одной стороны, как общая идея, или замысел, *исторического исследования*, а с другой – как его результат, представленный в виде системы нового *исторического знания* теоретического и аксиологического содержания.

К. и. как замысел *исторического исследования* представляет собой перспективный и целостный взгляд на его стратегию и результат. **К. и.** как конструктивный замысел *исторического исследования* – это проект, включающий: 1) выбор объекта когнитивного интереса и обоснование актуальности темы исследования; 2) критический анализ предпосылочных знаний и выяснение степени научной разработанности темы исследования; 3) постановку *научной проблемы* и определение цели исследования; 4) системно-семантический анализ предметной области научного исследования и постановку его задач; 5) определение *объекта и предмета исторического исследования*; 6) выбор методологических оснований исследования; 7) формулировку научной гипотезы исследования; 8) определение источников эмпирической информации.

К. и. как результат *исторического исследования*, представляющий собой систему нового *исторического знания*, является продуктом концептуального мышления, связанного с производством смыслов в

случаях постижения *исторической реальности* на основе «отнесения» к *ценностному основанию исторического познания* или с формированием сложных представлений об *исторической реальности* путем понятийного синтеза. **К. и.** как результат *исторического исследования* может быть представлена в виде: 1) образа *исторической реальности*, выраженного в форме базового концепта; 2) системы концептов, придающих смысл *исторической реальности*; 3) логически объясняющих теоретических конструкторов и смыслообразующих исторических концептов, составляющих целостную и непротиворечивую картину *исторической реальности*, обусловленную социокультурным контекстом и оправданную *источниками* эмпирической информации.

Некоторые исследователи усматривают специфику исторической концепции в ее нарративном характере, поэтому историки, по их мнению, пишут книги, а не формулируют отдельные утверждения о прошлом или о том, как *исторические события* причинно связаны с друг другом. Это происходит оттого, что историки знают, что только книга в целом представляет сущность их концепций о прошлом (1). Нарративный характер исторической концепции позволяет рассматривать ее как результат воображения историка и выделить пять уровней концептуализации исторического материала: хроника, повествование, четыре типа сюжетности (эстетика), четыре типа объяснения (наука), четыре типа идеологии (этика), четыре типа тропологических моделей (5).

Лит.: 1) Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003; 2) Концепция историческая // Исторический словарь. Режим доступа: <http://enc-dic.com/history/Koncepcija-18768.html> [февраль, 2014]; 3) Концепция историческая // Терминологический Словарь. Режим доступа: <http://histua.com/ru/slovar/k/koncepciya-istorichna> [февраль, 2014]; 4) Лубский А. В. Историческая концептология: проблемы жанра и метода // Лосевские чтения: труды Международной ежегодной науч.-теор. конф., г. Новочеркасск, май 2009 г. Новочеркасск: Изд-во ЮРГТУ (НПИ), 2009. С. 104–110; 5) Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002.

А. В. ЛУБСКИЙ

КРАЕВЕДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – изучение истории какого-нибудь края, отдельной местности, города, села, поселка или их части, предприятия, учреждения, учебного заведения, усадьбы, мона-

стыря, храма, местного профессионального, конфессионального, этнического или иного сообщества и т. д., производимое преимущественно силами местных или находящихся в рамках местных традиций исследователей. **И. к.** имеет четыре важнейших характеристики: 1) локальный характер объекта исследования; 2) возможность проведения исследований на любительском (непрофессиональном) уровне; 3) проведение исследований преимущественно местными жителями, либо пришлыми исследователями, но находящимися (находившимися) в рамках местной традиции (местный фольклор, *этнография*, топонимика, *устная история*, изучение местных материальных остатков прошлого и *источников*, доступных преимущественно в местных архивах и библиотеках и т. д.), активно влияющей как на самих краеведов, так и на их исследования; 4) относительно массовый и независимый от официальных властей характер, что делает **И. к.** не только явлением *исторической науки*, но и общественным движением, проявлением гражданского общества. В разных странах изучение истории своего края называется по-разному: в Германии – *Heimatkunde*, в Великобритании и США – *Regional (Local) History*, во Франции – *Etudes regionales* или *Etnografia regionale* и т. д.

Среди современных направлений *исторической науки* к историческому краеведению близки *микроистория* и *историческая антропология (история повседневности)*. Деятельность краеведов может быть хорошо объяснена и с позиций концепции «*мест памяти*» Пьера Нора. **И. к.** возникает в условиях, когда профессиональное историческое сообщество в силу небольшой численности и занятости изучением проблем преимущественно общенациональной истории, не в состоянии в своих исследованиях охватить историю каждого небольшого региона, поселения, локального сюжета местной истории и т. д. В этой ситуации изучением местной истории занимаются обычно краеведы – местные жители, имеющие различную профессиональную подготовку.

И. к. (как история локуса) в России зародилось во второй половине XVIII в. В настоящее время оно являет собой массовое, активно действующее общественное движение, представленное множеством краеведческих обществ, со своей периодикой, издательской деятельностью, регулярно проводимыми конференциями, чтениями и т. д. Хотя в руководство краеведческих организаций входят, как правило, профессиональные историки, в деятельности отдельных краеведов проявляется дилетантизм, иногда граничащий с невежеством. Краеведы вносят большой вклад в воспитание у молодежи любви к «малой

родине» и интереса к ее истории, в охрану и реставрацию памятников истории и культуры, в деятельность библиотек и музеев, в мемориализацию местной истории и т. д.

Разработкой теории и методики исторического краеведения в разное время занимались Н. П. Анциферов, И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов, С. О. Шмидт, С. А. Гомаюнов, А. А. Шаблин и др. В 2000-е гг. в российской *историографии* наметилась тенденция к размежеванию *локальной истории* как сферы *исторической науки* и исторического краеведения как социально ориентированного *историописания*.

Лит.: Бердинский В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003; Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163; Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. Челябинск, 2003; Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики. Киев, 1991; Краеведение и гражданское общество. СПб., 2004; Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки: ст. 1–2 // Регіональна історія України: зб. наукових ст. Вип. 6–7. К., 2012–2013; Новая локальная история. Вып. 1–4. Ставрополь; М., 2003–2009; Орешина М. А. Русский север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003; Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998; Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989; Его же. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) М., 1991; Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.

А. М. ПАШКОВ

КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ – процесс коренной ломки ее методологических установок о цели, форме или способе познания прошлого, связанный со сменой ведущих позиций методологических течений в *исторической мысли* и обострением борьбы идей в сфере *теории и методологии истории*.

В марксистской *историографии* понятие кризиса исторической науки применялось только по отношению к так называемой «буржуазной исторической науке» и трактовалось как «застой», «упадок», «загнивание» этой науки. Вместе с тем, понятие такого кризиса возникло на рубеже XIX–XX вв. в самой «буржуазной» или либеральной *исторической науке*, связывалось с необходимостью пересмотра позитивистской *методологии истории* и рассматривалось как позитив-

ный процесс обновления теоретико-методологической основы развития науки, способный вывести ее на качественно новый уровень. С конца 1980-х гг. в отечественной *историографии* начали предприниматься попытки отказаться от негативно-оценочной интерпретации понятия «кризис исторической науки» и рассматривать это понятие как естественное развитие науки, связанное со сменой ее *парадигмы*.

Вместе с тем, выдвинутое американским ученым Т. Куном понятие *парадигмы* науки как принятые всем научным сообществом достижения науки, на которых основываются способы решения *научных проблем*, не вполне применимо к характеристике развития *науки исторической*. В разных странах одновременно существовали признаваемые отдельными группами различные научно-исторические концепции. Более непосредственная по сравнению с естествознанием связь *исторической науки* с философией обуславливает развитие ее кризиса не на конкретно-историческом, а на методологическом уровне. При этом реальное сосуществование в исторической мысли противостоящих друг другу методологических концепций делает практически невозможным фиксацию *парадигмы* и на методологическом уровне.

Представляется более оправданным определять ведущие позиции того или иного теоретико-методологического течения в то или иное время, которые обуславливаются выходом в свет новаторских методологических трудов, ведущей ролью в методологических дискуссиях, широтой влияния постулатов методологического течения на историческую общественность. Этапы методологического кризиса в *исторической мысли* связаны с продолжением коренной ломки представлений об объективной цели, рационально-логической природе способа и обобщающе-систематизирующей форме *исторического знания* в рамках выдвижения на ведущие позиции нового методологического течения. А разрешение такого кризиса – с балансом этих представлений на качественно новом уровне.

Хотя методологические концепции, в рамках которых пересматривались установки о рациональной природе способа познания прошлого («философия жизни»), о причастности истории к обобщающе-систематизирующей работе (неокантианство) оформляется в Германии в конце XIX века, но в большинстве европейских стран и США вплоть до Первой мировой войны в качестве методологической базы *исторической науки* господствовал *позитивизм*. Таким образом, начало кризиса мировой историографии следует отнести к годам Первой мировой войны, когда ведущие позиции занимает течение «филосо-

фии жизни», особенно ярко проявившееся в притягательности идей О. Шпенглера. Второй этап кризиса связан с усилением прагматического презентизма после Второй мировой войны. А попытки преодоления такого кризиса предпринимаются в рамках «новой научной истории» с 1960-х гг.

В России кризис начинается раньше – примерно с середины 1900-х гг., когда ведущие позиции в *исторической науке* занимает неокантианское течение. После Первой мировой войны и Октябрьской революции этот кризис вступает в следующий этап, связанный с тенденцией к выдвиганию на ведущие позиции течения «философии жизни». Прерывается же такой кризис в СССР насильственно под воздействием идеологического прессинга со стороны государства и марксистской теории. В свою очередь, кризис марксистской методологии обозначается в Советском Союзе с конца 1980-х гг.

Лит.: Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. I–III: Кризис историзма. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001–2008; Рамазанов С. П. Кризис российской историографии начала XX века. Ч. I–II. Волгоград, 1999–2000.

С. П. РАМАЗАНОВ

КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА – понятие классической модели *исторической науки* (XVIII–XIX вв.), когда в качестве цели изучения *исторического источника* выступало определение его *достоверности*, понимаемой как соответствие его информации так называемой «объективной реальности прошлого».

И. Г. Дройзен (1808–1884) среди задач критики исторического источника выделял определение подлинности и достоверности. Результатом исторической критики, включая критику исторического источника, по Дройзену, является получение проверенного материала для дальнейшего исследования – *исторической интерпретации*. Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) выделяли внешнюю (подготовительную) и внутреннюю критику исторического источника, которую четко не отделяли от *интерпретации* (*герменевтики*). Деление критики исторического источника на внешнюю и внутреннюю получило широкое распространение в *источниковедении*, особенно в *дипломатике*. В современном *источниковедении* применимы понятия *источниковедческий анализ* и *интерпретация исторического источника* (см.: *Интерпретация историческая*).

Лит.: Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004; Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1899.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ – направление современной *исторической науки*; предмет культурной истории – история социокультурных форм, процессов и коммуникаций, культурных значений, коллективных представлений и символов, различных стилей мышления. **К. и.** появилась в конце XIX в. в неклассической модели *исторической науки*. Большую популярность приобрела во второй половине XX в. под влиянием работ К. Гиртца, В. Тернера, М. Фуко, Ж. Деррида и деконструктивистов, получив название «*новая культурная история*». Историки стали уделять пристальное внимание значению / смыслу, признавая, что язык выражает значения, которые определяются не только семиотическим контекстом, но также коллективными и ценностно нагруженными предположениями о людях, которые и составляют общество (J. M. Smith).

В последней четверти XX в. *новая культурная история* стала доказывать свою самостоятельность и выступать в виде автономного *проблемного поля* профессионального *исторического знания*. Значительная роль в формировании *новой культурной истории* принадлежала историкам-женщинам, участницам феминистского движения. В многочисленных конкретно-исторических исследованиях 1970–1980-х гг. по проблемам народной культуры, коллективных представлений и общественных движений Нового и Новейшего времени феминистки разрабатывали «женскую» и, позже, «гендерную» тематику, которая заметно изменяла предметную область не только *социальной истории*, но и *историографии* в целом.

Институционально *новая культурная история* выражала себя менее определенно, чем другие *проблемные поля* актуального *исторического знания*. В основном ее изучение и преподавание осуществлялось в рамках тех департаментов, факультетов и центров университетов и институтов, которые обеспечивали базу *новой социальной истории*. В процессе становления *новая культурная история* усваивала подходы из социальной и культурной антропологии, *исторической психологии*, психоанализа, социолингвистики, семиотики, информатики. Исследователи, работавшие в этой области, называли общий подход

к изучению прошлого «культурным» и междисциплинарным. *Новая культурная история* открыто выказывала свою приверженность методологической и концептуальной эклектике. В нее активно вводились новые *понятия* и переиначивались понятия, которые она заимствовала из других дисциплин.

История представлялась культурными историками как нелинейный процесс. Тем самым они стремились к преодолению сциентизма, телеологии и экономического *детерминизма*. Вместе с тем, для этого направления оставался приоритетным постулат объективистской историографии – изучать историю такой, какой она была, хотя эта мысль выражалась в обновленном виде как «диалог историка с источником». *Новая культурная история* оставалась социальной: в содержании ее базовой категории «общество» была запечатлена идея целого, доминировавшая над принципом стратификации.

Особый резонанс *новая культурная история* получила в Соединенных Штатах, где она привлекла близких к «новому историзму» историков литературы, историков искусства и науки, а также «простых», или «обычных», историков. Тем не менее, это движение имеет интернациональный характер. Во Франции выражение «культурная история» («*histoire culturelle*») не сразу вошло в язык: там у него были такие соперники, как *история ментальностей* и «история социального воображаемого», однако сегодня Роже Шартье и его коллеги говорят о себе именно как о культурных историках. Труд Р. Шартье «Культурные истоки французской революции» (1990) был написан как ответ на классическийopus Даниэля Морне «Интеллектуальные истоки Французской революции» (1933), что подразумевает противопоставление широкой культурной истории более узкой *интеллектуальной истории*. В Германии и Нидерландах *новая культурная история* вписалась в традицию Я. Буркхардта и Й. Хейзинги, дав заметный уклон в так называемую *историю повседневности*. В Британии, несмотря на то что Институт Варбурга работал в Лондоне с 1930-х гг., культурная история по-прежнему оставалась новинкой. Как отметил в 1989 г. Кит Томас: «В Соединенном Королевстве такого предмета нет, так же как, по сути, не существует профессорских или преподавательских вакансий по чтению курсов культурной истории, кафедр культурной истории, тематических журналов или конференций». Хотя ситуация меняется, у последнего поколения британских ученых в большем почете скорее *cultural studies*, нежели культурная история (П. Берк).

Лит.: Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // НЛО. 2005. № 75; Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth century // Past & Present. 1971. Vol. 50. P. 76–136; Scott J. W. Gender and the Politics of History. N.Y., 1988; Scribner R. W. For the Sake of Simple Folk: Popular Propaganda for the German Reformation. L., 1981; Smith J. M. No More Language Games: Words, Beliefs, and the Culture of Early Modern France // American Historical Review. 1997. Vol. 102. № 5; Soergel Ph. M. Wondrous in his Saints: Counter-Reformation Propaganda in Bavaria. Berkeley, CA, 1993.

С. И. МАЛОВИЧКО

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ – см. *Память культурная, «Места памяти».*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ ТЕОРИЯ. Культурно-исторический тип – понятие, классифицирующее человеческие культуры в их локальной и исторической ограниченности и фиксирующее различия между ними. Восходит к биологическому делению природных и культурных (созданных человеком) типов живых существ (нем. *kulturtypus*, англ. *cultural type*), например, бактерий. Существовало с понятиями «культурные формы», «культурные круги» и «культурные ряды». Появилось во II половине XIX в. в трудах немецкого историка Г. Рюккерта (1823–1875) и российского биолога и социолога Н. Я. Данилевского (1822–1885), служило для борьбы против вестернизаторских взглядов на историю. Понятие «культурно-исторический тип» часто является синонимом англо-французского понятия «цивилизация», но отражает не стадийное развитие человечества (дикость – варварство – цивилизация), а местные особенности культурной жизни, возникающие и угасающие в ходе исторического цикла. Идея культурно-исторического типа лежит в основе *теории локальных цивилизий*.

Впервые понятие «культурный тип» (нем. *Kulturtypus*) появляется в труде профессора университета г. Бреслау (Вроцлав) Генриха Рюккерта «Учебник мировой истории в органическом изложении» (2 т., 1857). Влияние романтизма проявилось в том, что главным в истории у Г. Рюккерта стала специфика культуры как формы адаптации к определенной среде и религиозная экспансия, придающая культуре

мировой характер. Рюккерт категорически отрицал как возможность существования единственного культурного типа – универсальной цивилизации, так и значение цивилизаторской миссии Запада, критиковал политику колониализма. Роль Индии и Китая, Греции и Рима, Европы и России не исчерпывается их участием в строительстве универсальной цивилизации. Культурно-исторический тип важен как индивидуальность. Рюккерт считал, что у разных народов имеются разные биологические предки («теория полифелитизма»), а значит и сосуществование равно правомочных культурно-исторических типов вечно, хотя каждый из них конечен. Взаимодействие культурно-исторических типов возможно лишь в случае их возникновения в одной природной среде. Воздействие одной культуры на другую, как правило, разрушительно и грозит истреблением культурно-исторических типов, в том числе способных стать культурными преемниками (для западного христианства – это православная Россия).

У Н. Я. Данилевского **Т. к.-и. т.** приобретает более систематический, но одновременно ярко выраженный редуccionистский, позитивистский и идеологизированный характер. Культурно-исторический тип вырабатывает племя или группа народов, близких по языку, имеющая политическую независимость, создавшая самостоятельно свои культурные начала и развивающая их в федеративном государстве; причем период созревания цивилизации неопределенно долг, а период «цветения» и «плодоношения» краток и навсегда истощает силы. Н. Я. Данилевский называл египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, иранский, еврейский, греческий, римский, ново-семитический, или аравийский, германо-романский, или европейский, мексиканский и перуанский культурно-исторические типы положительными деятелями в истории человечества. Они способны взаимодействовать несколькими способами: путем «пересадки», «прививки» или использования одной культуры другой «для питания», в качестве «удобрения». Культурно-исторические типы не равны по значимости. Среди них выделяются уединенные и преемственные, воплощающие в своей истории один или несколько «разрядов» культурной активности в религии, культуре, политике и социально-экономической деятельности.

Т. к.-и. т. Н. Я. Данилевского имеет ярко выраженный охранительный, националистический и монархический характер. Она направлена прежде всего против европейских идеалов. Романо-германский тип представлен насильственным, узурпировавшим право

на универсальность и угрожающим России и возглавляемому ею славянству как рождающемуся культурно-историческому типу, впервые способному воплотить все четыре «разряда» культурной деятельности. Идеал культурно-исторического типа выражается в способности России не распространять, а сохранять свою культуру, его средоточием является личность царя. Культурное наследие Европы можно использовать лишь в его научно-технической части как «удобрение», это не касается ее общественно-политических ценностей и идеалов.

Предшественниками теории культурно-исторических типов являются Г. В. Лейбниц и его теория монад, И. Г. Гердер и его теория «народного духа», Ф. В. Й. Шеллинг и Ф. Шлегель с их теориями поэтапного воплощения Откровения в истории, применительно к теории Н. Я. Данилевского – религиозно-этический идеал славянофилов. Заимствование Данилевским идей Г. Рюккерта впервые отмечено В. С. Соловьевым. Впоследствии идеи теории культурно-исторического типа были заимствованы русскими националистами, а сходные с ними развиты в философско-историческом плане Л. Фробениусом в его теории «культурных кругов» (*Kulturkreise*, 1898, 1921) и О. Шпенглером в его теории «высоких культур» (1918–1922). Пик интереса к концепции Н. Я. Данилевского в современной России пришелся на 1990-е гг.; тогда теория локальных цивилизаций казалась выходом из тупика *марксизма*. В настоящее время созвучные идеи развивают социологи (напр. Г. Хофстеде).

Лит.: *Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. 2 Bde. Leipzig: Weigel, 1857; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. СПб.: Изд-во «Глаголь», Изд-во СПб. университета, 1995; Аригин А. Н., Михеев В. М. Самобытные идеи Н. Я. Данилевского. М.: Изд-во ТОО «Интелтех», 1996; Бажов С. И. Культурно-исторический тип // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. / Ин-т философии РАН. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 351; Белов А. В. Теория культурно-исторических типов: pro et contra. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. пед. университета, 2002; Захаров А. А. Идеино-теоретические истоки «России и Европы» Н. Я. Данилевского. Томск: Изд-во Томского университета, 1994; Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. Глава 3. 2, 3. 3.*

ЛЕТОПИСЕВЕДЕНИЕ – субдисциплина в рамках *источниковедения*, изучающая древнерусские (русские, украинские, белорусские) летописи. Особый статус летописеведения связывается с ключевой ролью летописей в корпусе *источников* российской истории эпохи Средневековья и раннего Нового времени, а также со сложностью изучения летописных текстов, позволяющей говорить об особом «летописеведческом методе». В российской *исторической науке* существуют давние традиции изучения летописей, уходящие корнями в XVIII в. В разное время над летописями плодотворно трудились такие известные ученые как А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, П. М. Строев, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, Я. С. Лурье и др. Вместе с тем, ключевые принципы современного летописеведения – анализ *источника* как целого (а не как комплекса отдельных «известий»), рассмотрение изучаемых феноменов как результатов целенаправленной творческой деятельности – являются принципами *источниковедения* как такового, что ставит под вопрос выделение летописеведения в качестве обособленной *научной дисциплины*. Публикации текстов русских летописей посвящена серия «Полное собрание русских летописей» (издается с 1841 г.). Выпускались специализированные продолжающиеся издания, полностью или частично посвященные изучению летописей («Летописи и хроники» – с 1974 г.).

Лит.: Лурье Я. С. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая: (избранное). СПб., 1997. С. 11–172; Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: 1975 г. М., 1976. С. 87–107; Полное собрание русских летописей: заглавная страница / дизайн, концепция, структура сайта Д. М. Котышев. Режим доступа: <http://psrl.csu.ru/index.shtml> [февраль, 2014], свободный.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) *поворот в историографии*, связанный с лингвистическим анализом сознания историка, критикой его интеллектуального аппарата и осознанием роли языка в производстве исторического дискурса (2); 2) *поворот*, изображающий изучение истории как перманентный «конфликт интерпретаций», проблему сопряжения семиотических систем и семантических полей между источником, сочинением историка, мыслями и чувствами читателя (5); 3) *поворот*, связанный с

формированием новой *парадигмы историописания* – нарративной теории, концентрирующей внимание на текстуализации истории, в рамках которой воображение историка играет фактами, почерпнутыми в свидетельствах и наполняет их новыми значениями в ходе создания текста, а язык является производителем *истины* не в меньшей степени, чем сама *историческая реальность* (3).

Л. п. – это *методологический поворот*, связанный с «языковой революцией» в *историографии*, которая сопровождалась фундаментальным сдвигом в понимании роли языка в *историческом познании*. В основе лингвистического поворота лежит структуралистское представление о том, что язык – это не столько посредник между историком и прошлым, сколько система знаков, порождающая *историческую реальность*. **Л. п.** как поворот к языку истории начался с призыва критически обратиться к сознанию историков, уяснению того, как работает их интеллектуальный аппарат с лингвистической точки зрения. Первоначально внимание акцентировалось на связи языка и сознания познающего субъекта, а язык рассматривался как «зеркало» *исторического сознания*. Затем язык стал трактоваться в качестве самостоятельной реальности, которая создает и самого историка, и его представления о прошлом. **Л. п.** в *историческом познании* породил проблему дистинкции между языком историка и *исторической реальностью*. **Л. п.** актуализировал проблему *нарратива* как способа презентации *исторической реальности*. Эта проблема происходила из различения научного *исторического исследования*, производящего *исторические факты*, и *историописания*, в котором воображение историка играет *историческими фактами*, упорядочивает их и наполняет значением и смыслом в ходе создания текстов. Причем упорядочивание *исторических фактов* происходит путем наложения на них некоторых схем, которые не содержатся в этих *фактах*, а являются продуктом языковых практик познающего субъекта.

Л. п. связан с осознанием решающей роли языка в производстве *исторического дискурса* как *нарратива* и интерпретацией *исторических знаний* как речевых и литературных феноменов. Главным следствием лингвистического поворота в историческом познании стало признание невозможности прямого доступа к прошлому, поскольку представленная в различных вариантах языковой репрезентации, *историческая реальность* всегда оказывается уже предварительно истолкованной. На этом основании был сделан вывод о том, что если любому пониманию прошлого предшествует формирующее влияние языка, то неизбежна множественность исторических реальностей как языковых игр и их интерпретаций (1).

Л. п. сопровождался распространением понятие языка за пределы лингвистики, на те области, где можно обнаружить знаки, прежде всего на культуру, которая стала рассматриваться как текст, т. е. связанная совокупность знаков. В связи с этим нарративные структуры стали приписываться не только сознанию историков, но и сознанию людей прошлого, интерпретировавших окружающую их реальность в соответствии с собственными нарративными структурами. Это привело к *культурному повороту в историческом познании*, т. е. стремлению изучать *историческую реальность* как культуру и через культуру. В результате сформировалось два течения, с оригинальными подходами, в которых проявилось мощное стимулирующее воздействие лингвистического поворота: *новая культурная история* и *новая интеллектуальная история* (4).

Л. п. привел к распространению конструктивистских тенденций в *историческом познании* в форме радикального конструктивизма и конструктивного реализма. Представители радикального конструктивизма полагают, что *историческое познание* есть всего лишь интеллектуальная игра, которая ведется с помощью языковых средств, а *историческое знание* – это продукт «вербального вымысла» в литературной форме. Представители конструктивного реализма также считают, что познающий субъект конструирует *историческую реальность* в ходе дискурсивных практик в виде различных языковых картин прошлого, которые в определенной мере соответствуют самой *исторической действительности*, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего. В рамках конструктивного реализма формируется «третья платформа» в *историографии*, представители которой, в отличие от «ортодоксальных реалистов», переосмысливают свою когнитивную практику с учетом лингвистического поворота, преодолевая при этом его крайности, связанные с радикальным конструктивизмом, отождествлением истории и литературы.

Лит.: 1) Гурьянова А. В. Феномен «лингвистического поворота» в постмодернистской историографии // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 4. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 110–115; 2) Копозов Н. Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 284–294; 3) Кукарцева М. А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // *Вопросы философии*. 2006. № 4. С. 44–55; 4) Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. М.: Coda, 1996. С. 25–38; 5) Филишкин А. И. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. // *Россия XXI*. 2002. № 4. С. 64–99.

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ (local history – местная история) – практика *историописания*, имеющая целью *конструирование* местной *исторической памяти*; описание истории определенного места – локуса (чаще всего места, где живет автор исторического сочинения), которым может выступать как незначительное по величине пространство (деревня, город), так и большее по размерам (графство, округ, провинция, губерния, область, край). До сих в *исторической науке* нет четкой дифференциации исследовательских практик местной истории (*исторического краеведения*) и *региональной истории*. Существует мнение, что российскую практику локальной истории XVIII–XIX вв. лучше называть «провинциальной историографией» (А. А. Севастьянова, В. А. Бердинских) или «историческим краеведением» (А. М. Пашков).

Первые попытки описания истории места были предприняты в Англии XVI–XVII вв.: В. Лэмбард (Кент, 1570), Дж. Кэрю (Корнуолл, 1602) и др. **Л. и.** удовлетворяет врожденное желание человека получить знания о месте, в котором он живет, причем, знание, формирующее не критическое (научное), а лояльное отношение к этому локусу (Дж. А. Амато). Обращение к локальной истории инициировалось процессами строительства индивидуальной (авторской) и коллективной (местной) идентичностей; данный процесс зависел не столько от профессиональной (исторической) подготовки того или иного историописателя, сколько от его положения в социальном пространстве – на местном или государственном уровне. Практика изучения истории локуса (определенного места) широко распространилась в европейской *историографии* в XVIII в. и присутствует, по крайней мере, в национальных историографиях, уходящих своими корнями в классическую европейскую историографическую *традицию*. В классической модели *историописания Л. и.* была, по преимуществу, подчинена национально-государственному *метанарративу*. *Историописание* имело иерархическую структуру, в которой **Л. и.** находилась на нижнем уровне и ею занимались историки-любители, поэтому практику локальной истории нередко называли «любительской». Со времени появления понятия научной истории, любительское *историописание* стало восприниматься как неквалифицированное занятие письмом истории, а само понятие потеряло былые положительные коннотации.

В Российской империи обратились к изучению отдельных мест государства во второй половине XVIII в. Практика местной истории определялась ее конкретным характером связи с географией места, с его пейзажами, местной топонимикой, памятниками истории и людьми, жившими в этом месте. С начала XX в. по отношению к практике изучения местной истории стали употреблять понятие «краеведение»

(*историческое краеведение*). Работы по локальной истории тяготели к классической модели национально-государственной истории, ее авторы мало интересовались происходящими в науке изменениями, не замечали разницы в теоретических подходах, а объяснительная стратегия выстраивалась на «фактах».

Традиционная **Л. и.** может существовать, только подражая линейной модели классической *историографии*, так как только в таком виде возможна ее трансляция в массовое сознание. **Л. и.** (*историческое краеведение*) относится к социально ориентированному типу *исторического знания*, в современной социокультурной ситуации существует параллельно знанию научному и помогает проводить искусственную коммеморацию, необходимую как для больших, так и для малых общностей.

Со второй половины XX в. в Западной Европе (Великобритания) наряду с традиционной практикой локальной истории появились центры научного изучения местной истории (в т. ч. «The British Association for Local History»), издаются журналы: «The Local Historian», «Local History News» и др., в России на базе Северо-Кавказского федерального университета функционирует Межвузовский научно-образовательный центр «Новая локальная история».

Лит.: Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003; Верменич Я. В. Локальна історія як науковий напрям: традиції й інновації. К., 2012; Маловичко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Ставрополь, 2003. Вып. 1; Пашков А. М. Историческое краеведение в Карелии конца XVIII – начала XX века как социокультурное и историографическое явление: автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2012; Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1990; Amato J. A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History. Berkeley & Los Angeles, 2002; Hoskins W. G. Local History in England. L., 1959; Jordan Ph. D. The Nature and Practice of State and Local History. Washington, 1958; New Directions in Local History since Hoskins / Ed. by Christopher Dyer, Andrew Hopper, Evelyn Lord and Nigel Tringham. Hertford, 2011; The Pursuit of Local History: Readings on Theory and Practice / Ed. by C. Kammen. Walnut Creek (California), 1996; Новая локальная история: Межвузовский научно-образовательный центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/> [февраль, 2014], свободный.

С. И. МАЛОВИЧКО

М

МАКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД – *методологический принцип* изучения истории, направленный на обобщение *исторического опыта* на основе *генерализации*, создания макромоделей, стремящихся к пониманию логики развития общественных систем и *цивилизаций* в режиме «долгого времени».

Основное внимание макроисторических исследований направлено на познание движущих сил исторического развития, которые по-разному трактовались историками в различные *эпохи* и в разных социально-исторических координатах – от божественного предопределения до диалектики производительных сил и производственных отношений [Б. Г. Могильницкий].

М. п. ориентирован на изучение крупных *исторических процессов*, на построение общих схем исторического *прогресса*, на создание глобальных концепций истории. Для макроисторического подхода характерна *междисциплинарность* и использование социологических и экономических теорий, занятых изучением структур; опора на «массовые», «проверяемые», не уникальные данные.

Лит.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1986; Бродель Ф. Материальная цивилизация экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988; Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2(6). С. 14–21; Рикёр П. Историческое описание и репрезентация прошлого. Памяти Франсуа Фюре // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002; Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Н. В. КАРНАЧУК

МАКРОИСТОРИЯ – *научное направление*, сложившееся во второй половине XIX в. и вплоть до последней трети XX в. сохранявшее доминирующие позиции в *историописании*. Основу научного осмысления истории с позиций макроподхода заложили труды Гегеля,

К. Маркса, А. Сен-Симона и О. Конта. Они послужили базисом для макроисторических концепций, к числу которых можно отнести *теорию общественно-экономических формаций* [К. Марк, Ф. Энгельс], *цивилизационные теории* [А. Тойнби, О. Шпенглера и др.], *эволюционные теории, концепции модернизации общества* и прочие теоретические схемы, направленные на объяснение глобального *исторического процесса* и его отдельных этапов. Классическим примером реализации макроисторического подхода к изучению исторических процессов выступают труды Ф. Броделя, М. Вебера.

Для ранних макроисторических теорий свойственно линейное видение *исторического процесса*: историческая перспектива выступала прямой проекцией прошлого и настоящего на будущее [Б. Г. Могильницкий]. В дальнейшем в работах историков школы «Анналов» макроподход утрачивает присущие ему черты предопределенности и обосновывается необходимостью сочетания макро- и *микроподходов* для получения более объективной и сложной картины исторического процесса. Будучи сторонниками теории исторического прогресса, анналисты исходили из того, что творцами истории выступают люди, их интересы и деятельность, проявляющаяся в индивидуализированных формах. Тем самым, они обосновали принцип познания общего через частное, наполнив макроисторические исследования «мелкой пылью событий» [Ф. Бродель].

Принцип сочетания макроисторического и *микроисторического* анализа является одним из важнейших принципов современного *исторического исследования*.

Лит.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1986; Бродель Ф. Материальная цивилизация экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988; Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вест. Томского государственного университета. История. 2009. № 2(6). С.14 – 21; Рикёр П. Историческое описание и репрезентация прошлого. Памяти Франсуа Фюре // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002; Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Н. В. КАРНАЧУК

МАРКСИЗМ – разработанная К. Марксом (1818–1883) научная система философских, экономических и социально-политических взглядов, наука о познании и революционном преобразовании мира, о законах развития природы, общества и человеческой личности. Воз-

ник в середине XIX века как обобщение опыта изучения обострения капиталистических противоречий в европейских странах и выхода на историческую арену как самостоятельной силы «четвертого сословия» – рабочего класса. Основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс написали первый программный документ марксизма «Манифест Коммунистической партии», определивший историческое место капитализма и всемирно-историческую роль пролетариата.

Главное произведение марксизма – «Капитал» К. Маркса. Применяв диалектико-материалистическую методологию он обосновал экономический закон развития капитализма. Это развитие К. Маркс исследует как естественно-исторический процесс на основе развития производственных сил, показывая диалектику производительных сил и производственных отношений, постепенное превращение капиталистических производственных отношений в фактор, сковывающий свободное развитие производства и требующий их замены социалистическими. Маркс создал теорию прибавочной стоимости, сформулировал всеобщий закон капиталистического накопления. Нацеленный на выявление и обоснование экономических законов, М., однако, недооценивал значение социоисторической и культурной сторон общественного процесса, в особенности же его субъективной составляющей.

Основоположники марксизма, движимые пафосом революционного преобразования мира, торопили время. Обратной стороной этого являлся нередкий разрыв между желаемым и действительным.

В конце XX в. в условиях распада СССР и кризиса коммунистического движения произошло падение авторитета марксизма, в особенности в постсоветской России, где из числа вчерашних «верных ленинцев» появилась туча «марксоедов», провозгласивших «прощание с Марксом». Тем не менее, К. Маркс продолжает оставаться в ряду великих мыслителей. Подчеркивая, что в «области социального анализа не было никого сильнее его», М. Блок продолжает: если когда-либо «сторонники обновленной истории решат создать галерею своих предшественников, бюст бородатого старого рейнского пророка должен занять почетное место в часовне этой корпорации». О значении К. Маркса для современности пишут редакторы новейшего фундаментального междunarодного издания, посвященного современным социальным теориям: «Маркс все еще представляет важную генеральную теорию общества, которая соединяет экономику, политику и социологию с моральным анализом общества. <...> поскольку становится ясным, что рынок не является решением всех проблем XXI в., можно быть глубоко уверенным, что произойдет общее возрождение интереса к марксистской теории и ее дальнейшее развитие».

Лит.: Блок М. Апология истории или Ремесло историка. Изд. 2^е, допол. М., 1986; К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 4; К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Соч. Т. 8; *Его же*. Критика политической экономии // Соч. Т. 13; *Его же*. Капитал // Соч. Т. 23–26; *Его же*. Гражданская война во Франции // Соч. Т. 17; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в. Курс лекций. Вып. 3. Томск, 2008; Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка М., 2000; Iggers G.G. Geschichtswissenschaft im 20 Jahrhundert. Ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen, 1993; Profiles in Contemporary Social Theory / Ed. by Anthony Elliot and Bryan S. Turner. London: SAGE Publications, 2000.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

МАССОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ – 1) *источники*, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами [И. Д. Ковальченко]; 2) документы, имеющие формулярную структуру, которые отражают единичный *факт* или *явление*, но в совокупности позволяют выяснить ту или иную закономерность [Б. Г. Литвак].

М. и. и. отражают массовое историческое явление, его структуру, состояние и обладают такими свойствами, как единство происхождения; однородная информационная структура; массовость (комплексы документов представлены некоторым множеством, включающим десятки – сотни – тысячи единиц).

М. и. и. в зависимости от степени формализации подразделяются на следующие виды: а) формализованные, т. е. источники, обладающие четко выраженной структурой информации. К ним относятся анкеты, первичные статистические формы (например, переписные листы, бланки бюджетных обследований), учетные документы и т. д.; б) частично формализованные – это источники, структура которых имеет общие элементы, но не так четко выраженные, как в формализованных документах. Это – делопроизводственная документация, заявления, жалобы, письма и пр. Несмотря на существенные отличия по объему и содержанию, данные документы обладают общими структурными характеристиками: например, реквизитами документа, логикой их построения; в) неформализованные (нарративные) документы характеризуются тем, что их объем, структура и содержание могут существенно отличаться. Как правило, комплексы нарративных

источников формируются по тематическому или видовому принципу. К ним можно отнести мемуары и дневники, периодическую печать, научную и художественную литературу и т. д.

Для изучения массовых источников необходимо использование количественных методов, которые позволяют актуализировать явную и скрытую информацию и реализовать информационный потенциал источников.

Лит.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979; Лубский А. В., Проништейн А. П. Некоторые теоретические и методологические проблемы источниковедения массовых источников // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982; Массовые источники по истории советского рабочего класса. М., 1982; Массовые источники по истории социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Русина Ю. А. История и теория источниковедения. Источники отечественной истории XX века: учеб. пособ. Екатеринбург, 2008.

Л. Н. МАЗУР

МАТЕМАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ – процесс внедрения и применения *математических методов в исторической науке*. **М. и. и.** выступает отражением *междисциплинарной интеграции*, в результате которой *математические методы* становятся неотъемлемым инструментом не только точных, естественных, технических, но также общественных и гуманитарных наук.

Математизацию необходимо рассматривать как закономерное явление, которое имеет свои естественные предпосылки. К ним относятся: 1) развитие собственно математического аппарата, позволяющего ставить и решать все более сложные задачи, связанные с описанием слабо формализуемых структур; 2) уровень математизируемой науки, который дает возможность перейти от эмпирических наблюдений к построению абстрактно-теоретических моделей; 3) технические предпосылки, связанные с развитием и распространением средств и приспособлений, облегчающих математические расчеты (в частности, появление ЭВМ и компьютеризация способствовали коренной перестройке традиционного инструментария во всех отраслях науки, в том числе в гуманитарных, и существенно ускорили процесс математизации); 4) распространение в научной среде знаний о сущности и возможностях математических методов.

Сложность и многомерность *объекта* исторической науки определяет границы ее математизации: *математические методы* преимущественно используются для обработки и обобщения эмпирического материала, т. е. данных, полученных из *исторических источников*, особенно *массовых*. Важным направлением математизации истории стало применение моделирования. Историческое моделирование нацелено на построение формализованных структур *исторической реальности*, которые раскрывают ее сущностные черты. Оно используется для экспериментальной проверки *гипотез*; системного описания *исторических объектов или процессов*, отражающего закономерности их строения, функционирования и развития; получения дополнительной информации на основе создания имитационных моделей.

В настоящее время в *исторической науке* активизируются попытки создания *теоретической истории*, основанной на использовании математического аппарата и глобальных математических моделей, призванных описать базовые *исторические процессы* [П. Турчин, С. А. Нефедов, А. В. Коротаев], что свидетельствует о тенденциях повышения статуса математики как универсального средства научно-го познания.

Можно выделить следующие этапы математизации исторической науки: 1-й этап (середина XIX в. до 50-х гг. XX в.) – время, когда идет накопление опыта применения нетрадиционных *методов исторического исследования*, появляются труды с применением, в частности, количественного анализа [Г. Бокль, В. О. Ключевский, Н. А. Рожков и др.]. Значительную роль в развитии процессов математизации истории сыграл *неопозитивизм* [О. Нейрат, Р. Карнап, Ф. Франк, Б. Рассел и др.], в рамках которого утвердились представления о том, что историческое познание имеет логическую природу и должно осуществляться на основе законов и методов точных наук, прежде всего математики; 2-й этап (1960–1980-е гг.) характеризуется расширением сферы использования *математических методов*, благодаря появлению ЭВМ и развитию компьютерных технологий. В работах историков получает распространение многомерный статистический анализ и математическое моделирование. **М. и. н.** привела к оформлению самостоятельных научных направлений: *клиометрия (клиометрика)*, *квантитативная история*; в отечественной науке новое направление получило название «*количественные методы в исторических исследованиях*»; 3-й этап (1990-е гг. – начало XXI в.) можно охарактеризовать как этап информатизации исторической науки, в рамках которого в качестве самостоятельной дисциплины оформляется *историческая*

информатика. Ее становление и эволюция тесно связаны с деятельностью Международной Ассоциации «История и компьютер».

Лит.: Бокль Г. История цивилизации в Англии. Т. 1–2. СПб., 1906; Бородкин Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история, 1998, № 5; Логинов С. Л. Историческая информатика. Глазов, 2003; Рузавин Г. И. Математизация научного знания. М., 1984; Турчин П. В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М., 2007; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

Л. Н. МАЗУР

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ – *вспомогательные методы*, предназначенные для создания на основе системы статистических показателей формально-количественной модели изучаемого феномена. Использование математических методов связано с процессом *математизации науки*, который охватил все сферы научного знания, в том числе с XIX в. гуманитарные дисциплины.

Первые опыты применения математических методов для изучения общественных явлений в России отмечены на рубеже XIX–XX вв. К ним, в частности, относится работа Н. Любовича «Статистический метод в применении к истории», опубликованная в 1901 г. *Математизация исторической науки* активно развивалась в 1920-е гг., но затем была искусственно приостановлена. В конце 1950-х гг., благодаря внедрению вычислительной техники в научно-исследовательскую практику, наблюдается новый всплеск интереса к возможностям математических методов.

Уже в 1970-е гг. **М. м.**, в т. ч. теории вероятности, теории множеств и теории графов, стали применяться для решения источникововедческих задач, например, для построения генеалогии письменных источников, имеющих серию списков, или для атрибуции безымянных памятников письменности Древней Руси, или выявления языково-грамматических особенностей (стиля), присущего отдельным авторам или эпохам.

Лит.: Копцик В. А., Рыжов В. П., Петров В. М. Этюды по истории искусства: Диалог естественных и гуманитарных наук. М., 2004; История и ма-

тематика: Концептуальное пространство и направления поиска / Отв. ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М., 2008; История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства / Отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М., 2007; История и математика: Модели и теории / Отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М., 2008; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л., 1994; *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Историк и математика: (Математические методы в историческом исследовании). Л., 1975; Проблемы математической истории: Математическое моделирование исторических процессов / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М., 2008; Проблемы математической истории: Основания, информационные ресурсы, анализ данных / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М., 2009.

Е. А. ПОПРАВКО

МЕДИЕВИСТИКА – комплексная научная дисциплина, направленная на изучение истории европейского средневековья, а также средневековых цивилизаций Востока. Хронологически **М.** охватывает период с падения Западной Римской империи (476 г. н. э.) до Великих географических открытий (конец XV – начало XVI в.), т. е. около тысячелетия. Современные медиевисты предпочитают вести речь о т. н. «мировом Средневековье», которое включает в себя не только европейскую, но и восточную цивилизацию, а также страны Африки, что определяет единство средневековой Мир-Системы. Кроме собственно истории европейского средневековья (**М.** в узком смысле) **М.** включает в себя и другие дисциплины: средневековую философию, *археологию, нумизматику, геральдику, сфрагистику*, историю литературы и искусства, историю права, *историографию* средневековой истории.

Термин «средние века» (средний век, *medium aevum*) был предложен во второй половине XV в. итальянским историком-гуманистом Флавио Бьондо (1392–1463), который понимал под ним период времени, отделявший античность от «Нового века», т. е. возрождения гуманистами античных образцов. Гуманисты сделали чрезвычайно много для изучения истории средних веков, ими впервые были разработаны и применены методы критики источников, а также введены в научный оборот исторические документы (Л. Валла, П. Браччолини, Л. Бруни). В XVII в. окончательно оформилось деление истории на

древнюю, среднюю и новую, а в XVIII в. **М.** выделилась в самостоятельную историческую дисциплину. Основным содержанием западноевропейского Средневековья является феодализм, изучением которого занимается **М.**

Первыми научными обществами, составившими так называемую «эрудитскую историографию» XVII в., явились мавристы (Ж. Мабильон) и болландисты (Ж. Болланд), появляются первые серийные издания источников (*Acta Sanctorum*) и глоссарии (Ш. дю Канж). В XVIII в. предлагаются новые периодизации истории, формируются романтическая (Ю. Мезер, Э. Берк, Л. Бональд, Ж. де Местр) и просветительская (Вольтер, И. Гердер, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) *историография*. XIX в. представлен позитивистской *историографией* (историческая школа права – Гуго Гроций, К.-Ф. Савиньи, филологическая школа – Ф.-А. Вольф, Я. Гримм, А. Гумбольдт, критическая школа – Б.-Г. Нибур, политическая школа – Л. Фон Ранке, геополитическая школа – К. Риттер и др.) Крупнейшими английскими медиевистами XIX века были Г. Бокль, Э. Фриман, Т. Карлейль, Дж. Фроуд, Дж. Раунд, У. Стеббс, Дж. Грин, Ч. Оман, Ф. Пэлгрев, Д. Кембл, Г. Мейн, Т. Роджерс, У. Эшли, У. Каннингем, Ф. Сибом, А. Лидем, А. Стопфорд-Грин (Ирландия). Виднейшие представители французской медиевистики – О. Тьерри, Ж. Мишле, Б. Герар, Л. Делиль, А. Мартен, А. Токвиль, Г. Моно, Ж. Кишера, Э.-П. Бутарик, А. Жири, А. Люшер, А. Сорель, Ш. Бемон, Э. Лависс, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, О. Люс, Н. Фюстель де Куланж, Э. Глассон, П. Виолле, Ж. Флакк, П.-Э. Левассер, Г. Фаньез, Ж. Авенель, А. Сэ, А. Берр; немецкой медиевистики – Р. Гнейст, Г.Л. Маурер, Г. Вайц, П. Рот, О. Гирке, В. Ваттенбах, В. Гизебрехт, Ф. Дан, Г. Зибель, И. Янсен, Г. Риль, Г. Фрейтаг, Я. Буркхардт (Швейцария), Г. Шмоллер, Б. Гильдебранд, К. Книс, К. Инама-Штернегг, К. Бюхер, К. Лампрехт, А. Мейцен, В. Виттих, Ф. Гутманн, американской медиевистики – Дж. Дрепер, Б. Адамс, Г.Б. Адамс, Д. Уайт, Г. Адамс, В. Барджес, Г. Ли, Дж. Адамс, С. Митчелл, Э. Нортон, Ч. Хоскинс, Дж. Томпсон.

Значительный вклад в развитие медиевистики внесли отечественные историки XIX – первой трети XX в. Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, С. В. Ешевский, В. И. Герье, М. М. Стасюлевич, В. В. Бауэр, В. Г. Васильевский, В. А. Бильбасов, Ф. Я. Фортинский, Г. В. Форстен, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, М. Н. Петров, М. С. Корелин, М. М. Ковалевский, Н. А. Осокин, А. Н. Савин, Л. П. Карсавин, Н. И.

Кареев, И. М. Гревс, В. К. Пискорский, Д. М. Петрушевский, Р. Ю. Виппер. Получили признание труды советских медиевистов – М. А. Барга, О. Л. Вайнштейна, Н. П. Грацианского, М. А. Гуковского, А. Я. Гуревича, Е. В. Гутновой, О. А. Добиаш-Рождественской, Е. А. Косминского, В. М. Лавровского, Я. А. Левицкого, А. Д. Люблинской, А. И. Неусыхина, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина, Е. Ч. Скржинской, А. Д. Удальцова и др.

М. сразу же заявила о себе как международная научная дисциплина: возникли научные центры (с изданием научных журналов и проведением конференций) в Англии (университеты Оксфорда, Кембриджа, Бангора, Бристоля, Лидса, Йорка, Рединга), Германии (Институт Monumenta Germaniae Historica, Мюнхен, университет Фрайбурга), Австрии (Regesta imperii, Вена), США (Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Вашингтон, университеты Фордхем, Миннесоты, Пенсильвании), Канады (Автономный институт изучения средневековья при университете Торонто), Чехии (Карлов университет при Академии наук Чехии), Норвегии (университет Бергена), Австралии (университет Сиднея), Венгрии (Центрально-Европейский университет, Будапешт), России (Институт всеобщей истории РАН, кафедры истории средних веков МГУ и СПбГУ и др.).

Главным изданием российской медиевистики является журнал «Средние века» (с 1942 г.). Ведущие российские специалисты в области медиевистики объединены во Всероссийскую ассоциацию медиевистов и историков раннего нового времени.

Лит.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1969; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985; *Косминский Е. А.* Историография средних веков. V – сер. XIX в. М., 1973; *Медиевистика как историческая наука // История средних веков: учеб. пособ.: в 3 ч. Ч. 1 / Под ред. В. А. Феодосика и И. О. Евтухова.* Минск, 2008; *Alexander M.* Medievalism: the Middle Ages in Modern England. Yale, 2007; *Cantor N. F.* Inventing the Middle Ages: the lives, works and ideas of the great medievalists of the twentieth century. Michigan, 1991.

В. А. ФИЛИМОНОВ, С. С. ХОДЯЧИХ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ПРИНЦИП – методологический подход, способ получения нового знания, основанный на заимствовании теорий и методов других наук для решения проблем *исторического исследования*. Принцип междисциплинарности предполагает

соблюдение ряда правил, главными из которых являются: обновление объекта, объяснительных моделей, инструментария исследования; адаптация, «историзация», совершенствование методов других дисциплин в соответствии со спецификой и подходами *исторической науки*; адекватность заимствуемых идей, понятий и методов логике, предмету, задачам и источниковой базе *исторического исследования*.

М. п. утвердился во второй половине XX в., сформировался на основе анализа опыта взаимодействия истории с другими гуманитарными и социальными науками в Новое и Новейшее время. В результате специализации наук о человеке и обществе и оформления в XIX – первой половине XX в. целого ряда новых научных дисциплин (социология, историческая и социальная психология, антропология, экономика, демография) ими разрабатываются продуктивные объяснительные модели, методы, новые виды *исторических источников*, которые оказались востребованными *исторической наукой*.

Феномен междисциплинарности, зародившись в конце XIX века, отражал потребность *исторической науки* в постоянном обновлении и обогащении своей проблематики и *методов исследования*, позволял историкам проникать в прежде закрытые для них зоны знания, использовать новые методы, экспериментировать с историческим материалом [М. М. Кром, И. М. Савельева, А. В. Полетаев]. Методологической основой применения принципа междисциплинарности является наличие общего объекта гуманитарных и социальных наук (при различии их предмета) – человека как продукта культуры во всех проявлениях его жизнедеятельности.

Применение принципа междисциплинарности в *историческом исследовании* обосновали основатели школы «Анналов» [Л. Февр, И. М. Блок]. В 1970–1980-е годы в рамках «*новой исторической науки*» история стала *интердисциплинарной* за счет конструирования самого объекта исследования как поли- / мультидисциплинарного, что привело к расширению *предмета истории*, круга *источников* и *методов исследования*, вызвало появление множества новых «гибридных» субдисциплин и значительное усложнение структуры *исторической науки* [Л. П. Репина]. Влияние *неопозитивистской, структуралистской, марксистской парадигм, концепций* социологии, теории *системного анализа*, расширение *предмета истории* обусловили применение в *исторических исследованиях* во второй половине XX века *математических, статистических методов, компьютерных технологий*. В 1980–1990-е годы в рамках общего сдвига от социально-структурной к *социокультурной*

истории, роста популярности *исторической антропологии* происходит распространение применения методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики. Обоснование *когнитивно-информационной теории* современного гуманитарного познания, постановка вопроса об истории как строгой науке [О. М. Медушевская, А. Н. Медушевский] актуализировали поиск междисциплинарных научных методик, техник и инструментов, направленных на достижение обоснованных результатов *исторических исследований*.

Коллективные кросс-дисциплинарные исследования подразделяются на *мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные*, различающиеся по своим организационным формам и степени интеграции сотрудничающих дисциплин: от низшей ступени к высшей [Л. П. Репина].

Лит.: Кром М. М. Историческая антропология: пособ. к лекционному курсу. СПб., 2000; Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22; Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна» / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005; Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2009; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Репина Л. П. «Новая историческая наука и социальная история. М., 1998 (2-е изд., испр. и доп. – М., 2009).

О. С. ПОРШНЕВА

МЕНТАЛИТЕТ [нем. *Mentalität*, фр. *mentalité*] – 1) совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными (1); 2) структура, определяющая строй мыслей, чувств и поведения и формирующая систему ценностей и норм индивида или социальной группы; 3) устойчивый склад ума, оказывающий непосредственное влияние на экономические, социальные и политические отношения (5); 4) мировидение как совокупность образов и представлений (3); 5) мировосприятие и самосознание» человека (2). **М.** – это кросс-культурное понятие, широко используемое в неклассической исторической науке. Методологические трудности использования понятия «менталитет» в *историческом познании* заключаются в том, что он выступает своеобразной номина-

цией для обозначения самых разнородных *исторических явлений*. В современной исторической литературе можно выделить три подхода к определению содержания понятия «менталитет». В рамках первого из них **М.** рассматривается как совокупность повседневных осознанных представлений, символических образов и ценностей. При втором подходе акцент, наоборот, делается на коллективно-бессознательных, архетипических его компонентах. В рамках третьего подхода подчеркивается, что **М.** – это область как сознательного, так и бессознательного.

Операционализировать понятие «менталитет» применительно к *исторической науке* можно на основе категориального синтеза его определений в различных отраслях современного научного знания с учетом тенденции его к интеграции в контексте *интердисциплинарных исследований*. При этом можно использовать идеи, которые разрабатываются в таких отраслях социально-гуманитарного знания, как *история ментальностей*, семиотика, теория «карнавальной» культуры, теория социальной информации, историческая и культурная антропология. Опираясь на эти идеи, можно предложить следующее операциональное определение понятия «менталитет» как совокупности осознанных и неосознанных повседневных представлений, ценностей и установок, присущих различным социальным общностям или модальным личностям. **М.** – это сфера *повседневности*, включающая как неосознанные, так и осознанные структуры. Неосознанные структуры менталитета устойчивы, консервативны и реактивны. Они «дремлют», но как только возникает подходящая ситуация, активизируются, часто вопреки желанию и воле его социальных носителей. Осознанные структуры менталитета, наоборот, – динамичны, диверсификационны и креативны. Неосознанные структуры менталитета более или менее однородны, они присущи в той или иной мере всей социальной общности и с трудом поддаются изменению. Осознанные структуры менталитета разнородны, изменчивы, их носителями являются различные входящие в социальную общность социальные группы. Поэтому неосознанные структуры менталитета выполняют в социальной общности идентификационную функцию, а осознанные структуры менталитета выступают основой ее социальной дифференциации.

Лит.: 1) *Барз М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 4; 2) *Горский А. А., Пушкарев Л. Н.* Предисловие // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М.: ИРИ РАН, 1994. С. 3; 3) *Гуревич А. Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1 / Под ред. А. О. Чубарьяна и В. В. Согрина. М.: Наука, 1989. С. 75–89; 4) *Лубский А. В.* Альтер-

нативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. С. 155–164; 5) *Фильд Д.* История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунаро. конфер. М.: РОССПЭН, 1996. С. 11–18.

А. В. ЛУБСКИЙ

МЕНТАЛЬНОСТЕЙ ИСТОРИЯ – см. *История ментальностей*.

«МЕСТА ПАМЯТИ» – одно из ключевых понятий memory studies, обобщенно обозначающее разнородные элементы, составляющие содержание коллективной памяти. Места памяти – феномены, находящиеся в коллективной памяти, формирующие идентичность группы и служащие основой коллективного самоопределения. Генезис понятия связан с мнемоническими техниками классической риторики. Общепринятого определения данного понятия в современной науке нет. Так, Ян Ассман называет «местами памяти» такие места, в которых группы людей вовлекаются в публичную активность, выражающую их коллективно разделяемые знания о прошлом, составляющие основу их идентичности. В качестве «мест памяти» могут выступать самые разные носители информации о прошлом, реальные топографические объекты, а также культурные артефакты и культурные практики разного рода – от зданий до произведений музыки или литературы, от религиозных церемоний до спортивных соревнований или национальных праздников.

Формирование данного понятия было связано с деятельностью семинара, проводимого французским историком Пьером Нора в Высшей школе социальных наук (L'École des hautes études en sciences sociales, EHESS), в 1978–1981 гг. Однако представление о том, что образ прошлого может функционировать в качестве элемента коллективной памяти только в том случае, если он получит небиологическую форму фиксации, будет мемориализирован при помощи знаковых систем и медиумов, свойственных данному человеческому сообществу, возникло в самом начале развития memory studies. Связь коммеморативных ритуалов с «местами памяти» была отмечена (хотя еще и без употребления самого термина «места памяти») Э. Дюркгей-

мом в книге «Элементарные формы религиозной жизни» (1912), где проблематика взаимосвязи памяти, сферы сакрального и поддержания коллективной идентичности рассмотрена на материале австралийского тотемизма. Здесь основатель французской социологической школы вводит понятие коммеморативного ритуала, т. е. церемонии, имеющей своей целью репрезентацию мифической истории предка. Сущность данного ритуала заключается исключительно в том, чтобы воззвать к прошлому и вновь вернуть его в настоящее средствами драматического представления. Коммеморативный ритуал при этом принимает форму паломничества по памятным местам. Дюркгейм называет это «имплицитной коммеморацией». Она заключается в том, что церемонии обязательно проходят в местах, осененных славой предков; дороги, которыми проходят участники обряда в ходе своих «благочестивых паломничеств», – те самые, которыми проходили мифические герои; участники церемоний останавливаются для отправления обрядов в тех местах, где останавливались когда-то их предки, где они сошли под землю, и т. п. Поскольку первыми объектами поклонения и периодического воспоминания были предки, то первыми коммеморативными ритуалами оказываются поминальные обряды, а первыми «местами памяти» – могилы.

Практически одновременно с работой Э. Дюркгейма была в 1911 г. завершена и в 1919 г. опубликована монография одного из членов его школы, польского социолога и историка-кельтолога Стефана Чарновского «Кульτ героев и его социальные основания», посвященная культу св. Патрика в Ирландии. Здесь образ святого и связанные с ним коммеморативные практики рассматривались как «место памяти», лежащее в основе ирландской национальной идентичности. Тему изучения паломничества по «местам памяти» как важнейшей коммеморативной практики формирования и поддержания коллективной идентичности продолжил основоположник *memory studies*, видный представитель школы Дюркгейма – Морис Хальбвакс в работе «Евангельская топография Святой Земли» (1941). М. Хальбвакс показывает, что важный для жизни коллектива опыт должен получить пространственно-временную локализацию. Примером «опространствования» памяти для Хальбвакса служит топография Святой земли. Здесь сообщество христиан образовало настолько прочное соединение с территорией, что эта связь продолжает объединять их и тогда, когда большая часть христиан уже физически отделена от Палестины. Автор прослеживает то, как изменения в самоидентификации христианской общины, доктринальные сдвиги, отражались на топографии «святых мест» и паломнических маршрутов.

Введение понятия «места памяти» в исследовательскую практику было связано с реализацией многотомного проекта Пьера Нора по «инвентаризации» французской национальной идентичности через 200 лет после Французской революции. Под «местами памяти» он понимал любые материальные или идеальные значащие единицы, которые по воле людей или же в результате работы времени превратились в символическую часть наследия, сохраняемую в памяти данной общности. Таким образом, выделялись материальные, функциональные (связанные с ритуалами) и символические **М. п.**

Проект изучения «мест памяти» позволил П. Нора сформулировать программу «истории второй степени». «История второй степени» – исследование не фактов в их линейной последовательности, а символического пространства «мест памяти», способов закрепления, функционирования и использования образов прошлого в настоящем. Речь идет не об истории того, что было «на самом деле», а об изучении того, как и почему прошлое было мемориализовано и присвоено определенным сообществом тем или иным способом. История «мест памяти», «история второй степени» – это история широко понятой *историографии*, всех форм и способов фиксации прошлого, принятых в *исторической культуре* определенного общества. История «мест памяти» всегда является историей той или иной современности, так как она занимается изучением того, как и почему то или иное прошлое (пусть и самое отдаленное) было мемориализовано «здесь и сейчас». Таким образом, «история второй степени» – это история форм и стратегий припоминания, реконструкции и деконструкции мест памяти. Проект «истории второй степени» близок к исследовательскому проекту «*истории памяти*» как истории «образов-воспоминаний» Яна Ассмана. Примерами работ такого рода могут служить размышления самого Я. Ассмана о Египте как «образе-воспоминании» последующих культур («Египет как след, послание и память»), а также работы Г. С. Кнабе о роли Античности в русской культуре и Рима в культуре европейской.

Будучи сосредоточен на «местах» именно французской национальной памяти, проект П. Нора был попыткой на новом уровне вернуться к проблематике *национальной истории*, которая была решительно отвергнута и дискредитирована критикой школы «Анналов». Проект П. Нора инспирировал аналогичные проекты изучения национальных «мест памяти» (немецких, итальянских, австрийских, голландских, люксембургских и др.). Возникли проекты по исследованию региональных, а также трансграничных «мест памяти».

Основная критика концепта «места памяти», предложенного П. Нора, концентрировалась на его «закрытости», концентрированности исключительно на нации как целостности, неспособности увидеть сложность и многомерность «мест памяти». В связи с этим стали возникать новые исследовательские программы, корректирующие понимание «мест памяти» у П. Нора.

В 2001 г. вышел трехтомный проект исследования немецких «мест памяти» под редакцией Этьена Франсуа и Хагена Шульце. Отталкиваясь от подходов П. Нора, они подчеркивали, однако, что в своем исследовании стремились избежать видения немецкой нации как замкнутой в себе сущности и учесть сложность и разнородность регионов Германии, подвижность границ национальной территории. Поэтому их понимание «мест памяти» носило более динамический характер. **М. п.** – устойчивые и конститутивные для многих поколений пункты кристаллизации коллективной памяти и идентичности, которые, становясь частью общественных культурных и политических обычаев, изменяются в зависимости от того, как меняется их восприятие, формы присвоения, использования и передачи.

Венский историк культуры Мориц Чаки (Moritz Csáky) применяет к «местам памяти» *метод деконструкции*, который исходит из представления о том, что культура – динамичный текст, который постоянно конструируется заново, а, значит, и память культуры носит многозначный, процессуальный характер. Все **М. п.** являются полифоничными, многозначными, способными постоянно менять свой облик в зависимости от многообразия способов их *интерпретации* и в силу сложности и изменчивости окружающего контекста. **М. п.** постоянно конструируются, деконструируются и реконструируются. **М. п.** не бывают однозначно связаны с определенным сообществом и всегда имеют транслокальное значение, обладают поливалентностью, текучим характером, способностью присваиваться разными, в том числе и разными национальными (транснациональные **М. п.**), общностями одновременно.

Примером практической реализации идеи деконструкции «мест памяти» является продолжающийся в настоящее время проект Центра исторических исследований Польской академии наук в Берлине под руководством профессора Роберта Трабы по исследованию польско-немецких «мест памяти». Он реализуется с 2006 г. в сотрудничестве с Институтом истории Университета Карла фон Оссецкого в Ольденбурге. Авторы проекта впервые применили билатеральный способ рассмотрения «мест памяти» и связали мемориальные культуры с

проблемами польско-немецких отношений. Ими выделяются «общие» **М. п.**, образы прошлого значимые в обеих культурах, но получающие в них различную *интерпретацию*, «параллельные» **М. п.**, т. е. различные образы прошлого, выполняющие, тем не менее, функционально подобную роль в обеих культурах, и, наконец, отдельные польские и немецкие **М. п.**

Лит.: Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 2000; Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него. СПб.: Нестор-История, 2011; Assmann J. Ägypten. Eine Sinngeschichte. München, Hanser, 1996; Csáky M. Gedächtnis, Erinnerung und die Konstruktion von Identität. Das Beispiel Zentraleuropas // Nation und Nationalismus in Europa. Kulturelle Konstruktion von Identitäten / hg. von C. Bosshart-Pflüger et al. Frauenfeld; Stuttgart; Wien, 2002; Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk, bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. T. IV. Warszawa: PWN, 1956; Deutsche Erinnerungsorte / E. François, H. Schulze. Bd. 1–3, München: C. H. Beck 2001; Halbwachs M. La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte; étude de mémoire collective. P., 1941; Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations, No. 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. (Spring, 1989); Les Lieux de mémoire / Dir. par P. Nora. T. I–VII. Paris: Gallimard, 1984–1992; Nora P. Pour une histoire au second degré // Le Débat. Mémoires du XXème siècle. 2002. No. 122; Polsko-niemieckie miejsca pamięci. Paralele. T. 3 / pod red. R. Traba, H. Henning Hahn. Warszawa. Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2012; Polsko-niemieckie miejsca pamięci. T. 4. Refleksje metodologiczne / pod red. H. Henning Hahn, R. Traba, M. Górny, K. Kończal. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2013; Winter J. Historians and Sites of Memory // Memory in Mind and Culture / Ed. by P. Boyer and J. Wertsch. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

МЕТАНАРРАТИВ (метарассказ) – фр. *métarécit*, англ. *metanarrative* – термин, введенный Ж.-Ф. Лиотаром [1]. Один из ключевых терминов постмодернизма (под которым, в свою очередь, согласно Лиотару, «следует понимать недоверие к метарассказам») [1, с. 7]. Этим термином и его производными («метарассказ», «метаповествование», «метаистория», «метадискурс») Лиотар обозначает все те «объяснительные системы», которые, по его мнению, организуют буржуазное общество и служат для него средством самооправдания – религию, историю, науку, психологию, искусство (иначе говоря, любое «знание») [6, с. 229]. Лиотар определяет модернизм как культуру

«больших нарративов» («метанарративов»), как определенных социокультурных доминант, своего рода властных установок, объективирующихся не только в социальных институтах и структурах, но задающих легитимизацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка. В качестве основных идей, организующих культуру модернизма, согласно Лиотару, выступают такие «великие истории» («метарассказы»), как идея *прогресса*, идеалы Просвещения, гегелевская диалектика духа, эмансипация личности, просветительское представление о знании как о средстве установления всеобщего счастья и т. д. Постмодерн, в свою очередь, отвергает «все метаповествования, все системы объяснения мира», заменяя их плюрализмом «фрагментарного опыта» (И. Хассан). В отличие от «эпохи больших нарративов», постмодерн – это «эпоха комментариев, которой мы принадлежим» (Фуко) [5].

Для Лиотара «век постмодерна» в целом характеризуется эрозией веры в «великие метаповествования», в «метарассказы», легитимирующие, объединяющие и «тотализирующие» представления о современности. Сегодня, утверждает Лиотар, «мы являемся свидетелями раздробления», расщепления «великих историй» и появления множества более простых, мелких, локальных «историй-рассказов»; смысл этих «крайне парадоксальных», по своей природе, повествований – не узаконить знание, а «драматизировать наше понимание кризиса» [1, с. 95] и прежде всего кризиса *детерминизма*, который сохранился только в виде «маленьких островков» в мире всеобщей нестабильности, когда все внимание концентрируется на «единичных фактах», «несоизмеримых величинах» и «локальных» процессах [6, с. 229–230]. Веру в метанарратив «взорвали» чудовищные события первой трети XX века. Согласно Лиотару, «проект современности не был “забыт” – он был уничтожен: для обозначения этого события Лиотар воспользовался словом-символом “Освенцим”. После Освенцима никакая вера в метанарративы уже невозможна: постсовременность открывается этим чудовищным преступлением. Но это не означает, что все без исключения нарративы утрачивают доверие: множество разнообразных микронарративов продолжают плести ткань повседневной жизни. Они избегают “кризиса делегитимации”, но как раз потому, что не обладают никакой легитимирующей силой» [3, с. 304].

Если обратиться к сообществу историков, то внутри него проблема недоверия к метанарративам и макроистории наиболее радикально была поставлена американским историком Хейденом Уайтом [4]. История XX века, – утверждает Х. Уайт в ряде работ

последнего времени, – кардинально отлична от всей предшествующей истории. Тот травматический опыт, который повлекли за собой ни с чем не сравнимые события теперь уже ушедшего века, не укладывается ни в одну привычную форму репрезентации, традиционно используемую историками для сообщения о событиях прошлого. Любая попытка представить их в форме традиционного нарратива всегда будет означать «убийство» реальности, ее «одомашнивание», особо недопустимое в тех случаях, когда речь заходит о таких неправдоподобных событиях, как Холокост. Эти события, настаивает Уайт, «не только не могли случиться до XX столетия, но саму их природу и размах ни один из предшествующих веков не мог даже помыслить» [2, с. 20]. В результате, в поздних работах Х. Уайта настойчиво высказывается мысль о том, что *макроистории*, в принятом смысле слова, после XX века, больше не существует (термин «макроистория» означает здесь попытку постижения историком *исторической целостности*). Вместо нее может быть только множество *микроисторий*, каждая из которых будет лишь более или менее приближенной попыткой постижения травмирующего опыта прошлого.

Наиболее общее определение термина «метанарратив» содержится в словаре «Энциклопедия эпистемологии и философии науки», где **М.** определяется как универсальная система понятий, знаков, символов, метафор и т. д., направленная на создание единого типа описания [7].

В настоящее время проблема метанарратива наиболее полно обсуждается в аналитической философии и методологии науки, наиболее яркие представители которой (Т. Кун, П. Фейерабенд, А. Данто, Ф. Анкерсмит и др.) также считают невозможным создание метанарратива и считают естественным состоянием (в частности, истории) сосуществование различных способов описаний и языков.

Лит.: 1) *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: Rapport sur la savoir. Paris, 1979. Рус. перевод: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Перевод с франц. Н. А. Шматко. М.: СПб., 1998; 2) *White H.* The Modernist Event // *The Persistence of History: Cinema, Television and the Modern Event*. N.Y., 1996. P. 17–38; 3) *Гараджа А.* Предисловие к публикации статьи Ж.-Ф. Лиотара «Ответ на вопрос: что такое постмодерн?» // *Ad Marginem* '93. М.: Ad Marginem, 1994. С. 303–323; 4) *Мусик М. А.* Историописание «постсовременности»: несколько слов о причинах недоверия к метанарративам и макроистории // *Вестник Томского государственного университета*. № 281, Март 2004. Томск, 2004. С. 120–124; 5) Новейший философский словарь. 2009. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy [февраль, 2014]; 6) Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М.:

Интрада, ИНИОН, 1996; 7) Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/415/метанапаратив [февраль, 2014].

М. А. МИСИК

МЕТОДИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – элемент *исторического исследования*; совокупность *методов*, используемых в конкретном исследовательском проекте для достижения поставленной цели и решения *научной проблемы*. **М. и. и.** всегда уникальна, так как разрабатывается исследователем с учетом изучаемого *объекта и предмета*, используемых *исторических источников* и авторской модели познания.

Структура методики исторического исследования состоит из используемых историком всеобщих, *общих* и частно-научных методов и характеризуется иерархичностью. Всеобщий метод раскрывает ведущий принцип познавательной деятельности (диалектический, метафизический). Общие методы позволяют накапливать, систематизировать и анализировать необходимый материал, а также придать полученным научным результатам – *знаниям и фактам* – логически непротиворечивую форму. Частно-научные методы предназначены для решения *научной проблемы* исследования.

При разработке методики исторического исследования следует обосновать базовый метод и уточнить дополнительные методы. Цель исследования определяет выбор *базового* метода исторического исследования, в качестве которого выступает обычно один из *основных исторических методов* (*историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историко-динамический*). Он формирует основные стратегические и тактические подходы к исследованию, задает его логический план. Принцип базового метода не исключает возможности и необходимости привлечения дополнительных методов для решения задач более низкого уровня, в том числе информационных (методов сбора и регистрации исторических данных, *систематизации, моделирования*) и содержательных (аналитических). В качестве *дополнительных* методов могут выступать как *основные методы* исторического исследования, так и *вспомогательные / специальные методы*.

При разработке методики исторического исследования очень важно выстроить иерархию используемых подходов и методов. Мож-

но предложить следующую схему описания методики исторического исследования:

- с учетом цели исследования и изучаемой проблемы выделяется *базовый метод*, который в методологическом плане характеризуется как ведущий принцип исследования или подход (*системный, сравнительный, типологический, причинно-следственный*);

- в дополнение к базовому методу для решения проблемно-содержательных задач уточняются или привлекаются другие *основные методы* исследования;

- разрабатывается тактика исследования, которая включает решение информационных задач исследования и выбор соответствующих методов (*методы выборки, формализации текстов источников, картографирования, схематизации, количественного анализа и пр.*). При этом описание методики исторического исследования предполагает более подробную характеристику вспомогательных и специальных методов. Общепринятые процедуры поиска и логического анализа в детальной презентации не нуждаются, так как являются традиционными.

М. и. и. должна отвечать требованиям эффективности, корректности, результативности. Особое внимание следует уделить характеристике *достоверности* полученных в ходе исследования результатов.

Лит.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М., 1986; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Поршнев О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005; Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки / Пер. с итал. Е. Костюкович. СПб., 2004; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990.

Л. Н. МАЗУР

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ – научная дисциплина, разрабатывающая методологический аппарат исторической науки, изучает природу, принципы и *методы исторического познания*. Это основные понятия исторической науки, чье назначение состоит в том, что они организуют и систематизируют её материал. Они называются категориями, т.е. понятиями, отражающими наиболее общие и существен-

ные связи реального мира (подобно *исторической закономерности*), принципами, т. е. исходными понятиями, определяющими принятые в науке коренные способы подхода к изучению её материала, как например, *принцип историзма* и методы, т. е. специальные приёмы научного исследования, такие, как *сравнительно-исторический*. От развитости понятийного аппарата зависит методологическая зрелость всякой науки. Научная строгость и определённость её основных понятий, их универсальность и дифференцированность, логическая точность и внутренняя непротиворечивость составляют необходимую предпосылку её теоретико-методологической эффективности. Основные понятия истории, как и любой науки, не являются раз навсегда данными. Вместе с развитием науки и всего общества они непрерывно совершенствуются и обогащаются. Их развитие носит диалектический характер, в процессе которого одни принципы, подобно Божественному Промыслу, исчезают, другие, как принцип системности, появляются; третьи видоизменяются: на место вульгаризировавшей *историческое познание* «марксистско-ленинской» партийности приходит исторически обоснованный научный *принцип партийности*. Трансформируются и совершенствуются конкретные *методы исторического исследования*.

Методология – пограничная область каждой науки, через которую она соприкасается с другими науками, испытывая их влияние и, в свою очередь, воздействуя на них. Особенно тесной является её связь с философией, так как основные понятия всякой науки в силу их всеобщности являются мировоззренческими. Будучи формой самопознания общества, история нуждается в социально ориентированной методологии, максимально способствующей такому самопознанию.

Начало систематическому изучению и университетскому преподаванию методологии истории положил Иоганн Густав Дройзен (1808–1884), в течение 18-ти лет читавший в Берлинском университете курс «Энциклопедия и методология истории». В опубликованном по его материалам исследовании (*Grundriss der Historik*. Leipzig, 1868) Дройзен сформулировал широкий круг вопросов, и теперь составляющих существенное содержание методологии истории. Историк, подчёркивал он, важно уяснить отношение исторических исследований к другим формам и направлениям человеческого знания, своеобразие их задач и обоснование их действий. Таковы вопросы, продолжал Дройзен, которые всеми историками специально и серьёзно не обсуждались. Их систематическое изучение начинается лишь в конце XIX в., будучи закономерным следствием развития *исторической науки*.

Поступательное расширение масштабов *исторических исследований* и усложнение решавшихся задач выдвигали на повестку дня изучение природы *исторического познания*, его возможностей и границ. Эти задачи становятся предметом оживлённого обсуждения в европейской, особенно немецкой и российской философско-исторической литературе, в ходе которого происходит становление методологии истории как самостоятельной научной дисциплины. В рамках неокантианской *философии истории* [В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер] и *«философии жизни»* [В. Дильтей] было обосновано положение о своеобразии истории как специфической формы научного знания, не сводимого к естественнонаучному познанию, и поставлена проблема взаимоотношения между познающим субъектом (историком) и познаваемым объектом (*исторической действительностью*) как центральная методологическая проблема исторической науки.

Аналогичные вопросы, только преимущественно на конкретном историческом материале, что позволяло избегать крайностей субъективистского подхода, активно обсуждали русские историки [Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, Р. Ю. Виппер, А. С. Лаппо-Данилевский]. Таким образом, **М. и.** выделилась в особый предмет рационального познания и была зафиксирована как система социально апробированных правил и нормативов научного познания. В этом отношении она является органической частью общей методологии научного знания и подчиняется в своём развитии её законам.

М. и. обнимает *предмет истории*, его преломляющиеся в *исторической действительности* основные понятия, диалектику общего и особенного в *историческом процессе* и в *историческом познании*, она изучает соотношение истории и современности, социальные функции *исторической науки*. Она является *теорией «среднего уровня»*, чьи понятия выстраиваются на основе постижения коренных связей конкретной *исторической действительности* и ориентированы на её изучение. Поэтому историю нельзя рассматривать как более низкую или, напротив, более высокую форму научного познания по сравнению с естественнонаучным. Тем более её нельзя судить с позиций абстрактного идеала научного познания вообще. Единственный критерий, определяющий степень научности истории, заключается в её способности объективно характеризовать социальную действительность на уровне конкретных исторических *закономерностей*. Для этого она имеет в своём распоряжении необходимый методологический инструментарий, позволяющий на адекватной источниковой базе реконструировать действительный ход истории в его существенных проявлениях, противоречиях и тенденциях.

Вместе с тем мы вынуждены констатировать относительное отставание истории в сравнении с естественными науками. Объективный характер этого отставания объясняется гораздо большей сложностью *предмета* и целенаправленным характером деятельности людей. В истории общества, писал Ф. Энгельс, действуют люди, одарённые сознанием, поступающие под влиянием страстей. Здесь ничего не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. В этом сочетании объективных и субъективных начал коренятся трудности, стоящие перед *исторической наукой*, изучающей высшую форму движения материи, что и порождает её проблемы. Отсюда вытекает комплекс многообразных задач, которые решает **М. и.**, и которые заключаются в повышении идейно-теоретического уровня *исторической науки*. В их числе расширение её инструментария за счёт усвоения понятийного аппарата и методов гуманитарных и естественных наук, овладения *полидисциплинарной технологией исторического синтеза и верификации* в истории и т. п. Наконец, не в последнюю очередь, **М. и.** обязательно включает в круг своих оснований морально-нравственную компоненту: профессионализм историка неотделим от его нравственности, они взаимодополняемы.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Биск И. Я. Методология истории: курс лекций. Иваново, 2007; Блок М. Апология истории, или ремесло историка. 2-е изд. доп. М., 1986; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1988; Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005; Ретина Л. П. Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1984; Шейндельд М. Б. Методология истории. Учебное пособие. Красноярск, 2005; Carr E. H. What is History? Cambridge, 1962.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ –

1) теоретические положения *исторической науки*, которые выступают средством открытия новых *исторических фактов* или используются в качестве инструмента познания прошлого [В. В. Косолапов]; 2) теоретическая основа конкретно-исторического исследования [Н. А. Мининков].

М. и. и. – это способ решения *научной проблемы* и достижения его цели – получения нового *исторического знания*. **М. и. и.** как спо-

соб исследовательской деятельности представляет собой систему теоретического знания, включающую цель, задачи, предмет, когнитивную стратегию, *методы и методику* производства *исторического знания*. Эта система включает знания двух видов – предметные и методологические. Предметные теоретические знания являются результатом конкретных *исторических исследований*. Это – теоретические знания об *исторической действительности*. Методологические теоретические знания – это результат специальных научных исследований, предметом которых выступает научно-исследовательская деятельность историков. Это – теоретические знания о способах научно-исследовательской деятельности.

Теоретические знания предметного и методологического содержания включаются в структуру методологии исторического исследования при условии их интериоризации методологическим сознанием исследователя, в результате чего они становятся проектной и нормативной основой научно-исследовательской деятельности. В структуре методологии исторического исследования такие теоретические знания выполняют функцию когнитивных «фильтров», опосредующих взаимодействие субъекта и *предмета исторического исследования*. Такие «предпосылочные» или «внеисточниковые» знания иногда называют паттернами, которые представляют собой синкретическое единство конструктивного и концептуального. Это – «образы», с одной стороны, *предмета исторического исследования*, а с другой – самого процесса его исследования.

В структуре методологии исторического исследования можно выделить следующие уровни: 1) *модель исторического исследования* как система нормативного знания, определяющего предметную область конкретного научного исследования, его когнитивную стратегию, основные принципы и познавательные средства; 2) *парадигма исторического исследования* как образец и стандарт постановки и решения определенного класса исследовательских задач, принятые в научном сообществе, к которому принадлежит исследователь; 3) *исторические теории*, имеющие отношение к предметной области конкретно-исторического исследования, формирующие его научный тезаурус, модель предмета и используемые в качестве объяснительных конструктов или понимающих концептов; 4) *методы исторического исследования* как способы решения отдельных научно-исследовательских задач.

Следует различать понятие «методология исторического исследования» и понятие *методологии истории* как отрасли специальных

научных исследований или научной дисциплины, сформировавшейся в рамках *исторической науки* с целью теоретического обеспечения эффективности проводимых в ней *исторических исследований*. *Методология истории* как отрасль науки, по мнению российского историка начала XX в. А. С. Лаппо-Данилевского, распадается на две части: теорию *исторического знания* и учение о методах исторического мышления. В XX в. в предметную область методологии, как *научной дисциплины*, стали включать принципы и *методы исторического исследования*, закономерности процесса *исторического познания*, а также такие вопросы не методологического содержания, как смысл истории, роль народных масс в истории, закономерности *исторического процесса*. В настоящее время *методологию истории* рассматривают как *научную дисциплину*, обеспечивающую организацию исследовательского процесса с целью получения нового и максимально достоверного знания [Н. А. Мининков]. Следовательно, предметом *методологии истории* как научной дисциплины является само *историческое исследование*.

Выделение *исторического исследования* в качестве предмета *методологии истории* как научной дисциплины ставит важные вопросы: является ли это исследование целесообразным или оно носит произвольный характер, какие условия определяют возможность получения нового *исторического знания*, существуют ли логика и нормы научно-исследовательской деятельности историка, познаваем ли ее процесс?

Внутренний мир историка всегда требует определенной свободы творчества, он связан с вдохновением, интуицией, воображением и некоторыми другими неповторимыми психическими качествами ученого. Поэтому в данном отношении *историческое исследование* как творчество является искусством. Вместе с тем *историческое исследование*, чтобы быть научным, должно проводиться в соответствии с определенными принципами и требованиями, которые должен соблюдать ученый. Поэтому свобода творчества, «выпешки озарения» в *исторической науке* неизбежно соседствуют с представлениями ученого о необходимых элементах целенаправленной познавательной деятельности. Поэтому *историческое исследование* – это не только научное творчество, но и в известной мере ремесло, т. е. познавательная деятельность, подчиненная определенным нормативным требованиям. Изучение этих норм, приведение их в систему целенаправленной деятельности, теоретическое ее обоснование дает возможность осуществлять сознательный контроль над процессом конкретно-

исторического исследования, постоянно совершенствовать его практику, а также передавать опыт исследовательского мастерства и обучать ему. В этом состоит непосредственно практическое значение *методологии истории* как научной дисциплины.

Лит.: Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 50; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С. 18; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken, 2010; Мининков Н. А. Методология истории: пособие для начинающего исследователя. Ростов н / Д., 2004. С. 93–94; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. 2-е изд., стер. М., 2008. С. 265.

А. В. ЛУБСКИЙ

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – 1) категория частнонаучных методов, используемых в исторической науке; 2) *вспомогательная историческая дисциплина*, объектом исследования которой выступают **М. и. и.**, их информационный потенциал, возможности и ограничения, методологические и методические вопросы реализации.

В *исторической науке* при определении содержания методов исторического исследования выделяется два подхода: 1) акцент делается на их тесную связь с изучением *исторических источников*: под историческими методами подразумеваются приемы *критики исторических источников*, прежде всего письменных [А. С. Лаппо-Данилевский, И. М. Савельева, А. В. Полетаев и др.]; 2) исторические методы рассматриваются как совокупность подходов и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной задачи [И. Д. Ковальченко].

М. и. и. как самостоятельное научное *направление исторической науки* начинают оформляться в XIX в. Традиционно **М. и. и.** рассматриваются в качестве раздела *методологии истории*. Во второй половине XX в. процесс выделения методов исторического исследования в самостоятельную *научную дисциплину* существенно активизировался, что в значительной мере было связано с *математизацией*, информатизацией, а также интеграцией научных направлений и расширением зон *междисциплинарности*. Однако этот процесс так и остался незавершенным.

С учетом роли в процессе *исторического исследования* **М. и. и.** подразделяются на *основные, вспомогательные и специально-исторические*.

Отличительной чертой методов исторического исследования остается их опора на логический инструментарий – умение рассуждать, анализировать, обобщать имеющиеся факты, привлекая в качестве помощника научную интуицию. Преувеличение роли интуиции нередко приводит к восприятию методов исторического исследования как варианта ментальных практик, ориентированных на иррациональное «постижение» духа истории и отрицанию научных моделей ее познания.

В настоящее время **М. и. и.** активно пополняются за счет включения *междисциплинарных методов*. В истории наряду с традиционными методами исторического, *источниковедческого и историографического анализа* нашли применение методы анализа текстов (*семиотический, дискурсивный анализ*), социологического исследования (опрос, наблюдение, контент-анализ), математического моделирования и т. д. Все они пополняют категорию *вспомогательных методов исторического исследования*.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. М., 1998; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Поршинева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005; Пронштейн А. П., Данилевский И. Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

МЕТОДЫ ОБЩЕНАУЧНЫЕ – категория научных методов, которые используются на всех стадиях исследовательского процесса (эмпирическом и теоретическом) и всеми науками. В основе общенаучных методов лежат универсальные познавательные процедуры (логические и нелогические).

Нелогические методы направлены на решение задач сбора информации и ее эмпирического познания: они позволяют описать изу-

чаемый объект с учетом присущих ему свойств и отношений. К ним относятся методы *наблюдения* и эксперимента.

Логические методы опираются на использование формально-логических приемов обобщения, суждения, доказательства. Правильно построенное (логически организованное) суждение является основным инструментом получения знания, как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании. В форме суждения реализуются основные логические процедуры, которые основаны на таких операциях как абстрагирование, анализ и синтез, доказательство. Абстрагирование представляет собой логическую операцию, связанную с обобщением, отвлечением от конкретных частных свойств объекта и выделение таких его характеристик, которые позволяют отразить сущность изучаемого объекта или процесса. С целью абстрагирования используются процедуры *индукции*, *дедукции*, формализации, отождествления, идеализации.

Если абстрагирование используется для формирования языка науки, то анализ и синтез – ее основные инструменты. Познание включает две основные процедуры: 1) исследование вопроса и 2) его изложение. Анализ как метод, основанный на декомпозиции предмета исследования на составные части и выделении в нем главного и второстепенного, используется в качестве инструмента постижения нового. Синтез представляет собой обратную процедуру познания явления в его единстве и взаимной связи частей, обобщении и сведении в единое целое данных, добытых анализом. Синтез можно рассматривать как метод изложения.

Важнейшим инструментом научного исследования выступает доказательство. В широком смысле под доказательством понимается процесс установления объективной *истины* посредством практических и теоретических операций. В структуре доказательства (или опровержения) выделяются следующие элементы: тезисы доказательства; аргументы; промежуточные допущения; выводы.

К логическим методам можно отнести также *математические методы*, *методы системного*, *структурно-функционального*, информационного анализа и другие, которые используются на стыке формального и содержательного. Общенаучные методы имеют следующие особенности: 1) не обладают логико-гносеологической универсальностью; 2) подчинены общей *методологии*; 3) неотрывны от логико-математического сопровождения; 4) играют важную роль в построении метатеорий и выступают средством переноса знаний из одной отрасли в другую; 5) могут быть использованы в качестве средств систематиза-

ции, упорядочения и преобразования добытых наукой фактов и знаний; 6) представляют определенную форму связи между философским и частно-научным знанием.

Лит.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика с элементами эпистемологии и научной методологии. М., 1994; Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М., 1984; Гончаров С. С., Еришов Ю. Л., Самохвалов К. Ф. Введение в логику и методологию науки: учеб. изд. М., 1994; Горский Д. П. Обобщение и познание. М., 1985; Козин Н. Г. Познание и историческая наука. Саратов, 1980; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Логические методы и формы научного познания. Киев, 1987; Лукашевич В. К. Научный метод: Структура, обоснование, развитие. Минск, 1991; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010.

Л. Н. МАЗУР

МЕТОДЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ – см. *Систематизации методы*.

МЕТРОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ (от др.-греч. μέτρον – мера, измерительный инструмент) – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая меры длины, площади, объема, веса, а также денежный счет в их историческом развитии. Предметом исторической метрологии являются принципы и способы измерения пространства и вещного мира, процессы возникновения, развития и исчезновения систем мер. Накопление знаний по метрологии изначально было связано с утилитарными целями, диктовалось потребностями внутреннего и внешнего товарного обмена, архитектуры, ремесла, земледелия. Как в Западной Европе, так и на Руси в эпоху Средневековья составлялись справочники о мерах и весах для нужд купечества («Русская торговая книга» 1570-х гг.). В 1629 г. для кадастровых описаний была создана «Книга сошного письма» – руководство по измерению земельных площадей. Развитие метрологии в XIX в. было связано, главным образом, с практическими нуждами – унификацией и уточнением единиц измерений, совершенствованию монетной системы. Этому были посвящены работы Л. Ф. Магницкого (1703), В. Н. Татищева (1727), М. А. Матинского (1779). Исторические экскурсии в работах такого рода (наиболее пространный – у А. И. Ламберти, 1827) имели

вспомогательное значение. Специально соотношению исторически сложившихся систем мер с современными были посвящены работы Ф. И. Петрушевского, носившие в целом научно-популярный характер. Складывание исторической метрологии как *вспомогательной исторической дисциплины* связано с именем Д. И. Прозоровского (1820–1894), который сформулировал ее цели и значение для реконструкции различных сторон *исторического процесса*: уровня социально-экономического развития, путей и интенсивности культурных контактов, внешнеполитических и торговых связей, повседневного быта. Статусом учебной дисциплины **И. м.** также обязана Д. И. Прозоровскому: в 1879–1892 гг. он читал курс лекций в С.-Петербургском Археологическом институте (опубликован в 1888 г.). В Московском Археологическом институте курс исторической метрологии читался в 1907–1913 гг. С. К. Кузнецовым (опубликован в 1909 г.). С начала XX в. исследователей особенно занимала проблема генезиса русских мер, их связь с системами измерений сопредельных стран, античными традициями (И. И. Кауфман, Н. Т. Беляев). В советский период изучение истории мер с позиции исторического материализма (Л. В. Черепнин, Н. В. Устюгов) открыло познавательные возможности **И. м.** в социально-экономической и историко-политической проблематике. С 1930-х годов преподавание исторической метрологии возобновилось в Историко-архивном институте (Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин, Е. И. Каменцева). Заслугой Б. А. Рыбакова (несмотря на опровержение большинства его наблюдений Г. Я. Романовой, К. Н. Афанасьевым, П. А. Раппопортом) можно считать расширение источниковой базы исторической метрологии за счет архитектурных и археологических памятников. Масштабное привлечение данных нумизматики Л. В. Черепниным, К. В. Болсуновским, А. Л. Могайтом, В. Л. Яниным, кадастровых измерений А. С. Лаппо-Данилевским, Л. В. Миловым, А. Л. Шапиро, исторической терминологии **И. м.** Ф. П. Филиным, Г. Я. Романовой, В. Н. Пипуныровым обеспечило дальнейшее развитие дисциплины. С 1960-х гг. внимание исследователей привлекали традиционные системы измерений республик и регионов страны, развитие метрологических знаний, историография **И. м.**; с 1990-х гг. разрабатывается культурологический аспект исторической метрологии.

Лит.: Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915–1916. Т. 1–2; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975; Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение. СПб., 1911; Ламберти А. И. О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса. СПб., 1827; Молчанова Л. А. Народная метрология:

(К истории народных мер длины). Минск, 1973; *Петрушевский Ф. И.* Общая метрология. СПб., 1849; *Прозоровский Д. И.* Древняя русская метрология: лекции в Археологическом институте. СПб., 1888; *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975; *Черепнин Л. В.* Русская метрология. М., 1944; *Шевцов В. В.* Историческая метрология России: учеб. пособ. Томск, 2007; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

О. И. ХОРУЖЕНКО

МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД – *междисциплинарный методологический принцип* исследования, предполагающий максимально детализированное изучение конкретного человека, его поведения с тем, чтобы понять, каким образом происходит сопряжение индивидуальных стремлений и действий с социально заданным *макроисторическим* контекстом. **М. п.** широко использует методы и приемы психологии, *этнографии, антропологии, лингвистики* и т.д.

М. п. предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом. *Объектом исследования* может выступать как отдельный человек, так и семья, деревня или социальная группа, причем протяженность исследуемого временного периода также может варьироваться от моментального казуса до жизненной биографии. Как отметил Дж. Леви, «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях». В этом смысле **М. п.** неотделим от *макроистории*, но обогащает ее, поскольку дает возможность понять действие исторических сил на индивидуальном уровне.

М. п. сформировался в 1970-е годы в Италии и получил методологическое обоснование в трудах Э. Гренди, Дж. Леви и К. Гинзбурга. Становление микроисторического подхода как самостоятельного *научного направления* протекает в условиях распространения *постмодернизма* в гуманитарных науках.

М. п. предполагает творческий и личностный подход исследователя к *интерпретации* фактов, поскольку исторический материал редко предоставляет исследователю количество данных, достаточное для этнографически «плотного описания» [К. Гирц]. В силу этого *микроистория* нередко обвиняется в релятивистском подходе к *исторической действительности*. Однако сами основатели направления подчеркивали стремление сделать получаемое в результате примене-

ния микроисторического подхода знание, несмотря на уникальность его объектов, научно верифицируемым, и большие усилия прилагали к теоретическому обоснованию сделанных ими выводов.

Лит.: Олейников А. Микроистория и генеалогия исторического опыта // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2006. Вып. 8. М., 2007. С. 379–393; Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2 (6). С. 14–21; Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 4. С. 193–202.

См. также: *Микроистория*.

Н. В. КАРНАЧУК

МИКРОИСТОРИЯ – одно из научных направлений, возникших в рамках «новой исторической науки» на рубеже 1960–1970-х гг. Впервые сформировалась в итальянской историографии и связана с именами К. Гинзбурга, Дж. Леви, С. Черутти и журналом «Quaderni storici». М. возникла из индивидуальных исследовательских подходов, объединенных лишь желанием отойти от чрезмерно социологизированной истории, превращающейся в «историю структур», и стремлением к включению в историческое знание уникальных, личностных, казусных явлений. Общей, единой для всех теоретической базы М. не имела, и лишь в 1992 г. Дж. Леви попытался обобщить накопленный опыт в статье «On Microhistory» (New Perspectives on Historical Writing / Ed. by Peter Burke. University Park (Penn.), 1992. P. 93–111).

Во французской, британской и американской историографии М. была воспринята как интересный, но и спорный эксперимент по поиску новых подходов к проблеме человека в истории и способа сопряжения микрособытий и общественных явлений макропорядка. В силу этого в вышеперечисленных национальных историографиях не сложилось единого направления или группы «микроисториков», однако сам метод в той или иной степени неоднократно использовался такими исследователями, как Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ревель, Ж. Ле Гофф во Франции, Н. З. Дэвис, Р. Дарнтон, Д. Сэйбин в США. В немецкой историографии микроисторический подход стал основой для формирования школы «истории повседневности» (Alltagsgeschichte), которая связана с именами Х. Медика, А. Людтке, М. Миттерауэра и журналом «Историческая антропология: Культура. Общество. Повсе-

дневность». В отечественной исторической науке аналогичные идеи уже в 1980-х гг. проявлялись в работах А. Я. Гуревича, Ю. Л. Бессмертного, Л. М. Баткина, однако сам термин не употреблялся вплоть до 1990-х гг., когда расцвет российской микроистории обозначился как рядом публикаций в альманахе «Одиссей. Человек в истории», так и возникновением специального периодического издания «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории», основанного Ю. Л. Бессмертным.

Лит.: Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002; *Ле Руа Ладюри Э.* Застывшая история // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993. Вып. 2; *Медик Х.* Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1994. Вып. 4; *Олейников А.* Микроистория и генеалогия исторического опыта? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2007. Вып. 8; *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996; *Levi G.* On Microhistory // *New Perspectives on Historical Writing*, ed. by Peter Burke. University Park, Penn., 1992; *Sabean D. W.* Power in the Blood: Popular Culture and Village Discourse in Early Modern Germany. Cambridge, 1984.

Н. В. КАРНАЧУК

МИР-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД (*мир-системный анализ*) – *макроисторическая парадигма* исследования, которая рассматривает социальную эволюцию экономик, исторических систем и цивилизаций как структурную взаимосвязь в пределах широкомасштабной историко-географической общности, т. н. «мир-системы». В широком смысле **М.-с. п.** – это совокупность исторических, экономических, социально-философских исследований и практик, ориентированных на проблематику изучения истории человечества и формирования современного социального порядка как глобальной интегрированной иерархической системы.

Современный философский словарь (М., 2004) дает следующее определение мир-системного подхода: «Мир-системный подход – это стратегия деятельности и познания, моделирующая современную историю 1) как систему взаимодействий между различными социальными субъектами (региональными союзами, государствами, обществами, культурами, этническими и религиозными группами, между человеческими индивидами), 2) представляющая человеческое сообщество как исторически меняющуюся систему, 3) как систему связей,

становящихся в процессе оформления современного социального мира» (В. Е. Кемеров).

М.-с. п. возник и, в значительной степени, сложился в 1970–1990-е годы в исследованиях Ф. Броделя, И. Валлерстайна, А. Г. Франка, С. Амина, Э. Саида, Дж. Арриги, Дж. Моделски, Дж. Абу-Лугход и др. Мир-системный анализ рассматривается как междисциплинарная альтернатива традиционным социальным наукам, так как критикует стадийные концепции истории, ориентируется на наднациональную перспективу, отрицает дихотомическое противопоставление Запада и Востока и пересматривает проблематику способов производства. С неомарксизмом **М.-с. п.** связан, ввиду претензии его сторонников на новое понимание марксистских принципов историзма (в частности, историчность человеческой природы, неразделяемая взаимосвязь политики, экономики и культуры и др.), глубоким интересом к сущностной динамике мирового капитализма, проблемам неравенства и догоняющего развития. Крупнейшим научным центром разработки и исследования мир-системного подхода является Центр Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Университете штата Нью-Йорк в Бинхемтоне, США.

Ключевым понятием данного подхода является понятие «мир-система», понимаемая как ограниченная в пространстве и времени, целостная, интегрированная совокупность структурных единиц – сообществ (мир-империй, мир-экономик, цивилизаций, суперэтносов и др.), в рамках которой все объекты и элементы структуры связаны общей логикой экономических, политических, и прочих взаимосвязей, образуя внутренний иерархический порядок. По мнению И. Валлерстайна, мир-система – это альтернативная возможность организации материального мира: не общество, не национальное государство, а особая единица анализа горизонтальных связей между историческими сообществами и, в целом, между историко-географическими регионами, этносами, экономиками.

Мир-система имеет иерархическую структуру из концентрически расположенных зон «*центра*», «*полупериферии*» и «*периферии*».

Центр (ядро) – зона экономического, военно-политического и культурно-технологического преобладания в системе. Удерживая ряд важнейших монополий, центр концентрирует материальные блага, лидирует в политико-идеологической сфере, в значительной мере перераспределяет ресурсы внутри системы и транслирует на нее свои культурные образцы.

Периферия – преимущественно отсталые и отдаленные от центра сообщества и экономики, в которых преобладают традиционалистские формы производства и социальной организации. Периферия является сосредоточением основного населения мир-системы, ресурсов, неквалифицированного труда. Она находится в подчиненном и зависимом положении от ядра, подвергается эксплуатации; в то же время, периферия является потенциальным источником угроз для центра в период утраты гегемонии.

Полупериферия формируется из экономик и сообществ, занимающих промежуточное положение. Состоит из динамично развивающихся и экспансионистски настроенных акторов, поднявшихся с периферии, а также из бывших лидеров, утративших гегемонию. Полупериферия занимает важное место в региональной геополитической структуре, в системном перераспределении ресурсов и труда, выполняет компенсирующую и амортизирующую роль. Она нередко является источником различных инновационных изменений.

М.-с. п. начал формироваться в 1970-е годы в русле концепций «периферийной экономики» и основан на методологических принципах *структурализма*. Согласно последним, элементы мировой системы не могут быть адекватно представлены как независимые переменные. Сторонники мир-системного анализа считают, что коренные отличия исторических и современных сообществ могут быть адекватно поняты и описаны в рамках представлений о всеобщей, сложноорганизованной системе политических и экономических взаимосвязей, которые соединяли целые регионы и цивилизации в иерархическую структуру, собственно, мир-систему. Динамика внутри системы определяется не стадийными «способами производства», а структурными факторами: 1) отношениями центра, периферий и полупериферий; 2) внутрисистемными фазами подъема и упадка отдельных регионов или подсистем; 3) борьбой за гегемонию внутри системы между конкурирующими региональными акторами; 4) степенью близости или удаленности конкретного сообщества, региона, экономики или политической структуры от системного ядра.

Выделяются три основных структурных типа социальной организации мир-систем: 1) «мини-системы» (объединяют примитивные сообщества), основанные на отношениях *реципрокного обмена* и культурно-технологической общности; 2) «мир-империи» – авторитарные политические структуры, построенные на внеэкономическом принуждении (с логикой централизованной власти для взимания и *редистрибуции* дани с самостоятельных производящих провинций);

3) «мир-экономики» – обширные горизонтальные цепи из сообществ и структур, включенных в отношения производства, обмена и регионального *разделения труда*, с логикой неравного обмена по осям трансграничных товарных потоков в условиях политической децентрализации. Как правило, мир-империя состоит из «метрополии» (высокоразвитого экспансионистского государства / этноса) и территорий / сообществ, на которые распространяется ее влияние, – «периферии». Мир-экономики могут включать в себя части различных государств и регионов, интегрированные в одну экономическую систему.

В 1960-е гг. идеи, близкие к мир-системной парадигме выдвигал известный американский историк У. Мак-Нил. В его макроисторической концепции («Восхождение Запада», 1963) в качестве важнейшего континентального интегрирующего фактора выступал процесс культурной диффузии – передачи и обмена важнейших технологий, сформировавших мировую цивилизацию. У. Мак-Нил подчеркивал высокое значение азиатских цивилизационных центров в мировой истории – Китая, Ближнего Востока. Периоды военной экспансии отдельных народов и государств вызывали, по мнению Мак-Нила, специфический эффект «замыкания ойкумены», что усиливало системное взаимодействие удаленных друг от друга и цивилизационно обособленных регионов («В погоне за мощью», 1977).

Считается, что на формирование мир-системного подхода И. Валлерстайна повлияли три научных направления: 1) геоистория Ф. Броделя и, шире, всего наследия школы «Анналов», 2) «теории зависимости» в версии А. Г. Франка (которая, в свою очередь, восходит к марксистским теориям империализма), 3) неклассическая экономическая теория (включая концепции экономических циклов), особенно работ К. Поланьи, Й. Шумпетера и Н. Кондратьева. Фернаном Броделем в трехтомнике «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» была предложена историческая модель эволюции расширяющейся до глобальных масштабов «мир-экономики» в XVI–XVIII вв. Ф. Бродель называл мир-системами только такие исторические системы, логика функционирования и развития которых в каждом периоде определяется преимущественно свойствами и отношениями входящих в систему и существующих в данном периоде обществ. Влияние неклассической экономической теории проявилось, прежде всего, в установке на волновую и циклическую природу внутренней системной динамики, так называемых «циклических ритмов» и «вековых трендов». Важнейший ритм, 45–60-летний «кондратьевский цикл» состоит из фаз расширения и упадка. Вековые тренды

впервые выделены Р. Камероном и составляют период 150–300 лет. Эти волновые явления, по мнению И. Валлерстайна, описывают существенную динамику становления и упадка мир-системных гегемоний.

И. Валлерстайн сформулировал гипотезу о том, что до 1500 года развитие исторических систем происходило как чередование «мир-империй» и «мир-экономик», а после 1500 года приобрело капиталистическую логику. В исследованиях И. Валлерстайна окончательно сформировались основные категории мир-системного подхода.

Мир-империи – тип исторических систем, организованных как широкие централизованные политические структуры, объединяющие данническо-перераспределительными отношениями социально и культурно разнородные провинции. Устойчивость мир-империи зависит от эффективности выполнения следующих ключевых функций: а) территориальная, преимущественно военная, экспансия с целью захвата новых даннических провинций, территорий со стратегическими ресурсами, богатыми торговыми путями и т. д., удержание захваченных провинций от держав-конкурентов; б) регулярный сбор дани (в любом виде) с провинций; в) перераспределение дани через централизованную пирамиду чиновников; г) утверждение легитимности имперской власти (как правило, через распространение массовой религии, морального учения, идеологии); д) пресечение сепаратизма провинций и подавление внутренних волнений.

Мир-империи могут трансформироваться в *мир-экономики*. Большинство мир-экономик доиндустриальной эпохи оказались непрочными и погибли, были поглощены мир-империями. Но капиталистическая мир-экономика Европы в силу специфических регионально-исторических факторов оказалась наиболее жизнеспособна. Примерно с 1250 г. в Европе возобладали тенденции, приведшие ее впоследствии к мировой гегемонии. В XVI–XVIII вв. она превратилась в лидера мирового развития, подчинив все другие социальные системы.

Один из ключевых вопросов мир-системной теории заключается в том, сколько мир-систем существовало на протяжении человеческой истории. Хотя И. Валлерстайн считал, что подлинной мир-системой является только капиталистическая мир-система сформировавшаяся после 1500 года, характерно, что практически сразу было предложено расширить территориальные и хронологические рамки мир-системного анализа. А. Г. Франк подверг критике представление об историческом существовании множества «мир-систем», что, по его мнению, во многом обесмысливает само понятие «мир-система». Согласно А. Г. Франку, речь должна идти лишь об одной Мир-Системе, которая

возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации охватила собой весь мир. По его мнению, мировая экономика и её форма протяжённых торговых связей была ядром глобальной, древней по происхождению структуры. Возникновение Мир-Системы Франк связывает с зарождением первых цивилизаций. По его мнению, в доиндустриальную эпоху период кондратьевских циклов был более длинным, от 200 до 500 лет. Выделяются также четыре больших цикла: доклассический (1700–100 / 50 гг. до н. э.), классический (100 / 50 гг. до н. э. – 200–500 гг. н. э.), средневековый (200–500 гг. – 1450 / 1500 гг.) и современный (с XVI века). А. Г. Франк выделяет следующие критерии Мир-Системы: всесторонние и длительные торговые связи; устойчивые или периодически возобновляющиеся политические связи с определёнными регионами или народами, особенно включая отношения «центр-периферия-хинтерланд», а также отношения и процессы в схеме «гегемония / соперничество»; общие экономические, политические и, возможно также, культурные циклы. По его мнению, уже в III тысячелетии до н. э. мир-системные связи охватывали Египет, Месопотамию, Аравийский полуостров, Левант, Анатолию, Иран, долину Инда, Закавказье и некоторые части центральной Азии. Среди сторонников мир-системного подхода Франк широко известен китаецентричной теорией мирового развития, согласно которой, центр цивилизации, возникнув в Китае, затем смещался на запад – в Индию, Переднюю Азию, Средиземноморье, Западную Европу, Северную Америку, и вновь возвращается в Китай.

Дальнейшее развитие взглядов на историю мир-систем в средние века произошло в работах Дж. Абу-Луход, которая выдвинула гипотезу о системном единстве мира до эпохи гегемонии современного капитализма. По ее мнению, в средние века длительное время существовала и в XIII в. достигла кульминации глобально интегрированная «мир-система», к которой в конце концов и присоединилась Европа. По сравнению с современной эпохой эта система международной торговли и региональной специализации была узкой и технологически отсталой, но она была существенно сложнее организована, имела больший объем и действовала с большей изощренностью, чем что-либо ранее известное миру, и немногим уступала уровню XVI–XVII в. Эта мир-система была организована вокруг трех-четырех «ядер». Одним из них был Средний Восток, занимавший стратегическую позицию в международном обмене. Вторым была северная степь, простирающаяся по всей Центральной Азии и после многолетних завоеваний

объединенная с Китаем. Третья зона ядра сосредоточивалась в Индийском океане, который связывал Китай со Средним Востоком через Малаккский пролив и Индию. В период крестовых походов к этой системе подсоединяется Европа. Отмечая, что в мир-системе XIII века не было гегемонии какого-либо центра, Дж. Абу-Луход подчеркивает важную роль Китая, замыкавшего цепь морских и сухопутных торговых путей. Впоследствии этот тезис был усилен в работах А. Г. Франка, К. Чейз-Данна и Т. Холла. В рамках всей мировой системы, однополярная гегемония чрезвычайно редка, приводит к самоуничтожению и, возможно, нереальна. Динамичное равновесие между противостоющими в рамках одной системы А. Г. Франк и Б. К. Джиллс назвали «взаимосвязанными гегемониями».

Реконструируя историческую эволюцию европейской мир-экономики, И. Валлерстайн выделил основные периоды ее экспансии: 1250–1660, 1750–1815, 1880–1900 гг. Когда в начале XX века система достигла пределов экспансии, она отреагировала на это мировой войной и экономическим кризисом, которые, в свою очередь положили начало тоталитаризму. Современная глобальная капиталистическая мир-экономика сформировалась после 1945 года.

С. Амин, выступающий с последовательной критикой глобального капитализма, неограниченно эксплуатирующего страны периферии, протестует против дегуманизирующего влияния рынка, атомизирующего общество и разъединяющего солидарность людей, и называет капитализм «не концом, но отступлением» истории. По общему мнению сторонников мир-системного подхода, современная мир-система находится в глубоком кризисе, так как перестали работать многие позитивные системные факторы, в частности, сдерживающая роль советского противостоющего и «холодной воны», а также исчерпание природных ресурсов, энергетические кризисы, демографические проблемы Запада и кризис либеральной идеологии капитализма. И. Валлерстайн в последних исследованиях указывает, что мировой порядок, который возникнет к 2050–2075 гг. будет кардинально отличаться от современной капиталистической мир-системы структурно и функционально.

М.-с. п. подвергается критике за абсолютизацию роли экономических связей внутри исторических организмов, за размывание объектных рамок исследований (невозможность полного абстрагирования от категорий класса, нации, государства), за детерминистское понимание культурно-антропологических факторов исторического развития. Указывается также на антиисторичность мир-системного

подхода – подмену реальных исторических объектов воображаемыми (Ю. И. Семенов). В то же время отмечается высокий потенциал мир-системного анализа в изучении «горизонтальных связей» между историческими системами, его вклад в создание новой исследовательской перспективы – наднациональной, *цивилизационной*, в обновление *парадигмы* социально-гуманитарного знания и, по сути, в формирование новой социальной философии.

Способность мир-системного подхода к теоретическому и методологическому синтезу привела к его актуализации в рамках концепций *глобальной истории*. Сфера его применения расширяется. Концепция о длительном историческом существовании единой мир-системы получила развитие в исследованиях Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, посвященных факторам и стадиям социальной макроэволюции. Авторы рассматривают воздействие демографических, технологических, производственных факторов на мир-систему, разрабатывают стадии мир-системного политогенеза, подчеркивают нелинейный и альтернативный характер развития как отдельных элементов, так и всей Мир-Системы в целом (5). Мир-системный подход используется для описания взаимодействий кочевых сообществ и земледельческих цивилизаций, как основа для исторических типологий форм политогенеза (Н. А. Крадин, С. А. Васютин и др.).

Лит.: 1) *Abu-Lughod J.* Before European hegemony: the world system AD 1250–1350. N. Y., 1989; 2) *Frank A. G., Gills B. K.* The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // *World System History: The Social Science of Long-term Change* / Ed. by R. A. Denemark, J. Friedman, B. K. Gills, G. Modelski. L.; N. Y., 2000; 3) *Wallerstein I.* The Modern World System, I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. L., 1974; 4) *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; 5) *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2009.

О. В. КИМ

МИФ – одно из ключевых понятий западной культуры, начиная с античности. Начиная с античности же, понятие это определяется через сближение с понятием «логос» и противопоставление ему же. И то, и другое понятия связаны с повествованием. «Логос» – это буквально «слово». «Миф» же уже в первой относительно развернутой греческой рефлексии на эту тему – гесиодовской – не просто «слово»,

а слово, направленное на нечто важное, сакральное. Греки подробно рефлексировали на тему о месте мифа в антитезе «истина-ложь», трактуя это место по-разному. Для досократиков Парменида и Эмпедокла «миф» – это не просто «слово», а ученое слово. В «мифе» для них содержится *истина*, трудно усваиваемая, но крайне важная. Для Платона «миф» синонимичен теоретическому философскому рассуждению. Он может содержать и ложь, и истину, может быть вреден и полезен. «Миф» и «логос» у Платона — понятия, периодически сближаемые и даже взаимозаменяемые.

Новоевропейская мысль немало потрудились, обосновывая противопоставление «мифа» «логосу». Для Дж. Вико «миф» – это специфическая форма мышления, лишенная аналитической способности, подобная детскому мышлению, чувственная, эмоциональная, конкретная. Вместе с тем, для него это важнейший *исторический источник*, без обращения к которому невозможно понять историю развития обществ. Концепция «мифа» в «Новой науке» Вико содержит в зародыше последующие построения в изучении мифа о связи мифа и языка, мифа и фольклора, мифа и коллективных представлений. В философии Просвещения, рассматривавшей миф преимущественно как продукт невежества и обмана, потерялись многие плодотворные наработки Дж. Вико, которые вновь были актуализированы уже в теориях XIX – начала XX столетий. Идею о мифе как «детстве» мышления в трансформированном виде встречаем в концепции М. Мюллера о «болезни языка»: неспособности первобытного человека к отвлеченному мышлению и, в силу этого, необходимости для него использовать метафоры, по мере исторического затемнения которых и рождается, собственно, миф.

Идея о мифе как структурообразующей форме мышления, определяющей характер поведения архаического человека, которую также можно вычитать у Вико, была определяющей для антропологической школы Э. Тэйлора, повлиявшей на становление теоретических представлений Дж. Фрэзера, «Золотая ветвь» которого по праву до сих пор считается классикой в исследовании проблематики «мифа». «Миф» для Фрэзера – не столько попытка объяснения, сколько слепок магического ритуала, смысл которого утрачивается с течением времени. Противопоставляя в духе «позитивистского» XIX столетия «магию» и «науку», «миф» и «логос», Фрэзер, вместе с тем, сближал науку и «магическое мышление» через идею властвования над мирозданием. «...Аналогия между магическим и научным мировоззрением является обоснованной, – читаем в «Золотой ветви». – В обоих случаях допус-

кается, что последовательность событий совершенно определенная, повторяемая и подчиняется действию неизменных законов, проявление которых можно точно вычислить и предвидеть. Из хода природных процессов изгоняются изменчивость, непостоянство и случайность. Как магия, так и наука открывают перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в движение огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными». Впрочем, после этого важного наблюдения далее Фрэзер совершенно в духе прогрессистского XIX столетия корит магию за «совершенно неверное представление о природе частных законов» и, в конечном счете, определяет ее как «незаконнорожденную (!) сестру науки». Но все-таки сближение – весьма примечательное – с точки зрения последующего развития интересующей нас проблематики.

Гуманитария с XX в. преуспела в исследовании мифологического подтекста самых что ни на есть «научных» построений, показывая как часто «...“алогическая”» логика мира мифа» (Я. Э. Голосовкер) просвечивает сквозь логику научных схем. Здесь показательны и убежденные тирады А. Ф. Лосева о том, что «Декарт – мифолог, несмотря на весь свой рационализм, механизм и позитивизм»; что «наука всегда мифологична», что «когда наука» разрушает «миф», то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией». П. Фейерабенд на исходе 1970-х гг. в своих построениях, по сути, отменил границу между «логосом» и «мифом». При этом было осознано то принципиальное обстоятельство, что миф имеет некоторое отношение к самым стержневым, самым фундаментальным категориям европейской цивилизации, к тем категориям, без которых она немислима как таковая. «Наука», «рациональность», «гуманизм» – все эти понятия не просто обретают смысл в соотнесенности с понятием «миф», они соотнесены с этим понятием не только как антитезы, но и генетически. В такой трактовке исторически определенные границы мифотворчества стираются, миф предстает вечным явлением, имеющим быть всегда и везде. Такого рода неопределенность, опасная полной утратой содержательных характеристик понятия «миф» диктует необходимость все новых попыток его определения, новых попыток качественного обособления от «логоса».

Лит.: Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М, 1987, С. 70; Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 30, 32, 33; Тахо-Годи А. А. Миф у Платона как действительное и воображаемое. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/platon-2400/>

[3.htm](#) [февраль, 2014]; Романовская Е. В. История, память и традиция в культурологии Дж. Вико. [Электронный ресурс] URL: <http://ec-dejavu.ru/v-2/Vico.html> [февраль, 2014]; Фрэнсис Дж. Золотая ветвь. М., 1998. С. 57; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

В. М. МУЧНИК

МНОЖЕСТВЕННОСТИ СКОРОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ТЕОРИЯ. Постулировала соразмерные друг с другом три основные скорости социально-исторического времени: короткое, среднее и долгое. Разработанная Фернаном Броделем, она получила наиболее полное выражение в его статье «История и общественные науки. Историческая длительность» («Анналы», 1958). Эта «диалектика времени» выражает «ядро социальной реальности, живое, внутреннее, постоянно возобновляющееся противоречие между настоящим моментом и медленным течением времени». Историк не может ни на минуту выйти за его пределы, он должен уметь работать в каждом временном состоянии. Но подлинным временем историка, по убеждению Броделя, является время длительной протяжённости, *la longue duree*. Это время составляет ядро теории множественности скоростей социально-исторического времени. Для его понимания, поясняет ученый, фундаментальное значение имеет понятие структуры, т. е. ансамбля социальных явлений, образующих медленно изменяющуюся во времени *историческую реальность*. Это, полагал Бродель, и опора, и препятствие исторического движения, самый яркий пример чему представляют географические рамки цивилизации. Человек, утверждал он, пленник своего времени, климата, растительного и животного мира, культуры, создаваемого в течение многих десятилетий равновесия между ним и средой, какое он не может нарушить. Но этот гимн структурам имел свою оборотную сторону: структуры противопоставлялись *событиям*. Теория множественности скоростей социально-исторического времени неоправданно пренебрегала коротким, событийным временем. Между тем *события* составляют нерв движения истории, образуя в своей совокупности её ткань. Тем не менее, теория множественности скоростей социально-исторического времени существенно обогатила возможности *исторического познания*, обосновав значение в *историческом исследовании* «долгого времени» – понятия, прочно вошедшего в научный оборот. Это время историка, так как только на его языке могут быть познаны

закономерности развития человеческого общества, а *события* включены в контексты длительной временной протяжённости. Ибо только таким способом возможно понять действительное значение крупномасштабных *исторических событий*, в особенности близких к нам по времени, порождающих иллюзию их простого, лежащего на поверхности, понимания. Отсюда проистекают поспешные, зачастую идеологизированные их оценки, не выдерживающие испытания временем. Но это означает, что язык короткого времени не достаточен для изучения событийной истории. Чтобы не поддаваться соблазну «очевидных» решений, необходимо включать их в долговременную историческую перспективу.

Другой фундаментальный посыл теории множественности скоростей социально-исторического времени состоит в обосновании плотности социально-исторического времени, его многоярусности и многослойности, что порождает необходимость *междисциплинарного подхода* к изучению истории. Движущееся с разными скоростями социально-историческое время составляет тот стержень, вокруг которого складывается ансамбль наук о человеке и обществе. В этом ансамбле истории принадлежит главная роль, поскольку она является единственной наукой, говорящей одновременно на всех трёх научных языках. Теория множественности скоростей социально-исторического времени явилась методологическим основанием ставших классическими книг Ф. Броделя, которые продемонстрировали грандиозные возможности его глобальной теории и, вместе с тем, её пределы. Она является крупнейшим историографическим фактом XX столетия, доселе сохраняющим своё провокативное влияние на развитие *исторической науки*.

Лит.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность// Философия и методология науки. М., 1977; *Он же*. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002; *Он же*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986–1992. Т. 1–3; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в. Вып. II. Томск, 2003; Февр Л. Бои за историю. М., 1996.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – это когнитивные аналоги, методологические конструкции *идеального типа*, концептуально воспроизводящие в «чистом» виде наиболее типичные

черты научно-исследовательских практик *в исторической науке*. В основе различий между моделями исторического исследования лежат разные познавательные интересы и методологические ориентиры, определяющие особое видение *предмета исторического исследования*, его когнитивной стратегии, способов познавательной деятельности и роли ученого в производстве *исторического знания*.

В рамках дискурсивного моделирования когнитивные практики *в исторической науке* могут быть сведены к трем научным моделям – классической, неклассической и неоклассической, а также *постмодернистской модели исторического познания*. Классическая модель исторического исследования явилась порождением рационалистической культуры Нового времени, дискурса Просвещения, *позитивизма* и классической рациональности. Предметом классической модели исторического исследования, для которой был характерен объективистский, социологистско-номотетический стиль *исторического мышления*, является надындивидуальная и каузальная *историческая действительность*. Ее когнитивная стратегия носит *номотетический* характер, направленный на установление причинно-следственных связей, *исторических закономерностей* и *реконструкцию исторической действительности* в виде системы объективного научного знания. В процессе производства *исторического знания* роль ученого сводится к позиции «нейтрального наблюдателя», а императивом выступает требование: в научном знании не должно быть ничего того, что не относится к *предмету исторического исследования*.

Неклассическая модель исторического исследования стала складываться на рубеже XIX–XX вв. в русле культуры «благоговения перед жизнью», дискурса контрпросвещения, антипозитивизма и неклассической рациональности. Ее возникновение было когнитивной реакцией на кризис *позитивизма* как методологической основы классической науки. В рамках неклассической модели исторического исследования сформировался аксиологический, номиналистско-идиографический стиль *исторического мышления*. Предметом научного *исторического исследования* стала индивидуальная, уникальная *историческая реальность*. Когнитивная стратегия неклассической модели исторического исследования носит *идиографический* характер. Эта стратегия заключается в восстановлении смысла чужой индивидуальности, ее коммуникативной и символической природы посредством аксиологического в нее «вживания». В процессе производства *исторического знания* роль ученого сводится к позиции «активного интерпретатора», которому не удается избавиться от «идолов собст-

венного сознания», но которому следует «воздерживаться от оценочных суждений».

Большое влияние на *историческую науку* во второй трети XX века оказал *постмодернизм*, который возник как антитеза культуре, базирующейся на ценностях и идеалах Просвещения. Постмодернистская модель *исторического познания* тесно связана с *лингвистическим поворотом* и особым стилем субъективистского, ассоциативно-образного *исторического мышления*, основным принципом которого является утверждение «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит так есть»). В рамках этого стиля сложилось представление о том, что историческое прошлое существует только в интерпретациях и лишь благодаря им. Поэтому постмодернисты подвергают радикальной критике классическую модель исследования и ее *номотетическую* когнитивную стратегию, направленную на получение объективно истинного знания. Постмодернисты считают, что в *историческом познании* достойным внимания является лишь единичное, уникальное, индивидуальное, и поэтому они с недоверием относятся ко всякого рода *метанарративам*. Особую роль в *историческом познании* постмодернисты придают текстам, считая их единственной конкретной данностью, с которой имеет дело исследователь. Поэтому процесс *исторического познания* рассматривается постмодернистами как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка текста, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий «мир дискурса», в котором презентуется *историческая реальность*. В постмодернистской модели *исторического познания* центральное место отводится проблемам интертекстуальности и деконструкции. В целом постмодернистская модель *исторического познания* к науке отношения не имеет, поскольку отрицает атрибутивные признаки научного *исторического исследования*. Вместе с тем с *постмодернизмом* связано осознание того, насколько исторически специфическими являются те инструменты, с помощью которых историки пытаются расшифровать прошлое.

Неоклассическая модель исторического исследования стала формироваться в конце XX в. в русле культуры неоглобализма, в рамках «новой мироцелостности», постнеклассической рациональности, поставившей проблему синтеза когнитивных практик, а также методологии нового универсализма, основу которого составляют теории «культурного плюрализма» и теории глокализации, которые постулируют позитивную связь между процессом глобализации и локализации. В методологическом плане возникновение неоклассической мо-

дели исторического исследования было реакцией на вызовы *постмодернизма*, связанные с покушением на профессию историка и социальный статус самой *исторической науки*. Представители неоклассической модели исторического исследования подвергают критике в первую очередь *постмодернизм*, но вместе с тем и всю предшествующую *историографию* (классическую и неклассическую) за методологические односторонности. В рамках неоклассической модели исторического исследования формируется критический, реалистско-синкретический стиль *исторического мышления* и происходит переход от монистической интерпретации *исторической действительности* к плюралистической, от одномерных методологических конструкций ее изучения к многомерным – на основе синтеза позитивных когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования, а также с учетом всего того когнитивно ценного, что содержится в постмодернистской модели *исторического познания*.

Лит.: Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken, 2010; 3) Лубский А. В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3.

А. В. ЛУБСКИЙ

МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ – историософская парадигма, объясняющая макропроцесс перехода и трансформации *традиционного*, аграрного общества в *индустриальное*, приводящий к появлению современного государства, сложно организованного, интегрированного общества и системы расширенного производства. Ключевое содержание теории связано с понятием «модернизация».

Модернизация (*modernization*; от *modern* – современный) – исторически длительный процесс развития инноваций в политике, экономике и культуре, приводящий к социальной эволюции общества, росту его структурной и функциональной дифференциации в направлении становления современного общества. Процесс модернизации является стадийным, многофакторным, исторически инвариантным и обратимым; он обладает региональной и цивилизационной спецификой и

протекает с различной скоростью и интенсивностью в разных общественных подсистемах и на разных этапах развития. Существенным параметром процесса модернизации является «тип модерности» общества. Под ним понимается социокультурный, региональный, цивилизационный контекст модернизации; совокупность характерных признаков общества и культуры, а также исторических условий, влияющих на общие предпосылки, потенциал, исторический рисунок и перспективы модернизации в конкретном социоисторическом организме.

Под модернизацией понимают более широкие процессы, чем генезис капитализма или переход к нему, рассуждая в плане философии истории культуры, цивилизации и т.п. Связь теории модернизации с представлениями о переходной эпохе между средневековьем и новым временем привела к постановке вопроса о синтезе традиций и инноваций в современном обществе. Опираясь термином «модернизация», многие современные авторы интерпретируют его не как революционный прорыв, а как продолжающееся линейное изменение, движение к определенной цели и очертанию целей в контексте реформаторской деятельности, проводимой в условиях международной взаимозависимости и соперничества.

Современные концепции модернизации исходят из представлений о нелинейном, плюралистическом характере этого *исторического процесса*. В основе этих представлений лежит концепция двух генеральных типов модернизации: 1) *Органичная (эндогенная) модернизация* – результат эволюционного развития общества, сбалансированного изменения всех сфер общественного сознания и бытия. Для обществ «органичной модернизации» характерны выгодное природно-географическое положение (наличие эксклюзивных ресурсов, близость морских коммуникаций и т. д.), сравнительно высокая степень экономической и политической эмансипации населения, урбанизм, раннее развитие товарного производства и обмена. Относительная нестойкость традиционализма, социальная мобильность и наличие горизонтальных общественных структур формируют предпосылки политического диалога власти и общества. Благоприятные факторы способствуют быстрому развитию и сокращению социальных издержек модернизации. 2) *Неорганичная (экзогенная, догоняющая) модернизация* – как правило, связана с модернизационными реформами правящей элиты, стремящейся преодолеть военно-техническое, экономическое, цивилизационное отставание от динамично развивающихся стран «первого эшелона» модернизации. Неорганичная мо-

дернизация развивается под воздействием внешних вызовов, подразумевает ускоренное приоритетное развитие военно-промышленной сферы и носит несбалансированный характер, чревата обострением конфликта между *традицией* и привнесенными элементами. Такая модернизация связана с большими социальными потрясениями, внутренним насилием, разрушением традиционного субстрата с далеко идущими негативными последствиями (6).

Стадиальный характер теории модернизации проявился в комплексе представлений о «первичной» и «вторичной» модернизации. Под первичной модернизацией (1500–1800 гг. для Западной Европы) понимают процессы, происходящие в обществе до периода *промышленной революции и индустриализации*. В этот период происходит трансформация, размывание традиционной социальной структуры, производственных отношений, систем мировоззрения. Появляются и распространяются новые «модерные» формы менталитета, модели поведения, распространяется рационализация духовной и интеллектуальной сферы. На кульминации этой фазы появляются устойчивые тенденции капиталистического развития, возрастает степень политического участия населения. «Вторичная» модернизация (1800–1950 гг. для Западной Европы) сопровождает процесс становления *индустриального общества*. В ходе нее общественные отношения усложняются и дифференцируются под мощным воздействием техногенных факторов, разворачиваются процессы урбанизации и демографического перехода. Формируется средний класс, происходит демократизация политической сферы. На кульминации этой фазы развития западный мир начинает проявлять признаки формирования *постиндустриального общества*, в то время как сообщества периферии и полупериферии (см.: *Мир-системный подход*) вынуждены решать исторические задачи «прорыва традиционности», преодоления отсталости, зависимости и догоняющего развития (последние аспекты по-разному освещались в первом и втором поколениях теорий модернизации, см. ниже). В ряде исследований поставлен вопрос о выделении специфической эпохи «премодерна» (1250–1450 гг. для Западной Европы), в ходе которой проявляются признаки нестабильности традиционного дискурса, локального развития современных практик, секулярные тенденции, интенсификация обменов, становление регулярного государства и т. д. Вхождение сообществ и цивилизаций в эти фазы развития носит несинхронный характер. Отмечается также, что процессы модернизации обратимы, могут сломаться от военного поражения, экономического и демографи-

ческого кризиса, общественного раскола, противоречий между модернизационной парадигмой и национальным менталитетом и т. д.

Появившаяся во второй половине XX в. теория модернизации была связана с формирующимися доктринами индустриализма, традиционализма, транзитного общества и переходной эпохи. В ее основе лежит представление о трансформации традиционного общества в *индустриальное*. Интерпретация Т. Парсонсом взглядов М. Вебера в духе универсальности капитализма западного образца, необходимости принятия его самого и его социокультурных производных всеми странами мира придала теории определенный европоцентристский акцент. Теория модернизации не представляла единого фронта исследований, и мы можем говорить о нескольких серьезно отличавшихся редакциях. Существует три хронологических этапа этой группы теорий: 1) линейные, европоцентристские теории 1950–1960-х гг., которые сформировали саму *парадигму*; 2) последующий, в 1970–1980-е гг., этап критической ревизии теории, способствовавший ее историзации и социологизации; 3) осмысление теории модернизации в контексте *новой исторической науки*.

Ранние версии модернизации отличал близкий *марксизму* дух *позитивизма* (близость дихотомий «традиционное – современное» и «первичные – вторичные формации»). Обоим подходам в равной степени было свойственно линейное, стадийное видение всемирно-исторического развития, *детерминизм*. Обе теории указывали путь окончательной конвергенции всех обществ в мире всеобщего блага, равенства социальных возможностей. Концепция модернизации соединяла в единую *парадигму* весь комплекс представлений о трансформации *традиционного*, аграрного общества в капиталистическое, *индустриальное*. Этот процесс рассматривался как всеобщий и, по сути, неизбежный этап для всех развивающихся стран, стремившихся преодолеть отсталость и пережитки колониальной эпохи. Модернизация воспринималась как процесс системных изменений, с кумулятивным эффектом во всех сферах общественной жизни. Идеологема модернизации определялась установками ее разработчиков Т. Парсонса и Э. Шилза на то, что традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует *прогрессу*. Они считали возможным однолинейное, в том числе направляемое извне развитие стран «третьего мира» (4).

Особый вклад в формирование представлений об этапах и траекториях модернизации внесли исследования У. Ростоу и Р. Арона. Книга «Стадии экономического роста», была работой прорывного

значения в формировании переходной *парадигмы*. У. Ростоу указал на существование особой промежуточной стадии между *эпохами* традиционности и стадией *сдвига* (т. н. «take-off»). Согласно пятиэтапной схеме стадий экономического роста, аграрное, сословное общество, с «доньютоновским» уровнем техники и технологий сменяется обществом «*переходным*» («the precondition for take-off»). В нем происходит формирование предпосылок *сдвига*. Оно характеризуется интенсификацией обменов, ростом капиталовооруженности производства, появлением новых типов и моделей социального поведения, особенно рационального предпринимательства. В переходном обществе происходит рост национализма (абсолютистские тенденции), на кульминации этой фазы возникает централизованное государство. На стадии *сдвига* начинается *промышленная революция, индустриализация*. В этот период классовая структура общества окончательно сменяет сословную. Экономический рост с разной скоростью проникновения и воздействия меняет все сферы общественной жизни, меняется система общественных связей, *разделение труда*, резко повышается роль капитала, возникают новые отрасли и т. п.

Французский социолог Р. Арон сформулировал положение о том, что результатом модернизации вовсе не обязательно может стать появление общества и государства западного, буржуазного типа, указал на инвариантность путей к индустриализму, на разнообразие самого индустриализма. Он считал возможным сопоставлять капитализм и социализм в рамках *идеального типа* единого *индустриального общества*. Проекция идей Р. Арона на Новую историю привела к постановке вопроса о том, что и сама «модерность» в рамках типологически однородной стадии развития производства может существенно различаться в региональных версиях – по степени государственного принуждения и по распространенности принудительных стратегий вообще, по развитию рынка и внеэкономической *редистрибуции*, по соотношению горизонтальных и вертикальных связей в обществе, по уровню приватизации, по фрагментарности самого развития и т. д.

И. В. Побережников отметил, что в первых линейных моделях модернизации она рассматривалась как *революционный процесс*, связанный с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности. Повсеместное давление модернизации на разных «этажах» общественного здания порождает «процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распро-

странения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия» (5).

К 1960-м гг. различные аналитические течения и теоретические традиции, описывающие модернизацию, объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу. Общее понимание модернизации (У. Ростоу, С. Леви, Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, Н. Смелзер, Р. Бендикс, Д. Эптер, С. Блэк и др.) сводилось к попыткам общества и государства дать ответы на вызовы эпохи путем инноваций и реформ. При этом авторы первых концепций по-разному определяли ведущие факторы. Ими могли быть факторы экономические, технологические, социально-политические. По-разному оценивался масштаб процесса. Системный характер модернизации выражается в том, что инновации, привнесенные ей, встраиваются в социальную систему, вызывают цепочку трансформаций и взаимных адаптаций старых и новых общественных институтов. Эти изменения происходят революционно быстро, хотя скорость их протекания в разных сферах и сегментах общества неодинакова. В более поздних версиях теории обращалось особое внимание на то, что реакция *традиционного общества* на новые идеи, технологии и институты может быть парадоксальной и неадекватной. Но линейные трактовки модернизации в духе У. Ростоу, А. Органского, М. Леви, Д. Лернера, Н. Смелзера, С. Блэка сходились на эндогенном, глобальном, осевом характере этого процесса. С. Блэк предложил общую схему протекания изменений. Модернизация в интеллектуальной жизни приводит к научной революции; а в политической – к централизации и укреплению прямой связи государства и общества. Технологические инновации ведут к резкому ускорению промышленного роста, к развитию специализации и обменов. В социальной сфере изменения приводят к урбанизации, к развитию средних слоев населения, к эмансипации, росту грамотности, демографическим изменениям и т. д. К заслугам Блэка следует отнести актуальную идентификацию четырех фаз модернизации: 1) «вызов модернизации»; 2) консолидация модернизаторской элиты; 3) экономическая и социальная трансформация; 4) интеграция общества (1).

Однолинейное понимание модернизации вызвало мощную тенденцию к *европоцентризму*, в рамках которого историческое развитие модернизации в Западной Европе и Америке в XVI–XX вв. приобрело характер всемирно-исторического образца. Обязательными элементами считались: развитие частнособственнических отношений и форм

производства, генезис капитализма, рыночной экономики, политическое развитие в направлении буржуазной демократии и либерализма. *Вестернизация* стала рассматриваться как наиболее чистая, логичная и эффективная модель этого исторического процесса. Выдвигалась идея конвергенции, преодоления отсталости и традиционализма за счет заимствования западных социальных институтов, стимулирующих развитие рациональности, экономической инициативы, индивидуализм и освобождение личности.

В 1960–1970 гг. развернулась волна острой критики линейных концепций модернизации и *вестернизации*, не соответствовавших реальному развитию обществ «третьего мира». Следствием этого стала серьезная ревизия модернизационной теории. На новом этапе модернизация виделась многолинейной, обратимой и, собственно, тогда начинают развиваться представления о частичной, «парциальной» модернизации как о длительном процессе перехода и трансформации. Новая версия модернизации больше подходила для описания *исторических процессов*, развернувшихся в раннее Новое время, как в Европе, так и за ее пределами. Частичная, фрагментированная модернизация могла проходить без *индустриализации* и затрагивать лишь некоторые сферы. Политика небольшой модернизаторской элиты в духе «самоусиления» приводит к «устойчивому фрагментарному развитию» общества. Как писал автор концепции, Д. Рюшемейер, «модернизированные и традиционные элементы в социальных структурах, нормах, мировоззрении – могли образовывать временные синтезные формы, которые, в силу обстоятельств, могли закрепиться как нормы и существовать в течение нескольких поколений». Ш. Айзенштадт ввел для переходных обществ понятие «посттрадиционализм», считая, что в ходе успешной модернизации *традиция* не разрушается, а реконструируется, является фактором развития. Он выдвинул идею множественности модерностей как результата воздействия множественных культурных программ. Следствием культуралистского и плюралистического поворота в теории стало признание конфликта составной частью модернизации (2). Как отмечал Й. Арансон, историческая динамика национальной модерности включает в себя развитие способности к самоопределению и самотрансформации в собственном культурно-историческом контексте. Сами же традиционные институты могут адаптироваться к исполнению модернистских функций. Классифицируя региональные модернизационные процессы С. Хантингтон выделял типы «надтреснутых» и «расколотых стран» – периферийных, отчужденных от сердцевинной европейской цивили-

зации. Он указывал, что в «надтреснутых» странах группы населения принадлежат к разным цивилизациям. «Расколотые страны» отличаются от «надтреснутых» тем, что в них преобладает одна цивилизация, но их лидеры хотят изменить цивилизационную идентичность. По мнению С. Хантингтона, Россия была расколотой страной со времен Петра Великого, что и положило начало дискуссиям о том, является ли страна частью западной цивилизации или сердцевиной особой евразийской цивилизации. Таким образом, Хантингтон отверг один из существенных тезисов первых версий теории модернизации о возможности конструктивного перенесения парадигмы развития на чуждую цивилизационную почву (3).

В 1970–1980 гг. концепция «догоняющего развития» стала вытесняться представлениями о фрагментированной парциальной модернизации и испытала серьезное воздействие *теории военной революции*. В описанных моделях «политика самоусиления» нередко являлась прямым следствием военного противостояния между модернизированным, экспансионистским сообществом и его соседями, в разной мере осознающими свое военно-техническое и, как следствие, цивилизационное отставание. Стремление модернизаторских элит создать адекватные угрозам военные инфраструктуры приводило их к реформам в государственной фискальной и социальной политике и к бюрократизации и перестройке самих элит (на примерах России, Османской империи, Японии, Китая и др.). Негативными последствиями такого фрагментарного развития становились резкое возрастание насилия и принуждения внутри системы, глубокий социальный раскол и своеобразный эффект «застывания» на этапах частичной модернизации. В новых установках процесс характеризовался как эволюционный, регионально специфичный, фрагментарный, обратимый и многолинейный.

Важным аспектом интерпретации региональных версий «модерности» и нового понимания предпосылок модернизации в 1980-е годы стало представление о процессах «протоиндустриализации». Функционально этот концепт обслуживает идею переходного общества. В структурном смысле в рамках «протоиндустриальной» фазы истории объясняют процесс развития и адаптации традиционных феодальных институтов к задачам Нового времени. При помощи этой модели протоиндустриализации выравниваются различия между типами органичной и неорганичной модернизации. Ряд исследователей (Н. А. Проскурякова, И. В. Побережников) указывает на высокую роль и специфику процессов «протоиндустриализации» в аграрном

обществе «премодерна». В протоиндустриальном обществе экономика базируется на сельском хозяйстве, а промышленность «встроена» в аграрную экономику и тесно с ней связана. Это, однако, не препятствует достижению достаточно высокого уровня товарного производства и появлению специфического пространственного *разделения труда* – когда значительная часть аграрного населения втягивается в активную экономическую деятельность за пределами сельского хозяйства. Протоиндустриализация представлена различными формами промышленного производства – городское ремесло, кустарные и домашние крестьянские промыслы, разными видами мануфактур и «протофабриками». На этом этапе возможно существенное развитие торговли на местных и внешних рынках, концентрация капиталов, формирование рынка труда. Р. Л. Рудольф считает необходимым выделить особую ступень внегородской индустриализации как характерный структурный элемент ранней модернизации.

В 1980–2000 гг. теория модернизации испытала заметное влияние методологических и теоретических принципов *постмодернизма*. Под мощным давлением *антропологического поворота* в модернизационных исследованиях усилилась компаративистика, стал проявляться интерес к микроистории. С другой стороны, теория модернизации столкнулась с макроисторической альтернативой *мир-системного подхода*. Она стала использоваться как компонент многофакторных моделей исторического процесса (С. А. Нефедов), в *мир-системной парадигме* (Д. Уилкинсон, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев и др.), в концепциях глобальной истории (П. Берк, Х. Инальчик и др.). Тенденция к социологизации теории выразилась в признании высокой роли социальных акторов (коллективов, индивидов, элит), в интересе к субъективным мотивациям, формам адаптации, стратегиям выживания, к изучению социальных и гендерных казусов для выявления проекций модернизации на *повседневность* в микроформате. Современные многолинейные модели модернизации отличает отказ от жесткого *детерминизма* любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т. д.), акцент на комплементарный, взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами. К 1990-м годам наметились тенденции сближения теории с психоисторией, что, с одной стороны, свидетельствовало о ее пластичности, а с другой – о размытии фундаментальных посылок теоретического ядра.

Таким образом, в рамках расширяющейся *парадигмы* существует несколько слабо отделенных друг от друга понятий модернизации.

Модернизация рассматривается как инвариантные модели стадийных *исторических процессов*; как асинхронная эволюция социальных подсистем; как модернизация человеческой личности, преодоление традиционалистской ментальности и установок – в этом смысле как процесс личностной рационализации и цивилизации.

Лит.: 1) *Black C. E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y., 1966; 2) *Eisenstadt S. N.* Multiply Modernity. Daedalus. Cambridge (Mass.), 2000; 3) *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996; 4) Theories of Society, Foundation of Modern Sociological Theory / Ed. by Talcott Parsons, Edward Shils. N. Y., 1961; 5) *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006; 6) *Раков В. М.* «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.): учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999.

О. В. КИМ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ФРОНТИРНАЯ – концепция *модернизации*, которая осуществляется в условиях незавершенного освоения территорий. Концепция «фронтирной модернизации» может применяться для анализа стран фронта, которые продолжали осваиваться в современную эпоху. К числу таких стран можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Для стран фронтирной модернизации характерны: 1) дифференциация пространства на центр (ядро) и периферию, различающиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; 2) наличие доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; 3) возможность для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; 4) потребность в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; 5) проблема ассимиляции, возникавшая вследствие притока мигрантов на периферийные территории; 6) освоенческий синдром (растянутость колонизационных процессов – заселение, аграрное, промышленное освоение; экстенсивный характер аграрной экономики; различная степень заселенности и освоенности территорий); 7) повышенная роль транспортного фактора

(хорошо известно, какое значение для *индустриализации* и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в.; на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века); 8) заметная *милитаризация* регионов освоения, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (вооруженное население, милиция, казачество), в установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник); 9) конгломератность как следствие пограничности, продолжения освоенческих процессов, межэтнической миксации; 10) вероятное усиление фрагментарности общества, роста социальной асимметрии; усиление пространственной неравномерности вследствие административно-управленческих, хозяйственных, социально-сословных, этнокультурных различий между регионами, формировавшимися в зонах фронтиров, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Естественно, характер и динамика модернизации могли существенно различаться во фронтирных обществах в зависимости от их размеров, времени начала модернизации, доминирующих в обществе институтов, выбора стратегии экономического развития, роли государства и рынка как механизмов развития. Понятие «фронтирная модернизация» может применяться к изучению стран, а также внутри-страновых регионов.

Лит.: *Побережников И. В.* Модель фронтирной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции, 30 июня – 2 июля 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 34–41; *Он же.* Особенности фронтирной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010; *Он же.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия УрГУ. 2011. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 4 (96). С. 191–203; *Супоницкая И. М.* Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; *Тёрнер Ф. Дж.* Фронт в американской истории. М., 2009.

И. В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

МОНИЗМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ – принцип *исторического познания*, согласно которому существует единственный способ научного познания истории. **М. м.** как принцип сформировался в рамках

рассудочно-социологической теории *исторического познания*. Историки, придерживающиеся этого принципа, признают возможность получения такого научного *исторического знания*, которое бы полностью соответствовало изучаемой *исторической действительности*, обеспечивая тем самым однозначность содержания объективно истинного знания и построения такой единственно верной *исторической теории*, доказательные аргументы которой окончательны и бесспорны. М. м. предполагает, что только одна из конкурирующих *исторических теорий* обязательно должна быть истинной, а остальные ложными.

М. м. является принципом классической *модели исторического исследования*, представители которой абсолютизируют познавательные возможности той или иной монистической *интерпретации истории*, считая все другие способы интерпретации ограниченными или ложными. В связи с этим ученые, придерживающиеся этого принципа, всегда претендуют на монопольное обладание научной истиной.

Возможности различных монистических *интерпретаций* истории достаточно велики, с их помощью были достигнуты довольно значительные успехи в *историческом познании*. Однако эти *интерпретации* носят частный характер, поскольку каждая из монистических теорий рассматривает определенный срез *исторической действительности* или только в одном ее ракурсе, отказываясь принимать во внимание те *исторические факты*, которые в рамках *исторических реконструкций* монистического характера оказались несущественными. В современной *исторической науке* почти не осталось историков, которые бы отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к истории, отражающего одну, единственно верную *историческую теорию*, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного и сложного мира истории [А. А. Искандеров]. В результате в методологическом сознании историков наметился переход от монистической интерпретации истории к *плюралистической* [А. В. Лубский].

Лит.: Бутенко А. П. Общая концепция истории и современность // Социально-политический журнал. 1998. № 2; Володихин Д. М. «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // Диалог со временем. 2002. Вып. 9; Искандеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 17; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 46–50; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. 2-е изд., стер. М., 2008.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) способ рассмотрения истории, ориентированный на воспроизведение исторических целостностей [А. Я. Гуревич]; 2) комбинированная *исследовательская стратегия*, предполагающая получение нового знания в истории путем дополнения собственно исторических методов исследовательскими установками и методиками, наработанными в других дисциплинах [Л. П. Репина]; 3) *исследовательская технология*, основанная на внутренней когерентности, взаимодополняемости и общей фокусированности комплектирующего ее инодисциплинарного инструментария [И. Ю. Николаева].

В современной *эпистемологии* существуют различные представления о мультидисциплинарном подходе в научном познании. В рамках одного из них **М. п.** рассматривается как одностороннее дополнение одной научной дисциплины другой [J. Piaget]. В *исторической науке* **М. п.** иногда отождествляется с *междисциплинарностью*, связанной с «эпистемическим импортом» – применением объяснительных моделей разных научных дисциплин к предмету исторической науки [В. Вахштайн].

М. п. в историческом познании – это форма и способ изучения исторической реальности. **М. п.** является одной из форм организации кросс-дисциплинарных научных исследований, направленных на преодоление дисциплинарной ограниченности в изучении истории. **М. п.** как способ познания представляет собой тот вариант *холизма* в историческом познании, методологический аспект которого проявляется в стремлении к комплементарному использованию различных методов научного исследования. Использование в историческом познании исследовательского инструментария, заимствованного у других наук, способствует более углубленному изучению предметного поля исторической науки и получению качественно нового исторического знания синтетического характера. В настоящее время **М. п.** проявляется в широком применении в исторических исследованиях методологических конструктов и методов таких научных дисциплин, как культурология, антропология, психология, социология, экономика, политология, демография, регионалистика, лингвистика, математика, информатика и др. **М. п.**, когнитивная стратегия которого нацелена на получение синтетического знания, раскрывает большие перспективы для проведения компаративных исторических исследований.

Лит.: Вахштайн В. Эпистемические интервенции: скромное обаяние «чужих» объяснительных моделей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.>

hse.ru/news/recent/49103686.html [февраль, 2014]; Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 9–10; Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. С. 360; Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of Teaching and Research in Universities. P., 1972. P. 139; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 156–157.

А. В. ЛУБСКИЙ

МЫШЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – 1) совокупность интеллектуальных операций, связанных с языковыми практиками и пространственным воображением, направленных на конструирование субъектом *исторической реальности* (3); 2) деятельность воображения, с помощью которой мы пытаемся наполнить внутреннюю идею конкретным содержанием, реконструируя прошлое (2). **И. м.** представляет собой совокупность умственных процессов, лежащих в основе когнитивной деятельности, связанной с моделированием в процессе социокультурной коммуникации *исторической реальности* с помощью языка на основе информации о ней. Выделяют логический и образный типы исторического мышления. В логическом историческом мышлении, включающем такие интеллектуальные операции, как анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделируются существенные свойства и взаимосвязи *исторических явлений*, которые выражаются в форме понятий, суждений и умозаключений. Такое **И. м.** носит целерациональный характер, оно всегда конкретно и теоретично, направлено на осмысление хода *исторических событий*, их причин и следствий. В образном историческом мышлении, основанном на воображении и ассоциации, моделируется *историческая реальность* как *целостность*, изображаемая в форме тропов и концептов. Образное **И. м.** носит ценностно-рациональный характер. Оно ориентировано не на конкретный исторический результат, а на стоящую за ним ценность. Такое мышление более аксиологично и этично, чем теоретично. Выделяют также аналитический, синтетический, синкретический и концептуальный типы исторического мышления. Аналитическое **И. м.**, направленное на логическое разложение *исторической реальности* как целого на отдельные фрагменты, связано с производством *исторических фактов*. Синтетическое **И. м.**, направленное на логическое «собираение» *исторической реальности* как целого из ее фраг-

ментов, связано с производством исторических описаний и теоретических конструктов. Синкретическое **И. м.**, направленное на образное изображение *исторической реальности* как целого, связано с производством исторических концептов. Концептуальное **И. м.** направлено на холистское воспроизводство *исторической реальности* в виде ее образов-картин как комбинаций различных теоретических конструктов или концептов.

И. м. можно рассматривать в контексте логоса, культуры или субъекта (2). В контексте логоса, исходя из способа осмысления *исторической реальности*, можно выделить мифологический, рационально-спекулятивный и научный виды исторического мышления. Мифологическое **И. м.** концептуально, синкретично и аффективно. Оно основано на воображении и логике бриколажа. Его продуктом являются исторические мифы. Рационально-спекулятивное **И. м.** догматично, синтетично и логично. Оно основано на идеях как умозрительно сконструированных схемах, используемых при осмыслении *исторической реальности*. Его продуктом являются произвольные философско-исторические конструкции прошлого. Научное **И. м.** критично, рефлексивно и эвристично. Оно основано на конкретном изучении *исторической реальности* и ее когнитивном моделировании. Его продуктом являются новые *исторические знания* эмпирического, теоретического и аксиологического характера. В контексте логоса, исходя из различных типов рациональности, можно выделить различные стили научного исторического мышления как формы и способы его организации: 1) классический – объективистский, социологистско-номотетический стиль исторического мышления; 2) неклассический – аксиологический, номиналистско-идиографический стиль исторического мышления; 3) неоклассический – критический, реалистско-синтетический стиль исторического мышления. В качестве особого стиля исторического мышления рассматривается постмодернистский стиль как субъективистский и индивидуалистско-релятивистский. Кроме того, выделяют обыденный стиль исторического мышления, в котором переплетаются компоненты мифологического, рационально-спекулятивного и научного типов исторического мышления. Обыденное **И. м.**, в отличие от научного, ориентированного на поиск *истины* и производство новых *исторических знаний*, связано с воспроизводством различных исторических схем и образов без критики и *интерпретации*. Обыденное **И. м.** как способность к рассуждению, носит дорефлексивный и догматический характер и занято

поиском исторической «правды» как результата эмоционально-ценностного, а иногда и аффективного отношения к историческому прошлому. В контексте культуры **И. м.** рассматривается как когнитивная деятельность, обусловленная культурой ее субъекта, и как средство кросскультурной ориентации (4). В данном контексте различают западный и незападные стили исторического мышления (5). Западное **И. м.** – трагическое, понятийно-логическое; восточное – оппортунистическое, нормативно-тринитарное; русское – драматическое, образно-синкретическое. **И. м.** в контексте логоса и культуры претендует на *реконструкцию* исторического прошлого. **И. м.** в контексте субъекта носит интерпретационный характер (3). Оно направлено на спатально-темпоральное *конструирование* исторической реальности. В рамках спатального конструирования *исторической реальности* основными формами исторического мышления выступают: 1) *описание* как «распознавание черт»; 2) идентификация как «номинация»; 3) *концепция* как логически непротиворечивая система умозаключений теоретического и ценностного характера. В рамках темпорального конструирования исторической реальности основными формами исторического мышления выступают: 1) *презентизм* – осмысление прошлого с позиций современности; 2) *футуризм*, рассматривающий историю как будущее, опрокинутое в прошлое; 3) *пассеизм*, характеризующийся «антикварным» отношением к прошлому вне всякой связи с настоящим и будущим (1).

Лит.: 1) *Артог Ф.* Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5; 2) *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 235–236; 3) *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001; 4) *Кукарцева М. А., Колomoец Е. Н.* Историография и историческое мышление (аналитический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 2. С. 31–49; 5) *Western Historical Thinking. An Intercultural Debate / Ed. by J. Rüsen.* Berghahn Books. N. Y.; Oxford, 2002.

А. В. ЛУБСКИЙ

Н

НАБЛЮДЕНИЯ МЕТОД – технология сбора исторически значимой информации, основанной на целенаправленном прослеживании и регистрации социально значимых *фактов, явлений и процессов*. В *исторических исследованиях* наблюдение используется: 1) для сбора сведений по текущим *событиям*, историческая значимость которых очевидна; 2) в полевых исследованиях в *этнографии, археологии* и др. *специальных исторических дисциплинах*, связанных с экспедиционными методами; 3) для изучения аудиовизуальных источников (кино-, фотодокументов). Метод наблюдения составляет основу *технологии исследования* такого научного направления как *визуальная антропология*.

М. н. получил теоретическое и методическое обоснование в социологии. Чаще всего **М. н.** применяется в исследованиях описательного плана, к которым не предъявляются требования *репрезентативности*. Выделяются следующие виды наблюдения: 1) в зависимости от наличия элементов контроля выделяют контролируемое и неконтролируемое наблюдение; 2) с учетом регулярности наблюдения – систематическое и случайное наблюдение; 3) в зависимости от условий организации – полевое и лабораторное (эксперимент); 4) по положению наблюдателя относительно наблюдаемого объекта – невключенное и включенное; 5) с учетом степени формализованности наблюдение подразделяется на структурированное и неструктурированное.

К основным проблемам организации и проведения наблюдения относят: субъективный, эмоционально окрашенный характер восприятия результатов наблюдения; ограниченность времени наблюдения, а также технические проблемы регистрации и документирования собранной информации. Повышение *достоверности* наблюдения достигается за счет использования элементов контроля.

Лит.: Добренъков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования: учеб. пособ. М., 2006; Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989; Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ.

Екатеринбург, 2010; *Руби Дж.* Визуальная антропология. Реф. В. Л. Круткина // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. Саратов, 2007.

Л. Н. МАЗУР

НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ – способ самоорганизации исторического сообщества и форма научной коммуникации в исторической науке, признаваемое таковым научным сообществом. Существуют различные точки зрения на этот феномен. Одни исследователи исходят из иерархической соподчиненности социальных структур в науке (течение – направление – научная школа) и под направлением понимают более компактные, чем научные течения, группы ученых, тесно связанные между собой не только общими методологическими принципами, но и их интерпретацией, а также общей тематикой и проблематикой своих работ. Последняя, как правило, также определяется единством в вопросах методологии. С методологическими принципами и проблематикой связаны часто (но далеко не всегда) и методические приемы историка, хотя сами по себе они едва ли могут служить основой для отнесения его к тому или иному направлению (Е. В. Гутнова). Ряд исследователей полагают, что понятия «направление» и «научная школа» либо «направление» и «течение» – синонимы. Существует точка зрения о том, что направления составляют обычно основу научных школ, а генезис научной школы происходит на фоне формирования нового научного направления. В советской историографии доминировало выделение в истории исторической науки направлений, в основе которых лежали классовые позиции ученых (декабристское, официально-охранительное, славянофильское, буржуазное, революционно-демократическое, народническое).

Лит.: *Бессмертный Ю. Л.* Споры о главном: (К итогам коллоквиума) // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 123–131; *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985; *Мельникова О. М.* Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера. Ижевск, 2003; *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000.

О. М. МЕЛЬНИКОВА

НАРРАТИВ ИСТОРИЧЕСКИЙ – 1) конструируемая автором и читателем история как целостность, имеющая начало (общую ориентацию), середину (постановку проблемы, ее оценку и разрешение), конец (код и возвращение к настоящему) (3); 2) дискурсивный тип повествовательного текста как *интерпретации* прошлого (4). Исторический нарратив – это форма и способ презентации *исторической реальности*. В *исторической эпистемологии* **И. н.** оказался предметом особого внимания благодаря *лингвистическому повороту* в *историческом познании*. Этот поворот актуализировал различия между научным *историческим исследованием* как производством *исторических фактов* и *историописанием* как рассказом, в котором *воображение историка* на основе конфигуративного замысла упорядочивает *исторические факты* и наполняет их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане **И. н.** как форма и способ презентации *исторической реальности*, с одной стороны, реалистичен, так как содержит правдоподобные высказывания фактического характера, с другой стороны, субъективен, поскольку является продуктом культуры и языка познающего субъекта, которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому **И. н.** является не столько *описанием* прошлого, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и *пониманию исторической реальности*.

В представлениях об **И. н.** можно выделить два направления: нарративный идеализм и нарративный реализм. В рамках нарративного идеализма **И. н.**, в отличие от *описания* и *объяснения* прошлого, рассматривается, с одной стороны, как его *интерпретация*, т. е. нахождение единства в разнообразии, с другой – как презентация в виде гештальта, автономного по отношению к *исторической действительности*. **И. н.** как *интерпретация* и презентация, обращаясь к прошлому, не корреспондирует с ним, а обозначает его с помощью языка познающего субъекта как средства *интерпретации исторической реальности* и добавляет к картине прошлого все то, в чем нуждается историк для его осмысления и представления. Поэтому прошлое – это не текст, который переводится историком в нарратив *историографии*, а повод для создания исторического нарратива как метафорического заявления, служащего связующим звеном между прошлым, которое в нем описано, и структурами, конвенционально используемыми в культуре, для того чтобы наделять значениями и смыслами незнако-

мые события и ситуации. Поэтому **И. н.** относится не к прошлому, а к *историческому дискурсу* по поводу конкурирующих *исторических интерпретаций*. В рамках нарративного идеализма различные *интерпретации* истории согласуются не через соотнесение их с *фактами*, а с аргументами текстов нарративов, и поэтому допускается, что исторические нарративы обладают своего рода правом насилия над *исторической реальностью*. В этом смысле **И. н.** как конструкт *исторической реальности* – это образ возможного прошлого и его концептуальное предпочтение (1). В рамках нарративного реализма **И. н.** – это хронологически организованное сообщение, имеющее начало, середину и конец, соединяющее *время истории* и *время историков*, включающее дескриптивные, объясняющие и аргументационные утверждения о прошлом, расположенные в интерпретирующей структуре, связанной с настоящим (5). В создании исторического нарратива большую роль играет конфигурация, которая предполагает приоритет авторского замысла над фактическим материалом, соединяющего фрагментарные *исторические знания* в единое сюжетное повествование. В последнее время особое значение придается «уликовой парадигме» как способу создания исторического нарратива, включающей, с одной стороны, эмпирические методы добывания фактического знания об исторических явлениях путем обнаружения их индивидуальных «симптомов» («улик»), с другой – априорные методы формирования подразумеваемых, но аргументированных «выводов», избегающих аллегорических толкований прошлого (2). С позиций нарративного реализма **И. н.** получает свое оправдание как форма *исторического знания*, в которой находит свое воплощение специфичность истории как «art» и «science». **И. н.**, формируя собственный «мир истории» и превращая «чужое прошлое» в «свое настоящее», тесно связан с *исторической памятью* и национальной идентичностью.

Лит.: 1) Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова, под ред. Л. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003; 2) Гинзбург К. Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32–61; 3) Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Наука, 1996. С. 17; 4) Кукарцева М. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории // Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 47; 5) Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ.

М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 175, 240–242.

А. В. ЛУБСКИЙ

НАУКИ И ТЕХНИКИ ИСТОРИЯ – дисциплина, изучающая историю становления и эволюции науки и техники как социокультурного процесса и выявляющая закономерности и законы развития науки и техники в целом в контексте социокультурной динамики человечества. Объектом истории науки и техники является комплекс феноменов культуры, произведений человека, формирующийся в сфере познавательной деятельности, нацеленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, а также в сфере производства средств (орудий, устройств, механизмов и т. п.), которые позволяют людям использовать естественные материалы и процессы для удовлетворения своих потребностей. Предмет истории науки и техники – совокупность информации о целенаправленной деятельности человека, направленной на познание окружающего мира и приспособление его для собственных нужд. В России зарождение научного изучения истории науки и техники относится ко времени становления науки в XVIII в. Главным образом изучалась история развития наук. Самостоятельная кафедра истории науки появилась во Франции в 1892 г., что положило начало становлению истории науки и техники в качестве самостоятельной *научной дисциплины*. Формирование самостоятельной дисциплины истории науки и техники в России связано с именами А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и В. И. Вернадского (1863–1945), читавшими в начале XX в. лекционные курсы по истории науки. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в ситуации острой нехватки кадров технических специалистов в СССР предприняты меры по внедрению преподавания истории техники в вузах. В эти и последующие десятилетия разрабатывались учебные курсы, публиковались учебные пособия по истории науки и техники в целом и по истории отдельных наук, биографии великих ученых. В настоящий момент инфраструктура истории науки и техники включает в себя академические институты (Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН), специализированные кафедры в вузах, сеть библиотек, крупнейшей из которых является Государственная публичная научно-техническая библиотека России, и информационных и аналитических

центров научно-технической информации, крупнейшим является Всероссийский институт научной и технической информации РАН.

История науки и техники взаимодействует с историей и историческими науками, *вспомогательными историческими дисциплинами*, философией науки, науковедением и др. Однако, приходится признать, что в рамках истории науки и техники до сих пор не произошло осмысления науки и техники как целостного феномена в культуре, что может стать одним из перспективных направлений развития данной научной дисциплины.

Лит.: *Бернал Дж.* Наука в истории общества: пер. с англ. М., 1956; *Еремеев В. Е.* Введение в историю мировой науки и техники. М., 2012; *Зубов В. П.* Из истории мировой науки. СПб., 2006; *Зубов В. П.* Историография естественных наук в России (XVIII в. – первая половина XIX в.). М., 1956; *Илизаров С. С.* Отечественная историография истории науки и техники: хроника, 1901–2011. М., 2012; *Илизаров С. С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники: Библиографический словарь. М., 1993; *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках. В 3 т. М.; Л., 1933–1934.

Р. Б. КАЗАКОВ

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ – область научного *исторического знания*, предполагающая особый ракурс рассмотрения *исторической реальности (историческая антропология, социальная история, культурная история и др.)*. **Н. н.** следует различать с направлениями в исторической науке, обусловленными мировоззренческими, политическими и т. п. факторами (консервативная историография, либеральная историография, вигская историография и др.). Существующие научные направления сложились, по преимуществу, в рамках неклассической модели науки в связи с расширением предметного пространства *исторического знания*, модификацией исследовательских проблем, диверсификацией исследовательских стратегий. **Н. н.** – одно из самых дискутируемых понятий, по поводу которого нет единства мнений в *историографии* и науковедении. Чаще всего к понятию «научное направление» в *историографии* обращаются в рамках схолярных исследований, что ведет к неоправданному сужению этого понятия, необходимо востребованного при осмыслении актуального сложно организованного исторического, по сути – полидисциплинарного, знания.

Лит.: Михальченко С. И. О школах и направлениях в исторической науке // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. Минск, 2004. С. 38–39; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Школы в науке: сб. ст. / Под ред. С. Р. Микулинского. М., 1977.

Р. Б. КАЗАКОВ, М. Ф. РУМЯНЦЕВА

НАУЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ –

1) совокупность методологических регулятивов, обеспечивающих движение познания к содержательно-истинным результатам; минимально необходимыми критериями научности являются: проблемность, предметность, обоснованность, интересубъективная проверяемость, системность и истинность *исторического знания* (2); 2) теоретический и организационно-методический аппарат управления исследованием *исторической проблемы* (5). В настоящее время можно выделить два основных подхода к решению проблемы критериев научности *исторического исследования*: а) эпистемологический редукционизм; 2) эпистемологический плюрализм, являющийся основой альтернативного идеала научности. Представители эпистемологического редукционизма считают, что на базе наиболее развитой области научного познания можно создать универсальный эталон научности, который должен служить ориентиром для других областей научного познания, в том числе и для *исторической науки*. При этом научность рассматривается как совокупность эпистемологических принципов, обеспечивающих движение познания к содержательно-истинным результатам. В связи с этим основными критериями научности *исторического исследования* выступают такие универсальные принципы, как интернализм, объективизм и фундаментализм. Сторонники эпистемологического плюрализма полагают, что в научном познании не может быть универсального эталона научности, и каждая наука, в том числе историческая, должна вырабатывать свои критерии научности, исходя из специфики своего объекта и познавательной деятельности. В рамках такого подхода к основным критериям научности *исторического исследования* можно отнести принципы экстернализма, плюрализма и антифундаментализма. Представители эпистемологического плюрализма считают нормальным, что у того или иного академического сообщества, придерживающегося определен-

ной модели исторического исследования, могут быть свои критерии научности. Однако историческому исследованию как профессиональной деятельности присущи вполне определенные, эмпирически верифицируемые, атрибутивные признаки научности, обеспечивающие не только преемственность в исторической науке, но и получение нового исторического знания. К таким атрибутивным признакам научности исторического исследования можно отнести: контекстуальность, рациональность, инновационность, стремление к истине, рефлексивность, актуальность, критичность, проблемность, предметность, методологизм, субъектность, фундаментализм, эмпиризм, теоретизм, концептуализм, фальсификационизм. Контекстуальность означает, что историческое исследование обусловлено прежде всего культурно-эпистемологическим контекстом и типами рациональности, господствующими в историческом мышлении. Историческое исследование – это такой вид когнитивной деятельности, результатом которой является принципиально новое историческое знание, полученное при соблюдении принципов научности, легитимных для определенного академического сообщества. Научно-рациональной является та научно-исследовательская деятельность историка, которая связана не только с получением нового исторического знания, но и со стремлением его к научной истине. Однако сама истинность исторического знания не может рассматриваться в качестве критерия научности исследования: истинность – это тот предел научной деятельности, который позволяет преодолевать на пути к нему когнитивные заблуждения и ошибки. Историческое исследование – это когнитивная деятельность с рефлексией, которая выполняет в нем проектную, нормативную и контрольную функции. Актуальность исторического исследования – это его значимость, с одной стороны, для понимания того или иного фрагмента исторической реальности, с другой – для развития определенной отрасли исторической науки. Историческое исследование должно носить проблемный характер, придающий ему определенную целесообразность. Научная проблема – это вопрос, возникающий в методологическом сознании субъекта познавательной деятельности, отвечая на который он собирается получить новое историческое знание. Научная проблема возникает в результате критического анализа существующей системы исторического знания, сопровождаемого внешней рефлексией по поводу ее аутентичности, т. е. полноты и достоверности презентации изучаемой исторической реальности в этой системе. Историческое исследование как особого рода когнитивная деятель-

ность, направленная на получение нового *исторического знания*, должна опираться на определенные средства. Одним из таких средств является *методология*, способ достижения цели *исторического исследования*, решения познавательных задач и получения нового *исторического знания*. С методологизмом тесно связан и такой атрибутивный признак научности *исторического исследования*, как субъектность, проявляющаяся прежде всего в свободе научного творчества: ученый, преодолевая «когнитивный прессинг» методологических стандартов, присваивает себе право самостоятельно определять методологические основания своей научно-исследовательской деятельности и создавать личностно-ориентированные картины *исторической реальности*. *Историческое знание* должно быть обосновано фундаментальным образом, т. е. опираться на *репрезентативные источники* эмпирической информации, являющиеся основой получения эмпирически верифицируемых *исторических фактов* и *исторических описаний*, фиксирующих внешние проявления *исторических событий* и *процессов*. Их *понимание* и *объяснение* возможно только на теоретическом уровне, выходящем за пределы эмпирической *систематизации*. Поэтому к атрибутивным признакам научности *исторического исследования* относятся эмпиризм и теоретизм. *Историческое исследование* предполагает его концептуальную завершенность. *Историческая концепция* представляет собой систему эмпирических, теоретических и аксиологических умозаключений, непротиворечивых и фундаментально обоснованных. Атрибутивным признаком научности *исторического исследования* является эмпирический и методологический *фальсификационизм*, который выполняет функцию контроля научной адекватности *исторических теорий*.

Лит: 1) Антипов Г. А. Как возможна научная история? // Alma mater. 2010. № 7; 2) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: «Наука», 1987; 3) Летов О. В. Проблема научной объективности в постпозитивистской философии // Вопросы философии. 2011. № 12; 4) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 5) Степанищев А. Т., Шевцов В. М. Принцип научности в историческом исследовании // Армия и общество. 2011. № 1, 2.

А. В. ЛУБСКИЙ

НАУЧНЫЙ МЕТОД (от др.-греч. μέθοδος – способ, путь познания). Выделяются два подхода (стратегический и тактический) к дефиниции научного метода: 1) метод как способ, средство достижения цели и задач исследования; 2) метод как система принципов, правил, приемов и процедур познания.

Структура научного метода включает: *методологические подходы* и принципы; процедуры и операции, направленные на сбор, регистрацию, хранение, поиск, систематизацию и преобразование информации. Основу научного метода, по мнению большинства исследователей, составляют подходы и принципы (теория метода). *Подход* определяет основной путь решения исследовательской задачи, т. е. раскрывает стратегию исследования. В современной *исторической науке* используются различные подходы – *эволюционный, системный, структурно-функциональный, модельный, цивилизационный, формационный* и проч. Все методологические подходы связаны с определенными теориями познания.

Конкретное содержание научного метода выражают его принципы, процедуры и операции. Принцип рассматривают как определенное правило, исходное положение или норму. Например, один из принципов сравнительного подхода – принцип сопоставимости. Эволюционный подход основан на *принципе историзма*. Тесная взаимосвязь подхода и принципа обусловлена тем, что оба они соотносятся с теорией и гносеологией. Процедура – совокупность определенных операций. Операция – это некоторое простейшее действие (сводка, умножение и проч.).

В теории познания выделяются три уровня методов науки: всеобщий, *общенаучный*, частнонаучный. К всеобщим методам относят философские методы (подходы), которые лежат в основе всех познавательных процедур и позволяют дать объяснение процессам и явлениям природы, общества и мышления. К ним относятся, например, методы метафизики и диалектики. Метафизический подход отличается восприятием окружающего мира в его неизменности, без учета тех связей и отношений, которые влияют на его развитие. *Диалектический подход*, напротив, исходит из того, что окружающий мир постоянно изменяется и развивается. К *общенаучным* относятся методы, основанные на приемах формальной логики, а также на *наблюдении* и эксперименте. Они имеют универсальное значение и используются во всех науках. Третья группа – частнонаучные методы – это методы

конкретной науки, которые непосредственно связаны с предметом науки, отражая его специфику.

Учитывая информационную природу процесса познания и характер решаемых задач, научные методы можно подразделить на: 1) методы сбора и регистрации информации; 2) *методы систематизации* и упорядочения; 3) методы преобразования (анализа и синтеза) информации. В дополнение к ним можно выделить: 4) методы хранения; 5) методы поиска; 6) методы передачи, которые носят в большей степени технический характер.

Первая группа методов включает приемы, связанные с нахождением источников информации, выявлением и регистрацией нужной информации на собственных носителях, что реализуется с помощью разных приемов, в том числе в истории с использованием *методов выборки* и формализации сведений *источника* и т. д. *Методы систематизации* и упорядочения важны с точки зрения организации информационного массива исследования. Методы анализа и синтеза, необходимые для преобразования информации в новое качество, определяют научный результат исследовательской работы. Эффективность анализа зависит от уровня организации массива информации и его полноты, а также многообразия конкретных приемов преобразования, позволяющих актуализировать не только явную, но и скрытую информацию.

Лит.: *Кедровский О. И.* Методы построения теоретических систем знания. Киев, 1982; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Логические методы и формы научного познания.* Киев, 1987; *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010; *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания. Л., 1972; *Лукашевич В. К.* Научный метод: Структура, обоснование, развитие. Минск, 1991; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Историк и время. В поисках утраченного. М., 1997; *Поршинева О. С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005.

Л. Н. МАЗУР

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ – см.
Национальная история.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ – жанр *историописания*, полагающий основным предметом изучения историю *нации*, своей или чужой. **Н. и.** противостоит *глобальной истории*, а также *локальной и персональной*. Зарождение жанра следует связывать с формированием национального самосознания, что в Европе приходится ориентировочно на последнюю четверть XVIII в., расцвет подобного *историописания* имел место в XIX в., а сейчас оно переживает кризис, вызванный преобладанием в *этнологии* инструменталистских и конструктивистских *парадигм*. Написание национальной истории предполагает создание «мест памяти» и конструирование образов «национальных героев» (в частности, в России таковыми выступают Александр Невский, Дмитрий Донской, К. Минин и Д. Пожарский, А. В. Суворов и М. И. Кутузов и т. п.), что делает подобные сочинения весьма уязвимыми перед скептически настроенной критикой. С другой стороны, процесс формирования национального *исторического нарратива* выступает катализатором системного изучения корпуса *источников* и формирования национального архивного фонда. Крупными представителями национальной истории в России были Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский.

Лит.: Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997; Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2006. № 2 (6). С. 18–30; Франция – память / Предисл. П. Нора; пер. с франц. и послесл. Д. Хапаевой. СПб., 1999; Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. [М.], 2007.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

НАЦИЯ [< лат. *natio* – народ] – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности происхождения, языка, территории, экономических связей, этнических особенностей культуры и характера, психического склада.

Возникновение наций исторически связано с развитием производственных отношений, преодолением национальной замкнутости и раздробленности, с образованием общей системы хозяйства, в частности общего рынка, созданием и распространением общего литературного языка, общих элементов культуры и т. д. Так, первые европейские нации вырастали на базе уже сложившихся крупных

народностей, имевших общность языка, территории и других этнических признаков, выступавших как условия формирования этих наций. В других случаях нации складывались и тогда, когда не было ещё полной готовности всех условий их образования. Так, в ряде стран Азии и Африки нации формировались в ходе борьбы за независимость и особенно после её завоевания на исторически сложившейся в результате колониальных разделов территории из различных по языку, культуре, экономическим связям племён и народностей и становились формой территориально-экономического сплочения, политического и культурного развития этих стран.

Н. – это наделённое самосознанием сообщество людей с перекрывающейся культурной и политической самоидентификацией, исторически возникшей вследствие их привязанности к определённой территории. С одной стороны, это сообщество воображаемое: каждый его член несёт в себе его образ и представляет себе его границы. Человек представляет свою жизнь как траекторию вдоль общего пути, параллельную жизням тысяч своих соотечественников, которых он никогда не видел и не увидит. С другой стороны, корни большинства наций сосредоточены вокруг доминирующего этнического стержня. Большинство членов нации разделяют общий образ жизни и испытывают привязанность к территории их совместного проживания с привычным и узнаваемым ландшафтом. Между тем, совместное проживание приводит со временем к появлению внешнего сходства и к формированию этнической группы, представители которой верят в их общее генеалогическое происхождение в силу схожей внешности, обычаев или исторических воспоминаний. Эта общность активно способствует национальной солидарности.

Несмотря на обилие теоретических трактовок нации в социально-политической мысли, в настоящее время можно говорить о преобладании двух основных теоретических подходов к ее пониманию – *конструктивистском* и *примордиалистском*. Приверженцы первого рассматривают нацию в качестве результата сознательной деятельности того или иного субъекта – интеллектуальной элиты, культивируемой государством солидарности и т. д. Э. Геллнер, Э. Хобсбаум считают, что нации своим происхождением обязаны деятельности государства. Такое понимание нации утверждало формулу «один народ – одна территория – одно государство», которая послужила ориентиром формирования национальных государств в Европе XIX века. Другой образец идеи и практики формирования нации исходил из ее

признания в качестве органической общности, спаянной общей для людей культурой. Здесь на первый план выдвигались язык, традиции и обычаи, акцентирующие внимание на общности происхождения, факторах кровного родства. Сложившийся на этой основе примордиалистский подход трактует нацию как объективно сложившуюся общность людей, которая обладает вполне определенными интересами, а ее существование не зависит от чьих-либо сознательных действий. Наиболее показательной в этом отношении является позиция известного немецкого ученого второй половины XIX в. Отто Бауэра. С его точки зрения, **Н.** является группой лиц, для которых характерна «общность территории, происхождения, языка, нравов и обычаев, переживаний и исторического прошлого, законов и религии... Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы».

В рамках примордиалистского подхода создал свою оригинальную теорию этногенеза Л. Н. Гумилев. Он предложил рассматривать этнические общности с точки зрения наличия в них двух форм движения – биологической, включавшей в себя воздействие географического ландшафта, культурных факторов, взаимоотношений с соседями, и социальной, предполагающей наличие особого источника развития. Под ним подразумевалась так называемая пассионарность, проявляющаяся в концентрации человеческой энергии и в поведении конкретных людей, задающих тон и направление развития данной общности.

Особая позиция сложилась в *марксизме*, интерпретировавшем нацию как специфическую общность, обладавшую вторичным по отношению к классам значением, а национальный вопрос представлявшем в качестве составной части классовой борьбы в период капитализма. Место той или иной нации в жизни общества определялось в зависимости от степени ее политического самоопределения. Соответственно национальные общности подразделялись на те, которые способны к государственной организации (собственно нации), и те, которые еще не готовы к такого рода организации собственной жизни (народности).

Прямо противоположные идеи были предложены авторами культурологического подхода, в частности М. Вебером, рассматривавшим нацию как анонимное сообщество людей, принадлежащих к одной культуре. При таком понимании консолидация нации происходила по мере овладения и осознания людьми групповых ценностей

в качестве ведущих ориентиров, систематизирующих их видение мира. Предполагалось, что даже представители различных этносов, освоивших и руководствующихся одной и той же системой ценностей, могут рассматриваться как представители одной нации.

Практическое политическое значение конструктивистской и примордиалистской трактовок нации выражается, прежде всего, в том, что предложенные ими идеи создают различные концептуальные рамки для формулировки требований к государственной власти от имени национальных групп. Наиболее полно политическое значение разного рода теоретических и идеологических подходов выражается в тех или иных формах и типах национализма.

Первыми современными нациями, по утверждению классика исследования национализма Бенедикта Андерсона, были латиноамериканские, сформировавшиеся в ходе борьбы против испанской короны, за которыми с небольшим отрывом последовали США и затем Франция. Впервые понятие **Н.** в его политическом значении появилось именно в ходе Великой Французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен утраченного «подданства французской короны». В СССР под нацией чаще понимался любой этнос в составе государства, а для полиэтнической общности использовался термин «многонациональный народ».

Лит.: Крайнов Г. Н. Словарь-справочник историка. М., 2004. С. 208.

Г. Н. КРАЙНОВ

НЕЙТРАЛЬНОСТИ ПРИНЦИП – один из основных принципов классической *модели исторического исследования*; правило, предписывающее ученому занимать позицию нейтрального наблюдателя как условие получения объективно истинного *исторического знания*. Принцип нейтральности сформировался в русле *позитивистской теории* познания и классической рациональности, в которой разум, дистанцируясь от вещей, наблюдает и исследует их природу как бы со стороны, не будучи детерминирован ничем, кроме свойств и характеристик изучаемых объектов. Поэтому в *позитивизме* особое внимание уделялось позиции историка как «нейтрального наблюдателя» который, как отмечал один из критиков позитивизма Р. Дж. Коллингвуд, не должен был давать оценки фактов, «его дело – сказать, каковы они были».

П. н. в классической исторической науке является синонимом беспристрастного и беспристрастного *исторического исследования* с целью получения исторического знания, в котором не должно быть ничего того, что не относится к предмету этого исследования. Согласно принципу нейтральности, *историческая наука* оперирует фактическими, а не ценностными суждениями, поэтому данный принцип иногда называют принципом свободы от ценностных суждений.

Лит.: Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л., 1979; Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 126; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken, 2010.

А. В. ЛУБСКИЙ

НЕОГРАФИЯ (неопалеография, нетерография) – гипотетическая *вспомогательная историческая дисциплина*, предмет которой могла бы составить эволюция внешних признаков письменных *исторических источников* нового и новейшего времени. На долю *палеографии* при этом останется изучение письменных источников древности и средневековья. О том, что исследования материалов, орудий, графики письма и способов декорирования рукописей нового и новейшего времени целесообразно обособить от изучения аналогичных вопросов на древнем и средневековом материале, впервые заговорили в 1950-е гг., в частности – Л. В. Черепнин (Русская палеография. М., 1956. С. 574). Идею подхватили С. Н. Валк, М. П. Алексеев, П. Н. Берков, отчасти также С. А. Рейсер. Основанием для выделения неографии в отдельную дисциплину служили принципиальные изменения культуры письма под воздействием технического прогресса и социальных изменений, характерных для эпохи модерна. Одни приемы анализа рукописей (например, изучение водяных знаков или переплетов) при переходе к новому времени сокращают свою значимость, другие (исследование почерков), напротив, становятся существенно более продуктивными. Отдельную проблему, кроме того, составляет широкое распространение разного рода печатающей техники, постепенно вытесняющей традиционное письмо. Все это обуславливает существенные различия между *палеографией* и неографией как в кру-

ге рассматриваемых вопросов, так и в научно-исследовательских приемах. С другой стороны, цели и общие принципы работы с рукописным наследием остаются едиными безотносительно к тому, в какое время был создан *исторический источник*. С этой точки зрения противопоставление *палеографии* и *неографии* представляется необоснованным. В настоящее время дискуссия о статусе неографии практически прекратилась, что связано с общим падением интереса к традиционной проблематике *вспомогательных исторических дисциплин*.

Лит.: Рейсер С. А. Палеография текстов нового времени // Текстология славянских литератур: докл. конф. Ленинград, 25–30 мая 1971 г. Л., 1973. С. 101–113; Рейсер С. А. Русская палеография нового времени (неография). М., 1982.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

НЕОКАНТИАНСТВО – течение в исторической мысли, стремившееся с рационалистических позиций обосновать своеобразие *исторического познания* как отличающегося от естественнонаучного по своей цели. Это течение сложилось в конце XIX – начале XX в. в Германии в баденской (фрейбургской) школе. Его лидерами были В. Виндельбанд (1848–1915) и Г. Риккерт (1863–1936). Н. выступило с критикой игнорирования *позитивизмом* специфики *исторической науки*, субъективистской односторонности «психологизма» *философии жизни* и «экономизма» марксистской теории. Виндельбанд и Риккерт противопоставили «науки о природе» и «науки о культуре» на основе различия их познавательных целей. Первая группа наук ориентирована на обобщение и установление законов, вторая – на описание уникальных фактов. Разные цели обуславливали и различие методов исследования. «Науки о природе» используют *генерализующий, или номотетический метод*, а «науки о культуре», важнейшей из которых была история, *индивидуализирующий, или идиографический метод*. При этом постановка вопроса о критерии выбора описываемых уникальных фактов привел неокантианство к трансформации *идеографического метода* в *ценностный подход* к истории.

В концепции неокантианства посредством *ценностного подхода* возможно достичь общезначимую (объективную) *истину* в истории, поскольку, с одной стороны, такой подход не тождественен субъек-

тивной психологической оценке, а, с другой, он базируется на сверхвременных, надысторических, независимых ни от бытия, ни от сознания, трансцендентных ценностях. Историк отбирает *факты*, имеющие и положительное, и отрицательное отношение к «культурным ценностям», не рассматривая нейтральные к ценностям *факты* и не давая им оценку. Риккерт говорил, что историк *описывает факты*, собранные под именем «Великая Французская революция», поскольку они имеют отношение к политическим, этическим, правовым ценностям, но не решает вопросов, принесла ли эта революция пользу Франции и Европе или повредила их развитию. О природе же самой ценности Риккерт писал, что ее сущность «состоит в ее значимости, а не в ее фактичности», приводя, в качестве примера таких ценностей – религию и государство.

Н. получило распространение, прежде всего, в самой Германии (М. Вебер, Э. Мейер) и в России (А. С. Лаппо-Данилевский, Вен. М. Хвостов, Д. М. Петрушевский). Его привлекательность была связана со стремлением рационалистически обосновать специфику *исторической науки*, даже ее превосходство по сравнению с естествознанием как изучающую самую действительность, а не абстрактные законы; с попытками противостоять релятивизации этических ценностей и норм. Вместе с тем, под влиянием позитивистской критики и практики конкретно-исторических исследований **Н.** эволюционирует. Пусть не в качестве цели, а в качестве средств, оно начинает допускать обобщенные понятия в работу историка («идеально-типическое» – М. Вебер; «типологическое», «номологическое» – А. С. Лаппо-Данилевский); признается возможность оценки общественно-исторического прогресса (А. С. Лаппо-Данилевский), фактически снимается вопрос о трансцендентной природе ценностей.

Лит.: Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904; Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903; Вебер М. Исследование по методологии науки. Ч. I–II. М., 1980; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. I–II. СПб., 1910–1913; Рамазанов С. П. Кризис российской историографии начала XX века. Ч. I. Волгоград, 1999.; Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006; Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Трати Н. А. Теоретико-методологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н / Дону, 2006.

НЕОПОЗИТИВИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ –

направление в *исторической эпистемологии*, представленное логическим позитивизмом и аналитической *философией истории*. В центре внимания неопозитивистов оказались вопросы, связанные с разработкой теории *исторического познания*, анализом природы и языка научного *исторического знания*. В рамках логического позитивизма, представители которого стремились к единству научного знания и объединению исследовательского инструментария естественных и гуманитарных наук, особое внимание уделялось логико-методологическому обоснованию научного теоретического знания в истории, принципам его верификации и языку научных высказываний. Логические позитивисты считали, что *исторические теории* должны выводиться из фактов, а в языке *исторического описания* необходимо строго отделять информативное содержание от эмоциональных оценок. Поэтому большое значение они придавали процедуре верификации *исторического знания*, обозначающей установление истинности научных утверждений в результате их эмпирической и методологической проверки. Особое внимание логические позитивисты уделяли формализации языка научных высказываний, рассматривая такой язык в качестве логической матрицы для познания *исторической реальности*. Считая *объяснение* основной функцией науки, логические позитивисты предложили его «дедуктивно-номологическую модель» – *объяснение в историческом познании* через «охватывающие законы». Согласно К. Гемпелю, предложившему эту модель, функция законов во всех науках одна и та же: они используются для *объяснения* эмпирических данных. Общей является и схема этого объяснения, в которой выделяются следующие элементы: 1) экспланандум – суждения о *фактах, событиях*, которые подлежат *объяснению*; 2) эксплананс – то, на основе чего осуществляется *объяснение*; 3) логический, дедуктивный вывод экспланандума из эксплананса. В свою очередь, эксплананс состоит, с одной стороны, из общих законов, которые используются в *объяснении*; с другой – из высказываний, фиксирующих конкретные условия, в которых существует или протекает объясняемое явление (2). В более простой форме эту схему можно выразить так: чтобы объяснить какое-либо историческое явление, его нужно подвести под один или несколько общих законов, заимствованных, в том числе, и из других наук и применив их в определенных конкретных условиях. Критики К. Гемпеля, в частности У. Дрей, не отрицали того, что историки изредка используют модель объяснения через

«охватывающие законы». Но главное в *историческом объяснении*, по их мнению, – это не внешние «законы» и *каузальность*, а интенциональность и внутренние мотивы деятельности людей (4).

Предметом когнитивного интереса представителей аналитической философии истории выступает специфика *исторического дискурса*, *мышление историков* и способы, с помощью которых они изучают историю. При этом особое внимание они уделяют созданию двух видов *исторических теорий* – описательных и объяснительных. Описательная теория стремится выявить некоторую структуру в череде *событий* прошлого и экстраполировать эту структуру в будущее, делая вывод о том, что будущие события либо повторяют, либо дополняют структуру, выявленную в событиях прошлого. Объяснительная теория пытается дать истолкование этой структуры в терминах *причинности* (3). Кроме того, одним из важнейших для аналитической философии истории является вопрос об условиях *истинности исторического знания*, который ее представители решают через анализ структуры и логики высказываний, содержащихся в исторических работах. В развитии аналитической философии истории в XX в. Ф. Анкерсмит, рассматривающий ее в качестве одного из вариантов логического позитивизма, выделяет следующие этапы: 1) 1950-е гг. – появление дедуктивно-номологической модели *исторического объяснения*; 2) 1960-е гг. – обращение к *герменевтике* в поисках адекватной концепции *объяснения* в истории; 3) 1970-е гг. – появление нарративистских концепций *объяснения* в истории (1). М. А. Кукарцева также выделяет в развитии аналитической философии истории три этапа, исходя из проблематики, связанной с интерпретацией *исторического знания*. Первый этап (с 1930-х до конца 1960-х гг.) характеризовался дискуссиями об *объективности*, *объяснении* и *каузальности*, холизме и индивидуализме, в ходе которых позитивисты и гуманитарии обменивались аргументами pro и contra концепций объективности, объяснения и холизма в логико-позитивистской модели науки, Второй этап (с начала 1970-х до середины 1990-х гг.) был представлен дебатами об *историческом нарративе*, с которым аналитики связывали возможность тотального охвата *предмета исторического познания* и его исчерпывающего *объяснения*, а также логическими исследованиями нарративных предложений, тождественными, по замыслу аналитической философии истории, логическим исследованиям структуры языка, используемого в *историческом познании*. Третий этап (с середины 1990-х гг.) характеризуется тем, что аналитическая философия исто-

рии, сохраняя общий стандарт аналитического исследования, стала обращаться к более широкому спектру проблем, связанных с *пониманием и объяснением в исторических исследованиях*, в том числе и с использованием средств математической формализации.

Лит.: 1) Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003; 2) Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*. М.: «Наука», 1977; 3) Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002; 4) Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории*. М.: «Наука», 1977; 5) Кукарцева М. А. Аналитическая философия истории: вчера и сегодня // *Полигнозис*. 2009. № 3 (36).

А. В. ЛУБСКИЙ

НОВАЯ БИОГРАФИКА – предметное поле современного исторического знания. Наряду с *историей ментальностей, историей повседневности, гендерной историей, интеллектуальной историей, новой локальной историей* **Н. б.** сформировалась в конце XX – начале XXI в. при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки. Возникновение данного предметного поля истории связывают с *антропологическим поворотом* в исторической науке, с тенденцией к персонализации *предмета истории*. Это предметное поле называют также «новой биографической историей», в качестве самоназвания используются понятия «индивидуальная» и «персональная история» («personal history» в современной англоязычной историографии). **Н. б.** – реконструкция личной жизни и неповторимой судьбы отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира. Основной исследовательский объект – персональные тексты, «эго-документы». В качестве *источников Н. б.* использует самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, автобиографии, мемуары), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны. Задача новой биографики и основной предмет исследования – «восстановление истории одной жизни». Новой биографике присущ методологический эклектизм. Основная методологическая проблема – проблема соотношения и совместимости макро- и микроанализа. **Н. б.** использует типологию биографического жанра, разработанную Дональдом

Уокером для историко-экономических исследований: (1) биография личности; (2) профессиональная биография; (3) библиографическая биография; (4) ситуационная биография или биография среды. По мнению Л. П. Репиной, отличие персонального подхода в новой биографии от привычного жанра биографии «...состоит в том, что ...личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, следы их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума и таким образом используются для прояснения социального контекста, а не наоборот, как это практикуется в традиционных исторических биографиях». **Н. б.** находится в стадии становления, формирования школ и направлений. При этом Л. П. Репина отмечает: «В целом можно говорить о “биографическом повороте” в интеллектуальной и культурной истории...».

Лит.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

Н. В. НЕКРАСОВА

«НОВАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ» – см. *Новая биография*.

«НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА» – одно из наиболее влиятельных и масштабных движений в неклассической исторической науке, появившееся в 60-х гг. XX в., центральным предметом которого стал «человек в обществе». **Н. и. н.** возникла как ответ на вызов послевоенной социокультурной и научной ситуации, вынуждавшей ученых пересматривать как *предмет*, так и *методы исторического исследования*. **Н. и. н.** формировалась в историографической практике французской школы «Анналов», и ее будущие подходы выкристаллизовывались в трудах А. Берра, М. Блока, Э. Ле Руа Ладюри. Новая научная практика школы «Анналов» способствовала возникновению ряда научных направлений, сочетавших наработки национальных ис-

ториографий с идеями «новой научной истории». Английские, американские и немецкие историки почти одновременно с историками «Анналов» вырабатывали новые подходы к истории. Для **Н. и. н.** характерны: отход от *позитивизма*; переход от «собирания фактов» к их *интерпретации* и «дешифровке», расширение исторической проблематики и, одновременно, сосредоточение интереса прежде всего на человеке и его деятельности во всех ее аспектах; стремление к «тотальности», ориентирующей на изучение общества как *целостности* (Л. П. Репина); поиск вариантов *междисциплинарности*, объединяющей в *историческом исследовании* подходы разных социально-гуманитарных наук. В Великобритании развитие новых подходов к истории связано с журналом «Past & Present» и Кембриджской группой по изучению народонаселения и социальных структур, в Германии – с Билефельдской социологической школой, в США – с работами Л. Бенсона, Г. Гатмана, Дж. Демоса, Н. Земон Дэвис, в Италии – с К. Гинзбургом и школой *микроистории*. В советской историографии во многом в близких «новой исторической науке» познавательных практиках развивались исследования таких историков, как А. Я. Гуревич, Ю. Л. Бессмертный, И. Д. Ковальченко.

Наиболее заметны в структуре «новой исторической науки» исследовательские практики, связанные с использованием методов социологии и лингвистики (*новая социальная история, история ментальностей*), а также, по мнению некоторых авторов, с применением *математических методов (клиометрика)*. Вызовы времени, становление постнеклассического и неоклассического типов рациональности, а также следовавшие один за другим методологические повороты в гуманитаристике требовали от историков новых решений, поэтому в структуре «новой исторической науки» возникли новые подходы и выделились новые предметные области: история детства, история маргинальности, история женщин, история этнических меньшинств, история тела, *новая интеллектуальная история, новая культурная история, новая локальная история, устная история* и др. Методологические поиски, происходившие в структуре «новой исторической науки» в 1990–2000-х гг. велись в разных исторических традициях, по разным интеллектуальным «каналам», но практически шли «параллельными курсами». В это время стало очевидно, что многие выделившиеся *направления и предметные поля* имеют общий теоретический, методологический и концептуальный арсенал, демонстрируют общее направление развития и различаются лишь по специальной

предметной области, что в принципе создает предпосылки не только для плодотворного сотрудничества между разными внутридисциплинарными специализациями, но и для их последующей реинтерпретации (Л. П. Репина).

Лит.: Вжозек В. Историография как игра метафор: судьба «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. М., 1991; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Томск, 2008. Вып. III; Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009; Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.

Н. В. КАРНАЧУК

«НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ» – см. *Культурная история*.

«НОВАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» – предметное поле постнеклассической исторической науки, изучает локальные объекты не в традиционных границах, заранее заданных территориальными рамками, но выявляет социокультурные локусы и конструирует историческое целое на основе компаративистики и понимания глобальной перспективы; обращает пристальное внимание на научно-методический инструментарий и контексты локальной истории; получила распространение в британской и российской *исторической науке*. С середины XX в. в британской *историографии* наметилось размежевание между традиционной *локальной историей*, характеризующейся любительским и заказным продуцированием коллективной (локальной) памяти, и научно ориентированной *локальной историей*, производившей новое *историческое знание* на уровне современной *исторической науки*. Британские историки уже в 1960–1980-е гг. стали обращать внимание на социальные группы и общности, вовлеченные в различные процессы как в масштабах страны, так и на уровне локальной и *региональной истории*. Объектом внимания становились отдельные аспекты экономической, социальной, интеллектуальной жизни разных слоев локальных сообществ (графство, город, приход и пр.). Кризис *исторического метанарратива* и утрата среди историков интереса

к *национально-государственной истории* подрвали традиционное различие между тем, что представлялось «главным» в *исторических исследованиях* (государственная история) и тем, что считалось «периферийным» (локальная история). Поэтому в 1980-х гг. *локальная история*, имевшая богатейшие традиции в британской историографии, переживает свое второе рождение в процессе становления «*новой исторической науки*» и трансформируется в «*локальную социальную историю*», а затем и в новую локальную историю, которая стала анализировать развитие локальных общностей, функционировавших, главным образом, как естественные формы личных связей людей. Исследовательская практика новой локальной истории предоставила историкам богатые возможности для практического осуществления их стремления к целостному подходу в изучении общественной жизни прошлого на локальном объекте – таком, как деревня, приход, небольшой или среднего размера город. Исследователи приняли принцип контекстуализма, ориентируются на *компаративный анализ* разных вариантов локального развития, изучают системы взаимосвязей как внутри микро- и мезо-социума, так и вне его.

Схожие принципы легли в основание *предметного поля* новой локальной истории, разрабатываемого российскими историками с начала XXI века. В его теоретическую основу был заложен принцип широкого контекстуализма. Историографическая практика новой локальной истории основывается на способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней. Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет историков осмыслить мир в единстве его многообразия на основе *компаративных подходов* и делает необходимым поиск нового – «глокального» субъекта исторического действия. **Н. л. и.** сосредоточивает внимание на «пространстве» и «пространственных образах», проявляет интерес к «образу жизни», «культурному значению» и т. д. Историко-культурный подход помогает переносить акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного *исторического метанарратива* на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глокальную перспективу. Предмет новой локальной истории – субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существование как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэкзистенциальном (социокультурная составляющая) пространстве. Отсюда следует, что государство, нация, локальная общность рассматриваются

не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и / или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживавшие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности. Конституирование новой локальной истории идет не от *объекта исследования* (локуса), ее организация основывается на методологических процедурах. **Н. л. и.** – это «способ видеть» локальные объекты не в традиционных границах, а наблюдать связи поперек административных, политических и культурных границ.

Лит.: Булыгина Т. А., Маловичко С. И. Новая локальная история: новые исследовательские практики // Новая локальная история. Ставрополь; М., 2006. Вып. 3; Верменич Я. В. Локальна історія як науковий напрям: традиції й інновації. К., 2012; Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Новая локальная история как проблемное поле актуального исторического знания // Историческое знание Кубани: становление и тенденция развития (конец XVIII – начало XX в.). Краснодар, 2006; Репина Л. П. Локальная история и современная историография Английской революции // Новая и новейшая история. 1992. № 3; Репина Л. П. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Румянцева М. Ф. От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гельштальтах» исторического разума // Запад – Россия – Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь; Москва, 2003. Вып. 2; Новая локальная история: Межвузовский научно-образовательный центр [Электронный ресурс]. <http://www.newlocalhistory.com> [февраль, 2014].

С. И. МАЛОВИЧКО

«НОВАЯ НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ» – см. *«Новая историческая наука»*.

«НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» – см. *Социальная история*.

«НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ» – см. *Клиометрика*.

НОМИНАЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – принцип неклассической *модели исторического исследования*, ориентирующий историка на изучение индивидуального и уникального в истории, прежде всего человека в его повседневной жизни в качестве деятельного, мыслящего и чувствующего субъекта, актора жизненной драмы истории. **Н.** интерпретирует познавательную деятельность в *исторической науке* как субъект-субъектное отношение, как диалог историка и людей прошлого, которым он задает вопросы и внимательно вслушивается в их ответы.

Н. сложился в русле неклассической рациональности, для которой характерна способность замечать индивидуальное, понимать прошлое как сложный и уникальный мир повседневности, наполненный различными картинками и уникальными духовными кодами деятельности людей. **Н.** содержит два аспекта: предметный и методологический. Предметный аспект проявляется в индивидуализме – *интерпретации* истории как казуальной и уникальной реальности – и в антропологизме, признающем ее «человеческое измерение». Поэтому неклассическая модель *исторического исследования* особое внимание стала уделять жизненному миру людей, повседневности как области «элементарного» измерения смыслов и конечной области значений, внутреннему миру человека и различным формам его индивидуального бытия. Предметная область неклассической модели *исторического исследования* – индивидуальная *историческая действительность*, что ориентирует ее представителей на изучение «человека в истории» и «истории в человеке». Методологический аспект номинализма в историческом познании реализуется в когнитивной стратегии неклассической модели *исторического исследования*, которая носит *идиографический*, т. е. «описывающий неповторимое» характер. Она ориентирует исследователя, с одной стороны, на *описание* «живых» коммуникаций и уникальных жизненных практик прошлого, восстановление смысла чужого опыта повседневности, его коммуникативной и символической природы посредством аксиологического «вживания» в него, а также рациональной реконструкции его социокультурного контекста. С другой стороны – на трансляцию историком значений и смыслов чужой индивидуальности в рамках своей культуры.

Неклассическая *историческая наука*, обретая человека в истории, тем самым превратила *историческое познание* в «диалог куль-

тур»: современной культуры историка и культуры прошлых народов и эпох. Поставив под сомнение *принцип «нейтральности субъекта» исторического исследования*, представители неклассической науки, вместе с тем, не отказались от идеи *реконструкции* истории. «Вовлеченность» субъекта *исторического познания* в его *предмет* (индивидуальную *историческую реальность*) путем аксиологического «вживания» в иную культуру еще не означает элиминации самой *исторической реальности*, а предполагает ее *интерпретацию* и *понимание*.

Лит.: Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing 2010; Наумова Н. Ф. Номинализм в социологии // Современная западная социология: словарь. М., 1990; Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8.

А. В. ЛУБСКИЙ

НОМОТЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД (от др.-греч. νομοτετικῆ – ус-
танавливать закон) – 1) один из подходов к построению *исторического знания*, задачей которого является *объяснение исторической действительности* [М. Ф. Румянцева]; 2) способ изучения истории, восходящий к классическому *позитивизму*, представители которого, опираясь на идеи повторяемости и причинно-следственные зависимости, акцентировали внимание на объективном и позитивном характере *исторического познания* [Л. П. Репина]. **Н. м.** как *метод исторического познания* ориентирует историка на изучение «общего» в исторических явлениях, имеющего форму «закона», противоположен *идеографическому методу* как способу изучения «единичного», имеющего форму «индивидуального». В основе его технологии лежат приемы сравнения, но они нацелены на обнаружение сходства, а не различия.

В контексте неокантианского разделения «наук о природе» и «наук о духе», получившего методологическое обоснование в работах В. Виндельбанда и Г. Риккерта, **Н. м.** первоначально использовался применительно только к области естественных (точных наук), пользующихся *генерализирующим методом* и открывающих законы. Однако затем **Н. м.** нашел применение в других областях научного знания. Уже в начале XX в **Н. м.** стал рассматриваться в методологии

истории как один из подходов к построению *исторического знания* [А. С. Лаппо-Данилевский].

Н. м. в стремлении к *холизму* и систематичности *исторического знания* неизбежно выходит на идею истории как «целого», имеющего определенную логику развития. **Н. м.** выступает как методологическое основание классической *модели исторического исследования*, когнитивной стратегией которой является *реконструкция исторической действительности* в виде системы эмпирических и теоретических знаний, адекватных объективной действительности и приобретающих статус научных *истин*. **Н. м.** получил дальнейшее развитие в неоклассической *модели исторического исследования*, в которой он трактуется с позиций принципов *дополнительности* и *альтернативности*. Согласно этим принципам, относительно любого *предметного поля исторического исследования* можно поставить бесчисленное множество познавательных задач, а решение определенного класса исследовательских задач возможно с помощью различных способов исторического познания, приоритетность которых определяется методологическими позициями исследователя.

Лит.: Виндельбанд В. Нормы и законы природы. Критический или генетический метод? // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995; История буржуазной социологии XIX – начала XX века / Под ред. И. С. Кона. М., 1979; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: учебное пособие. М., 2004; Румянцева М. Ф. Теория истории: учебное пособие. М., 2002.

А. В. ЛУБСКИЙ

НУМИЗМАТИКА (от др.-греч. νόμος «номос» – закон, законное платежное средство и производное от него νόμισμα, лат. *numisma* «номизма» – монета) – понятие, используемое в различных значениях: (1) в *исторической науке* **Н.** – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая монеты, другие средства платежа (денежные слитки, товаро-деньги и т. п.), монетные клады и единичные находки, материалы и инструменты монетного производства и взвешивания монет как памятники истории денежного обращения и монетного дела; а также историю медальерного искусства. (2) коллекционирование монет и других памятников денежного обращения и

монетного дела, а также памятных медалей и жетонов. Научная Н. выросла из любительского коллекционирования монет, которое стало популярным в эпоху Возрождения, в XIV–XV вв., сначала в Италии, а затем и в других странах. Уже тогда появились сочинения, объясняющие надписи и изображения на монетах. В конце XV – первой половине XVI в. были заложены основные формы и приёмы коллекционирования – тематический или хронологический подбор монет, составлены первые инвентари коллекций с первичной систематизацией. В XVI–XVIII вв. в европейских странах происходило накопление материалов и дифференциация знаний по нумизматике, выходили каталоги монет по отдельным областям и темам. Основоположителем систематического научного исследования в области нумизматики считается австрийский аббат Й. Х. Эккель (1737–1798), директор Императорского минцкабинета в Вене, автор труда «Наука о древних монетах» (*Doctrina numorum veterum*. Wien, 1792–1798. В. 1–8). В XIX–XX вв. в Европе были опубликованы фундаментальные работы по многим разделам нумизматики. В России интерес к коллекционированию монет возник в XVII в. и получил широкое распространение в XVIII–XIX вв. Первый российский научный нумизматический каталог был издан А. Д. Чертковым (1789–1858) (Описание древних русских монет. СПб., 1834. С тремя «Прибавлениями»: 1837, 1839, 1842). Наиболее значительными представителями российской нумизматики XIX–XX вв. стали Х. Д. Френ, А. К. Марков, И. И. Толстой, А. А. Ильин, А. В. Орешиников, И. Г. Спасский, А. С. Мельникова, В. В. Уздеников.

Н. содержит разделы: античная, византийская, западная, восточная, русская, американская. Особые разделы нумизматики тесно связаны с *этнографией* – товаро-деньги и монетовидные украшения. Отдельный раздел, связанный с искусствоведением, – медальерное искусство. Особым разделом научной нумизматики является кладоведение. К нумизматике примыкают (иногда традиционно причисляют-ся): *фалеристика*, *бонистика*.

Лит.: Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику М., 1969; Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого М., 1989; Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции: Очерки нумизматики. СПб., 1993; Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955 Ч. 1. (Труды ГИМ. Вып. XXV); Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970; Уздеников В. В. Монеты России. 1700–1917. М., 1994; Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.

О

ОБМЕН – система установок и практик, сопровождающих оказание взаимных услуг и переход материальных символических ценностей от одних собственников к другим. Составляет основу разнообразных связей в первобытных культурах и сохраняет большое значение в любых обществах, в том числе и современных, выполняя как утилитарную, так и соционормативную функции.

Теория обмена применительно к традиционным обществам разработана в рамках социальной антропологии Дж. Фрэзером, Б. Малиновским, М. Моссом. Введенное М. Моссом понятие реципрокности (реципрокации) (от лат. *reciprocus* – возвращаю) является одним из основополагающих концептов экономической антропологии, изучающей экономические отношения в традиционных (доиндустриальных) культурах. Обмен рассматривается как система совокупных тотальных поставок от рода к роду, в ходе которых индивиды и группы имели право и обязанность давать, получать и возмещать. Эта наиболее архаичная форма обмена (реципрокная экономико-правовая модель) была основана на морали дара. До появления рынка и денег (в той или иной форме) именно дар был универсальным средством обмена и фундаментальным основанием всего разнообразия социально-экономических связей и взаимодействий. Для реципрокации характерен обмен материальными благами и услугами между различными группами – семейными, родственными, соседскими. Эти группы равноправны и связаны между собой стабильными взаимными обязательствами. Реципрокный обмен имеет двойственную природу, включая экономическую составляющую (перемещение материальных ценностей и ресурсов) и социальную компоненту (установление и поддержка дружеских отношений), причем возобновление социальных связей может иметь большее значение, чем сама сделка и получение материальной выгоды. Реципрокный обмен имеет симметричный характер, способствует социальной и экономической интеграции, включенных в него групп, порождает чувство солидарности. Не исключается обмен сакральными предметами, который сопровождается религиозны-

ми церемониями и магическими *обрядами*. С возникновением *общественного разделения труда* обмен становится регулярным, увеличивается в объеме, так как превращается в необходимое условие реализации растущих излишков и продуктов межобщинной специализации. В иерархических обществах обмен стимулировал рост производства, способствовал его эффективности (поощряя *разделение труда*), ускорял процессы социальной и имущественной стратификации. По мере усложнения социокультурной организации реципрокный обмен вытесняется редистрибуцией, но определенные формы реципрокации сохраняются вплоть до современности.

Лит: Мердок Дж. П. Социальная структура. М., 2003; Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родового строя // Первобытное общество. М., 1975; Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999; Levi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. London, 1949; Polanyi K. Semantics of General Economic History // Readings in Anthropology. V. 2. N. Y., 1959; Polanyi K. The Economy as Instituted Process Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957; Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago, 1974.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

ОБРЯД – исторически сложившийся устойчивый комплекс стандартизированных коллективных действий, сопровождавшийся наиболее важные (пороговые, кризисные) события жизни человека и общества. Является одной из форм проявления *традиции*, характеризуется слитностью, цельностью, жесткой регламентацией действий. В отечественной исследовательской практике взаимозаменяем термином «ритуал», хотя известны попытки дифференцировать эти понятия по степени сакральности и каноничности. Обычная практика деления обрядов на религиозные и безрелигиозные (гражданские, социальные) применительно к архаичным и *традиционным обществам* вызывает справедливую критику, поскольку большинство социальных обрядов (например, обряды перехода) содержат элементы общения со сверхъестественным и священным. Устойчивость и повторяемость ритуалов не означает их неизменности. Предписанное *традицией* воспроизводство обрядов не исключает варьирования, которое имеет адаптивное значение (приспосабливает обряд к конкретным обстоятельствам) и позволяет функционировать обряду как живому элементу культуры.

Главная особенность ритуала, определяющая его эксклюзивное положение в системе культуры – ярко выраженная символичность.

Мобилизация сакральности при отправлении обряда приводит к своеобразному семантическому сдвигу. Все вовлеченное в происходящее (окружающий ландшафт, люди, вещи, действия) обретают дополнительный смысл и формируют иную реальность, способную определить, структурировать повседневную жизнь и направить её течение в нужное для коллектива русло.

Функции обрядов в первобытных и традиционных культурах значимы и многогранны. Они освящают коллективные хозяйственные мероприятия, регулируют межгрупповые и внутриколлективные отношения, поддерживают чувство солидарности и способствуют социальной интеграции, приобщают человека (через последовательную смену статуса) к социальным стандартам и институтам, оказывают благотворное психотерапевтическое воздействие (снижают стресс, канализируют агрессию), формируют каналы межпоколенной передачи информации. В современных *индустриальных и постиндустриальных* культурах обряд сохраняется в религиозной практике (религиозные обряды), а также в церемониально оформленных бытовых и официальных событиях.

Лит.: Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2; Байбурин А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М., 1991; Генеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999; Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983; Leach E. Ritual // International Encyclopedia of the Social Sciences. V. 13. L., 1968.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – 1) в широком смысле объектом *исторического исследования* выступает общество в прошлом. **О. и. и.** определяет специфику *исторического познания*. Прошлое нельзя непосредственно наблюдать или воспроизвести в эксперименте, т. е. изучать естественнонаучными методами. Закономерно возникает вопрос о реальности прошлого как объекта и возможности его познания. Ответ на этот вопрос звучит по-разному в зависимости от используемых методологических подходов. В одном случае [Б. Кроче, Р. Коллингвуд и др.] прошлое воспринимается как результат мыслительной деятельности, не имеющей объективных доказательств и являющейся отражением субъективных представлений

историка. В другом [М. Оукшотт, Л. Голдстейн и др.] – подчеркивается реальность исторических процессов и возможность их познания посредством использования *научных методов*; 2) в узком смысле объектом *исторического исследования* выступает конкретное явление, процесс, социальная группа или общество в целом, имеющие свои пространственно-временные характеристики. И. Д. Ковальченко определяет **О. и. и.** как «часть объективной *исторической реальности*... в ее пространственно-временном проявлении». Формулировка объекта важна для организации и проведения исследования, уточнения круга *источников*, сбора и систематизации исторического материала.

Характеристика объекта как методического элемента исследования связана с его системным описанием, основана на аккумуляции имеющихся теоретических знаний, уточнении системы *понятий*. В зависимости от их полноты определяются *предмет*, цель и задачи исследования. На начальной стадии разработки темы важно понять, относится ли изучаемый объект к категории статистических, т. е. является массовым или уникальным явлением. Это уточнение задает исследовательский план, вид *исторического исследования* (монографическое или *выборочное*, сплошное или несплошное), а также влияет на *методику*.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с итал. И. М. Заславской. М., 1998; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Мининков Н. А. Объект, предмет и субъект исторического познания // Открытый текст. Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/?id=1350> [февраль, 2014]; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРИНЦИП – 1) установка на получение знания, адекватного *исторической действительности* (1); 2) важный ориентир, призванный свести к минимуму противоречия между *историческим фактом* и его многочисленными *интерпретациями* (3); 3) установка на *научность исторического исследования* и *истинность*

исторических знаний (6). В настоящее время существуют различные представления о том, что такое объективность и в чем суть принципа объективности в *историческом познании* (4). **О. п.** является атрибутом классической *исторической науки*, основу которой составляет классическая рациональность, претендующая на познание *исторической действительности* такой, какой она была сама по себе, без примеси человеческой субъективности. В рамках классической рациональности **О. п.** – это установка на получение *исторического знания*, адекватного объективной *исторической действительности*. В таком объективном *историческом знании* не должно быть ничего из того, что не относится к *предмету исторического исследования*. В неклассической исторической науке, основывающейся на неклассической рациональности, признающей субъективный характер *исторического исследования*, произошел отказ от понимания объективности как адекватности *исторического знания исторической реальности*. Под объективностью *исторических знаний* стали подразумевать их общезначимость. В неоклассической исторической науке, основанной на неоклассической рациональности, признающей культурно-эпистемологическую обусловленность *исторического исследования*, адекватность *исторического знания исторической реальности* рассматривается как недостижимый идеал, и поэтому **О. п.** означает установку на научность и стремление к *истине*. В рамках неоклассической исторической науки с позиций конструктивного реализма *историческое исследование* рассматривается как моделирование *исторической реальности*, результатом которого являются *исторические знания* как модели этой *реальности*, носящие аппроксиматический характер. Объективность *исторического знания* заключается не в том, что они адекватны *исторической реальности*, а в том, что в этих моделях презентуется *историческая реальность*. Такая презентация обеспечивается *научностью исторического исследования* и стремлением историка к *истине*, носящей когерентный характер (2). В условиях *методологического плюрализма*, связанного с сосуществованием в когнитивных практиках различных *моделей исторического исследования*, **О. п.** трактуется по-разному, а именно, как установка на: а) адекватность, б) истинность, в) научность, г) достоверность. Установка на адекватность предполагает получение объективного, т. е. без примеси человеческой субъективности, *исторического знания* как отражения *исторической действительности*. **О. п.** как установка на истинность трактуется по-разному, в зависимости от понимания *истины*.

В научном историческом познании доминируют три концепции научной *истины*: корреспондентная истина, коммуникативная истина, когерентная истина. В рамках концепции корреспондентной истины истинными считаются *исторические знания*, адекватные *исторической действительности*. В рамках концепции коммуникативной истины истинными являются *исторические знания*, научность которых подтверждена академическим сообществом. В рамках концепции когерентной истины истинными считаются правдоподобные утверждения, основанные на эмпирических данных (достоверных знаниях) и раскрывающие в контексте смысла жизни смысл *исторических событий* (5). **О. п.** как установка на научность также трактуется по-разному, в зависимости от представлений о научности, которые сложились в рамках классического идеала научности, основу которого составляет *методологический монизм* и один эталон научности, или альтернативного идеала научности, базирующегося на *методологическом плюрализме* и представлении о возможности различных эталонов научности. **О. п.** как установка на *достоверность* предполагает наличие, во-первых, соответствия информации, содержащейся в *исторических источниках*, *исторической реальности*; во-вторых, связи между утверждениями историка и эмпирическими данными; в-третьих, дисциплинарного критерия *достоверности исторического знания*, опираясь на которые, можно говорить об относительной его объективности (4; 5).

Лит: 1) Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1; 2) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 3) Novick P. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge, 1988; 4) Пенула Л. П. После «постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции / Под ред. С. П. Карпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 5) Рюзен Й. Историческая объективность как составляющая вопроса о социальных ценностях // Новая и новейшая история. 2012. № 4; 6) Смоленский Н. И. Проблема объективности исторического познания // Новая и новейшая история. 2004. № 6.

А. В. ЛУБСКИЙ

ОБЪЯСНЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ –

1) познание специфической сущности *исторического события* (2); 2) процедура «связывания» теоретического знания в форме закона истории с эмпирическим знанием в форме *исторического факта* (5); 3) упорядочение обнаруженных *фактов* при помощи *понятий* и *категорий* (1). **О. в и. и.** представляет собой, с одной стороны, когнитивную процедуру, делающую понятным предмет исторического исследования, а с другой стороны – форму эмпирического и теоретического знания. Эта процедура предполагает производство такого *исторического знания*, которое отвечает на вопросы: какая существует связь между историческими явлениями определенного кластера; какова сущность исторических явлений данного кластера; что общего между историческими явлениями этого кластера; какова связь между историческими явлениями данного кластера с историческими явлениями других кластеров. Кластер исторических явлений – это тот фрагмент *исторической действительности*, который является предметом конкретного *исторического исследования*. **О. в и. и.** начинается уже на стадии *исторического описания* в процессе, во-первых, представления научных *исторических фактов* в понятийной форме, во-вторых, в ходе логической *систематизации исторических фактов*, раскрывающей, с одной стороны, обусловленность одних *фактов* другими, а с другой – повторяемость определенных последовательностей *исторических фактов*. Полученные в ходе такой логической *систематизации исторических фактов* знания получили название эмпирических исторических объяснений. Затем процедуры объяснения продолжают уже на теоретической стадии *исторического исследования*. **О. в и. и.** на этой стадии начинается с выяснения вопроса о том, какова сущность исторических явлений данного кластера, которая раскрывается посредством определенного *научного понятия* как особой формы теоретического знания (категориальный синтез, объяснение через сущность). Связь между историческими явлениями определенного кластера устанавливают двумя способами: 1) дедуктивным – путем подведения исторических явлений данного кластера под определенную *историческую теорию* (объяснение, исходя из теоретических соображений); 2) индуктивным – путем установления у исторических явлений, общих признаков (объяснение через *типизацию*). Связь между историческими явлениями одного кластера с историческими явлениями других кластеров устанавливается путем подведения исторических явлений данного кластера под теорию большей общности,

охватывающей и другие кластеры исторических явлений (объяснение, исходя из общих теоретических соображений, контекстуальное объяснение).

В современной *исторической эпистемологии* существуют разные представления о характере и моделях **О. в и. и.** Сторонники классической традиции в *историческом познании* считают, что историческое объяснение является обязательной процедурой, свидетельствующей о научном его характере, поскольку историческое объяснение выступает одним из важнейших способов производства теоретического *исторического знания*. Сторонники неклассической традиции полагают, что историческое объяснение не является теоретической процедурой, поскольку исторические события и процессы не являются идеализированными объектами (2). Существуют различные модели объяснения в историческом исследовании, выбор которых обусловлен методологическими позициями исследователей. Модели объяснения в историческом исследовании представляют собой, с одной стороны, когнитивные аналоги объяснительных процедур, применяемых в научно-исследовательских практиках, а с другой – стандарты для оценки адекватности исторических объяснений в рамках методологического позиционирования этих практик. Можно выделить следующие модели объяснения в историческом исследовании: дескриптивные и дефинитивные; *генетические*, каузальные, телеологические, интенциональные, *структурные* и *функциональные*; *объяснения через закон, мотив и понимание*.

О. в и. и. является, наряду с *пониманием* и презентацией, основной когнитивной процедурой, связанной с *интерпретацией исторической действительности*. При этом процедуры объяснения и *понимания* в *историческом исследовании* неразрывно связаны между собой. Однако в классической науке процедуры объяснения предшествуют процедурам *понимания* (понимание через объяснение), в неклассической, наоборот, процедуры *понимания* предвеляют процедуры объяснения (объяснение через понимание).

Лит.: 1) Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе / Пер. с англ. и коммент. В. В. Сапова. М.: «Канон+», 2002. С. 67; 5) Копейкина О. Ю. Проблема исторического объяснения: традиции и современность. Ставрополь: Сервис, 2005. С. 144, 195. 3) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 4) Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.:

Политиздат, 1982. С. 266, 270; 5) *Репина Л. П.* Историческая теория после «культурного поворота» // Диалог со временем. 2008. Вып. 20.

А. В. ЛУБСКИЙ

ОНОМАСТИКА – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая имена собственные как феномен определенной культуры. Также термином «ономастика» может обозначаться совокупность имен собственных данного языка, отмеченных на данной территории или принятых в данном сообществе и т. д. Внутри ономастики могут выделяться субдисциплины – *топонимика* (изучение названий географических объектов), *антропонимика* (изучение имен людей), *астронимика* (изучение названий небесных тел) и т. д.

Значение ономастики для исторических исследований объясняется тем, что имя собственное всегда мотивировано. Так, выбор имен для географических объектов определяется, прежде всего, признаками последних, наблюдаемыми или воображаемыми: озеро вытянутой формы будет названо Долгим, остров, на котором стоит часовня, станет Святым, поселение, основанное на месте торговли, получит название Торг (Торжок) и т. п. В силу этого, все топонимы, по определению, имеют прозрачную этимологию, присутствие же «непрозрачных» на современный взгляд названий (Москва, Яхрома) свидетельствует о том, что нынешнее население данной территории является пришлым и вытеснило в процессе миграции какой-то другой народ, заимствовав у него устоявшиеся названия некоторых географических ориентиров. Определив, из какого языка происходят те или иные топонимы (признаком чего станет возможность их лингвистически приемлемого объяснения), исследователь получает возможность существенно уточнить картину этнических и миграционных процессов на изучаемой территории.

Разные группы имен собственных функционируют по-разному. В частности, если топонимы указывают на объективные свойства называемых объектов, то выбор личных имен (антропонимов) диктуется не в последнюю очередь общественными нормами, с точки зрения которых этимология и словарное значение имен могут быть менее существенны, чем тот факт, что, например, имя Андрей (др.-греч. Ἀνδρέας «мужественный») – христианское и русское (в др. европейских языках ему соответствуют Эндрю, Андрэ, Анджей и т. п.), а имя Салават (от названия мусульманского благословения) используется у

тюркских народов. Как следствие, выбор имени ребенка определяется не только эстетическими представлениями родителей, но и их самосознанием, желанием позиционировать себя в качестве представителей определенной общности, этнической или религиозной. Кроме того, социокультурное окружение определяет количество имен у человека, порядок употребления патронимов (отчеств) и родовых имен (фамилий). Изменение соответствующих практик может служить признаком существенных трансформаций общества. Впрочем, общий принцип анализа ономастического материала одинаков во всех случаях: рассматривая присвоение имени собственного как результат свободного выбора того или иного человека (первооткрывателя, родителей, священника и т. п.), историк пытается найти объяснение этого выбора, и, в результате, с одной стороны, уточнить свои знания о событийной канве истории, а с другой – приблизиться к пониманию ценностных систем прошлого.

Специфика объекта изучения диктует междисциплинарный характер ономастических исследований, выполняющихся на стыке *истории*, филологии и лингвистики, с широким привлечением данных *археологии*, генеалогии, *исторической географии*, социальной антропологии, *этнологии* и др. исторических дисциплин.

Лит.: Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010; Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988; Унбегаун Б. О. Русские фамилии. 2-е изд., испр. М., 1995; Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ОПИСАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ –

1) система научных фактов, выявленная на эмпирической стадии исторического исследования, представляющая собой зафиксированное в определенной знаковой системе отражение свойств, отношений и взаимодействий, присущих объективной исторической реальности и необходимых для конкретного раскрытия на теоретической стадии познания общих закономерностей и пространственно-временных особенностей ее функционирования и развития (1); 2) начальная ступень исторического исследования, необходимое звено в картине ис-

торической действительности, имеющее свою логику и смысл, связанное изложение, выражающее в той или иной мере подлинную суть изображаемого в зависимости от тех методологических представлений и принципов, которыми пользуется автор (5); 3) повествовательный текст, в котором что-либо отображается с использованием языковых средств, организованный по хронологическому или структурно-статическому принципу, имеющий определенную логику изложения и позволяющий получить общее впечатление об изучаемом процессе или явлении (первичную информационную картину) (3); 4) интеллектуальная операция, интерпретативного характера, направленная на распознавание черт объекта (2); 5) рассказ о том, что имело место, организованный в форму *нарратива* (4).

О. в и. и. – один из этапов эмпирической стадии *исторического исследования*, на которой происходит извлечение эмпирической информации из *исторических источников*, превращение ее в эмпирическое *историческое знание*. Элементарной единицей такого знания выступает научный *исторический факт* как результат превращения эмпирической информации, содержащейся в *исторических источниках*, в *историческое знание* эмпирического характера. Научный *исторический факт* является отправным пунктом описания *исторической действительности* на основе научных *исторических фактов*. **О. в и. и.** как научно-исследовательская процедура предполагает тематическую и хронологическую *систематизацию научных фактов* в их логической взаимосвязи. **О. в и. и.** как результат эмпирической стадии *исторического исследования* представляет собой систему научных *исторических фактов*, или эмпирических знаний о различных явлениях *исторической действительности* и взаимосвязи между ними. Эта система представляет собой когнитивную модель изучаемой *исторической действительности*, модель дескриптивного характера, выполненную с помощью определенного научного языка.

О. в и. и. следует отличать от *исторического нарратива*, который широко используется историками для изложения результатов научного исследования. *Исторический нарратив* как вербальное изложение – это повествование, соединяющее дескрипцию (*описание историческое*) и объяснение и творящее *историческую реальность* в контексте рассказа об *исторических событиях*. В силу этого *нарратив* является не описанием и объяснением *исторической действительности*, а своего рода «инструкцией» по определению и *пониманию* последней, в которой рассказчик является носителем знания о финале и посредством этого знания, привнося в повествование субъ-

ективный смысл, создает некое поле тяготения, стягивающее все сюжетные векторы в общий фокус. Отличие описания в историческом исследовании от *исторического нарратива* состоит в следующем: описание, стремясь показать, «как это было на самом деле», является одним из этапов *реконструкции исторической действительности*. *Исторический нарратив* – это повествование-конструкция о том, «как это было в моем представлении». **О. в и. и.** как результат эмпирической стадии *исторического исследования* выступает основой для объяснения отдельных фактов в системе, взаимосвязей между фактами и системы фактов в целом (категориальный синтез).

Лит.: 1) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 243; 2) Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: НЛО, 2001. С. 69; 3) Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: Учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 251; 4) Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 241; 5) Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 222–226.

А. В. ЛУБСКИЙ

ОПИСАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – текст, в котором что-либо (событие, персонаж, исторический объект) отображается с использованием языковых средств. **О. и.** позволяет получить общее представление об изучаемом процессе или явлении, фактографическую информационную картину. Оно составляет обязательную часть научного труда историка, без которого невозможно провести дальнейшую аналитическую оценку изучаемых явлений или событий.

В зависимости от структурных и языковых особенностей текста **О. и.** может быть формализованным и неформализованным.

Формализованное **О.** имеет заданный, как правило, небольшой объем, жесткую стандартизированную структуру информации, сухой, наукообразный язык изложения. К формализованным описаниям можно отнести хроники и хронологические таблицы, исторические справочники, словари, энциклопедии. Справочники имеют тематическую направленность. Словари и энциклопедии тяготеют к универсальности. Хроника – это текстовая модель событий, расположенных в порядке их происхождения. Наиболее удобной формой представления хроники выступает хронологическая таблица.

Неформализованное **О.** имеет неограниченный объем, свободную, нестандартизированную структуру. К неформализованным описаниям можно отнести монографические описания, а также материалы и летописи. Монографические описания являются наиболее распространенным вариантом текстовой модели. Объектом описания может выступать *историческое событие*, локализованное во времени и пространстве (например, крестьянское выступление, военный конфликт, реформа и т. д.); биография исторической личности; конкретный исторический объект (предприятие, поселение, организация и проч.). Структура монографического описания строится в соответствии с хронологическим, либо структурно-функциональным принципом, характеризуется широким использованием литературных приемов. Материалы – своеобразный жанр исследовательских текстов, основанных на обработке и систематизации первичных сведений, извлеченных, как правило, из архивных документов. Представленные в материалах *факты* могут быть сгруппированы, а их *достоверность* предварительно установлена. Система авторских комментариев и примечаний позволяет восстановить исходный смысл *исторических источников*. Материалы могут быть структурированы по-разному: документы могут быть дословно приведены; частично процитированы; даны в авторском пересказе. Специфична лексическая сторона материалов – они тяжеловесны, сложны в прочтении, изобилуют архаизмами. Летопись – специфическая форма подачи текстового материала, в основу которой положен хронологический принцип организации сведений, допускается разнообразие сюжетных линий (история, экономика, география, этнографические сюжеты, биографии людей). Текст летописи имеет сложную разветвленную структуру и литературную обработку. В Новейшее время структура летописи часто используется краеведами.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособие. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010; Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ОПИСАТЕЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД – метод исторического исследования, в основе которого лежит систематизация исторического материала в текстовой форме. Н. И. Смолен-

ский определил описательно-повествовательный метод как способ воспроизведения *исторической действительности*, основанный на использовании языковых средств, в частности, языка *источников*. И. Д. Ковальченко рассматривал описательно-повествовательный метод как составную часть *историко-генетического метода*. Конечным результатом применения данного метода выступает составление *исторического описания*, задача которого как можно полнее отразить индивидуальные характеристики изучаемого *объекта*. Описание может содержать оценочные суждения.

Составление описания предполагает разработку логической схемы изложения, в которой обычно реализуются хронологический, *структурно-функциональный* или причинно-следственный принципы систематизации. Для структурирования текста в *исторических исследованиях* широко применяется проблемно-хронологический принцип, в основе которого лежит распределение исторического материала с учетом временного и тематического критерия. Описание основано на использовании литературных приемов организации текста и предъявляет особые требования к стилю изложения. В зависимости от характера и целей исследования оно может варьироваться от строго научного до литературно-художественного; от формализованного до свободного.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ОРИЕНТАЛИЗМА ТЕОРИЯ – метаисторическая основа постколониальных исследований (*postcolonial studies*), возникшая в контексте *лингвистического поворота* и анализирующая способы создания образов Востока в странах-метрополиях Запада. Согласно данной теории, ориентализм (от фр. *Orient* – Восток) – это европоцентристский стиль мышления, характеризующий историческое и географическое воображение колониальной эпохи, основанное на эпистемологическом и онтологическом различении «Востока» и «Запада». Это западный стиль доминирования и осуществления власти над Восто-

ком, сущность которого описывается в терминах отсталости, деспотизма и иррациональности, а его развитие – как результат осуществления цивилизаторской миссии Запада. На этой основе создается культурный, философский и языковой канон, при помощи которого конструируются конкретные *формы памяти и исторического дискурса*. Понятие ориентализма в данном его прочтении введено Анваром Абдель-Маликом (1963) и разработано Эдвардом Вáди Саидом (1978). Ориентализм как форма власти-знания и предпосылочного знания характеризует не только художественные образы Востока и востоковедение (*Oriental studies*), как считалось ранее, но и универсальную (всеобщую) историю, в которой Азия ассоциируется с древностью, а магистральный путь развития – со странами Запада (от Древней Греции до США). Тем самым ориентализм служит также для создания образа Запада в противовес Востоку. Ориентализм – это и способ общения с Востоком, предполагающий, что Азия обращается к миру не на своих языках, а только благодаря рациональности и воображению европейцев, которые представлены ее победителями. Рефлексия по поводу предпосылок ориентализма в колониальную эпоху запрещена. Человек Востока лишен права голоса. Даже если он может знать или догадываться о подлинном положении вещей, он не может говорить на языке постколониальной критики: это называется «быть субалтерном».

Г. Ч. Спивак писала, что субалтерное восприятие снизу деформирует не только образ Востока, но и образы Запада и Просвещения. Антрополог Г. Бейтсон отмечал, что подобные искажения коммуникации, восприятия и самосознания возникают в том случае, если сетевые социальные отношения редуцируются до центрo-периферийных отношений господства и подчинения. Обратной стороной ориентализма является оксидентализм (от фр. *Occident* – Запад), искажающий образ Запада на Востоке.

Основная задача теории ориентализма – помочь деконструкции дискурсов, текстов, образов, сюжетов, мотивов, связанных с Востоком, чтобы выявить их воображаемую составляющую и отделить ее от познавательной составляющей. В этом О. т. соприкасается с более традиционной трактовкой ориентализма как способа художественного описания Ближнего Востока (Леванта) во Франции XVIII–XIX вв. Пежоративный оттенок этому термину был придан еще в 1893 г. французским критиком Ж.-А. Кастаньяри. Однако вплоть до эпохи деколонизации в середине XX в. это понятие использовалось для са-

моназвания обществ английских и французских художников и *востоковедения* как регионоведческой *дисциплины*. Предтечами современной О. т. являются А. Грамши, Ф. Фанон и М. Фуко, создавшие представления о гегемонии, дискурсе, власти-знании и деформациях колониального сознания. Виднейшими ее представителями являются Э. В. Саид, выпустивший в 1978 г. книгу «Ориентализм. Западные концепции Востока», а также индийские ученые Г. Ч. Спивак и Д. Чакрабарты, критиковавшие ориентализм индийской националистической *историографии*, претендовавшей на доминирующую роль в трактовке истории Индии (по сравнению с исламской и другими местными ее трактовками).

В конце XX – начале XXI в. вышла масса книг, посвященных проблематике конструирования или «изобретения» на ориенталистской основе образов не только Востока, но и других стран и регионов мира: Африки, Ирландии, России. В них прослежено, как потребность в позитивном самосознании стран Запада XIX в. (Англии, Франции) проявлялась в деформации образов других регионов мира. Важнейшие работы об ориенталистском отношении к России и странам Северной, Восточной и Центральной Европы написаны Л. Вульфом, И. Б. Нойманном, М. Зомбори. О российском ориентализме имеются работы М. В. Тлостановой, Е. А. Вишленковой, А. М. Эткинда.

Многообразны формы критики теории ориентализма, начиная с конкретных указаний на недоучет Э. В. Саидом позитивной роли научного *востоковедения* и на необоснованность его претензий на монопольное право понимать историю ислама (Р. А. Абу-эль-Хадж) до принципиальной постановки вопросов о том, не является ли критика ориентализма уступкой реакции и отказом от идеала *прогресса* (Ибн-Варрак, Дж. Каррье, П. Хихс) и может ли изучение Востока быть поставлено вне политического контекста. Последняя проблема актуальна и для сторонников, и для противников теории ориентализма (Дж. Коул, Р. Халиди, Р. Патаи, Д. Пайпс).

Лит.: Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: «Русский мир», 2006; Саид Э. В. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: «Владимир Даль», 2013; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: НЛЮ, 2003; Нойманн И. Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004; Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или

«Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011; Эткинд А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Автор. пер. с англ. В. Макарова. М.: НЛО, 2013; *Ibn Warraq. Defending the West: A Critique of Edward Said's Orientalism*. Amherst, NY: Prometheus Books, 2007.

И. Н. ИОНОВ

ОРИЕНТАЛИСТИКА (от лат. *orientalis* – восточный) – совокупность наук о Востоке (востоковедение); комплекс гуманитарных, социально-экономических и политических знаний (филология, философия, *история*, география, культурология, *этнография*, религиоведение, экономика, политология и другие). Объектом изучения ориенталистики является Восток и его отдельные регионы (Ближний Восток, Средний Восток, Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия): восточные языки, восточные тексты, памятники материальной и духовной культуры, религия; прошлое и настоящее Востока; экономика, политика, международные отношения. Структура ориенталистики сформировалась в процессе диверсификации (расщепления) представлений об объекте ее изучения. В настоящее время в понятие «ориенталистика» включены такие составляющие, как арабистика, египтология, индология, иранистика, иудаика, китаеведение (синология), японоведение (японистика), монголоведение, тюркология и др. К ориенталистике примыкает африканистика – комплекс дисциплин, изучающих Африку. Ведущие российские центры развития ориенталистики и подготовки востоковедов: Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова; Восточный факультет СПбГУ, Восточный институт ДВФУ (Владивосток); Институт востоковедения РАН; Институт Африки РАН; Государственный музей искусства народов Востока и др.

Различают научное и практическое *востоковедение* (ориенталистику). Научная ориенталистика в Западной Европе зародилась в XVIII в. Наиболее интенсивно развивалась в колониальных империях, прежде всего в Великобритании и Франции, а также в Германии и Италии. Актуализация востоковедных исследований происходила по мере расширения внешнеполитических, военно-стратегических, экономических интересов стран Европы и США. Однако главными дисциплинами научной ориенталистики стали филология (изучение современных восточных и древних языков), текстология, история и философия. Ученые занимались переводами и исследованием памят-

ников исторического, философского, религиозного, правового характера, поэтому **О.** сформировалась как комплексная наука, основанная на изучении восточных языков.

Развитие **О.** в России было обусловлено внешнеполитическими интересами государства, расположенного на стыке Востока и Запада. Российское практическое востоковедение берет свое начало с контактов с сопредельными территориями. Большое значение для изучения Востока имело принятие в 988 г. христианства, паломничество христиан на Святую землю, связи с Византией. С XIII в. русские купцы совершали поездки в Хорезм, а служилые люди – в Монголию. В XV в. русские послы посещали Герат, а гератские – Москву. В 1469–1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин побывал в Индии. Российские путешественники, военные и дипломаты внесли огромный вклад в изучение Азии. Практическое востоковедение отвечало интересам внешней политики и торговли. Его составной частью была деятельность христианских миссионеров в странах Азии. Из их числа вышли блестящие ученые, например, китаисты: Н. Я. Бичурин (отец Иакинф), З. Ф. Леонтьевский и др. Создание в Российской империи трех центров ориенталистики в Санкт-Петербурге, Москве и Казани (на базе университетов) способствовало ее формированию как науки. В настоящее время **О.** в России развивается в русле мировых тенденций.

Лит.: *Алпатов В. М.* Восточное языкознание в России и СССР: памяти Николая Алексеевича Иванова // *Московское востоковедение: очерки, исследования, разработки.* М., 1997. С. 510–524; *Алпатов В. М.* Репрессированная тюркология / В. М. Алпатов, Ф. Д. Ашнин, Д. М. Насилов. М., 2002; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч.: в 9 т. М., 1977. Т. 9. С. 199–482. (1-е изд.: СПб., 1911); *История отечественного востоковедения до середины XIX в.* М., 1990; *Конрад Н. И.* Старое востоковедение и его новые задачи // *Запад и Восток.* М., 1972. С. 7–29; *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока : пер. с англ. СПб., 2006.

Т. М. ГАВРИСТОВА

«ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» (нем. *Achsenzeit*) – теория осевого времени была сформулирована немецким философом К. Ясперсом (1883–1969) в его широко известной книге «Смысл и назначение истории». Этим термином К. Ясперс обозначил переломный период в истории, когда мифологическое мировоззрение перестало быть безусловно доминирующим, и ему на смену пришли разные мировоззренческие системы,

имевшие в качестве общей характеристики нарастающий алгоритм рационально-философского освоения мира и человека (что вместе с тем не исключало напрочь миф). Эти системы (конфуцианство, даосизм, легизм, буддизм, зороастризм, античная философия, иудаизм) неслучайно сформировались, полагал философ, в промежуток времени между 800 и 200 гг. до н. э. К. Ясперс так формулировал исторические предпосылки идеологических трансформаций «осевого времени»: «...общие социальные условия... благоприятные для духовного творчества: многочисленные мелкие государства и небольшие города; политически раздробленная эпоха с повсеместной борьбой; нужда вследствие революций рядом с благополучием, так как нигде не имело места всеобщее и полное разрушение. Ставятся под вопрос сложившиеся формы жизни». При всей расплывчатости этого объяснения, очевидно, что именно в это время мир-система претерпевает радикальные цивилизационные изменения – существенно вырастает уровень урбанизации, возникают новые «вызовы» в сознании людей, «ответом» на которые является рост грамотности и рационально-интеллектуальной оснастки сознания человека. Словом, в перспективе прорастают те черты, которые в трансформированном виде характеризуют современный тип сознания. Некоторые доосевые цивилизации (древнеегипетская, ассииро-вавилонская) по целому ряду причин не смогли претерпеть подобного рода изменений и исчезли в водовороте мировой истории.

Лит.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991. С. 32-50.

И. Ю. НИКОЛАЕВА

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – *методы исторического исследования*, основанные на логических приемах анализа и синтеза исторической информации. Их отличительной чертой является опора на *общенаучные методы*.

Понятие «основные методы исторического исследования» было введено И. Д. Ковальченко для обозначения наиболее распространенных логических схем *исторического дискурса*, которые связаны с типовыми аналитическими задачами *научного исследования*. К ним относятся:

✓ анализ содержания *исторического явления* или *процесса* (*системный анализ*: сущность, характер, структура и функции);

- ✓ характеристика места и роли изучаемого явления в *исторической реальности* (факторный анализ);
- ✓ изучение направленности и интенсивности изменений изучаемого явления во времени (*динамический анализ*);
- ✓ выделение классов и типов исторических объектов (классификация и *типология*);
- ✓ характеристика общего и специфического в историческом явлении или процессе (сравнение);
- ✓ генезис исторических явлений и объектов (причинно-следственный анализ).

Совокупность используемых аналитических процедур была положена в основу выделения следующих основных методов исторического исследования: *историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического, историко-динамического (историко-диакронного), историко-системного*. Каждый из них задает свой логический план исследования.

Лит.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М., 1986; Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Гулыга А. В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Козин Н. Г. Познание и историческая наука. Саратов, 1980; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. М., 1967.

Л. Н. МАЗУР

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ – история родной страны (причем под страной может пониматься как «государство» / «власть», так и «народ» – в зависимости от идеологических установок пишущего). Словосочетание возникло в русском языке в последней четверти XVIII века (относительно ранние употребления фиксируются, в частности, в произведениях И. Н. Болтина и А. Н. Радищева) в связи с развитием представлений о национальной идентичности, черпавшей свои основания в *национальной истории*; в более ранних сочинениях (в частности у В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова) использовался термин «российская история». В современной России используется в названиях учебников для школы и вузовских курсов, предмет которых составляет история России разных эпох, в названиях кафедр, обеспечивающих чтение этих курсов в высших учебных заведениях, а также в

номенклатуре специальностей научных работников. В 1992–2008 гг. служило названием одного из ведущих специализированных журналов по истории России (до 1992 года – «История СССР», с января 2009 года – «Российская история»). Исключительно распространено в публицистическом дискурсе.

Лит.: Каменский А. Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: к постановке проблемы // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 59–99; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997 (1-е изд. – СПб., 1884); Савельева И. М., Полетаев А. В. Национальная история и национализм // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2006. № 2 (6). С. 18–30.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА ТЕОРИЯ – как теория была разработана австрийским философом, логиком и социологом Карлом Поппером, хотя само понятие было введено французским философом Анри Бергсоном (1859–1941). Общества открытого типа в рамках данной теории отличаются от закрытых тем, что являются демократичными обществами, члены которых открыты чужому мнению и в то же время принимают решения, полагаясь на свой критический разум. Этот тип общества строится на социально-договорной основе между его членами, относительно его устройства и функционирования. Как правило, к «закрытому типу» обществ, согласно этой теории, относят практически все доиндустриальные, или *традиционные общества* (исключение К. Поппер делал для некоторых обществ античности), а также общества с тоталитарными режимами (для Поппера это, прежде всего, нацистский режим Гитлера и коммунистический Сталина). Сами истоки тоталитарной идеи К. Поппер усматривал в «идеальном государстве» Платона, и главными врагами открытого общества у него выступают Платон, Гегель и Маркс. Согласно этим построениям, современные общества, по-преимуществу, относятся к обществам открытого типа.

Лит.: Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994; Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю. Новейшие метаморфозы образа прошлого и гражданская ответственность ученого: об идентичности историка XXI века // Новые подходы к изучению истории. М., 2011. С. 11–24; Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х тт. М., 1992.

И. Ю. НИКОЛАЕВА

ОТНЕСЕНИЯ К ЦЕННОСТИ ПРИНЦИП – 1) требование к историку в процессе его исследовательской работы учитывать не только те факты, которые оказали воздействие на реализацию тенденций общественного развития, но и те, которые имеют значение для современных эстетических, этических, правовых, идеологических, политических ценностей [С. П. Рамазанов]. **О. к ц. п.** – один из основных принципов неклассической модели исторического исследования, которая сформировалась в русле антипозитивизма, неокантианской теории познания и неклассической рациональности.

С позиций неклассической рациональности познавательная деятельность в исторической науке представляет собой субъектно-субъектное отношение, в котором движение мысли определяется обращением к ценностям, из которых исходит мыслящий субъект. В связи с этим историческое мышление приобретает последовательно аксиологическую природу, а само историческое исследование становится возможным только как диалог культур. В рамках неокантианской методологии истории **О. к ц. п.** был разработан Г. Риккертом и М. Вебером. Г. Риккерт считал, что историческая наука должна изучать исключительно то, что есть, и поэтому требовал точного установления исторических фактов. Однако при этом особое внимание он уделял чрезвычайно важной для историка проблеме критерия отбора исторических фактов, который, по его мнению, должен лежать в аксиологической сфере. Благодаря наличию у историков индивидуальных ценностей, они, как полагал Г. Риккерт, отличают важное от незначительного, замечают одни процессы и отодвигают на второй план другие. М. Вебер также считал, что благодаря «отнесению к ценности», удерживаются именно те моменты из необозримого многообразия эмпирических данных, которые имеют значение с точки зрения определенных ценностей. В отличие от Г. Риккерта, М. Вебер указывал, что эти ценности носят не индивидуальный, а общезначимый для всех изучающих субъектов характер, т. е. они имеют абсолютное значение в рамках определенной исторической эпохи. «Отнесение к ценности», по М. Веберу, является тем актом, который конституирует общезначимое суждение.

«Отнесение к ценности» выступает в рамках неокантианской методологии исторического познания только в качестве критерия отбора исторических фактов, но не как их оценка, от которой историк, по мнению Г. Риккерта и М. Вебера, должен воздерживаться. Если история и имеет дело с ценностями, то она все же не является оцени-

вающей наукой, поэтому история должна быть свободна от оценочных суждений, как и другие науки. История, считали неокантианцы, дает нам объективные знания, понимая под «объективностью» знаний их «общезначимость» [Г. Риккерт].

Лит.: Гудков Л. Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России? // Вестник общественного мнения. 2009. № 1. С. 101–116; Риккерт Г. О понятии философии // Логос. Кн. 1. М., 1910. С. 33, 41; Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997. С. 550; Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006; Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen. 1968. S. 146–214, 489–540.

А. В. ЛУБСКИЙ

ОЦЕНКА В ИСТОРИИ – может рассматриваться либо как способ установления людьми прошедших эпох значимости современных им институтов, норм, поведения общественных групп и личностей, который определяет их деятельность; либо – как способ установления значимости явлений и процессов прошлого для субъекта исторического познания. Во втором случае следует различать, во-первых, научную оценку, связанную с выбором явлений, значимых для установления тенденций или закономерностей общественного развития, и стремящуюся при этом максимально ограничить субъективные симпатии и пристрастия ученого-историка, а, во-вторых, оценку аксиологическую, в рамках которой устанавливаются этическая, эстетическая, правовая, политическая значимость явлений и процессов прошлого для познающего субъекта, общественных групп или современного общества. (См.: *Ценностный подход, Аксиология в историческом познании*).

Лит.: Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989; Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982; Репина Л. П. Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004; Фролов И. В. Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 2 (14). С. 133–137.

С. П. РАМАЗАНОВ

П

ПАЛЕОГРАФИЯ – *вспомогательная историческая дисциплина*, предмет которой составляет эволюция внешних признаков (материалов и орудий письма, графики, декора) письменных *исторических источников*. Важно учитывать, что кодирование информации с помощью систем графических знаков (систем письма) имеет место не только при создании письменных источников, но и при нанесении надписей на источники иных типов (в частности – вещественные). Однако приемы и орудия письма, используемые авторами таких надписей, как правило, отличаются от приемов и орудий, используемых при письме на специально предназначенных для этого материалах (папирусе, пергамене, бумаге). Как следствие, анализ надписей на вещественных источниках требует особых методик, родственных, но не тождественных методикам классической палеографии, и составляет область компетенции самостоятельной *вспомогательной исторической дисциплины* – *эпиграфики*. Характерное для *индустриального* и *постиндустриального* времени широкое распространение типографской техники, печатных машинок, а в последние десятилетия и компьютерной техники, также коренным образом изменяет стратегию и конкретные приемы письма, что позволяет ряду специалистов выделять исследования письменных памятников XIX–XXI вв. в особую дисциплину – *неографию*. Наконец, общая теория письма как знаковой системы разрабатывается в рамках семиотики, достижения которой важны для палеографии, но все-таки являются внешними по отношению к ее предмету. Некоторые приемы палеографического анализа были известны человечеству издавна, так как в делопроизводительной практике средневековья и раннего нового времени несоответствие манеры письма и оформления заявленной даты служило признаком поддельности предъявляемого документа. Навыки выявления подложных грамот, развивавшиеся в канцеляриях Западной Европы и московских приказах, объединяются понятием «практическая палеография». Становление научной палеографии приходится на XVII в. и связано с деятельностью Общества Болландистов, Ж. Мабильона и

Б. Монфокона. С начала XIX в. развивается славяно-русская П., зарождение которой связано с именами А. И. Ермолаева, митр. Евгения (Болховитинова), А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, М. П. Погодина, И. П. Сахарова и др. В настоящее время изучение истории письма и выработка навыков чтения древних текстов являются неотъемлемой частью профессиональной подготовки историка, составляя один из центральных сюжетов в курсах *вспомогательных (специальных) исторических дисциплин*.

Основной задачей современной палеографии является формирование системного представления обо всех сторонах работы книжников, писцов-канцеляристов, оформителей и переплетчиков в рассматриваемую эпоху. Ученых интересует, как в разные периоды заготавливались материалы для письма и как отдельные листы писчего материала скреплялись в свитки, тетради или кодексы, из чего делались чернила и какие использовались краски, как эволюционировал состав используемых знаков и характер письма (прямое / наклонное, раздельное / слитное). Эти знания позволяют интерпретировать тексты, сокращая число «темных мест» и неясностей, атрибутировать рукописи (в том числе выявляя подделки) и вырабатывать рекомендации по более эффективному хранению, описанию, публикации рукописного наследия, а также (что в последнее время становится все более актуальным) – по представлению рукописей в цифровой форме.

Достижения палеографии имеют большое значение для ряда смежных дисциплин, в частности для *текстологии, истории искусства* (особенно – книжного дела), социологии письма и литературы, отчасти для истории техники (в том, что касается производства материалов и орудий письма) и другие. В рамках П. выделяется ряд субдисциплин, в частности – *кодикология, филигранология* и т. д.

Лит.: Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969; Фридрих И. История письма. М., 1979; Чекунова А. Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. М., 2010; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Щепкин В. Н. Русская палеография. 3-е изд., доп. М., 1999.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПАМЯТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – см. *Историческая культура*.

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРНАЯ – концепт был разработан гейдельбергским египтологом, историком культуры и одним из ведущих теоретиков *memory studies* Яном Ассманом и представлен в опубликованной в 1992 году одноименной монографии автора.

В основе подходов автора лежат идеи основоположников исследования коллективной / социальной памяти М. Хальбвакса и А. Варбурга, концепция культуры как памяти московско-тартуской семиотической школы Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, а также концепция «сакрального» Э. Дюркгейма и понятие «жизненного мира» феноменологической социологии.

Культурная память, по Ассману, представляет собой специфическую для каждой культуры форму передачи и осовременивания культурных смыслов. Это – обобщающее понятие для всякого знания, которое управляет поступками и переживаниями в специфических рамках взаимодействия внутри определённого общества и подлежит повторяющемуся из поколения в поколение наставлению и заучиванию. Смысл понятия «культурная память» определяется автором через противопоставление её коммуникативной памяти. Коммуникативная память функционирует в горизонте «жизненного мира», который может быть охвачен собственным опытом индивида и услышанными им рассказами. Временной диапазон коммуникативной памяти, таким образом, около 80 лет. В отличие от неё, **К. п.** относится ко времени «истоков», к «далёким временам», о которых никто из ныне живущих не может иметь личных воспоминаний. **К. п.** включает в себя «обосновывающие воспоминания», утверждающие законность и оправданность существующего порядка вещей. Коммуникативная память опирается на непосредственное социальное взаимодействие, в то время как **К. п.** предполагает устойчивые объективации. **К. п.**, в отличие от памяти коммуникативной, специально учреждается, искусственно формируется. Для её создания, хранения, трансляции в обществе создаются специальные институты. **К. п.** имеет сакральную окраску, ей присуща приподнятость над уровнем повседневности (сферы коммуникативной памяти). Воскрешение культурных воспоминаний осуществляется в ритуализированной форме праздника. Поэтому культурная память может быть определена как орган ритуально оформленного неповседневного воспоминания. Причастность к коммуникативной памяти разлита по всему социальному целому. Знание, составляющее её содержание, приобретает неспециализированно, в ходе повседневного общения. Существование особых специалистов по коммуника-

тивной памяти в обществе не предполагается. Напротив, **К. п.** требует существования профессиональных носителей (шаманов, жрецов, бардов, учёных, поэтов, писателей, художников и т. п.). Приобщение к культурной памяти специально организуется и контролируется этими специалистами. Усвоение культурной памяти требует желания и усилий со стороны обучающегося, поэтому овладение ею всегда социально дифференцировано. Одни члены социальной общности или же социальные группы причастны к ней в большей степени, чем другие. Эти два типа памяти, коммуникативная и культурная, в разных культурах более или менее резко отделены друг от друга.

Содержание культурной памяти может по-разному структурироваться в зависимости от интересов и видения мира той или иной социальной общности, в рамках которой создаётся этот «мемориальный нарратив». Культурная память может быть «горячей» и «холодной». «Горячая» культурная память ориентирована на динамику, развитие. Она концентрируется на уникальном, неповторимом в истории, переломных моментах взлёта, упадка, становления. «Холодная» опция культурной памяти, напротив, призвана сопротивляться изменениям, и поэтому обращается ко всему регулярно повторяющемуся, неизменному, создавая образ прошлого как «вечного настоящего». Стимулировать «горячую» опцию более склонны «парии», низшие, угнетённые слои общества, заинтересованные в переменах. Господствующие классы, напротив, стремятся «охладить» память для увековечивания своего положения. «Горячая» память имеет для культуры значение ориентирующей силы. Эта сила названа Я. Ассманом «мифомоторикой», а сама «горячая» культурная память – «мифом», т. е. закреплённым и интериоризированным до состояния «обосновывающей истории» прошлым вне зависимости от подлинности или же фиктивности этого образа. Память-миф – это обращение к прошлому, целью которого является понимание настоящего и поиск ориентиров дальнейшего развития. В этом качестве она может выполнять две функции – «обосновывающую» и «контрапрезентную» (контрафактическую). В своей обосновывающей функции миф показывает прошлое как осмысленное и подтверждающее необходимость настоящего порядка вещей. Контрапрезентная функция связана с ощущением несовершенства настоящего и обращением к прошлому как к «золотому веку», «героической эпохе». Здесь настоящее критикуется с точки зрения «прекрасного прошлого», сравнение с которым раскрывает всё несовершенство текущего положения дел. В определённых условиях

обосновывающий миф может превратиться в контрапрезентный, а в экстремальных ситуациях (угнетения, обнищания, иноземного владычества) контрапрезентный миф становится революционным. Тогда образ прошлого превращается в социально-политическую утопию и может стать целью движений мессианского, хилиастического типа.

Разработанная Я. Ассманом концепция позволила обозначить новую область историко-культурологических исследований – изучение «культур воспоминания» различных обществ и их сравнительный анализ. Ещё одним аспектом исторического изучения культурной памяти является анализ функционирования «образов-воспоминаний» в последующих культурах, выявление тех культурных смыслов, которые были ими порождены в иных контекстах.

В итоге, Я. Ассман выдвинул проект «истории памяти» – дисциплины, изучающей динамику воспоминаний, культурную память вообще. С точки зрения «истории памяти», прошлое никогда и нигде не передаётся просто от поколения к поколению, а всегда вновь и вновь пересоздаётся, реконструируется, исходя из потребностей современности. «История памяти» призвана изучать то прошлое, которое осталось в памяти социальной группы, процессы его моделирования, переоткрытия в настоящем в зависимости от актуальной ситуации. «История памяти» задаётся вопросом не об истинности или ложности тех или иных воспоминаний о прошлом, бытующих в коллективе, а о причинах создания, поддержания или изменения определённого образа *исторического события, эпохи, лица*. Эта дисциплина стремится обнаружить те обстоятельства, которые сделали определённый образ прошлого востребованным для текущей жизни социальной общности, или же, напротив, привели к утрате его актуальности, т. е. – к забвению.

Лит.: Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Эксле О. Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. 2001. С. 176–198; Assmann J. What is «Cultural Memory» // Assmann J. Religion and Cultural Memory. Ten Studies. Stanford. Stanford University Press, 2006. P. 1–30; Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2008; Erll, Astrid. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Weimar; Stuttgart. 2005.

ПАРАДИГМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – структурный элемент *методологии исторического исследования*, представляющий собой образец и стандарт постановки и решения определенного класса исследовательских задач, принятые в определенном научном сообществе, к которому принадлежит тот или иной исследователь. **П. и. и.** задает способ видения предметной области конкретного *исторического исследования* и определяет методологические средства для решения его научных задач. Выбор той или иной парадигмы исторического исследования обусловлен прежде всего той *моделью исторического исследования*, в рамках которой осуществляется научно-исследовательская деятельность историка. В этом плане можно выделить, например, «парадигму интересов» и «парадигму ценностей», доминирующие, соответственно, в классической, базирующейся на идее социального детерминизма, и неклассической, основанной на опыте феноменологической альтернативы, моделях исторического исследования.

В *методологии истории* понятие научной парадигмы получило широкое распространение, благодаря американскому методологу науки Т. Куну, который писал: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» (3). Постепенно понятие научной парадигмы, введенное Т. Куном, утратило свое первоначальное значение, и в настоящее время употребляется в *исторической науке* в различных значениях, которые можно свести к двум большим группам: 1) теоретические парадигмы *исторического познания*; 2) теоретические парадигмы *исторической действительности*. При этом в *исторической эпистемологии* выделяются различные теоретические парадигмы исторического познания: классическая (позитивистская), неклассическая (неокантианская), постнеклассическая (постмодернистская) (4); классическая (антропологическая), неклассическая («полевая»), постнеклассическая (дискурсивная) (2). В рамках историософии, занимающейся экспликацией сущностного содержания, процессуальной формы и смысла истории, также выделяют теоретические парадигмы *исторической действительности*, которые получили название концептуальных моделей истории или подходов в изучении истории. В качестве таких моделей истории выделяют: циклическую, линейную, спиралевидную, ковариантную, альтернативно-ризомскую (1). В качестве подходов в изучении истории выделяют макро- и микроисторические подходы,

в рамках макроисторических подходов – формационный, цивилизационный, мир-системный. Кроме того, в изучении истории выделяют парадигмы: эволюционную, циклическую, «равновесную», конфликтологическую, синергетическую (5).

Лит.: 1) *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории: Пособие для студентов. М.: Логос, 1995; 2) *Гурьянова А.В.* Ключевые парадигмы современной эпистемологии истории: классика, опыт неклассической рефлексии и ситуация «пост-». Самара: СамЛюксПринт, 2008; 3) *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. С. 11; 4) *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 5) *Побережников И.В.* Теоретические парадигмы в изучении истории. URL: http://mmj.ru/history_theory.html?&article=117&cHash=0bde2ede87 [февраль, 2014].

А. В. ЛУБСКИЙ

ПАРТИЙНОСТИ ПРИНЦИП В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ. Означает ценностно опосредованный идейно-политическими ориентирами историка (историков) подход к пониманию его природы. Выдвинут и теоретически обоснован малогерманской школой историков во главе с Генрихом Зибелем, сформулировавшим задачу изучить историю «с гневом и пристрастием». С его помощью были достигнуты крупные успехи в изучении теоретико-методологических оснований исторического познания (И. Г. Дройзен), истории древнего Рима (Т. Моммзен), международного значения Французской революции (Г. Зибель) и др. Научная эффективность руководства принципом партийности продемонстрирована также в других странах (французская историография периода Реставрации, Томас Карлейль в английской исторической науке, И. Д. Ковальченко и его школа в советской историографии и т. п.).

От подлинной партийности следует различать дискредитирующую её ложную, расцветшую в советские годы, когда она напрямую отождествлялась с политикой партии и столько раз изменяла свое содержательное наполнение, сколько менялась партийная линия. Всякий раз, после очередного съезда партии или пленума ЦК, содержание понятия «партийность» трансформировалось, подчас весьма радикально, когда «верные ленинцы» объявлялись «врагами народа» и наоборот. Таким же далёким от *научности исторического знания* яв-

лялось развернувшееся в конце 1980-х – 1990-е гг. тотальное отрицание принципа партийности.

Во всех суждениях о принципе партийности должен учитываться присущий его природе момент *относительности исторического знания*. Последнее понятие шире первого и существенно воздействует на его содержание и действие. Поэтому со временем те или иные оценки, в каких проявляется партийность исследователя, могут значительно видоизменяться. Использование принципа партийности не терпит его догматизации и нуждается в постоянном совершенствовании соотносительно с изменяющимися социальными, идейно-политическими, культурными и научными реалиями.

Лит.: Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ПАССИОНАРНОСТИ ТЕОРИЯ – является частью более широкой *теории этногенеза*, разработанной советским историком Л. Н. Гумилёвым (1912–1992). Пассионарность (от лат. – *passio*, «страсть») – квазинаучный термин, введенный в оборот в 70–80-е годы XX столетия. Согласно Гумилеву пассионарность представляет собой фундаментальную категорию, раскрывающую связь энергии живого вещества биосферы Земли с этногенетическими, культурогенетическими и социально-историческими процессами. Пассионарность рассматривается им, как эффект энергии биосферы Земли, наблюдаемый в появлении, развитии и исчезновении этносоциальных систем. Этот эффект проявляет себя как поведенческий признак действующих в истории индивидов, характеризующий их приоритеты во взаимодействии с окружающей средой. Проявление пассионарности как поведенческого признака на индивидуальном уровне противоположно инстинкту самосохранения. По данному признаку выделяются три группы носителей социального поведения: 1) пассионарии – индивиды, обладающие повышенной пассионарностью (пассионарный признак сильнее инстинкта самосохранения), что проявляет себя в выборе ими линий поведения, направленного на творческие изменения окружающей среды, содержание и направление которых опреде-

ляются действующими культурными традициями и конкретными историческими обстоятельствами; 2) гармоничные типы – индивиды, обладающие пассионарным признаком, сопоставимым по силе инстинкту самосохранения, что определяет их приоритетные линии поведения и деятельности, как направленные на сохранение наличных состояний окружающей среды; 3) субпассионарии – индивиды, у которых пассионарный признак выражен слабее инстинкта самосохранения, что проявляется в приоритетах паразитического отношения к окружающей среде. Относительная доля индивидов-пассионариев в этносоциальной системе определяет, согласно Л. Н. Гумилёву, уровень пассионарного напряжения данной системы. Тенденции динамики этого уровня определяют фазу этногенеза для данной системы. Согласно «теории этногенеза», эти фазы являются универсальными закономерностями развития всех этносоциальных систем, которые в своем жизненном цикле проходят: инкубационный период – объединение некоторого числа пассионариев и возникновение новой этносистемы с новым стереотипом поведения; фазу пассионарного подъема – устойчивого роста числа пассионариев в системе, сопровождающегося расширением ареала системы, созданием новых социальных структур, формированием новых культурных традиций; акматическую фазу – ей свойственен переизбыток пассионариев в системе, нарушение некоего интуитивно постигаемого оптимума, что приводит к усложнению системы, появлению множества пассионарных альтернатив развития и конкуренции между ними; фазу надлома – резкого спада численности пассионариев в системе, дезинтеграции системы, снижения ее творческого потенциала; инерционную фазу – когда число пассионариев входит в некий баланс с числом гармоничных индивидов, при этом наступает период стабилизации во всех сферах жизни системы, переключение творчества на мирные социокультурные образцы; фазу обскурации – период, когда в системе численно доминируют субпассионарные индивиды, господствует непродуктивное потребление социокультурной и природной среды, что приводит ее к быстрому разрушению и распаду системных связей в этносоциальной системе; вариант исхода фазы обскурации – переход этносоциальной системы в гомеостаз – состояние, при котором число гармоничных индивидов значительно превышает число и пассионариев, и субпассионариев, начинают доминировать консервативные ценности и соответствующие практики поведения во всех сферах жизни системы, происходит полная остановка творческих процессов, воспроизводство устоявших-

ся традиций из поколения в поколение. В этом внеисторическом состоянии этносоциальная система может пребывать неопределённо долго.

Согласно Л. Н. Гумилеву, полный жизненный цикл пассионарного эффекта, питающего этносистему, составляет от 1200 до 1500 лет. Физическая природа этого эффекта в «теории этногенеза» не получает исчерпывающего объяснения, высказывается гипотеза о генетических мутациях, порождающих пассионарный признак и связанных с воздействием излучений ближнего космоса. Изменение пассионарного напряжения этносоциальной системы, развивающееся в соответствии с вышеуказанными фазами, рассматривается как природный базис для реализации социально-исторических процессов в этносоциальных системах. Тем самым пассионарность выступает как фундаментальная детерминанта исторического развития человеческих сообществ, хотя при этом она и не предписывает этим сообществам конкретные формы и сценарии реализации *исторических закономерностей*.

Концепция пассионарности, как и «теория этногенеза» в целом, не получила признания в научных кругах, как методологически уязвимая и противоречащая многим эмпирическим данным, либо не объясняющая их. В научной традиции отмечается тяготение «теории этногенеза» и, в частности, учения о пассионарности, к биологическому детерминизму исторических явлений, отрицанию в нем значимости фактора свободной воли людей в истории. Критика пассионарности как методологической категории встречается в работах А. Л. Янова, Л. С. Клейна, В. А. Тишкова и ряда других исследователей. Вместе с тем, практика употребления термина «пассионарность» вышла за пределы трудов Л. Н. Гумилева и посвященных ему историографических работ. Термин «пассионарность» используется в различных контекстах в публицистике, журналистике и интернет-общении для обозначения социально активных творческих индивидов и групп людей.

Лит.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. 1989; Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990; Гумилев Л. Н. Внутренняя закономерность этногенеза // Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 251–265; Гумилев Л. Н. Биосфера и импульсы сознания // Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 285–298; Янов А. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 108–114.

Д. В. ЗАГОСКИН

ПАТЕРНАЛИЗМ – 1) общественное явление, основанное на сохранении стереотипов поведения, свойственных большой патриархальной семье, нацеленное на создание условий выживания социальных групп, механизмом реализации которого является перераспределение благ и оказание помощи членам этих групп (2); 2) особый вид социального института, характерными чертами которого являются принуждение, иерархия и зависимость, сконструированный акторами, нуждающимися в отношениях взаимной зависимости, испытывающими потребность в функциях попечительства и попечения (5); 3) тип отношений между государством и обществом, предусматривающий «отеческую заботу» государства о благоденствии его граждан, порождающий стремление человека жить за счет государственной поддержки и одновременно доверять государству обустройство собственной жизни, поступаясь при этом частью своих прав. **П.** применительно к истории может быть рассмотрен как: а) тип социальных отношений; б) принцип отношения между государством и обществом; в) культурная традиция. **П.** как тип социальных отношений предполагает наличие двух субъектов, ощущающих свою принадлежность к «Мы» как большой семье. С одной стороны, это – лица и группы, обладающие ресурсами и властью и позиционирующие себя в виде «отцов», «хозяев», «попечителей», с другой – лица и группы, стоящие на более низких ступенях социальной иерархии и нуждающиеся в помощи, защите, покровительстве и опеке. **П.** как тип социальных отношений предполагает наличие определенных неформальных правил и ограничений. Это позволяет некоторым исследователям рассматривать патернализм как особый социальный институт, с одной стороны, задающий и контролирующий определенную модель социального поведения (5), а с другой – предоставляющий индивидам социальное убежище и защиту от отчуждения и давления анонимных социальных механизмов (1). С традиционной институциональной точки зрения, патернализм является набором ролей, перемещенным из семейной сферы в иные области общественной деятельности. С позиций неинституционализма патерналистские институты конструируются в процессе взаимодействия между субъектами, имеющими общие цели и совершающими социальные действия. **П.** как тип социальных отношений проявляется в определенных социальных практиках, которые не предусматривают согласования интересов сторон, поскольку в этих практиках решающим является голос «отца», его решения и действия. Можно выделить два типа патерналистских практик: церемониальные

и функциональные. Церемониальные практики – это периодически повторяющиеся социальные акции, носящие символический и идентификационный характер, демонстрирующие социальное единство и распределение патерналистских статусов. Функциональные патерналистские практики, носящие повседневный характер, сливаются с нормативными предписаниями и стимулируют индивидов к достижению целей социальной организации через актуализацию групповой солидарности. **П.** как принцип отношения государства и общества означает, что общество рассматривается в качестве семьи, главой которой выступает государство, осуществляющее «отеческую» опеку над своими подданными по образцу строения отношений внутри патриархальной фамилии. Государство (отец), узурпируя многие общественные функции, опутывая общество разного рода регламентациями и предписаниями, определяет, что в обществе хорошо и что плохо и распределяет блага с учетом места каждого в иерархической системе власти. При этом государственная власть персонифицируется в царепастыре, который собирает воедино, оберегает и ведет народ-паству к лучшей жизни. Однако за патерналистским попечительством и защитой стоит тотальная власть царя-пастыря, ибо народ-паства не может жить без его опеки, поскольку неспособен к самостоятельному существованию. Конечной целью является получение лояльности и политической поддержки со стороны подданных в обмен на социальный патронаж. Государственный патернализм – это не столько политическая теория, разработанная государством, сколько стиль социальной жизни основой которой выступает духовная солидарность общества и государства (3). Следствием патерналистских отношений между государством и обществом выступает «отчуждение», при котором «власть» склонна игнорировать общественное мнение, считая себя единственным субъектом политического процесса, а «общество», со своей стороны, будучи практически полностью исключенным из сферы принятия решений, часто испытывает разочарование в способности «власти» выполнить взятые на себя социальные обязательства. В результате в «обществе» актуализируется установка «разочарованного патернализма»: люди ждут от власти «отеческой заботы», однако реально они уже не могут чего-то требовать от государства. Основой патернализма как культурной *традиции* выступает *историческая память* об «отцах-благодетелях», от ума и просвещенности которых зависит благосостояние народа. В рамках этой *традиции* государство рассматривается как объект патерналистских ожиданий, а государст-

венное попечительство – как «благо» и как «обязанность» власти перед «обществом», реализуемая в «отеческой заботе» и социальном патронаже, «освященных» авторитетом прошлого; твердых социальных гарантиях «сверху» в обмен на отказ «общества» от самостоятельной позиции в разнообразных формах социальной активности.

Лит.: 1) *Афанасьев М. Н.* Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: МОНФ, 2000; 2) *Ермоленко Т. Ф.* Патернализм в России: опыт культурно-исторического анализа. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1999; 3) *Лубский А. В.* Какое влияние оказал геополитический фактор на формирование русского культурного архетипа? // Культурология в вопросах и ответах. М.: Гардарики, 1999; 4) *Ситнова И. В.* Ментальные ограничения институциональных изменений в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М.: ВЦИОМ, 2011. № 3 (103); 5) *Шуико-ва Н. В.* Этот ускользающий патернализм: попытка построения концепции // Социологический журнал. 2007. № 1.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПАТРИАРХАТ – форма социальной организации, обозначающая доминирующее положение мужчин в экономике, семье, роде, общине, концентрацию в их руках материальных ценностей и властных полномочий. Характерен для первобытных культур в форме отцовского (патриархального) рода, но как система поведенческих установок и практик сохраняется в большинстве доиндустриальных обществ.

В рамках этнологических и социологических концепций второй половины XIX века патриархат рассматривался либо как изначальное состояние общества, воплощавшее «естественную» власть отца (патриархальная теория), либо как поздняя стадия развития родового общества, сменившая эпоху матриархата (Я. Бахофен, Л. Г. Морган, Ф. Энгельс). В советской этнографической науке патриархат рассматривался не только как универсальный этап социальной эволюции первобытного общества, но и как форма распада первобытно-общинных отношений. Полагалось, что становление отцовского рода стало следствием перехода к скотоводству и пашенному земледелию. Трудовой вклад мужчин, занятых в этих отраслях экономики, был осознан об-

ществом как наиболее важный и ценный, что привело к изменению локальности брачного поселения (к смене матриликальных браков – патриликальными), а впоследствии определило патрилинейный счет родства, учитывающий межпоколенную связь детей только по линии отца. Переход к патриархату сопровождался целым рядом процессов, разрушавших эгалитарные основы первобытности: формированием частной собственности, зарождением имущественного неравенства, становлением социальной стратификации, возникновением домашнего (патриархального) рабства.

Кросс-культурные исследования XX столетия не подтвердили исторический приоритет материнского рода перед отцовским, как и примат патриархальных отношений. Большая часть современных исследователей разделяют позицию параллельного возникновения и существования патрилинейного и матрилинейного родов.

Лит.: Мердок Дж. П. Социальная структура. М., 2003; Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934; Семенов Ю. И. Проблема соотношения отцовской и материнской филиации у аборигенов Австралии // СЭ, 1971. № 6; Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975; Членов М. А. Еще раз об «австралийской контроверзе» и методике её рассмотрения // СЭ, 1974. № 6; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 21.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

ПЕРЕЖИТКОВ МЕТОД – метод *реконструкции* прошлого на основе сохранившихся в настоящем явлений, которые рассматриваются как остатки или пережитки. Метод пережитков нашел применение в XIX в. в исследованиях по *антропологии*. Практически одновременно он был использован в работах К. Д. Кавелина и в трудах Э. Тейлора, который ввел в научный оборот данное понятие. **М. п.** активно использовался для изучения *первобытной истории*, реконструкции основных этапов первобытной истории брака и семьи [Дж. Мак-Леннан, Л. Г. Морган].

В основе метода – теория *эволюционизма*, представление о преемственности развития общества, в результате чего в *культуре* каждого периода сохраняются остатки прошлого, по которым можно воссоздать его в превозданном виде. Э. Тейлор выделил следующие варианты пе-

режитков: 1) остатки (*обычаи, традиции, ритуалы*), дошедшие в неизменном виде; 2) остатки, изменившиеся в процессе приспособления к новым условиям; 3) возрожденные обычаи и представления.

В качестве основного логического инструмента **М. п.** выступает сравнение, основанное на *аналогиях*, что предъявляет особые требования к отбору изучаемых *фактов* и обоснованию их генетической связи с явлениями прошлого и сопоставимости. Проблемы корректной экстраполяции выводов, полученных на основе изучения остатков, влияют на неоднозначную оценку гносеологических возможностей метода пережитков.

Лит.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки и истории). М., 1981; Тэйлор Э. Б. Первобытная культура: Исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев / Под ред. Д. А. Коропчевского: в 2-х т. СПб., 1896–1897; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ПЕРИОД ИСТОРИЧЕСКИЙ (от др.-греч. περίοδος – обход, круговращение, определенный круг времени) – основная структурная единица *исторического процесса*, которая отражает качественное своеобразие определенного отрезка *исторического времени* и имеет хронологические границы. **П. и.** представляет собой универсальную *категорию*, которая обозначает как вполне самостоятельный отрезок времени, так и элемент схемы *периодизации* (часть цикла или стадии).

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Санцевич А. В. Методика исторического исследования: учеб. пособ. Киев, 1990; Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.

Л. Н. МАЗУР

ПЕРИОДИЗАЦИИ МЕТОД (др.-греч. περίοδος – обход, круговращение, определенный круг времени) – метод изучения *исторического процесса*, суть которого состоит в делении его на временные отрезки (периоды–этапы–стадии–циклы), отражающие качественные

состояния изучаемого явления. Для создания периодизации могут быть использованы различные критерии (политические, экономические, социологические и проч.), что влияет на их вариативность.

М. п. выполняет в *историческом исследовании* следующие функции: 1) *систематизации* исторического материала; 2) аналитического обобщения *исторических закономерностей*; 3) методологическую. В первом случае **М. п.** используется в качестве инструмента упорядочения исторических сведений и *фактов* и выступает как способ эмпирического познания. К эмпирическим периодизациям относятся те, которые опираются на внешние временные ориентиры, чаще всего это даты смены власти (династический принцип). Аналитическая периодизация выполняет не только функции *систематизации* исторической информации, но и несет познавательную нагрузку, так как позволяет более глубоко осмыслить *исторический процесс*, его *внутренние закономерности*. С этих позиций периодизацию можно рассматривать как динамическую модель изучаемого явления, которая представлена часто в форме схемы. Аналитическая периодизация опирается на теоретически обоснованные критерии (социально-экономические, демографические, культурологические, ментальные и проч.). Методологическая функция периодизации связана с обоснованием хронологических рамок исторического исследования.

Периодизация должна соответствовать следующим требованиям: 1) опираться на единый принцип деления временной ленты с учетом *объекта и предмета*, целей и задач исследования; 2) критерии выделения периодов требуют теоретического обоснования и должны учитывать используемые в науке периодизации; 3) периодизация должна иметь по-возможности четкие границы между периодами, которые практически всегда маркируются какими-либо значимыми *событиями*, выполняющими роль поворотных в *историческом процессе*; 4) нужно учитывать, что критерий деления, ставший основой периодизации, не исчерпывает всех тенденций и закономерностей развития изучаемого явления, поэтому периодизация имеет познавательные ограничения, которые необходимо оговорить.

В зависимости от концептуальной модели истории (линейно-стадиальной или циклической) выделяют несколько типов периодизации: простые, составные, последовательные, иерархические, стадийные, линейные, циклические, кольцевые, спиралевидные.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Зевелев А. И. Историографическое исследование.

Методологические аспекты. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М. 2004; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха, хронология, периодизация, теория, модель. М., 2010; Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.

Л. Н. МАЗУР

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ – 1) метод изучения *исторического процесса*, суть которого состоит в делении его на временные отрезки, отражающие определенные состояния изучаемого явления (*метод периодизации*); 2) признанные и используемые в исторической науке схемы деления исторического процесса на временные отрезки, представляющие собой концептуальные динамические модели, для создания которых использовались различные критерии (религиозные, политические, экономические, и проч.).

Первые исторические периодизации появляются еще в *Античности*. Так, Гесиод в поэме «Труды и дни» (к. VIII – нач.VII в. до н. э.) выделил пять «веков» в развитии человечества: золотой, серебряный, медный, век героев, железный. В I в. до н. э. в поэме Лукреция Кара «О природе вещей» (*De rerum natura*) была представлена похожая схема четырех этапов истории: золотого, серебряного, бронзового и железного века.

В средневековой историографии утвердились свои подходы к периодизации, в основе которых лежали христианские представления об истории. Среди них П., основанная на интерпретации библейского текста о шести днях творения, трансформировавшихся в представления о шести веках земной истории: от сотворения мира и до дня последнего суда (Юлиан Африканский, Августин, IV в. н. э.). Позднее появилась периодизация Р. фон Дёйтца и И. Флорского (XII в.), в которой выделяются три мировые исторические эпохи, соответствующие трем ипостасям «божественной троицы»: до рождения Христа; время Христа; и третий период – время «святого духа», связанный с появлением монашества. Существовала в средневековье и светская П., основанная на «Книге пророка Даниила», согласно которой история человечества – это история четырех империй (Восточной, Греческой, Римской, Германской).

Возрождение породило трехчленную схему деления «Античность – Темные (средние) века – Новое время», положенную в XVI в. в основу общепринятой периодизации: «Древний мир – Средние века – Новое время» (Ж. Боден). В XIX в. появились схемы периодизации Л. Моргана, К. Маркса и Ф. Энгельса, О. Конта, позднее, в XX в. – О. Шпенглера, Ф. Броделя и др., раскрывавшие динамику *исторического процесса* с разных сторон. Особенностью исторических периодизаций Нового и Новейшего времени стало, с одной стороны, их разнообразие, а с другой – стремление к созданию универсальных схем.

Лит.: Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; Боцаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособие. Томск, 2006; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Репина Л. П. Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990; Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.

Л. Н. МАЗУР

ПЛЮРАЛИЗМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ – принцип *исторического познания*, согласно которому существует множество способов научного изучения истории. **П. м.** как принцип плюралистической *интерпретации* истории сформировался в рамках экзистенциально-антропологической теории познания. Историки, придерживающиеся этого принципа, считают, что природа *исторического познания* такова, что даже при самом жестком профессиональном подходе остается плюрализм исторических истолкований (5), и поэтому история может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (в широком смысле – *историческое сознание* определенного научного сообщества). **П. м.** является принципом неоклассической модели исторического исследования, представители которой полагают, что по отношению к *предмету исторического познания* можно сформулировать множество исследовательских задач, при решении которых могут быть использованы различные методологические средства. Приоритетность постановки определенного класса исследовательских задач определяется методологическим сознанием ученого, по отношению к которым применяется свой специфический способ их решения, давший в рамках опреде-

ленной *познавательной парадигмы* необходимый научный результат. В исследовательской практике, где утверждается принцип методологического плюрализма, представители различных научных течений и школ отдают предпочтение разным методологическим подходам, используют специфические научные тезаурусы и создают конкурирующие между собой *исторические теории* предметного содержания. Вместе с тем принцип методологического плюрализма содержит требование, согласно которому любая из удачных плюралистических *интерпретаций* истории является ограниченной, и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс *исторического познания*. Необходимость методологического плюрализма в *исторической науке* обусловлена неисчерпаемостью самой *исторической действительности*, что делает возможным создание не одного, а нескольких вариантов *исторической теории*, превращая при этом в иллюзию претензии любого из них на монополию в плане утверждения научной *истины* (3). Вместе с тем представители неоклассической исторической науки, рассматривая методологический плюрализм как свидетельство нормального ее развития, полагают, что плюрализм ценен не сам по себе, а в качестве необходимого условия научной *реконструкции исторической действительности*, воссоздающей все более многообразную картину исторического прошлого. В радикальной форме П. м. является императивом постмодернистской теории *исторического познания*, в рамках которой историк, превращаясь в репрессивную инстанцию по отношению к производству *исторической реальности*, действуют по принципу «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит так есть»). Кроме того, радикальный П. м. легко совращает, подбивает на эклектику и вседозволенность. В исследовательской практике это часто приводит к утрате научности и порождает только постмодернистский хит в виде банализированной историко-популярной литературы, написанной наукообразным языком, за которым не кроется никакого исследовательского начала, и где читателю в псевдоплюралистической манере подается всякая мешанина из описания реальных *исторических событий*, вымыслов, исторических анекдотов, стереотипов и мифов, хаотического нагромождения событий, смыслов и замыслов. В условиях перехода от монистической интерпретации *исторической реальности* к плюралистической в *историческом познании* возникают различные псевдоформы методологического плюрализма, одна из которых получила название методологического сепаратизма, или «плюралистически

дискретного монизма», порождающего интеллектуальный сепаратизм (2). В условиях методологического сепаратизма *историческая наука* становится «ярмаркой идей», а *историческое познание* превращается в когнитивное поле многообразных мнений и интеллектуальных «языковых игр», в результате которых *историческая реальность* растворяется во множестве теоретических конструкторов и ценностных концептов, метафорических значений и смысловых миров, каждый из которых претендует на то, чтобы считаться единственно правильным пониманием истории. Методологический сепаратизм в *историческом познании* размывает научные стандарты профессиональной деятельности историков, которые начинают говорить на разных языках, все меньше понимая друг друга и все больше обвиняя своих оппонентов в ненаучности их исторических построений.

Лит.: 1) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. С. 38–60; 2) Мальковская И. А. Россияведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 78; 3) Смоленский Н. И. Возможна ли общеисторическая теория? // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 3–4; 4) Согрин В. В. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20–34; 5) Тош, Джон. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Изд-во «Весь мир», 2000. С. 183–184.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПОВОРОТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – смена *парадигм* как способов постановки и решения *научных проблем*, сопровождающаяся переходом к новым предметным полям и методам научного исследования. Методологические повороты – характерная черта *исторической науки*, эпистемологическая ситуация в которой характеризуется переходом от методологического монизма к *методологическому плюрализму*, базирующемуся на следующих принципах: 1) вариативности – *историческая реальность* может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель», придерживающийся определенных парадигмальных оснований; 2) дополнительности – по отношению к *предмету научного исследования* можно сформулировать множество познавательных задач, конкретное содержание которых зависит от методологического выбора исследователя; 3) альтер-

нативности – решение определенного класса исследовательских задач возможно с помощью различных способов *исторического познания*, приоритетность которых определяется парадигмальными позициями исследователя; 4) ограниченности – любая из удачных *интерпретаций исторической реальности* не может быть признана в качестве универсальной методологии научного исследования (1). В условиях мультипарадигмальности *исторического познания* **М. п.** становятся необходимым условием эффективности когнитивной деятельности в *исторической науке*. Во второй половине XX в. большое значение имели клиометрический поворот, осуществлявшийся в русле *сциентизации исторического познания* и связанный с широким использованием *количественных методов* исследования, а также *лингвистический поворот*, проходивший в русле *антисциентистской традиции* и отводивший особую роль языку в процессе нарративизации *исторического знания*. В настоящее время **М. п.** в *историческом познании* обусловлены стремлением историков к восстановлению синтезирующего потенциала *исторического знания* и «холистскому реваншу» путем проведения кросс-дисциплинарных научных исследований. В рамках *мультидисциплинарных исследований* – это *прагматический поворот*; *интердисциплинарных* – *феноменологический*, культурный и контекстуальный повороты; *трансдисциплинарных* – синергетический, цивилизационный и концептуальный. **М. п.** сопровождаются сменой предметных полей *исторического исследования* и методологических приоритетов. Так, *прагматический поворот*, связанный с поисками синтетической исследовательской модели, построенной на принципе дополнительности *макро- и микроанализа, объяснения и понимания*, переориентирует исследовательский интерес историка с изучения структур на изучение деятельности, включающей «механизмы» индивидуального выбора в социальных практиках *повседневности* (2). Методы *феноменологического анализа* давно использовались историками в научных исследованиях мультидисциплинарного характера. В последнее время в русле интердисциплинарных исследований стала складываться такая новая гибридная дисциплина, как историческая феноменология, смысл которой заключается в преодолении *презентизма* и языковой репрессии современности в изучении прошлого. *Феноменологический поворот* в рамках этой дисциплины направлен на реконструкцию исторических феноменов как продуктов индивидуального или коллективного сознания, составляющих повседневный жизненный мир человека прошлого, в рамках которого ин-

терпретировались значения и смыслы социальных действий и взаимодействий. *Культурный поворот* акцентирует внимание исследователей на изучении культурно-исторической специфики того или иного времени, в контексте которой формируются коллективные представления о прошлом (3). В рамках этого поворота особая роль в *историческом познании* отводится также методологическому потенциалу различных социальных теорий коммуникативного действия и культурных кодов. *Культурный поворот в историческом познании* – это стремление постичь историческое бытие как культуру и через культуру. В связи с этим особое значение имеет контекстуальный поворот, связанный с пониманием необходимости изучения культурно-исторического контекста не только деятельности людей в прошлом, но и современного культурного контекста дискурсивного производства научного *исторического знания*. В рамках этого поворота особое методологическое значение приобретают различные теории лингвокультурологического содержания и дискурс-анализа. *Синергетический поворот* направлен на изучение *исторической реальности* в русле теории самоорганизации сложных динамических систем. *Цивилизационный подход* к изучению истории является давней познавательной традицией. Современный цивилизационный поворот в *историческом познании* связан с попытками *интерпретации исторической реальности* в рамках коммуникационно-герменевтической *теории цивилизаций*. Концептуальный поворот, стремящийся к целостному изображению *исторической реальности* в виде эмоционально-образных коннотаций и метафорических значений, базируется на концептах как когнитивных моделях *исторической реальности* рационально-ценностного содержания.

Лит.: 1) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 2) Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 158; 3) Репина Л. П. Вместо введения. Представления о прошлом в историческом сознании // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 9.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИСТОРИЯ – см. *История повседневности*.

ПОЗИТИВИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) течение в *исторической науке*, представители которого, отождествляя *исторический процесс* с природным, считали, что методы естественных наук могут применяться в познании истории, включающем сбор фактов, независимых от познающего субъекта, и каузальное объяснение *исторических событий* путем логической *дедукции* из некоего охватывающего (универсального) закона, который может быть социальным, психологическим, биологическим или физическим (2); 2) *направление в исторической науке*, представители которого рассматривали прошлое как процесс закономерного развития, основной движущей силой которого являются народные массы, а не отдельные личности, а *историческое познание* как процесс установления *фактов*, обнаружения причинных связей между ними и разработки законов путем обобщения фактов посредством *индукции* (5).

П. утверждается в исторической науке XIX века под лозунгом отказа от умозрительных рассуждений о прошлом, свойственных спекулятивной *философии истории*, и превращения истории в точную науку. Это предполагало создание «положительной» *исторической теории*, которая должна быть такой же доказательной, как и теории в естественных науках. Доказательность *исторической теории* позитивисты видели в обоснованности ее *историческими фактами*. В соответствии с этим эмпиризм становится одним из принципов позитивизма, что породило в научно-исследовательской практике историков-позитивистов «культ» *исторических фактов*. Позитивисты, придерживаясь *номотетической* когнитивной стратегии, главной задачей *исторического познания* считали установление закономерностей *исторического процесса*, поэтому другим принципом позитивизма стал теоретизм. Еще одним принципом позитивизма в историческом познании является *объективизм*, ориентирующий историка как «*нейтрального наблюдателя*» на изучение прошлого таким, каким оно было «на самом деле», что предполагает отказ от оценочных суждений по поводу *исторических фактов*. В противовес *индивидуализирующему подходу* позитивисты выдвинули *генерализирующий*. В результате *предметом исторического познания* у позитивистов стала выступать надындивидуальная *историческая реальность*, которую они изучали, опираясь на «теорию факторов».

Позитивисты отождествляли общественные и природные процессы, поэтому в их научно-исследовательской практике можно выделить несколько *познавательных парадигм*. В рамках парадигмы

механизма общество рассматривалось историками-позитивистами как «механизм», подчиняющийся законам социальной статики и динамики; в рамках парадигмы органицизма – как разумный организм, в котором каждая социальная группа и организация выполняют определенные функции; в рамках парадигмы психологизма – как совокупность коллективных психических процессов.

Поскольку фундаментом *исторического познания* позитивисты объявили *факты*, рассматриваемые ими как абсолютно независимые от познающего субъекта и его оценок, то многие историки-практики XIX в. с большим вниманием отнеслись к их методологическим рекомендациям. Однако им удалось выполнить лишь первую часть позитивистской программы, связанной с превращением истории в точную науку, результатом которой был громадный прирост фактического знания, основанного на скрупулезном изучении *исторических источников*. Вторую часть позитивистской программы, связанную с открытием исторических законов, историкам-практикам осуществить не удалось (2). Позитивистская попытка *сциентизации исторической науки* по образцу естествознания к концу XIX в. окончилась провалом. Радикальный научный эмпиризм, примененный к изучению истории, вместо согласия по вопросу об общих *тенденциях и закономерностях исторического процесса*, открыл предельное разнообразие эмпирических форм, а главное – привел к многообразию их *интерпретаций*. Классический позитивизм XIX века оказался в кризисе, что обусловило появление критического позитивизма, представители которого, не отказываясь ни от идеи единства научного знания, ни от *номотетической* когнитивной стратегии, ни от роли общих *понятий в историческом познании*, стали рассматривать субъекта исторического познания в качестве активного творческого начала, и поэтому начали особое внимание уделять разработке *методологических проблем исторического познания* (4).

В первой половине XX в. большое влияние на развитие представлений о *научности исторического познания* оказал логический позитивизм, придававший большое значение теоретическим аспектам *исторического познания* и изучению языка научных высказываний. Стремясь к «единству научного знания» и объединению исследовательского инструментария естественных и гуманитарных наук, логические позитивисты считали, что *исторические теории* должны выводиться из *фактов*, а в языке *исторического описания* необходимо строго отделять информативное содержание от эмоциональных оце-

нок. Считая объяснение основной функцией науки, логические позитивисты предложили его «дедуктивно-номологическую модель» – объяснение в историческом познании через «охватывающие законы» (1). Особое значение логические позитивисты придавали процедуре верификации исторического знания, обозначающей установление истинности научных утверждений в результате их эмпирической и методологической проверки.

Во второй половине XX века возникают различные концепции *постпозитивизма*, представители которого стали уделять особое внимание парадигмальным основаниям и развитию исторического знания, в качестве которого ими был предложен принцип фальсификации как возможности эмпирического опровержения теоретических положений исторической науки.

Лит.: 1) Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*. М.: Наука, 1977; 2) Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 122–128; 3) Конт О. Общий обзор позитивизма (извлечение) // *Западноевропейская социология XIX века*. Тексты. М., 1996; 4) Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003. С. 244–246; 5) Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: Учеб. пособ. М., 2004. С. 179–182.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПОЗНАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – см. *Историческое познание*.

ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА И ВЕРИФИКАЦИИ В ИСТОРИИ ТЕОРИЯ – методологическая концепция, предложенная проф. Томского государственного университета И. Ю. Николаевой. Теория сконструирована в соответствии с принципом взаимодополняемости комплекствующих её теорий, методов и исследовательских стратегий и их общей сфокусированности на сфере бессознательного, понимаемого и интерпретируемого автором как неосознаваемая, но чётко упорядоченная матрица социально-психологических установок сознания и поведения людей, формирующаяся в контексте жизненного опыта. Важнейшим условием *полидисциплинарного синтеза* и возможности верификации полученных результатов провозгла-

шается взаимодополняемость комплекствующих междисциплинарных моделей, опирающихся на теории установки, идентичности, габитуса, социального характера, принадлежащие таким выдающимся учёным, как Э. Фромм, Э. Эриксон, П. Бурдьё, Д. Узнадзе и др. Эти теории, роднит то, что бессознательное трактуется в них как система, включающая не только глубинные структуры человеческой психики, но и накопленный культурный багаж стереотипов, сформировавшихся при непосредственном участии сознания, но существующих и действующих в режиме неосознаваемости. Для нужд *исторического исследования* могут быть привлечены только те концепты, какие включают в себя социоисторическое измерение функционирования бессознательного. Таким образом, категории бессознательного и сознательного не противостоят в *историческом исследовании*, а дополняют друг друга.

Эти положения воплотились в теории И. Ю. Николаевой, предложенной для анализа событий и персонажей Античности, Средних веков, Новой и Новейшей истории, в частности при изучении проблем *модернизации*. В ходе исследования автор на обширном историческом материале поднимает проблему *альтернативности* как прямого политического действия, что сообщает данной методологии особую актуальность.

Лит.: Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005; Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ – дисциплина классической исторической науки, изучающая прошлое структур власти в обществе, формы политической организации человеческого общества, известные как «государство». **П. и.** изучает институциональную организацию государства, отдельными направлениями дисциплины являются дипломатическая история и история международных отношений. **П. и.** до недавнего времени имела особый статус среди исторических дисциплин, так как обладает одной из наиболее длительных историй существования. Традицию исторического повествования в жанре политической истории можно проследить уже с творчества древнегреческого историка Фукидида (Д. Келли). Традиционными источниками политической истории являются законодательство, акты, делопроиз-

водственные материалы, материалы фискального, административного и хозяйственного учета и т. д. В классической европейской *историографии* преобладание политической истории было связано с заинтересованностью государства именно в такой форме *историописания*, так как государство обращалось к прошлому в поисках путей построения национальной и государственной идентичности. Такая история мыслилась как последовательное изложение «истинных» дел, совершенных тем или иным народом в процессе его государственного строительства, и **П. и.** по своей сути являлась *национально-государственной историей*. Взгляд Г. В. Ф. Гегеля на государство как на главный двигатель исторических перемен усилил внимание к прошлому властных структур, политической организации общества и войн во всей Европе, но особенно в немецкой и российской историографиях, яркими выразителями которых явились Л. фон Ранке и Н. Г. Устрялов. Британский историк Э. Фриман в последней четверти XIX в., выражая традиционный взгляд, сформулировал суть истории так: «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего» («Методы исторического исследования», 1886). **П. и.** под названиями «история России», «история Франции», «история Пруссии» и пр. была обязательным предметом в образовательной модели европейских учебных заведений, поскольку государства всегда стремились к созданию относительно единообразного (посредством формирования программ преподавания истории) взгляда на свое прошлое, в определенных ситуациях превращающегося в националистическую пропаганду. **П. и.**, как никакая другая, оказалась ясной и понятной, историзирующей, так как представляла линейное повествование о событиях. Ориентация историков на работу с архивными материалами, с одной стороны, влияла на профессионализацию *историографии*, с другой стороны, оставляла ее в зависимости от политического прошлого – ведь в фондах государственных архивов наибольшей доступностью обладали *исторические источники* политических институтов власти.

Однако модель политической истории не оставалась застывшей, а изменялась вместе с трансформацией отношений общества и государства. Рост парламентаризма во второй половине XIX в. повлиял на интерес историков, в первую очередь британских, к конституционной истории. Уже в первой половине XX в. политическую историю стали теснить *социальная, экономическая* и др. истории. Процесс демократизации и становление гражданских обществ в Европе и США снизил интерес профессиональной *историографии* к политической

истории и повлиял на внимание общества к прошлому тех политических сил и социальных движений, которым не находилось места в традиционной политической истории. Во второй половине XX века внимание к социальным наукам вновь позволило историкам актуализировать политику в истории, но внимание уже стали обращать не просто на власть и ее институты, а на политическую культуру, на отношение власти к разным половым, расовым и маргинальным группам, на политическую риторику и т. д. Историки начали использовать новые виды *исторических источников*: плакаты, брошюры, политическую символику и т. д., а отличное от традиционной политической истории *предметное поле* получило название «новая политическая история».

Лит.: *Большакова О. В.* Новая политическая история России. Современная зарубежная историография. М., 2006; *Ле Гофф Ж.* Является ли все же политическая история становым хребтом истории // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 4. С. 177–192; *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический: в 2 ч. СПб.; М.; Казань, 1910; *Устрялов Н. [Г.]* Русская история: в 5 ч. СПб., 1839; *Elton G. R.* Political History: Principles and Practice. N. Y; L., 1970; *Seignobos Ch.* Histoire politique de l'Europe contemporaine: évolution des partis et des formes politiques, 1814–1896. P., 1897.

С. И. МАЛОВИЧКО

ПОНИМАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ –

1) специфический метод постижения духовного мира людей других эпох и культур (5); 2) раскрытие культурно-исторического смысла явлений прошлого; 3) способ присвоения мира прошлого, состояние сознания человека, в котором окружающий его мир предстает «прозрачным и ясным» (1); 4) предложение о том, как нужно смотреть на прошлое (2).

П. в и. и. представляет собой одну из форм *интерпретации исторической действительности* как когнитивной процедуры, включающей ее *объяснение / понимание* и презентацию в культуре и языке субъекта научно-исследовательской деятельности. Существуют различные представления о месте и значении понимания в историческом исследовании в классической и неклассической *исторической науке*. В классической науке *историческое исследование* рассматривается как отношение между историком (субъектом научно-исследовательской

деятельности) и *объектом* (надындивидуальной исторической действительностью). **П. в и. и.** в классической исторической науке представляет собой, с одной стороны, когнитивную процедуру, направленную на «прояснение» *исторической действительности* как для самого субъекта научно-исследовательской деятельности, так и для других потребителей его продукции. С другой стороны, **П. в и. и.** выступает результатом интерпретации субъектом научно-исследовательской деятельности надындивидуальной *исторической действительности*. Предпосылкой и средством понимания надындивидуальной *исторической действительности* («для себя» и «для других») в этом случае является *объяснение в историческом исследовании (понимание через объяснение)*. В неклассической науке *историческое исследование* рассматривается как субъект–субъектное отношение, как отношение между историком–субъектом и имеющей феноменальные основания индивидуальной *исторической действительностью*. Неклассическая наука, обретя человека в качестве *предмета исторического познания*, превратила *историческое исследование* в диалог культур – культуры историка и культуры изучаемых им людей прошлого. При этом считалось, что историку важно понять представления людей другого времени о себе и об окружающей действительности, их ценностные ориентации и установки, поскольку они вели себя в соответствии с тем образом реальной жизни, который сами себе составили, и теми ценностями и установками, которым люди прошлого отдавали предпочтение. **П. в и. и.** в неклассической науке как понимание индивидуальной *исторической действительности* представляет собой, с одной стороны, когнитивную процедуру, направленную на «прояснение» феноменологических оснований этой действительности через «вживание» в нее и истолкование этих оснований. С другой стороны, **П. в и. и.** выступает предпосылкой объяснения субъектом научно-исследовательской деятельности индивидуальной *исторической действительности (объяснение через понимание)* как *объяснения «других»* в прошлом. Существуют различные модели понимания в историческом исследовании, выбор которых обусловлен методологическими позициями исследователей. Модели понимания в историческом исследовании представляют собой, с одной стороны, когнитивные аналоги понимающих процедур, применяемых в научно-исследовательских практиках, а с другой – стандарты для оценки адекватности исторического понимания в рамках методологического позиционирования этих практик. Можно выделить следующие модели понимания в историческом

исследовании: интенциональную, направленную на понимание феноменологических оснований индивидуальной *исторической реальности* как интенции жизнедеятельности людей прошлого; рефлектирующую, направленную на понимание феноменологических оснований индивидуальной *исторической реальности* как предпосылки целерациональных или ценностно-рациональных исторических действий и взаимодействий. **П. в и. и.** является, наряду с *объяснением* и презентацией, основной когнитивной процедурой, связанной с *интерпретацией исторической действительности*. При этом процедуры понимания и объяснения в историческом исследовании неразрывно связаны между собой (4). Однако в неклассической *исторической науке*, в которой понимание – это понимание «других», процедуры понимания предвзвешивают процедуры объяснения. В классической науке, в которой понимание – это понимание «для других», процедуры объяснения, наоборот, предшествуют процедурам понимания. **П. в и. и.** включает в себя не только процедуры понимания *исторической действительности*, но и процедуры понимания текстов как *источников* исторической информации. Понимание текстов выступает средством получения эмпирической информации из *исторических источников* как феноменов человеческой деятельности. Понимание текстов как когнитивная процедура включает, во-первых, понимание значений (классическая *герменевтика*), во-вторых, понимание смыслов (неклассическая *герменевтика*) этой информации.

Лит.: 1) *Азапов О. Д.* Метод интерпретации в историческом познании. URL: <http://z3950.ksu.ru/phil/0711604/042-046.pdf> [февраль, 2014]; 2) *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцевой, Е. Колomoец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003; 3) *Кукарцева М. А.* Понимание как проблема исторической эпистемологии // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: УРСС, 2011; 4) *Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004; 5) *Филатов В. П.* Описание, объяснение и понимание в историческом познании. URL: <http://newsruh.rsuh.ru/article.html?id=2752> [февраль, 2014].

А. В. ЛУБСКИЙ

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – форма теоретического *исторического мышления*, связанная с идентификацией определенного кластера исторических явлений и его номинацией. **П. и.** как номина-

ция выражает качественную определенность данного кластера, т. е. то общее, что присуще составляющим его однородным историческим явлениям. Кластер исторических явлений задает предметную область, или объем исторического понятия. Содержание исторического понятия обусловлено методологическими предпочтениями, поэтому в словарях даются различные его определения. В *исторической науке* нет правильных или неправильных понятий, а есть «работающие» или «неработающие» понятия в *историческом исследовании*. Методологическим условием использования исторического понятия в конкретном *историческом исследовании* является однозначность его содержания, которая достигается путем операционализации и инструментализации исторического понятия. Операционализация исторического понятия – это когнитивная его адаптация к предметной области конкретного *исторического исследования*, связанная с превращением исторического понятия в *исторический термин*. **П. и.** – это значение исторического термина. Чтобы превратить историческое понятие в исторический термин надо дать определение понятия, т. е. приписать термину одно значение. В условиях *методологического плюрализма*, предполагающего возможность различных определений исторического понятия, в *исторической науке* формируются различные терминологические системы. Основными принципами этих систем являются: 1) однозначность исторических терминов; 2) составной характер исторического понятия, которое определяется через другое понятие. Инструментализация исторического понятия – это превращение его в когнитивный инструмент научно-исследовательской деятельности, с помощью которого можно получать новые *исторические знания*. Инструментализация исторического понятия связана с его логическим конструированием. Конструирование исторического понятия начинается с определения его смыслового субъекта через другое понятие, которое, отвечая на вопрос «что это такое?», формирует предметное поле конструируемого понятия. Затем выделяются смысловые предикаты, раскрывающие содержание исторического понятия. В качестве таких смысловых предикатов могут выступать признаки (характерные черты), структура, функции смыслового субъекта.

П. и. как теоретический конструкт следует отличать от *исторического концепта* как образной формы *исторического мышления* или теоретического конструкта, наполненного аксиологическим содержанием. **П. и.** является основой развертывания *исторической теории*, исторический концепт – *исторической концепции*. **П. и.** как форма теоре-

тического мышления выполняет различные функции в *историческом исследовании*. Во-первых, **П. и.** как один из видов предпосылочного знания выполняет в *историческом исследовании* методологическую функцию, поскольку через определение базовых понятий формируются его основные задачи и предмет. В методологическом плане **П. и.** также предшествует такой стадии *исторического исследования*, как *историческое описание*. Эмпирические знания в *историческом описании* систематизируются вокруг семантики базовых исторических понятий, задающих его структуру. Во-вторых, базовые исторические понятия в *историческом исследовании* выполняют объяснительную функцию: они позволяют, с одной стороны, классифицировать исторические явления и отнести их к определенному кластеру, а с другой – идентифицировать тот или иной кластер путем номинации, т. е. присвоения ему имени, выражающего сущность однородных исторических явлений.

Лит.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетей, 2006; Коносов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетей, 2006; 4) Лубский А. В. Исторический дискурс: интеллектуальная мода и модные понятия // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 4. К.: Інститут історії України НАН України, 2010; Подлевских Л. Г. Понятийно-категориальный аппарат теории исторического познания: проблемы и перспективы // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – понятие, сформировавшееся в рамках теории индустриального общества для обозначения современной стадии общественного развития.

Постиндустриальное общество – это тип общества и стадия эволюции, на которой происходит переход от производящей к сервисной экономике, и информация становится главным социальным, культурным и технологическим ресурсом. Близкими по смыслу являются понятия «информационное общество», «технотронное общество», «общество постмодерна».

К постиндустриальным обществам принято относить страны, в которых более половины ВВП приходится на сферу услуг и информационные ресурсы. В современном глобальном мире можно говорить о

существовании системного ядра из высокоразвитых сообществ Западной Европы, Америки и Японии, в которых указанный уровень составлял 60% с 1970–1980-х гг. и приближался к 80% в 2000-е гг. (3). Стремительный рост «информационной экономики» и социальные изменения на этом этапе объясняются тем, что в обеспеченном обществе копирование и трансляция информации в любых ее видах при современных технологиях не требует высоких затрат, но подразумевает определенный уровень образования и квалификации людей. Отличительными чертами нового общества называют массовое распространение творческого, интеллектуального труда. Это формирует приоритет образования, массовых коммуникаций, компьютерных технологий.

На формирование концепции постиндустриального общества существенное влияние оказали стадийные схемы У. Ростоу и Р. Арона. Термин «постиндустриализм» появился в начале XX в. в работах индийского философа, теоретика традиционализма Ананда Кентиш Кумарасвами. Непосредственно концепция была разработана Дэниэлом Беллом. Своеобразие историко-культурного развития капитализма в различных странах обусловило формирование различных вариантов концепции постиндустриального общества. Можно выделить два основных: либеральное, опирающееся на американскую модель капиталистического развития (Д. Белл, З. Бжезинский, Э. Тоффлер и др.), и радикальное, основывающееся на европейской модели (наиболее ярко выражена в концепциях Ж. Фурастье, Р. Арона, А. Турена) (5).

Постиндустриальное общество продолжает логический ряд схемы развития современной западной цивилизации от *традиционного* (доиндустриального) к *индустриальному* и современному. Предполагается, что на каждом последующем этапе происходит смена не только экономической, но и общекультурной, социальной парадигмы. В постиндустриальном обществе – основной системы является информация, информационные ресурсы, теоретические знания, с университетом как главным местом производства и сосредоточения информации. При этом особое значение приобретают структуры, отвечающие за трансляцию и передачу информации. Растут инвестиции в человека: расходы на обучение и образование, повышение квалификации и переквалификации работников. В постиндустриальной экономике наибольший вклад в стоимость материальных благ, которые производятся именно внутри этой экономики, вносит конечная составляющая производства – торговля, реклама, маркетинг, т. е. сфера услуг, а также информационная составляющая в виде патентов, исследований, конструкторских разработок и т. п.

Теория постиндустриального общества сохраняет свою связь с технологическим детерминизмом. Так, Э. Тоффлер выделяет три волны революционных преобразований в техносфере – аграрная, индустриальная, информационная, приводящих к появлению «сверхиндустриальной цивилизации». Э. Тоффлер подчеркивал, что современная демассификация производства происходит параллельно с утверждением новых стилей труда, новых ценностей, нового разнообразия, и эти изменения не сводятся только лишь к экономической сфере, они носят глобальный характер, проникая во все области жизнедеятельности людей (3). Аналогично Д. Белл указывал на три технологических революции стадийного значения – первая связана с появлением паровой машины, вторая – с научно-технологическими достижениями в областях химии и электричества, а третья связана с изобретением и распространением компьютеров в XX веке. Д. Белл утверждал, что, подобно тому, как в результате промышленной революции появилось конвейерное производство, повысившее производительность труда и подготовившее общество массового потребления, так и теперь должно возникнуть точное производство информации, обеспечивающее соответствующее социальное развитие по всем направлениям (2).

Переход от *индустриального общества* к постиндустриальному обусловлен рядом факторов и трансформаций. Специфика положения западноевропейской цивилизации в мировой капиталистической системе к середине XX в. привела к тому, что на вершине развития индустриальной экономики она заняла в международном *разделении труда* специфическое место, связанное с наукой и высокими технологиями, образованием, финансами, перераспределением товарных, ресурсных и денежных потоков. В социальной проекции это привело к тому, что само индустриальное производство стало переноситься на мир-системные периферии, в то время как в сообществах цивилизационного и экономического ядра классовая структура общества (построенная на производстве) стала сменяться новой стратификацией, основанной на профессиональном делении (4). Изменения в социальной структуре общества, по мнению Белла, приводят к размыванию класса капиталистов в классическом смысле, и его замене новой, образованной технократической элитой. Новая социальная иерархия выстраивается на представлении о престижных и непрестижных сферах занятости, на степени близости (или отчуждения) к информационным структурам и ресурсам. На фоне социальной конвергенции и преобладания среднего

класса собственность утрачивает значение ведущего социального критерия. Поэтому одним из признаков перехода является преобладание сферы обслуживания над сферой производства, формирование «сервисной экономики». На постиндустриальной стадии действует тенденция к усилению разнообразия и индивидуализации потребностей и спроса (1).

В идеалистических моделях постиндустриального общества система образования, университеты становятся преобладающими центрами социализации людей и политического регулирования общественных отношений. Предполагается также, что на новом этапе НТР возникнет контроль над технологическими изменениями, рациональное планирование развития, управление кризисами, толерантное урегулирование социальных противоречий. На рубеже 1960–1970-х гг. концепция постиндустриального общества подверглась ощутимой и справедливой критике слева за то, что она отразила не столько реальную стадию развития человечества, сколько идеализированный вариант либерального капиталистического общества. Парадигма постиндустриального общества в неявной форме сообщает о том, что непосредственное индустриальное и аграрное производство, с сопутствующим им комплексом технических, социальных и культурных проблем, перенесено на периферии, выполняющие придаточную и подчиненную роль, что подтверждалось очевидными примерами мирового баланса и распределения производства и материальных благ (20% населения мир-системного ядра располагает и контролирует 52% мирового ВВП). Современные марксисты считают, что появление постиндустриального общества обусловлено дальнейшим развитием средств производства (появление современных средств связи и коммуникации) и производственных отношений (вычленение сферы услуг из производительной сферы) в условиях современной глобальной системы *разделения труда*. Благодаря деятельности транснациональных корпораций, на новом техническом уровне максимальная концентрация средств производства формируется там, где она экономически более рентабельна. Таким образом, в современном мире постиндустриальное общество является вершиной иерархической системы, в которой средние и нижние ступени иерархии занимают индустриальные и развивающиеся страны мира. Критике подвергается также массовая культура, транслирующая упрощенную систему ценностей и образцов, характерную для потребительского общества. На современном этапе развития очевидно, что **П. о.**

стоит перед лицом серьезных глобальных проблем (экологические и демографические угрозы, дезадаптация молодежи, новые формы социального неравенства и политического отчуждения масс и т. д.).

Лит.: 1) *Touraine A. La societe postindustriale.* P., 1969; 2) *Bell D. The coming of postindustrial society.* N. Y., 1973; 3) *Toffler A. Future Shock.* N. Y., 1970; 4) *Коротаев А. В., Халтурина Д. А.* Современные тенденции мирового развития. М.: Либроком, 2009; 5) *Современная западная социология: Словарь.* М., Политиздат, 1990.

О. В. КИМ

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ –

1) направление современной *историографии*, в которой знание о прошлом рассматривается как недоступное нашему пониманию [П. Х. Хаттон]; 2) критика принципов модернистского *исторического мышления*, требующая вернуть прошлому его собственное достоинство и предполагающая «плотное описание» вместо конструирования теории [Й. Рюзен]; 3) *парадигма*, поставившая под сомнение «священных коров» историографии: а) само понятие об *исторической реальности*, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет, стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой; б) критерии *достоверности* источника, размыв границу между фактом и вымыслом и, наконец, в) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине [Л. П. Репина]; 4) ризомный метапаттерн истории [П. К. Гречко].

П. – это интеллектуальное течение эпохи постмодерна, эпистемологические претензии которого в *историческом познании* сводятся к следующему: 1) *историческая реальность* не существует сама по себе, она начинает существовать только в *интерпретациях*; 2) *историческая реальность* раскрывается в соответствии с представлениями или ценностями, на которые опирается интерпретатор; 3) в историческом познании достойны внимания только единичные *исторические факты*; 4) возможны различные прочтения *исторических источников* и *интерпретации исторических фактов*, поэтому тексты, создаваемые историками, являются субъективными вариантами множества возможных дискурсивных стратегий; 5) знание об *исторической реальности* появляется не в результате взаимодействия субъекта и объекта исторического познания, а в ходе сопоставления мнений и взглядов исследователей по той или иной проблеме, поэтому *истори-*

ческая реальность не воспроизводится, а создается в процессе *исторического дискурса*; 6) *историческое познание* является дискурсивной практикой, позволяющей историкам с определенных позиций, связанных с текущим моментом, отправляться в прошлое, думая о современности, и перестраивать его в соответствии со своими потребностями, используя ангажированный язык; 7) *методологический плюрализм* – императив *исторического познания*, в котором существует множество *познавательных парадигм*, ни одна из которых не может претендовать на монополию; 8) множественность *познавательных парадигм* порождает плюралистическое видение *исторической реальности*; 9) стремление к *объективной истине в историческом познании* – атрибут репрессивного мифологического сознания; 10) язык историка – это не зеркало, отражающее *историческую реальность*, а ее конструктор; 11) исторические труды представляют собой вид литературного творчества, который функционирует в рамках определенных риторических правил, и поэтому характер исторических произведений определяется не столько принципами научного исследования, сколько эстетическим выбором автора, формирующего дискурсивную стратегию исторического текста [А. В. Лубский]. Базовым принципом постмодернизма, отрицающим возможность получения объективного знания, является когнитивный *конструктивизм*, который реализуется в форме радикального конструктивизма. Радикальный конструктивизм исходит из того, что *историческая реальность* является лишь продуктом аутопозитического сознания историка и такого стиля его мышления, основным принципом которого выступает положение «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит, так есть»).

В настоящее время в исторической науке сложилось особое течение – *критический реализм*, представители которого, с одной стороны, подвергают критике эпистемологические претензии постмодернизма как угрозы профессиональной *историографии*. С другой стороны, они отмечают, что распространение идей постмодернизма в *историческом познании* привело к осознанию того, насколько специфическими были те инструменты, с помощью которых историки пытались расшифровать прошлое, и что в *историческом познании* большое значение имеют культурно-эпистемологические фильтры, опосредствующие *интерпретацию* его предмета. Представители критического реализма, с одной стороны, отвергают постулат постмодернизма о том, что *историческая реальность* является лишь продуктом сознания, с другой, признают, что конструктивистское начало присутствует во всяком научном познании. В результате в *историческом познании* после постмодернизма

получили распространение идеи конструктивного реализма, сторонники которого, преодолевая оппозицию *реализма* и *конструктивизма*, исходя из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует *историческую реальность* в рамках определенного культурно-эпистемологического контекста, но такую реальность, которая в определенной мере соответствует *исторической действительности*. Разновидностью конструктивного реализма в историческом познании выступает конструктивный *альтернативизм*, согласно которому *историческая реальность* может интерпретироваться историками разными способами на основе «конструктивных альтернатив», или *моделей исторического познания*.

Лит.: Гречко П. К. Концептуальные модели истории: пособ. для студентов. М., 1995; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken, 2010; Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996; Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7; Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2003.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПРАВДА ИСТОРИЧЕСКАЯ – категория, часто рассматриваемая как синоним *исторической истины*. Вместе с тем, в русской народной и философской традиции эти категории различались. Если категория *истины* связана с понятием сущего, то категория правды – с понятием должного, если первая несет дескриптивный характер, то вторая – характер нормативный, если *истина* стремится выразить действительность, то правда – справедливость, если первая подлежит верификации, то вторая опирается на веру.

Таким образом, в научно-историческом познании, по самой своей природе ориентированном на *истину* (объективную или общезначимую), категорию исторической правды возможно использовать весьма ограниченно – в связи с функционированием принципа ценностного отношения (см.: *Ценностный подход в историческом исследовании*). Художественно-историческое же познание, которое решает преимущественно современные этические проблемы специфическими эстетическими средствами, связано с категорией правды. Если значимость на-

учно-исторических трудов обусловлена степенью *доказательности* их теоретической и конкретной базы, возможностью верификации приводимых данных, то сила исторических романов, кинофильмов и пр. определяется силой веры в правдивость изображаемых образов.

Лит.: Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. Т. 1–4; *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; *Фролов И. В.* Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 2 (14). С. 133–137; *Carr E. H.* What is history? Cambridge, 1962.

С. П. РАМАЗАНОВ

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) поворот, переориентирующий исследовательский интерес историка с изучения структур на изучение деятельности (5). **П. п.** – *методологический поворот в исторической науке после постмодернизма*, связанный с проведением научных исследований *мультидисциплинарного характера*, направленных на решение научно-исследовательских задач в рамках *предметного поля исторической науки* с помощью методологических конструктов и методов социологии. Речь идет, прежде всего, о праксеологическом направлении социологии, которая в противовес концепциям *постмодернизма* была занята разработкой теории социальных практик как организации социальной жизни в комплексе взаимодействий ее локальных и интегральных составляющих (5).

Использование современных теорий социальных практик в *историческом познании* выводит на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые, с одной стороны, одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их, осуществляя «структурное принуждение», а с другой – сами претерпевают изменения в результате этих действий. Сторонники прагматического поворота занимают как бы среднюю – социально-конструктивистскую – позицию в *историческом познании* между такими альтернативными подходами, как исторический реализм и исторический номинализм. Исторический реализм постулирует первичность социальных структур по отношению к индивиду; исторический номинализм идет от индивида к социальным структурам; социальный конструктивизм соединяет сознание и

деятельность индивидов с социальной средой их взаимодействия. В связи с этим **П. п.**, основанный на синтезе объективизма *системно-структурного подхода* и субъективизма *феноменологии*, предполагает изучение индивидов, которые действуя в определенных социальных обстоятельствах, изменяли условия своего социального существования, включая осознанные и неосознанные «механизмы» индивидуального выбора в социальных практиках повседневности. Изучение социальных практик повседневности, в ходе которых действующие индивиды, ментально конструируя окружающую их социальную реальность, изменяли формы и способы своей социальной деятельности, предполагает комбинированное использование методов *микро- и макро-исторических исследований* (4). Это позволяет по-новому взглянуть на становление локальных социальных структур и социальных процессов в прошлом (3).

В рамках прагматического поворота особая роль в *историческом познании* отводится также методологическому потенциалу теории коммуникативного действия, в которой предпринята попытка разрешения антиномии между феноменологической и структурно-функциональной ориентациями социологии. В рамках этой теории коммуникативное действие рассматривается как дискурсивное взаимодействие индивидов, продуктом которого является их жизненный мир, или повседневная реальность, подвергающаяся постоянной «колонизации» со стороны социальной системы (2). **П. п.**, когнитивная стратегия которого нацелена на получение нового синтетического знания об *исторической реальности*, раскрывает также новые перспективы для проведения *компаративных* научных исследований. В частности, смещая когнитивный интерес с каузальности социальных отношений на казуальность социальных практик повседневности, **П. п.** предложил специфический для него метод «децентрирующего сопоставления». Этот метод, беря за точку отсчета именно уникальное в социальных практиках повседневности, основан на историческом сравнении социокультурных казусов, характерных для разных обществ, и включении казуального опыта как альтернативы исторического развития в *глобальную историю* (1).

Лит.: 1) Davis N. Zemon. Decentering History: Local Stories and Cultural Crossings in a Global World // History and Theory. 2011. Vol. 50. No. 2. С. 188–202; 2) Давыдов Ю. Н. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса (метасоциологические итоги социологии XX в.) // История теоретической социологии. Социология второй половины XX – начала XXI в. М.: Академи-

ческий проект; Гаудеамус, 2010. С. 429–447; 3) Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 196–201; 4) Репина Л. П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 61–88; 5) Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 142–146.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ: 1) происхождение, развитие и свойства людских союзов (2); 2) человеческая деятельность как естественно-исторический, поступательно-прогрессивный, внутренне обусловленный и закономерный *процесс* во всем его многообразии, пространственной и временной конкретности (3); 3) сознание людей (1).

Историческая наука как социальный институт выполняет функции: 1) производства, хранения и распространения научных *исторических знаний*; 2) регламентации научно-исследовательской деятельности посредством формальных и неформальных ограничений; 3) подготовки научно-исследовательских кадров. *Историческая наука* представляет собой систему различных научных отраслей и дисциплин: а) отрасли, изучающие непосредственно *историческую реальность*; б) *историография* – научная дисциплина, предметом которой является *история исторической науки*; в) *источниковедение*, изучающее возможности и способы использования *исторических источников* в *исторических исследованиях*; 4) *методология истории*, предмет которой – процесс *исторического исследования*. В широком смысле слова **П. и.** как науки включает конкретно-исторические, историко-научные, источниковедческие и методологические аспекты. В узком смысле предметом истории являются различные выделяемые историками фрагменты или ракурсы *исторической реальности*. В классической исторической науке *историческая реальность* – это объективная *историческая действительность*, в неклассической науке – трансцендентальное историческое прошлое, оставившее информационные «следы» и ставшее доступным, благодаря этим «следам-посредникам». **П. и.** историчен: его содержание обусловлено культурным, эпистемологическим и методологическим контекстами, изменение которых сопровождалось трансформацией (или коренной ломкой) представлений о предмете истории. В классической *исторической науке*, сложившейся в XIX в., в русле позитивистской эпистемологической традиции, пред-

метод истории выступает целостная надындивидуальная, социально детерминированная, каузальная *историческая реальность*. Вследствие этого ее когнитивной стратегией является *реконструкция исторической реальности* как закономерного *исторического процесса* в виде системы эмпирического и теоретического знания, адекватного этой реальности и свободного от оценочных суждений. В неклассической *исторической науке*, сформировавшейся в первой половине XX в., **П. и.** – это индивидуальная, имеющая «человеческое измерение», каузальная и уникальная *историческая реальность*. Ее когнитивная стратегия состоит в восстановлении смысла чужого индивидуального опыта, его коммуникационной и символической природы посредством интерпретации. В постмодернистской модели *исторического познания* его предметом выступают тексты, специфическая власть языка которых создает самодовлеющий «мир дискурса», в котором конструируется *историческая реальность*. В неоклассической *исторической науке*, возникшей на рубеже XX–XXI вв. и стремящейся преодолеть радикальный конструктивизм *постмодернизма* и предметные ограничения классической и неклассической *исторической науки*, предметом истории выступает надындивидуальная и индивидуальная *историческая реальность*, история универсальная и уникальная, каузальная и казуальная, человек в истории и история в человеке. Когнитивная стратегия неоклассической модели состоит в эмпирической *реконструкции исторических событий* в их уникальной неповторимости и установлении *исторических закономерностей* в форме теоретического знания. Неоклассики, признавая объективность *исторического исследования*, не отрицают и его субъективности, отводя большую роль деятельности самого ученого, использующего определенные риторические стратегии в процессе *реконструкции исторической реальности* (4).

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с интерпретацией предмета истории, является вопрос о соотношении прошлого и настоящего в *историческом познании*, или, иными словами, в каком смысле современность является предметом истории. В радикальных презентистских вариантах историю вообще иногда рассматривают как настоящее (или будущее), опрокинутое в прошлое. В связи с этим следует отметить, что «время историка» носит специфический характер: в нем одновременно присутствует прошлое и настоящее, поскольку историк позиционирует себя в разных *исторических эпохах*. Историк, изучает различные фрагменты прошлого, во-первых, зная, каковы были их последствия, во-вторых, с позиций имеющейся сис-

темы *исторического знания* об этих фрагментах, которая постоянно трансформируется в своих методологических и теоретических основаниях. Все это свидетельствует о возможной реабилитации современности как предмета истории (6).

Лит: 1) Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: «Наука», 1973. С. 83, 104; 2) Ключевский В. И. Сочинения: В 9 т. Т. 6. М.: Мысль, 1989. С. 9; 3) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 66; 4) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010; 5) Munslow, Alun. What History Is // History in Focus. Issue 2: What is History? University of London, 2001; 6) Савельева И. М., Поletaев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88.

А. В. ЛУБСКИЙ

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ – составляющая структуры современного научного *исторического знания*; предметные поля формируются в *исторической науке* при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки, начиная с *антропологического* и особенно – *лингвистического поворотов*. В предметном поле происходит целенаправленное конструирование *исторического объекта*, который, будучи сконструированным, выступает в качестве самостоятельного *предмета исследования* (*история ментальностей, история повседневности, гендерная история, интеллектуальная история, новая локальная история*). **П. п.** преодолевает классическую дисциплинарную модель науки, поскольку имманентно предполагает полидисциплинарность, т. е. конструирование своего *предмета / проблемы* средствами разных научных дисциплин, и междисциплинарность, т. е. использование исследовательских практик различных гуманитарных и социальных наук.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ПРЕЗЕНТИЗМ – (от англ. present – настоящее, имеющее отношение к современности). Осовременивание исторического прошлого. Термин «презентизм» используется и понимается в нескольких смыслах.

1) Неизбежное в процессе *исторического познания* представление прошлого в адекватных нашему времени образах и *понятиях*. Картина прошлого воссоздается в рамках иного *исторического времени*, которое по-своему осознает прошлое, понимает истоки и последствия тех или иных *исторических событий*. Некоторые *исторические явления* понятны современному человеку, другие, напротив – объясняются с трудом даже специалистами. В последнем случае *интерпретация* почти всегда имеет оттенок презентизма. Также П. возможен при типологизации (например «раннефеодальное государство») и при использовании терминов, изменивших свое значение («буржуа», «коммуна»).

2) Восприятие исторического времени с позиции настоящего, расширение настоящего на прошлое. Использование термина «презентизм» в этом смысле было предложено французским историком Ф. Артогом в 70-х гг. XX в. и продолжено в его более поздних трудах. Ф. Артог утверждает, что презентизм – это диктат настоящего времени, которое овладевает умами и заставляет их ставить ему на службу и прошлое, и будущее. Современность, таким образом, ответственна и за то, что будет (что создается и как это будет передано следующим поколениям) и за то, что было (что именно сохранено и оставлено в памяти). Весьма последовательно это принцип понимания истории был продвинут Пьером Нора в его концепции «*мест памяти*». П. Нора полагает, что память «становится способом осознать собственное настоящее». Таким образом, история должна изучать не столько *события* прошлого, сколько отражение их в сознании современников, в символических «*местах памяти*», в которых это прошлое запечатлено. Интересным для историка должно быть то, что востребовано настоящим.

3) Направление в *историографии* и *теории истории*, оформившееся в 20–40 гг. XX в., прежде всего в США. Наиболее яркие представители – Ч. Бирд, К. Беккер, Дж. Робинсон, исходившие из того, что история всегда оценивает и анализирует прошлое с позиций сегодняшнего дня. Указанные авторы считали необходимым подчинять прошлое настоящему, чтобы читатель мог идти в ногу со временем. Проецирование в прошлое современных историком идей, социальных и экономических проблем и т. п. приводит к релятивизму и признанию, что суждения историков отражают только их субъективные переживания, все картины прошлого одинаково правомерны. Подобное понимание прошлого было подхвачено и развито в *постмодернистской философии*, которая в принципе не делает разницы между трудом

профессионального историка и историческим романом. Последовательно проведенный **П.** отрицает *принцип историзма*, почти неизбежно ведет к анахронизмам и искаженному восприятию прошлого. По мнению Э. П. Томпсона (1924–1993), полагать, что настоящее перемещается в прошлое и меняет свой статус, значит не понимать ни настоящего, ни прошлого.

Проявления презентизма ярко представлены в современных «исторических» книгах, фильмах, играх, персонажи которых рассуждают, действуют и говорят, как современные американцы или европейцы. Это приводит к совершенно неправильному пониманию прошлого и представляет определенную опасность, когда переходит из массового *исторического сознания* в профессиональное, ибо, как справедливо заметил Р. Арон, «необходимо уважать природу события».

Лит.: Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе им вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 63–88; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

И. С. МЕНЩИКОВ

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ – ее основные исходные положения, определяющие базовые требования к *историческому исследованию* и способы такого исследования. Само слово принцип происходит от латинского термина и означает «основа», «начало». В настоящее время к принципам исторической науки можно отнести принцип *историзма*, принцип *целостности* (*холизма*), принцип дополнительности, принцип диалога, принцип ценностного отношения. Называемый во многих научных исследованиях и учебных пособиях принцип объективности вряд ли может рассматриваться в качестве принципа исторической науки. С одной стороны, объективность как полная независимость процесса познания от роли познающего субъекта вообще недостижима. С другой стороны, если история признается научной дисциплиной, то стремление к *объективности* (общезначимости) выражает ее цель, как и всякой науки. Принципы же науки способствуют реализации такого стремления и выражают специфику этой реализации.

До начала XIX века историческая наука не имела собственных принципов познания, ориентируясь на принципы художественной

литературы в Античности, теологии – в Средние века, естествознания – в XVII в., философии – в век Просвещения. Сформулированный в начале XIX в. принцип *историзма* ознаменовал превращение *исторической науки* в самостоятельную дисциплину и обеспечил ее колоссальное влияние на многие отрасли социогуманитарного и даже естественнонаучного знания. Выдвинутые на рубеже XIX–XX вв. принципы *понимания* и *ценностного отношения* конкретизировали принцип *историзма*, а принцип *партийности*, объявленный в марксизме-ленинизме основополагающим принципом исторического познания, по существу, нацеливал историка на субъективно-классовую оценку явлений прошлого. Субъективистским тенденциям, связанным с развитием принципа *историзма*, противостоял оформившийся в середине XX в. принцип *целостности*. Во второй половине XX в. наметилось распространение на процесс *исторического познания* сформулированного в физике в конце 1920-х гг. принципа дополнительности, а также – оформление принципа диалога. В таких условиях *понимание* перестает быть самостоятельным принципом и поглощается принципом диалога. Точно так же *партийность* предстает разновидностью ценностной (аксиологической) *оценки*. Выделяемая в ряде работ в качестве особых принципов *актуальность* вполне включается в принцип ценностного отношения, а принцип развития целиком поглощается принципом *историзма*.

Лит.: Рамазанов С. П. Принципы исторического познания в XIX–XX вв.: тенденция к оптимизации // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2009. № 2 (6). С. 47–49; Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2008; Методология истории. Минск, 1996.

С. П. РАМАЗАНОВ

ПРИЧИННОСТЬ В ИСТОРИИ – категория, отражающая связь между отдельными *событиями и фактами*, состояниями исторических объектов и явлений в процессе их развития. **П.** является центральным вопросом *историко-генетического метода*.

Оценка роли и сущности причинности выступает предметом спора между основными философскими направлениями: *материалисты* отстаивают принцип *детерминизма*, утверждающий всеобщий и объективный характер причинности; *субъективные идеалисты* (Д. Юм, И. Кант, Э. Мах) придерживаются противоположной точки зрения, занимая позицию индетерминизма и отрицая всеобщность и объектив-

ность причинности; *объективные идеалисты* (Г. Гегель) признают причинность, но в качестве ее объяснений выдвигают идеальные, сверхъестественные, божественные причины. *Методологический подход* определяет итоговую интерпретацию и общее понимание причинности.

П. в и. – явление многомерное и сложное, в структуре которого выделяются такие составные элементы как причины, результаты и последствия. Причина представляет собой совокупность условий – предпосылок и поводов, которые в единстве создают новую *историческую реальность*. В предпосылках находят отражение определенные *исторические закономерности*. Они подразделяются на внутренние и внешние; субъективные и объективные. Помимо предпосылок в структуре причинности важное место занимает повод, который выступает как событийное проявление имеющихся причин. Его следствием становится определенная цепочка *событий*, составляющих содержание *исторического явления*. Повод – это не просто случайное, а статистически случайное событие. В этом смысле оно чаще всего выступает как проявление *закономерности*. При наличии причинной базы (проблемы) всегда имеются некоторые *альтернативы* ее решения. Выбор конкретного варианта определяется картой возможностей, каждая из которых есть отражение *закономерности*, но с разной степенью вероятности.

Важным аспектом изучения причинности выступает характеристика причинных связей (отношений), которые принято делить на функциональные и стохастические. При функциональных связях влияние причинных факторов ведет к прогнозируемым результатам. При стохастической зависимости результат воздействия факторов может быть разным, в том числе мало ожидаемым. Завершающий этап анализа причинности всегда связан с *объяснением*, почему был реализован вариант *событий*, ставший *реальностью*.

Анализ причинности включает последовательное решение следующих задач: 1) выдвижение *гипотезы* о необходимых и достаточных исходных условиях путем логического анализа природы причинно-следственных отношений, свойственных изучаемому объекту / системе; 2) структурирование на основе изучения конкретно-исторического материала причин, в том числе выделение предпосылок (внутренних, внешних; субъективных, объективных) и поводов, оценка особенностей их взаимодействия; 3) выявление и оценка особенностей причинно-следственной связи (случайные, закономерные)

и определение альтернативных вариантов последствий; 4) объяснение причины реализованного в исторической реальности следствия.

Анализ причинности строится на использовании логических приемов, системное описание которых привел в своем труде «A System of Logic» Джон Стюарт Милль. Он сформулировал пять правил обнаружения и доказательства причинных законов и связей, которые получили название «Каноны Милля». Характер причинно-следственных связей можно изучить не только путем логического анализа, но и с помощью *математических методов*, в частности, регрессионного, корреляционного и факторного анализа.

Лит.: Аникеев А. А. Проблемы методологии истории: учеб. пособ. Ставрополь, 1995; Белова Е. Б. Историческая информатика: учеб.пособ. / Под ред. Л. И. Бородкина и И. М. Гарсковой. М., 1996; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Лутаенко В. С. Основы научного творчества (некоторые вопросы теории, методики и практики). Киев, 1976; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

ПРОБЛЕМА НАУЧНАЯ (от др.-греч. πρόβλημα – преграда, трудность, задача) – 1) это теоретическое или эмпирическое суждение, отражающее противоречие, несоответствие имеющегося уровня научного знания с потребностями науки или практики; 2) знание о незнании [В. Берков]. Незнание может быть результатом неполноты и недостоверности имеющихся в распоряжении ученых *фактов*, отсутствия корректных и надежных *методов исследования*, недостаточного уровня теоретического осмысления. Чаще всего **П.** выступает как отражение противоречия между имеющимися фактами и теоретическими построениями, т. е. между эмпирическими представлениями и теоретическими знаниями.

Исследование начинается с понимания и формулировки проблемы и завершается ее решением либо уточнением, т. е. получением нового знания. Таким образом, осмысление проблемы является одной из форм познавательной деятельности, включающей процедуры диагностики сущности проблемы, причин ее появления и путей решения. Правильная постановка проблемы служит важной предпосылкой ее

успешного решения. Для решения научной проблемы может быть выдвинута *гипотеза*.

С учетом содержания и характера выявленного противоречия **П.** может быть теоретической или практической (эмпирической), тем самым она определяет вид исследования и формулировку цели и задач. Теоретические проблемы явно и неявно включают вопросы: почему, зачем, каким образом, как часто и проч., которые позволяют выйти на уровень понимания причинно-следственных, динамических и структурно-функциональных *закономерностей*. Эмпирические проблемы ориентированы на пополнение и удостоверение фактографической базы и отвечают на вопросы: кто, что, когда, сколько и т. д., т. е. нацелены на *описание и реконструкцию*.

С учетом особенностей *исторического познания*, проблемы могут быть связаны: 1) с познанием *объекта и предмета исследования* (*описание* и теоретическое осмысление *исторических объектов и процессов*); 2) с разработкой и совершенствованием *научных методов*; 3) с оценкой итогов и результатов *исторических исследований*; 4) с анализом теоретических и практических аспектов использования *исторических источников*. По типу решаемого вопроса выделяют оценочные, методологические, аналитические, синтетические проблемы.

При выборе и формулировке проблемы большую роль играют ценностные ориентации и личностные качества исследователя, его представления о назначении истории и исторического труда. Наибольшую трудность вызывает постановка теоретических (фундаментальных) проблем, так как они связаны с необходимостью аналитического обобщения накопленного научного опыта, сложившихся теоретико-методологических подходов, *научных школ* и их особенностей и т. д.

П. задает целый ряд элементов *научного исследования*: цель и задачи, а также *предмет и объект*. Все они связаны друг с другом и образуют единое целое.

Лит.: Берков В. Ф. Научная проблема (логико-методологический аспект). Минск, 1979; Герасимов И. Г. Структура научного исследования (философский анализ познавательной деятельности в науке). М., 1985; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 206; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010. С. 29–68; Мининков Н. А. Введение в теорию исторического познания. Ростов н / Д., 2009; Санцевич А. В. Методика исторического исследования: учеб. пособ. Киев, 1990.

ПРОГРЕССА ТЕОРИЯ В ИСТОРИИ – теория, обосновывающая движение человеческого общества от более низкой и примитивной ко все более высокой и совершенной стадии. Теория прогресса возникает на исходе античного мира в патристической исторической мысли. В Древней Греции и Древнем Риме доминировала теория исторического круговорота, базирующаяся на представлении о неизменной во все времена человеческой природе. Христианская мысль, ориентирующая человека на декларируемое ею совершенство человеческой природы, представила историческое развитие как движение от земных царств с их насилием, наживой, кровопролитием к царству Божию – справедливому, гармоничному, небесному. Наиболее яркое выражение такая концепция получила в творчестве Августина Блаженного (354–430). Критика христианской идеологии в XVIII в. привела просветителей к трактовке исторического процесса как неодолимого совершенствования знаний, наук, искусств, ремесел, техники, итогом которого станет установление царства Разума. В концентрированном виде такая интерпретация прогресса была представлена Ж.-А. Кондорсе (1743–1794).

Хотя отдельные историки подвергали критике постулаты о прямолинейности и непротиворечивости прогресса, по словам русского историка Р. Ю. Виппера, в XIX в. **Т. п.** становится «главным догматом культуры». Широкая критика идеи общественно-исторического прогресса разворачивается поэтапно с началом Первой мировой войны. Р. Ю. Виппер был одним из виднейших критиков теории прогресса в историко-философской области. Представление о прогрессе он относил к психологическим особенностям познавательного процесса, а не к объективно существующей динамике *исторической действительности*. «В то время, когда растут технические изобретения, – отмечал он, – личные качества разрушаются, индивидуальности блекнут, люди становятся монотоннее и скуднее. Прогресс сказывается только в одном ряде явлений, именно в том, что относится к человеческой обстановке. Что же касается человеческой природы, то она не делается ни богаче, ни разнообразнее, ни тоньше по своей организации, ни возвышеннее». Ему близок по взглядам К. Ясперс, который писал: «После первой мировой войны речь шла уже не только о закате Европы, но о закате всех культур. Появилось ощущение конца человеческого существования вообще, преобразования, охватывающего все народы и всех людей без исключения, которое ведет то ли к уничтожению, то ли к рождению нового. Это еще не было самым концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим!». И, наконец, одним из

крупных вызовов теории прогресса содержался в «Цивилизации перед судом истории» А. Тойнби. «Сегодняшний западный взгляд на историю, – писал он, – чрезвычайно противоречив. Если наш исторический горизонт значительно расширился и в пространстве, и во времени, то наше историческое видение – то, что мы фактически видим в противоположность тому, что могли бы увидеть при желании, – быстро суживается до поля зрения зашоренной лошади или перископа подводной лодки... Наш мир возвысился до беспрецедентно высокой степени сознания. Мы признаем социальные права человека любого класса, нации и расы; и одновременно мы погрузились в пучину классовой борьбы, национализма и расизма».

Лит.: Виннер Р. Ю. Гибель европейской культуры. М., 1918; Виннер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921; Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.–Л., 1936; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.–СПб., 1996; Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1978.

С. П. РАМАЗАНОВ

ПРОСОПОГРАФИЯ (от др.-греч. πρόσωπον – лицо, личность и γράφω – пишу, описываю) – 1) *специальная историческая дисциплина*, занимающаяся реконструкцией биографий отдельных исторических личностей (выделяемых на основе выбранных критериев – культурных, интеллектуальных, гендерных и пр.) или группы лиц, живших в определенную эпоху или месте, имевших общие политические, социальные или этнические черты, занимавших определенную должность или положение в обществе. Как наука, собирающая и изучающая социальную информацию о субъектах просопографического исследования, **П.** имеет прямое отношение к истории социальных институтов и может быть определена как 2) *независимая дисциплина социальной истории*, использующая методы и данные *специальных исторических дисциплин*.

П. тесно связана, но отлична от собственно биографии (т. е. детализированного описания истории жизни человека и его деятельности), *биографики* (разрабатывающей теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий), *генеалогии* (т. е. систематического собрания информации о происхождении, преемстве и родстве фамилий и родов, или в более широком

смысле – науки о родственных связях) и *этнографии* (направленной на изучение народов-этносов). Понятие «просопография» впервые определено Антуаном Дю Вердые в XVI в., в работе «Просопография, или описание знаменитых личностей от сотворения мира с их портретами», в которой П. увязывалась с идеей коллективной, но в то же время и индивидуальной биографии.

Общие задачи просопографии – 1) изучение групп людей (как элементов в политической и социальной жизни общества), достигаемое выделением такой группы субъектов, имевших определенные общие политические и социальные черты, и затем исследованием каждой такой группы с помощью разнообразных критериев для получения информации, относящейся к конкретным индивидам; 2) изучение отдельной личности, ее окружения, социального положения, места или мест, в которых эта личность была активна, ее социальных функций в контексте семьи, других социальных групп. Частные задачи просопографии сводятся к *систематизации* сведений, касающихся личностей определенной эпохи, региона или общества на основе различных *источников*.

Цель просопографии – создание индивидуальных и коллективных биографий (например, реконструкция образа жизни греческих рабов, чьи имена известны по надписям о даровании им свободы). Просопографические исследования направлены на 1) изучение образа жизни, рода занятий и деятельности отдельных индивидов, групп личностей, а также различных малых народов и племен, сословий людей, живших в разное время и в разных местах; 2) систематическое описание и выявление рода обязанностей, а также их последовательности у ряда людей, занимавших на протяжении определенного времени один и тот же государственный пост или должность (напр., судьи, центуриона и др.) в некоем городе или государстве (напр., в Древнем Риме).

Просопографические исследования могут относиться как к любому *историческому периоду* (как правило, давно прошедшему, когда документальных свидетельств или нет вообще, или крайне недостаточно), так и к любому месту, городу, государству или стране. Тематика просопографических исследований разнообразна (напр., «Греческие рабы в Риме», «Новые люди в Римском сенате 139–140 гг.», «Византийская элита в эпоху кризиса (XIII в.)», «Монахи Вестминстерского аббатства», «Служилые люди Новгорода начала XVII в.» и т. д.) и зависит от поставленной цели.

Просопографический метод – это выявление определенного круга лиц, постановка ряда однотипных вопросов (напр., о датах рождения и смерти, о браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, образовании, роде деятельности, религии и т. д.). Просопографический метод использовался с конца XVI в., возродился в 1970-е гг. XX в. (с появлением работ по античной просопографии) и к настоящему времени распространился на исследования по средневековой, новой и новейшей истории. В просопографическом исследовании могут быть приняты методы научного анализа и методики *вспомогательных исторических дисциплин* (таких как *ономастика*, *геральдика*, *нумизматика*, *палеография*, *эпиграфика*, *генеалогия* и др.), поскольку оно опирается на их данные. Однако в каждом конкретном случае избираемые и применяемые методы научного анализа различны, поскольку они зависят как от избранных для исследования темы и временного периода, так и от поставленной цели.

Лит.: Петрова М. С. Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности (Макробий Феодосий и Марциан Капелла). СПб., 2004; Beech G. «Prosopography» in *Medieval Studies: an Introduction* / Ed. J. M. Powell. Syracuse University Press, 1992; Chastagnol A. La prosopographie, méthode de recherche pour l'histoire du Bas-Empire // *Annales*. 1970. P. 1229–1235; Du Verdier A. Prosopographie, description des personnages-insignes, avec portraits. Lyon, 1573; Nicolet C. Prosopographie et histoire sociale. Rome et l'Italie à l'époque républicaine // *Annales*. 1970. P. 1209–1228; Stone, Lawrence. Prosopography // *Daedalus* 100 (1). 1971. P. 46–71; The Prosopography of the Later Roman Empire / A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge University Press, 1971, 1980, 1992. Vol. I: AD 260–395; Vol. II: AD 395–527; Vol. III: AD 527–641.

М. С. ПЕТРОВА

ПРОТЕКЦИОНИЗМ [лат. *protectio*, прикрытие] – экономическая политика государства, направленная на ограждение, защиту национальной экономики от иностранной конкуренции. Протекционистская политика находит выражение в финансовом поощрении отечественной промышленности, стимулировании экспорта (вывоза) и ограничении импорта (ввоза), которые осуществляются в основном при помощи таможенных пошлин, субсидий и других мер. В экономической теории протекционистская доктрина является противоположной доктрине свободной торговли – фритредерству, спор между

этими двумя доктринами продолжается со времен А. Смита. Сторонники протекционизма критикуют доктрину свободной торговли с позиций роста национального производства, занятости населения и улучшения демографических показателей. Оппоненты протекционизма критикуют его с позиций свободы предпринимательства и защиты прав потребителей.

П. рассматривается как политика, стимулирующая экономический рост в целом, а также промышленный рост и рост благосостояния страны, проводящей такую политику. Теория протекционизма утверждает, что наибольший эффект достигается: 1) при единообразии применения импортных и экспортных пошлин, субсидий и налогов по отношению ко всем субъектам, без каких-либо исключений; 2) при повышении размеров пошлин и субсидий по мере увеличения глубины переработки и при полной отмене пошлин на импортируемое сырье; 3) при сплошном обложении импортными пошлинами всех товаров и изделий, либо уже производимых в стране, либо тех, производство которых в принципе имеет смысл развивать; 4) при отказе от таможенного обложения импорта товаров, производство которых невозможно или нецелесообразно.

Сторонники протекционизма утверждают, что страны Европы и Северной Америки смогли провести свою *индустриализацию* в XVIII–XIX вв. в основном благодаря протекционистской политике. Они указывают, что все периоды бурного промышленного роста этих стран совпадали с периодами протекционизма, включая новый рывок в экономическом развитии, произошедший в странах Запада в середине XX в. (создание «государства всеобщего благоденствия»).

Критики протекционизма обычно указывают на то, что таможенные пошлины повышают стоимость импортных товаров внутри страны, от чего могут пострадать потребители. Кроме того, важным аргументом против протекционизма является угроза монополизации: защита от внешней конкуренции помогает монополистам установить полный контроль над внутренним рынком. Примером может служить быстрая монополизация промышленности в Германии и России в конце XIX – начале XX вв., произошедшая в условиях проведения ими протекционистской политики.

С легкой руки А. Смита П. XVI–XVIII вв. стали называть меркантилизмом. И хотя сегодня существуют два разных понятия – протекционизм и меркантилизм, но экономические историки применительно к эпохе XVII–XVIII вв. ставят между ними знак равенства.

В XVIII в. **П.** был господствующей доктриной, признанной ведущими государствами Европы: Великобританией, Пруссией, Австрией, Швецией. В России политика протекционизма и меркантилизма активно проводилась при Петре I. В XIX в. на смену протекционизму пришла доктрина свободной торговли, инициатором которой была Великобритания, хотя и в этот период было много сторонников протекционизма. Повсеместный переход к политике протекционизма начался в континентальной Европе в конце XIX в., после затяжной экономической депрессии 1870–1880-х гг. После этого депрессия закончилась, и во всех странах, проводивших эту политику, начался быстрый промышленный рост. В США политика протекционизма наиболее активно проводилась в период между концом Гражданской войны (1865 г.) и концом Второй мировой войны (1945 г.), но в неявной форме продолжалась до конца 1960-х гг. В Западной Европе повсеместный переход к жесткой протекционистской политике произошел в начале Великой депрессии (1929–1930 гг.). Эта политика продолжалась до конца 1960-х гг., когда США и западноевропейские страны осуществили скоординированную либерализацию своей внешней торговли.

Г. Н. КРАЙНОВ

ПСИХОИСТОРИЯ – 1) подход в *историческом исследовании*, ориентированный на психоанализ, 2) наука об исторической мотивации, корнящейся в глубинах человеческой психики. Как научная дисциплина **П.** получила признание в США в 1957 г. Изучает психологическую подоплеку *исторических событий*. **П.** дает историкам возможность не только использовать психологический инструментарий для познания рациональной сферы человеческого поведения, но и изучить глубинные, бессознательные слои психики исторической личности. **П.** сочетает психоаналитическое погружение и исследовательскую методiku социальных наук для понимания эмоциональной природы социального и политического поведения отдельных личностей, групп и даже наций. Психоисторические дисциплины включают историю детства, психобиографии, групповую психобиографию. Открытия психобиографии доказывают, что от динамики стилей воспитания детей зависит ход *исторического процесса*. Следуя З. Фрейду, психобиографики доказывают, что история – это победа не только разума, но и желания. Психобиографический подход Э. Эриксона (1902–1994)

совмещал изучение индивидуальных и исторических кризисов, фиксировал в итоге новую идентичность миллионов жителей Европы. Классическим трудом в области психоистории является книга Ллойда Де Моза (род. 1931) «Основы психоистории» (1982).

Лит.: DeMause L. Foundations of psychohistory. N. Y., 1982. Рус. пер.: Де Моз Л. Психоистория. Ростов н / Д., 2000; Кирчанов М. В. Психоистория: история и основные направления исследовательской деятельности. М., 1999; Могильницкий Б. Г. Американская «психоистория»: претензии и реальность // Новая и новейшая история. 1986. № 1; Руткевич А. М. «Психоистория» Э. Эриксона // Эриксон Э. Молодой Лютер. М., 1996.

М. П. ЛАПТЕВА

ПСИХОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – научная дисциплина, формирующаяся на стыке истории и психологии во второй половине XIX в. и оформляющаяся в качестве самостоятельной дисциплины в 40-е гг. XX в. Предмет исторической психологии – особенности психологии личности и социальных общностей в разные *исторические эпохи* и в различных культурах и их исторические детерминанты; в предмет исторической психологии также входит воздействие психологических факторов на *исторический процесс* (например, психологические основы формирования тоталитарных режимов; психологическая характеристика исторических деятелей и т. п.). Становление исторической психологии обусловлено несколькими факторами: 1) философской концепцией «исторического разума» (В. Дильтей); 2) развитием этнографии, что вело к формированию предметной области психологии народов; 3) дисциплинарным оформлением психологии (З. Фрейд); 4) поиском в психологии эпистемологических оснований истории как науки о духе (В. Дильтей); 5) потребностями *исторического знания* (в его неклассической модели) в понимании человека прошлого как Другого; 6) новым пониманием *исторического источника* как «предметного продукта психической жизни» (В. Дильтей) или «реализованного продукта человеческой психики» (А. С. Лаппо-Данилевский). В становлении и развитии исторической психологии можно выделить два вектора. Первый – движение от психологии к истории: *историческое знание* востребуется психологией народов и социальной психологией (психологией масс). В России эта проблематика присутствовала уже в споре славянофилов и запад-

ников, но наиболее последовательно рассмотрена в работе М. О. Кояловича (1828–1891) «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884). В европейской науке следует выделить социологические труды Г. Спенсера (1820–1903), Э. Дюркгейма (1858–1917), работы Г. Лебона (1841–1921) «Психология толп» (1895), В. Вундта (1832–1920) «Проблемы психологии народов» (1911) и исследование первобытного мышления Л. Леви-Брюлем (1857–1939). Интерес к психологии масс был проявлен и в криминологии в связи с изучением проблемы индивидуальной ответственности (Г. Тард (1843–1904), С. Сигеле (1868–1913)). В России в первой половине XX в. проблемы психологии с привлечением исторического материала разрабатывались основателем культурно-исторической школы в психологии Л. С. Выготским (1896–1934). Второй вектор – востребование историей психологии. В России проблематика исторической психологии продолжала развиваться в контексте психологии: Б. Ф. Поршнев (1905–1972) разработал проблему палеопсихологии, А. Р. Лурия (1902–1977) исследовал историческое развитие познавательных процессов. В европейской науке задачу синтеза истории и психологии как науки «изучающей ментальные функции» сформулировал представитель первого поколения школы «Анналов» Л. Февр (1938). В середине – второй половине XX в. **И. п.** связана с *историей ментальностей*. Сравнительно новой областью исследований, восходящей в своих концептуальных основаниях к теории давления культуры на индивидуума З. Фрейда, является культурно-историческая психология, предмет которой – роль культуры в психической жизни человека (М. Коул). Проблемам исторической психологии посвящен междисциплинарный журнал «Историческая психология и социология истории» (выходит с 2008 г.).

Лит.: Вундт В. Проблемы психологии народов: пер. с нем. Изд. 3-е. М., 2010; Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996; Кольцова В. А. Историческая психология // Психология: учебник для гуманитарных вузов / Под. ред. В. Н. Дружинина. 2-е изд. СПб., 2009. Гл. 30; Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011; Шкуратов В. А. Историческая психология: [учеб. пособие]. 2-е, перераб. изд. М., 1997; Февр Л. История и психология // Февр Л. Бой за историю. М., 1991. С. 97–108.

Р

РАЦИОНАЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – способ постижения *исторического процесса*, базирующийся на анализе фактов прошлого. Выделяются две формы рационализма как *способа познания*: априорный, независимый от опыта и доминировавший в познавательной практике от Аристотеля до Галилея, и апостериорный, складывающийся в XVII в. и ставящий деятельность разума, как основу постижения действительности, под контроль опыта. **Р.** как метод исследования исторического процесса противостоит *иррационализму*.

Р. неразрывно связан со становлением и развитием самого *исторического знания*. В VI в. до н. э. логографы, называвшие свою деятельность историей, стремились рационалистически переосмыслить *мифы*. Приоритет разума позволил Фукидиду (V в. до н. э.) глубоко постигнуть причины исторических явлений, обосновать ряд методов исторического исследования, в частности – *ретроспективный*. **Р.** способствовал осмыслению Полибием (II в. до н. э.) исторических событий как единого всемирно-исторического процесса. Рациональный подход содействовал прагматической ориентированности исторического знания в Античности и в эпоху Возрождения, разработке углубленной *критики источников*, расширению проблематики *исторических исследований* и теоретическому осмыслению исторического процесса.

Попытки ниспровержения **Р.** в историческом познании как на рубеже XIX–XX вв. (*философия жизни*), так и в конце XX в. (*постмодернизм*) были связаны со стремлением осмыслить специфику исторического познания, в рамках которого человек изучает не отличный от него мир природы, а человека и человеческое общество. Несомненно, в рамках такого подхода роль иррациональных по своему характеру способов постижения прошлого – сопереживания, вчувствования, понимания, воображения, интуиции – несравненно возрастает. Однако, критерии верификации, приобретенные иррациональными способами, могут быть только рациональными. Конечно, рационально-логическим путем можно обосновать и ложные посыпки. Но никаким иным способом, кроме рационального, нельзя подойти к теорети-

ческим обобщениям в истории, приблизиться к общезначимой (объективной) истине в историческом познании.

Лит.: Немировский А. И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986; Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004; Мозильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. I–III. Томск, 2001–2008; Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. I–II. Волгоград, 1999–2000.

С. П. РАМАЗАНОВ

РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) некоторая данность, реконструируемая на основе *источников*, в ее феноменологическом разнообразии (3). В классической исторической науке историческая реальность – это *историческая действительность* как *объект исторического познания* (объективная **И. р.**). В неклассической науке это – трансцендентальное прошлое, т. е. то прошлое, которое оставило «следы» и которое стало доступным, благодаря этим «следам-посредникам». «Следы-посредники», в которых существует прошлое, или *исторические источники*, вовлеченные в *историческое познание* в качестве основы реконструкции прошлого, содержательно соединяют различные исторические реальности (информационная **И. р.**). Полученные в результате *исторического познания* на основе *исторических источников* картины *исторической реальности* представляют собой разные реконструкции прошлого (репрезентативная **И. р.**). Эти картины-репрезентации, представленные в виде различных *исторических знаний* (когнитивных образов или систем когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений), будучи поставлены на место *исторической действительности*, посылают такие же личные «послания» субъектов познавательной деятельности, как и сама *историческая действительность*. Историк, создавший определенную «картину прошлого», может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую сторону исторической реальности, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано (2). Репрезентативная **И. р.** – это представления об *исторической действительности* или образы *исторической действительности*, более или менее адекватные ей. Репрезентативная **И. р.**, включенная в *историческое сознание*, представляет собой своеобразный социокультурный траект, формирующий собственно «мир

истории» (траектная **И. р.**). Функцией этого траекта в дальнейшем становятся и объект, и субъект *исторического познания*, поскольку они конституируются им как ролевые идентичности. Под влиянием постмодернистских идей в *историческом познании* получил распространение конструктивистский взгляд на историческую реальность. Постмодернисты не отрицают существования самого «мира прошлого», но он, по их мнению, носит трансцендентный характер. Поэтому постмодернисты рассматривают процесс *исторического познания* как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий мир *исторического дискурса*, в котором конструируется *историческая реальность*. Исходя из представления о том, что **И. р.** начинает существовать только в *интерпретациях* и лишь благодаря им, постмодернисты главную роль в *историческом познании* отводят текстам, считая их единственной конкретной данностью, с которой имеют дело историки. В рамках *конструктивистского подхода* в качестве исторической реальности признается только **И. р.** как результат интертекстуальности и деконструкции текстов (текстовая **И. р.**), превращенная в «зрелище», «калейдоскоп знаков» и представляющая собой мир «разорванности» и самодостаточности отдельных фрагментов прошлого. Текстовая **И. р.** – это воображаемые образы или конструкции прошлого, не соотносимые с внетекстовой *исторической действительностью*. В неоклассической исторической науке, синтезирующей позитивные аспекты предшествующей *историографии*, возникло представление о том, что *историческая действительность* одна, а исторических реальностей как объективированных конструктов научного *исторического познания* может быть множество. Поэтому *исторические знания* как результаты научного *исторического познания*, зависящие от культурно-эпистемологического контекста и перспективы, имеют статус когнитивных конструкций, они концептуально относительно, их нельзя априори защитить от скептических возражений.

Лит.: 1) Гавришина О. В. Историческая наука в ситуации «постмодерна»: По материалам работы Ф. Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» (Обзор концепции) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. М.: ИНИОН, 1998; 2) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. С. 52; 3) Хвостова К. В. История: проблемы познания // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 64.

А. В. ЛУБСКИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ (от позднелат. *revolutio* – поворот, переворот) –

1) глубокое, коренное изменение какого-либо явления, состояния (общества, культуры в целом, науки, техники, промышленности и т. п.); 2) глубокое качественное изменение в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания (например, социальная Р., а также геологическая, промышленная, научно-техническая, культурная Р., Р. в физике, философии и т. д.); 3) радикальный разрыв непрерывности, фундаментальная трещина (8).

Имеется ряд определений социальной революции, концентрирующих внимание на тех или иных ее признаках, и роли в истории:

1) кардинальное изменение, коренной переворот в общественных отношениях на основе преобразования государственных институтов в результате массового движения как способа разрядки социального конфликта; 2) кардинальное изменение социально-политического строя, характеризующееся резким разрывом с предшествующей традицией, насильственным преобразованием государственных и общественных институтов, в противоположность реформам и социальной эволюции. Социальные революции различаются в зависимости от той социальной группы, которая выступает главным носителем революционного действия (революция крестьянская, буржуазная, пролетарская), а также от пространственных рамок ее реализации (национальная, «мировая» революция и т. п.). В отличие от революции социальной, такие формы насильственной смены правящей группы, как государственный переворот, путч и т. п., не предполагают кардинальных изменений общественной структуры. (Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003); 3) коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии (СИЭ); 4) внезапные радикальные изменения, происходящие как в политике, так и в обществе, в ходе которых существующее правительство (так же, как социальный и правовой порядок) резко, иногда насильственно заменяется новым (5).

Политическая власть является главным вопросом любой социальной революции, но не ради самой власти, а в качестве инструмента изменения общественных отношений, преобразования общественных структур, для чего реорганизуются и структуры власти. Именно это отличает социальную революцию от политических переворотов, имеющих целью замену у власти людей (представителей каких-то аристократических, клановых групп), но не изменяющих сущностного характера общества.

Есть две традиции рассмотрения роли социальной революции. Одна традиция считает революцию «катастрофой», разрушением общества, не видя в ней созидательного потенциала, другая – видит в революции инструмент общественного прогресса. Некоторые философы, социологи (сюда могут входить сторонники и первой, и второй традиции), определяя революцию как явление, отмечают прежде всего такие признаки как резкий разрыв с традицией, неожиданные быстрые изменения, произведенные исключительно насильственным путем, под которым они подразумевают вооруженное восстание (П. Сорокин, Т. Скокпол).

Ранней и во многом базовой для всех других поздних теорий социальной революции является марксистская традиция. К. Маркс видел в революции качественный скачок при переходе на высшую ступень развития; он считал революцию закономерным явлением в конкретных исторических условиях и видел в революции разрешение конфликта между производительными силами и производственными отношениями (в результате революции устаревшие и уже не соответствующие производственным силам, тормозящие их производственные отношения заменяются новыми). Пока эти отношения не созрели, не созрел конфликт; пока общество не осознало его, революция не может произойти. С его точки зрения, и это признается большинством социологов и историков, революции не являются неожиданными. К. Маркс развил понятия «социальная революция» и «политическая революция», считая в полном смысле социальной только пролетарскую революцию, которая отменит всякую эксплуатацию человека человеком.

Революционные изменения общества являются быстрыми по сравнению с эволюционными изменениями, но эта быстрота все же относительная: правовые установки не изменяют сразу общественный уклад. Полный переворот в общественных отношениях совершается на значительном временном отдалении от момента революции. Социальная революция создает для этого необходимые условия. Так, например, в Англии только в XVIII в. окончательно устанавливается парламентская система правления, и только во второй половине XVIII века произошел промышленный переворот, продлившийся до первой четверти XIX в., ознаменовав победу буржуазных отношений и капиталистической экономики.

Социальные революции могут совершаться как в форме вооруженного насилия, так и в мирной форме. Последнее известно в новейшую эпоху истории. Форма социальной революции зависит от соотношения общественных сил внутри и вне страны.

В. И. Ленин развил теорию революции К. Маркса, отметив, что революция происходит только в результате национального кризиса, и разработав понятие революционной ситуации, когда ««низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут по-старому управлять», подчеркнув роль субъективного фактора в революции и указав, что содержанием социальной революции может быть национально-освободительная борьба. Революции могут возникнуть в результате войн, которые обостряют национальный кризис, в результате влияния революционного движения в соседних странах. Таково влияние Русско-японской войны на Первую русскую революцию, Первой мировой войны на европейский революционный подъем, на Февральскую и Октябрьскую революцию в России. Но всякий раз должны быть соответствующие условия в самой стране.

Социологи и историки вычленили несколько типов социальной революции: буржуазная, буржуазно-демократическая, пролетарская (социалистическая), коммунальная (предтеча раннебуржуазных революций) XIII в., говорят о крестьянской революции. Последнее вряд ли правомерно, так как известные в истории крестьянские революции или крестьянские войны не меняли в конечном счете существующей системы власти и социально-экономического базиса.

Лит.: 1) *Красин Ю. А.* Революции и социальный прогресс. Критические очерки буржуазных концепций социальной революции. М.: Прогресс, 1980; 2) *Крапивенский С. Э.* Парадоксы социальных революций. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992; 3) *Сорокин П.* Социология революции. М.: Территория будущего, РОССПЭН, 2005; 4) *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996; 5) *The Dictionary of the Social Sciences* / Ed. by J. Gould, W. L. Kobb. N. Y.: The Free Press, 1964; 6) *Skocpol Th.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; 7) *Skocpol Th.* Social Revolutions in Modern World. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 1994; 8) *The Sociology of Revolution.* Chicago: Chicago University Press, 1973. P. 2–3.

Е. Г. БЛОСФЕЛЬД

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ – 1) территориальный масштаб развертывания истории (К. И. Зубков); 2) местная история (Т. А. Булыгина). **Р. и.** – междисциплинарная отрасль исторического знания, предметом которой выступают геопространственные сегменты исторической реальности. Наличие региональной дифференциации обще-

ства и сегментации его жизненного геопространства делает региональную историю необходимым условием измерения исторического бытия. *Историческая наука* как социальный институт обслуживает потребности не только общества в целом, но и отдельных его территориальных социумов. В этом плане **Р. и.**, кроме познавательной, выполняет также функцию обоснования исключительности всякого территориального сообщества, защищая его от массированного проникновения унифицированных форм организации социальной жизни. В условиях глобализации процессы регионализации активизировались сразу на нескольких уровнях. На макро-уровне регионализация проявляется в усилении локально-цивилизационных стремлений. В результате возникают макро-регионы со своими «региональными историями», исторически оправдывающими необходимость сохранения уникального характера их развития. На мезо-уровне регионализация обнаруживается в стремлении к интеграции отдельных территорий, входящих в состав различных государств. На этом уровне возникают **Р. и.**, которые исторически легитимируют данные региональные образования. На микро-уровне процессы регионализации развернулись внутри национальных государств. **Р. и.** на этом уровне призваны не только защитить региональные границы, но и исторически обосновать своеобразие экономического, политического и культурного поведения тех или иных территориальных сообществ внутри страны. **Р. и.**, выявляя своеобразие регионального исторического развития, рассматривает его в контексте целого, к которому относится тот или иной регион, что позволяет устанавливать не только тенденции исторического развития региона, но и понять его место в *историческом процессе* в целом. Поэтому для региональной истории значимы не только процессы, разворачивавшиеся в самом регионе, но и отношения между регионом и центром, поскольку регион является, с одной стороны, реципиентом тех импульсов исторического развития, которые посылает центр; а с другой – становится местом инициации территориального своеобразия исторической жизни. В этом плане региональная специфика выступает источником вариативного разнообразия путей исторического развития и возможных его *исторических альтернатив*. **Р. и.** расширяет возможности *исторического познания*, прежде всего в плане выявления, с одной стороны, общего и особенного, а с другой – *альтернативного* в историческом развитии. Основные методологические трудности, связанные с проведением *исторических исследований* регионального характера, обусловлены сложностями выделения геопространственных сегментов

исторической реальности и демаркации их региональных границ, поскольку регион как предмет региональной истории должен обладать не только географической, геополитической, геоэкономической, но и информационно-поведенческой, и историко-культурной однородностью и, следовательно, внутренней целостностью. **Р. и.** как междисциплинарная отрасль *исторического знания* тесно связана с такими *научными направлениями*, как историческая регионалистика, *локальная история*, история пограничных областей.

Лит.: Булыгина Т. А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад – Россия – Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь; М., 2003. Вып. 2.; Зубков К. И. Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004; Колесникова М. Е., Маловичко С. И. Новые направления изучения региональной истории: история пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского госуниверситета. 2005. № 39; Лубский А. В. Методологические проблемы изучения региональной истории // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Ростов н / Д.; Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований: мат-лы междунар. семинара. СПб., 2000.

А. В. ЛУБСКИЙ

РЕДИСТРИБУЦИЯ (от лат. *redistribuo* – распределяю) – форма перераспределения материальных ценностей в первобытных обществах и в раннем государстве, предполагающая движение продукта к политическому центру, лидеру (вождю) и неполное его возвращение непосредственному производителю. Понятие разработано в рамках экономической антропологии, изучающей экономические отношения в традиционных (доиндустриальных) культурах. В рамках неоеволюционистской парадигмы иногда рассматривается как поздняя форма *реципрокного обмена* (генерализованная реципрокность по М. Салинсу).

Лит.: Семенов Ю. И. Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Polanyi K. Semantics of General Economic History // Readings in Anthropology. V. 2. N. Y., 1959; Polanyi K. The Economy as Instituted Process Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

РЕКОНСТРУКЦИИ МЕТОД – 1) экспериментальный метод, используемый в *специальных и вспомогательных исторических дисциплинах (археологии, этнографии, музееведении и др.)* и нацеленный на воссоздание конкретных объектов материальной и духовной культуры прошлого, а также технологий. Метод реконструкции основан на комплексном использовании сведений археологических, этнографических, изобразительных, письменных и проч. *источников*, а также научных знаний, интуиции и воображения ученого; 2) способ познания, ориентированный на восстановление полной картины *фактов* и явлений прошлого с опорой на отрывочные, неполные сведения *исторических источников*, а также их *объяснение*; 3) метод создания *исторических реконструкций*, используемый в исторических ролевых играх.

Широкое применение **М. р.** получил в археологии, где разработаны методологические принципы и технологии реконструкции жилищ, предметных комплексов, поселений и проч. материальных объектов прошлого. В этнологии задачи реконструкции явлений прошлого решаются с помощью *метода пережитков*.

В 1980-е гг. понятие *исторической реконструкции* в советской исторической науке приобретает более широкий методологический смысл и рассматривается как специфический метод *исторического познания*, опирающийся на изучение частично сохранившихся *фактов* и свидетельств прошлого и позволяющий его воссоздать и объяснить, т. е. характеризуется как универсальный метод *исторического исследования*. Методологические проблемы исторической реконструкции нашли отражение в трудах Б. Г. Могильницкого, А. И. Ракитова, С. О. Шмидта, А. И. Уварова, Э. Лооне, В. Ф. Шаповалова, А. С. Уйбо, и др.

Историческая реконструкция подразделяется на следующие виды:

- эмпирическая (восстановление явлений или событий прошлого) и теоретическая (*объяснение* явлений или событий прошлого). Особенность теоретической реконструкции состоит в том, что она направлена не на формулировку законов общественного развития, а на их объяснение с помощью конкретных исторических примеров;
- реальная (исторический объект восстанавливается в том же виде, в каком он существовал в прошлом) и идеальная (создается модель объекта с использованием знаковых систем);

- соединяющая (объект реконструируется с опорой на различные дополняющие друг друга источники) и достраивающая (на основе гипотетической реконструкции недостающих элементов объекта);
- полная и частичная;
- *достоверная* и гипотетическая.

Особенность метода реконструкции состоит в комплексном подходе к использованию разных исследовательских технологий, поскольку он объединяет приемы *источниковедческой критики*, эксперимента, моделирования, а также предполагает использование знаний, интуиции и воображения историка.

Лит.: Земниек В. Ф. Факт и проблема исторической реконструкции // Социальное познание и некоторые проблемы исторического материализма. М., 1981; Ларина Т. М. Типы рефлексии в исторической реконструкции // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983; Лооне Э. Современная философия истории. Таллин, 1980; Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982; Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969.

Л. Н. МАЗУР

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) воссоздание прошлого во всей его полноте, конкретности и сложности (5); 2) приблизительно верное отражение какого-либо фрагмента *исторической реальности* (2); 3) формирование на эмпирической стадии *исторического исследования* цельного образа объекта как представительной системы *научных фактов*, отражающих факты *исторической действительности* (1). **Р. и.** представляет собой *интерпретацию* историком как субъектом научно-исследовательской деятельности *исторической действительности* в процессе ее когнитивного моделирования и презентации в системе научного *исторического знания*. *Интерпретация исторической действительности* – это когнитивная процедура, включающая не только ее эмпирическое описание, но и ее презентацию в системе теоретического знания. В классической науке *историческое исследование* рассматривается как отношение между историком (субъектом научно-исследовательской деятельности) и объектом (надындивидуальной *исторической действительностью*). Целью когни-

тивной стратегии классической модели исторического исследования, основой которой выступает *принцип «нейтральности»* его субъекта, является реконструкция *надындивидуальной исторической действительности* в виде системы эмпирического и теоретического знания, адекватного этой действительности и свободного от оценочных суждений. **Р. и.** в классической науке, как *интерпретация* историком *надындивидуальной исторической действительности*, включает ее *описание, объяснение, понимание и презентацию* в научном языке субъекта научно-исследовательской деятельности. В неклассической науке *историческое исследование* рассматривается как субъект-субъектное отношение, как отношение между историком-субъектом и имеющей феноменальные основания индивидуальной *исторической действительностью*. Сделав предметом *исторического исследования* индивидуальное как уникальное, связанное с жизнедеятельностью людей, неклассическая наука индивидуализировала и само *историческое исследование*, придав ему феноменальный характер. Однако поставив под сомнение *принцип «нейтральности субъекта»* исторического исследования, представители неклассической науки, вместе с тем, не отказываясь от идеи исторической реконструкции. Вовлеченность субъекта *исторического исследования* (историка) в его *предмет* (индивидуальную *историческую действительность*) путем «вживания» в историческое прошлое, еще не означает элиминации самой *исторической действительности*, а предполагает ее *понимание* и воссоздание того ее образа, который существовал у людей прошлого. **Р. и.** в неклассической науке – это *интерпретация* историком как субъектом научно-исследовательской деятельности индивидуальной *исторической действительности* через ее *описание, понимание, объяснение и презентацию* в культуре и научном языке субъекта научно-исследовательской деятельности. **Р. и.** в неоклассической исторической науке, синтезирующей позитивные моменты, связанные с исторической реконструкцией в классической и неклассической науках, базируется на принципе *методологического плюрализма*, в рамках которого *исторические теории* рассматриваются как различные *интерпретации* известных *исторических фактов*. Каждая из *исторических теорий*, являясь исторической реконструкцией, т. е. *систематизацией и объяснением* под определенным углом зрения *исторических фактов*, может представляться противоречащей другим историческим реконструкциям и не может претендовать на статус научной *истины* по аналогии, например, с естественнонаучными теориями. Однако вся

совокупность таких исторических реконструкций, воссоздавая все более многообразную картину исторического прошлого, а также включая это прошлое в контекст проблем, задач, дискуссий сегодняшнего дня, может претендовать на статус *исторической истины*. Одна из особенностей исторической реконструкции состоит в том, что она связана с когнитивным преодолением исторической темподесиненции, т. е. с восстановлением таких исторических явлений, которые растворились во времени и не оставили «считываемых следов». **Р. и.** включает в себя также *интерпретацию* историком как субъектом научно-исследовательской деятельности текстов как источников эмпирической информации. Целью *интерпретации* как когнитивной процедуры является воспроизведение смысла текста, вложенного в него автором, и придание тексту нового смысла для понимания текста современниками интерпретатора, т. е. преодоление временной дистанции между текстом и современностью. Методика *интерпретации* текста опирается на четыре канона: 1) «имманентности герменевтического масштаба»; 2) «тотальности и смысловой связанности герменевтического исследования»; 3) «актуальности понимания»; 4) «смысловой адекватности понимания» (3). В современной *исторической науке* получили распространение идеи конструктивного реализма, согласно которым конструктивистское начало присутствует во всяком научном *историческом исследовании*, и познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует мир прошлого. Сторонники этой идеи утверждают, что прошлое для историков – уже не реконструкция того, «что было на самом деле», а «образ», «репрезентация» или «конструкция» (4). В рамках радикального конструктивизма историк как субъект познавательной деятельности был провозглашен «репрессивной инстанцией», творящей мир прошлого, а идея реконструкции *исторической действительности* была заменена идеей ее *конструкции*.

Лит.: 1) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 243, 267; 2) Кузеванов Л. И. Академизм исторического познания. М.: НЭИ «Академическая жизнь», 2010. С. 54; 3) Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 71; 4) Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. С. 683; 5) Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Изд-во «Весь мир», 2000. С. 131.

РЕЛИГИИ ИСТОРИЯ – специализация истории (Большая российская энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 132) и религиоведения (Религиоведение / Под ред. М.М. Шахнович. СПб., 2006. С. 13), ориентированная на изучение исторического процесса развития религии от зарождения архаических форм религиозности до формирования религий древних цивилизаций, национальных (индуизма, даосизма, конфуцианства, иудаизма) и мировых (буддизма, христианства, ислама) религий. Исторические труды, в которых описывались и сравнивались религиозные верования разных племен и народов появились в эпоху античности («История» Геродота, сочинения Диодора Сицилийского, Плутарха, Лукиана). Современная **И. р.** начала развиваться в эпоху Великих географических открытий (XV–XVII вв.), когда европейцы познакомились с религиозными ценностями и представлениями населения других частей земного шара. Особенных успехов она достигла во Франции эпохи Просвещения. Один из родоначальников сравнительно-исторического изучения религии Н. Фрере классифицировал религии, разделив их на политеистические и монотеистические. В 1794 г. появилось фундаментальное исследование историка Ш. Дюпюи «Происхождение всех культов, или всеобщая религия», в 1824–1831 гг. – сочинение политика и писателя Б. К. де Ребека «О религии, рассматриваемой в ее происхождении, формах и развитии». **И. р.** опиралась на представления о единстве человечества, сформулированные немецким просветителем И. Г. Гердером в труде «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Большое значение для истории религии имело оформление науки о религии в самостоятельную отрасль знания в первой половине – середине XIX в. благодаря работам чешского философа и математика Б. Больцано, французского историка Э. Берну, британского лингвиста и историка религии М. Мюллера и др. С XIX в. и до настоящего времени многие западные ученые разделяют историю религии на научные штудии по истории всех религий, в том числе и религиозных культов бесписьменных народов, определяя ее немецким термином Religionswissenschaft (наука о религии, религиоведение), и исследования, в которых изучаются «высшие религии» письменных культур, то есть собственно историю религии (Religionsgeschichte). В XX веке на историю религии оказали влияние социология религии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель), социальная антропология (Б. Малиновский, А. Р. Радклифф-Браун), этнография (Д. Д. Фрэзер), социальная философия, философская антропология и

психоанализ (М. Элиаде). Современная **И. р.** рассматривает возникновение, становление и развитие всех религий в контексте синхронных им культурных и социально-политических процессов.

В России **И. р.** зародилась в XVIII в. в рамках формирующейся отечественной исторической науки и по мере накопления этнографических знаний (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов). В XVIII–XIX веках исследования по истории религии, преимущественно христианства, были связаны с ученой деятельностью иерархов русской православной церкви и преподавателей духовных учебных заведений. Отдельное место в истории религии занимает работа военного историка И. П. Липранди «Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект» (1883). Русская филологическая школа характеризовалась интересом к языческим культам древних славян (А. С. Кайсаров, В. Й. Мансикка). В XX в. в отечественной науке предметом исторического анализа становились ранние формы религии (С. П. Толстов, С. А. Токарев), язычество древних славян и Древней Руси (Б. А. Рыбаков), раннее христианство (А. Б. Ранович, И. С. Свенцицкая), история католицизма (С. Г. Лозинский, И. Р. Григулевич), происхождение и развитие религий Востока (Л. С. Васильев, С. В. Волков). В ракурсе богословского знания историю религии рассматривали широко образованные деятели церкви (А. Д. Шмеман, А. В. Мень и др.). Большой вклад в изучение и популяризацию истории религии внес Музей истории религии и атеизма (ныне Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург). Отечественные исследования в области религии после 1917 г., как правило, именовались историей религии и относились к историческим наукам. В 1970-х гг. в академической практике появилось понятие «религиоведение». В настоящее время религиоведение позиционируется как самостоятельный комплексный междисциплинарный научный проект, который включает в себя и историю религии.

Лит.: История религии / Под общ. ред. И. Н. Яблокова: в 2 т. М., 2007; Религиоведение / Под ред. М. М. Шахнович. СПб., 2006; Церковная наука в России // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 427–467; Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. М., 2001–2003.

Л. Б. СУКИНА

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ – 1) в статистике **Р.** – главное свойство выборочной совокупности, позволяющее на основе изучения части судить о генеральной совокупности в целом (см. *Выборочное исследование*); 2) свойство исторической информации (полученной в результате исследования), которое позволяет использовать полученные данные и выводы для понимания более широких исторических явлений и процессов.

Р. представляет собой оценочное суждение и нуждается в доказательстве. При проведении выборочного исследования для доказательства его репрезентативности используется показатель *ошибки выборки*, который количественно характеризует объективно возникающее расхождение между параметрами выборочной и генеральной совокупности. Ошибка выборки зависит от ряда факторов: степени однородности совокупности (учитывается уровень вариативности признаков), объема выборки, методов отбора и др. Размер ошибки выборки не должен превышать 0,05 (5%). Если ошибка выборки находится в допустимых границах, изучаемая совокупность рассматривается как репрезентативная. При анализе социальных объектов и явлений критерии надежности выборки могут быть более мягкими: допустимый уровень надежности в социологии – до 10%; приближенный – от 10 до 20%, ориентировочный – от 20 до 40%, а прикидочный – более 40%. Ошибка выборки рассчитывается для всех изучаемых признаков.

Для доказательства репрезентативности могут быть использованы как традиционные, так и *математические методы*. Под традиционными методами подразумеваются приемы, построенные на логической оценке: в *исторических исследованиях* чаще всего применяется метод сравнения результатов выборочного наблюдения со сведениями других *источников*. Кроме того, можно использовать метод эксперимента. Он основан на проведении дополнительного выборочного исследования на том же массиве, но с использованием других расчетных и технических способов формирования выборки. Сопоставление двух выборочных совокупностей, их параметров, дает представление о надежности полученных результатов. Экспериментальный метод рекомендуется, если изучается *естественная выборка* и оценка генеральной совокупности затруднена. *Математические методы* доказательства репрезентативности включают: метод сравнения средних показателей выборочной и генеральной совокупностей; расчет ошибки выборки с использованием математических формул. Для каждого типа выборки в статистике разработан свой набор формул.

Использование понятия «репрезентативность» в более широком смысле, применительно к традиционным практикам *исторического исследования*, обычно связано с обоснованием возможности экстраполяции полученных выводов, либо относится к оценке представительности изучаемого комплекса *исторических источников*. И в том, и в другом случае сохраняется проблема доказательства репрезентативности на основе логических суждений с обоснованием следующих моментов: как полно охватывает и отражает исследование (исторические источники) изучаемый объект; насколько пропорционально представлены в нем все *исторические* типы и явления, свойственные объекту, насколько ему присущи те или иные типические черты.

Лит.: Дружинин Н. К. Выборочный метод и его применение в социально-экономических исследованиях. М., 1986; Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1984; Кокрен У. Методы выборочного исследования. М., 1976; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; Славко Т. И. Математические методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. Екатеринбург, 1995; Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. Самара, 1995.

Л. Н. МАЗУР

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (фр. representation – представительство) – многозначное понятие, широко используемое в философии, социальных науках и культуре. В эпистемологии **Р.** – это представление (визуализация) изучаемого явления с помощью посредника-репрезентанта. В роли последнего может выступать все что угодно (символ, знак, схема, модель и т. п.). **Р.** издавна имеет статус одного из ключевых понятий познания, поскольку плотно вписана в проблематику человеческого восприятия. Неудивительно, что содержание этого понятия всегда вызывало споры в философии и науке. «Репрезентация располагается между реальностью и миром платонических идей. Ее сферой поэтому оказывается воображение. Но отношения репрезентации с идеями и реальностью никогда не бывают простыми. Область репрезентации – это область неопределенного. Как неопределенен онтологический статус присутствия, одновременно являющегося отсутствием» (М. Ямпольский). Историки работают с этим понятием не одно столе-

тие, но в 1980-е годы оно наполнилось новым содержанием и стало опорным понятием *культурного поворота в историографии*. Вот как определяется **Р.** в «Словаре социальных наук», изданным под ред. Бургьера: «Всякая репрезентация, как показал всем своим творчеством Луи Марен, имеет двойное измерение: транзитивное и рефлексивное, прозрачное и непрозрачное. Это определение, если оно понимается в терминах истории репрезентаций, означает, что... любая репрезентация (визуальная, литературная или ментальная) не является только зеркальным отражением реальности, она также продукт действия, посредством которого репрезентация конституируется, и в котором проявляет себя носитель этого действия». Учитывать следует не только характер участия в процессе конструирования репрезентации исторического актора, которого изучает историк, но и действия самого историка в ходе «историографической операции». Иными словами, **Р.** – это не то, что возникает в голове субъекта действия и, так или иначе, отражается в *источниках*. Напротив, понятие «репрезентация» отсылает не «внутри» субъекта, а в социокультурные контексты его жизнедеятельности, включающие повседневные практики и коммуникативную активность. Кроме того, **Р.** – это не некая «сущность», слепок с реального образа, но процесс. Историки не отождествляют больше репрезентацию с отражением, подчеркивая его «зеркальность» и адекватность. Сегодня **Р.** предстает как сложная познавательная процедура, укорененная в специфике субъекта, в истории и культуре.

Во Франции в 1980–1990 гг. оформилось особое исследовательское направление, получившее название «история репрезентаций». Историю репрезентаций называют «эмансипированной дочерью истории ментальностей», потому что многое из того, что делается в контексте такого *историописания*, было продумано и введено в научный оборот историками ментальностей. Но в отличие от *истории ментальностей*, изучавшей культурные миры, используя подходы традиционной *социальной истории*, история репрезентаций интересуется в первую очередь историей культурных практик, а также дискурсов о них, и через них стремится понять и показать социальные связи конкретного социума. Она изучает не столько сами по себе культурные феномены, но то, каким образом они производятся, распространяются, присваиваются / используются думающими, чувствующими и действующими людьми. И не только коллективами, но и индивидами. Такая история предстает как исследование форм концептуализации,

организации, производства, присвоения, распространения культурных явлений в тесной увязке с местами опыта и со способами передачи идей / ценностей.

Обновленное понятие репрезентации, основная содержательная характеристика которого – не столько ментальное представление, сколько *изображение*, родилось в полемике с дуалистической установкой реальное / идеальное, и в *историографии* было связано с потребностью соединить социально-экономическое и культурное, учитывая их взаимодействие в динамике (Р. Шартье). Иными словами, речь шла о том, чтобы вписать культурную составляющую в тот же уровень, где живет и действует человек, отказавшись от привычной вертикальной этажности исторических планов: экономика, социум, политика, культура. Благодаря репрезентациям историки обнаружили такой уровень исследований, в котором одновременно сосуществуют сознательное и бессознательное, воображаемое и идеологическое, коллективное и индивидуальное. Таким образом, удается уйти от распространенного отождествления ментального с коллективным бессознательным. Впрочем, понятие «репрезентация» по-прежнему связано с определенным дуализмом. Но сегодня это – дихотомия репрезентируемого и того, что в итоге получается, т. е. невидимого и видимого. Причем, это уже не миметическое воспроизводство реальности, но манифестация определенного способа видения, визуализация. «Изображение (*l'image*) нам сообщает больше об обществе, которое на него смотрит, чем о себе самом», – пишет, например, Б. Стора. Здесь неизбежно появляются властные отношения, а значит, и перформативное измерение акта репрезентации. В этой связи новое развитие получило исследование интеллектуальной культуры в противоположность тому, что история ментальностей была озабочена исследованием культуры народной.

Понятие репрезентации помогает историкам исследовать в тесном переплетении идеи, представления и практики, выявляя способы думать / действовать / чувствовать, свойственные людям в разные *исторические периоды*. И хотя сохраняется большое количество противоречий и вопросов, изучение истории как мира коммуникаций, который конституируется не только рационально, но при самом активном участии воображения и телесности, т. е. опосредован образами (ментальными, визуальными, тактильными и проч.), свидетельствует о том, что *междисциплинарное исследование* этой проблематики способствует переосмыслению устоявшихся интерпретационных схем,

подходов и методик. В русле такого подхода открываются также новые возможности для обновления языка, на котором говорят историки-профессионалы. Благодаря многосложному универсуму репрезентаций, реальный мир в науке предстает в различных «обликах», что обеспечивает не только приращение знаний, но и совершенствование способов познания.

Лит.: *Chartier R.* Le monde comme représentation // *Annales H.S.S.* 1989. No. 6; *Вартофский М.* Модели: Репрезентация и научное понимание. М., 1988; *Гинзбург К.* Репрезентация: слово, идея, вещь // *НЛО.* 1998. № 33. С. 5; *Микешина Л. А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособ. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ: Флинта, 2005; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Круг», 2011. Гл. 6; *Чеканцева З. А.* Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2013. Вып. 2 (18); *Ямпольский М.* Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: НЛО, 2007.

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД (лат. *retro* – назад, *spectare* – смотреть) – 1) метод познания исторических явлений через изучение их проявлений на более высокой ступени развития, дошедших до нас, через движение мысли от следствия к его причине, к пониманию, оценке, *реконструкции исторических явлений*. Ряд исследователей рассматривает **Р. м.** в качестве синонима *дедуктивного метода*; 2) метод исследования, применяемый в неисторических науках для изучения исторических условий и предпосылок развития современных явлений.

Р. м. позволяет реконструировать объекты прошлого по *остаткам*, сохранившимся и дошедшим до современной историку *эпохи*. Он используется для изучения отдельных *исторических явлений* и целых *эпох*. Концептуальную основу метода составляют представления об эволюционном и закономерном характере развития общества, что позволяет выстроить его вероятностную ретроспективную модель. Методологические требования к использованию ретроспективного метода состоят в необходимости определения и доказательства реликтного характера свидетельств, на основе которых историк реконструирует

картину исчезнувшей *исторической реальности*. Условием реализации метода является соблюдение *принципа историзма* в оценке явлений.

Функции **Р. м.:** 1) открывает возможности проверки выводов *исторического исследования* исторической практикой; 2) позволяет уточнить этапы становления, формирования изучаемого явления; 3) историк, зная результат, может увидеть тенденцию развития явлений и процессов в прошлом; 4) исследует реликтовые, остаточные наслоения, которые дают представление об отдаленном прошлом.

Лит.: Гаген-Торн Н. И., Васина А. И. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5; Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 44–46; Методологические проблемы истории. Минск, 2006. С. 310; Парфенов И. Д. Методология исторической науки: Курс лекций. Саратов, 2001. С. 83–84; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990. С. 56; Смоленский Н. И. Ретроспективный метод // Теория и методология истории. М., 2007. С. 237–243.

О. М. МЕЛЬНИКОВА

РЕФОРМЫ ДОГОНЯЮЩИЕ – понятие, используемое в рамках *теории модернизации* для обозначения типа модернизационного реформирования в незападных странах. Характеристика этих реформ как догоняющих предполагает процесс перенятия тех или иных достижений западной цивилизации в готовом виде. Необходимость догоняющих реформ возникает в ситуации кризиса данного общества, однако их проведение не означает невозможность преодоления кризиса традиционными методами: к таковым реформам, как правило, подталкивает наличествующий или потенциально возможный конфликт с западными государствами, обладающими более развитыми технологиями и более высоким военным потенциалом. Отсюда три важнейших характеристики данного типа реформ: во-первых, они инициируются государством и проводятся в его интересах; во-вторых, их социальная база отличается крайней узостью; в третьих, объектом переятия является ограниченный набор достижений западной цивилизации (прежде всего принципы военной организации и производство вооружения). Вместе с тем, по мере развития реформационного процесса все три характеристики могут подвергаться пересмотру и трансформации под воздействием внешних обстоятельств и внутренней логики самих реформ. Примерная формула трансформации тако-

ва: необходимость обеспечения армии современными видами вооружения (при невозможности масштабных закупок за рубежом) требует создания промышленных предприятий в горнодобывающей, металлургической, текстильной отраслях. Создание новой, по сути капиталистической (пусть и в форме государственного капитализма) промышленности требует изменений в социальной организации труда (прежде всего введения отношений найма, которые в различных странах могут длительное время сочетаться с принудительными мобилизациями), а также открывает дорогу развитию частнокапиталистических отношений (зачастую вопреки чаяниям и запретительным мерам правительства). Далее, необходимость функционирования новой промышленности и формирование современной армии вызывает к жизни потребность в подготовке соответствующих кадров, что приводит к введению основ западного образования, как среднего, так и высшего. В свою очередь, появление интеллигенции с широким кругозором, имеющей представление об основных параметрах западной цивилизации, порождает, с одной стороны, стремление к более углубленной *вестернизации* (политической и культурной, прежде всего введению конституционного строя и парламентаризма), а с другой, в случае наличия колониальной зависимости, к зарождению идей буржуазного национализма.

Степень изменений в результате догоняющих реформ зависит от особенностей развития данного общества. В целом наибольшие успехи, как правило, достигаются в военной сфере и в промышленности (вследствие приоритетности этих направлений в ходе реформирования). В политической и социальной сфере речь идет о косметических преобразованиях (имеющие место конституции и парламентские структуры, как правило, не соответствуют по содержанию и полномочиям западным аналогам). Что касается культуры (если не считать быта) и ментальности, эти сферы оказываются наиболее консервативными (имеют место формы культурного синтеза, либо долговременное сосуществование национальной и заимствованной традиций). В странах Востока Нового времени догоняющие реформы часто становились прологом к революциям.

Еще одной общей особенностью догоняющих реформ является подгонка заимствуемых институтов и традиций к запросам страны-реципиента, трансформация их первоначальных форм в связи с невозможностью искусственного переноса готовых достижений чуждой культуры на новую почву.

Таким образом, догоняющие реформы дают толчок потенциально возможным органическим процессам модернизации (которые могут развиваться со временем), но сами чаще всего направлены на поддержание существующего традиционного уклада, тогда как модернизационные реформы в странах Запада лишь расчищают дорогу для уже имеющих место органических изменений или фиксируют их результаты. Характерные примеры догоняющих реформ: реформы Петра I в России, «Политика самоусиления» в Китае, реформы Танзимата в Османской империи и др.

Лит.: *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; *Крайнов Г. Н.* «Догоняющие» реформы в России: история и современность // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6. С. 117–118; *Суздалева Т. Р., Федоров К. В.* Догоняющая модернизация: отечественный и зарубежный опыт // URL: <http://www.gosbook.ru/node/51687> [февраль, 2014].

О. Н. МУХИН

РОМАНТИЗМ ИСТОРИЧЕСКИЙ – идейное и художественное направление в европейской и американской духовной культуре конца XVIII – первой половине XIX в., имеет важное эпистемологическое значение для получения истинного знания. Существует превратное представление о неопределенно-расплывчатом понимании исторического романтизма как конгломерата разнородных отношений, преимущественно отражающих сентиментально-романтические чувства, теряющие свою социальную природу и историческую конкретику. Между тем такая конкретика составляет родовую черту исторического романтизма.

Авторы-романтики нередко противопоставляли свои взгляды теориям просветителей. Но Р. во многом опирался на интеллектуальное наследие Просвещения. Деятели обоих направлений высоко оценивали способности человека, обращались в поисках ответов к природному началу. В различной степени и просветители, и романтики придерживались концепций постепенного движения и изменения человеческих обществ. При многих точках соприкосновения между просветительскими и романтическими взглядами существовали глубокие расхождения. Первыми критиками жестких философских построений с романтических и консервативных позиций были предста-

вители позднего Просвещения. Способность этого течения к пересмотру своих идей продлила ему жизнь, так что в общественной мысли и в науках XIX в. влияние Просвещения было достаточно сильным. В *историческом знании* оно сказывалось на облике раннепрофессиональной истории, с ее требованиями научной точности исследования.

Ключевым для романтиков был *принцип историзма*. Просветителями этот принцип воплощался в идее развития: все в природе и человеческом обществе подчинялось неподвластной воле людей поступательному движению. В сочинениях романтиков смысловые акценты были расставлены по-иному: движение истории понималось как органический процесс. У всех явлений появилось дополнительное – историческое – измерение: их следовало рассматривать в становлении, развитии, расцвете и упадке. История обозначала изменение, из которого происходило разнообразие. Все явления прошлого виделись авторам-романтикам как неповторимые, уникальные. Каждое из них интерпретировалось внутри того времени, ценностей, представлений, культуры, к которым принадлежало. Так, в исторических сочинениях романтизма складывалось ощущение дистанции между настоящим и прошлым. Такой взгляд подразумевал, что все без исключения *эпохи*, как необходимые стадии роста человеческого сообщества, были по-своему значимы. В рассуждениях просветителей европейское средневековье получило устойчивую негативную оценку как время варварства, суеверий и невежества. В отличие от них, романтики культивировали интерес к средним векам, нередко идеализируя и поэтизируя этот *период истории*.

Народы, государства и культуры, согласно концепциям романтиков, развивались естественным образом. Под влиянием романтических философских построений распространенной стала мысль о том, что основу всемирной истории составляет движение некоего духа, последовательно раскрывавшего себя в истории народов (для Гегеля это была идея, для Шеллинга – мировой дух, для Фихте – это принцип как выражение Божественного провидения). Романтики полагали, что философы-рационалисты Просвещения обращали недостаточно внимания на духовное основание действительности, пытаясь искусственно привнести в нее механический научный порядок.

Если просветители искали в прошлом общие и универсальные законы, то романтики сосредоточили внимание на уникальном и самобытном в *национальной истории*. Эти особенности связывались с

чертами присущего каждой нации народного духа, в соответствии с которым происходило развитие национального государства.

Широкую известность в Европе и мире получили труды таких историков-романтиков, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Токвиль, Л. Ранке, Б.-Г. Нибур, Т.-Б. Маколей, Т. Карлейль, Н. М. Карамзин.

Высшим выражением исторического романтизма в историографии стала теория классов и классовой борьбы, раскрывшая связанное с человеческой личностью деятельное начало в человеческой истории. Поэтому **И. р.** включает широкий разброс суждений – от ригоризма Ф. Гизо до революционного романтизма О. Тьерри и от обоснования Ф. Минье *исторической необходимости* всех этапов революции, включая якобинскую диктатуру, до осуждения Ж. Мишле якобинского Конвента и его вождей. Наконец, первым крупным историческим произведением такого неоднозначного мыслителя как Томас Карлейль была «История Французской революции» (1838). Он восхвалял Мирабо и Дантона, открыто презирал жирондистов, называя их «иезуитами революции», выражал свою неприязнь к Робеспьеру и Марату, но отдавал должное якобинцам за их патриотизм и энергию. Но подлинным героем для Карлейля является народ. Он превозносит его как залог величия Франции, указывая, вместе с тем, на необходимость его просвещения.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

С

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД – междисциплинарный метод, основанный на учете знаково-символической природы социальных отношений и человеческих культур, представлении о несовпадении «плана выражения» и «плана содержания» символа, «означающего» (слово, предмет, изображение и т. д.) и «означаемого» (мыслительная концепция, содержащаяся в означающем), «денотативных знаков» и «коннотативных смыслов» [Р. Барт].

Методологическое обоснование семиотического подхода применительно к изучению *исторических источников* разработал Ю. М. Лотман, который рассматривал текст как зашифрованное описание, требующее *реконструкции* набора кодов, которыми пользовался создатель текста, и установления их корреляции с кодами исследователя. Семиотика истории направлена на выявление в прошлом символов и кодов, перевод их в современную знаковую систему и расшифровку на основе этого смысла *источника*.

С. п. предполагает рассмотрение истории как процесса коммуникации, для изучения которого прибегают к семиозису (превращению незнаковой истории в знаковую) [А. И. Филюшкин]. Культурно-семиотический подход к истории выражается в апелляции к внутренней точке зрения самих участников *исторического процесса* [Б. А. Успенский]. Задача историка – выявление актуализирующегося латентного смысла культурных символов и текстов путем анализа их корреляции с социокультурным и историческим контекстами формирования и бытования. **С. п.** наиболее эффективен при анализе *ритуалов*, изучении *нарративов* и памятников культуры, несущих в себе скрытые смыслы.

Лит.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994; Лотман Ю. М. К современному понятию текста // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002; Лотман Ю. М. Проблема исторического факта // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999; Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени

как семиотическая проблема) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996.; Филлюшкин А. И. Методологические инновации в современной российской исторической науке // АСТІО NOVA, 2000.

О. С. ПОРШНЕВА

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД – *трансдисциплинарный подход в историческом познании*, представляющий собой систему познавательных установок, ориентирующих историков на *интерпретацию исторической действительности* в русле теории самоорганизации сложных динамических систем. **С. п.** дает возможность по-новому рассматривать такие вопросы исторического развития, как возможность и действительность, *традиции* и инновации, прошлое и настоящее, *альтернативность* и выбор, и преодолеть те методологические трудности, которые возникают при изучении «крутых поворотов истории», предполагавших необходимость социального выбора.

Согласно синергетическому подходу общество – это сложная система, историческая эволюция которой представляет ритмичный процесс самоорганизации, в основе которого лежит переход общества от неустойчивого состояния (хаоса) к относительно устойчивому (порядку) и обратно. В процессах самоорганизации сложных систем синергетика особое значение придает *случайности*, рассматривая ее в качестве той творческой силы, которая выводит систему, находящуюся в неравновесном состоянии, на аттрактор (относительно устойчивое состояние), на одну из собственных структур самоорганизации.

В связи с этим **С. п.** предлагает качественно иную картину *исторической реальности* как по сравнению с классической, так и с неклассической исторической наукой. Основу этой картины составляют представления об *исторической реальности* как сложной системе, которая в процессе самоорганизации проходит циклы, связанные с возникновением упорядоченных макроструктур, их относительно устойчивым существованием и разрушением: возникновение устойчивых макроструктур означает переход от хаоса к порядку, разрушение макроструктур – переход от порядка к хаосу. Применительно к истории хаос – это «кризис», т. е. такое состояние общественной системы, при котором перестают нормально функционировать ее различные подсистемы, в том числе блок управления и общественное сознание. В состоянии хаоса в обществе возникают альтернативные ситуации, в рамках которых складываются различные возможности для дальней-

шего развития. Прошлое как *историческая действительность* в том виде, как оно состоялось, было инвариантным, т. е. однозначным. Прошлое как *историческая реальность* включало в себя различные возможности исторического развития, и его инвариантность была результатом реализации одной из этих возможностей. Отсюда следует, что важной задачей *исторического исследования* является изучение не только инвариантов *исторического развития*, но и тех потенциальных возможностей (*альтернатив исторического развития*), в рамках которых этот инвариант состоялся как реализация одной из них.

В рамках синергетического подхода сложилось представление о том, что общество в альтернативной ситуации может резко изменить свое состояние под воздействием самых незначительных факторов. Согласно синергетическому подходу в обществе как нелинейной среде в точке бифуркации потенциально существует спектр структур (форм организации), которые могут появиться. Причем то, какие структуры могут возникнуть в данной среде, каковы возможности исторического развития, определяется исключительно внутренними свойствами этой среды, а не параметрами внешнего воздействия. Иными словами, в самой *исторической реальности* в ситуации альтернативности скрыто поле органически возможных путей ее развития. Однако незначительные внешние воздействия (случайности) могут оказать существенное влияние на «выбор» вариантов этого развития.

Новое осмысление роли случайности в синергетике позволяет по-иному интерпретировать роль *случайности в истории*, рассматривая ее как конструктивное начало исторического развития и причину появления нового. Она «запускает» механизм перехода от одной относительно устойчивой ситуации к другой, «выбирая» при этом один из путей этого перехода, возможный спектр которых определяется самой системой. Особенностью нелинейных систем является то, что при одинаковых приращениях внешних воздействий она может давать различную реакцию, зависящую от исходного своего состояния. На этой особенности строится эффект управления сложными системами: малые внешние воздействия на систему могут привести к большим последствиям и, наоборот, большие воздействия могут оказаться в управленческом плане ничтожными. Знание этого эффекта дает исторiku возможность понять, почему, например, многие реформы не приводили к желаемому результату, несмотря на существенные затраты, а незначительные, казалось бы, *исторические события* вызывали катастрофические последствия.

В целом в рамках синергетического подхода произошел отказ от образа мира прошлого, построенного из элементарных частиц (кирпичиков объективной действительности), в пользу представления об *исторической реальности*, атрибутом которой выступает нелинейность, интерпретируемая как вероятностная возможность ее многовариантной эволюции. Развитие общества как сложной системы носит не только альтернативно-вероятностный, но и необратимый характер, и поэтому сторонники синергетического подхода обосновывают несостоятельность постановки в научном сознании таких проблем, как «исправление ошибок прошлого» или «поиск выхода из исторического тупика». С позиций синергетического подхода, «исправить ошибки прошлого» нельзя, поскольку каждая новая альтернативная ситуация создает свой спектр исторических возможностей, реализация которых зависит от случайностей. Это же касается и «поиска выхода из исторического тупика», поскольку нельзя вернуться назад, на ту «развилку истории», которая якобы увела общество с истинного пути развития.

Лит.: Бородин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. М., 2003. № 2; Бородин Л. И. Синергетика и история: моделирование исторических процессов // История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007. С. 8–49; Гомаюнов С. А. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2; История и синергетика. Методология исследования. 2-е изд, испр. и доп. М., 2010; Лубский А. В. Синергетика и историческая наука // Проблемы истории. Ростов н/Д., 1993; Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика и историческая механика // Общественные науки и современность. 1997. № 2.

А. В. ЛУБСКИЙ

СИНХРОННОГО АНАЛИЗА ТЕХНОЛОГИЯ – 1) совокупность методов и способов сравнительного анализа структуры и функций изучаемых объектов в текущий момент времени. В основе технологии лежит сравнение двух объектов с целью выявления общего и уникального. Методические аспекты реализации синхронного анализа активно разрабатывались в языкознании (семантике), а также в социологии, культурологии и других гуманитарных дисциплинах. В британской школе социологии в 1950-е годы синхронный анализ использовался в качестве одного из вариантов изучения специфики социокультурных систем, сосуществующих во времени. В *историко-сравнительных*

(компаративных) исследованиях метод синхронного анализа используется при условии, если различия между сравниваемыми объектами носят локальный характер и не определяются внутренней динамикой; 2) совокупность методов и способов изучения динамики *исторического процесса*. В этом случае технология **С. а.** предполагает сравнение структуры, функций, характеристик одновременно существующих сопоставимых исторических объектов с целью выявления его качественных стадий, отражающих изменения данного объекта во времени. В этом случае использование метода **С. а.** построено на допущении типичности переживаемых стадий и ситуаций и признании возможности разной динамики развития однотипных объектов.

В *исторической науке* разработкой методических аспектов использования **С. а.** занимался И. Д. Ковальченко, который рассматривал его как один из способов реализации *историко-диахронного метода*. Метод **С. а.** выступает в качестве дополнения *диахронного анализа* и в совокупности с ним представляет собой основной метод *исторического познания*.

Лит.: Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Принципы и методы семантических исследований: Сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1976; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997; Санцевич А. В. Методика исторического исследования. Киев, 1990.

Л. Н. МАЗУР

СИСТЕМАТИЗАЦИИ МЕТОДЫ – процесс упорядочения исторической информации (данных) в определенной форме, обеспечивающей возможность ее дальнейшего использования и анализа. Форма упорядочения зависит от средств кодирования информации. Это могут быть текст, числа, изображения или, например, база данных. Результатом систематизации выступает создание модели исторических данных, в которой собранная историческая информация организована, структурирована и представлена как информационная модель изучаемого объекта или процесса, пока не обобщенная и не проанализированная.

С учетом наиболее часто используемых способов кодирования и приемов систематизации информации выделяются следующие модели

исторических данных: текстовая, числовая, схема, карта, компьютерная (электронная) модель.

Традиционной формой систематизации текстовой исторической информации является *историческое описание*. Если объектом *исторического исследования* выступает массовое явление или процесс, анализируемые в контексте статистических закономерностей, то встает задача упорядочения количественных данных и создания числовой модели. К основным способам систематизации числовых данных относятся следующие *математические методы*: 1) формирование системы статистических показателей, описывающих исторический объект или процесс; 2) построение вариационных и динамических рядов; 3) свodka и группировка данных; 4) графические методы.

Способом систематизации исторических категорий и понятий выступает схема, задача которой графически показать связи и взаимодействия между элементами. В качестве метода систематизации пространственных сведений используется *картографирование*. Особое место в современной науке отводится компьютерным технологиям, использование которых позволяет не только облегчить работу с традиционными моделями данных (текстовыми, числовыми, схематическими и географическими), но и способствует появлению новых вариантов моделей, не имеющих аналогов в традиционной практике исследования, например баз данных, гипертекста. Возможности использования компьютерных технологий в *историческом исследовании* выступают объектом исследования такого научного направления как *историческая информатика*.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Гарскова И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Геттинген, 1994; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991; Историческая информатика: информатика для исторических специальностей: учеб. пособие / Под ред. В. Н. Сидорцова, Л. И. Бородкина. Минск, 1998; Славко Т. И. Математические методы в исторических исследованиях: учеб. пособ. Екатеринбург, 1995.

Л. Н. МАЗУР

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ – *междисциплинарный* инструментальный, используемый для разработки теоретических концепций, нацеленных на осмысление природы и динамики сложных объектов (систем).

Термин *system analysis* появился в связи с развитием информатики и теории информации и первоначально включал совокупность приемов обработки информации. В отечественной науке развитие системного анализа связано с изучением средствами математики причинно-следственных связей.

В качестве языка системного анализа используются преимущественно формальные описания, в том числе моделирование. Этим системный анализ отличается от традиционных приемов логического осмысления объекта исследования, которые также используются в рамках *системного подхода*. Задачи системного анализа: 1) разработка принципов описания объекта как системы; 2) выделение специфических свойств и характеристик системы (надежности, упорядоченности, сложности, стабильности, эффективности и т. п.); 3) построение моделей либо отдельной системы, либо классов систем; 4) разработка системных концепций, объясняющих функционирование и развитие объекта исследования.

Лит.: Бородин Л. И. Синергетика и история: моделирование исторических процессов // История и математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2007. С. 8–49; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД – совокупность принципов (системности, целостности, историзма, функциональности, множественности), формирующих самостоятельное методологическое направление *научного исследования*. **С. п.** представляет собой способ теоретического осмысления и *реконструкции* объектов (систем) как совокупности взаимосвязанных элементов (компонентов), имеющих вход (ресурсы), выход (цель), связь с внешней средой, обратную связь.

Формирование и развитие системного подхода как методологического принципа связано со становлением теории систем (*синерге-*

тики). Центральным понятием в системном подходе выступает понятие системы. Система представляет собой такую целостную совокупность элементов, взаимодействие которых обуславливает появление новых интегративных качеств, не присущих отдельным элементам системы.

Система характеризуется наличием структуры, функций и окружающей среды. Структура – внутренняя организация системы, она состоит из определенного набора компонентов, между которыми существуют отношения (связи). Компоненты системы – это подсистемы и элементы. Подсистема определяется как часть системы, которая сама образована из компонентов, т. е. сама представляет собой систему в структуре более высокого порядка. Элемент – нерасчлняемый далее носитель свойств системы. Структура определяет сущность системы как целого. Структура в значительной степени влияет на стабильность функционирования системы и отражает степень ее развитости. Функция – это форма, способ жизнедеятельности системы и ее компонентов. В функциях системы реализуется ее предназначение. Среда системы – это ее окружение, т. е. те объекты, которые непосредственно или опосредованно воздействуют на формирование, функционирование и развитие изучаемой системы.

Внутренняя организация системы и ее взаимодействие с окружающей средой определяется связями и отношениями, которые формируют уровни иерархии и характеризуются как координация и субординация. Координация – горизонтальная, пространственная упорядоченность и согласованность структур и функций систем. Субординация – вертикальная, временная соподчиненность структур и функций систем. Структуры и функции систем более низкого уровня детерминируются структурами и функциями систем более высокого уровня.

Система обладает рядом свойств – это целостность, эмерджентность, структурность, иерархичность, устойчивость, адаптивность, функциональность, самоорганизация, делимость, открытость, изменчивость.

Целостность системы придает ей качественную уникальность, позволяет ее идентифицировать и выделить из окружающей среды. Свойство эмерджентности свидетельствует о наличии нового качества, которое отсутствует у отдельных элементов системы и является результатом их взаимодействия. Структурность системы – это наличие относительно устойчивых и упорядоченных взаимосвязей и взаи-

модействий между элементами, структурность выступает как отражение определенных принципов организации. Структура системы должна быть оптимальной с точки зрения выполняемых задач и функций. Иерархичность отражает наличие в системе более одного уровня упорядоченности. Устойчивость – способность системы сохранять основные свойства, характеристики и структуру в заданных пределах при различных внешних воздействиях. Устойчивость тесно связана с таким свойством как адаптивность, т. е. способность системы взаимодействовать с окружающей средой, не меняя своей целостности. Адаптация может быть пассивной и активной. При пассивной адаптации система не меняет свои характеристики и стремится либо изолироваться от окружающей среды, либо приспособиться к ней. Активная адаптация свойственна системам, воздействующим на окружающую среду с тем, чтобы снизить ее неблагоприятные влияния. Для большинства социальных систем характерна активная адаптация. Функциональность – способность систем реализовывать определенные функции, обеспечивающие достижение ее целей. Самоорганизация интерпретируется как свойство системы изменяться, в том числе в структурном отношении, за счет внутренних источников без помощи извне. Делимость – способность системы распадаться, делиться, образуя новые системы. Делимость – это качество сложных систем, достигших предельного организационного уровня с учетом оптимальных размеров существования. Открытость системы представляет собой базовое свойство, отражающее процессы взаимодействия систем с окружающей средой. С учетом степени интенсивности этих процессов системы принято подразделять на открытые и закрытые. Система обладает также таким свойством как способность к изменению (изменчивость), т. е. ее элементы, обладая относительной самостоятельностью, в силу внутренних тенденций и под влиянием внешней среды могут приобретать новые качества и черты. Возможны два типа развития систем: 1 – видоизменение отдельных структур и функций при сохранении общесистемных функций; 2 – изменение общесистемных функций. Второй тип связан с гибелью системы или перерождением ее в новое качество.

Реализация системного подхода связана с решением следующих задач: 1) изучение феномена целостности и установление состава системы, ее элементов; 2) исследование закономерностей соединения элементов в систему, т. е. структуры объекта, что образует ядро системного подхода; 3) анализ функций системы и составляющих ее эле-

ментов; 4) исследование генезиса системы, ее границ и связей с другими системами. Для реализации системного подхода используются методы *системного анализа*, а также его разновидности – *структурно-функционального анализа*.

Лит.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М., 1986; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Пронштейн А. П., Данилевский И. Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

СЛУЧАЙНОСТЬ В ИСТОРИИ – «*взаимнезависимость* нескольких рядов причин и следствий, *случайно* накладывающихся друг на друга». Так формулирует наиболее современное определение случайности французский исследователь А. Курно в своей работе «К вопросу о движении идей и событий в истории нового времени» (1872). Его подход базируется на установке рассматривать случайность как место пересечения цепочки причинных рядов, возникающих в реальном мире. Следовательно, условием появления случайности здесь служит, во-первых, наличие таких рядов в самой *действительности*, во-вторых, возможность их пересечения. Связь между причиной и действием в причинных рядах имеет необходимый характер, в то время как пересечение таких рядов приводит к возникновению *случайного события*.

Релятивизирующую концепцию случайности А. Курно как пересечения необходимостей сформулировал ирландский историк Д. Бьюри, утверждавший, что индивидуальность и неповторимость истории делает все в ней случайным и лишенным *необходимости*. Указанный тезис он подробно развил в 1916 г. в очерке «Нос Клеопатры», сославшись на пример с египетской царицей Клеопатрой, приведенный знаменитым французским ученым Б. Паскалем. «Чтобы до конца осознать всю суетность человека, – писал Б. Паскаль, – надо уяснить себе причины и следствия любви. Причина ее – “неведомо что” (Корнель), а следствия ужасны. И это “неведомо что”, эта малость, которую и определить-то невозможно, сотрясает землю, движет

монархами, армиями, всем миром. Нос Клеопатры: будь он чуть покороче – облик земли стал бы иным». Подобный взгляд разделяется теми историками, которые видят в *историческом процессе* нагромождение случайностей и не проводят различия между причинными связями, необходимыми, важными и существенными для анализа этого процесса, и причинными отношениями, случайными, несущественными, второстепенными. А. Курно, предложивший новое определение случайности, стремился раскрыть механизм ее возникновения, а самое главное – разграничить необходимое и случайное.

В *историческом исследовании*, прежде всего, следует выделить те причинные связи, которые оказывают основное, определяющее воздействие на *исторический процесс*. В этих целях, как справедливо отмечал английский историк Э. Х. Карр, необходимо определить иерархию причинных связей аналогично историческим фактам. «Причины определяют интерпретацию исторического процесса историком, а его интерпретация – выбор и упорядочение причин. Иерархия причин, относительное значение одной причины или множества причин в сравнении с другими, составляют сущность интерпретации историка. Именно это дает ключ к решению проблемы случайности в истории» Такой подход не отрицает наличия случайностей в истории, которые, несомненно, определенным образом влияют на ход *исторического процесса*, но поскольку они являются случайностями, то не могут оказать на него решающего воздействия.

Отношение марксистов к случайностям в истории при всем его приближении к сути природы случайности имело редукционистский характер. Сам К. Маркс сформулировал свои взгляды по этому поводу в частном письме к Л. Кутельману в 1871 г. «Творить мировую историю, – писал он, – было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих “случайностей”, среди которых фигурирует и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения». Однако К. Маркс ориентировался скорее на необходимость и всеобщую обусловленность событий и поэтому считал, что социальные законы «осуществляются с железной необходимостью» и «действуют с непреложностью законов природы». Из

приведенного видно, что случайности вряд ли могут как-либо видоизменить характер *исторического процесса*, если действие одних из них компенсируется за счет других, а ускорение и замедление самого процесса зависит только от характера личностей, возглавляющих те или иные общественные движения, а не от народных масс, участвующих в этом движении.

Одним из первых в марксистской литературе мнение о случайности как пересечении независимых причинных рядов высказал Г. В. Плеханов (1856–1918). Однако долгое время в науке отсутствовало понимание того, что «случайность является разменной монетой закономерности», что цепь пересечения независимых причинных рядов можно расшифровать в достаточно строгом режиме. Появившиеся на рубеже XX–XXI вв. полидисциплинарные технологии анализа открывают перспективу такого рода расшифровки природы случайности.

Лит.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33; Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; Рузавин Г. И. Основы философии истории. Гл. 16. М., 2001; Burks A. The Logic of Causal Propositions // Mind. 1951. Vol. 60. No. 239; Cournot A. Considérations sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes. P., 1872.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

СОБЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – это динамичная темпоральная конфигурация, порождающая социальное изменение и предполагающая взаимодействие автономных социальных акторов в конкретной ситуации. Являясь стержнем *историописания*, историческое событие – главное, с чем имеет дело историк. Не удивительно, что в разные исторические периоды историки размышляли о содержании концепта «событие» и природе событийности. В позитивистской традиции **И. с.** было идентично историческому факту, который в строгой методической системе *исторической науки* являлся таким же базовым элементом, как клетка в биологии или атом в физике. Подчиняясь принятым тогда критериям научности, историки смешивали социальную память с памятью национальной и государственной. Однако в начале прошлого века главные установки «историзирующей» историографии подверглись жесткой критике (Франсуа Симиан, Анри Берр, Люсьен Февр). В период триумфа структурализма вкупе с субъектом историческое событие подмяла под себя структура. Но уже в

середине 1950-х годов историки и философы заговорили о необходимости переосмысления понятия «историческое событие» (Альфонс Дюпрон, Мишель Фуко, Мишель де Серто, Пьер Нора, Поль Рикер и др.). Новый виток интереса к событию в историографии, порожденный изменением режима историчности и потребностью понять современный мир, заставил историков «переоткрыть» *историческое время*, что позволило прояснить соотношение события со структурой и системой. В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбывной загадочности событийности. Наконец, **И. с.** позволяет показать сложное переплетение времен и миров действия.

Линейное время классической историографии вписывало **И. с.** в определенные хронологические / пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя самые разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу исторического события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности. Все чаще **И. с.** исследуется как *нарративная конструкция*. В период «ренессанса события» стало ясно, что «событийная история в “чистом” виде, подразумевающим последовательное шествие событий в единой хронологической и каузальной связи, является весьма условной. Она может рассматриваться либо как простейшая форма исторического дискурса, либо, с современной точки зрения, как одна из крайних степеней абстракции исторического анализа» (И. М. Савельева, А. В. Полетаев). **И. с.** обладает длительностью, несводимой к темпоральности составляющих его *фактов*. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, формирующимися задолго до того, когда оно «имело место». Кроме того, событие имеет собственную *темпоральность*, плотно связанную с *темпоральностью* тех, кто это событие проживал. Все вместе погружено в историко-культурный контекст, имеющий свое прошлое, собственную форму настоящего и определенное видение будущего, присущее тем, кто это событие приветствует или отрицает. Кроме того **И. с.** формирует память. Получается, что **И. с.** конституируется в русле большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социокультурных и политических отношений; понять его можно лишь в контексте весьма сложной системы темпоральностей.

Лит.: *Dosse F.* Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010; *Farge A.* Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // *Terrain*. 2002. Numero-38. P. 69–78; *Ревель Ж.* Возвращение к событию: пути историописания // *Номо Historicus*. Книга 1. М.: Наука, 2003; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания: учеб. пособ. СПб.: Алетейя, 2007.

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

СОЗНАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ – См.: *Историческое сознание.*

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ – направление исторической науки, возникло в конце XIX в. в ее неклассической модели как исследовательская практика, противопоставившая себя традиционной *политической* (национально-государственной) *истории*. Основатель **С. и.** (структурной истории) – немецкий историк В. Конце (Werner Conze, 1910–1986). Первоначально **С. и.** изучала историю социальных структур и социальных процессов. В 1920–1930-е гг. **С. и.** старалась найти принципиальные различия между собственным направлением и *политической, экономической* и появившейся *культурной историей*. В этот период **С. и.** исследовала условия труда и быта, особенности образа жизни, элементы материальной и духовной культуры. Однако уже после Второй мировой войны историки отметили, что понятие «социальная история» стало очень неточным по отношению к реальным исследовательским практикам (P. Stearns), в которых часто рассматривались не чисто социальные, а экономические или социально-экономические вопросы, а термин «социальная история» нередко использовали из желания продемонстрировать «прогрессивность» исследования.

Расцвет социальной истории как ведущего направления *исторической науки* связан с интенсивным процессом обновления методологического арсенала и движением к аналитической междисциплинарной истории. В русле этого широкого интеллектуального движения возникла в 1960–1970-х годах т. н. «новая социальная история», которая первоначально выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социологии, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними. В этот

период **С. и.** изучала социальные отношения в рамках историко-социологических исследовательских практик и ориентировалась на идею школы «Анналов» об изучении общества как *целостности* (тотальная история), но уже с рубежа 1970–1980-х годов она проявила интерес к культурной антропологии, переориентируя свое внимание на обыденное сознание людей прошлого, на символические системы и ценности, на психологические установки, стереотипы восприятия и модели поведения. В 1980-х гг. **С. и.** (новая социальная история) становится ведущим *направлением* в структуре «новой исторической науки». Подход социальной истории, который получил название «история снизу» и способствовал изучению народных низов в противоположность традиционной истории, изучавшей историю известных государственных лидеров и национальных героев, сыграл решающую роль в выделении таких *научных направлений* и *предметных полей*, как «новая рабочая история», *гендерная история*, *микроистория*, а затем и *новая локальная история*, способствовал выработке методики *устной истории*. Под влиянием *лингвистического* и *культурного поворотов*, усвоив уроки эпистемологического кризиса 1990-х гг. и критики постмодерна, **С. и.** сумела ассимилировать новые идеи и выйти на новое исследовательское пространство, сместив исследовательские стратегии в направлении социокультурного анализа. Обновленная **С. и.** (новая социальная история) стала применять процессуальный подход к анализу форм социальной жизни и социальных групп сквозь призму их непрерывной интерпретации, поддержания или преобразования в практической деятельности взаимодействующих индивидов.

В настоящее время сосуществуют несколько версий социальной истории: 1) социологическая, выявляющая условия деятельности различных социальных групп и социальные процессы; 2) антропологическая, исследующая сферу сознания социальных групп и действующих лиц; 3) социокультурная, изучающая социальное как культурные практики, рассматривает процесс формирования социального в деятельности культурных субъектов.

Периодические издания по проблемам социальной истории: Социальная история (ежегодник, с 1997 г.), Journal of Social History (с 1967 г.); Social History (с 1976 г.).

Лит.: Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1; Кокка Ю. Социальная история между структурой и эмпирической историей // THESIS. Теория и история

экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 2; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009 (1-е изд. – М., 1998); *Conze W.* Social History // *Journal of Social History*. 1967. Vol. 1. № 1; *Fairburn M.* Social History: Problems, Strategies and Methods. L., 1999; *Stearns P.* Some Comments on Social History // *Journal of Social History*. 1967. Vol. 1. № 1.

С. И. МАЛОВИЧКО

СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ – направление современной исторической науки, изучающее взаимосвязь и взаимовлияние процессов, явлений и событий, происходивших в природе и социуме; сформировалось на стыке гуманитарных и естественных наук (Э. С. Кульпин). Мыслители и историки неоднократно пытались объяснить исторические процессы влиянием естественной среды на большие и малые человеческие общности (Ш. Л. Монтескье, Г. Бокль, Л. И. Мечников, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилев и др.). Кризис *метанарратива* и разочарование историков в глобальных теориях (*марксизм, теория модернизации* и др.) привели некоторых историков к выводу: история традиционно была связана с изучением отделенного от природы «коллективного исключительного» – Человека как субъекта истории, однако следует учитывать, что природа и общество существуют в единстве, поэтому история человечества должна быть социальным естествознанием (Т. R. Schatzki).

В последней четверти XX в. в западноевропейской и американской историографии выделилось интегративное направление «экологическая история», которое пока не получило широкого распространения в российской науке. Но в 1990-х гг. в России появилось направление, названное его инициаторами «социоестественная история». **С.-е. и.** не только уделяет внимание географическим факторам, она исследует природу и общество как единое целое, как органы одного организма, как один объект (Э. С. Кульпин). По социоестественной истории проводятся научные конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» (XXII конференция в 2012 г.), издаются периодическое издание «История и современность» (с 2005 г.) и научные сборники «Социоестественная история».

Лит.: Кульпин Э. С. Бифуркация Запад–Восток: Введение в социоестественную историю. М., 1996; Кульпин Э. С. Путь России. М., 1995. Кн. 1;

Смирнов Н. Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 23. С. 84–98; Социоестественная история: Природа и общество на пороге метаморфоз. М., 2010 Вып. XXXIV; Человек и природа: экологическая история: антология. СПб., 2008; Schatzki T. R. Nature and Technology in History // History and Theory: Studies in the Philosophy of History. 2003. Vol. 42. No. 4. P. 82–93.

С. И. МАЛОВИЧКО

СОЦИОЛОГИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ –

принцип классической модели исторического исследования, ориентирующий историка на поиск общего и закономерного в исторической действительности. С. интерпретирует познавательную деятельность историка с позиций «нейтрального наблюдателя».

С. сложился в русле классической рациональности, которая, абстрагируясь от деятельности природы субъекта, претендует на познание исторической действительности такой, какая она есть сама по себе, без примеси человеческой субъективности. С. ориентирует историка на получение объективно-истинного знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой исторической действительности, обеспечивая тем самым однозначность его содержания.

С. включает два аспекта: предметный и методологический. Предметный аспект проявляется в холизме – интерпретации общества как целостной социальной реальности, и в социальном детерминизме, в рамках которого общество представлялось в виде социетальной системы с жесткой взаимозависимостью ее различных структур. Поэтому классическая модель исторического исследования игнорирует казуальность истории, признает только ее каузальность и объясняет исторические явления путем установления между ними причинно-следственных связей, отказываясь при этом обсуждать проблемы целесообразности в истории и вводить в процедуры объяснения понятие целевой причины.

Предметная область классической модели исторического исследования – надындивидуальная историческая действительность, что ориентирует ее представителей на изучение, в первую очередь, социальных отношений, процессов и структур. При этом историк, стремясь к систематичности и целостному воспроизводству исторической действительности, опирается на различные теории социальных фак-

торов и *принципы социального детерминизма*. Индивидуальное начало в истории, если и рассматривается историками, то всегда выводится или сводится к социальному.

Классическая историческая наука – это, прежде всего, социальная наука. Методологический аспект социологизма реализуется в когнитивной стратегии классической модели исторического исследования, которая носит *номотетический* характер. Она ориентирует исследователя, с одной стороны, на познание общего, приобретающего форму социального типа, а с другой – на открытие *исторических закономерностей*. Целью когнитивной стратегии классической модели исторического исследования является *реконструкция* исторического прошлого в виде системы эмпирического и теоретического знания, свободного от оценочных суждений и адекватного *исторической действительности*. Достижение этой цели связывается вначале с эмпирическим описанием на основе *исторических фактов* предмета *исторического исследования*. При этом С. предписывает рассматривать *исторические факты* как своего рода «вещи», изолированные от того «живого» исторического контекста, в котором они реально существовали. Это превращает изучаемые социальные практики прошлого в «мертвый» корпус *исторических фактов*, требующих рационального объяснения. Кроме того, представители классической исторической науки, отождествляя *исторические факты* с естественнонаучными, абсолютизируют их статус как независимых от исследователя описаний. Представители классической модели исторического исследования стремятся к созданию такой же доказательной и общезначимой *исторической теории*, как и в естественных науках, а доказательность *исторической теории* они видят в ее обоснованности *историческими фактами*.

В методологическом плане С. приводит к господству в классической исторической науке *исторических теорий* «репрессивного» типа как по отношению к изучаемой *исторической действительности*, так и по отношению к историку, поскольку *историческая действительность* «собирается» историком в соответствии с социальным каркасом, который априорно задается той или иной *исторической теорией*, претендующей на методологическую универсальность. С. стандартизирует познавательную деятельность историка в духе той или иной *монистической* интерпретации истории.

Лит.: Гофман А. Б. Социологизм // Современная западная социология: Словарь. М., 1990; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического ис-

следования. М., 2005; *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8.

А. В. ЛУБСКИЙ

СПЕЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ – методы *исторического исследования*, разработанные в рамках *специальных исторических дисциплин*, которые выступают в качестве самостоятельных отраслей *исторической науки*, обладающих своим объектом, предметом исследования, и, соответственно, особыми (специальными) методами исследования.

Их условно можно подразделить на две группы: собственно-исторические и «новые» исторические дисциплины. К числу первых относятся *историография, источниковедение, археология, этнография, архивоведение*. Их появление и развитие тесно связано с историей *исторической науки* и стало результатом внутренней специализации. Во вторую группу входят научные дисциплины, получившие самостоятельный статус в ходе *междисциплинарного* взаимодействия истории с другими общественными науками – *географией, демографией, информатикой, урбанистикой, психологией* и т. д. Их круг постоянно расширяется. Методы, используемые в этих науках, были адаптированы к задачам и особенностям *исторического исследования*.

К числу наиболее значимых **С.-и. м.** следует отнести *историографический анализ* и *источниковедческий анализ*. Эти методы получили универсальный статус, поскольку связаны с изучением и оценкой основных носителей исторической информации – *исторических источников* и научных исторических трудов, и включены в структуру любого *исторического исследования*.

Свою специфическую методическую базу сформировала *археология* – историческая дисциплина, которая в качестве основных источников изучения прошлого использует материальные остатки (археологические памятники). В соответствии с решаемыми задачами в археологии используются специальные методы сбора данных (археологическая разведка; дистанционное обследование; раскопки и проч.); а также методы лабораторных исследований, в т. ч. датировки.

В *этнографии* основным методом сбора информации выступает непосредственное *наблюдение* (полевая этнография) быта и нравов народов, их расселения и культурно-исторических форм развития. Помимо наблюдения широкое применение нашли методы опроса (анкетирование, интервью), *метод пережитков, кросс-культурный метод*.

Методы *архивоведения* характеризуются вниманием к технологическим и техническим вопросам хранения, систематизации, классификации документов, разработке информационно-поисковых систем, т. е. определяются задачами хранения, поиска и использования архивных документов.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. Пер. с англ. М., 1990; Бромлей Ю. В., Марков Г. Е. Этнография. М., 1982; Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособ. М., 1998; Поршнев О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005; Специальные исторические дисциплины: учеб. пособ. / Сост. М. М. Кром. СПб., 2003.

Л. Н. МАЗУР

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ – предложенный в 1950-х гг. М. Н. Тихомировым термин, альтернативный по отношению к *вспомогательным историческим дисциплинам*. Необходимость отойти от общепризнанного и устоявшегося термина была обусловлена, согласно мнению автора, возросшим значением *вспомогательных исторических дисциплин*, расширением их предметной области, становлением их самостоятельного значения, что потребовало более «престижного» наименования. Термин «специальные исторические дисциплины» был убедительно раскритикован Е. И. Каменцевой, указавшей, в частности, на специализированность всякой области знаний. В настоящее время употребляется, главным образом, как синонимичный по отношению к *вспомогательным историческим дисциплинам*, хотя и продолжают попытки наполнить его иным, нежели *вспомогательные исторические дисциплины*, содержанием. Так, под специальными историческими дисциплинами понимаются иногда дисциплины, манифестировавшие свою самостоятельность. Как правило, подобные трактовки не находят признания научного сообщества, как должным образом не обоснованные теоретически.

Лит.: Каменцева Е. И. Вспомогательные исторические дисциплины в современном мире: проблемы классификации, исследования, историографии,

преподавания // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 55–66.

О. И. ХОРУЖЕНКО

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД – один из *основных методов исторического исследования*, нацеленный на выявление общего и особенного на основе сопоставления исторических объектов или явлений. Следует различать **С.-и. м.** и сравнение как логический прием, который используется при решении задач *типологии, периодизации, системном анализе*. В **С.-и. м.** сравнение выступает в роли *методологического принципа* – способа познания сущности исторических явлений и процессов через их сопоставление на основе аналогии.

С.-и. м. как *метод исторического исследования* сформировался в XIX в., хотя исторические сравнения использовались и ранее, преимущественно в иллюстративном плане. Их примеры можно найти в «Истории» Геродота, трудах Фукидида, Вольтера, Дидро и др. мыслителей. В XIX в. **С.-и. м.** получил научное обоснование в работах по *антропологии*, написанных в контексте теории *позитивизма, эволюционизма и диффузионизма*. Во второй половине XX в. в британской социологии были разработаны методы *синхронного и диахронного* сравнения. В США сравнительный метод стал основой кросс-культурных или кросс-национальных исследований, где сформировались два подхода к сравнительному анализу: *идиографический и номотетический*.

В историко-методологической литературе преобладают широкие подходы к определению области применения **И.-с. м.** и восприятие его как универсального средства анализа информации, который может использоваться с разными целями – для построения типологий, классификаций, периодизаций и т. д. [И. Д. Ковальченко]. Однако, учитывая опыт исторических исследований, следует отметить, что особенностью сравнительного анализа как метода исторического исследования является его ориентированность на изучение *объектов*, обладающих, прежде всего, разными пространственными характеристиками. Такое уточнение сужает круг решаемых задач, но актуализирует познавательные и эвристические свойства метода.

В целом **И.-с. м.** направлен на характеристику причинно-следственных закономерностей и понимание тех механизмов, которые

определяют *исторические процессы*. Сходство, как правило, есть следствие воздействия на изучаемые явления однопорядковых факторов, позволяющих судить об *исторической закономерности*, различие – результат влияния специфических условий и факторов – отражает вариативность исторического процесса.

Историко-сравнительное исследование включает несколько этапов: 1) определение объектов сравнения и обоснование их *сопоставимости*, т. е. доказательство однородности изучаемых явлений с учетом внутренних сущностных характеристик; 2) разработка критериев сравнения: по каким параметрам и характеристикам будет осуществляться сопоставление; 3) формирование информационной базы сравнения (отбор и анализ *исторических источников*, определение того, насколько они позволяют получить не только достоверную, но и сопоставимую информацию); 4) выявление сущности и характеристик изучаемых объектов через понимание различий и анализ их причин.

Сравнительный анализ объектов на начальном этапе нацелен на выявление сходства (с использованием приемов типологии и периодизации) и только потом – на определение различий, а также на анализ их причин. Различия могут быть результатом того, что изучаемые объекты относятся к различным этапам социокультурного или экономического процесса, либо следствием локального своеобразия исторических систем и обусловлены конкретными особенностями среды и условиями развития (внешними факторами). Определение причин тесно связано с выбором варианта сравнительного анализа: *диахронный* или *синхронный*.

Использование **С.-и. м.** возможно только при условии наличия достаточной информации об объектах исследования. Сравнение, основанное на чисто внешних и формальных аналогиях, без глубокой теоретической проработки, искажает не только результаты сравнения, но и понимание сущности самих явлений, их качественную оценку. Некорректное применение метода связано также с нарушением принципа сопоставимости сравниваемых объектов.

Лит.: Бартон В. И. Сравнение как средство познания. Минск, 1978; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Любарский Г. Ю. Морфология истории. М., 2000; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Мелконых Э. Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ере-

ван, 1981; Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособ. М., 2002; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

СРЕДНЕГО УРОВНЯ ТЕОРИЯ – теория, обосновывающая наличие специфических, свойственных конкретному типу обществ закономерностей, позволяющих в научном режиме интерпретировать «взаимосвязь между индивидуальными действиями и социальными структурами» (А. В. Лубский). Впервые понятие «теория среднего уровня» было сформулировано советским историком и методологом науки М. А. Баргом. Его смысл заключается в том, что *историческая наука* имеет собственный уровень осмысления действительности, который ученый определил через категорию теории среднего уровня, отличающегося как от социологических макротеорий, так и от эмпирических построений. Их продуктивность как важнейшего инструмента в поиске корреляции связи макросоциальных процессов всемирной истории и индивидуально-уникальной природы конкретных исторических явлений отмечалась многими исследователями. К числу наиболее значимых из них можно отнести теорию типологии генезиса феодализма (авторы Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова,), теорию специфики генезиса капиталистического уклада в странах Западной Европы (А. Н. Чистозонов), теорию типологии перехода европейских стран к Новому Времени (В. М. Раков) и некоторые другие. На уровне методологии наиболее серьезно ею занимался Б. Г. Могильницкий.

Если ряд историков (Б. Г. Могильницкий, А. В. Лубский, Дж. Тош) считают, что такого рода теории имеют вероятностный характер и не обладают универсальностью, то исследования некоторых представителей томской методолого-историографической школы (И. Ю. Николаева, О. Н. Мухин, Н. В. Карначук) показывают, что с помощью определенных технологий полидисциплинарного анализа, базирующихся на принципах общей фокусируемости используемого инструментария, его взаимодополняемости, конвертируемости и взаимного контроля и предполагающих в качестве обязательного условия применение той или иной теории среднего уровня, можно вносить в них необходимые коррективы, делая более точными.

Лит.: Барг М. А. О двух уровнях исторического познания // Вопросы философии. 1984. № 8. С. 111; Лубский А. В. Альтернативные методы истори-

ческого исследования. М., 2005; *Могильницкий Б. Г.* Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 3–9; *Могильницкий Б. Г.* Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 3–15; *Николаева И. Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 156–157.

И. Ю. НИКОЛАЕВА

СТРУКТУРАЛИЗМ – направление в философии и гуманитарном знании в целом, возникшее в 1920–1930-е гг. и получившее широкое распространение в 1950–1960-е гг., прежде всего во Франции. С. вырос из структурной лингвистики, основы которой заложил Фердинанд де Соссюр, обосновавший важность исследования внутреннего строения языка и его влияния на мышление, выявления системных отношений между языковыми единицами. С. нашел применение в литературоведении, этнографии, социологии, психологии, истории и других науках. Основные представители – Клод Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Лакан, У. Эко.

Как *методология исследования* социальных и гуманитарных наук, С. базируется на представлении об определяющей роли структуры, как совокупности отношений, в функционировании социальных и культурных систем, выявлении единых структурных закономерностей некоторого множества объектов. Структура характеризуется устойчивой системой отношений между внутренними элементами, определяющей ее качественную специфику и общую природу, имеет связи с более крупными социальными и культурными системами. Системы отношений рассматриваются в структурализме как знаковые, трактуются как объекты, наделенные значением, благодаря чему конкретно-научный С. тесно переплетается с *семиотикой*.

Объект исследования конкретно-научного структурализма – *культура* как совокупность знаковых систем, важнейшая из которых – язык, но куда входят также наука, искусство, религия, мифология, обычаи и т. п. На этих объектах структурно-семиотический анализ позволяет обнаружить скрытые закономерности, которым бессознательно подчиняется человек, и которым соответствуют глубинные пласты культуры, по-разному определяемые в разных концепциях [К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко].

В основе конкретно-научного С. лежит *структурный метод*, суть которого – выявление структуры как совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях, а также правил, с помощью которых из одного объекта можно получить другие [М. Н. Грецкий]. Метод структурного анализа позволяет объяснить систематическое целое саморегулирующихся трансформаций [Salo W. Baron]. С. характеризуется стремлением превратить гуманитарные науки в точные, он способствовал распространению в социальных и гуманитарных дисциплинах, включая историю, методов структурного анализа, моделирования, формализации и *математических методов*.

Перспективная версия современного структурализма – теория структуризации, объясняющая соотношение социальных структур, процессов и человеческой деятельности [Э. Гидденс]. Согласно ей, структурные свойства социальных систем являются одновременно и средством, и результатом практики, которую они организуют, поскольку структура предстает как совокупность «правил», «ресурсов» и «процедур» и реализуется только в процессе их применения – в повседневной социальной практике исторических акторов [Л. П. Репина]. Кризис структурализма в 1970–1980-е гг. привел к появлению *постструктурализма* и *деконструктивизма*, возрождению в обновленном виде в рамках неоклассической модели гуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв.

Лит.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994; Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40–71; Грецкий М. Н. Французский структурализм. М., 1971; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011; Структурализм: «за» и «против». М., 1975; Фуко М. Археология знаний. М., 2000; Salo W. Baron. The Contemporary Relevance of History. A Study in Approaches and Methods. N. Y., 1986. P. 44.

О. С. ПОРШНЕВА

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ – 1) метод исследования, положенный в основу *функционального подхода* – методологического направления, сформировавшегося в рамках социологии и общей антропологии и направленного на познание социокультурных явлений и процессов как системных объектов, где каждый

элемент имеет определенное функциональное назначение; 2) метод исследования исторического объекта или явления, используемый в рамках *системного подхода* и нацеленный на его комплексное изучение и понимание структуры и функциональных особенностей системы.

Формирование и развитие *функционального подхода* относится к XX веку и связано с именами Г. Спенсера, А. Р. Радклифф-Брауна, Б. Малиновского, Р. К. Мертон, Т. Парсонса, и др. Подвергнувшись массивной критике в 1970–1980-е гг., функциональный подход, как самостоятельное теоретическое направление, практически перестал существовать, но в прикладных исследованиях он продолжает сохранять прочные позиции. Функциональный подход пересекается со структурным подходом (*структурализмом*) и в настоящее время рассматривается как составная часть *системного подхода*. Центральным понятием для функционального подхода является понятие «функции», которое определяется как: а) назначение или роль системы, либо ее составных элементов; б) зависимость, т. е. рассматривается в контексте функциональных связей, соотносимых с *причинностью*. Изучение функций социальных систем предполагает их анализ в статике и динамике. **С.-ф. а.** можно рассматривать как пример эффективной *исследовательской технологии*, имеющей фундаментальное теоретическое основание и хорошо разработанный инструментарий.

Реализация структурно-функционального анализа в *историческом исследовании* включает решение следующих задач: 1) декомпозиция систем, т. е. вычленение конкретного объекта (системы) из иерархии систем; 2) структурный анализ системы: определение состава компонентов системы, характеристика их свойств и отношений. Структурный анализ может проводиться разными методами – от логических приемов выявления элементов системы и их связей до *математических методов* анализа. Итогом структурного анализа выступает комплексное представление о строении изучаемой системы и ее свойствах; 3) функциональный анализ позволяет раскрыть взаимодействие изучаемой системы с системами более высокого уровня.

Особенностью **С.-ф. а.** является направленность на выявление целостности устойчивых исторических систем, т. е. он практически не касается вопросов их развития и изменения.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Критика современной буржуазной теоретической социологии / Под ред. Г. В. Осипова. М., 2003; Мазур Л. Н. Методы исторического

исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010; Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982; Плехов В. Д. Западная социология XIX–XX вв. От классики до постнеклассической науки. СПб., 2003; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007.

Л. Н. МАЗУР

СФРАГИСТИКА (от др.-греч. σφραγίς – печать), иначе менее употребительное сигиллография (от лат. sigillum – печать) – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая печати (матрицы) и их оттиски на различных носителях. Вычленилась из *дипломатики*, как отрасль, специализированная на исследовании актовых печатей – удостоверяющего признака документа. Введение в научный оборот печатей, не связанных с актами (в т. ч. добытых в ходе археологических исследований) – русских и западноевропейских свинцовых пломб, общность методов сфрагистики с методами *геральдики*, *нумизматики*, *эпиграфики* способствовали ее обособлению от *дипломатики* в качестве самостоятельной дисциплины.

Накопление и публикация сфрагистического материала в России начались в XVIII в. А. Т. Князев собрал и зарисовал более 500 гербовых печатей современных ему дворян, что составило его «Гербовник» (оставался в рукописи до 1912 г., когда был издан С. Н. Тройницким). Воспроизведением печатей сопровождалась публикации грамот в Собрании государственных грамот и договоров (Ч. 1–4, 1813–28; Ч. 5, 1894). Специально печатям посвящены публикации П. И. Иванова (1858), М. А. Оболенского и Ф. А. Бюлера (1880), древнерусским свинцовым пломбам дрогичинского типа – труды К. В. Болсуновского (1894). В западноевропейской науке самостоятельное значение сфрагистики впервые было сформулировано Х. А. Эрхардом (1836). К концу XIX века в европейской историографии уже были представлены обобщающие работы по сфрагистике. Вне рамок национальных историографий стоит труд Г. А. Зейлера “Geshichte der Siegel” (1895). В России первый опыт классификации русских печатей, их соотнесения с иностранными аналогами, письменными источниками принадлежит А. Б. Лакиеру (1855). Вопросы исследования сфрагистического материала как источника для изучения «политических тенденций, общественных веяний и взглядов» были поставлены Н. П. Лихачевым (1862–1936). Для их решения Лихачевым была предложена методика, сочетающая изучение внешних признаков печатей (форма, рисунок и

надпись, материал, способ крепления) в их историческом развитии с сравнительным методом, «подмечая явления преемства, влияния и взаимодействия».

В XX в. было продолжено накопление сфрагистического материала, в первую очередь благодаря масштабным археологическим исследованиям античных и средневековых городов. На его основе были написаны работы М. Максимовой об античных печатях Северного Причерноморья, Б. А. Рыбакова о древнерусских княжеских знаках собственности. Источниковые возможности печатей ярко продемонстрировал В. Л. Янин в монографии о новгородских посадниках — здесь они стали основным источником для реконструкции этого института. В. Л. Яниным создан капитальный свод-исследование русских средневековых печатей.

Лит.: *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005; *Белецкий С. В.* «Печати псковские...» // Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. 1; *Белецкий С. В.* Вечевые печати Пскова // Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. 2; *Каменцева Е. И.* Печати учреждений XVIII века из собрания Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963; *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика: учеб пособие. М., 1963 (2-е изд., доп.: М., 1974); *Ланно-Данилевский А. С.* Печати последних галичско-vlадимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907; *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1 // Труды музея палеографии. Л., 1928. Т. I; Вып. 2 // Там же. Л., 1930. Т. II; *Орешиников А. В.* Материалы к русской сфрагистике. М., 1903; *Перхавко В. Б.* Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996; *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1–2; М., 1998. Т. 3 (в соавт. с П. Г. Гайдукoвым).

О. И. ХОРУЖЕНКО

СЦИЕНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ — система представлений о научности в историческом познании и роли *исторической науки* как источника *исторических знаний*. **С. в и. п.**, основываясь на принципах систематической эпистемологии и классической рациональности, в качестве идеала научности *исторического познания* берет модели мышления «строгих» наук, реализуя варианты рассудочно-рациональных научно-исследовательских практик, связанных

с *реконструкцией исторической действительности* с помощью научных методов и научного языка познающего субъекта. Когнитивными императивами сциентизма являются: 1) элиминация субъекта *исторического познания* из его результатов; 2) вооружение познающего субъекта научным методом, т. е. правильным способом *описания и объяснения исторической действительности*, позволяющим получать объективные *исторические знания*. **С. в и. п.**, стремясь представить субъектно-объектные отношения в научном исследовании в жестких абстракциях, в которых господствует анонимный гнет понятий и демонстративность научной мысли, утверждает основополагающую роль *исторической науки* в производстве *исторических знаний*, избавляя их от спекулятивных суждений и телеологических заблуждений. **С. в и. п.** сформировался в XIX в. в русле позитивистской историографии, представители которой в качестве научного статуса измерения исторического бытия признали достойным внимания только общее и особенное. В рамках номотетической когнитивной стратегии они ориентировали ученых на поиск логики истории как объективного и закономерного процесса и создание «положительной» *исторической теории*, которая должна быть такой же доказательной и общезначимой, как и теории в естественных науках. Доказательность *исторической теории* позитивисты видели в ее обоснованности *историческими фактами*, поэтому одной из характерных черт позитивистской историографии был эмпиризм. При этом *исторические факты* в рамках позитивистской историографии отождествлялись с естественнонаучными, т. е. абсолютизировался их эмпирический статус в качестве независимого от исследователя исторического явления.

Кризис позитивистской историографии в конце XIX – начале XX в. сопровождался критикой сциентизма со стороны различных антисциентистских направлений в *исторической науке*, придерживавшихся идиографической когнитивной стратегии. В 50-х – начале 70-х гг. XX в., когда в западном интеллектуальном мире доминировал такой тип культуры, основу которого составляли универсальная рациональность и сциентистские формы мышления, наблюдался ренессанс сциентизма, получивший название *историографической революции* (3). Доминантой этой революции стала сциентизация истории, выразившаяся в становлении «*новой исторической науки*», представители которой стремились преодолеть идиографические когнитивные стратегии на путях *социальной истории*, психоанализа, *структурализма*, *марксизма*, *клиометрии* (3). *Историческая наука* в ее сциенти-

стской версии – это прежде всего социальная наука, ибо в ее рамках дилемма «общество – человек», «социум – индивид» решается на основе принципа социологизма, реализуемого в двух вариантах: 1) индивидуальное сводится к социальному; 2) индивидуальное выводится из социального. Под влиянием идей, связанных с *«лингвистическим поворотом»* и *постмодернизмом*, в 70–80-х гг. XX в. развернулась новая критика сциентизма в историческом познании. В конце XX в. в *исторической науке* появилось «реалистическое направление», представители которого на волне критики постмодернистских идей в рамках постнеклассической рациональности предприняли попытку возрождения сциентизма в историческом познании в мягкой форме. С одной стороны, «реалисты» отвергают идеи сциентизации исторического познания по образцу естественных наук, полагая, что между историей и естественными науками сохраняются существенные различия. С другой стороны, они придерживаются принципов *объективности* и *холизма* в историческом познании, являющихся атрибутами сциентизма. В современном историческом познании, наряду со сциентизмом, широкое распространение получили различные формы псевдосциентизма, в рамках которого под флагом научности разрабатываются различные идеологически ангажированные версии *исторической действительности*.

Лит.: 1) Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: «Социально-гуманитарные знания», 2005; 2) Могильницкий Б. Г. История на переломе. Некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004; 3) Мучник В. М. Актуальность мифа. О тенденциях развития исторического сознания в канун третьего тысячелетия // Историческая наука и историческое сознание. Томск: Изд-во ТГУ, 2000; 4) Репина Л. П. Введение. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: УРСС, 2011.

А. В. ЛУБСКИЙ

Т – У

ТЕКСТОЛОГИЯ – историко-филологическая дисциплина, изучающая становление и функционирование текстов в письменных и бесписьменных культурах. Центральным объектом изучения текстологии является текст вербальный, т. е. выраженный с помощью знаков естественного языка, но существует и **Т.** невербальных источников (в частности, музыкальных произведений). В ряде работ целью текстологического исследования называется «установление точного текста исторических документов» и «литературных произведений» (Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 177). Издания, содержащие такой текст, часто именуются критическими, а работа по их подготовке – критикой текста, что акцентирует внимание на осуществляемом издателем разделении вариантов текста и отдельных чтений на «лучшие» (соответствующие «подлинному» виду произведения) и «худшие» (искажающие авторский замысел); в западной литературе термин «критика текста» (*textual criticism*, *critique textuelle*, *Textkritik*) господствует безраздельно. Такое понимание дисциплины соответствует ее истории, поскольку современная **Т.** выросла на почве библейской критики, задачей которой было формирование канонического варианта священного текста. Однако практика показала, что критерии качества текста в значительной степени субъективны и могут радикально изменяться по мере развития представлений об истории языка, литературных установках и событийной канве изучаемой эпохи. В силу этого термин «критика текста» постепенно выходит из обращения, эдичионные задачи текстологии отступают на второй план, а реконструкции текстов, хотя и продолжают создаваться, но служат по преимуществу в качестве иллюстраций к построениям ученых. Нормой становится обсуждение вопросов текстологии в рамках общепристорических исследований.

Текстологическое исследование начинается с установления круга *источников*, в число которых могут входить рукописи (в русскоязычной традиции часто именуемые списками), печатные издания (прижизненные и посмертные, но не «критические»), записи устных ис-

полнений и т. д. Эти *источники* атрибутируются (т. е. определяются как принадлежащие к данному времени, созданные данным лицом и представляющие текст / фрагмент текста данного произведения), группируются по видам, изводам или редакциям в зависимости от того, какую версию текста они представляют, после чего устанавливается последовательность возникновения этих версий и их взаимоотношения. Результаты формальной классификации *источников* накладываются на знания об *исторических событиях* и биографии автора (авторов) изучаемого произведения, что позволяет сделать вывод о причинах, повлекших за собой очередные изменения текста, понять авторский замысел в его динамике и место изучаемого произведения в культуре эпохи. Нередко в число задач текстологии включается также комментирование (Б. В. Томашевский, С. А. Рейсер) и истолкование (И. Н. Данилевский) изучаемого текста, в чем также сказывается генетическая связь текстологии с библейской критикой, в рамках которой подобные задачи решались традиционно. Целесообразнее, однако, отнести комментирование к числу задач *археографии* как дисциплины, прямо связанной с издательской практикой, а истолкование – к числу общеисточниковедческих задач. Основной методикой текстологии является сопоставление версий текста между собой, результатом чего становится выявление разночтений, которые подвергаются той или иной интерпретации. Однако бывает, что один *источник* представляет несколько этапов развития текста (рукопись с правкой или дополнениями, книга с рукописными пометами и т. п.). В этом случае Т. широко пользуется приемами *вспомогательных исторических дисциплин* – прежде всего, *палеографии* и *кодикологии*. Перспективным направлением текстологии средневековых письменных *источников* является лингвотекстология, в рамках которой разновременные слои текста разграничиваются на основании языковых примет (работы А. А. Гippiуса о русских летописях). Формальный характер большинства текстологических процедур открывает широкие возможности для компьютеризации исследований.

Лит.: Генетическая критика во Франции: антология. М., 1999; Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001; Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Киев, 1914; Рейсер С. А. Палеография и текстология Нового времени. М., 1970; Томашевский Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ – абстрактный термин, стремящийся обрести конкретное содержание. Он характеризует восприятие времени и его качественную специфику. Современное понимание темпоральности оформилось в философии М. Хайдеггера, который преодолел с его помощью апористичность толкования времени в философской традиции. В работе «Бытие и Время» (1927) философ показал, что Человек – единственное в этом мире существо, способное задавать вопросы о себе самом и смыслах окружающего, включая проблематику онтологического различения. В то же время он единственный, находясь в состоянии постоянного становления, оказывается тем, что сам из себя сделает. Поэтому важнейшей сущностной характеристикой Человека (*Dasein*; *l'Etre*) является его *Т.*, понимаемая как определенное временное качество, а не просто «бытие во времени». Это новое понимание темпоральности сделало возможным развитие *теории множественности исторических времен* в социологии (Ж. Гурвич) и в истории (Ф. Бродель). Историки долго исходили из того, что существует одно время: время часов и календарей, время ньютоновской физики и техники. Это время координировало человеческую деятельность и служило мерой механических величин (скорость, дистанция и проч.). В исторических трудах не различали время личное и социальное, живое психологическое время и условное хронологическое, имеющее пространственное и цифровое измерение. Сегодня очевидно, что время – это многоликое множество. Существуют бесчисленные темпоральности, гетерогенные и однородные, а также множество длительностей; возможны разные способы сочленения прошлого, настоящего и будущего (понятие *режима историчности*, обоснованное Ф. Артогом). Вопрос о «порядке времени» (К. Помпьян) как философской и *исторической категории*, необходимой для понимания исторических трансформаций и того, как эти трансформации воспринимают люди, является центральной проблемой *исторической эпистемологии*. Понятие «темпоральность» – ключевое как для понимания *исторического процесса*, так и для его *описания* средствами *исторической науки*, поскольку категория времени – основа теоретических построений истории. Погружаясь в темпоральную проблематику, историки перешли, по словам Ф. Артога, от «вопросов ко времени» к «времени как вопросу». Теме *исторического времени* посвящено множество научных мероприятий – конференций, коллоквиумов, круглых столов. Она занимает значительное место в работах историков, которые считаются новаторскими. Опубликовано

немало текстов, где *время* и **Т.** являются специальными объектами конкретно-исторического исследования. В истории, как и в антропологии, описание «репрезентаций времени» уступило место изучению условий производства и опыта темпоральности в конкретных обстоятельствах.

Историки исследуют темпоральности *событий*: революции, праздника, бунта, сражения; изучают темпоральности города, музея, коллекции, тюрьмы, нарратива, мифа, славы, образа. В центре *междисциплинарных исторических исследований* – «живое» время конкретных людей в определенных ситуациях. Осмысливается темпоральный опыт ссыльного, эмигранта, мемуариста, социолога, историка, математика. Историки озабочены поиском таких способов *историописания*, которые позволили бы преодолеть тиранию прошлого / настоящего и найти подходы к овладению будущим. Их интересует не столько ушедшее гомогенное прошлое, сколько прошлое, изломанное *памятью*, которая оттеняется в прерывностях истории. В таких способах написания истории, учитывающих субъектность историка, на первом плане оказывается *историография* как практика, позволяющая удовлетворить потребность в *историческом познании* и вместе с тем избежать ловушек наивного реализма по отношению к тому, что историком познается.

Лит.: Артоз Ф. Времена мира. История, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 3. С. 22–34; Gell A. The anthropology of Time. Cultural Constructions of Temporal Maps and Image. Oxford: Berg, 1992; Vrancken D. L'action publique à l'épreuve des temporalités sociales // Le temps des politiques sociales / Châtel V. (éd.). Fribourg: Academic Press, 2008. P. 117–140; Figures du temps. Les nouvelles temporalités du travail et de la formation. Paris: L'Harmattan, 2004; Rosa H. *Accélération. Une critique sociale du temps*. Paris: La Découverte, 2010.

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ» – см. *Математизация исторической науки, Математические методы в исторических исследованиях.*

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ (теория исторического процесса) – целостное системное представление *исторического процесса* с условием

экспликации мировоззренческого, эпистемологического и парадигмального оснований. Теорию истории как теорию *исторического процесса* следует отличать от теории *исторического знания*, традиционно обозначаемую понятием *методология истории*. В структуре большинства теорий истории можно выделить представления о субъекте истории (в т. ч. о природе человека как существа исторического) и о ее движущих силах. По принципу конструирования выделяют два типа теории истории: философско-умозрительные, логически выводимые из системы аксиом (всеобщая история во всемирно-гражданском плане И. Канта, исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса), и собственно исторические, выстраиваемые как агрегирование / обобщение фактического материала (всеобщая история И. Ф. Шиллера, философия истории Г. В. Ф. Гегеля). Различие принципов построения теории истории ведут к различию в телеологии: теории истории первого типа, не ограниченные фактическим материалом, конструируют проект будущего; теории истории второго типа, как правило, нацелены на объяснение настоящего как результата предшествующего *исторического процесса*.

По структуре презентуемого *исторического процесса* следует выделить сингулярные теории истории, рассматривающие *исторический процесс* как единичный, не повторяющийся во времени и пространстве (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель) и стадийные, предполагающие, что разные народы проходят в своем развитии одни и те же ступени / стадии. Наиболее известны стадийные теории истории Дж. Вико (1668–1774): век богов – век героев – век людей; А. Фергюсона (1723–1816): дикость – варварство – цивилизация; теория ступеней исторического развития И. Ф. Шиллера (1759–1805); теория общественно-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса. Начало процесса глобализации привело к кризису стадийных теорий. В первой половине XX в. создаются цивилизационные теории истории. Морфология мировой истории («Закат Европы») О. Шпенглера (1880–1936) и теория «вызова–ответа» А. Тойнби (1889–1975) представляют исторический процесс как смену цивилизаций – автономных (Шпенглер) или генетически связанных (Тойнби). Теория «духовной Европы» Э. Гуссерля (1859–1938) и теория «осевого времени» К. Ясперса (1883–1969) выделяют исторический тип социума как жестко локализованный в пространстве (три центра «осевого времени» у Ясперса, уникальность феномена «духовной Европы» у Гуссерля) и во времени (начало истории – VIII–II вв. до н. э. у Ясперса, рубеж VII–VI вв. у Гуссерля), выявляют его истоки и специфику.

В связи с нарастанием полидисциплинарности гуманитарного и социального знания и все большим осознанием многофакторности *исторического процесса* выделить теорию истории в строгом смысле этого понятия применительно ко второй половине XX – началу XXI в. невозможно. При расширительном толковании термина следует обратить внимание на теории И. Валлерстайна (р. 1930), У. Бека (р. 1944), Ф. Фукуямы (р. 1952). Кризис теории истории в ситуации постмодерна связан также с кризисом доверия к *историческому метанарративу* как еще одному способу целостной презентации *исторического процесса*.

Лит.: Кареев Н. И. Историология: Теория исторического процесса. М., 2011; Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998; Мининков Н. А., Мининкова Л. В. Теория истории: курс лекций. Ростов н / Д., 2011; Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособ. М., 2002; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: В поисках утраченного. М., 1997.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ТЕРМИН ИСТОРИЧЕСКИЙ – (от лат. terminus – предел, граница) – слово или словосочетание, которое именует, обозначает *историческое понятие* и его соотношение с другими понятиями. К терминам относятся также аббревиатуры.

Смысл термина раскрывается в форме дефиниции, т. е. определения, истолкования понятия. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, **Т.** в пределах сферы применения должен быть однозначным, эмоционально и стилистически нейтральным. **Т.** должен отвечать требованиям системности, т. е. быть связанным с другими терминами предметной области.

Т. подчиняется словообразовательным, грамматическим и фонетическим правилам языка и создается путем терминологизации слов общеупотребительного языка, либо заимствования иноязычных слов. В современной отечественной *исторической науке* существует тенденция вестернизации терминологического словаря, непосредственно связанная с глобализацией научной деятельности.

В *исторической науке* образование терминов происходит в большинстве случаев с опорой на текст *источника*. Так создается терминологический язык первого уровня, отражающий конкретные *исторические явления*. Другой особенностью исторических терминов

является высокая степень заимствований из смежных областей знания – философии, социологии, экономики, филологии, культуры, математики и проч. Они составляют терминологический язык теоретических концепций. Оба источника происхождения исторических терминов влияют на их свойства, в том числе на неоднозначность.

Лит.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982; Петров Ю. А. Методологические вопросы применения и развития научных понятий. М., 1980; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007; Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

Л. Н. МАЗУР

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ – *метод систематизации, анализа и нормализации понятийно-терминологических систем, используемых в научном исследовании. В историческом исследовании Т. а. применяется в качестве: 1) метода анализа и интерпретации терминов текстов исторических источников; 2) метода упорядочения и нормализации понятийного аппарата исторического исследования.*

Метод терминологического анализа был разработан в лингвистике и стал основным инструментом такого научного направления как терминоведение. Объектом изучения терминоведения выступает терминология – естественно сложившаяся совокупность *терминов* определенной области знания.

Терминосистема любой науки, в том числе истории, отличается динамизмом: появляются новые *термины*, происходит переосмысление старых, уточнение и расширение их содержания / объема. В результате возникают проблемы с использованием *терминов*. Они решаются путем систематизации, анализа, упорядочения и нормализации терминов, что и составляет сущность терминологического анализа. Упорядочение необходимо для установления связей и иерархии используемых *терминов*, нормализация – для корректного их применения в исследовании. Нормализация терминосистемы достигается с помощью создания терминологических словарей, обеспечивающих однозначность и стабильность системы *понятий и терминов*.

В *исторических исследованиях* данный метод традиционно используется для анализа и корректной интерпретации *терминов* текстов *исторических источников*. В частности, Н. И. Смоленский определяет содержание метода терминологического анализа как совокупности приемов установления смысла тех слов и *терминов*, которые приведены в *источниках* и нуждаются в *интерпретации*. Задача терминологического анализа в этом случае заключается в обеспечении адекватного прочтения текста и является составной частью *источниковедческого анализа*. При изучении *терминов источников* необходимо учитывать их многозначность, выявить все возможные варианты использования *термина*, а также синонимы; соблюдать *принцип историзма* при оценке его семантической нагрузки на разных этапах развития изучаемого явления.

Внимание к природе *исторических терминов* и *понятий* и их эволюции отразилось в формировании особого *научного направления*, которое получило название *истории понятий*. Оно оформилось относительно недавно, в 1960–1970-е гг., но своими корнями уходит в XIX в. к идеям одного из основоположников философии языка Л. Витгенштейна, призывавшего исследовать не значение слов, а их употребление. Непосредственный предмет истории понятий – формирование понятийного аппарата социально-политических теорий. В настоящее время сложилось несколько школ, работающих в данном направлении, среди них наибольшую известность приобрели Кембриджская школа и немецкая школа Р. Козеллека.

Основоположниками Кембриджской школы истории понятий выступили Кв. Скиннер, Дж. Данн, Дж. Покок. В основе предложенного ими подхода к изучению политической теории и истории политической мысли лежали представления о свойствах языка как формы отражения описываемой им реальности. Кв. Скиннер предложил методику «распаковывания понятий», которая строится на тщательном анализе высказываний с использованием *понятий* и изучении их смысловой динамики.

Главным теоретиком немецкой школы *истории понятий* выступает Р. Козеллек. Для этой школы характерно более широкое понимание *истории понятий* не только как формы отражения реальности, но и как способа постижения истории. Основу концепции Р. Козеллека составляет идея «переломного времени» – времени рождения современной системы социально-политических категорий. До середины XVIII в. социально-политические понятия ориентировались, прежде

всего, на опыт, эмпирически описывая реальность. Начиная с эпохи Просвещения, Французской революции и радикальных общественных преобразований конца XVIII – начала XIX вв. *понятия* порывают связь с областью опыта и начинают отражать «горизонт ожиданий». В них формулируются основные черты образа будущего.

Появление *истории понятий* как самостоятельного направления исторических исследований отражает значимость первичных *исторических категорий* для понимания не только особенностей отражения *исторической реальности*, но и внутренних закономерностей развития языка и его когнитивной природы.

Помимо изучения *терминов источников* метод терминологического анализа необходим для систематизации, анализа и нормализации теоретического понятийного аппарата предметной области исследования. В такой роли он используется в любом *историческом исследовании* и обеспечивает включение его результатов в систему научного знания. Выбор конкретного способа систематизации связан с особенностями анализируемых *понятий*, уровнем их теоретической нагруженности и однозначности. **Т. а.** предполагает решение следующих задач: 1) составление понятийного словаря темы, который должен быть ориентирован на полноту охвата существующих в науке определений с учетом различных теоретических подходов; 2) систематизация *терминов* и *понятий* по категориям и построение классификационных схем *понятий*; 3) семантический и этимологический анализ терминологии с целью определения ее свойств (многозначности, синонимичности, буквального и действительного значения, специализации, разложимости, краткости, точности, нормативности) и недостатков; 4) уточнение существующих дефиниций *понятий* или создание новых определений; 5) проведение нормализации *терминов*, т. е. создание непротиворечивой системы логических определений *понятий*, обеспечивающих однозначность *описания* и *интерпретации* объекта исследования, а также установление соответствия используемых *терминов* понятийному уровню исследуемой науки.

Лит.: Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособ. М., 2008; Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь: учеб. пособ. Изд. 3-е, доп. М., 2009; Кандалаки Т. Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. М., 1970; Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей // Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени // Отечественные записки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.>

strana-oz.ru/?numid=20&article=951#t* [февраль, 2014]; Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 2. М., 2006; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007; Koselleck R. Über die Verfügbarkeit der Geschichte // Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. 3. Aufl. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1979. S. 260–277.

Л. Н. МАЗУР

ТЕХНОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ (от греч. τέχνη – искусство, мастерство, умение; др.-греч. λόγος – мысль, причина; *методика*, способ производства) – комплекс организационных мероприятий, а также методов и способов проведения *исторического исследования*, начиная с постановки *научной проблемы* и заканчивая ее решением и оформлением результатов. «Исследовательская технология» – более широкое понятие, чем «методика», так как содержит помимо методики организационный план и мероприятия, обеспечивающие достижение поставленной цели.

И. т. в широком смысле включает объём знаний и навыков, необходимых для проведения научно-исследовательской работы, информационные технологии (сбора, регистрации, поиска, хранения, преобразования), а также носители информации. С учетом базовых подходов к работе с исторической информацией обычно выделяют традиционные технологии (устные и письменные), инструментальные технологии (с использованием специальных приборов и приспособлений), компьютерные технологии, основанные на применении вычислительной техники.

Лит.: Аникеев А. А. Проблемы методологии истории: учеб. пособ. Ставрополь, 1995; Белова Е. Б. Историческая информатика: учеб. пособ. М., 1996; Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010.

Л. Н. МАЗУР

ТЕЧЕНИЕ НАУЧНОЕ – способ самоорганизации исторического сообщества (форма научной коммуникации в *исторической науке*), признаваемого в качестве такового научным сообществом, и характе-

ризующееся общими ориентациями в коммуникативной, политической, философской, предметной сферах. В *исторической науке* отсутствует общепринятое понимание содержания этого термина. Некоторыми исследователями «течение» и «научная школа» рассматриваются как тождественные явления. Исследователи, полагающие, что историческое сообщество иерархически структурировано, понимают под течением наиболее широкие и аморфные группы историков, объединенные самыми общими методологическими принципами и, как правило, включающие в себя различные «направления» и «школы» (2). Научное течение отличает научное сообщество с меньшей, чем *научная школа*, внутренней интеграцией, круг общих подходов и оценок здесь гораздо уже, они охватывают принципиальные сферы. Научные течения, различающиеся по основным подходам и оценкам, но совпадающие в отдельных аспектах, обозначают обычно понятием «движение» (1). Противоположная точка зрения состоит в том, что в *научной школе* могут проявляться разные течения. Течение фиксируют не какие-либо особые уровни иерархии, а лишь ориентации самих школ в коммуникационной, политической, философской, тематической сферах (4). Возможно коррелировать понятие «течение» с науковедческими терминами «парадигма», «исследовательская программа».

Лит.: 1) *Бессмертный Ю. Л.* Споры о главном: (К итогам коллоквиума) // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 127–128; 2) *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 9; 3) *Мельникова О. М.* Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера. Ижевск, 2003; 4) *Мягков Г. П.* Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000. С. 154.

О. М. МЕЛЬНИКОВА

ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) результат использования *историко-типологического метода*, позволяющий упорядочить и охарактеризовать качественную структуру изучаемого массового исторического явления. В зависимости от процедурных и содержательных аспектов выделяются два вида типологии: а) аналитическая (градационная, дифференциальная, бинарная, собственно аналитическая); б) синтезирующая (динамическая, собственно синтезирующая; сравнительно-историческая). Каждый из видов и подвидов типологии связан с соответствующими аналитическими процедурами; 2) учения о

классификации сложных культурно-исторических явлений, разработанные в русле *цивилизационного подхода*, в основе которых лежат теоретически обоснованные представления о *культурно-историческом* / историческом типе. К ним можно отнести авторские типологии, предложенные в рамках концепций «*конца истории*» О. Шпенглера, «*культурно-исторических типов*» Н. Я. Данилевского, теории цивилизаций («*вызов-ответ*») А. Тойнби, теории «*круговорота суперсистем*» П. Сорокина, концепции культуры А. Крёбера, теории этногенеза Л. Н. Гумилева и др. В каждом случае для типологии использовались оригинальные представления о понятиях «культура», «цивилизация», «культурный / исторический тип» и основания типологии.

Лит.: Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учеб. пособ. Томск, 2006; Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2003; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования: учеб. пособ. М., 1987; Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург, 2010; Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособ. М., 2007; Тойнби А. Дж. Постижение истории / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М., 2001; Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск, 1993; Kroeber A. L. Style and Civilizations. N. Y., 1957.

Л. Н. МАЗУР

ТОПОНИМИКА – историко-филологическая субдисциплина, подраздел *ономастики*. Объект изучения топонимики составляют названия различных географических объектов, естественных (водоемы, леса, горы, пустыни) или рукотворных (населенные пункты, отдельные постройки и сооружения). Научное значение топонимического материала определяется двумя факторами. С одной стороны, названия географических объектов мотивированы: др.-рус. «Кыевъ» – город, названный в честь человека по имени Кыи, совр. рус. «Ордынка» — улица в Москве, повторяющая трассу древней дороги в Орду и т. д. С другой стороны, топонимия сравнительно консервативна, так что в составе топонимов может сохраняться архаическая лексика (распространенный гидроним «озеро Долгое» отсылает к старому значению прилагательного «долгий» – «длинный»), а в случае изменений этнического состава населения, то и следы ранее употреблявшихся в данной местности языков. Так, название реки и города во Владимирской

области «Киржач» восходит к мордовскому слову со значением «левый» (мокшан. «кяржи», эрзян. «керш»). Следовательно, в определенный *исторический период* на западе Владимирской области обитало финно-угорское население. В итоге, анализ топонимов, направленный на выявление их этимологии, позволяет делать выводы относительно этнической истории, способствует интерпретации археологического материала и данных письменных *источников*.

Еще одним важным предметным полем топонимики является изучение географических названий как системы. В частности, исследование относительных определений (верхний, нижний, правый, левый и т. п.) позволяет поставить вопрос о принципах ориентирования и подходах к классификации географических объектов в разных культурах. Наблюдения за особенностями адаптации иноязычных названий позволяют уточнить историю языков и хронологию межплеменных контактов (в частности, для пресловутого «варяжского вопроса» весьма важно, где и в каких контекстах используются финно-угорские топонимы с корнем «*tus / tuš*»). Наконец, отдельной проблемой, актуализированной в самое последнее время, представляются изменения в передаче иноязычных названий в разной социокультурной ситуации. Например, если в царской России прибалтийские топонимы либо употреблялись в славянизированной форме, либо заменялись аналогами из германских языков (Троки, Ревель), то в советское время распространилась транслитерация (Тракай, Таллин). Очевидно, что за этими изменениями стоят различия в подходах к т. н. «национальному вопросу». Значит, наблюдения за эволюцией топонимических систем имеют значение для *социальной истории* и *истории культуры*. Исследовательские практики в области топонимики предполагают активное взаимодействие с *источниковедением* письменных и картографических *источников* (что необходимо для выявления топонимов и восстановления их истории), *исторической географией*, лингвистикой (этимологией, диалектологией), *археологией* и т. п.

Лит.: Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. 2-е изд. М., 2010; Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986; Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М., 1971; Топоров В. Н., Трубачев О. В. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО – понятие, вобравшее в себя комплексное представление о доиндустриальных обществах, в которых главным фактором производства, социальной организации и внутренней интеграции является систематическое воспроизводство *традиции*, т. е. передача из поколения в поколение устоявшихся элементов социального и культурного наследия, а также норм, ценностей и моделей поведения.

В рамках теории *индустриального общества* традиционное общество рассматривается как стадия и тип экономического развития, основанный на доминировании аграрной экономики, сословно-корпоративной социальной организации и авторитарном способе правления. В широком смысле слова к традиционному типу относят кочевые сообщества и политии. С исторической точки зрения категория традиционного общества охватывает все сообщества и цивилизации от эпохи неолита и неолитической революции до времени индустриальной революции в Европе (середина XVIII – начало XIX веков). В странах Азии, Африки и Америки множественные элементы традиционного общества сохранялись в течение всего Нового времени и до современности. Ряд социологов, этнологов и антропологов считают, что характеристика «традиционности» применима к охотничье-собираТЕЛЬСКИМ эгалитарным обществам (идентичная ментальность, характер взаимодействия с окружающей средой и т. д.).

Сторонники исторической теории традиционного общества считают, что в человеческой истории было лишь два качественных переворота в системе общественного производства. Первый был связан с неолитической революцией и переходом от охоты и собирательства к производству продуктов потребления; второй – с *промышленным переворотом и индустриализацией*. Между этими рубежами абсолютное преобладание сельского труда определяло социальную структуру традиционного общества. Для производственных отношений внутри него характерен баланс природных и искусственных производительных сил, простая техника, основанная на мускульной силе и элементарной механике, технологический консерватизм. Конечной целью производственных отношений в традиционном обществе является не получение прибавочной стоимости, а необходимое воспроизводство, экономическое благо коллектива ставится выше индивидуальной прибыли. Производство и потребление, как правило, жестко регламентированы. Высокая степень экономической автаркии обуславливает простые формы нерегулярного товарного обмена. Развитие то-

варно-денежных отношений в традиционных обществах фрагментировано, а торговля носит престижный характер. В целом, все модели экономического поведения в традиционных социумах носят предписанный сословный, стереотипный характер. Непосредственный производитель не отчужден от земли, личной собственности, орудий труда, но прикреплен к самой производственной системе.

В социальной структуре традиционного общества преобладают корпоративные формы солидарности и сословная стратификация общества. Принадлежность к сословию и корпорации полностью определяет *идентичность* человека, его этос, модели поведения, социальную стратегию. Распространена органическая модель восприятия социума: олицетворение доминирующих социальных групп с органически взаимосвязанными частями тела» (сословия молящееся, защищающее, работающее).

Для традиционных обществ характерен харизматический тип политического господства и сакрализация власти, ритуальный характер политических действий. Аграрное общество формирует специфический строй с господствующим положением военно-служилого сословия, которое на основе «даннической системы» перераспределяет изъятый у производителя продукт, используя либо непосредственное владение землей (условно-западный вариант), либо при отправлении государственных обязанностей (условно-восточный вариант). Властная иерархия отражает конкретно-исторические типы внутрисословной стратификации элиты. Политическое и социальное неравенство разных общественных групп отражено в праве.

Духовно-интеллектуальная жизнь доиндустриальных обществ акцентирована на передаче и воспроизводстве некой «изначальной традиции». Как правило, в центре духовной сферы находится религиозная система, вобравшая в себя все ключевые социальные и культурные дискурсы. Грамотность в традиционном аграрном обществе локализована в кругу светской и религиозной элиты. Трансляция культурных ценностей происходит главным образом в бесписьменной форме. Основные ценности направлены на производство ощущения стабильности, защищенности, соответствия традициям, что воспринимается как спонтанное выражение подлинных потребностей общества. Для человека традиционного общества характерны бинарность и консерватизм мышления, мифологическое сознание, восприятие мира как данности, созерцательный психологический склад, высокая эмоциональность.

Темпоральность традиционного общества характерно отражает представление о «золотом веке» и героических первопредках в прошлом, непосредственно близком к моменту сотворения мира. С этим изначальным порядком соотносится всякий последующий возникающий порядок. Образцы, сюжеты и нормы, закрепленные в священном предании, являются культурным кодом для *интерпретации* в принципе любой информации и явлений жизни. Традиционной культуре не свойственно представление о линейном движении времени; как правило, вместо него бытует циклический образ времени, связанный с календарным и хозяйственным, постоянно воспроизводящимся циклом.

Логическая взаимосвязь модели традиционного общества с *теориями индустриального общества* обусловила постановку вопроса о причинах и формах перехода европейской, и в широком смысле, мировой цивилизации от одной стадии развития к другой. В этом теоретическом ключе сложилась парадигма *модернизации*, а также концепт «великой трансформации» (К. Поланьи). Сторонники модернизационных подходов считают, что переход от традиционности к *индустриальному обществу* является всемирно-историческим процессом, более значительным и широким, чем просто генезис капитализма и *промышленный переворот*, что это общее явление для человеческой цивилизации в целом. В то же время требовалось научное объяснение длительному сохранению традиционного дискурса в цивилизациях Востока. Отечественные востоковеды (Л. Б. Алаев, Л. С. Васильев и другие) выдвинули гипотезу о том, что традиционный контекст в полной мере мог реализоваться только в природно-экологических и социокультурных условиях азиатско-африканской древности и средневековья. В отличие от него европейский традиционный социум заключал в себе некие системные качества, разрушающие традиционный контекст изнутри (например, античное наследие, христианство политической потенциал децентрализации и др.). Этому способствовал комплекс внешних условий; в совокупности эти факторы не позволили «европейской традиционности» приобрести устойчивое состояние, постоянно подвигали ее к синтезу и инновациям.

Одним из главных факторов трансформации европейского традиционного общества в индустриальное считается специфика природно-географических, климатических условий. Они, по мнению ряда исследователей (Э. С. Кульпин, М. В. Пономарев, С. Ю. Смирнова), формировали потенциал для развития и консолидации региональных экономических коммуникаций, относительно большую предрасполо-

женность к внедрению новой технологии, потребность в большей энерговооруженности производства. В Европе существовала целесообразность относительно большей экономической эмансипации производителей. Исторически сформировались предпосылки для меньшего вмешательства государства в экономику, формирование особого типа городских поселений, тесно связанных с ремесленным производством и внутрирегиональным товарообменом. Среди других причин фигурируют европейский полицентризм общественно-политической структуры; децентрализация феодальной элиты, дуализм светской и духовной власти; христианско-иудейский ментальный комплекс, экономическая специфика и относительная автономия европейских городов; наличие горизонтальных социальных структур; более значительный, чем на Востоке, потенциал рационализации сознания. Военно-технологические аспекты разложения феодальной системы в Европе и роль культурного диффузионизма в этом процессе рассматривает современная теория *военной революции*.

Социокультурная модель традиционного общества формировалась как асимметричное отражение *индустриального общества* и в течение длительного времени противопоставлялась ему. Образ традиционного общества сформировался в социологических концепциях XIX в., в попытках интеллектуального осмысления причин Французской революции. А. Токвиль и А. де Сен-Симон для обозначения до-революционной социально-политической системы и жизненного уклада ввели в широкое употребление термин «Старый порядок» (*ancien régime*), который противопоставлялся новым общественным отношениям (*le régime moderne*). Характерными чертами «Старого порядка» считались абсолютизм, господство дворян над крестьянами, сословное разграничение общества и сословные привилегии, высокий социальный контроль, насаждаемая сверху религиозность. Эта преимущественно негативная характеристика была пересмотрена Э. Берком и Ж. М. де Местром в концептуальном представлении об «органическом обществе». Такой социум рассматривался как самодостаточный, гомогенный организм, состоящий из естественно связанных и регулирующих элементов. Представлялось, что его социальное тело состоит из таких первичных ячеек как семья, род, община, корпорация, коммуна, сословие, и что для него характерно преобладание коллективного начала над индивидуальным. Органическое общество имеет иерархическое устройство, каждая из его страт предписывает индивиду определенный статус и модель поведения, а сам человек несет по

отношению к этому всеобъемлющему социальному целому комплекс обязанностей. По мнению консервативно настроенных философов и социологов XIX в., попытки модернизации этой социальной системы ведут к деструкции и дезинтеграции органического общества. Идея о том, что средневековый мир отличался лучшим общественным балансом и морально-этическим состоянием от индивидуалистского, разьединенного *индустриального общества* глубоко укоренилось в *романтической историографии*.

Дальнейшая разработка представлений о механизмах самовоспроизводства традиционного общества Ж. де Местром, Ф. Р. де Шатобрианом, Ф. д'Оливе и др. привела к формулировке мировоззрения «традиционализма». В его основе лежит представление о некоей «изначальной традиции», которая с течением времени приобрела сакральный характер и выражает всеобщий смысл мироздания. Традиционализм может выражаться в социально-философских учениях, религиозных системах, повседневных практиках, формах коллективной и индивидуальной *идентичности*. Ключевая ориентация традиционализма направлена на сохранение и воспроизводство *традиции*, которая понимается как хранилище истины, сбережение старых форм и ценностей, которые выражают народную мудрость, этические доминанты и являются спонтанным выражением подлинных потребностей общества.

На рубеже XIX–XX веков дихотомия «традиция-современность» прочно вошла в гуманитарные науки. Э. Дюркгейм использовал понятие традиционного общества для обозначения стадии общественной эволюции, предшествующей современному обществу. Согласно Дюркгейму, для традиционного общества была характерна «механическая солидарность», основанная на общих убеждениях и консенсусе в пределах коллективной совести – в противовес органической солидарности современного общества. Г. Спенсер выделял дихотомичные типы внутренне однородного, но децентрализованного «военного общества» землевладельцев и современного общества, основанного на сотрудничестве и прагматизме.

Одним из аспектов существования традиционного общества является традиционное действие – формируемое на основе подражания тем или иным образцам поведения, закрепленным в культурной традиции и не подлежащим рациональной критике. Понятие традиционного действия было введено М. Вебером для характеристики определенного типа действий, находящихся на грани рефлексивного

осмысления. Традиционный и аффективный типы действия у Вебера противопоставлялись рациональному и целерациональному типам, ориентированным на рефлексию, прогноз и достижение прагматично актуального результата. М. Вебер исходил из некоего «идеального типа» добуржуазного общества, для которого были характерны импульсивное социальное действие, харизматический тип политического господства, мистическое сознание, волшебная, божественная картина мира.

В дальнейшем комплексные представления о традиционном обществе и традиционном менталитете получили развитие в антропологических исследованиях первой половины и середины XX века. Значительная разработка и углубление представлений о традиционном обществе произошла в рамках структурной антропологии. К. Леви-Стросс на примере примитивных обществ индейцев Южной Америки исследовал внутренние механизмы функционирования и саморегуляции традиционных обществ, внутренние отношения, особенности культуры, принципы циркуляции материальных благ (*реципрокация*). Он показал, как достижение престижного личного статуса открывает доступ к *редистрибуции* (перераспределению) благ и продуктов, минуя формальные отношения собственности. К. Леви-Стросс отмечал, что традиционные общества обладают развитым логическим мышлением, что «цивилизованное» и «примитивное» мышление разнятся не качеством мысли, а ее предметами. Опираясь на идеи Леви-Стросса о совмещении функций *реципрокации* и *редистрибуции* у традиционалистских элит, востоковед Л. С. Васильев разработал положение о слитом, недифференцированном характере власти и собственности в обществах древности и средневековья.

Во второй половине XX в. представления о традиционном обществе в обобщенном виде были встроены в западные схемы стадийного линейного развития в духе теорий *модернизации* (Т. Парсонс, Р. Шилз, С. Блэк и др.) и *индустриального общества* (У. Ростоу, Р. Арон, Р. Дарендорф и др.), стали их органичной частью.

В настоящее время понятие о традиционном обществе используется в исторических, антропологических, политических, экономических, социологических и других исследованиях как аналитическая модель и *идеальный тип* «доиндустриального общества». Популярность термина связана с кризисом формационного подхода, особенно проявившимся в отношении понятия «феодализм», а также в результате дефицита современных научных *типологий* обществ.

В то же время, как отмечает П. В. Терешкович, современная социальная и культурная антропология не оперирует понятием традиционного общества. С ее позиций, это понятие не отражает реальной истории доиндустриальной стадии развития человечества, а характеризует лишь ее последний этап. Так, социокультурные отличия между народами, находящимися на стадии развития присваивающего хозяйства, и теми, которые прошли стадию «неолитической революции», могут быть не менее значительными, чем между традиционными и *индустриальными обществами*. Другой недостаток концепций традиционного общества заключается в топологической статичности объекта, в то время как многие реальные исторические сообщества Древности и Средневековья отличались значительной внутренней динамикой. В современных гуманитарных науках прямое противопоставление традиционности и модерности считается упрощением. Для обозначения многоукладного, втянувшегося в начальную трансформацию традиционного общества используют термин «посттрадиционное общество», «общество премодерна» (premodern society).

Лит.: Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль, 2001; *Пonomarev M. B., Смирнова С. Ю.* Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Часть 1. Предмет и периодизация курса. Европейская цивилизация в XVI–XVII вв. М. Владос, 2000; *Семёнов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003.

О. В. КИМ

ТРАДИЦИЯ (от лат. *traditio* – передача) – исторически сложившиеся стереотипизированные элементы культуры (нормы поведения, производственные навыки, ментальные установки), передающиеся диахронно от старших к младшим, от поколения к поколению. Характеризуются устойчивостью, консерватизмом, повторяемостью, преемственностью. Присущи всем человеческим культурам. Являются универсальным механизмом стабилизации общественной жизни за счет аккумуляции, селекции, сохранения и пространственно-временной трансмиссии группового опыта. В культурологии рассматривается как интегральный феномен, включающий в себя целый класс стереотипизированных форм проявления культуры (таких как обычай, обряд, ритуал, мода). Зафиксированная у высших приматов способность к

внегенетическому способу передачи информации (через обучение и подражание) предполагает наличие биологических традиций или прототрадиций. В этом случае традиции человеческих обществ необходимо обозначать как культурные.

Утвердившееся в современной практике широкое понимание традиции приближает его по объему к понятию «культура», но не делает эти понятия идентичными. Обычно не включаются в традицию такие компоненты культуры как индивидуально выработанный опыт, кодифицированные нормы, явления, не востребованные к постоянному использованию, но сохраненные в письменных текстах. Являясь универсальным феноменом, **Т.** вариативно проявляет себя в разных типах общества. В тех обществах, которые принято обозначать как *традиционные* или традиционалистские (первобытные, аграрные), культура максимально актуализирует наследие и весь сохраняемый групповой опыт исчерпывается традицией, которая не подлежит (или почти не подлежит) цензуре и имеет инструктивный характер. *Индустриальные* и *постиндустриальные общества* отличаются быстрыми темпами обновления традиций (межпоколенный интервал утрачивает актуальность, так как традиция может меняться в рамках одного поколения), разнообразием каналов и механизмов их распространения. Культура этих обществ не ограничивается традициями, которые, к тому же, утрачивают императивный характер и подлежат сознательному (рациональному) отбору.

Т. нередко противопоставляется инновациям, но в рамках современной парадигмы эта дихотомия основывается на утверждении, что любая **Т.** – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенциале будущая **Т.** Таким образом динамика культурной традиции это постоянный креативный процесс трансформации одних видов социально организованных стереотипов в другие. Если **Т.** необходима для стабильного функционирования социально-культурной системы, то инновация является условием ее развития. Источниками инноваций могут быть: положительный индивидуальный опыт (при условии его преобразования в групповой), изменения в экологии культуры, внешние заимствования.

Лит.: Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие М., 1989; Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ, 1981. № 2; Першиц А.И. Проблемы теории традиции глазами этнографа // СЭ, 1981. № 3; Соколов Э.В. Традиция и культурная преемственность // СЭ,

1981. № 3; Токарев С.А. Аксиологический подход к культурной традиции // СЭ, 1981. № 2; Традиции и новации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – подход, интегрирующий теории и методы отдельных дисциплин для решения общих проблем, которые не могли быть поставлены в конституированных дисциплинарных границах [Л. П. Репина].

В современной *эпистемологии* существуют различные представления о трансдисциплинарности в научном познании. В рамках одного из них трансдисциплинарность рассматривается как формирование логических мета-рамоч, посредством которых дисциплинарные теоретические знания могут быть интегрированы на более высоком уровне абстракции, чем это происходит в *интердисциплинарных* исследованиях [А. Judge]. В трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность [И. Т. Касавин]. Трансдисциплинарный подход связан с постановкой исследовательских задач, направленных на преодоление гетерогенности дисциплинарных научных теоретических знаний путем их осмысления на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных научных дисциплин [Л. П. Киященко, В. И. Моисеев]. **Т. п. в и. п.** является одной из форм организации кроссдисциплинарных исследований, направленных на преодоление дисциплинарной ограниченности в изучении истории [Л. П. Репина].

Т. п. в и. п. представляет собой тот вариант *холизма в историческом познании*, в рамках которого *историческая реальность* рассматривается как целостная упорядоченная система, элементами которой выступает вся совокупность явлений, процессов, связей и взаимодействий в прошлом. Фрагментами этой системы выступает множественность принципиально возможных упорядоченных подсистем, имеющих строго определенные временные и пространственные границы и топологически тождественных *исторической реальности* как целостности. В силу этого фрагменты *исторической реальности* обладают способностью проявлять как общее ее состояние, так и свою пространственно-временную уникальность. Такое представление об ис-

торической реальности как упорядоченной системе и ее органических фрагментах имеет определяющее значение для понимания методологии трансдисциплинарного подхода в *историческом познании*.

Когнитивная стратегия трансдисциплинарного подхода направлена на выявление, с одной стороны, общего, что присуще *историческим явлениям и процессам* в рамках определенного фрагмента *исторической реальности*, а с другой стороны – особенного в самом фрагменте как органической части *исторической реальности*. Т. п. в и. п. направлен на производство когнитивных моделей тех или иных фрагментов *исторической реальности* в виде системы знаний, концептуально обобщающих теоретические результаты, полученные в ходе различных дисциплинарных практик, связанных с изучением истории.

Можно выделить два типа таких концептуальных обобщений: 1) метатеоретические утверждения в лингвистической формуле «истины» – объективного знания о том, как это было в действительности; 2) генеральные концепты в лингвистической формуле «правды» – эмоционально-окрашенной истины или нормативного знания о том, как это должно / не должно было быть в действительности. Т. п. в и. п. получил реализацию в различных номологических и деонтологических версиях *философии истории*. В рамках номологической версии *философия истории* – это метанаука о прошлом, стремящаяся к *истине*. Ее целью является разработка исторических метатеорий онтологического и гносеологического характера. Исторические метатеории онтологического содержания – это научные теории, объясняющие законосообразность истории как упорядоченной реальности, ее строение и развитие. В рамках деонтологической версии *философия истории* – это ценностно-рациональное отношение к прошлому. Целью такой философии, стремящейся к *правде*, является разработка *исторических концепций*, осмысливающих историю в общем и возможности ее познания в контексте различных ценностных ориентаций. Эти *концепции*, представляющие собой системы *исторического знания* не только о сущем, но и должном, разрабатываются для того, чтобы понять *историческую реальность*, придать ей смысл и тем самым поставить историю под свой контроль. В последнее время в *историческом познании* стала складываться такое направление трансдисциплинарных исследований, как *историческая концептология*, стремящаяся к целостному изображению *исторической реальности* в виде эмоционально-образных коннотаций и метафорических значений. В отличие от теоретического мышления, оперирующего научными понятиями, *историческая кон-*

цептология базируется на концептах как когнитивных моделях *исторической реальности* рационально-ценностного содержания с использованием базисных метафор, которые превратились из риторического тропа в познавательное средство. В *историческом познании* модными стали также такие направления трансдисциплинарных исследований, которые связаны с различного рода цивилизационными теориями, теориями катастроф и синергетикой как теорией самоорганизации сложных динамических систем.

Лит.: Judge A. Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations. URL: <http://www.uia.org/uiadocs/aadocnd4.htm> [февраль, 2014]; Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73; Киященко Л. П., Мусеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М., 2009. С. 17; Репина Л. П. Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2005. Вып. 15. С. 5–14; Репина Л. П. Интегративные исследовательские стратегии в современной исторической науке // Запад – Россия – Восток в исторической науке XXI века: Материалы междунар. конф. в честь 100-летия СГУ. Ч. 1. Саратов, 2010. С. 9.

А. В. ЛУБСКИЙ

УРБАНИСТИКА ИСТОРИЧЕСКАЯ (urban history / история города) – дисциплина неклассической исторической науки, изучающая процесс урбанизации вообще, экономическое, социальное и архитектурное состояния городов в исторической перспективе; в проблемном поле «новой истории города» исследует его как культурный феномен в широком социокультурном контексте. Городом как объектом *исторического описания* стали интересоваться еще в классической древности. Как к определенному микромиру, историю которого можно составить посредством морально-политического рассказа, обращались к городу некоторые представители Возрождения (Ф. Гвиччардини, Н. Макиавелли). Самостоятельный интерес тема истории того или иного города приобрела в XVII веке и в период господства классической исторической науки история города изучалась в рамках получившей широкое распространение местной истории (см.: *локальная история*). Восприятие непрерывности существования городского сообщества из самого далекого прошлого и в течение долгого времени является одной из важнейших составляющих коллективной памяти горожан. Интерес к прошлому, связанный с чувством патриотизма к

своему месту, был важным компонентом городской культуры на всем пространстве Европы. В рамках неклассической исторической науки (в том числе, заинтересовавшейся негосударственными акторами *исторического процесса*) город как самостоятельный *объект исследования* стал рассматриваться с разных позиций, в основе которых лежало отличное друг от друга целеполагание, предшествующее процессу *историописания* и во многом обуславливающее его.

1) Город изучался и изучается *историческим краеведением* (СССР, Россия) и *локальной историей*. При этом, *историческое краеведение*, как и традиционная *локальная история*, относящиеся к социально ориентированному типу *исторического знания* (сосуществующему параллельно с научно ориентированным его типом), целью *историописания* ставили, не всегда эксплицированно, строительство идентичности, мобилизуя *историческую память* жителей того или иного города и удовлетворяя потребности массового сознания в построении локальной идентичности.

2) Городская проблематика по-новому стала рассматриваться направлением «история города». Это направление, принадлежащее к научно ориентированному типу *исторического знания*, возникло не в местном *историописании*, а независимо от него. Как *направление исторической науки* оно зародилось в ее неклассической модели, в частности, в поле *социальной истории*. В 1950–1960-е гг. историки, стараясь избавиться от влияния традиционной политической и событийной истории при исследовании городского прошлого, стали обращать внимание на концепции социологии города и включать их в свой исследовательский арсенал, начали применять социально-контекстуальный подход. Таким образом, научная история города была противопоставлена традиционным подходам – биографическому и практике местного историописания. Исследователи заговорили о таких новых проблемных областях исторической урбанистики, как «новая история города» и «новая история и социология города».

В конце XX в. исследователи, работающие в проблемном поле исторической урбанистики, стали осваивать практику компаративных исследований в изучении культурного, социального или политического пространства городов. С формированием в конце XX в. постнеклассической модели *исторической науки*, под влиянием литературной теории Ж. Деррида, культурной антропологии К. Гирца и в связи с пространственным поворотом, город начинают рассматривать как культурный феномен; появляется подход, получивший название «город как текст». С 1990-х гг. в *предметном поле* истории города начи-

нают работать российские историки. К настоящему времени центры изучения истории города сложились в Твери и Омске. Авторитетными журналами по проблемам исторической урбанистики являются: «Urban History Review / Revue d'Histoire Urbaine» (Канада), «Journal of Urban History» и «Urban History» (Великобритания).

Лит.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009; Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск, 2010; Gordon A. Introduction: the New Cultural History and Urban History: Intersections // Urban History Review / Revue d'Histoire Urbaine. 2004. Vol. 33. № 1. P. 3–7; Sweet R. The Writing of Urban Histories in Eighteenth-Century England. Oxford: Clarendon Press, 1997; Tilly L. The «New Urban History» Where is it Now? // City & Society. 2008. Vol. 12. № 2. P. 95–103; Wasserstrom J. N. Is Global Shanghai «Good to Think»? Thoughts on Comparative History and Post-Socialist Cities // Journal of World History. 2007. Vol. 18. № 2. P. 199–234.

С. И. МАЛОВИЧКО

УСТНАЯ ИСТОРИЯ (англ. *oral history*) – *направление в исторической науке, занятое изучением прошлого преимущественно на источниках устного происхождения, часть исторической практики.* Одновременно – одна из многих форм документирования прошлого, «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами» (С. О. Шмидт). Устную историю трактуют и как направление в социальных науках в целом, которое обращено к изучению «простого человека» при признании его ценности как субъекта истории. Начало устной истории было положено в США: в 1948 г. при Колумбийском университете открылся Центр устной истории, сотрудники которого записывали и изучали свидетельства ветеранов Второй мировой войны. С середины 1960-х гг. возникают Ассоциации устной истории (США, Великобритания); ныне центры устной истории существуют в большинстве стран, в том числе в России (Санкт-Петербург, Москва, Петрозаводск, Воронеж), с 1996 г. активно работает Международная Ассоциация устной истории, на счету которой 16 конференций; издаются десятки журналов. Классиками устной истории называют А. Невинса, М. Фриша, Р. Грила (США), А. Портелли (Италия), Я. Вансину (Бельгия), П. Томпсона (Британия), Г. Розенталя, Л. Нитхаммера (Германия). В России одним из первых устных историков стал, по сути, В. Д. Дува-

кин (МГУ), который сделал более 800 записей-бесед с профессорами университета, другими лицами.

Ученые отмечают особые возможности устной истории: создание нового *источника*, сохранение и возможности использования в настоящем и будущем информации, которая могла бы быть потеряна (Б. Зоммер), в том числе – сохранение от забвения имени и истории жизни рассказчика (А. Портелли); она помогает понять не только *факт, случай, событие*, но и уяснить, почему они имели место, как люди понимали случившееся и что теперь думают об этом; позволяет разрабатывать новые подходы к *интерпретации фактов*, вводить компаративные компоненты, подвергать сомнению официальные версии, выверять корректность прежнего истолкования, изучать восприятие *событий* на индивидуальном уровне (П. Томпсон).

Главный метод сбора материала устными историками – интервью, в основе которого лежат заранее продуманные вопросы, объединенные в группы. Одновременно он позволяет выявлять письменные и визуальные *источники* (фото и др.); создавать банки визуальных и аудиовизуальных записей. При работе с источниками устного происхождения исследователь имеет в виду как традиционные вопросы его «внешней» и «внутренней» критики (в том числе оценки на достоверность и репрезентативность), так и особые моменты психологического характера, связанные с записью интервью, т. е. встречей свидетеля-респондента и специалиста-интервьюера. Остается проблема выбора технических носителей и форм каталогизации, хотя уже есть учебники и учебные пособия (У. Флетчер, 1989, Donald A. Ritchie, 1995, Ф. Декан, 2001 и др.), особые фонды в библиотеках. Высок междисциплинарный потенциал устной истории: ее методы ценны для изучения истории семьи, женщин, вопросов гендера, повседневности, миграций и эмиграций, досуга и культуры, коллективного сознания и восприятия, проблем антропологии и пр. Особо отметим возможности «воспитания устной историей», т. е. ее использования в школьных и студенческих исследованиях.

Лит.: Доел Р. «Устная история» в историографии современной науки: Опыт и проблемы // Вестник истории естествознания и техники. 2000. № 4. С. 60–88; Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М., 2003; Франция – память / Предисл. П. Нора; пер. с франц. и послесл. Д. Хапаевой. СПб., 1999; Хрестоматия по устной истории / Сост., введ. ст.. перев. М. В. Лоскутовой. СПб., 2003; Donald A. R. Doing Oral History. Oxford, 2003; Oral History Review (с 1968) // <http://ohr.oxfordjournals.org> [февраль, 2014], режим доступа – свободный.

Н. И. ДЕВЯТАЙКИНА

Ф – Х

ФАКТ ИСТОРИЧЕСКИЙ – 1) объективное *событие*, явление прошлого, фрагмент самой *исторической действительности*; 2) следы прошлого, запечатленные в исторических документах; 3) научно-познавательный образ; 4) знание о фактах действительности; 5) истинное знание об *исторической действительности*; 6) достоверное знание о каком-либо объекте эмпирического уровня истории; 7) особая абстракция, сохраняющая некоторые конкретные черты зафиксированного в ней объекта; 8) «квант» исторической информации о действительности, идеальное изображение *исторического события*, «след» в сознании человека *исторического объекта* (2, 5).

Представление об историческом факте как реальном *событии* прошлого доминировало в позитивистской теории *исторического познания* XIX в. Сами факты представлялись элементарными, неделимыми, изолированными друг от друга выражениями *исторической действительности*, зафиксированные в *исторических источниках*. Поэтому позитивисты считали, что исторические факты как реальные *события* прошлого даны историку непосредственно в *исторических источниках*.

На рубеже XIX–XX вв. в неокантианской *методологии истории* стало складываться представление о том, что само по себе *историческое событие* есть воздействие индивидуальности на среду, но чтобы это событие стало историческим фактом, оно должно быть зафиксировано в *историческом источнике*, поэтому исторический факт – это не только результат воздействия индивидуальности на среду, но и результат когнитивной деятельности автора источника, а затем – и интеллектуальной работы историка с *историческим источником* (4). В *методологии истории* XX в. сложилось два подхода в понимании природы исторического факта. В рамках одного из них внимание акцентировалось на тройственной природе исторического факта, и поэтому различались: 1) факты *исторической действительности*; 2) факты *исторического источника*; 3) научно-исторические факты.

Факты *исторической действительности* объективны по отношению и к авторам *исторических источников*, и к авторам историче-

ских произведений. Факты *исторического источника* представляют собой отражение фактов *исторической действительности* в сознании автора источника. Научно-исторические факты – это отражение в сознании историка фактов *исторической действительности* на основе фактов *исторического источника* (1).

В рамках другого направления внимание акцентировалось на гносеологической природе исторического факта, который рассматривался как достоверное *историческое знание*, облеченное в единичную форму. При этом одни методологи рассматривали исторический факт как модель единичных эмпирических данных и структурный элемент эмпирического *описания*, другие – как единство эмпирического и теоретического, поскольку, во-первых, теория «присутствует уже в отдельных исторических фактах в виде исторических понятий, априорно используемых исследователем, во-вторых, только включение исторического факта в теоретическую систему знаний позволяет судить о степени его достоверности (5, 2). В рамках этого подхода особое внимание раскрытию гносеологически-семиотической природы исторического факта и различению смысловых коннотаций понятий «исторический факт» и «историческое событие»: *историческое событие* онтологично, оно имело место в *исторической действительности*, исторический факт гносеологичен – это более или менее адекватное знание об *историческом событии*, это – продукт *исторического сознания*, обусловленного культурно-эпистемологическим контекстом. Поэтому история как действительность – это не собрание исторических фактов. История соткана из явлений, событий и процессов, а исторические факты – это основа *исторического знания*.

Лит.: 1) Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 130; 2) Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. К.: «Вища школа», 1977. С. 289–307, 323; 3) Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006; 4) Мининков Н. А. Введение в теорию исторического познания: Курс лекций. Ростов н / Д: Изд-во Южного федерального университета, 2009. С. 93–101; 5) Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 186–195.

А. В. ЛУБСКИЙ

ФАЛЕРИСТИКА (от др.-греч. φάλαρα – металлические бляхи, украшения шлемов воинов, груди и голов коней; лат. falerae, phalerae –

металлические украшения, служившие воинскими знаками отличия, обычно в виде крупных нагрудных медальонов) – понятие, используемое в различных значениях. 1) В исторической науке **Ф.** – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая ордена, медали, знаки отличия, нагрудные значки и жетоны, а также наградные документы как памятники политической и военной истории, наградных систем и искусства. 2) Коллекционирование орденов, нагрудных медалей, знаков отличия, личных жетонов, различных нагрудных значков. Понятие «фалеристика» было введено в научный обиход в 1937 г. чехословацким коллекционером О. Пильцем и затем получило распространение в специальной литературе. **Ф.**, как научная дисциплина и область коллекционирования, стала выделяться в ряде стран в первой половине XX века; в СССР – в конце 1950-х годов. **Ф.**, как изучение и коллекционирование наград за необычные личные действия или заслуги, а также ведомственных и должностных знаков, обычно разделяется по географическому и историческому признакам. В России материалы, изучаемые фалеристикой, условно делятся на два основных раздела: русская и советская. Наиболее значительными представителями российской фалеристики в XX веке стали И. Г. Спасский, В. Н. Ильинский, И. В. Можейко, Д. И. Петерс, В. А. Дуров, В. Г. Бурков. **Ф.**, как коллекционирование и изучение различных нагрудных значков, обычно имеет тематический характер (добровольные общества, геральдика, персоналии, история, спорт, транспорт, архитектура и др.), поскольку пока не опирается на строгую систему, не имеет международной или национальной каталогизации. В музейной практике фалеристику традиционно причисляют к нумизматике.

Лит.: Бурков В. Г. Фалеристика: учеб. пособ. М., 2000; Всеволодов И. В. Беседы о фалеристике. М., 1990; Дуров В. А. Отечественные награды. 1918–1991 годы. М., 2005; Ильинский В. Н. Значки и их коллекционирование. М., 1974; Спасский И. Г. Российские и иностранные ордена. М., 1961.

С. В. ЗВЕРЕВ

ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) эмпирическое опровержение научной теории (3); 2) опровержение научной теории путем установления пределов ее применимости, сопровождающееся переходом к новой системе теоретических взглядов (2); 3) анализ научной теории, направленный на уточнение

области ее применения, а также поиск возможных направлений развития данной теории или создания новой теории, более адекватно описывающей рассматриваемый класс объектов реальности (1). **Ф. в и. п.** – принцип научности, выполняющий в *историческом познании* функцию контроля адекватности исторических теорий как исторической реальности, так и способам когнитивной деятельности, принятым в академическом сообществе. Этот принцип имеет большое значение в условиях, когда на основе одного набора эмпирических данных разрабатываются несколько самостоятельных логически непротиворечивых *исторических теорий*, каждая из которых обладает своим понятийным аппаратом, определенным эвристическим потенциалом и претендует на охват большей предметной области. Следует различать эмпирический фальсификационизм и методологический фальсификационизм. Эмпирический фальсификационизм в *историческом познании* связан с критикой научных теорий путем их фальсификации новыми эмпирическими фактами. В соответствии с этим задача историка состоит в производстве таких *исторических фактов*, которые не поддаются объяснению в рамках господствующих *исторических теорий*. Такого рода *исторические факты* обнаруживают гипотетический характер существующих *исторических теорий* и тем самым подвергают их фальсификации. Методологический фальсификационизм в *историческом познании* связан с внеэмпирической фальсификацией исторических теорий путем осуществления методологического контроля за производством нового теоретического знания. Это – методологический контроль за аутентичностью используемых источников эмпирической информации; адекватностью парадигмальных оснований задачам *исторического познания*; когнитивными действиями, направленными на получение эмпирической информации и построения на ее основе системы эмпирических знаний, а также методологический контроль за действиями, направленными на получение теоретического знания и связанными с адекватностью объяснительных теорий (дедуктивный вариант), а также соответствием объяснительных теорий логике обобщения и классификации (индуктивный вариант). Установление аномалий в когнитивной деятельности субъекта *исторического познания*, ее несоответствия атрибутивным признакам научности сопровождается методологической фальсификацией *исторической теории* как ее результата. Методологический фальсификационизм позволяет установить ненаучный характер тех или иных *исторических теорий* или показать их ограниченный характер, т. е. установить пределы, в рамках которых они работают.

Лит.: 1) Головкин Н. В. Методологический фальсификационизм и проблема внеэмпирического обоснования научного знания // *Философия науки* 2002. № 2 (13) С. 60; 2) Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. С. 45–47; 3) Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 63.

А. В. ЛУБСКИЙ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ –

1) сознательное искажение *исторических событий* в определенных, часто политических целях; 2) сознательное искажение *исторических фактов*, их тенденциозная трактовка, выборочное цитирование и манипуляции с *источниками* с целью создания искаженного образа *исторической реальности*; 3) сознательный отказ от поиска *истины* в *историческом познании* (1); 4) добросовестные и недобросовестные заблуждения в *историческом познании* (2). **Ф. в и. п.** можно разделить на осознанные фальсификации, или когнитивные измышления, вызванные внеаучными целями, и неосознанные фальсификации, или когнитивные заблуждения, обусловленные низким уровнем профессионализма субъектов *исторического познания*, а также его спецификой, связанной с проблематичностью производства объективно-истинного знания. Внешние причины осознанных фальсификаций истории заключаются в стремлении различных акторов современности превратить *исторические знания* в социальный, политический или идеологический ресурс. Внутренние причины осознанных фальсификаций истории обусловлены такими негативными тенденциями в современном *историческом познании*, как ангажированность, антрепренерство и нашествие «околонаучного маргинала». Ангажированность *исторического познания* проявляется в предвзятом отношении к историческому прошлому, обусловленному сознательно выбранной идеологической или политической позицией, в результате чего история превращается в проекцию идеального будущего или «политику, опрокинутую в прошлое». Антрепренерство в *историческом познании* связано со стремлением некоторых историков братья за решение любых познавательных задач и искажать полученные результаты в угоду заказчику. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к научной *истине*, а удовлетворение запросов со стороны государства или этнических групп в ракурсе исторического «прозелитизма». «Нашествие околонаучного маргинала» – это появление в сообществе

историков дилетантов без специальной профессиональной подготовки, но жаждущих признания и претендующих на «переворот» в *исторической науке*. Внешние причины неосознанных фальсификаций связаны с ослаблением или отсутствием методологического контроля со стороны академического сообщества за производством *исторических знаний*. Внутренние причины неосознанных фальсификаций обусловлены отсутствием профессионализма у субъектов *исторического познания*, издержками их профессиональной культуры. В настоящее время можно выделить различные способы фальсификации в *историческом познании*. Во-первых, это способы, имеющие отношение к работе с *историческими источниками*, направленной на получение эмпирической информации (подделка *исторических источников*, получение эмпирической информации из недостоверных *источников*, нарушение процедур *критики исторических источников*, выборочное использование *исторических источников*). Во-вторых, это способы фальсификации, имеющие отношение к интерпретации эмпирической информации и связанные с нарушением в *историческом познании* процедур установления *исторических фактов*, *исторического описания*, *понимания* и *объяснения* (отбор подходящих свидетельств, игнорирование «неудобных» фактов, «игры в примеры», *презентизм* и превращение историка в «пророка, предсказывающего назад», использование неадекватных объяснительных конструкторов) (3; 4). В-третьих, это способы фальсификации, связанные с тем, что производство *исторических знаний* вообще не опирается на источники эмпирической информации и подменяется метафорическими суждениями или риторическими умозаключениями. Конечно, отдельные сведения из *исторических источников* или цитаты из исторических произведений могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новым историческим версиям, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер. Но для авторов этих версий главное – это «ошарашивающая истина», вступающая в непримиримое противоречие с академической наукой и разрушающая привычные исторические представления. Такое разрушение исторических представлений, сложившихся в научном *историческом познании*, сопровождается активизацией мифологического мышления, стремящегося к абсолютной исторической «правде» и не допускающего иных толкований исторического прошлого. Особую роль сегодня в **Ф. в и. п.** играют этнополитические мифы, служащие средством этнической идентификации и мобилизации этнических групп в критические моменты истории (5).

Лит.: 1) *Вяземский Е. Е.* Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43; 2) *Неборский М.* Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5; 3) *Петров А. Е.* Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3; 4) *Савельева И. М., Полетаев А. В.* О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88; 5) Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011.

А. В. ЛУБСКИЙ

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) *парадигма*, задача которой «понять человека прошлого и через него окружающий его мир» [О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева]; 2) способ изучения истории, основанный на принципе беспредпосылочности познания, направленный на постижение чужого миропонимания путем реконструкции самосознания как системы ценностно-значимых представлений, влиявших на поведение человека [А. Л. Юрганов]; 3) метод, направленный на исследование повседневного жизненного мира, который люди создали и интерпретируют своими действиями [Х. Абельс].

Ф. п. – способ научного познания *исторической реальности* и является одной из форм организации *мультидисциплинарных* исследований в *исторической науке*, направленных на решение научно-исследовательских задач в рамках ее *предметного поля* с помощью методологических конструкторов и методов других научных дисциплин. **Ф. п.** как способ изучения *исторической реальности* представляет собой систему методологических установок, ориентирующих историков на ее интерпретацию в русле феноменологических теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания. Большое влияние на становление современных представлений о феноменологическом подходе в *историческом познании* оказали идеи трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, понимающей социологии М. Вебера, социологической феноменологии А. Шюца, феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля в плане исторической онтологии рассматривает историю как жизненный интересующий

тивный мир, бытийным основанием которого выступает интенциональное сознание, придающее осмысленность историческому опыту.

Представления об интерсубъективности жизненных миров и интенциональности как универсальном свойстве сознания позволили сформулировать одну из важнейших проблем феноменологического подхода – проблему понимания «другого» как представителя иного жизненного мира. Эту проблему Э. Гуссерль предлагал решать путем феноменологической редукции, т. е. воздержания от установок, присущих жизненному миру исследователя. Поэтому в плане исторической гносеологии трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля исходит из принципа «беспредпосылочности» *исторического познания*.

Ф. п. опирается также на некоторые идеи, заложенные в «понимающей социологии» М. Вебера, предметом которой выступают социальные действия, определяемые осмысленным соотношением с действиями других людей, а когнитивной стратегией – понимание как «интерпретирующее постижение» действий, исходя из субъективно предполагаемого смысла. При этом М. Вебер выделял *непосредственное* понимание предполагаемого смысла действий и *объясняющее* понимание их мотивационного смысла. Центральным понятием социологической феноменологии А. Шюца является социальная реальность как жизненный мир, наполненный смыслом, которым наделяют его люди в повседневной жизни. Задача социологической феноменологии – показать, как в сознании индивида на основе его субъективного опыта конструируются и конституируются различные жизненные миры, в которых он живет и которые определяют «когнитивный стиль» его повседневной жизнедеятельности. Идеи А. Шюца получили развитие в феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана – теории о «социальном конструировании реальности». Согласно данной теории социальная реальность – это продукт социального конструирования субъектов социального взаимодействия, поэтому единой реальности нет, а есть много социальных реальностей, а за феноменами конструирующего сознания стоят структурные контексты, не осознаваемые действующими лицами.

В рамках феноменологического подхода в *историческом познании* разрабатываются различные версии феноменологических концепций *источниковедения* и *исторической реальности*, в которых также используются идеи методологии *источниковедения* А. С. Лаппо-Данилевского [М. Ф. Румянцева], диалоговой теории культуры М. М. Бахтина, диалектики мифа А. Ф. Лосева, экзистенциализма М. Хай-

деггера, неклассической герменевтики Х.-Г. Гадамера. Предметом феноменологического подхода в современном *историческом познании* являются феномены как продукты индивидуального или коллективного сознания, составляющие повседневный жизненный мир человека, в рамках которого интерпретируются значения и смыслы социальных действий и взаимодействий. Поэтому **Ф. п. в и. п.** направлен на *реконструкцию* феноменов как продуктов индивидуального и общественного сознания с целью понимания повседневных жизненных практик.

Задачей феноменологического подхода является «постижение» прошлых «жизненных миров» путем их *интерпретации* в сознании познающего субъекта. **Ф. п. в и. п.** – один из основных подходов в неклассической *модели исторического исследования, идиографическая* когнитивная стратегия которой заключается в восстановлении смысла чужой индивидуальности, ее коммуникативной и символической природы посредством аксиологического «вживания» в нее. В рамках феноменологического подхода в настоящее время наметился переход от *мультидисциплинарных* исследований, связанных с «эпистемической интервенцией» в *предметное поле исторической науки* других гуманитарных дисциплин, к *интердисциплинарным* и возникновение такой гибридной научной дисциплины, как *историческая феноменология* со своей проблематикой и *методологией исследования* [А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов].

Лит.: Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 1. С. 114–139; Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003; Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Методология истории: учеб. пособ. М., 1997. С. 20; Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция историкопознания в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 5–17; Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 10–35.

А. В. ЛУБСКИЙ

ФИЛИГРАНОЛОГИЯ (филиграноведение) – *вспомогательная историческая дисциплина*, изучающая водяные знаки (филиграни) на бумаге с целью установления даты, а нередко и места изготовления рукописей и произведений печати. Методика филигранологического

исследования состоит в том, что сначала изучаются и детально каталогизируются водяные знаки (как собственно изображения, так и контрамарки), а также следы линий сетки (вержеры и понтюзо) на бумаге уверенно атрибутируемых произведений, а затем эта атрибуция (с необходимыми коррективами на так называемую залежность бумаги) распространяется на источники не датированные, но несущие аналогичную (или близкую) филигрань. Естественно, применение подобного метода невозможно без обширных коллекций старинной бумаги, которые дали бы первоначальный материал. Создание таких коллекций долгое время оставалось уделом энтузиастов-любителей (в частности, в России это были И. П. Лаптев и К. Я. Тромонин, опубликовавшие первые справочные альбомы водяных знаков), однако в конце XIX – начале XX в. роль филигранологии была осознана профессиональным сообществом, что ознаменовалось появлением фундаментальных трудов Н. П. Лихачева (Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, 1891; Палеографическое значение водяных бумажных знаков, 1899, т. 1–3) и четырехтомного альбома «Филиграни» Ш. Брике (1907, переизд. – 1923, 1968, 1991). Сегодня сведения о бумажных водяных знаках представлены в разработанном комплексе пособий, охватывающих как западноевропейский, так и русский материал (Г. Пиккар, У. А. Черчилль, С. А. Клепиков, А. А. Гераклитов, Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, Э. Лауцявичюс и др.). Кроме того, появляются специальные исследования отдельных типов европейских филиграней (С. М. Каштанов, Т. В. Дианова), историографии филигранологии (Ю. В. Андрияштит), истории производства и торговли бумагой (М. П. Лукичев), терминологии филигранологии (А. А. Амосов).

Существуют специализированные интернет-ресурсы филиграноведческой направленности (в том числе базы данных по водяным знакам), сведения о которых объединены в соответствующих разделах сайта Международной ассоциации историков бумаги (International Association of Paper Historians).

Лит.: Богданов А. П. Основы филиграноведения. История, теория, практика. М., 1999; Сиренов А. В. Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги: учеб. пособие. СПб., 2006; Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: сб. науч. тр. Л., 1990; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Щепкин В. Н. Русская палеография. 3-е доп. изд. М., 1999; International Paper Historians (IPH) [Electronic resource]: Welcome to Fibre Space [S. l., s. a.]. URL: <http://www.paperhistory.org/> [февраль, 2014].

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

«**ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ**» – течение в философии конца XIX – первой четверти XX в., выдвигавшее категорию «жизнь» как интуитивно постигаемую целостность, не тождественную ни духу, ни материи. В это течение входил широкий круг философов, социологов, историков – Ф. Ницше, Л. Клагес, Т. Лессинг, О. Шпанн, Г. Зиммель, А. Бергсон, Ф. Степун. В дальнейшем это течение трансформируется в экзистенциализм, философскую антропологию, которые иногда включаются в «философию жизни» как более широкое течение.

Основоположником *методологии исторического познания* в рамках концепции «философии жизни» явился немецкий ученый В. Дильтей (1833–1911). Выступая против отождествления *позитивизмом* методов и форм естественнонаучного и *исторического познания* и базируясь на традициях немецкой исторической мысли в обосновании специфики способов постижения истории (В. Гумбольдт, И. Дройзен), В. Дильтей противопоставил «науки о природе» и «науки о духе» (включая историю) на основании различия в них субъектно-объектных отношений. Науки о природе, в которых человек изучает противоположный ему объект, использует, согласно Дильтею, рациональный метод объяснения, включающий анализ и синтез, индукцию и дедукцию. В науках же о духе, в которых субъект имеет дело, с точки зрения немецкого мыслителя, с тождественным ему объектом (человеком и человеческим обществом), применяется иррациональный метод *понимания*, основанный на непосредственном сопереживании человеку прошлого, вживании в его духовно-психологические процессы. Метод *понимания* по Дильтею, прежде всего, базируется на интуиции историка и сближает процесс исторического познания с познанием художественным.

Широкое распространение течение «философии жизни» в исторической мысли получило после Первой мировой войны. Этому способствовал выход в свет в начале 1918 г. книги О. Шпенглера «Закат Европы», само название которой было созвучно катастрофе. Шпенглер противопоставил изучение следственных связей и законов в естественных науках постижению судьбы как основной категории в истории. По мнению немецкого мыслителя, судьбу нельзя объяснить, ее можно только чувствовать. А основным методом постижения прошлого у Шпенглера был так называемый физиогномический метод, по существу совпадающий с методом понимания Дильтея.

После Первой мировой войны и Октябрьской революции тенденцию к выдвиганию на ведущие позиции течение «философии жиз-

ни» обнаруживается и в исторической мысли России. Методологическую концепцию В. Дильтея и его метод понимания считали важнейшим достижением исторической мысли Л. П. Карсавин, С. Л. Франк. Вместе с тем, если у Дильтея метод понимания носил субъективно-иррациональный характер, то у русских мыслителей – сверхрациональный или трансрациональный характер, поскольку дееспособность такого метода у них была опосредована Абсолютом (С. Л. Франк) или непосредственно Богом (Л. П. Карсавин). В связи с этим, в концепции русских представителей течения «философии жизни» метод понимания, называемый «вчувствованием», «сопереживанием», «живым знанием», давал возможность постичь необходимые исторические связи (Л. П. Карсавин), построить «теоретическое, обобщающее, объективное обществоведение».

Лит.: Дильтей В. Описательная психология. М., 1924; Шпенглер О. Гибель Европы. М., 1923; Риккерт Г. Философия жизни. Пб., 1922; Карсавин Л. П. Введение в историю. Пб., 1920; Франк С. Л. Очерк методологии общественных наук. Пб., 1922; Рамазанов С. П. Кризис российской историографии начала XX века. Ч. II. Волгоград, 2000.

С. П. РАМАЗАНОВ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ – 1) дисциплина, задачи которой заключаются в исследовании первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами *исторического знания*; в рассмотрении этих основных начал в единстве бытия и знания; в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса (2); 2) одна из форм теоретического отношения к истории, связанная с разработкой теории *исторического процесса* и рефлексией относительно природы *исторического познания* (3); 3) часть социальной философии, занимающаяся проблемами онтологии и эпистемологии истории (4).

Существуют различные представления о том, что такое **Ф. и.**, каков ее предмет и структура. В конце XIX – начале XX в. под философией истории подразумевали: 1) философское обозрение прошлых судеб всего человечества, а также истории какого-либо народа, какой-либо эпохи; 2) философское исследование общих законов исторического процесса, отвлеченно взятого; 3) философскую теорию *исторического знания*; 4) практические уроки морального либо политическо-

го характера, которые могут быть извлечены из истории (1). В настоящее время выделяются два типа философии истории, которые в западной философской традиции получили название спекулятивной философии истории и критической философии истории. Спекулятивная **Ф. и.**, занимаясь разработкой априорных *исторических теорий*, стремится отыскать в истории некие скрытые значения и смыслы, недоступные историкам-профессионалам. Критическая **Ф. и.**, разрабатывая теории *исторического познания*, стремится ответить на вопросы о том, как возможно знание о прошлом и как соотносятся друг с другом язык историка и само прошлое.

В отечественной философской традиции, более склонной к разработке различных концепций истории, спекулятивная **Ф. и.** получила название *историософии*. Иногда в отечественной литературе в качестве эквивалентов спекулятивной философии истории используются понятия *историологии* как номологической теории *исторического процесса* и *историософии* как системы деонтологического знания, раскрывающего цель или смысл истории. Некоторые исследователи, рассматривая *историософию* и *эпистемологию истории* как разновидности философии истории, считают, что *историософия* занимается сущностным содержанием и смыслом истории; историческая же *эпистемология* имеет дело с *историческим знанием* и *познанием*. В более расширительном толковании *историософию* иногда рассматривают и как теорию *исторического процесса*, и как теорию *исторического познания*, т. е. отождествляют с философией истории.

В историческом контексте различают классический, неклассический и постнеклассический типы философии истории. При этом одни исследователи, исходя из стилей европейского философского мышления, считают, что основой классической философии истории выступает «субстанция как субъект»; неклассической – «субъективизация логического»; постнеклассической – «историчность субъективного» (5). Другие исследователи, исходя из предметной специфики, полагают, что в классической философии истории онтологическая и эпистемологическая проблематики являются равноправными. В неклассической философии истории доминирует онтологическая проблематика, а эпистемологическая является вторичной. Постнеклассическая философия истории ставит в центр *исторического познания* текст, понимаемый как текст *исторического нарратива* (4).

Современная **Ф. и.** – это философская дисциплина, в рамках которой осуществляется производство, хранение и распространение фи-

лософских знаний, связанных с изучением или осмыслением *исторической реальности*. В настоящее время сложилось двоякое понимание сущности философии истории. Одно из них сформировалось в русле номологического, или научно-трансдисциплинарного, подхода, другое – деонтологического, или нормативно-ценностного подхода. В рамках номологического подхода целью философии истории является разработка исторических метатеорий онтологического и гносеологического характера. Исторические метатеории онтологического характера – это научные теории, в целом объясняющие законосообразность истории как реальности, ее строение и развитие. Исторические метатеории гносеологического характера – это научные теории, объясняющие целесообразность *исторического познания* как процесса и когнитивной деятельности. В развитии метатеорий *исторического познания* можно выделить две тенденции: одна из них связана с разработкой теорий рассудочно-рационального характера, направленных на *реконструкцию исторической реальности*; другая – с разработкой теорий экзистенциально-антропологического характера, ориентированных на ее *конструирование*. В рамках деонтологического подхода цель философии истории – разработка *исторических концепций*, осмысливающих историю как целостность и возможности ее познания в контексте различных ценностных ориентаций. *Исторические концепции*, осмысливающие *историческую реальность* представляют собой системы *исторического знания* не только о сущем, но и должном. *Исторические концепции* разрабатываются не только для того, чтобы понять *историческую реальность*, но и придать ей смысл и тем самым поставить историю под свой контроль. Нормативность философии истории деонтологического характера состоит в том, что она конструирует универсальное историческое бытие, которое противопоставляется *исторической реальности* как идеальное и, соответственно, желательное и то же время возможное в прошлом.

Лит.: Кареев Н. Философия истории // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: <http://www.vohi.net/brokgauz/index.html> [февраль, 2014]; Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО Комплект, 1999; Кимелев Ю. А. 4) Философия истории: системно-исторический очерк // Философия истории: Антология / Сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. М.: «Аспект Пресс», 1994; Кукарцева М. А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность. 2006. № 2; Сергейчик Е. М. Философия истории. СПб.: Издательство «Лань», 2002.

ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) субстанциональный подход к истории, связанный с нахождением единой основы общественной жизни и выделением стадий *исторического процесса* в зависимости от видоизменения этой основы [Ю. К. Плетников]; 2) марксистская концепция истории, связанная с признанием способа производства в качестве основной детерминанты общественного развития и выделением на этой основе определенных стадий или формаций; 3) марксистская концепция материалистического понимания истории как линейно-стадиального процесса, ключевой категорией которой выступает понятие «общественно-экономическая формация» [Ю. И. Семенов].

Ф. п. в и. п. – форма и способ научного изучения *исторической реальности*. **Ф. п. в и. п.** является одной из форм организации *трансдисциплинарных* научных исследований, направленных на производство интегрального *исторического знания*. **Ф. п. в и. п.** как способ *монистической* интерпретации истории представляет собой систему методологических установок, ориентирующих на интерпретацию *исторической реальности* в русле различных вариантов теории общественно-экономических формаций, разработанных в марксистской методологии научного познания.

Теория общественно-экономических формаций, созданная Карлом Марксом в русле материалистического понимания истории, в настоящее время используется в традиционном и модифицированном вариантах, сторонники которых главный источник всемирно-исторического прогресса видят в противоречии производительных сил и производственных отношений. Традиционный вариант формационного подхода базируется на принципе «формационного редукционизма», который проявляется в сведении всего многообразия *исторического процесса* к пяти общественно-экономическим формациям – первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической. В основу периодизации всемирной истории Карл Маркс положил формы собственности. При этом специфика различных сфер жизни общества как бы растворяется в экономических и классовых отношениях.

Сторонники модифицированного варианта формационного подхода считают, что марксистская формационная теория не совпадает с той формационной «пятичленкой», которая была разработана на западноевропейском историческом материале, но представляет собой

универсальную *историческую теорию*, раскрывающую всеобщие и единственно возможные ступени *исторического процесса*. В связи с этим одни историки объединяют все добуржуазные сословно-классовые общества, основанные на рентном способе производства, в единую стадию и противопоставляют ее обществу, базирующемуся на капиталистической прибавочной стоимости [В. П. Илюшечкин]. Другие полагают, что базовым звеном развития выступает «формационная триада», представленная К. Марксом в виде первичной, вторичной и третичной общественных формаций, базирующихся, соответственно, на общей, частной и общественной собственности [Ю. К. Плетников].

М. Вебер считал, что понятие «общественная формация» является *идеальным типом*, «мысленной конструкцией». Современные сторонники формационного подхода отмечают, что хотя сама категория «общественная формация» – это «мысленная конструкция», но она не является произвольной, а отражает логику *исторического процесса*, его сущностные характеристики, исторически определенный общественный способ производства, систему общественных отношений, социальную структуру. При этом общественно-экономическая формация рассматривается ими не только как историческая ступень развития человеческого общества, но и как определенный тип этого общества. **Ф. п. в и. п.** в историческом познании тесно связан с *диалектикой* и ее категориальным аппаратом, предполагающим изучение *исторического процесса* по формуле «отдельное – особенное – общее». В ней под «отдельным» понимаются характерные черты исторически данного общества на определенной стадии его развития, под «особенным» – одинаковые черты группы обществ на той же стадии их развития, а под «общим» – одинаковые (формационные) характеристики всех обществ, проходящих эту стадию развития.

Лит.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 404; Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990; Плетников Ю. К. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 104–109; Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 125–150; Философия истории: учеб. пособ. / Под ред. проф. А. С. Панарина. М., 1999. С. 248.

А. В. ЛУБСКИЙ

ФРАГМЕНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ –

принцип экзистенциально-антропологической теории *исторического познания*, ориентирующий историка на возможность различных интерпретаций *исторической реальности* как совокупности ее разрозненных сегментов.

Ф. в и. п. содержит два аспекта: предметный и методологический. Предметный аспект проявляется в «рассеивании» исторической реальности, благодаря чему прошлое воспринимается не в качестве целостной системы, а как мир изолированных и самодостаточных его фрагментов. Методологический аспект реализуется в фрагментации *исторического знания*, которая, с одной стороны, порождается дисциплинарным расколом исследовательского поля *исторической науки*, растущей специализацией познавательной деятельности, включением все новых элементов прошлого в тематический круг исторических сюжетов. С другой стороны, фрагментация *исторического знания* является следствием интерпретирующего характера *исторического познания* и связанного с ним конфликта интерпретаций [А. Мегилл]. Наиболее завершенную форму **Ф.** приобрел в *постмодернистской* теории исторического познания, которая характеризуется радикальным отказом от «тирании» истории целого, тяготением ко всему фрагментарному, мимолетному и неустойчивому в ней.

В современной *исторической науке* **Ф.** оценивается неоднозначно: с одной стороны, он способствует росту и развитию *исторического знания*, с другой – сопровождается утратой целостного восприятия *исторической действительности*, без которого оказываются непроявленными и отдельные ее фрагменты. **Ф.**, порождая экспоненциальный рост *исторического знания*, приводит к уменьшению его объяснительного потенциала. Кроме того, **Ф.** сопровождается автономизацией *исторических концепций* и научной изоляцией различных *школ в исторической науке*, возведением искусственных границ между ними. Поэтому в современном научном сообществе актуализируется потребность перехода от фрагментации к интеграции *исторического знания*. В связи с этим усиливается критика фрагментизма, преодоление которого видится на путях кросс-дисциплинарного синтеза.

Лит.: Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М., 2003; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимо-

нина. М., 2009. С. 8–9; Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.

А. В. ЛУБСКИЙ

ХОЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – принцип рассудочно-социологической теории *исторического познания*, согласно которому *историческая действительность* как целое определяет ее события и процессы, а развитие *исторической науки* связано с интеграцией *исторического знания*. **Х. в и. п.** как принцип противоположен индивидуализму, для которого достойным внимания в истории является индивидуальное как уникальное и приватное, понимаемое из самого себя, а не как части целого. **Х. в и. п.** противоположен также *фрагментизму*, для которого характерна абсолютизация углубляющей специализации *исторической науки* и фрагментация научного *исторического знания*.

Х. в и. п. содержит два аспекта: предметный и методологический. Предметный аспект проявляется в рассмотрении прошлого как целостной *исторической действительности*, не сводящейся к совокупности ее элементов, каждый из которых, однако, является носителем целого. Предметный аспект проявлялся также в социальном детерминизме, в рамках которого *историческая действительность* представляется в виде социетальной системы с жесткой взаимозависимостью ее различных структур. Благодаря этому, прошлое воспринимается не как мир изолированных и самодостаточных его фрагментов, а в качестве целостной системы. Методологический аспект холизма в историческом познании состоит в требовании объяснять *историческую действительность* не через социальные и индивидуальные действия людей, а исходя из представления о ней как целостности, не редуцируемой к сознанию и действиям индивидов. Методологический аспект холизма в историческом познании проявляется также в стремлении к интеллектуальному холизму, который реализуется в интеграции *исторического знания*, направленной, с одной стороны, на преодоление дисциплинарного раскола исследовательского поля *исторической науки*, а с другой – на производство целостной системы *исторического знания*, наиболее адекватной *исторической действительности* и контекстуальной для различных дисциплинарных полей *исторического познания*.

Х. в и. п., сохраняя свою значимость на всех этапах развития *исторической науки*, особую актуальность приобрел в связи с критикой *постмодернизма*, императивами которого стали «рассеивание» *исторической реальности* и радикальная фрагментация *исторического знания*. **Х. в и. п.** является одним из основных принципов неоклассической модели *исторического исследования*, которая стремится к видению *исторической действительности* как единого целого и ее изучению как иерархии «целостностей», не сводимых к составляющим их частям, но в понимании и объяснении которых непременно присутствует представление целого как контекста [Д. Тош]. В этом плане *историческая действительность* как система обладает, с одной стороны, «голографическим эффектом», выражающимся в том, что всякий, сколь угодно малый фрагмент голограммы прошлого содержит в себе все его изображение, с другой стороны, «эффектом эмерджентности», т. е. наличием у системы особых свойств, не присущих ее компонентам.

В рамках неоклассической модели *исторического исследования* мир прошлого рассматривается и как социетальная система, определяющая жизнедеятельность людей, и как система социальных и индивидуальных их действий, производящих *исторические реальности* разных уровней и масштабов в пространстве «космоса» истории в целом. Придерживаясь принципа холизма, ученые стремятся восстановить уровень притязаний *исторической науки* на постижение прошлого как «целостной материи», сотканной из множества «разноцветных нитей», который резко упал в связи с распространением в ней постмодернистских идей. В связи с этим начались интенсивные поиски интегральной, синтетической исследовательской модели, построенной на принципе взаимодополнительности *микро- и макроисторического подходов*, как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане [Л. П. Репина]. При этом ключевой задачей холизма является построение «дифференцированных моделей» объяснения реалий прошлого с последующим синтезом результатов разноуровневых и разномасштабных толкований [С. Г. Ким].

Методологический аспект холизма в неоклассической *исторической науке* связан также с унификацией и интеграцией *исторического знания* на путях *мультидисциплинарного, интердисциплинарного и трансдисциплинарного синтеза*. Мультидисциплинарный синтез связан с изучением *исторической реальности* с использованием методо-

логического инструментария различных научных дисциплин, в том числе и естественнонаучного профиля. Интердисциплинарный синтез предполагает постановку научно-исследовательских задач на стыке истории и других научных дисциплин и использование их теоретического потенциала и научного языка в интерпретации научных фактов в целях целостного изображения прошлого. Трансдисциплинарный синтез направлен на преодоление дисциплинарных границ и выход за их пределы за счет создания *исторических концепций*, обобщающих знания, полученные в рамках различных научных дисциплин, на более высоком метатеоретическом уровне.

Одним из таких трансдисциплинарных направлений в современной исторической науке выступает синергетика как область научных исследований, занимающаяся изучением кооперативных явлений в сложных динамических системах в процессе их самоорганизации. Идеи и методы синергетики позволяют историкам наиболее эффективно изучать проблемы, связанные с альтернативными ситуациями в истории, проявлением в прошлом исторически необходимого и случайного, переходом в *исторической действительности* от социально-го хаоса к порядку. Синергетика дает возможность в контексте самоорганизации общества по-новому рассматривать такие вопросы исторического развития, как возможность и действительность, традиции и инновации, прошлое и настоящее, альтернативность и выбор [А. В. Лубский].

Лит.: Ким С. Г. В поисках интегральной версии историописания (по материалам немецкой науки 1990-х годов) // Диалог со временем. 2002. Вып. 9. С. 40; Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 299–312; Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; Ретина Л. П. Интегративные исследовательские стратегии в современной исторической науке // Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: матер. междунар. конф. в честь 100-летия СГУ. Ч. 1 / Под ред. Ю. В. Варфоломеева и Л. Н. Черновой. Саратов, 2010. С. 11; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 40.

А. В. ЛУБСКИЙ

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – *вспомогательная (специальная) историческая дисциплина*, изучающая системы исчисления времени в разных культурах и решающая задачи приведения разно-

родных хронологических указаний *источников* к единой времяисчислительной шкале. В последнее время к *предметному полю* хронологии относят также историю восприятия и осмысления времени, однако такие утверждения создают опасность размывания границ исторической хронологии как научной дисциплины.

Проблема согласования различных систем времяисчисления известна человечеству с древнейших времен. Решению этой задачи служили списки правителей (высших должностных лиц) со сроками их правления, перечни победителей олимпиад и т. п.: соотнесение таких списков между собой позволяло историкам определять относительную последовательность *событий* и привязывать их к определенным точкам на избранной хронологической шкале. Распространение христианства привнесло в хронологические выкладки европейских книжников значительный элемент мистицизма, поставив перед ними задачу вычисления даты конца света. Основателем исторической хронологии как научной дисциплины обычно считается французский гуманист Ж. Ж. Скалигер (1540–1609), который обобщил сведения о системах времяисчисления у разных народов древности и разработал способы перевода разноприродных датировок к единой хронологической шкале. Авторитетными трудами по хронологии древнего мира и средневековой Европы признаются работы В. Грюмеля и Э. Бикермана, в России исследования в области исторической хронологии (по преимуществу в рамках *летописеведения*) развивали П. В. Хавский, Н. В. Степанов, Н. Г. Бережков и др.

Основными задачами исторической хронологии являются выявление, систематизация и интерпретация приводимых в источниках хронологических указаний. При этом важно согласовать между собой все элементы каждого конкретного хронологического указания – год, месяц, число, день недели (для культур, где используется недельный счет), привязка к религиозным и светским праздникам и т. п. (так называемая поверка дат). Невозможность такого согласования может свидетельствовать либо об ошибке автора (переписчика, издателя) изучаемого *источника*, либо – в случае систематического повторения одинаковых или сопоставимых «ошибок» – об использовании специфических, неизвестных науке времяисчислительных систем. Встречающиеся в источниках описания разнообразных астрономических явлений (появлений комет, солнечных или лунных затмений) открывают возможности для соотнесения хронологических указаний с дан-

ными астрономии. Благодаря этому, **И. х.** является одной из немногих гуманитарных дисциплин, в рамках которых возможно эффективное взаимодействие с естественными науками. Задачи исторической хронологии могут упроститься, если удастся найти аутентичные календари (в виде таблиц, символических изображений, объектов специфической формы, а иногда и сооружений), а тем более – специальные трактаты об исчислении времени. Однако *интерпретация* такого рода *источников* может оказаться самостоятельной сложной проблемой. Неизбежным элементом проверки дат как научной процедуры являются громоздкие математические вычисления. Для облегчения работы специалистами создаются разнообразные вспомогательные таблицы. В компьютерных операционных системах семейства UNIX имеется специализированное программное обеспечение для решения наиболее типичных хронологических задач. Изучение исторической хронологии является обязательным элементом образовательной программы исторических факультетов (в рамках курса «вспомогательные (специальные) исторические дисциплины»). Слабое знание методик, достижений и источниковой базы современной исторической хронологии неспециалистами составляет один из факторов популярности псевдонаучных концепций альтернативной истории (в частности – «новой хронологии» А. Т. Фоменко).

Лит.: Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и Античность. М., 1975; Каменцева Е. И. Хронология: учеб. пособ. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003. Климишин И. А. Календарь и хронология. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1990; Grumel V. Chronologie. Paris, 1958. (Traité d'études byzantines. [Vol.] 1).

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Ц – Ч

ЦЕЛОСТНОСТИ ПРИНЦИП – требование к историческому исследованию рассматривать явления прошлого как целостную систему, функционирование которой определяется системообразующим элементом, придающим устойчивость структуре системы. Принцип целостности был направлен на обнаружение устойчивых связей и постоянства явлений прошлого и, в известном смысле, противостоял *принципу историзма*, направленному на постижение уникальных явлений в истории и их развития.

Обоснование принципа целостности в *историческом познании* было связано с идеями К. Леви-Стросса и Ф. Броделя, которые нацеливали историка на выявление не изменяющегося и неповторимого, а устойчивых структур и длительности. Такие идеи придавали истории научный статус и противостояли господствовавшим в середине XX века. тенденциям, в соответствии с которыми *исторический процесс* на страницах исторических работ представлялся как мелькание *событий*, отражавших изменение политических ситуаций. Принцип целостности был направлен и против *позитивистского подхода* к изучению прошлого, который преимущественно подходил к истолкованию взаимосвязи исторических явлений как системе суммативной. Вместе с тем, признавая вклад *марксизма* в обоснование научного статуса истории, принцип целостности был призван углубить такое обоснование.

Однако дееспособность принципа целостности проявляется не на почве его противопоставления *принципу историзма*, грозящему утратой *исторической наукой* ее специфического *предмета*, а на основе согласования требований этих двух принципов. Безусловно, структура как инвариант системы определяет устойчивость последней. Но в процессе *исторического развития* происходит изменение самих структур, их дифференциация, слияние, трансформация. По сути дела, в марксистской теории был применен принцип целостности. Однако в ней произошла догматизация системообразующего элемента и жесткой зависимости характера производственных отношений от уровня развития производственных сил во все времена и у всех народов. Эта догматизация, в известном отношении, также игнорировала *принцип*

историзма и его идею индивидуальности. Более продуктивным представляется применение принципа целостности на базе *цивилизационного подхода*, учитывающего разнообразие развития различных систем и различие системообразующих элементов таких систем.

Лит.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993; Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Рамазанов С. П. Принципы исторического познания в XIX–XX вв.: тенденция к оптимизации // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2009. № 2 (6). С. 47–49.

С. П. РАМАЗАНОВ

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ – принцип исследования прошлого с позиций определенных *ценностей*, на которые в качестве идеалов и норм ориентируется в своем мышлении и деятельности индивид, общественная группа, возможно, человечество в целом. Выделяются два типа ценностного подхода в изучении истории: 1) исследование мыслей и действий людей прошлого с позиций *ценностей* их времени. Этот тип можно условно назвать историко-аксиологическим; 2) собственно **Ц. п. в и. и.**, в рамках которого реализуется познание истории с позиции современных социальных *ценностей*. В соответствии с видами *ценностей* выделяются виды ценностного подхода (идеологический, политический, правовой, этический, эстетический и пр.). **Ц. п. в и. и.** значим для выполнения *исторической наукой* важнейших социальных функций: социальной памяти, воспитательной.

В логическом отношении можно развести **Ц. п. в и. и.** и ценностную (аксиологическую) *оценку*. Посредством ценностного подхода не производится оценка *фактов* как имеющих позитивное либо негативное значение, а только выбираются те факты, которые находятся в *отношении к ценностям* (и положительным, и отрицательным), но игнорируются *нейтральные* по отношению к ценностям *факты*. Однако, специфика субъектно-объектных отношений в *историческом познании*, где человек изучает человека и человеческое общество, – обуславливает невозможность на практике полностью элиминировать аксиологическую *оценку* из *исторического исследования*.

Вопрос о функционировании ценностного подхода в *историческом исследовании* был поставлен В. Виндельбандом и Г. Риккертом (*неокантианство*), которые противопоставили **Ц. п. в и. и.** аксиологической *оценке*, отрицая необходимость и правомерность последней.

Вместе с утверждением трансцендентной природы *ценностей* отрицание *оценки* в истории давало основание лидерам неокантианства для их уверенности в достижении объективной (общезначимой) *истины* в *исторической науке*.

Критика неокантианской трактовки природы *ценностей*, прежде всего, со стороны представителей *позитивистской* философии, и широкое распространение релятивистских идей после Первой мировой войны привели к субъективизации ценностного подхода и констатации его неразрывной связи с аксиологической *оценкой*.

Прагматический или исторический *презентизм*, получивший распространение в 1920–1950-е гг., прежде всего в США, декларировал постулат о неизбежности и равноправии разнообразных аксиологических *оценок*. Своеобразным девизом этих идей стало название книги К. Беккера «Каждый человек – свой собственный историк». В таких условиях характер аксиологической *оценки* историка связывался с его сознательным выбором той или иной политической позиции. Для большинства историков США их *оценки* должны были базироваться на *ценностях* американского образа жизни. В эти же годы аксиологические оценки большинства советских историков детерминировались ценностями марксистско-ленинской идеологии.

Стремление возродить статус истории как научной дисциплины привело в 1960–1970-е гг. в рамках «*новой научной истории*» к призывам либо отрешиться от ценностных *оценок*, сохранив в *историческом исследовании* оценки сугубо научно-профессиональные, либо существенно ограничить сферу применения аксиологических *оценок*. Так, крупный английский историк Э. Карр допускал возможность моральной оценки институтов, но не признавал правомерность таких оценок в отношении личностей. Против привнесения моральных оценок в практику научно-исторического исследования выступали и видные советские историки (А. З. Манфред, Б. Ф. Поршнев).

Постмодернизм, в известном смысле, завершил круг дискуссий о месте ценностного подхода в *историческом исследовании*. По сути дела, критерием выбора *исторических фактов* в этом течении становятся современные культурные *ценности*, отрицается право историка судить прошлое, а акцент в *историческом познании* переносится на диалог с прошлым.

Лит.: Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903; Becker C. Every man his own historian. Chicago, 1966; Анкерсмит Ф. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новей-

шей истории. М., 1996; Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006.

С. П. РАМАЗАНОВ

ЦЕННОСТЬ – категория, являющаяся в ряде методологических концепций основанием для выбора *фактов* в процессе *исторического исследования*. (См.: *Ценностный подход в историческом исследовании*). В специальный философский лексикон понятие ценности вводится в 1860-е годы. Г. Лотце, который определял **Ц.** как значимость чего-либо в отличие от существования объекта или его качественных характеристик. Лидер неокантианского течения в исторической мысли Г. Риккерт, выдвинувший понятие ценности в качестве базового для отбора *исторических фактов*, писал: «Сущность ценности состоит в ее значимости, а не в ее фактичности». Сами же ценности трактовались Г. Риккертом как вневременные, надысторические, трансцендентные. Отрицание же роли категории ценности в качестве критерия выбора существенного в научно-историческом исследовании обуславливалось отрицанием ее общезначимого характера, обоснованием исторической и субъективной ее природы как проявление отношения субъекта к предмету ценности. Сами же ценности традиционно подразделяются на эстетические, этические, правовые, идеологические, политические.

Лит.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967; Он же. Понятие морали. М., 1974; Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903; Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006.

С. П. РАМАЗАНОВ

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ – одна из сфер церковного знания; историческое осмысление политических, социальных и культурных процессов религиозной жизни с позиций признания истинности верования и необходимости утверждения его *ценностей*. **Ц. и.** получила особенное развитие в христианской культуре, так как христианской мысли, опирающейся на Священное Предание, всегда было присуще историческое понимание действительности. Отцом церковной истории считают Евсевия Памфила (ок. 265 – ок. 340) – историографа эпохи византийского императора Константина Великого. «Церковная

история» Евсевия Памфила, посвященная «апостольскому периоду» христианства, была направлена на апологию христианского учения и борьбу с ересями. «Церковные истории» последователей Евсевия (Руфина, Филосторгия, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита) лишь дополняли его труд новыми *фактами*. **Ц. и.** распространилась в восточном и западном христианстве и считалась в средневековье частью богословия. В западных странах были популярны исторические труды, представляющие собой хроники церквей отдельных областей и *эпох*. Из них наиболее известна «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного (ок. 731 г.).

В XVI–XVIII вв. западноевропейская **Ц. и.** разделялась на католическую и протестантскую. Католические историки (Болландисты, Ж. Мабильон, Б. де Монфокон) преуспели в области патристики. Протестанты уступали им в эрудиции и были сосредоточены на полемике со своими религиозными оппонентами на поле истории реформации. Современная **Ц. и.** как обособленная дисциплина церковного знания сформировалась в Германии в конце XVIII – начале XIX в. Центром ее разработки был Геттингенский университет (И. Л. Мосгейм, В. Ф. Вальх, Л.-Т. Ф. Шпиттлер и др.). Немецкой *историографией* были поставлены задачи источниковедческого обоснования церковно-исторического знания, для получения и верификации информации использовались методы *вспомогательных исторических дисциплин*. В дальнейшем в Европе **Ц. и.** развивалась параллельно со светской *историографией*. Наибольших успехов она достигла в конце XIX – начале XX в. во Франции (Л. Дюшен), Германии (А. фон Гарнак), Британии (Д. Робертсон). Интерес западных церковных историков сосредоточен в области изучения первых веков христианства и исторической эволюции (в том числе, ее социальных и антропологических аспектов) католической и протестантской конфессий. В настоящее время **Ц. и.** институирована, в основном, на теологических факультетах университетов. Одним из крупнейших центров исследований является Папский Григорианский университет (Ватикан). В России первые попытки изучения истории русской церкви относятся к XVIII в. (иеромонах Никодим (Селлий), архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский)). В начале XIX в. успехи церковного *историописания* были связаны с ученой деятельностью митрополитов Амвросия (Орнатского), Евгения (Болховитинова), Платона (Левшина).

Научная методология церковно-исторических исследований разрабатывалась в трудах А. А. Горского, архиепископа Филарета (Гумилевского), митрополита Макария (Булгакова). Критическое направле-

ние церковной истории было представлено работами Е. Е. Голубинского. Значительный вклад в развитие церковно-исторической науки внес В. О. Ключевский (в 1871-1906 гг. – профессор Московской Духовной Академии). Особое место в российской **Ц. и.** занимали исследования раскола (Н. И. Субботин, П. С. Смирнов, Н. Ф. Каптерев). С середины XIX в. в духовных академиях работали кафедры не только русской церковной истории, но и истории Вселенской Церкви. В этой области известность получили труды И. В. Чельцова, В. В. Болотова, А. П. Лебедева и др. В XX в. русские церковные историки сосредоточились на проблеме взаимоотношений государства и церкви (И. К. Смолич, А. В. Карташев, Г. П. Федотов). В современной России **Ц. и.** в качестве научной и учебной дисциплины представлена в духовных академиях (Московская духовная академия), религиозных университетах и институтах (Библейский богословский институт им. апостола Андрея, Свято-Тихоновский богословский институт, Русская христианская гуманитарная академия, СПб.). Усилия церковных и светских историков успешно объединяет научно-издательский центр «Православная энциклопедия». С 2005 г. издается периодический «Вестник церковной истории» (приложение к «Православной энциклопедии»).

Лит.: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002; Иванов М. С. Церковная наука в России. XVII–XX вв. / Иванов М. С., Беляев Л. А., Бусева-Давыдова И. Л., Лозовая И. Е., Турилов А. А. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 427–467; Лебедев А. П. Очерки истории церковной историографии в протестантской Германии // Прибавления к творениям св. Отцов. 1880. № 26; 1881. № 27–28; Лебедев А. П. Церковная история в главных ее представителях с IV-го века до XX-го. Изд. 2-е, пересмотр. СПб., 1903.

Л. Б. СУКИНА

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ – 1) совокупность методологических принципов и объясняющих моделей, применяемых при анализе всемирной истории [А. А. Радугин]; 2) макрообъяснительная модель *исторического процесса*, позволяющая «вписать» конкретное общество в контекст общемировой истории через социокультурное своеобразие общества как целостности [Н. А. Проскурякова].

Ц. п. – способ изучения *исторической реальности*, является одной из форм организации *трансдисциплинарных* научных исследований, направленных на преодоление гетерогенности дисциплинарных

теоретических знаний путем их осмысления на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных научных дисциплин, изучающих прошлое. **Ц. п.** как способ изучения *исторической реальности* представляет собой систему методологических установок, ориентирующих на ее интерпретацию в русле цивилизационных теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания.

Методологические трудности использования цивилизационного подхода заключаются в том, что существует широкий разброс значений и смыслов, в которых употребляется слово «цивилизация». В настоящее время можно выделить три подхода к пониманию *цивилизации*: 1) унитарный; 2) стадийный; 3) локально-исторический. В рамках унитарного подхода, сложившегося в русле классической *модели исторического познания* в начале XIX века, цивилизация рассматривалась как идеал прогрессивного развития человечества, ориентиры которого задавались наиболее развитыми европейскими странами. В русле этой модели познания в XIX–XX веках были созданы различные стадийные теории цивилизаций как этапов прогрессивного развития человечества в целом: 1) «дикость – варварство – цивилизация»; 2) «традиционная – современная»; 3) «аграрная – индустриальная – постиндустриальная»; 4) «космогенная – техногенная – антропогенная»; 5) «устная – письменная – книжная – экранная»; 6) «коллективистическая – индивидуалистическая – солидаристическая». При этом развитие цивилизаций как стадий прогрессивного развития человечества рассматривается в контексте долгосрочного (многовекового) исторического цикла, включающего фазы зарождения, становления, зрелости, дряхления, кризиса и реликта. В рамках локально-исторического подхода к пониманию «цивилизаций», сформировавшегося в конце XIX – первой половине XX в. в русле неклассической модели *исторического познания*, цивилизации рассматривались как уникальные локально-исторические образования. В рамках этого подхода в настоящее время доминируют культурологические, этнопсихологические, экологические и социологические интерпретации локальных цивилизаций. На рубеже XX–XXI вв. в русле неоклассической модели *исторического познания* стала складываться новая версия цивилизационного подхода, в которой современный мир рассматривается как polylogue of civilizations и civilization of meeting (цивилизация встречи). В этом мире сами цивилизации становятся возможными лишь как «встреча цивилизаций», как их диалог / полилог на базе всеобщих символических форм, в ходе которого отдельные цивилизации вырабатывают собственные оценки

универсалий (например, свободы, прав человека, власти и т. д.) и выражают таковые через призму своих *ценностей* и исторического опыта. В этом плане локальные цивилизации представляют собой «вызовы» глобальным императивам. Такая коммуникационно-герменевтическая трактовка цивилизаций преодолевает представление о них как дискретных социокультурных единицах. Новации в такой трактовке понятия цивилизации состоят в том, что одновременно реализуется и цивилизационный, и мондиалистский подходы, признается социокультурная специфика цивилизаций и сохраняется экуменистское видение мира, устанавливается взаимосвязь «локализма» и «глобализма» через посредство универсально-символических форм.

В русле неоклассической модели *исторического исследования* в настоящее время разрабатываются различные многомерные методологические конструкты изучения локальных цивилизаций. В рамках одного из таких конструктов цивилизации рассматриваются как локально-исторические общности, представляющие собой единое целое в спатиальном (пространственном), темпоральном и конативном отношениях. Спатиальный параметр локальной цивилизации предполагает не просто выделение определенного ее ареала, но и выявление особенностей ее единого нормативно-ценностного пространства – символического универсума, представляющего собой «цивилизационную матрицу». «Цивилизационная матрица», или «доминантная форма интеграции», задавая базовые принципы социальных взаимодействий внутри локально-исторической общности, ее отношений с природной средой и окружающим миром, объединяет эту общность в единое целое и делает ее уникальной. Выделение «цивилизационной матрицы» позволяет преодолеть представление о локальной цивилизации как «конгломерате разнообразных явлений», а также стремление свести цивилизацию к специфике, например, культуры или религии, ибо в качестве «доминантной формы интеграции» могут выступать разные основания. Темпоральный параметр локальных цивилизаций выражается в социотипе развития, под которым понимаются повторяющиеся в длительной перспективе наиболее характерные черты этого развития и способы решения его проблем. Можно выделить такие социотипы развития как эволюционный, мобилизационный и инновационный. Конативный параметр локальных цивилизаций определяется культурными архетипами как совокупностью неосознанных архаических образов, ценностей и установок, носящих устойчивый характер и проявляющихся как в сфере повседневной жизнедеятельности людей, так и в области элитарного творчества.

Лит.: *Ионов И. Н.* Теория цивилизаций и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5; *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизация: теория, история, диалог, будущее: в 2-х т. М., 2006; *Пронин А. С.* Цивилизационная парадигма историологии // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*. 2010. № 4–5; *Проскуракова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Вопросы истории*. 2005. № 7. С. 153–154; *Радугин А. А.* Цивилизационный подход к истории // *Энциклопедический словарь по культурологии*. М., 1997. С. 431.

А. В. ЛУБСКИЙ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ (от лат. *civilis* – гражданский, государственный). 1) *Цивилизация* – высшая стадия развития человечества, следующая за дикостью и варварством (периодизация А. Фергюсона, Л. Моргана, Ф. Энгельса). Под цивилизацией в данном случае понимается состояние общества, характеризующееся наличием ряда положительных (в сравнении с варварством) качеств: выделение социума из природы, разделение труда, урбанизация, наличие государственных структур, письменности, развитой религии, рационализация различных сфер жизни общества. В зависимости от степени развития всех этих качеств принято выделять традиционные цивилизации и техногенные (вариант: традиционная – либеральная).

В таком понимании понятие «цивилизация» часто выступает в качестве взаимозаменяемого с понятием «культура» (например, у К. Ясперса). Однако существует и традиция противопоставления цивилизации и культуры. Н. А. Бердяев вслед за славянофилами считал цивилизацию «смертью духа культуры». О. Шпенглер определял цивилизацию как стадию упадка культуры, с характерной холодной рассудочностью, интеллектуальным голодом, практическим рационализмом, сменой душевного бытия умственным, преклонением перед деньгами, развитием науки, безрелигиозностью и др.

2) *Цивилизация* – процесс наработки означенных выше положительных качеств. Такую трактовку понятия цивилизации предложил Н. Элиас. Данный процесс характеризуется большой длительностью, носит стадийный (т. е. в различных обществах протекает не одновременно) и неравномерный характер (возможны периоды стагнации и откатов).

3) *Цивилизация* – культурно-историческая общность. Данная трактовка разрабатывалась в рамках теории локальных цивилизаций

(Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби), хотя исследователи предлагали различные термины для обозначения одного и того же понятия (*культурно-исторические типы*, культуры и др.), а также разнообразные характерные черты для его описания. Наиболее общей характеристикой локальной цивилизации является наличие универсальных (сверхлокальных) ценностей, отражающихся в мировых религиях (западно-христианская, восточнохристианская, исламская, индусская, буддийская), культуре и ментальности. Кроме того, значимыми являются языковая общность, единство экономического и политического строя.

О. Н. МУХИН

ЧЕЛНОЧНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ – теория, ориентированная на сопряжение двух уровней исторического анализа: *макроисторического* (на уровне *теории среднего уровня*) и *микроисторического*. Указанное сопряжение достигается посредством последовательно челночных аналитических ходов от исследования явления в двух означенных режимах. Появление технологии проистекало из закономерностей развития *историографии* второй половины XX – начала XXI в. и прежде всего *антропологического поворота* и поисков корреляции результатов ментального анализа с корректным и когерентным ему социоисторическим. Такая постановка задачи вытекала из самой логики эпистемологических процедур, в которых нуждается современная наука в поисках методологически корректных стратегий исторического синтеза. Актуальность подобного рода стратегий была сформулирована целым рядом историков. Так, например, обозначая возможные перспективы системного понимания современной истории России, В. В. Согрин отмечал, с одной стороны, важность выбора соответствующего макроисторического инструментария, с другой – подчеркивал, что надежной основой для его продуктивного применения в практике конкретного исследования должна служить *междисциплинарность*.

Выбор как макроисторического инструментария, так и микроисторического, как показала исследовательская практика не может быть произвольным. Исследовательская технология, ориентированная на системный подход к анализу человека, его сознания и психологии, не может довольствоваться ни отсылками к некоему абстрактному социальному контексту, ни простой реконструкцией некоей суммы конкретных исторических условий и обстоятельств, в которых анализируемое ментальное явление бытовало. Продуктивность *теорий*

среднего уровня как важнейшего инструмента в поиске корреляции связи глобальных социальных процессов всемирной истории и индивидуально-уникальной природы анализируемых конкретных антропологических сюжетов отмечал Ю. Л. Бессмертный. Сегодняшнего историка и его читателей, утверждал ученый, невозможно заставить отказаться от поиска магистральной линии социального развития в каждую данную эпоху. Этот поиск неотделим от решения задач исторического синтеза. Не поможет ли здесь вычленение исторических вариантов, отличающихся внутренней завершенностью, именуемых обычно «классическими»? – задавал вопрос историк. При этом он оговаривал, что в конкретной действительности эти варианты воплощаются в виде исключения. «Но именно из сопоставления с ними удастся построить наиболее последовательную типологию исторических форм... Подобная типология может стать отправным пунктом для соотношения микровариантов и их взаимодействия в рамках целого».

Точно так же выбор инструментария микромасштаба является строго обоснованным. Развитие гуманитарного знания второй половины XX века позволило представителям томской методолого-историографической школы сконструировать теоретически и подтвердить эмпирически возможность создания таких технологий, которые бы базировались на принципах общей фокусируемости комплекствующих их методов, их совместимости, взаимодополняемости и способности к методологической конвертируемости, что создает основания для их взаимного контроля. Режим челночной работы – последовательно многократного возврата от одного уровня анализа к другому, как показала их исследовательская практика, дает возможность верифицировать аналитические результаты.

Лит.: Бессмертный Ю. Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М.: Наука, 1991. С. 7–24; Барг М. А. О двух уровнях исторического познания // Вопросы философии. 1984. № 8; Николаева И. Ю. О возможности методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005; Она же. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 141–д 157; Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 134; Тилли Ч. Микро, макро или мигрень // Социальная история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН. 2000. С. 7–16.

Ш – Э

ШКОЛА НАУЧНАЯ – способ самоорганизации исторического сообщества и форма научной коммуникации в исторической науке, признаваемая научным сообществом. С точки зрения его иерархической структуры определяется как узкая группа историков, составляющих ответвление широкого «течения» или даже «направления» [Е. В. Гутнова]. С точки зрения внутренней структуры определяется как коллектив ученых (принадлежность к одному научному учреждению необязательна), в рамках которого под руководством лидера научной школы осуществляется деятельность в четырех основных аспектах: 1) разработка конкретных проблем по общей исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы научной школы; 2) подготовка молодого поколения исследователей; 3) организация и координация общих усилий; 4) утверждение особых норм взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива [А. А. Никишенков].

Научная школа – коллектив ученых разного уровня квалификации и опыта, занятых решением научной проблемы в рамках общей исследовательской программы, генерируемой лидером или интеллектуальным ядром, где в процессе научного исследования происходит не только получение нового знания разного уровня (выдвижение *проблемы*, создание *концепции*, формирование *понятия*, развитие *теории*, открытие новых *явлений*, создание *методов* исследования или усовершенствование существующих, накопление фактического материала), но и приобщение неопитов к исследовательской традиции и ее развитие, а уровень научных результатов получает признание коллег.

Структура научной школы включает в себя сотрудников разного уровня подготовки, обязательно лидера и молодое поколение исследователей. Есть мнение о том, что школы могут существовать и без ярко выраженного формального лидера. Последователи научной школы могут образовывать незримый колледж, связанный неформальными рамками сотрудничества в решении *научной проблемы*. Это дает повод рассматривать научные школы как социальные сети.

Признаки выделения научной школы четко не определены. Это может быть локализация школы (город, регион, страна, университет); предметная область; своеобразие исследовательской программы; философско-методологические и политические установки; личность лидера; типы связей внутри коллектива. По назначению получаемых знаний выделяют образовательные, исследовательские, смешанные школы. По типу связей между поколениями выделяют одноуровневые и многоуровневые; по степени институционализации – неформальные, кружки, институциональные. Это предопределило многообразие типологий научных школ.

Социальной предпосылкой возникновения школ является дифференциация *исторических знаний* и специализация ученых, когда индивидуальные формы работы неэффективны для решения задач. Фактором возникновения научных школ выступает необходимость координации творческих усилий по реализации общей исследовательской программы, а также задача приобщения молодежи к научной традиции путем формального и неформального общения с авторитетными в научном сообществе учеными. Специфика научных школ в *исторической науке* происходит из их подверженности влиянию со стороны социально-политических структур общества.

Изучение школы в исторической науке требует анализа коммуникативной природы школы, особенностей ее философско-методологических и политических установок, характерных черт конкретно-исторических исследований. Функции научных школ состоят в производстве научных знаний; профессиональной социализации; сохранении и развитии опыта научной деятельности; передаче образцов научной деятельности.

Лит.: Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1985. С. 9; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000; Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера. Ижевск, 2003; Никишенков А. А. Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20–40-е гг. XX в.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 56; Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 23–37.

О. М. МЕЛЬНИКОВА

ЭВРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКАЯ – *вспомогательная историческая дисциплина*, разрабатывающая исследовательские стратегии и практики выявления, отбора, систематизации и использования всей совокупности информационных ресурсов в сфере социальных и гуманитарных наук, применяемых в научных исследованиях. Объект исторической эвристики – система информационных ресурсов, фиксирующих сведения, необходимые в исследованиях в области социальных и гуманитарных наук. **И. э.** формулирует и реализует подход к комплексу информационных ресурсов в области социальных и гуманитарных наук как к системе произведений культуры, сложившихся в науке как специфической сфере деятельности человека, направленной на получение нового научного знания, и обеспечивает эвристические возможности потребления и анализа уже полученного человеком научного знания. Предмет исторической эвристики – закономерности организации и функционирования системы *источников*, фиксирующих сведения об информационных ресурсах в области исторических наук, особенности выявления и использования этой информации в ходе проводимого научного исследования.

В отличие от других *вспомогательных исторических дисциплин*, например, *библиографии исторической*, **И. э.** в качестве объекта рассматривает не только корпус библиографических, энциклопедических и справочных пособий, но всю совокупность информационных ресурсов как на традиционных носителях, так и возникающих в процессе свободного обмена сведениями в различных информационных и социальных сетях на электронных носителях. **И. э.** взаимодействует с другими дисциплинами, сформированными современным гуманитарным знанием и решающими задачи поиска необходимой информации при исследовании совокупностей *исторических источников* (источниковедческая эвристика), комплексов документов, исторически сложившихся в различных архивохранилищах (архивная эвристика), комплексов источников библиографической информации (библиографическая эвристика), интернет-ресурсов (интернет-эвристика).

Лит.: Бабенко В. Н. Отечественная научная информация в области исторических наук во второй половине XX века. М., 1999; Берков П. Н. Статьи по библиографической эвристике. М., 1996; Гиляревский Р. С. Основы информатики. Ч. 1–2. М., 2010; Гречихин А. А. Библиографическая эвристика. М., 1984; Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. 2-е изд. М., 2007.

ЭГО-ИСТОРИЯ – 1) термин, впервые употребленный Пьером Нора для обозначения эссе историков, пишущих историю собственной жизни. П. Нора, автор идеи и составитель сборника «Опыты эго-истории» (1987), предложил нескольким известным французским историкам написать не автобиографии, не свои психологические портреты, но историю собственной научной жизни, используя профессиональный эпистемологический инструментарий. Идея была революционной даже для научного дискурса второй половины XX века, ибо «научная традиция... заставляла историков скрываться за собственными трудами, за приобретенными знаниями, укрываться в другой эпохе, выстраивая перед собой стены из ярлыков и штампов, имея возможность выражать себя лишь через других» (П. Нора). П. Нора объявил о рождении нового жанра – эго-истории, который знаменует ломку «классической системы исторического объективизма». Историк отмечал, что опыт его коллег убедил в возможности касаться самых свежих событий, и что традиционная дистанция между «объектом» и «исследователем» может оказаться условностью, мешающей изучать современность средствами *исторического познания*. Действительно, когда историк из потомка становится современником изучаемых *событий* – совсем не лишней оказывается «опись» способов и средств его профессиональных действий, поскольку опасность политологических, социологических, психологических и иных замещений становится вполне реальной. Но трудность поставленного эксперимента состояла еще и в том, что историк должен был расщепить себя на познающего субъекта и познаваемый объект в одно и то же время. Такая «эпистемологическая шизофрения» могла закончиться весьма печально. Отказ некоторых историков, к которым обратился П. Нора, участвовать в этом опыте показателен: М. де Серто, много занимавшийся изучением автобиографии, написал П. Нора: «Я не чувствовал бы себя в своей тарелке в работе подобного рода...». Эго-истории французских ученых автор идеи отнес к сфере *интеллектуальной истории*, адресованной будущим историкам *историографии* как институции, но и шире – интеллектуального горизонта XX века. Отметим принципиальное отличие *источников*, которые создавались в дискурсивном пространстве своего времени, и *источников*, интенционально обращенных к будущим историкам уже в самый момент своего создания. Эта новая адресация не риторический прием, но смена коммуникативного вектора. Опыт этой книги состоял и в том, что шел напряженный поиск языка эго-истории, который бы не сводился

к психологическим автоописаниям, с одной стороны, и застывшим автобиографическим клише, с другой. Показателен язык предисловия и послесловия П. Нора: описывая опыт коллег, он использует театральные и балетные метафоры, позволяющие маркировать свою метапозицию в качестве «причастной вненаходимости» (термин М. Бахтина) – единственно возможной позиции, когда историк становится исследователем и героем собственного историографического *нарратива*. Эксперимент французских историков оказался успешным уже потому, что всякий историк, взявшийся за эго-историю, должен будет учитывать (даже не соглашаясь) опыт своих предшественников. Книга А. Я. Гуревича «История историка» (М., 2004), например, может считаться продолжением работы, начатой историками Франции.

(2) Эго-история как Self-History – иное толкование термина, предложенное в том же 1987 г., предполагает три взаимосвязанные линии, позволяющие соотнести профессиональную *историографию* с «публичной историей» (Public History) и образовательными практиками. (а) Создание возможности для любого человека сформулировать свою версию *исторических событий* с помощью специальных документальных конструкторов. Принципы собирания этих документально-историографических конструкторов вынесены за рамки политических или историографических пристрастий составителя, и потому такой документальный комплекс становится основой для разных, но равноправных версий – *интерпретаций*. С помощью освоения авторской позиции преодолевается отчуждение человека от далеких и не пересекающихся с его интересами *событий*. Авторская *интерпретация* возникает как сложный сплав знаний, мнений и убеждений, причем в учебной коммуникации происходит столкновение версий, когда каждый участник имеет возможность соотнести свое видение с иными точками зрения. Эта линия была воплощена в серии учебников-рабочих тетрадей Ю. Л. Троицкого («Открытый мир», 1995–1997), а также в мультимедийной образовательной среде «РОСМИР».

(б) Отношение к собственной жизни и описание ее как некоторой реальной истории. Современная культура в значительной степени утратила такие мощные формы личностного предъявления себя-в-мире как эпистолярная, дневниковая, мемуарная традиции. Преобладание устных и визуальных форм, вытесняющих письменную речь, ограничило сферу предъявления себя-в-мире. Э. и. может заполнить эту лакуну, а в учебной деятельности школьника и студента становится рефлексивной формой, помогающей субъекту разобраться в своей

становящейся биографии. Опыт французских историков относится именно к этой линии эго-истории.

(в) Поиск подобий между глобальной историей и самоисторией. Попытки соизмерения собственных действий и поступков с «поступочным корпусом» человечества приближаются к «возвышенному историческому опыту» (Ф. Анкерсмит) и могли бы превратить «воспитание историей» из педагогического заклинания и историографических натяжек (акцентирование героико-патриотической сюжетики, например) в реальную практику. По словам Ю. М. Лотмана, «история, отраженная в одном человеке, в его жизни, быте, жесте, изоморфна истории человечества».

Указанные значения эго-истории показывают ее несводимость ни к персональной истории, ни к *новой биографии*.

Лит.: *Нора П.* Вступление и Заключение к книге «Опыты эго-истории» // Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования. М., 2007. № 14/15. С. 56–68; *Троицкий Ю. Л.* Эксперимент с эго-историей // Там же. С. 55; *Его же.* Эго-история // Дискурс: коммуникация, образование, культура. Новосибирск, 1996. № 1. С. 85–87; *Essais d'ego-histoire*. P., 1987.

Ю. Л. ТРОИЦКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ – *направление* исторической и экономической наук. В начале XX в. **Э. и.** выступила как исследовательская область, удобная для перехода от традиционной политической истории к неклассической модели *исторической науки*. С начала XX в. **Э. и.** преподается в ряде американских и западноевропейских университетов. Ранние работы по экономической истории в основном носили описательный характер, их авторы старались реконструировать историю хозяйственной жизни в определенный период, еще не проявляя интереса к теории, позволяющей исследовать механизмы происходивших в истории экономических перемен. С середины XX в. **Э. и.** стала овладевать новыми методами, в том числе количественными, заимствуя их у экономической науки. **Э. и.** стала изучать явления и процессы с точки зрения теории экономического роста. В 1960–1970-е гг. в структуре *новой исторической науки* формируется «новая экономическая история», теоретическую и методологическую основу которой составляет *моделирование* экономических процессов и *количественный анализ*. Актуализация последнего метода привела к выде-

лению в рамках экономической истории *нового научного направления – клиометрики*, в сферу которой вошли не только историко-экономические вопросы, но и социальные и политические процессы.

В России действует Центр экономической истории при историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1996 г. издается обозрение «Экономическая история» (первоначально под ред. В. И. Бовыкина (1927–1998) и Л. И. Бородкина, в настоящее время – под ред. Л. И. Бородкина). Действует Научный совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. С 2005 г. Научный совет РАН, Центр экономической истории при историческом факультете МГУ, Научно-образовательный центр «Экономическая история Центральной России и Среднего Поволжья» при Мордовском ГУ издают «Бюллетень Научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории», в 2009 г. преобразован в журнал «Экономическая история». Известными зарубежными периодическими изданиями по проблемам экономической истории являются: «The Economic History Review» (с 1927 г.), «The Journal of Economic History» (с 1941 г.).

Лит.: Бородин Л. И. Клиометрика: pro et contra (виртуальный диалог) // Экономическая история: обозрение. М., 2001. Вып. 7. С. 114–132; Саломатина (Ломова) С. А. Экономическая история и клиометрика: самоопределение научных направлений у нас и за рубежом // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 3–20; Ланской Г. Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX в.: автореф. дисс. д-ра ист. наук. М., 2011; Тимошина Т. М. Экономическая история России. М., 2009; Экономическая история России до 1917 года: в 2 т. М., 2008; Экономическая история: обозрение. 1996–2011. Вып. 1–16.

С. И. МАЛОВИЧКО

ЭМБЛЕМАТИКА (от др.-греч. ἐμβλήματα – вставка, рельефное украшение; изначально эмблема – декоративная часть воинского наряда, накладные детали мраморных сооружений, затем, в Древнем Риме, – знак отличия определенного класса, разряда, легиона) – 1) направление в искусствоведении, изучающее эмблемы, то есть изображения, которым присвоен тот или другой смысл и которые выражают абстрактные понятия и идеи графическими средствами (голубь мира, пентаграмма пифагорейцев и т. д.), не изображающими явления, а лишь указывающими на них; 2) *вспомогательная историческая*

дисциплина, представления об объекте и предмете которой к настоящему времени не устоялись. Ряд авторов полагает, что Э. – синтетическая дисциплина, объединяющая в себе *геральдику*, *вексиллологию*, *униформистику*. Согласно другой точке зрения, Э. изучает лишь те эмблемы, которые не входят в предмет этих дисциплин, собственно – фирменные и товарные знаки. В отечественной *историографии* продуктивным оказался подход, рассматривающий в качестве объекта эмблематики многочисленные «Иероглифики», «Эмблематы», «Иконологии» – издания XVI–XVIII веков, представляющие собой сборники эмблем с их истолкованием. Изучением их влияния на литературу, изобразительное и декоративно-прикладное искусство занимался А. А. Морозов, на прикладную геральдику и вексиллологию – Н. А. Соболева, на эмблематическую поэзию – В. Н. Перетц.

Лит.: Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9; Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. С. 184–226; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962; Похлебкин В. В. Международная символика и эмблематика. М., 1989; Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981; Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992.

О. И. ХОРУЖЕНКО

ЭПИГРАФИКА – 1) *специальная научная дисциплина*, связанная с изучением надписей (от др.-греч. ἐπιγράφο – писать на чём-либо, делать надпись). Интерес к надписям как к *историческому источнику* возник в древности, но термин «эпиграфика» появился в первой половине 1840-х гг., в эпоху становления методов и приёмов исторического *источниковедения*. Под «эпиграфикой» Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона понимает «название научной дисциплины, занимающейся изучением надписей». В Большой Советской энциклопедии дано более развёрнутое определение: «вспомогательная историческая дисциплина, изучающая надписи (преимущественно древние и средневековые) на твёрдых материалах (камне, металле, глине и т. д.)». Данные определения не являются исчерпывающими. Э. является наукой о надписях на твёрдом материале – камне, дереве, металле, обожжённой глине, керамике, мозаичных изображениях, вырезанные на

печатах и отчеканенные на монетах и т. п. Эпиграфическими памятниками являются надписи, сделанные чернилами или красками на глиняных черепках (остраконах), иконах и фресках, а иногда – вышитые на ткани. Объединяет их то, что все они созданы на носителях, крайне редко употреблявшихся в качестве материала для письма.

Термин «эпиграфика» используется также для обозначения отдельных отраслей данной науки. Исследование надписей разных эпох и народов связано со знанием языков, систем письменности, социальных, культурных и религиозных традиций и множества иных факторов. Хотя принципы изучения надписей в целом остаются общими, каждая отрасль эпиграфики имеет свою специфику исследований. Поэтому отдельными (и зачастую мало связанными друг с другом) отраслями данной науки являются древнегреческая, римская, китайская, мусульманская, древнерусская, скандинавская руническая Э. и др.

2) Еще одно значение термина «эпиграфика» – совокупность всех надписей той или иной эпохи, страны, региона, народа. Например, под «эпиграфикой средневековой Франции» мы можем подразумевать отрасль эпиграфики, изучающую надписи данной страны и данной эпохи, а также все надписи, созданные на территории Франции в Средние века. Отцом научной эпиграфики считается немецкий филолог-антиковед Август Бёк (1785–1867), который издал все известные к его времени древнегреческие надписи в виде единого свода (корпуса), получившего название «Корпус греческих надписей» (*Corpus Inscriptionum Graecarum*). Вошедшие в него надписи были распределены по регионам античного мира, типам и времени создания. Методические принципы исследования и издания надписей, разработанные А. Бёком, утвердились во всех отраслях эпиграфики.

Главный объект исследования эпиграфики – надписи, являющиеся слепком всех сторон жизни общества в данный момент времени и в данном месте. Эпиграфические памятники уникальны тем, что они существуют в единственном экземпляре и, несмотря на утраты, доносят «живой голос эпохи», не искаженный последующей перепиской и редакторской правкой. Надписи нередко содержат сведения, не сохранившиеся ни в одном ином источнике. Они сообщают о самых разных сторонах жизни прошлого: политической и социальной истории, экономических, религиозных и культурных реалиях, административном делении и системе управления, законодательстве и строительстве, общественной и частной жизни. Базовая задача эпиграфики – изучение исторического процесса на основе комплексного исследова-

ния надписей. В первую очередь это – сбор, датировка, первичное изучение и издание надписей, то есть введение в научный оборот новых *источников*. Успех исследования обеспечивается пониманием неразрывности формы и содержания надписи, так как в центре внимания эпиграфики стоит не только заключенная в ней письменная информация. Большую роль играет изучение материала, на который нанесена надпись, технических приемов нанесения, расположения и функционального назначения надписи, особенностей письма и языка. С XIX века издаются своды надписей, объединяющие эпиграфические памятники определенной *эпохи* и региона. Наиболее известны «Надписи Греции» (*Inscriptiones Graecae*, издается с 1873 г.) и «Корпус латинских надписей» (*Corpus Inscriptionum Latinarum*, издается с 1847 г.).

Лит.: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001; Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987; Новосадский Н. И. Введение в греческую эпиграфику. М., 1915. Ч. I.; Рыбаков Б. Н. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964; Фёдорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969; Вопросы эпиграфики. М., 2006–2010. Вып. I–IV; Нумизматика и эпиграфика. М., 1960–2006 Т. I–XVII.

А. Г. АВДЕЕВ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ – 1) раздел *философии истории*, предметом которого является *историческое знание и познание* [А. В. Гурьянова]; 2) направление критической *философии истории*, изучающей вопрос о том, возможно ли знание о прошлом и как соотносятся друг с другом язык историка и сама *историческая реальность* [Ф. Р. Анкерсмит]; 3) разделы *философии истории* и *историологии*, занимающиеся изучением проблем границ и условий *исторического знания*, а также правил, связанных с обнаружением и предотвращением историографических ошибок [А. Мегилл].

Современную *философию истории* обычно подразделяют на *историософию*, занимающуюся разработкой теории *исторической реальности*, и *историологию*, или эпистемологию истории, в центре внимания которой находятся теоретические вопросы *исторического познания* [М. Кукарцева, Е. Коломоец]. Рассматривая эпистемологию истории в качестве раздела *философии истории*, одна группа ученых в рамках *корреспондентного подхода* разрабатывает различные тео-

рии *исторического познания* в его соотношении с *исторической реальностью*. При этом одни исследователи, исходя из *принципа нейтральности* познающего субъекта, акцентируют внимание на объективной стороне *исторического познания*. Другие исследователи, стремясь сохранить субъект познавательной деятельности, обращают внимание на *интерпретативные* аспекты *исторического познания*. Другая группа эпистемологов в рамках *когерентного подхода* разрабатывает различные теории исторического познания вне связи его с *исторической реальностью*, элиминируя вопрос об объективной стороне *исторического познания* и сосредоточивая внимание на том, «как думают историки», получая или конструируя *исторические знания*.

В настоящее время выделяют аналитическую, герменевтическую, идеалистскую и лингвистическую модели эпистемологии истории [М. Кукарцева]. Аналитическая Э. и., разрабатывая корреспондентную теорию *исторического познания*, акцентирует внимание на проблемах его объективности, а также на *реконструкции* и *объяснении исторической реальности*. Герменевтическая Э. и. в рамках разработки корреспондентной теории *исторического познания* ориентируется на реконструкцию *исторической реальности* путем *интерпретации* текстов прошлого в контексте субъект-субъектных отношений, диалога историка как представителя одной культуры и изучаемых исторических субъектов как носителей других культур. Идеалистская Э. и. ориентируется на разработку когерентной теории *исторического познания*, связанного с производством *исторических знаний*, рассматривая их как конструкции *исторической реальности*. Лингвистическая Э. и. в рамках когерентной теории *исторического познания* акцентирует внимание на языке текстов прошлого и языке историков, а также на нарративном характере *исторического дискурса* как конструктора *исторической реальности*.

В зависимости от задач исследования, Э. и. подразделяется на нормативную, занятую разработкой стандартов и норм *исторического познания*, и дескриптивную, связанную с изучением реального познавательного процесса.

С учетом исторической ретроспективы выделяются различные типы эпистемологии истории. Одни исследователи, начиная отсчет с 30–50-х гг. XX в., выделяют: 1) классическую эпистемологию истории, выросшую из недр исторической школы «Анналов» и ряда родственных ей направлений (*истории ментальностей*, *исторической антропологии* и *школы микроистории*); 2) неклассическую (*структу-*

ралистскую) эпистемологию истории, совершившую в *историческом познании* «полевой поворот», направленный на преодоление в нем «антропологических иллюзий»; 3) постнеклассическую (*постмодернистскую*) эпистемологию истории, связанную с утверждением в *историческом познании* принципов деконструкции, интертекстуальности, нарративизма и спровоцировавшую в нем «лингвистический поворот» [А. В. Гурьянова].

Другие исследователи, считая, что Э. и. появляется еще в XIX в., выделяют такие ее типы, как: 1) классическая (*позитивистская*), связанная с разработкой теории *исторического познания* с ориентацией на модели мышления «строгих» наук, реализующих варианты рассудочно-гносеологических практик и стремящихся представить субъект-объектные отношения в познании в жестких абстракциях, где господствует анонимный гнет понятий и демонстративность научной мысли; 2) неклассическая (неокантианская), ориентирующаяся при разработке теории *исторического познания* на модели мышления гуманитарных наук, реализующих варианты экзистенциально-антропологических практик и стремящихся не только сохранить субъект познания, но и представить его как целостность, в единстве мышления и деятельности; 3) постнеклассическая (*постмодернистская*), рассматривающая *историческое познание* как лингвистическое *конструирование исторической реальности* в рамках определенных риторических стратегий, а *исторические знания* как когнитивные конструкции, облегчающие социальные коммуникации.

Лит.: Анкерсмит Ф. Р. *История и тропология: взлет и падение метафоры* / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Колomoец, В. Катаева. М., 2003; Гурьянова А. В. Историческая эпистемология: проблемное поле и эволюция представлений. Самара, 2009; Кукарцева М., Колomoец Е. Эпистемология и онтология истории // Вестн. МГУ. Серия: философия. № 1. 2007; Кукарцева М. Предисловие переводчика // Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2009; Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина). М., 2009.

А. В. ЛУБСКИЙ

ЭПОХА ИСТОРИЧЕСКАЯ – определенный *период*, отрезок истории, характеризующийся определенными признаками, мера *исторического времени*.

Историческая эпоха отражает свойства исторической памяти и не имеет определенной продолжительности. Нельзя сказать: «Эпоха Возрождения началось в 13... году». Мы говорим, что она продолжалась в течение XIV–XVI вв. Все исторические эпохи вычлняются на основе разных критериев (эпоха Петра I, эпоха Наполеоновских войн, эпоха Просвещения, эпоха коллективизации), но все они имеют свою индивидуальность, свою окраску, насыщены совершенно конкретными *историческими событиями*, отражают конкретные *исторические явления*. Но исторические эпохи выделяются и получают признание в качестве таковых только в случае, если они занимают действительно особое место в истории.

Лит.: Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2007; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997; *Формы и способы презентации времени в истории* / Отв.ред. С. Г. Мереминский. М., 2009.

Е. Г. БЛОСФЕЛЬД

ЭТАТИЗМ – 1) направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития, обосновывающее возрастание роли государства во всех сферах жизни общества (5); 2) концепция государственной власти, основанная на абсолютизации организующей миссии государства в системе социального взаимодействия и распространение его экспансии на все сферы жизни общества; 3) принцип активной государственной политики в экономической, социальной, культурной и иных сферах общественной жизни; 4) социальная система, организованная вокруг присвоения экономического излишка, произведенного в обществе, держателями власти в государственном аппарате, ориентированная на максимизацию власти, т. е. увеличение военной и идеологической способности государственного аппарата навязывать свои цели большому количеству подданных и на более глубоких уровнях их сознания (1); 4) мировоззрение и идеология, абсолютизирующие роль государства в обществе и пропагандирующие максимальное подчинение интересов личности и социальных групп интересам стоящего над обществом государства; 6) тип политического сознания. **Э.** в истории – это вопрос о взаимодействии государства с разными сферами жизни общества, которое приобретало различный характер – от полного ого-

сударствления различных сфер до их автономного обособления от государственных структур. Огосударствление различных сфер жизни происходило сильнее в тех обществах, экономические, политические, социальные, идеологические, моральные и другие структуры которых были недостаточно дифференцированы.

Э. в истории был связан с господством в обществе принципов «власти-собственности» и «централизованной редистрибуции»; давлением отдельных экономических классов и социальных групп, стремившихся с помощью государства решать экономические или политические проблемы; выполнением государством общественных функций, требующих крупных материальных и финансовых затрат, а иногда и организационного контроля над производством и потреблением; укреплением политического господства или, наоборот, стремлением к равенству и социальной справедливости. Крайними формами этатизма в истории выступают деспотические государства и тоталитарные общества. Э. можно рассматривать как принцип взаимодействия государства и индивида, опирающийся на идею государства, содержащую представление «о том отношении, которое должно быть между государем и подданными, а не только понятие принудительной власти, которую государство имеет над частными лицами» (3).

Э. как принцип взаимодействия государства и индивида противоположен либерализму. Наделяя инициативой исключительно государство, Э. предполагает безусловное подчинение индивида государству и ограничение личной свободы социальных действий. Э., исходя из представления о том, что правители умнее, чем народ, и что они лучше, чем сам человек, знают, что будет для него благом, возлагает на государство задачу руководства гражданами и заботы о них. Забота правителей – делать все, что, по их мнению, служит благу их собственного народа и каждого человека. В условиях этатизма правильным и настоящим государством считается такое, в котором, как отмечают либеральные критики этатизма, главенство принадлежит мне и моим друзьям, говорящим на моем языке и разделяющим мои мнения. Э. – это профессиональное заболевание правителей, завоевателей и государственных служащих (4). Э. как принцип взаимодействия государства и индивида, помимо рационального его обоснования со стороны «управляющих», включает и культурную легитимацию этатистского порядка со стороны «управляемых». Например, в русском культурном архетипе характерной чертой является культ государственной власти,

порождающий этатизм, причем не в западном, а в восточно-деспотическом смысле. Этот Э. основывается на образе российского государства как «демиурге» российской истории, главном «стержне» всей общественной жизни и номинации для обозначения отечества (родины), царя-государя (вождя) и высшей государственной власти. Предназначение такого государства и государственной власти, персонафицированных с государем, состоит в доходчивом объяснении подданным сложностей пугающего их мира и формировании у них «веры-ожидания», символом которой выступает «длинная дорога». В русском культурном архетипе государство отождествляется с большой семьей, в которой отношения детей («управляемых») и родителей («управляющих») подразумевает «хорошее», «отеческое» и справедливое правление доброго «хозяина-отца». Отсюда вытекает понимание этатизма как общенародного единства и духовного родства, а также стремления заменить бездушные правовые нормы нравственными ценностями. В русском культурном архетипе государственная власть ставится выше закона, что сформировало, с одной стороны, такую установку, как правовой нигилизм и неверие в закон в качестве воплощения справедливости и средства борьбы со злом, а с другой – антиличностную предрасположенность, терпимость и страсть к порядку (3).

Лит.: 1) *Кастельс М., Киселева Э.* Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России, 1999. № 3. С. 6; 2) *Ланно-Данилевский А. С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты и до эпохи преобразований // Политические исследования. 1994. № 1. С. 178–185; 3) *Мизес Л.* Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. М.: Социум, 2007; 4) Этатизм // Отечественная история в терминах и понятиях / Под общ. ред. М. В. Зотовой. М.: МГУП, 2002.

Р. А. ЛУБСКИЙ

ЭТНОГРАФИЯ – 1) родственная *этнологии* наука, основной задачей которой является накопление и первоначальная систематизация сведений о быте и культуре различных этнических групп, преимущественно ведущих традиционный образ жизни; 2) то же, что и *этнология*. Опыты этнографического описания окрестных народов предпринимались еще античными (Геродот) и средневековыми (император Маврикий, Константин Багрянородный) авторами. С откры-

тием Нового Света и началом миссионерской работы среди местных племен появились труды, посвященные истории, быту, обычаям и языкам индейцев (Г. Овьедо-и-Вальдес, П. Съеса де Леон, Д. де Ланда), а в дальнейшем – народов Австралии и Океании (Ш. ле Гобиен, Л. А. де Бутенвиль). XIX век ознаменовался совершенствованием теоретических оснований этнографии, возникновением первых этнографических школ (мифологическая, эволюционная, культурно-историческая), а также развитием собирательской практики. К середине XIX века Э. оформилась как самостоятельная наука. В сферу изучения этнографии оказались вовлечены не только племена «дикарей», обитавшие в Америке, Австралии или Океании, но и народы Старого Света, Кавказа, Азии и Сибири.

В XX в. шло дальнейшее развитие методологической основы этнографии и совершенствование полевых собирательских приемов, чему способствовало использование аудиозаписывающей техники, фотографии и киносъемки. Относительно молодым развивающимся направлением современной этнографии является этнография города, в которой объектом изучения становятся массовые представления и практики жителей урбанизированных территорий. Важнейшей частью этнографического исследования является непосредственное наблюдение за жизнью изучаемого общества. Ученый может либо проживать среди носителей изучаемой *традиции* (стационарный метод), либо проводить относительно краткие и специализированные обследования интересующих его регионов в течение определенного полевого сезона (экспедиционный метод). Кроме того, возможен сбор этнографического материала путем распространения анкет. Наконец, определенное значение для этнографических исследований имеют письменные и вещественные *источники*. Обобщение этнографического материала позволяет получить сведения о структуре и ценностных системах изучаемого общества, о путях и механизмах распространения информации, о тенденциях развития изучаемой культуры. Этнографическая работа тесно переплетается с музейной и выставочной деятельностью. В то же время, многие этнографы склонны скорее скептически оценивать практики реконструкции традиционных обрядов и празднеств, этническое искусство и иные формы воспроизведения народного творчества за пределами естественной для него среды (так называемый «постфольклор»).

Лит.: Итс Р. Ф. Введение в этнографию: учеб. пособие. 2-е изд. Л., 1991; Народы России: энциклопедия. М., 1994; Свод этнографических

понятий и терминов. М., 1986–1995. Вып. 1–6; Токарев С. А. История зарубежной этнографии: учеб. пособие. М., 1978; Токарев С. А. История русской этнографии: (дооктябрьский период). М., 1966; Чистов К. В. Фольклор, текст, традиция. М., 2005.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ЭТНОЛОГИЯ – научная дисциплина, изучающая природу и социальные функции культурных различий между людьми. По происхождению, методологии, кругу обсуждаемых вопросов и приемам работы Э. близка социальной антропологии. С другой стороны, этнологическая проблематика может обсуждаться в рамках географической науки. Зарождение этнологии и других подобных дисциплин связано с деятельностью европейских миссионеров в Новом Свете. Изучая языки и культуру аборигенов с конкретной практической целью перевода Св. Писания, христианские проповедники постепенно накопили фактический материал, который позволил заметить существенное сходство между традиционной культурой колонизируемых территорий и античной культурой древнейшего периода (обыкновенно это открытие связывают с именем Ж.-Ф. Лафито). В соотнесении с философскими установками немецкого Просвещения полученный результат вылился в представление о первобытности как необходимой ступени в развитии культуры (И. Г. Гердер, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель), а также в противопоставление двух групп народов – «цивилизованных» (т. е. преодолевших первобытное состояние, обретя науку, закон, государство и прочие атрибуты цивилизации), и «отсталых», или «диких», которые замерли в первобытном состоянии и способны пребывать в нем бесконечно долго. В этом интеллектуальном контексте Э. мыслилась как особая наука, посвященная изучению «отсталых» людей. Термин «этнология» был предложен А. Шаванном (1784) и получил распространение благодаря трудам Ж. Ж. Ампера (1820–1830-е гг.).

Кризис классического историзма, наступивший в XX в., привел к пересмотру теоретических оснований этнологии. В частности, это выразилось в изменении объекта данной дисциплины. Современная Э. занимается функционированием и социальным статусом культурных различий в любых обществах, безотносительно к достигнутому уровню «прогресса». Культурная неоднородность человечества, распадающегося на множество этносов, очевидна. Вместе с тем, в Э. существует несколько несовместимых ответов на вопрос о природе

этнического разнообразия. Исторически первой этнологической концепцией является эссенциализм, в рамках которого различия между народами связываются с объективными различиями внешней среды, воспитания (получаемого, по убеждению эссенциалистов, преимущественно в семье) и традиционного уклада жизни (И. Г. Гердер, Г. Лебон, К. Гирц, Ю. В. Бромлей); крайней формой эссенциализма является биологический редукционизм, жестко связывающий этнические различия с принадлежностью к определенному физическому типу (расе) и снискавший себе заслуженно недобрую славу научного обоснования нацизма (Ж. А. де Гобино). Альтернативой эссенциализму выступает инструментализм, рассматривающий этничность как политический институт, возникающий в рамках модернизации и используемый элитами для консолидации общества и эффективного управления страной (Э. Геллнер). Наконец, в последнее время активно развивается *конструктивизм*, в рамках которого этничность не признается ни врожденной, ни навязываемой властями, но описывается как естественная совокупность социальных практик, возникающих под воздействием множества политических, экономических и культурных факторов (Ф. Барт, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум).

В ситуации, когда социальная напряженность систематически выливается в конфликты «местных» и «приезжих», власти ждут от этнологов однозначных и простых рецептов «национальной политики», направленных на преодоление «этнических конфликтов». Это обуславливает высокую степень политизации этнологических споров. Эмпирический материал для проверки этнологических построений поставляется историей, а также социологией, этнографией и фольклористикой. Принципиальное значение для этнологии имеют полевые исследования, построенные на непосредственном контакте с представителями изучаемых культур.

Лит.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; Этнические группы и социальные границы / Под ред. Ф. Барта. М., 2006.

Д. А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ОБ АВТОРАХ

АВДЕЕВ Александр Григорьевич, кандидат исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

АЛЁШИН Максимилиан, НИУ «Высшая школа экономики».

БИБИКОВ Михаил Вадимович, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

БУРОВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

ВАСИЛЬЕВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

ВАСИЛЬЕВ Евгений Алексеевич, кандидат исторических наук, Томский государственный университет.

ГАЙДУК Владислава Леонидовна, Российский государственный гуманитарный университет.

ДЕВЯТАЙКИНА Нина Ивановна, доктор исторических наук, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

ГАВРИСТОВА Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики».

ЗАГОСКИН Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Томский государственный университет.

ЗВЕРЕВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, отд. нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля.

ИОНОВ Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

КАЗАКОВ Роман Борисович, НИУ «Высшая школа экономики».

КАРНАЧУК Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Томский государственный университет.

КИМ Олег Витальевич, кандидат исторических наук, Кемеровский государственный университет.

- КОРЧИНСКИЙ Анатолий Викторович, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет.
- КРАЙНОВ Григорий Никандрович, доктор исторических наук, Бирская государственная социально-педагогическая академия.
- ЛАПТЕВА Мария Петровна, кандидат исторических наук, Пермский государственный университет.
- ЛУБСКИЙ Анатолий Владимирович, доктор философских наук, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).
- ЛУБСКИЙ Роман Анатольевич, кандидат философских наук, Краснодарский университет МВД России.
- МАЗУР Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский государственный университет им. Б.Н. Ельцина.
- МАЛОВИЧКО Сергей Иванович, доктор исторических наук, Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево, Московская обл.).
- МЕЛЬНИКОВА Ольга Михайловна, доктор исторических наук, Удмуртский государственный университет.
- МЕНЩИКОВ Игорь Самуилович, кандидат исторических наук, Курганский государственный университет.
- МИНЦ Светлана Самуиловна, доктор исторических наук, Краснодарский государственный университет.
- МИСИК Марина Анатольевна, Сибирский государственный медицинский университет.
- МОГИЛЬНИЦКИЙ Борис Георгиевич, доктор исторических наук, Томский государственный университет.
- МУХИН Олег Николаевич, кандидат исторических наук, Томский государственный педагогический университет.
- МУЧНИК Виктор Моисеевич, кандидат исторических наук, Томский государственный университет.
- НЕКРАСОВА Надежда Владимировна, Российский государственный гуманитарный университет.
- НИКОЛАЕВА Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, Томский государственный педагогический университет.
- ПАШКОВ Александр Михайлович, доктор исторических наук, Петрозаводский государственный университет.

ПЕТРОВА Майя Станиславовна, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич, доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН.

ПОПРАВКО Елена Александровна, доктор исторических наук, Дальневосточный государственный университет.

ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, Уральский государственный университет.

РАМАЗАНОВ Сергей Павлович, доктор исторических наук, Волжский гуманитарный университет.

РАМАЗАНОВА Джамиля Нуровна, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна, кандидат исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики».

РЯДИНСКАЯ Марина Владимировна, Волжский гуманитарный университет.

СУКИНА Людмила Борисовна, доктор исторических наук, Институт программных систем «УГП имени А.К. Айламазяна» (г. Переславль-Залесский, Ярославская обл.).

СУПРИЯНОВИЧ Александра Геннадьевна, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

ФИЛИМОНОВ Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, Сыктывкарский государственный университет.

ХОДЯЧИХ Сергей Сергеевич, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

ХОРУЖЕНКО Олег Игоревич, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

ХОРХОРДИНА Татьяна Иннокентьевна, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.

ЧЕКАНЦЕВА Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Barnes H.E. 136
Baumer F.L. 135
Bayly C.A. 80
Beckert S. 80
Conze W. 461
Donald A.R. 504
Freeman E.A. 71
Hofmeyr I. 80
Judge A. 499
Kelley D.R. 136
Kramer L. 136
Piaget J. 310
Salo W. Baron 472
Smith J.M. 240
Stearns P. 461
Winckelmann J.J. 142

А

Абель В. 86-87
Абу-эль-Хадж Р.А.
359
Августин 59, 75–76,
194, 383, 416
Авенель Ж. 258
Автократов В.Н. 27–
28
Адамс Б. 258
Адамс Г. 258
Адамс Г.Б. 258
Адамс Дж. 258
Айзенштадт Ш. 42,
109, 303
Айналов Д.В. 143
Аландский П.И. 18
Алексеев В.В. 55
Алексеев М.П. 329
Алпатов М.В. 143
Амато Дж. А. 248
Амин С. 103, 109,
285, 290

Ампер Ж.Ж. 554
Андерсон Б. 328, 555
Андреев А.И. 92, 202
Андреев Ю.В. 18
Андреевский И.Е. 28
Анкерсмит Ф. 269,
333, 543, 547
Анциферов Н.П. 237
Аристотель 74, 83,
89, 102, 127, 178,
208, 424
Арон Р. 109, 131–132,
301–302, 399, 411,
496
Арриги Дж. 285
Арсеньев Ю.В. 38, 74
Артемова Е.Ю. 123
Артог Ф. 410, 480
Арциховский А.В.
24, 26
Арьес Ф. 87, 197
Ассман Я. 263, 265,
369–371
Афанасьев К.Н. 281

Б

Байер Г. 17
Барг М. А. 118, 162,
169, 259, 470
Барджес В. 258
Барг Р. 448, 471
Барг Ф. 555
Баткин Л.М. 195, 284
Бауэр О. 327
Бахофен Я. 379
Бахтин М. 512, 542
Бейтсон Г. 358
Бёк А. 75, 546
Бек У. 483
Белавенец П.И. 38

Беленький И.Л. 31–32
Беликов А.П. 18
Белл Д. 109, 399–400
Белох К.Ю. 18, 86
Беляев Н.Т. 281
Бемон Ш. 258
Бендикс Р. 303
Бенсон Л. 336
Бенуа А.Н. 143
Берве Г. 18
Бергер П. 198, 511–
512
Бергсон А. 59, 66,
141, 364, 515
Берджесс Э. 212
Бердинских В.А. 248
Бердяев Н.А. 108, 535
Бережков Н.Г. 525
Берк П. 197, 241, 306
Берк Э. 258, 494
Берков В. 414
Берков П.Н. 329
Берков В.Ф. 414
Берков П.Н. 329
Берл А. 132
Бернал М. 103
Бернгейм Э. 201
Берну Э. 436
Берр А. 196, 258, 335,
459
Бескровный Л.Г. 49
Бессмертный Ю.Л.
199, 284, 336, 537
Бест Г. 209
Бестужев-Рюмин
К.Н. 245
Бжезинский З. 399
Бикерман Э. 525
Бильбасов В.А. 258
Бирд Ч. 410
Бичурин Н.Я. 361

- Благовещенский
Н.М. 18
Блок М. 11, 22, 88,
174, 183, 195–196,
252, 335
Блэк Дж. 56
Блэк С. 109, 303, 496
Бовыкин В.И. 544
Боден Ж. 17, 105, 384
Бокарев Ю.П. 211,
215
Боккаччо Дж. 17
Бокль Г. 255, 258, 463
Бокшанин А.Г. 18
Болингброк Г. 177
Болланд Ж. 258
Болотов В.В. 532
Болсуновский К.В.
281, 474
Болтин И.Н. 363
Болховитинов, митр.
Евгений 368, 531
Больцано Б. 436
Большаков А.М. 27
Бональд Л. 258
Бородкин Л.И. 202,
211, 218, 544
Браун П. 55
Браччолини П. 257
Брике Ш. 514
Бродель Ф. 22, 59, 87,
97, 109, 180, 196,
251, 287, 294, 480
Брокгауз Ф.А. 545
Бромлей Ю.В. 555
Бруни Л. 257
Буганов В.И. 202
Бузескул В.П. 18
Бузольт Г. 18
Булыгина И.А. 24
Бурдые П. 117, 193,
392
Бурков В.Г. 507
Буркхардт Я. 143,
195–196, 241, 258
Буро А. 197
Буслаев Ф.И. 121,
143, 195
Бутарик Э.-П. 258
Бычкова М.Е. 70
Бьондо Ф. 17, 257
Бьюри Дж. 18, 457
Бэкон Ф. 83, 178
Бэкон Р. 127
Бэтсон Г. 47
Бюлер Ф.А. 474
Бюргер А. 167
Бялостоцкий Я. 122
- В**
- Вайнштейн О.Л. 259
Вайц Г. 258
Валевский А.Л. 31–32
Валк С.Н. 23–24, 92,
202, 329
Валла Л. 17, 257
Валлерстайн И. 285,
287–288, 290, 483
Валлон А. 17
Вальх В.Ф. 531
Вансина Я. 503
Варбург А. 142, 196,
241
Василенко Ю.В. 16
Васильев Л.С. 437,
493, 496
Васильевский В.Г.
18, 46, 258
Васютин С.А. 291
Ваттенбах В. 258
Вахштайн В. 310
Введенский А.И. 199,
201
Вебер М. 11, 35, 106,
114, 174–175, 194,
251, 273, 301, 327,
331, 365, 436, 495–
496, 511–512, 520
Веймарн Б.В. 143
Вернадский В.И. 100,
318
Веселаго Ф.Ф. 50
Веселовский С.Б. 70,
92
Вико Дж. 194, 292,
482
Виндельбанд В. 119,
273, 330, 341, 528
Винкельман И. 17,
142
Виноградов П.Г. 258
Винокур Г.О. 32
Виолле П. 258
Виппер Б.Р. 143
Виппер Р.Ю. 18, 258,
273, 416
Виттих В. 258
Вишленкова Е.А. 359
Власьев Г.А. 70
Вовель М. 197
Волков С.В. 437
Вольф Ф.-А. 17, 258
Востокова А.Х. 368
Вульф К. 167
Вульф Л. 359
Вундт В. 423
Выготский Л. С. 423
- Г**
- Габаев Г.С. 38
Габелко О.Л. 18
Гадамер Г.-Г. 75–77
Галилей 424
Гарскова И.М. 211,
215
Гартман Э. 12, 141
Гарфинкель Г. 198
Гатман Г. 336
Гегель Г.В.Ф. 173,
364, 413, 482, 565
Геллнер Э. 326, 555
Гемпель К. 332
Гераклитов А.А. 514
Герар Б. 258
Гердер И.Г. 173, 194,
244, 258, 436, 554–
555
Герье В.И. 258
Гиббон Э. 17
Гидденс Э. 472
Гизебрехт В. 258
Гизо Ф. 106, 447
Гильдебранд Б. 258
Гинзбург К. 282–283,
336
Гиппиус А.А. 479
Гирке О. 258
Гиро П. 18
Гирц К. 198, 282, 502,
555

- Глайстер Дж. Э. 216
 Глассон Э. 258
 Глотц Г. 18
 Глускина Л.М. 18
 Гнедич П.П. 143
 Гнейст Р. 258
 Гоббс Т. 178, 194
 Гобино Ж.А. де 555
 Гобсон Дж. А. 123
 Говоров Ю.Л. 104
 Голдсмит Р. 214
 Голдстейн Л. 347
 Голдстоун Д. 87
 Голицын Н.С. 50
 Голованова М.П. 38
 Голосовкер Я.Э. 293
 Голубинский Е.Е. 532
 Голубцова И.А. 24
 Гомаюнов С.А. 237
 Гомбрих Э. 122
 Горский А.А. 531
 Грабар А. 122
 Грабаря И.Э. 143
 Грамши А. 359
 Грановский Т.Н. 258
 Гребнер Ф. 207
 Гревс И.М. 11, 18, 237, 258
 Греков Б.Д. 72, 92
 Гренди Э. 282
 Грецкий М.Н. 472
 Гречко П.К. 402
 Григулевич И.Р. 437
 Грил Р. 503
 Гримм Э.Д. 18
 Гримм Я. 258
 Грин Дж. 259
 Гринин Л.Е. 87, 291, 306
 Грот Дж. 17
 Губер П. 87
 Гуковский М.А. 259
 Гумбольдт А. 258
 Гумбольдт В. 515
 Гумилев Л.Н. 100, 108, 327, 374–376, 463, 489
 Гурвич Ж. 480
 Гуревич А.Я. 22, 195, 199, 336
 Гурьянова А.В. 547, 549
 Гуссерль Э. 59, 184, 512
 Гутманн Ф. 258
 Гутнова Е.В. 315, 470, 538
Д
 Дальбрюк Г. 50
 Дан Ф. 258
 Данилевский И.Н. 479
 Данилевский Н.Я. 194, 243, 489, 536
 Данилов В.П. 11
 Даннхауэр И. К. 75
 Данто А. 269
 Дантон 447
 Дарендорф Р. 131, 496
 Дарнтон Р. 283
 Дворжак М. 143
 Де Моз Л. 422
 Монфокон Б. де 121, 368, 531
 Дебольский В.Н. 72
 Декан Ф. 504
 Декарт Р. 59, 83, 98, 293
 ДеКорс К. 26
 Делиль Л. 258
 Дельбрюк Г. 18
 Дементьева В.В. 18
 Демос Дж. 336
 Денисов А.Е. 34
 Деррида Ж. 225, 502
 Джиллс Б.К. 290
 Джиниоглу Дж. 70
 Джонс С. 18
 Дианова Т.В. 514
 Дидро Д. 105
 Дидрон А.-Н. 121
 Дизеринк Х. 123
 Диксон А. 17
 Дильтей В. 74–75, 141, 273, 422, 515
 Динцельбахер П. 197
 Добиаши-Рождественская О.А. 259
 Добрушкин Е.М. 24
 Доватур А.И. 18
 Долгоруков П.В. 70
 Дрей У. 332
 Дрепер Дж. 258
 Дробижев В.З. 211
 Дройзен И.Г. 17, 77, 139, 201, 239, 272, 515
 Дункер М. 17
 Дулов В.А. 507
 Дьяков В.Н. 18
 Дьяконов И.М. 54
 Дэвис Н.З. 174, 283, 336
 Дэп А. 217
 Дюби Ж. 87, 197
 Дюпрон А. 460
 Дюран Дж. 86
 Дюркгейм Э. 106, 130, 196, 264, 369, 423, 436, 495
 Дүро де ла Малль Ж.-Б. 17
 Дүрюи В. 17
 Дүшен Л. 531
Е – Ж
 Егоров А.Б. 18
 Ермолаев А.И. 368
 Ерофеев Н.А. 123
 Ефрон И.А. 545
 Ешевский С.В. 17, 258
 Жигунин В.Д. 18
 Жири А. 258
З – И
 Забелин И.Е. 143
 Зайков А.В. 18
 Зайцева Л.П. 38
 Зейлера Г.А. 474
 Зервос К. 143
 Зибель Г. 258, 373
 Зимин А.А. 23, 27, 70, 72, 92, 202

- Зиммель Г. 436, 515
 Зомбори М. 359
 Зоммер Б. 504
 Зубков К.И. 429
 Ибн-Варрак 359
 Иванов К.И. 38
 Иванов П.И. 474
 Иггерс Г.Г. 172
 Иллич И. 109
 Ильин А.А. 343
 Ильин М.В. 95
 Ильинский В.Н. 507
 Илюшечкин В.П. 520
 Инальчик Х. 306
 Инама-Штернегт К. 258
 Иольсон Л.М. 34
 Искандеров А.А. 309
- К**
- Кабанов В.В. 202
 Кавалли-Сфорца Л.Л. 70
 Кавелин К.Д. 380
 Кайзер Ж. 229
 Кайсаров А.С. 437
 Калайдович К.Ф. 368
 Калачов Н.В. 28
 Калифа Д. 197
 Каменский А.Б. 70
 Каменцева Е.И. 74, 281, 467
 Камерон Р. 288
 Каннингем У. 258
 Кант И. 59, 173, 412, 482, 554
 Канторович А.Р. 26
 Капица С.П. 87
 Каптерев Н.Ф. 532
 Каравашкин А.В. 513
 Карамзин Н.М. 162, 245, 447
 Кара-Мурза С. 103
 Каратаев А.В. 306
 Карафет Т.М. 70
 Кардаков Н.И. 34
 Кареев Н.И. 178, 258
 Карлейль Т. 258, 373, 447
 Карнап Р. 255
- Карначук Н. В. 470
 Карпюк С. Г. 18
 Карр Э. Х. 458, 529
 Карре Ж.-М. 122
 Каррье Дж. 359
 Карсавин Л. П. 184, 195, 258, 516
 Карташев А. В. 532
 Касавин И. Т. 499
 Кассирер Э. 194
 Кастаньяри Ж.-А. 358
 Кауфман И. И. 143, 281
 Кахк Ю. Ю. 218
 Каштанов С. М. 24, 92, 202, 216, 514
 Кашцев В. И. 18
 Кашенко С. Г. 211
 Келли Д. 392
 Кембл Д. 258
 Кеплер И. 105
 Кириченко Л. А. 24
 Кишвицкий Л. 86
 Кишера Ж. 258
 Киященко Л. П. 499
 Клагес Л. 515
 Клейн Л. С. 376
 Клепиков С. А. 514
 Клёсов А. А. 70
 Климов О. Ю. 18
 Клоше П. 18
 Ключевский В. О. 98, 195, 255, 325, 532
 Кнабе Г. С. 265
 Книс К. 258
 Князев А. Т. 474
 Ковалева С. И. 18
 Ковалевский М. М. 258
 Ковальченко И.Д. 11, 90, 110, 153-154, 156, 185, 202, 210-211, 213-215, 218, 253, 277, 336, 347, 357, 362, 452, 468
 Козеллек Р. 60, 485
 Козлова В. П. 24
 Коллингвуд Р. Дж. 56, 346
- Колобова К. М. 18
 Колпинский Ю. Д. 143
 Кондаков Н. П. 121, 143
 Кондорсе Ж.-А. 416
 Кондратьева Н. 287
 Конт О. 105, 130, 166, 181, 251, 384
 Конце В. 461
 Копанев А. И. 72
 Корбен А. 197
 Корелин М. С. 258
 Короленков А. В. 18
 Коротчаев А. В. 87, 255
 Косолапов В. В. 274
 Костюхина Л. М. 514
 Коул Дж. 359
 Коул М. 423
 Кошеленко Г. А. 18
 Крадин Н. А. 291
 Крёбер А. 489
 Крестинин В. В. 92
 Крис Э. 143
 Кром М. М. 21, 260
 Кроче Б. 346
 Крумбахер К. 46
 Крууса Х. Х. 12
 Крюков Д. Л. 17
 Ксифилин 17
 Кублер Дж. 143
 Кугельман Л. 458
 Кудрявцев П. Н. 258
 Кузищин В. И. 18
 Кузнец С. 214
 Кузнецов С. К. 281
 Кузьминых С. В. 26
 Кукарцева М. А. 333, 547-548
 Кулаковский Ю. А. 18
 Кулишова О. В. 18
 Кульпин Э. С. 463, 493
 Кун Т. 158, 172, 238, 269, 372
 Куник А.А. 201
 Курно А. 457-458
 Курциус Э. 17

- Куторга М.С. 17
Кутузов М.И. 325
Кучеренко Л.П. 19
Кучкин В.А. 71, 202
Кьеркегор С. 141
Кэрю Дж. 248
- Л**
- Лабори П. 197
Лабрус Э. 87
Лавджой А.О. 192–193
Лависс Э. 258
Ле Руа Ладюри Э. 209, 283, 335
Лакан Ж. 471
Лакьер А.Б. 474
Ламберти А.И. 280
Лампрехт К. 195–196, 258
Ланглуа Ш.-В. 201, 239, 258
Ландри А. 86
Лапи П. 12
Лаппо-Данилевский А.С. 23–24, 28, 92, 98, 139, 184, 195, 201–202, 273, 276–277, 281, 318, 331, 342, 422, 512
Лаптев И.П. 514
Лапшин И.И. 195, 201
Лассуэл Г. 229
Латышев В.В. 18
Лауэ Т. фон 42
Лафито Ж.-Ф. 554
Ле Гофф Ж. 22, 168, 195, 197, 283
Леба Ф. 17
Лебедев А.П. 532
Лебон Г. 423, 525
Левассер П. 86, 258
Леви Дж. 282–283
Леви М. 42, 303
Леви С. 303
Леви-Брюль Л. 197, 423
Леви-Стросс К. 194, 471, 496, 527
- Левицкий Я. А. 259
Лейбниц Г. 244
Ленин В.И. 23, 123, 176–177, 429
Ленски Г. 108
Леонтьев П.М. 17
Леонтьевский З.Ф. 361
Лессинг Т. 515
Лефевр А. 198
Ли Г. 258
Лидем А. 258
Лиотар Ж.-Ф. 267–268
Липранди И.П. 437
Литвак Б.Г. 24, 202, 253
Лихачев Д.С. 245
Лихачева Н.П. 24, 70, 474, 514
Лобанов-Ростовский А.Б. 70
Лобачевский Н.И. 183
Лозинский С.Г. 437
Ломанцов В.А. 38
Ломоносов М.В. 363, 437
Лооне Э. 432
Лосев А.Ф. 195
Лотман Ю.М. 369, 448, 543
Лотце Г. 530
Лубский А.В. 309, 524
Лукиан 436
Лукичев М.П. 514
Лукман Т. 198, 511–512
Лукомский В.К. 74
Лукреций Кар 383
Лурья А.Р. 423
Лурье С.Я. 18
Лурье Я.С. 245
Луцкий Е.А. 202
Лучицкая С.И. 197
Лучицкий И.В. 258
Лэмбард В. 248
Любавский М.К. 71
Люблинская А.Д. 216
- Любовича Н. 256
Людтке А. 199, 283
Люс О. 258
Лютер М. 75, 118
Льюшер А. 258
- М**
- Мабильон Ж. 92, 258, 531
Мабли Г.-Б. де 17
Маврикий 552
Магаффи Дж. 17
Магеллан 39
Магидович И.П. 39
Магницкий Л.Ф. 280
Мазэ Ф. 217
Майборода Д.В. 75
Майкова Т.С. 24
Макиавелли Н. 17, 66, 501
Маккензи Р. 211
Мак-Леннан Дж. 380
Мак-Нил У. 53–54, 287
Маколей Т.-Б. 447
Максимова М. 475
Малиновский Б. 436, 473
Малков С.Ю. 87
Маллон Ж. 217
Мальтус Т. 86, 106
Мандру Р. 196–197
Мансика В.Й. 437
Манфред А.З. 529
Маринович Л.П. 18
Марков А.К. 343
Маркс К. 89, 112, 173–174, 181, 251–252, 364, 384, 428–429, 458, 482, 519–520
Маркузе Г. 42, 198
Мартен А. 258
Масловский Д.Ф. 50
Масуда И. 109
Матинский М.А. 280
Матрас Дж. 108
Маурер Г.Л. 258
Мах Э. 412

Махлаюк А.В. 18
 Машкин Н.А. 18
 Маяковский И.Л. 28
 Мевре Ж. 87
 Мегилл А. 521, 547
 Медик Х. 199, 283
 Медушевская О.М.
 70, 185, 200, 202,
 261, 511
 Медушевский А.Н.
 261
 Межерицкий Я.Ю. 19
 Мезер Ю. 258
 Мейер Х. 197
 Мейер Э. 18, 331
 Мейн Г. 258
 Мейцен А. 258
 Мельникова А.С. 343
 Мельникова Е.А. 24
 Мень А.В. 437
 Менэрт Э. 122
 Мериваль Ч. 17
 Мертон Р.К. 473
 Местр Ж. де 258,
 494–495
 Метро Р. 47
 Мечников Л.И. 106,
 463
 Мид М. 47
 Миллер Г.Ф. 92, 162
 Милль Дж. С. 127,
 166, 414
 Милов Л.В. 11, 202,
 211, 215, 218, 281
 Милоков П.Н. 195
 Мининков Н.А. 276
 Минье Ф. 447
 Мирабо 447
 Миронов Б.Н. 211,
 215
 Миттерауэр М. 283
 Митфорд У. 17
 Митчелл С. 258
 Мишле Ж. 17, 258,
 447
 Мишулин А.В. 18
 Мищенко Ф.Г. 18
 Могайт А.Л. 281
 Могильницкий Б.Г.
 158, 250, 470

Моделски Дж. 109,
 285
 Модестов В.И. 18
 Можейко И.В. 507
 Моисеев В.И. 499
 Молев Е.А. 18
 Момильяно А. 18
 Моммзен Т. 17, 373
 Моно Г. 258
 Монтескье Ш.Л. 17,
 105, 463
 Монфокон Б. де 121,
 368, 531
 Морган Л.Г. 37, 379,
 380, 384, 535
 Морин Э. 229
 Морне Д. 241
 Морозов А.А. 545
 Мосгейм И.Л. 531
 Мосс М. 344
 Муравьев В.А. 202
 Мухаммед 66
 Мухин О.Н. 470
 Мышлаевский А.З.
 50
 Мюллер К. 17
 Мюллер М. 292, 436

Н

Насонов А.Н. 24
 Невинс А. 503
 Нейрат О. 255
 Нетушил И.В. 18
 Нефедов С.А. 55–56,
 87, 255, 306
 Нибур Б.-Г. 17, 258,
 447
 Никитин П.В. 18
 Никишенков А.А.
 538
 Николаева И.Ю. 175,
 310, 470
 Нитхаммер Л. 503
 Ницше Ф. 59, 141,
 515
 Нич К.-В. 17
 Новиков Н.И. 92
 Новосадский Н.И. 18
 Нойманн И.Б. 359

Нора П. 60, 161, 236,
 263, 265–266, 410,
 460, 541–542
 Норт Д. 134, 214–216
 Нортон Э. 258
 Ньютон И. 178

О

Оболенский М.А. 474
 Овьедо-и-Вальдес Г.
 553
 Окладников А.П. 143
 Оливе Ф. де 495
 Оллпорт Г. 119
 Оман Ч. 258
 Омо Л. 18
 Орбели И.А. 143
 Органский А. 303
 Осгуд Ч. 229
 Осокин Н.А. 258
 Островски Д. 55
 Оукшотт М. 347

П

Павловский Ю.Н. 87
 Пажо Д.А. 123
 Пайс Э. 87
 Пальцева Л.А. 18
 Панофски Э. 142
 Парсонс Т. 43–43,
 108, 304, 303, 473,
 496
 Парфенов В.Н. 18
 Паскаль Б. 457
 Патаи Р. 359
 Пашков А.М. 248
 Пельман Р. 18
 Перетц В.Н. 545
 Петерс Д.И. 507
 Петрарка Ф. 17, 194
 Петров М. Н. 258
 Петровская И.Ф. 32
 Петрушевский Д.М.
 258, 273, 331
 Петрушевский Ф.И.
 281
 Печатнова Л.Г. 18
 Пиккар Г. 514

Пильц О. 507
Пиотровский Б.Б. 143
Пипуныров В.Н. 281
Пиррон 172
Пичета В.И. 27
Плетников Ю.К. 519–520
Плеханов Г.В. 459
Побережников И.В. 55, 302, 305
Погодин М.П. 325, 368
Поланьи К. 287, 493
Полевой В.М. 143
Полетаев А.В. 169, 260, 277, 460
Помьян К. 480
Помяловский И.В. 18
Пономарев М.В. 493
Поппер К. 166, 364
Портелли А. 503–504
Поршнев Б.Ф. 259, 423, 529
Постан В. 87
Приселков М.Д. 245
Прозоровского Д.И. 281
Пронштейн А.П. 202
Проскурякова Н.А. 305, 532
Пушкарёв Л.Н. 203
Пчелов Е.В. 38
Пэлгрев Ф. 258

Р

Радищев А.Н. 363
Радклифф-Браун А.Р. 436, 473
Радугин А.А. 532
Раков В.М. 470
Рамазанов С.П. 365
Ранке Л. фон 98, 195, 258, 393, 447
Ранович А.Б. 437
Раппопорт П.А. 281
Рассел Б. 255
Рассел Дж. 86
Раульф У. 197
Раунд Дж. 258

Ревель Ж. 283
Редин Е.К. 143
Рейсер С.А. 329, 479
Реклю Э. 106
Репина Л.П. 119, 136, 158, 163, 169, 192, 260–261, 310, 335–337, 341, 402, 472, 499, 523
Рид Г. 143
Рикардо Д. 86
Рикёр П. 60, 75, 78, 460
Риккерт Г. 71, 119, 126, 178, 183, 273, 330–331, 341, 365–366, 528, 530
Риль Г. 258
Риттер К. 258
Робертс М. 53
Робертсон Д. 531
Робеспьер 447
Робинсон Дж. 410
Ровинский Д.А. 143
Роджерс К. 53, 56
Роджерс Т. 258
Розенкамф Г. А. 28
Розенталь Г. 503
Роллен Ш. 17
Романов Б.А. 222
Романова Г.Я. 281
Ростовцев М.И. 18
Ростоу У. 109, 128, 131, 214, 301–303, 399, 496
Рот П. 258
Рудольф Р.Л. 306
Румянцева М.Ф. 17, 119, 341, 511–512
Рунг Э.В. 18
Руссо Ж.-Ж. 173, 258
Рутенбург В.И. 195
Рыбаков Б.Н. 281, 475
Рыбников Н.А. 32
Рюзен Й. 170, 402
Рюккерт Г. 242–244
Рюшмейер Д. 304
Рябенченко П.Ф. 34

С

Савельева И.М. 260, 277
Савин А.Н. 258
Савиньи К.-Ф. 258
Савицкий П.Н. 108, 463
Саид Э.В. 285, 358–359
Сайкс Б. 70
Сайм Р. 18
Салинз М. 108
Самаран Ш. 217
Самоковасов Д.Я. 28
Санктис Г. де 18
Сапрыкин С.Ю. 18
Сахаров И.П. 368
Свенцицкая И.С. 437
Севастьянова А.А. 248
Селезнев М.С. 24
Селунская Н.Б. 11, 211, 215
Семенов Ю.И. 291, 519
Сен-Симон А. де 105, 130, 251, 494
Сеньобос Ш. 201, 239, 258
Сервис Э. 108
Сергеев В.С. 18
Сергеенко М.Е. 18
Середонин С.М. 71
Серто М. де 59, 460, 541
Сибом Ф. 258
Сигеле С. 423
Сикурель А. 198
Симиан Ф. 196, 459
Сказкин С.Д. 12, 259
Скалигер Ж.Ж. 525
Скотт Дж. 68
Скрябинская Е.Ч. 259
Славко Т.И. 110, 211
Слихер Б. ван 87
Смирнов П.С. 532
Смирнова С.Ю. 493
Смит А. 420
Смит У. 38

Смоленский Н.И. 485
 Смолич И.К. 532
 Соболева Н.А. 38, 545
 Согрин В.В. 536
 Соколов А.К. 211
 Соловьев В.С. 244
 Соловьев С.М. 325
 Соловьев Э.Ю. 119
 Сорель А. 258
 Сорокин П.А. 108, 194, 489
 Спасский И.Г. 343, 507
 Спенсер Г. 105–106, 130, 423, 473, 495
 Спивак Г.Ч. 358–359
 Стасюлевич М.М. 258
 Стеббс У. 258
 Степанов Н.В. 525
 Степанский А.Д. 24
 Степун Ф. 515
 Стернин Г.Ю. 143
 Столярова Л.В. 216
 Стопфорд-Грин А. 258
 Стора Б. 441
 Строгецкий В.М. 18
 Строев П.М. 245, 368
 Струков Д.П. 38
 Стюард Дж. 108
 Субботин Н.И. 532
 Суриков И.Е. 18
 Съеса де Леон П. 553
 Сэ А. 259
 Сэйбин Д. 283

Т

Талеб Н.Н. 76
 Тард Г. 423
 Тарн У. 18
 Тартаковский А.Г. 202
 Татищев В.Н. 92, 280, 363, 437
 Тахо-Годи А.А. 195
 Тацит 37, 50
 Тейлор Э. 380

Терешкович П.В. 497
 Тернер В. 240
 Тисельтон Э. 74
 Тихомиров М.Н. 71, 202, 245, 467
 Тишков В.А. 376
 Глостанова М.В. 359
 Тойнби А.Дж. 16, 22, 64–66, 104, 107, 194, 251, 417, 482, 489, 536
 Токарев С.А. 437
 Токвиль А. 258, 447, 494
 Толстов С.П. 437
 Толстой Л. 166
 Толстой И.И. 343
 Тольнаи К. 143
 Томашевский Б.В. 479
 Томпсон П. 503–504
 Томпсон Э. 198, 411
 Тоффлер Э. 109, 194, 399–400
 Тош Дж. 470, 523
 Троицкий Ю.Л. 542
 Тройницкий С.Н. 74, 474
 Тромонин К.Я. 514
 Трубецкой Н.С. 108
 Трухина Н.Н. 18
 Турен А. 109, 399
 Турчин В.С. 143
 Турчин П.В. 87, 255
 Тутен Ж. 18
 Тхоржевский Р.И. 34
 Тьерри О. 258, 447

У

Уайт Д. 258
 Уайт Л. 108
 Уайт Х. 57, 268–269
 Уваров А.И. 432
 Удальцов А.Д. 259
 Удальцова З.В. 470
 Уздеников В.В. 343
 Узнадзе Д.М. 117–118, 392
 Уилкинсон Д. 306

Уисслера К. 207
 Уоллис Дж. 134
 Успенский Б.А. 369, 448
 Устинов В.А. 218
 Устрялов Н.Г. 393
 Устюгов Н.В. 281

Ф

Фаган Б. 26
 Фанон Ф. 359
 Фаньез Г. 258
 Февр Л. 22, 183, 195–196, 260, 423, 459
 Федотов Г.П. 195, 532
 Фейерабенд П. 269
 Фергюсона А. 482, 535
 Ферреро Г. 18
 Филин Ф.П. 281
 Филиппов И.Т. 32
 Филюшкин А.И. 448
 Финли М. 18
 Фихте И.Г. 446
 Фишер М. 123
 Флакк Ж. 258
 Флаций 75–76
 Флаэрти Р. 47
 Флетчер У. 504
 Фогель Р. 214–216
 Фортинский Ф.Я. 258
 Франк А.Г. 110, 285, 287–290
 Франк С. 183, 516
 Франк Ф. 255
 Франкастель П. 143
 Фрейд З. 422
 Фрейтаг Г. 258
 Френ Х.Д. 343
 Фрере Н. 436
 Фрид М. 108
 Фриман Э. 17, 98, 201, 258, 393
 Фриш М. 503
 Фробениус Л. 207, 244
 Фролов Э.Д. 18
 Фромм Э. 118, 392

Фроуд Дж. 258
Фрэзер Дж. Д. 292–293, 436
Фукидид 171, 392, 468
Фуко М. 95, 138, 193, 240, 268, 359, 460, 471
Фукуяма Ф. 224–225
Фурастые Ж. 131, 399
Фюстель де Куланж Н. 17

Х

Хабермас Ю. 75, 221–222
Хавский П.В. 525
Хайдеггер М. 59, 74, 77–78, 141, 152, 480
Халиди Р. 359
Хальбвакс М. 264, 369
Хантингтон С. 42, 109, 304–305
Хассан И. 268
Хаттон П. 77, 197, 402
Хвостов В.М. 27, 201, 331
Хвостов М.М. 18
Хвостова К.В. 211, 215, 218
Хейзинга Й. 22, 190
Хелльвальд Ф. фон 194
Хихс П. 359
Хладениус 75
Хобсбаум Э. 326, 555
Холл Т. 290
Холмс Р. 18
Хорошкевич А.Л. 24
Хоскинс Ч. 258
Хьюз Э. 211

Ц – Ч

Цирель С.В. 87
Чайльд Г. 194

Чарновский С. 264
Чейз-Данн К. 290
Чельцова И.В. 532
Черепнин Л.В. 24, 71, 92, 202, 216, 281, 329
Черкасова М.С. 72
Черноморский М.Н. 202
Черных В.А. 24
Чертков А.Д. 343
Черутти С. 283
Черчилль У.А. 514
Чиглинцев Е.А. 18
Чипполл К. 87

Ш – Щ

Шаблин А.А. 237
Шаванн А. 554
Шапиро А.Л. 281
Шаповалов В.Ф. 432
Шартье Р. 192, 197, 241, 441
Шахматов А.А. 245
Шахнович М.М. 436
Швеглер А. 17
Шелер М. 183
Шеллинг Ф.В. 141, 244, 446
Шеффер В.А. 18
Шилз Э. 301, 496
Шиллер И.Ф. 482
Широкова Н.С. 18
Шкаренков П.П. 18
Шлегель Ф. 244
Шлейермахер Ф. 74–75, 77
Шлецер А.Л. 245
Шмеман А.Д. 437
Шмидт С.О. 24, 202–203, 237, 432, 503
Шмитт Ж.-К. 197
Шмоллер Г. 258
Шоню П. 53, 87
Шопенгауэр А. 141
Шофман А.С. 18
Шпанн О. 515
Шпенглер О. 16, 22, 104, 107, 194, 239, 244, 251, 384, 482, 489, 515, 535–536
Шпиттлер Л.–Т.Ф. 531
Шпрандель Р. 197
Штаерман Е.М. 18
Шульце Х. 266
Шюц А. 511–512
Щербатов М.М. 92, 162

Э – Ю

Эко У. 471
Элиаде М. 437
Элиас Н. 198, 535
Элиот-Смит Г. 207
Эльстер Л. 86
Энгельс Ф. 89, 173–174, 251–252, 274, 379, 384, 482, 535
Эразм Роттердамский 17
Эрикссон Э. 115–118, 392, 421
Эрхард Х. А. 474
Эткинд А.М. 359
Эшли У. 258
Юм Д. 412
Юрганов А.Л. 511, 513

Я

Яковлев Л.П. 38
Ямпольский М. 439
Янин В.Л. 92, 281, 475
Янов А.Л. 376
Янсен И. 258
Ясперс К. 194, 361–362, 416, 482, 535
Яцунский В.К. 12, 72, 202

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	5
СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ	[11–555]
А	[11–28]
Аграрная история	11
Аксиология в историческом познании	12
Актуальность историческая	13
Альтернативность в истории	13
Аналогии исторической метод	15
Антиковедение	16
Антисциентизм в историческом познании	19
Антропология историческая	21
Археография	22
Археологическая культура	25
Археология	26
Архивоведение	27
Б	[29–36]
Берестология	29
Библиография историческая	30
Биографика	31
Биографистика	33
Бонистика	33
Бюрократия	35
В	[37–66]
Варварство	37
Вексиллология	38
Великие географические открытия (Эпоха Великих географических открытий)	38
Вероятность историческая	40
Вестернизации теории	41
Вестернизация	43
Византинистика	44
Ввизантиноведение	46
Визуальная антропология	46
Власть	47
Военная история	49
Военная революция	51
Воображение историческое	56
Востоковедение	59
Время историческое	59
Вспомогательные исторические дисциплины	60
Вспомогательные методы исторического исследования	62
Выборочный метод в историческом исследовании	63
Вызов и Ответ	64

Г	[67–82]
Гендер	67
Гендерная история	68
Генеалогия	69
Генерализирующий подход	71
География историческая	71
Геральдика	73
Герменевтика	74
Герменевтический круг	76
Герменевтический подход	78
Гипотеза историческая	78
Глобальная история	79
Государственность	81
Д	[83–99]
Дедукция в историческом исследовании	83
Действительность историческая	84
Демография историческая	85
Детерминизм исторический	88
Диалектический подход	89
Диахронного анализа технология	89
Дипломатика	91
Дискурс исторический	93
Дискурсивный анализ	95
Дисциплина исторической науки	96
Долгого времени теория	97
Достоверность историческая	98
Е – З	[100–113]
Евразийства теория	100
Европоцентризм	101
Естественная выборка	110
Закономерность историческая	111
Знание историческое	113
И	[114–205]
Идеальный тип	114
Идентичность	115
Идиографический метод	119
Иконография	120
Имагология	122
Империализм	123
Империя	124
Индивидуализирующий подход	126
Индукция в историческом исследовании	127
Индустриальное общество	128
Институциональный подход	133
Интеллектуальная история	135
Интердисциплинарный подход в историческом познании	137

Интерпретация историческая	139
Информатика историческая	140
Иррационализм	140
Искусства история	142
Исследование историческое	144
Исследование научное	146
Истина в истории	148
Историзма принцип	149
Историко-биографический метод	151
Историко-генетический метод	153
Историко-диахронный метод	153
Историко-динамический метод	154
Историко-системный метод	156
Историко-типологический метод	156
Историографическая революция	158
Историографическая ситуация	160
Историография	161
Историология	163
Историософия	165
Историцизм	166
Историческая аналогия	166
Историческая антропология	166
Историческая география	169
Историческая картография	169
Историческая категория	169
Историческая культура	169
Историческая метрология	171
Историческая наука	171
Историческая память	176
Историческая ситуация	176
Историческая теория	177
Историческая типология	186
Исторический детерминизм	186
Историческое исследование	186
Историческое мышление	186
Историческое познание	186
Историческое сознание	189
Историческое событие	191
История	191
История идей	191
История исторического знания	193
История исторической мысли	193
История исторической науки	194
История культуры	194
История ментальностей	196
«История памяти»	197
История повседневности	198
Источник исторический	199
Источники массовые	200

Источниковедение	200
Источниковедение историографии	203
Источниковедческий анализ	204
Источниковедческий синтез	205

К – Л [206–249]

Картографирования метод	206
Картография историческая	207
Категория историческая	208
Квантитативная история	208
Кейс-стади	211
Классификации метод	213
Клиометрика	214
Кодикология	216
Количественные методы в исторических исследованиях	217
Колониализм	218
Коммуникативный подход	221
Компаративное источниковедение	222
Комплексный подход	223
«Конец истории»	224
Конструктивизм в историческом познании	226
Контент-анализ	229
Концептология историческая	231
Концепция историческая	233
Краеведение историческое	235
Кризис исторической науки	237
Критика исторического источника	239
Культурная история	240
Культурная память	242
Культурно-исторических типов теория	242
Летописеведение	245
Лингвистический поворот в историческом познании	245
Локальная история	248

М [250–313]

Макроисторический подход	250
Макроистория	250
Марксизм	251
Массовые исторические источники	253
Математизация исторической науки	254
Математические методы в исторических исследованиях	256
Медиевистика	257
Междисциплинарности принцип	259
Менталитет	261
Ментальностей история	263
«Места памяти»	263
Метанарратив	267
Методика исторического исследования	270

Методология истории	271
Методология исторического исследования	274
Методы исторического исследования	277
Методы общенаучные	278
Методы систематизации	280
Метрология историческая	280
Микроисторический подход	282
Микроистория	283
Мир-системный подход	284
Миф	291
Множественности скоростей	
социально-исторического времени теория	294
Модели исторического исследования	295
Модернизации историческая теория	298
Модернизация фронтальная	307
Монизм методологический	308
Мультидисциплинарный подход в историческом познании	310
Мышление историческое	311

Н [314–343]

Наблюдения метод	314
Направление в исторической науке	315
Нарратив исторический	316
Науки и техники история	318
Научное направление	319
Научность исторического исследования	320
Научный метод	323
Национально-государственная история	324
Национальная история	325
Нация	325
Нейтральности принцип	328
Неография	329
Неокантианство	330
Неопозитивизм в историческом познании	332
Новая биографика	334
«Новая биографическая история»	335
«Новая историческая наука»	335
«Новая культурная история»	337
«Новая локальная история»	337
«Новая научная история»	339
«Новая социальная история»	339
«Новая экономическая история»	339
Номинализм в историческом познании	340
Номотетический метод	341
Нумизматика	342

О [344–366]

Обмен	344
Обряд	345

Объект исторического исследования	346
Объективности принцип	347
Объяснение в историческом исследовании	350
Ономастика	352
Описание в историческом исследовании	353
Описание историческое	355
Описательно-повествовательный метод	356
Ориентализма теория	357
Ориенталистика	360
«Освое время»	361
Основные методы исторического исследования	362
Отечественная история	363
Открытого общества теория	364
Отнесения к ценности принцип	365
Оценка в истории	366

П	[367–423]
Палеография	367
Память историческая	368
Память культурная	369
Парадигма исторического исследования	372
Партийности принцип в историческом познании	373
Пассионарности теория	374
Патернализм	377
Патриархат	379
Пережитков метод	380
Период исторический	381
Периодизации метод	381
Периодизация истории	383
Плюрализм методологический	384
Повороты методологические в историческом познании	386
Повседневности история	388
Позитивизм в историческом познании	389
Познание историческое	391
Полидисциплинарного синтеза и верификации [в истории] теория	391
Политическая история	392
Понимание в историческом исследовании	394
Понятие историческое	396
Постиндустриальное общество	398
Постмодернизм в историческом познании	402
Правда историческая	404
Прагматический поворот в историческом познании	405
Предмет истории	407
Предметное поле	409
Презентизм	409
Принципы исторической науки	411
Причинность в истории	412
Проблема научная	414

Прогресса теория в истории	416
Просопография	417
Протекционизм	419
Психоистория	421
Психология историческая	422

Р

[424–447]

Рационализм в историческом познании	424
Реальность историческая	425
Революция	427
Региональная история	429
Редистрибуция	431
Реконструкции метод	432
Реконструкция историческая	433
Религии история	436
Репрезентативность в историческом исследовании	438
Репрезентация	439
Ретроспективный метод	442
Реформы догоняющие	443
Романтизм исторический	445

С

[448–477]

Семиотический подход	448
Синергетический подход	449
Синхронного анализа технология	451
Систематизации методы	452
Системный анализ	454
Системный подход	454
Случайность в истории	457
Событие историческое	459
Сознание историческое	461
Социальная история	461
Социоестественная история	463
Социологизм в историческом познании	464
Специально-исторические методы	466
Специальные исторические дисциплины	467
Сравнительно-исторический метод	468
Среднего уровня теория	470
Структурализм	471
Структурно-функциональный анализ	472
Сфрагистика	474
Сциентизм в историческом познании	475

Т – У

[478–504]

Текстология	478
Темпоральность	480
«Теоретическая история»	481
Теория истории	481
Термин исторический	483

Терминологический анализ	484
Технология исследовательская	487
Течение научное	487
Типология историческая	488
Топонимика	489
Традиционное общество	491
Традиция	497
Трансдисциплинарный подход в историческом познании	499
Урбанистика историческая	501
Устная история	503
Ф – Х	[505–526]
Факт исторический	505
Фалеристика	506
Фальсификационизм в историческом познании	507
Фальсификация в историческом познании	509
Феноменологический подход в историческом познании	511
Филигранология	513
«Философия жизни»	515
Философия истории	516
Формационный подход в историческом познании	519
Фрагментизм в историческом познании	521
Холизм в историческом познании	522
Хронология историческая	524
Ц – Ч	[527–537]
Целостности принцип	527
Ценностный подход	528
Ценность	530
Церковная история	530
Цивилизационный подход в историческом познании	532
Цивилизация	535
Челночная технология	536
Ш – Э	[538–555]
Школа научная	538
Эвристика историческая	540
Эго-история	541
Экономическая история	543
Эмблематика	544
Эпиграфика	545
Эпистемология историческая	547
Эпоха историческая	549
Этатизм	550
Этнография	552
Этнология	554
ОБ АВТОРАХ	[556–558]
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	[559–567]
СОДЕРЖАНИЕ	[568–575]

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ответственный редактор
академик *А.О. Чубарьян*

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Директор издательства *М.С. Петрова*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано в печать 20.02.2014
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36. Тираж 500. Заказ № 272

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография 'Наука'»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6.

ISBN 978-5-906578-03-7

ISBN 978-5-906578-03-7

